

Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт

Пережитое
Война и революция в России

СЕРИЯ

«АЗИАТСКАЯ ОДИССЕЯ»

Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт

ПЕРЕЖИТОЕ
ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

SURVIVAL

THROUGH

WAR AND REVOLUTION IN RUSSIA

By

D. Fedotoff White

UNIVERSITY OF PENNSYLVANIA PRESS

Philadelphia

LONDON: HUMPHREY MILFORD

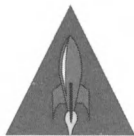
OXFORD UNIVERSITY PRESS

1939

ПЕРЕЖИТОЕ

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ
В РОССИИ

*Дмитрий Николаевич
Федотов-Уайт*

Издание книжного магазина «Циолковский»
Москва
2018

*Имена и обстоятельства жизни людей,
оставшихся в Советской России, изменены,
чтобы сделать идентификацию невозможной.*

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1.

Первая морская трагедия

Когда мне было пять лет, мы с родителями проводили лето в Ревеле. Нынешний Таллинн, столица Эстонии, в то время был одним из портов России на Балтике и базой Российского Императорского флота. Мы снимали небольшой домик, затерянный в огромном саду на краю парка Екатериненталь. Величественная красота старых каштанов в цвету, изящные очертания маленького барочного дворца, мелкое серо-зелёное море и шум прибоя на галечных пляжах и по сей день остаются самыми яркими впечатлениями моего детства. Всё это резко контрастировало с суровым однообразием Кронштадта, города, где я родился.

Мой отец был морским офицером и служил старшим артиллеристом на броненосце береговой обороны «Первенец», приписанном к Учебно-артиллерийскому отряду. Каждую неделю старый корабль проводил стрельбы по мишеням, а взятые от сохи неуклюжие новобранцы обучались искусству баллистики.

Отец был большим энтузиастом артиллерийского дела, прирождённым инструктором и командиром. Он вкладывал душу в работу, казавшуюся другим людям скучной и однообразной, и гордился результатами своих учеников, как футбольный тренер гордится успехами своей команды.

Семья воссоединялась лишь по выходным и праздникам. В такие дни мы подолгу гуляли в парке или ехали на трамвае в старый город,

10 где посещали собор, Военную гавань или замок Домберг. Во время этих прогулок отец всегда разговаривал со мной как со взрослым, открывая свою пылкую душу моряка и патриота России. Он рассказывал об известном шотландце на русской службе, адмирале Грейге, над чьим надгробием в церкви святого Олафа¹ висели взятые в плен шведские боевые знамёна, показывал пули, застрявшие в мощных стенах замка со времён осады Ревеля Иваном Грозным. Мне виделась рыцари в доспехах, спускавшиеся по тесной тропе из Домберга в набеги на русские поселения, а на рейде Ревеля снова разыгрывалась великая битва между русским и шведским флотами. Старый город с его богатой историей завораживал меня. И моя тяга к исторической науке, вероятно, родилась в те воскресенья, когда под волшебным прикосновением отца узкие средневековые улицы и красные остроконечные домики Марктплаца начинали рассказывать мне свои секреты.

Но больше всего мне нравилось гулять в Военной гавани. Мы ловили морского окуня в доках, подолгу разговаривали с выздоравливающими матросами, гревшимися на солнышке на лавках возле госпиталя, и непременно заглядывали к квартирмейстеру Федулину, умевшему искусно делать модели военных парусников и не признававшему новых броненосцев. Я часами мог сидеть, замороженно глядя на то, как он обстругивает напильными для корпусов своих моделей деревяшки, или соединяет вместе тонкие, отполированные до блеска части мачт, или делает из просмоленных шпагатов оснастку, запах которой я помню до сих пор.

Федулин служил под началом моего отца на клипере «Крейсер», одном из самых быстроходных кораблей русского флота в 80-е годы. Он очень любил рассказывать случаи из их долгих плаваний в Тихом и Ледовитом океанах и многих месяцев гидрографических исследований у побережья Кореи.

— Там есть мыс, названный в честь Его благородия вашего батюшки², — не упускал он случая напомнить мне, — и гора Николая-угодника, в честь его святого покровителя.

¹ Надгробие адмирала Грейга находится в Домском соборе Таллинна (Ревеля), а не в церкви святого Олафа (здесь и далее примечания переводчика и научного редактора издания, примечания автора выделены отдельно).

² В 1886 году командиром клипера «Крейсер» в честь Н. Т. Федотова был назван мыс на полуострове Корея (побережье Японского моря). Местное название — Ынамдан.

Отец обещал, что, если я за лето освою весь алфавит, он купит мне одну из моделей Федулина. И, складывая в своей комнате кубики с буквами, я мечтал о надуваемых ветром белых парусах, чувствовал запах просмоленной оснастки и представлял себе изящный корпус корвета, модель которого Федулин когда-нибудь смастерит для меня.

Одними из самых радостных моментов моей жизни были долгожданные визиты на «Первенец» в дни особых праздников, когда в кают-компани давали обед для жён офицеров. Отец тайком проводил меня на борт и оставлял в своей тесной каюте, почти всё пространство которой занимали диван из коричневой кожи и маленький шкаф. Я познакомился с несколькими офицерами «Первенца», которые после обеда заглядывали в каюту и брали меня на экскурсию по кораблю. Признаюсь, я проявлял мало интереса к машинам и котлам, а вот орудия всегда захватывали моё воображение. Мне казалось, что это живые существа, обладающие огромной силой и разговаривающие хриплым, наводящим ужас голосом, заглушающим даже гром в грозовом небе. Их мощные стальные тела на сложных лафетах готовы были в любой момент прыгнуть вперёд и изрыгнуть из себя свои заряды.

Больше всего на свете мне хотелось самому выстрелить из пушки. Но все попытки уговорить младшего артиллерийского офицера позволить мне дать залп из маленьких сигнальных орудий не имели успеха. Он лишь смеялся в ответ и говорил, что я ещё маленький, а пушки — это игрушки для взрослых.

Шанс представился совершенно неожиданно. Соседний дом в нашем саду занимала семья штабс-капитана Кириллова³, штурманского офицера броненосца «Русалка». Кириллов и мой отец дружили ещё со времён учебы в Техническом училище Морского ведомства. Мы много общались с ними и их приятелем Адлером⁴, рыжебородым, сурового

³ Кириллов Петр Петрович (1859—1893) — штабс-капитан Корпуса флотских штурманов (28.03.1893). В 1880 г. окончил Техническое училище Морского ведомства. Старший штурман броненосца береговой обороны «Русалка» (назначен 01.11.1890).

⁴ Адлер Юрий Францевич (1858—1905), полковник Корпуса флотских штурманов (06.12.1903). В 1879 г. окончил Техническое училище Морского ведомства. В конце 1880-х — середине 1890-х годов служил штурманским офицером на судах Учебно-артиллерийского отряда и Практической эскадры. В 1898—1903 годах занимался гидрографическими работами на озере Байкал, а в 1903—1905 годах — на Балтийском море.

вида остзейским немцем, также штурманом одного из кораблей Практической эскадры.

В день тезоименитства императрицы⁵ Кириллов пригласил моих родителей на торжественный обед на борту «Русалки», куда они взяли с собой и меня. Я очень волновался. Никогда ещё мне не приходилось бывать ни на одном корабле, кроме «Первенца», но по внешнему виду я знал всю эскадру. Низкая одномачтовая «Русалка» была совсем не похожа на широкого с высоким корпусом «Первенца», и мне не терпелось сравнить их артиллерийское вооружение.

Рано утром того знаменательного дня отец повёл меня купаться на выдававшийся далеко в залив деревянный пирс. Даже в середине лета вода в Ревеле достаточно прохладная, особенно когда дуют юго-восточные ветра. И водные процедуры в море меня совершенно не привлекали. Я был слабым и изнеженным ребенком, чувствительным к холоду. Отец разделся в небольшой кабинке на пирсе и велел мне сделать то же самое. Я нехотя подчинился, намеренно долго возясь с пуговицами и шнурками. Когда мы вышли на понтон, я окончательно потерял храбрость и решительно заявил, что вода слишком холодная, и я не хочу в неё лезть. Отец сначала пытался уговорить меня прыгнуть, рассказывал легенду о храбром спартанском мальчике и лисе, говорил, что только неженки и плаксы боятся холодной воды, а мужчин, как он и я, она закаляет. Я не спорил, но чувствовал, что не подхожу под высокие стандарты спартанцев, и пусть я неженка, но холодное море не для меня. Тут терпение отца лопнуло, он схватил меня на руки и прыгнул в воду. Волей-неволей мне пришлось плыть. И я поплыл, издавая вопли страдания.

Когда мы оделись после купания, отец сказал, что, если я ещё хоть раз поведу себя так безобразно, он больше никогда не возьмёт меня ни на один корабль. Я молча переживал обиду, нанесённую моему достоинству. Но скоро яркое солнце, большое собрание офицерских семей на причальной стенке, разноцветные зонтики, яркие летние платья и украшенные цветами шляпы дам, белая форма офицеров с золотыми эполетами и кортиками заставили меня забыть эту неприятность. В толпе было несколько детей, и я с презрением смотрел на

⁵ 22 июля по старому стилю.

мальчиков, одетых в шорты и блузы. На мне была настоящая морская форма: белая, ярославского льна рубаха с широким синим воротником, бескозырка с золотой надписью «Первенец» на ленте и маленькая боцманская дудка на серебряной цепочке.

Гостей уже ждала большая двенадцати-вёсельная шлюпка с «Русалки». Это была прекрасная быстроходная лодка, сделанная по традициям старого русского флота. Белая эмаль бортов весело отражала водную рябь, а я не мог оторвать глаз от позолоченных табличек с названием корабля, сверкавших на носу, как выпученные глаза какой-нибудь тропической рыбы. Они нравились мне гораздо больше, чем те, что были на шлюпках «Первенца». Молодые загорелые матросы в рубахах с синими воротниками, обнажавших бронзовые шеи, сидели на банках⁶ в ожидании свистка боцмана, чтобы опустить вёсла.

Первыми на нос усадили дам, кокетливо улыбавшихся и украдкой поглядывавших на своих кавалеров. Я попытался проскользнуть на корму, но отец сказал, что это не по уставу, и такой большой мальчик, как я, должен уже это знать. Так что мне пришлось довольствоваться местом между госпожой Кирилловой и матерью. Когда все расселись, старший офицер дал команду к отплытию. По свистку квартирмейстера носовые гребцы оттолкнули шлюпку далеко от понтона, десять длинных вёсел сверкнули в воздухе и ловко, как оружие на параде, встали в уключины.

Раскинув в стороны вёсла, словно гигантская чайка крылья перед взлётом, шлюпка под действием первого сильного гребка резвым скакуном рванула вперед, повинувшись хриплым командам квартирмейстера: «...И раз! ...И раз! ...И раз!»

Мы быстро вышли из гавани и направились к «Русалке». Стремительный ход шлюпки кружил мне голову. Я с восторгом смотрел на то, как легко и свободно матросы управлялись с вёслами, на их серьёзные лица, когда они наклонялись вперёд, а затем откидывались назад, делая длинный гребок. И я тоже хотел стать моряком, грести большим веслом по волнам, быть сильным, загорелым и беззаботным.

⁶ Банка (мор.) — на гребных судах поперечная перекаладина, доска, служащая сидением для гребцов и пассажиров и одновременно поперечной связью для скрепления бортов.

Без нескольких минут полдень мы достигли трапа «Русалки». Салютационная батарея приготовилась дать холостой залп в честь прекрасной принцессы Дагмары Датской, ныне русской императрицы Марии Фёдоровны. Кириллов представил меня артиллерийскому офицеру, и, к моему восторгу, мне разрешили остаться на палубе, предварительно заткнув ватой уши. Когда маленькие пушки, окутав весь корабль клубами белого дыма, прогремели свои поздравления царице, я представил себя великим адмиралом, гордо расхаживающим по мостику линейного корабля, вступившего в смертельную схватку с турецким флотом. Едкий запах порохового дыма подстёгивал моё воображение, пока я смотрел, как орудийные расчёты делают свою работу мягкими точными движениями императорского кордебалета.

Офицер одобрительно усмехнулся и сказал: «Мы ещё сделаем из тебя артиллериста, Димитрий!»

Я тут же воспользовался случаем и стал умолять его позволить мне выстрелить из одной из сигнальных пушек. Офицер улыбнулся и сказал «нет», но приказал комендору⁷ вставить запал в казенник ближайшего к салютовавшим орудия. Получив разрешение, я на цыпочках подбежал к нему и, что есть сил, рванул за вытяжной шнур, произведя слабый, едва слышный в громе других орудий, залп. Это представление, однако, вполне удовлетворило меня. Ну и что с того, что выстрел был не таким громким? Это другая пушка, и, очевидно, у неё своё предназначение.

Этот знаменательный во всех отношениях день был омрачён дракой с другим мальчиком, тоже из числа гостей «Русалки», усомнившимся в правдивости моих слов о том, что я стрелял из большого орудия во время салюта. Схватку я проиграл по всем статьям.

Несколько недель спустя безмятежное течение нашей жизни в немецко-эстонской глуши Екатериненталя было прервано двумя событиями. Отец получил телеграмму от знаменитого адмирала Степана Осиповича Макарова с приглашением прибыть в Петербург для участия в испытаниях броневой снарядов на Морском артиллерийском полигоне⁸. Кирилловы же оставляли свой летний дом, так как «Русалка»

⁷ Матрос-артиллерист.

⁸ В 1891—1894 годах контр-адмирал С. О. Макаров исполнял обязанности главного инспектора морской артиллерии. В этот период он изобрел наконечники для снарядов, выполненные из мягкого металла, которые значительно увеличили броневую силу снаряда (т.н. «макаровские колпачки»). Внедрить это изобретение ему не удалось.

получила приказ отправляться в Кронштадт⁹ через Гельсингфорс, где должна была спустить свой флаг в виду истечения срока её службы.

Кириллов и другие офицеры уговаривали отца плыть в Петербург с ними через Кронштадт.

— Побываешь снова в Гельсингфорсе. Такой милый городок, и у тебя там друзья, которых ты сто лет не видел. Отлично проведём время, а в Адмиралтейство ты прибудешь всего на день позже, чем если поедешь поездом.

Отец уже был готов принять приглашение, но от Макарова пришла ещё одна телеграмма с просьбой поторопиться. Тогда он решил ехать в тот же вечер поездом, а перед отъездом нас всех пригласили на прощальный ужин, который офицеры «Русалки» устраивали для самых близких друзей в Ревеле. После ужина родители, я и Кириллов отправились кататься по заливу на шлюпке. Стоял тихий вечер, лёгкий бриз гнал рябь по ровной поверхности воды. Мы отлично провели время, плавая вокруг кораблей эскадры, и наконец повернули обратно в гавань, так как отцу надо было успеть на поезд. Низкий чёрный корпус «Русалки» был едва заметен в сгустившихся сумерках. Яркие стояночные огни высвечивали массивную грот-мачту.

— Прямо как могильный крест, — с неожиданной тоской заметил Кириллов. Его слова настолько не вязались с общим настроением вечера, что привели нас в замешательство.

— Ерунда! — сказал отец. — Переел раков за ужином!

На следующий день¹⁰ «Русалка» уплыла навстречу сильному шторму, пришедшему на залив с северо-востока, и больше о ней никто не слышал. Корабль бесследно исчез, и все организованные флотом поиски, водолазные работы и траление дна между Ревелем и Гельсингфорсом не принесли результата¹¹. Одну из её шлюпок¹² прибило к острову близ Гельсингфорса, а позднее было обнаружено ещё несколько спасательных кругов. Выдвигалось множество гипотез относительно причин

⁹ «Русалка» следовала не в Кронштадт, а в Бьерке, нынешний Приморск Ленинградской области.

¹⁰ 7 (19) сентября 1893 года.

¹¹ «Русалка» была обнаружена в 2003 году на дне залива в 25 км южнее Хельсинки.

¹² В шлюпке находилось тело матроса.

16 её гибели, наиболее правдоподобной из которых было столкновение с необозначенной на картах подводной скалой, в результате которого корабль пошёл ко дну так быстро, что не успел в условиях сильной бури спустить на воду шлюпки. Шторм длился несколько дней. Безутешное семейство Кириллова тщетно ждало каких-либо известий о судьбе «Русалки». Рыжебородый Адлер неотлучно находился с ними. Сперва он пытался поддерживать их более или менее разумными предположениями о том, что лодки с людьми могли прибиться к какому-нибудь небольшому острову в Финском заливе, но затем, ввиду полного отсутствия вестей о команде, оставил свои попытки.

Потеря близкого друга глубоко потрясла Адлера. Нервы его оказались сильно расшатаны, и, забыв о службе, он несколько дней бродил по парку в компании своего красивого ирландского сеттера. Тихо бормоча что-то себе под нос, он спускался к воде и долго стоял на берегу, глядя безумными глазами на море, укравшее у него друга.

Отец написал нам, чтобы мы возвращались в Петербург, так как он получил назначение в Морской Технический Комитет, и ему не терпелось обзавестись новым домом. С тех пор почти все наши знакомые покинули Ревель, а памятник экипажу «Русалки», воздвигнутый на берегу моря в парке Екатериненталь, где Адлер когда-то оплакивал гибель Кириллова, стоит теперь на чужой земле, ибо Ревель более не принадлежит России.

Недавно, спустя более чем сорок лет со дня гибели корабля, я прочёл в газетах, что советские моряки обнаружили останки «Русалки»¹³. Для меня, однако, эта трагедия всё так же свежа, как будто произошла только вчера.

То лето в Ревеле в значительной степени определило моё будущее. Я решил стать морским офицером и по окончании гимназии при Императорском историко-филологическом институте поступил в Морской Кадетский корпус в Петербурге. Отец не одобрил моего выбора, так как считал, что ни по темпераменту, ни физически я не готов к службе на флоте. Он хотел, чтобы я стал учёным или, на худой конец, дипломатом. Опасения относительно моего физического состояния были отчасти оправданы, ибо поначалу я не прошёл медицинскую комиссию и смог

¹³ Сведения были ошибочными.

это сделать лишь по прошествии года, в течение которого усиленно занимался своим здоровьем, стараясь при этом не перенапрягать себя в учебе.

Гибель «Русалки» в водах Финского залива произвела на меня странный эффект, позднее ещё более усиленный поражением флота в Русско-японской войне. Она не поколебала моей решимости стать моряком, нет. Скорее, наоборот: по молодости лет я был убеждён, что, во-первых, рисковать жизнью за свою страну не только на войне, но и в мирное время — это почётно, и, во-вторых, что именно на нашем поколении лежит обязанность сделать русский флот сильным, исключив саму возможность катастроф, подобных той, что произошла с «Русалкой»¹⁴, и вернуть Андреевский флаг на просторы Мирового Океана, как это было во времена адмирала Сенявина.

Для моих одноклассников по гимназии сама идея стать морским офицером после цусимского разгрома выглядела смешно, но меня это нисколько не волновало. Как многие молодые люди, я считал, что, если для величия и безопасности моей страны нужен сильный флот, я должен идти на службу, популярна она или нет, и, может быть, даже более потому, что нет.

Так, в конечном счете, я добился своего и в 1910 году закончил Морской корпус. Затем, уже в чине корабельного гардемарина, совершил плавание по Средиземноморью на старом линкоре «Слава»¹⁵. После производства в мичманы служил на линкоре «Император Павел I» и крейсере «Паллада». Затем был назначен заведующим обучением учеников строевых унтер-офицеров на броненосном крейсере «Россия».

Годы, проведённые на борту этого корабля, окончательно сформировали мои взгляды и характер. Наверное, более всего на меня повлиял пример лейтенанта барона фонГойнинген-Гюне¹⁶, чьи выдающиеся

¹⁴ Официально причинами, приведшими к гибели «Русалки», были названы халатность и небрежное отношение к своим обязанностям командования Учебно-артиллерийского отряда, в состав которого входил корабль.

¹⁵ По возрасту он не был старым, просто *додредноутного* типа.

¹⁶ фон Гойнинген-Гюне Николай Николаевич (1885—1947), капитан 2-го ранга. В 1905 г. окончил Морской корпус. В 1912—1913 годах — вахтенный начальник на крейсере «Россия». Скончался в Нью-Йорке.

лидерские качества и талант организатора, проявленные им в управлении учебной командой, в сочетании с чувством юмора и пониманием природы человеческих взаимоотношений, произвели на меня глубокое впечатление. Там, на «России», завязалось несколько многолетних дружеских связей, переживших революцию и изгнание, невзирая на разность политических взглядов, проявившуюся после 1917 года.

Долгие месяцы заграничных плаваний в Средиземноморье, в английских и французских портах, в Вест-Индии и, наконец, Америке оказали значительное влияние на мои взгляды и отношение к происходящему в России. Длительное пребывание за границей усилило мои ещё с юности западнические, в русском смысле этого слова, убеждения и сделало склонным искать решения проблем Отечества скорее в русле европейской цивилизации, нежели русских традиций. Всё это нисколько не умаляло моей гордости служить своей стране или восхищения лучшими чертами русского характера. Просто я навсегда разошёлся с теми, кто считал, что у России своя особая миссия, ведущая её по не вполне ясному пути «Третьего Рима». Я разделял цели Петра Первого, прорубившего «окно в Европу», чтобы ввести Россию в сообщество европейских наций, если таковое вообще есть.

ГЛАВА 2.

Киль накануне войны

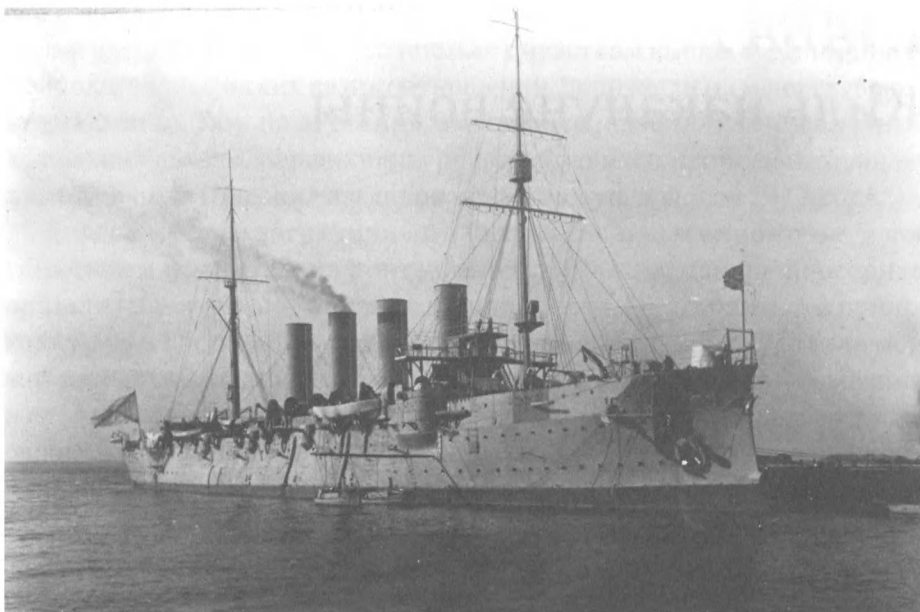
Туманным утром в начале июня 1914 года старый четырёх-трубный броненосный крейсер «Россия» медленно прокладывал себе путь по заливу к рейду германской военно-морской базы в Киле. Он осторожно крался между стоявших на якоре светло-серых кораблей немецкого флота, расставленных по акватории так, словно какой-то безумный собиратель безделушек разбросал по бледно-зелёной поверхности воды осколки датского фарфора.

До войны Киль был приятным приморским городом, сонным и всё ещё сохранявшим свой чопорный датский характер, но и не чуждым веселью, кульминацией которого становилась ежегодная парусная регата «Кильской недели».

Как только «Россия» бросила якорь на отведённом ей капитаном порта месте рядом с линкором «Пруссия», командир вызвал меня к себе. Мне было поручено нанести от имени корабля все полагающиеся в таких случаях визиты и оставить карточки в морском офицерском собрании, Императорском яхт-клубе и других клубах города, в члены которых нас приняли в прошлый заход в Киль.

Я надел свой парадный мундир, двууголку¹⁷, пристегнул саблю и съехал с первым же шедшим на берег баркасом. Шагая по хорошо

¹⁷ Двууголка или двухуголка или бикорн (англ. bicorne, фр. bicorne) — двурогая шляпа, пришедшая на смену более громоздкой и неудобной треуголке в конце XVIII века. Вплоть до Первой мировой войны двууголка была частью парадной одежды офицеров и чиновников, в том числе и в России.

Броненосный крейсер «Россия»

знакомым мне улицам Киля от пристани в офицерский клуб, я ловил на себе странные взгляды окружающих. Обычных приветливых улыбок как не бывало, и добрые жители города мгновенно менялись, становясь угрюмыми и даже враждебными, как только замечали вдалеке мой парадный головной убор. Такая явная перемена отношения показалась мне странной. «Россия» провела всю зиму в Вест-Индии и Средиземном море, и моя осведомленность в последних веяниях европейской политики была более чем поверхностной. Никакого разумного объяснения такому недружелюбию я не находил.

Когда одной ногой я уже стоял на ступенях, ведущих ко входу в морское офицерское собрание, ко мне подошел молодой, хорошо одетый человек и, приподняв котелок, осведомился, являюсь ли я офицером «России».

Я ответил, что «Россия» — единственный русский военный корабль, стоящий в порту Киля, и любой офицер или нижний чин в русской морской форме на берегу, естественно, будет из числа её экипажа.

— Скажите, а почему вы не прибыли вчера, когда вас ожидали?

Такой вопрос, адресованный гражданским человеку в иностранной военной форме, был в высшей степени необычен.

— Нас задержал туман в Бельте, пришлось бросить на время якорь, — ответил я, уже немного раздражённый любопытством этого парня.

— А вы знаете, что весь город не находил себе места из-за вашей задержки? Многие думали, что вы нарочно спрятались в тумане, чтобы на рассвете атаковать Киль.

— Мой дорогой друг, — воскликнул я, теряя терпение, — это уже слишком! Насколько я знаю, наши страны не находятся в состоянии войны. Кроме того, с чего бы вдруг мы стали совершать самоубийство, пытаясь обстрелять порт, битком набитый кораблями Кайзерлихмарине¹⁸?

Незнакомец извинился и выразил удовлетворение тем, что наша задержка была вызвана естественными причинами, а не коварными замыслами, после чего мы дружески расстались.

Дела в собрании не заняли много времени. В общих залах обедали компании морских офицеров. Сквозь стук ножей и вилок до меня то и дело доносилось «*famos*¹⁹» и «*unerhoert*²⁰». Я передал визитную карточку кают-компании «России» вышедшему ко мне в фойе секретарю. Тот был предельно холоден и лишь поблагодарил за визит. Он не пригласил меня войти или задержаться дольше, чем на пару фраз о чрезвычайной занятости и сожалении о том, что дела требуют его немедленного возвращения к себе в кабинет.

Та же сцена повторилась и в Императорском яхт-клубе.

Я стал догадываться, что странный разговор с гражданским и холодный, почти оскорбительный приём в клубах как-то связаны между собой, о чём и сообщил командиру корабля по возвращении на борт.

Наш маленький толстый командир, имевший прозвище «Пиквик»²¹ за невероятное внешнее и внутреннее сходство с одноимённым персонажем Диккенса, отнёсся к моему сообщению с большим, чем я ожидал, вниманием. Он рассказал, что ни один германский корабль до сих пор

¹⁸ Kaiserliche Marine (нем.) — Императорские военно-морские силы.

¹⁹ Отлично (нем.)

²⁰ Невероятно (нем.)

²¹ Капитан 1-го ранга С. Н. Ворожейкин

не нанёс нам официального визита. Как бы то ни было, наш морской агент, тонкий и обходительный капитан 1-го ранга Беренс²², должен прибыть ближайшим поездом из Берлина, поэтому не стоит поднимать шум, пока мы не обсудим этот вопрос с ним.

Беренс прибыл, как ожидалось, и после разговора с командиром спустился ко мне в кают-компанию. Он категорически отверг предположения о том, что что-то тут не так, и заявил, что всего несколько дней назад встречался с кайзером, который был очень дружелюбен, без тени раздражительности, столь свойственной Его величеству в периоды кризисов. Однако, во избежание неприятностей командир отменил увольнения на берег для команды и принял решение выйти в море сразу же, как будут пополнены запасы топлива. Весь наш следующий день прошел очень плодотворно и приятно в заботах по бункеровке судна и наведению идеальной чистоты. Мой приятель, барон Владислав Ферзен²³ заступил на вахту с четырех до восьми часов. Когда я закончил с проверкой находившейся в моём заведовании части корабля, он позвал меня к себе и сказал:

— Есть новости для тебя. С «Пруссии» прислали рукописную записку с приглашением прийти к ним на борт после ужина выпить пива. И всё это без предварительного визита или хоть какого-нибудь приветствия с их стороны. Старший офицер²⁴ хочет поговорить с тобой об этом.

²² Беренс Евгений Андреевич (1876—1928) — капитан 1 ранга. Окончил Морской корпус. Военно-морской агент в Германии и Голландии (1910—1914), затем — в Италии (1915—1917). После 1917 г. перешел на службу к большевикам. Командующий морскими силами РСФСР (1919—1920). Скончался и похоронен в Москве.

²³ Ферзен Владислав Вильямович (Васильевич) (1891—1962) — лейтенант. Окончил Морской корпус (1911). В 1912—1914 и 1915—1917 годах служил на крейсере «Россия». Скончался в Хельсинки.

²⁴ Старший офицер — на русском флоте главный помощник командира по командованию кораблём, которому подчинены все служащие на борту. Является председателем офицерской кают-компания. Отвечает за наружный вид корабля, наблюдает за чистотой и порядком как внутри, так и снаружи, за исправностью вооружения, шлюпок, надежным укреплением якорей и т.п. Составляет и поверяет расписание команды, ведёт наряд офицеров, командует всеми авральными (общими) работами; наблюдает за обучением команды, за мерами предосторожности при нагрузках пороха, артиллерийских снарядов, угля и т.д.

Спустившись в кают-компанию, я нашёл Шевелёва²⁵ на его обычном месте за полукруглым обеденным столом в компании ещё нескольких офицеров, потягивающим чай из высокого стакана в изящном серебряном подстаканнике.

Он, как всегда, бесцеремонно поприветствовал меня вопросом:

— Владислав сказал вам о приглашении?

— Да, сказал.

Мне протянули небрежно набросанную карандашом по-немецки записку на бланке кают-компания «Пруссии». Примерное её содержание было следующим:

«Офицерам русского императорского крейсера «Россия».

Командир и старший офицер на берегу. Приходите к семи вечера, посидим, выпьем пива».

Этот клочок бумаги был, пожалуй, самым неформальным из всех сообщений, что когда-либо передавались между кают-компаниями кораблей, представлявших флоты разных стран. Смысл его, однако, был вполне ясен. Немцы хотели встретиться неофициально в непридуманной обстановке, и отказываться не стоило. Мы знали, что это достойные парни, и отклонять приглашение только лишь по причине несоблюдения ими каких-то формальностей не имело смысла.

— Я считаю, надо идти и в достаточно большом количестве, чтобы показать, что мы оценили их неформальный дружеский порыв. Надо отправить туда наших баронов, они знают язык и любят пиво.

Среди офицеров «России» было много остзейских немцев, потомков древних германских родов, верных подданных русского государя и отличных товарищей. Их называли баронами, так как этот редко встречавшийся среди русских дворян титул имел широкое распространение в балтийских губерниях.

Бароны согласились, раз таково было распоряжение старшего офицера, но заявили, что я тоже должен пойти с ними. Следовало показать хозяевам, что не только немцы по происхождению, а все офицеры нашего корабля оценили и приняли их гостеприимство.

²⁵ Шевелев Клавдий Валентинович (1881—1971) — в 1914 году капитан 2-го ранга, старший офицер броненосного крейсера «Россия».

После ужина, когда отбили шесть склянок²⁶, скоростной моторный катер, любимая игрушка Пиквика и гордость корабля, доставил делегацию «России» на «Пруссию». Немецкие офицеры, собравшиеся на кормовой палубе, тепло приветствовали нас, и через несколько минут мы уже сидели за столом в уютной кают-компании. Кружки с пенным баварским пивом стали со скоростью молнии сменять друг друга, и в огнях светильников засверкали тонкие золотые хлопья данцигского гольдвассера²⁷. Приятную атмосферу вечера дополняла игра на цитре и современные мелодии, мастерски исполняемые музыкантами из числа матросов.

Хозяева прилагали все возможные усилия, чтобы развлечь нас, и в кают-компании установилась самая дружеская и весёлая атмосфера. Мой сосед слева в шутку жаловался, что служба на таком корабле, как «Пруссия», имела явные недостатки по сравнению с кораблями, названными в честь городов.

— Возьмите, к примеру, «Мюнхен». Они никогда не платят за пиво, потому что городской муниципалитет посылает им его в огромном количестве и отличного качества. Любой город горд иметь корабль, названный его именем, и делает всё, чтобы служба на нём была приятной для экипажа. Но Пруссия настолько велика и обезличена, что нам никто даже мешка картошки не пришлёт.

Другой сосед был настроен более серьёзно:

— Как долго ещё они собираются мучить нас такой адской интенсивностью боевой учёбы? Мы совершенно измотаны. Только представьте: каждый понедельник мы снимаемся с якоря и идём в какое-нибудь Богом забытое место, где всю неделю подряд идут нескончаемые тренировки, пока в субботу, наконец, не возвращаемся обратно. Это не флот, а фабрика. Офицеры и команда сыты по горло напряжением

²⁶ Склянкой на флоте называют получасовой промежуток времени. Количество склянок показывает время, счёт их начинается с полудня. Восемь склянок обозначают четыре часа. Через каждые четыре часа на судне сменяется вахта, и счет склянок начинается снова. Таким образом шесть склянок означали семь вечера на которые и был назначен визит на немецкий корабль.

²⁷ Dantziger Goldwasser — крепкий немецкий ликер на травах, содержащий крупные 22-каратные частицы золота.

26 и монотонностью такой жизни. Вы — счастливички, что так плаваете по морям.

Вечер продолжался, и никому не хотелось расходиться. Тогда я предложил баронам пригласить офицеров «Пруссии» к нам на полночный ужин. Идея была принята, мы предупредили запиской старшего офицера и просемафорили сообщение ресторатору кают-компании приготовить ужин и положить в лёд пару дюжин бутылок «Вдовы Клико». Затем старший из нас поднялся и сказал присутствующим, что в шесть мы снимаемся с якоря, и единственная возможность отплатить хозяевам за гостеприимство — это пригласить их отужинать на борту «России». Его речь была встречена с энтузиазмом и все, свободные от вахты, тут же приняли приглашение.

Наш ресторатор превзошёл сам себя. Когда мы с гостями прибыли в кают-компанию, полукруглый стол буквально ломился от всевозможных холодных и горячих закусок. Чёрная, крупнозернистая белужья икра на полых кусках льда, перигорское фуагра, английские пироги с дичью, пражская ветчина, осетрина холодного копчения с гарниром из затейливо нарезанных овощей — всё выглядело очень аппетитно, не считая обычных ингредиентов шведского стола. Запотевшие графины с прозрачной как слеза водкой, зеленоватой зубровкой и бледно-оранжевой настойкой рябины дополнялись широким ассортиментом кюммеля, аллаша, кальвадоса и аквавита²⁸. Ужин удался на славу. И хотя наши немецкие друзья не любили водку и только из вежливости выпили одну или две рюмки, рябиновая и кальвадос пришлось им очень по вкусу.

Разговоры приняли ещё более неформальный характер, чем на «Пруссии». Обсуждение профессиональных тем чередовалось с воспоминаниями о Вест-Индии и расспросами об общих знакомых на острове Святого Фомы, Барбадосе и Ямайке, последних шлягерах в «Фоли-Бержер²⁹» и нашем визите в Америку. Гостей очень интересо-

²⁸ **Кюммель** (нем. *Kummel*) — немецкая анисовая водка с приправами; **Аллаш** (нем. *Allasch*) — крепкий ликёр с тмином, название которого происходит от поместья под Ригой; **Кальвадос** (фр. *Calvados*) — французский яблочный или грушевый бренди; **Аквавит** (дат., швед. *Akvavit*) — скандинавский крепкий алкогольный напиток.

²⁹ Folies Bergere (фр.) — варьете в Париже.

вало, что мы думаем об американском флоте, нью-йоркской подземке, Метрополитен-опера и местных девушках.

Когда стол, наконец, опустел, и аперитивы сменились бутылками игристой «Вдовы Клико», старший среди немецких офицеров поднялся и, постучав ножом по бокалу с шампанским, попросил внимания. Затем он обратился к нам с длинной речью:

— Мы благодарим офицеров русского императорского крейсера «Россия» за тёплый и дружеский приём, оказанный нам сегодня. Офицеры «Пруссии» навсегда запомнят этот вечер.

Он сделал жест рукой, призванный показать полноту переполнявших его чувств, и, щёлкнув каблуками, поднял бокал на уровень глаз. После чего, глядя на Шевелёва, продолжил:

— Вы провели зиму в далёких портах, где газеты не слишком много пишут о европейской политике, и не знаете, что произошло здесь, пока вас не было. Ваши дипломаты сыграли ловкую игру и полностью обставили наших.

По столу пронёсся гул протеста. Дипломаты не пользовались большим уважением среди русских моряков.

— Поменяйте их на своих! Или заберите как подарок на Рождество! Вы понятия о них не имеете, если думаете, что они могут обставить кого-то!

Гость снова сделал жест рукой.

— Нет, господа, вы не правы. В этот раз ваши дипломаты не зря ели свой хлеб. Германия оказалась в холодном и недружественном окружении. Мы остались практически одни, нас поддерживает только Австрия. И в связи с этим я хочу сказать одну очень важную вещь.

По его знаку все немецкие офицеры, щёлкнув каблуками и выпятив грудь, встали навтыяжку с бокалами в правой руке.

— Очень может быть, что в ближайшее время наши страны окажутся в состоянии войны. Все мы тут профессиональные морские офицеры и обязаны сражаться по приказу своих государей.

От этих слов все резко протрезвели. Пары водки и шампанского мгновенно выветрились из наших голов. Трудно себе представить более неожиданную и опасную речь из уст офицера в кают-компании

корабля дружественного государства. Моей первой мыслью было, что немец слишком много выпил или выдавал желаемое за действительное.

Наш старший офицер смотрел прямо перед собой, а его широкое, гладко выбритое лицо не выражало никаких эмоций.

— Поэтому, — продолжал говоривший, — возможно, в ближайшее время нам придётся драться друг с другом. Но значит ли это, что наши личные дружеские чувства должны быть задеты тем, что является лишь исполнением профессиональных обязанностей?

«Бедняга сошёл с ума», — подумал я. И та же мысль отражалась на лицах тех из моих товарищей, кто понимал немецкий. Шевелёв всё так же спокойно и невозмутимо поднял свой бокал и, тщательно выбирая слова, произнёс на хорошем английском:

— Мы тоже не видим причин, почему такая мелочь, как война, должна влиять на нашу личную дружбу. В конце концов, война для нас — это состязание. Кому-то суждено погибнуть, но таковы правила.

Не могу ручаться, что в глазах нашего начальника в тот момент не промелькнула озорная искорка. Его ирония была всем известна.

Гость, приободрившись, продолжил:

— Мы все принадлежим к одному социальному классу. Наши интересы более или менее идентичны. Некоторые из вас даже больше похожи на немцев, чем мы. Другие носят древние германские фамилии. Мы имеем родственников по обе стороны границы. Так пусть эта дружба переживёт грядущую войну! Да здравствуют наши друзья, офицеры русского императорского крейсера «Россия»!

Вытянувшись в струну, гости выпили и подняли в честь нас пустые бокалы.

Шевелёв снова встал и произнёс:

— Мы принимаем ваш тост. Я пью за наших друзей, офицеров корабля Его императорского величества «Пруссия»!

Поднявшись ещё раз, гость сказал:

— В знак дружбы и взаимопонимания мы хотели бы сделать вам небольшой подарок.

Он извлёк объёмистый сверток, развернул его и вручил Шевелёву групповое фото офицеров «Пруссии». Поля фотографии покрывали многочисленные подписи, а сверху затейливым готическим шрифтом

Офицеры крейсера «Россия»

было выведено: «Что бы ни случилось, знайте, что у вас есть верные друзья в Германии».

Получалось, что его «безумие» не случайность и не следствие выпитого, а было спланировано заранее.

Шевелёв велел принести нашего попугая, невзрачного вида серую птицу, чьё главное достоинство состояло в умении длинно и забористо ругаться на четырёх языках. Затем он торжественно объявил, что, поскольку мы не были заранее готовы к такому случаю, то не можем ответить гостям равноценным подарком, но надеемся, что они сочтут возможным принять эту птицу, как сувенир в память о проведённом на борту «России» вечере. В конце концов, наш корабельный попугай сможет напоминать им, пусть иногда и в не совсем приличной манере, об этой кают-компании.

Вслед за тем вечер подошёл к концу.

Рано утром мы снялись с якоря и вышли в Кронштадт. А фотография с тех пор висела в каюте старшего офицера, как напоминание о необычном порыве офицеров «Пруссии».

ГЛАВА 3.

Мобилизация, 1914

За несколько недель до объявления войны я серьёзно заболел и, взяв отпуск, поселился на даче родителей в Тарховке, в пятнадцати верстах от Петербурга.

Лучшие столичные врачи рекомендовали мне, не откладывая, ехать в Карлсбад для операции и лечения. Однако, следя за развитием событий в Европе после убийства эрцгерцога Фердинанда, я не был склонен следовать их совету, опасаясь в случае начала войны быть интернированным в Австрии. Но доктора продолжали упорно и настойчиво убеждать меня, что, если я немедленно не отправлюсь в Карлсбад, они не отвечают за мою жизнь.

В Кронштадт пришел «Рюрик», флагман командующего Балтийским флотом, и я решил воспользоваться шансом встретиться с адмиралом фон Эссенем и обсудить с ним мою поездку за границу.

Поездка в Кронштадт была очень неприятной, так как даже слабая качка шедшего из Лисьего Носа парома вызывала сильную тошноту и усиливала боль. Я прибыл на «Рюрик» к одиннадцати утра и узнал от адъютанта, что командующий готов принять меня немедленно.

Меня сразу же провели в приёмную адмирала, где невысокий рыжеволосый начальник Балтийского флота уже ждал в дверях, встретив мой официальный доклад неформальным: «Я слышал, что ты болен. Надеюсь, ничего серьёзного, отдых и смена обстановки пойдут на пользу, и ты поправишься».

Сохранившийся до наших дней дом Федотовых в Тарховке по адресу Сестрорецк, Федотовская дорожка, 26.

Адмирал фон Эссен был старым другом нашей семьи и знал меня лично. Как все морские офицеры моего поколения, я уважал этого энергичного и прямого человека и восхищался им.

Я откровенно рассказал о рекомендациях врачей и спросил его, можно ли мне в нынешней политической обстановке ехать в Австрию.

— Николай Оттович, я не прошу вас посвящать меня в государственные тайны. Достаточно, если вы просто скажете, что лучше отложить поездку в Карлсбад. Ведь вы понимаете, что меня совсем не прельщает перспектива попасть в плен в самом начале войны, и я желал бы избежать любых рисков на этот счет.

— Мой дорогой мальчик, у меня нет никаких тайн. Вокруг, как всегда, много слухов о скорой войне. Однако от Морского генерального штаба или министра я не знаю ничего, указывающего на то, что сейчас за ними стоит что-то большее, чем год или два назад. Россия не желает войны, и я не думаю, что Германия что-то выгадает, напав на нас. Езжай в Карлсбад во что бы то ни стало и лечись.

Я попрощался и отправился в Тарховку готовиться к поездке в Австрию.

На следующий день мне надо было поехать в Петроград, чтобы получить паспорт, а также купить билет в спальный вагон и забронировать гостиницу в Карлсбаде. На Невском я увидел кортеж Президента Французской Республики. Пуанкаре довольно неловко сидел в придворном экипаже, сопровождаемом лихим эскортом терских казаков Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Не успели их алые черкески скрыться за углом, как с боковой улицы на проспект вылилась мрачная толпа рабочих в чёрных тужурках. «Нет войне!» «Долой капитализм!» «Долой Пуанкаре — поджигателя войны!» Вместо весёлых алых одежд казаков — фаланга кроваво-красных флагов и транспарантов поднялась над хмурыми, мертвенно-серьёзными лицами и стала колебаться в такт похоронному мотиву революционного марша.

Я стоял на тротуаре и наблюдал за толпой, состоявшей в основном из квалифицированных заводских рабочих, одетых скромно, но достойно. Это точно не были отбросы большого города. С грубыми, мозолистыми руками, но не глупцы и не варвары.

Мелодия сменилась на воодушевлённый мотив «Интернационала». Руки крепче сжали древки флагов, глаза поднялись вверх, а ноги стали по-солдатски, как на параде, печатать шаг. Одна группа сменяла другую: рабочие с Путиловского завода, с верфей, с Обуховского...

«Пожалуй, адмирал фон Эссен прав, — подумал я, — с таким настроением рабочих масс в столице любое правительство дважды подумает, прежде чем объявлять войну. Не так много времени прошло с 1905 года, чтобы министры забыли тогдашние события».

Вернувшись в Тарховку, я пошёл в дом друга моего отца, генерала Петрова, и рассказал там об увиденном в Петербурге. Бывший у него в гостях молодой офицер лейб-гвардии Преображенского полка не разделил моего пессимизма относительно настроения народа по отношению к правительству.

— Подождите объявления войны! Тогда всё будет совсем по-другому. Это не война с Японией. В этот раз противник — Германия. Русский крестьянин сильно не любит немцев. Народное воодушевление будет как во времена наполеоновского нашествия.

После нескольких бокалов вина за ужином молодой гвардеец стал ещё более воинственным и рассказал нам, что лично слышал, как

34 несколько дней назад великий князь Николай Николаевич на обеде в полковом собрании сказал, что война неизбежна, и в этот раз мы хорошо готовы к ней. Он решительно отверг мои замечания о том, что армия ещё не закончила свою реорганизацию и испытывает острую нехватку всех видов военных припасов. А с нашим флотом в его нынешнем состоянии даже фон Эссен не сможет предотвратить полную блокаду Петербурга с моря, так что шансы получить снабжение из-за границы очень невелики.

— Да что ваш флот! Он не имеет никакого значения. Исход войны будет решаться на суше. У наших союзников французов отличный план наступления. Они сметут немцев, а мы расправимся с австрийцами. Если хотите сражаться, лучше бросайте свой флот и поступайте в гвардию.

Поскольку Петровы все имели отношение к флоту, эти последние замечания были встречены немного прохладно.

На следующий день я почувствовал себя так плохо, что об отъезде в Карлсбад не могло быть и речи. Я отменил бронирование по телефону и провёл весь день, борясь с приступами боли. Приехал брат, также взявший отпуск по болезни, и у меня появилась компания для обсуждения всех за и против положения флота на Балтике.

Мы оба пришли к выводу, что немцы смогут с относительно небольшими потерями прорваться через минные заграждения к Ревелю, и наш флот, вероятно, будет весь уничтожен в сражении, так как после позора Русско-японской войны отступление в Кронштадт невозможно по моральным соображениям. Мы сошлись во мнении, что Германия использует весь свой флот на Балтике и высадит сильный десант в Финляндии в расчете на активную поддержку местного населения. Похоже, судьба Петербурга повиснет на волоске уже в самом начале войны.

Почувствовав себя лучше, я поехал в Петербург восстановить бронирование и навестить друзей в Морском генеральном штабе, чтобы узнать последние новости о возможности войны. На Невском я встретил немецкую певичку из хора варьете Луна-парка, популярного в те годы места развлечений под открытым небом. Мы были немного знакомы и остаток дня провели вместе.

— Вы слышали эти ужасные слухи о войне? — спросила она меня.

Я ответил ей по-немецки, посоветовав не обращать внимания на чепуху, которую пишут в газетах, ведь наши страны находились в дружбе

так долго, что было бы немыслимо начинать войну только из-за того, что австрийский эрцгерцог был убит австрийским же подданным.

— Я боюсь говорить по-немецки на улицах. Все так недобро на меня смотрят. Может, нам лучше перейти на французский?

Я заверил её, что говорить по-немецки в Петербурге совершенно не опасно, и предложил вместе пообедать в «Дононе». Девушка с готовностью согласилась. Она явно боялась оставаться одна на ставших вдруг недружественными улицах столицы. Мы неспешно прогулялись до ресторана, разговаривая по дороге о ревю, в котором моя спутница пела вторую партию.

Еда была отменной, а дурная привычка к коктейлям ещё не пришла в Россию, чтобы мешать почувствовать её вкус. Бутылка мозельского помогла поднять наш дух, и к концу обеда мы оба уже совершенно позабыли о слухах и убийстве эрцгерцога. Я предложил вместе отужинать пораньше, чтобы Герти не опоздала на свое выступление в Луна-парке, и после представления поехать в Новую Деревню послушать цыган. В весёлом, беззаботном настроении мы вышли на улицу — и первое, что увидели, была колонна солдат в хаки и полной боевой выкладке, шагающих быстрым строевым шагом и страстно приветствуемых толпой. Тонкая паутина нашего веселья оказалась разорвана в клочья, а остатки её нитей исчезли, когда мы услышали крики мальчишек-разносчиков газет: «Объявлена частичная мобилизация! Россия не оставит братьев-славян! Сербия готовится противостоять наглým притязаниям Австрии!»

Газеты охотно раскупались, и на тротуарах образовались группки, обсуждающие смысл этих новостей. Под звуки марша Сузы³⁰ прошла ещё одна колонна, снова встречаемая приветствиями.

Я чувствовал, как бешеная злоба растёт во мне, и за долю секунды пережил бездны горечи и отчаяния. Теперь я точно знал, что война неизбежна. Разум и инстинкт одновременно подсказывали, что России в ней не победить, что режим обречён и всех нас ждёт катастрофа. Всё это я видел с почти апокалиптической ясностью. Мысли мои стали даже мрачнее, чем грозное будущее, ожидавшее нас впереди. Мне виделось,

³⁰ Речь идет об одном из маршей известного американского композитора и дирижера духовых оркестров Джона Филипа Сузы (1854—1932).

36 что немецкие солдаты будут в Петербурге ещё до Рождества, а все мои друзья по флоту сгинут в свинцово-серых волнах Финского залива после отчаянной обороны минных заграждений на входе в него. Я не чувствовал единства с ликующей толпой, с улыбающимися офицерами, лихо салютующими в ответ на аплодисменты публики руками в коричневых перчатках. Я стоял, словно нормальный человек, попавший в сумасшедший дом и наблюдающий за буйством одержимых.

— Дурачьё, трижды дурачьё! — прокричал я Герти по-немецки. — Чему они радуются? Тут впору оплакивать старую Россию, которой скоро не станет!

Бедная девушка была сильно напугана и подавлена.

— Что же мне делать? Что делать? Меня посадят в тюрьму!

— Вам лучше немедленно пойти в своё консульство, выправить паспорт и первым же поездом уехать через Финляндию в Швецию. Пойдемте в бюро Беннета³¹, возьмём вам билет на вечер.

Разговаривая с чрезвычайно обходительным клерком в бюро, я одновременно прокручивал в голове собственные планы на следующий день. Больной или здоровый, я должен вернуться на корабль. С Балтийским флотом будет покончено так быстро, что, если я не попаду на борт завтра, то могу уже никогда не увидеть свой корабль снова. Моя страна сошла с ума, но это не снимало с меня священного долга защищать её, как и прежде. Не то чтобы я с большим энтузиазмом ждал того, как немецкие дредноуты уничтожат наши устаревшие корабли.

Я пошел купить приличный бинокль, хороший автоматический пистолет и плотный резиновый дождевик. Эти покупки должны были удовлетворить все мои нужды на ближайшие несколько дней.

Вечером я зашел за Герти в её крошечную квартирку и проводил на Финляндский вокзал во избежание неприятностей с толпой, если вдруг кто-нибудь заметил бы её немецкий акцент. Когда отходил поезд, бедная девушка, почти не знакомая мне до этого дня, совершенно расклеилась и, горько рыдая, стала целовать меня на прощанье, размазывая по моему лицу следы ярко-красной губной помады.

³¹ Норвежское туристическое агентство, созданное в 1850 г. и имевшее филиалы по всему миру.

— Дайте мне свой адрес. Я напишу вам после войны. Мой брат — вольноопределяющийся. Бог знает, что с ним может случиться.

На следующий день около полудня мы с братом были в Кронштадте. Однако с тревогой обнаружили, что наши корабли уже закончили мобилизацию и ушли в Ревель. Мы стали ходить по гавани в поисках корабля, который тоже направлялся бы в Ревель и нуждался в офицерах. Таким судном оказался старый миноносец, прикреплённый в качестве посыльного судна к Учебно-артиллерийскому отряду. Он уже собирался поднять якорь, имея, кроме командира, лишь одного офицера в экипаже. Мы предложили свои услуги в обмен на доставку в Ревель, и командир охотно принял нас на борт.

Мне было поручено нести вахту на мостике и по знакомым ориентирам вывести корабль. Вскоре мы прошли Толбухин маяк и запрыгали по беспокойному, вспененному резким северо-западным ветром морю.

Поначалу всё шло хорошо, и я справлялся с приступами боли, которые пришли сразу, как только корабль начало бросать. Однако через полчаса это стало уже невыносимым, и, будучи не в состоянии больше стоять на ногах, я послал за братом и попросил его сменить меня.

Остаток путешествия я провёл на койке в тесной каюте, отведённой мне командиром корабля. Он был очень мил и время от времени заходил сообщить новости. На борту не было радио, и вся информация получалась из сигналов и семафорных сообщений встреченных по пути в Ревель пароходов. Бóльшая часть новостей носила ошеломляющий и противоречивый характер. Флот вышел навстречу немцам. Крейсер «Россия» потоплен германской подводной лодкой. Крейсер «Богатырь» подорвался на mine. Флот стоит в Ревеле. Немецкий флот не появлялся. И так далее. Поначалу эти новости будоражили нас, но по мере того, как они становились всё более и более сенсационными, мы перестали запрашивать пароходы.

Придя в Ревель, мы обнаружили, что оба крейсера, «Россия» и «Богатырь», стоят на якоре. Первый поднял трап и явно собирался уходить. Поскольку я был слишком слаб, чтобы подняться по штурмтрапу, меня привязали к сиденью. Очевидно, мой цвет лица и общая слабость произвели настолько плохое впечатление на нашего только что назначенного адмирала, что он сказал капитану 2-го ранга Шевелёву (временно

командовавшему «Россией» вследствие внезапного отъезда командира корабля, заявившего о неспособности исполнять свои обязанности), что меня надо оставить на берегу, так как мой вид может напугать некоторых особо впечатлительных матросов. Шевелёв, однако, вступился за меня и сказал адмиралу, что я прослужил на «России» больше двух лет и даже в своем нынешнем состоянии представляю собой ценный офицерский кадр.

Первые несколько недель войны сумели сделать то, что не удалось докторам. Я поправился без операции и какого-либо специального лечения за полтора месяца. Боюсь, однако, что в течение этого времени я был очень тяжелым человеком для окружающих и не самым приятным членом кают-компаний, ибо мое настроение было таким же желчным, как и цвет кожи.

Все офицеры «России», находившиеся в отпуске по болезни, по собственной инициативе вернулись на борт. Так же поступила и большая часть отсутствовавших по той же причине нижних чинов. Особый дух единства и даже торжественности ощущался в те дни во всём, что касалось вступления в войну с Германией. Я уверен, что команда так же пессимистично, как и офицеры, оценивала наши шансы выдержать ожидаемый всеми натиск германского флота, особенно до того, как Англия вступит в войну. Однако и те, и другие одинаково чувствовали, что интересы Родины требуют до последнего защищать большое минное заграждение на входе в Финский залив. И хотя многие матросы недоумевали относительно причин этой войны, было множество свидетелей того, что они, так же, как и офицеры, готовы пожертвовать ради России жизнью.

ГЛАВА 4.

Постановка мин

В первые недели войны меня сильно занимал вопрос о сравнительной эффективности подводных лодок и надводных кораблей. Не то чтобы мой интерес в этой области имел какое-то значение, ибо я всего лишь исполнял должность вахтенного начальника крейсера «Россия», отвечавшего за батареи левого борта. Однако учения, в которых мне пришлось командовать одной из сторон, дали стимул к изучению основных принципов ведения войны на море.

Большинство моих сверстников, включая сослуживцев по «России», не воспринимало подводные лодки как серьёзное оружие в морской войне. Вероятно, некоторое влияние на это оказала отсталость русского флота в данном классе судов. Слабость наших подлодок в какой-то степени определяла суждения об этом роде оружия вообще. Меня, однако, не убеждала аргументация товарищей; я считал, что субмарины имеют право на существование как средство ведения войны на море, и, раз уж наш флот оказался слаб в этом виде вооружения, необходимо развивать способы защиты надводных кораблей и портов от немецких подлодок.

Эта часть службы была очень слабо поставлена на русском флоте в те дни. Первые наставления по защите рейдов и гаваней от атак подводных лодок несли на себе налёт «Пинафора»³². Как говорили не-

³² «Корабль Её Величества «Пинафор», или Возлюбленная матроса» — английская комическая опера, поставленная впервые в 1878 году, действие которой происходит на вымышленном корабле «Пинафор» и высмеивает среди прочего порядки на британском Королевском флоте.

которые шутники из числа молодых офицеров «России», — дозорные катера и другие малые суда, на которые возлагалась задача по охране акваторий наших баз от вражеских субмарин, должны были действовать по следующим инструкциям: «Иметь на борту большую кувалду. При виде подводной лодки следовать на полном ходу к её перископу и попытаться уничтожить указанный перископ упомянутой выше кувалдой. В случае неудачи надеть на него пустой мучной мешок, чтобы ослепить неприятельское судно». Возможно, инструкции и не были такими смешными, но наши остряки воспринимали их именно так.

Конечно, существовали ещё сети и боны, а также великолепный личный состав Службы связи, в задачи которого входило наблюдение за вражескими субмаринами в наших водах.

Русский флот не был одинок в таком немного высокомерном отношении к возможностям подводных лодок, свидетельством чего явилась судьба трёх кораблей 7-й крейсерской эскадры британского флота. «Кресси», «Абукир» и «Хог» были потоплены старой германской субмариной 22 сентября 1914 года, когда мы всё ещё обсуждали вопрос боевой ценности подводного флота.

Но даже гибель английских крейсеров не положила конец дискуссиям. Крейсера стали выходить на дежурство в сопровождении миноносцев, но во многих экипажах по-прежнему бытовало мнение, что катастрофа 7-й эскадры явилась простой случайностью. Во время одного из таких споров мы получили известия, что крейсер «Адмирал Макаров», оставивший для досмотра парусную шхуну под иностранным флагом, был атакован субмариной, выпустившей три мины³³, две из которых прошли под носом, а одна под кормой.

Были приняты дополнительные меры предосторожности: усилено наблюдение и увеличено число дежурных орудий с расчётами при нахождении в море.

На следующий день «Россия» вместе с «Авророй» должна была сменить «Палладу» и «Баян» на дежурстве у входа в Финский залив. Мы выдвинулись в условленное место в северо-западной части залива

³³ На русском флоте до 1917 года торпеды назывались «самодвижущимися минами», а торпедисты «минёрами», хотя сам термин был известен и ранее.

без сопровождения миноносцев и встретили там крейсера, которым шли на смену.

Я служил на «Палладе» ранее в 1911 году и хорошо знал большую часть офицеров. В момент встречи я стоял вахту на мостике и смог разглядеть в бинокль несколько знакомых лиц на юте и мостике «Паллады». Я помахал им фуражкой, и они сделали то же в ответ.

Тем временем два маленьких миноносца, сопровождавших дежурные крейсера, развернулись и заняли место в голове нашей колонны. А «Паллада» и «Баян», в свою очередь, отправились в Лапвик без конвоя. Стоял тихий день с хорошей видимостью, и я тщательно осматривал в бинокль горизонт, когда из радиотелеграфной рубки доложили, что принимают сигналы германского судна, которое, судя по мощности передатчика, могло быть крейсером. Командир находился в своей каюте внизу. Я передал ему сообщение и отправил наверх лучшего сигнальщика засечь местоположение вражеского судна. Радисты сообщали, что продолжают слышать немецкие сигналы, и вскоре я увидел мачты, а затем и трубы германского крейсера, на полном ходу приближавшегося к нам с запада. Насколько я мог судить, это был корабль типа «Аугсбург». Я немедленно отдал приказ пробить боевую тревогу и передал по телефону в машинное отделение приготовиться дать самый полный ход. В этот момент сигнальный квартирмейстер, наблюдавший в большую подозрительную трубу, воскликнул: «Ваше благородие, взрыв! Похоже, один из наших кораблей взорвался!»

Я взял бинокль и отчётливо увидел гриб чёрного дыма, плавно растущий над поверхностью моря. Направление указывало, что взрыв, похоже, произошёл недалеко от Лапвика, и я был уверен, что подорвавшийся корабль — «Богатырь»³⁴. Поскольку командира ещё не было на мостике, я тут же передал ему сообщение о взрыве. Вражеский крейсер тем временем быстро приближался, и уже стала чётко видна часть его надстроек. Я запросил у дальномерного поста дистанцию, которая оказалась около семидесяти кабельтовых, и повторил её офицеру за прибором управления огнём³⁵. Я надеялся, что мне достанется честь самому отдать приказ на первый залп. Затем на мостик пришёл

³⁴ На «Богатыре» служил родной брат автора В. Н. Федотов.

³⁵ Устройство, позволявшее централизованно выставлять прицел на орудия.

командир, и одновременно мы приняли радио о том, что «Паллада» потоплена подводной лодкой. Командир решил, что «Аугсбург» хочет подвести нас под удар ещё одной субмарины, и мы изменили курс. Мы шли полным ходом, и наш кильватерный след, сталкиваясь с волной, поднятой лёгким ветром, производил впечатление минной атаки. Стоявший на корме унтер-офицер крикнул: «Мина!» Я всё ещё находился на мостике и мог хорошо видеть, что никакой мины в зоне видимости нет, и закричал: «Ошибка! Мины нет!»

Затем я отправился на свою батарею. Мы взяли курс на север. «Аугсбург» также сменил курс, и вскоре мы оказались вне поля зрения друг друга.

Вечер того дня стал одним из самых тягостных в моей жизни. Мы стояли на якоре в укрытой бухте среди Аландских шхер, вход в которую сторожили два миноносца. По радио пришло сообщение, что «Паллада» затонула (или, вернее, разлетелась на части, так как, очевидно, на ней сдетонировали патронные погреба) со всем экипажем, и спешившим ей на помощь миноносцам не удалось спасти ни одного человека. У большинства из нас там были друзья и однокашники по учёбе. Мы видели их радостными и счастливыми, машущими нам фуражками менее, чем за час до гибели. Тот факт, что выживших не оказалось, сильно подействовал на нас. В тот вечер мало говорили. Мы молча бродили по палубе, думая о погибших товарищах, и каждый пытался найти для себя решение проблемы защиты от подводных лодок. Одно было ясно всем: дни крейсёрства у входа в Финский залив окончены, и должна быть предложена совершенно иная система охраны подступов к нашим водам.

Те первые несколько недель войны, однако, не всегда были такими печальными, как день гибели «Паллады». Произошло несколько интересных эпизодов, скрасивших монотонность нашего дежурства. Самым памятным стал случай с посадкой на мель германского крейсера «Магдебург» у маяка Оденсхольм на южном берегу Финского залива и коротким боем наших кораблей с ним и сопровождавшими его миноносцами.

13 августа «Россия» стояла на якоре на рейде Ревеля. Ночь была туманной, и посты Службы связи вдоль побережья докладывали об очень плохой видимости. Однако дежурные крейсера продолжали вести наблюдение на меридиане маяка Дагерорт. Неожиданно нашу

рутину прервало экстренное сообщение с поста на Оденхольмском маяке о том, что со стороны моря доносятся звуки иностранной речи, но туман настолько плотный, что внешним наблюдением ничего установить невозможно. Начальник поста предположил, что где-то совсем близко от маяка сел на мель германский корабль. Новость немедленно передали дежурным крейсерам и выслали к Оденхольму дивизион миноносцев.

Тем временем с поста продолжали один за другим поступать сообщения. Было точно установлено, что четырёх-трубный крейсер выскочил на риф и не мог с него сняться. Ему на помощь подошёл миноносец. В следующем сообщении говорилось, что немецкий корабль открыл огонь по маяку и высадил десант.

Корабли в Ревеле были немедленно подняты по тревоге. «Россия» получила приказ разводиться пары и готовиться сняться с якоря. Как только всё было готово, мы вышли в Оденхольм и стали осторожно нащупывать в густом тумане путь через минную банку, охранявшую Сурупский пролив. Уже в заливе мы услышали в отдалении звуки артиллерийской стрельбы и прибавили ходу, невзирая на плотный, как молоко, туман. По сигналу боевой тревоги расчёты заняли места у орудий и стали вглядываться в мутную темноту.

Внезапно туман рассеялся, и на скалах возле маяка Оденхольм показался германский крейсер, вокруг которого крутились наши дозорные крейсера и несколько небольших миноносцев.

«Магдебург» — вражеский корабль — имел очень печальный вид. Носовая часть была взорвана и отделена от остального корпуса. Первую трубу и фок-мачту снесло взрывом, а остальные трубы имели пробоины от огня наших кораблей. Флаг был уже приспущен.

Позже я узнал, что произошло: наши крейсера обнаружили «Магдебург» и начали обстреливать его и миноносец конвоя. Последний принял на борт более двухсот человек и оставил «Магдебург». Около сорока членов команды добрались вплавь до берега и только несколько остались на корабле. Туман тем временем стал рассеиваться. Чудом избежав атаки своих собственных миноносцев и почти попав в один из них восьмидюймовым снарядом, дозорные крейсера заметили, что «Магдебург» перестал обороняться, и отправили один из

44 маленьких миноносцев³⁶ высадить на него призовую команду³⁷. Мой однокашник, граф Гамильтон³⁸, стал первым русским, ступившим на борт германского крейсера. Его встретили шесть немецких матросов во главе с кондуктором. Поскольку сам он не знал немецкого, то спросил, не говорит ли кто из них на другом языке. Кондуктор, как оказалось, прекрасно владел французским. Гамильтон сказал ему, что хочет снять флаг, всё ещё висевший на гафеле. Затем с помощью одного из немецких моряков, сбегавшего вниз за ножом, обрезал намокшие, не развязывавшиеся фалы.

До этого момента Гамильтон думал, что семь встреченных им человек — единственные, кто остался на борту. Однако, когда он приказал им садиться в его вельбот, кондуктор сообщил, что командир корабля³⁹ по-прежнему находится в своей каюте. Гамильтон тут же отправил одного из немцев доложить ему о себе. Затем спустился сам и представился, заговорив сперва по-французски, а потом по-английски. Немецкий офицер не мог или не хотел понять его, и тогда Гамильтон вынужденно собрал все свои небольшие познания в немецком и выдал нечто дикое: «Wollen Sie nach Torpedo gehen?»⁴⁰, указывая одновременно в сторону своего миноносца. Немец улыбнулся и ответил, что, хотя приглашение не слишком ему по душе, но выбора у него нет и попросил позволения взять кое-какие вещи.

Выходя из каюты, он снял висевший на стене кортик и передал его Гамильтону. Но тот проявил благородство и, отдав честь, сказал, что, пока командир находится на своём корабле, он не считает себя вправе его обезоружить. Немец был очень тронут этой маленькой любезностью

³⁶ Миноносец «Лейтенант Бураков».

³⁷ Призовая команда — специально выделенная из состава своего экипажа группа моряков, которая направляется на захваченный или обнаруженный бесхозным корабль, то есть являющийся призом в соответствии с нормами призового права, чтобы обеспечить управление им (например, чтобы привести в свой порт) или выгрузку с него материальных ценностей.

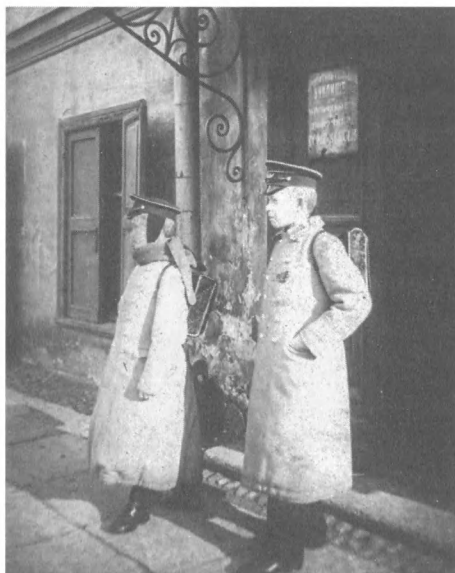
³⁸ Гамильтон Михаил Владимирович (1890—1975) — старший лейтенант. Окончил Морской корпус в 1910 г. В период Гражданской войны участвовал в Белом движении на Севере России. Эмигрировал во Францию. В 1930-е годы — адъютант председателя РОВСа генерала Е. К. Миллера до его похищения агентами НКВД.

³⁹ Корветтен-капитан Рихард Хабенихт (Richard Habenicht).

⁴⁰ Хотите пойти после торпеды? (нем.)

*Отец автора,
Николай Тихонович Федотов.*

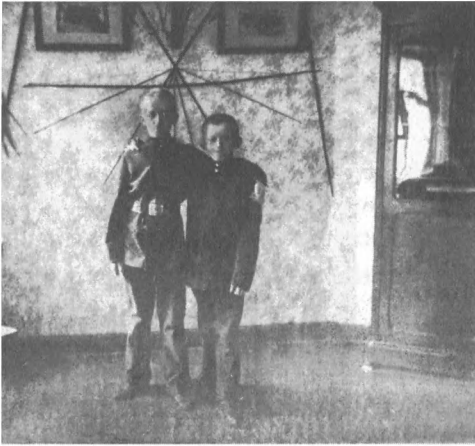

*С братом Владимиром на крыльце
подготовительного училища.*

С отцом, 1901 г.

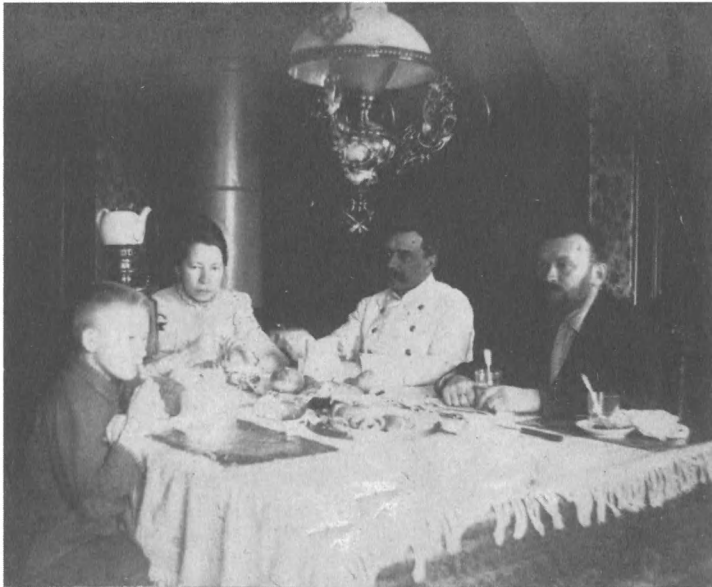
Фото из архива семьи Федотовых

С братом, 1901 г.

*Брат, Владимир Николаевич
Федотов*

В семейном кругу с родителями

Фото из архива семьи Федотовых

и крепко пожал ему руку. Прибыв на миноносец, он вручил оружие адмиралу Непенину.

Сам по себе захват «Магдебурга» не был столь уж значительным событием. Это был всего лишь лёгкий крейсер. Тем не менее, результат его посадки на мель и последующего пленения русским флотом оказался исключительно важным и, безусловно, повлиял на ход дальнейшей войны на море. Торопясь перейти на борт миноносца после короткого боя с нашим крейсером и следовавшего затем взрыва патронного погреба, немцы не успели уничтожить секретную документацию, и она попала в руки нашей Службы связи. Гамильтон, обходя палубы после того, как взял командира на свой корабль, обнаружил на верхней большую сваленную груду всевозможного хлама. Очевидно, немцы собирались перенести её на свой миноносец, но бросили, когда русские крейсера открыли огонь. В этой куче он заметил некий предмет в холщовом переплёте. Поняв, что нашёл сигнальную книгу, Гамильтон осторожно подвинул её ногой так, чтобы немцы не увидели. Затем схватил и перекинул своим людям на вельбот. Никто из пленных этого не заметил. Позднее был найден ещё один экземпляр в руках погибшего немецкого офицера,

Описание и изображение проекта герба
рода дворян Федотовых.
Дата пожалования 01.10.1917.

В лазуревом щите серебряная волнистая перевязь слева, сопровождаемая в правом верхнем углу щита серебряным якорем, в столб. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: три страусовых пера, из коих среднее — серебряное, а крайние — лазуревые. Намёт лазуревый, подложенный серебром. Девиз: «Прямим путем», серебряными буквами на лазуревой ленте.

Определением Правительствующего Сената, по Третьему Департаменту, состоявшимся 26 Мая 1910 года, признан в потомственном дворянстве с правом на внесение в третью часть Дворянской родословной книги, Николай Тихонов Федотов с женой Любовью Петровой и сыновьями их Дмитрием и Владимиром, по чину Действительного Статского Советника, полученному им 18 Апреля 1910 года.
РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 1791. Л. 7—8.

который утонул, прижимая книгу к груди. Его тело обнаружили водолазы, обследовавшие дно вокруг «Магдебурга», когда пытались снять крейсер с грунта. Очевидно, этот офицер либо пожертвовал жизнью, чтобы не дать сигнальной книге попасть в руки врага, либо случайно упал в воду при переходе на миноносец.

Для специалистов Службы связи и Морского генерального штаба эти книги оказались бесценной находкой, позволившей дешифровать немецкие радиোগраммы. Теперь русский флот имел возможность читать практически все радиосообщения противника. Это дало значительное преимущество нашим морским силам в последующих операциях. Стоит отметить, что русские военные суда не пользовались радиопередатчиками в море, чтобы не выдавать противнику своё местоположение. Считалось, что немцы имеют пеленгаторы и могут засечь наши корабли, если те будут вести передачу в неприятельских водах.

Служба связи опасалась, что командир «Магдебурга» может догадаться о захвате нами этих книг и попытается каким-либо образом сообщить об этом своим. Поэтому его отправили в лагерь в Сибири и держали отдельно от других пленных. Тем не менее, ему удалось бежать и добраться до Монголии, где его снова поймали.⁴¹

Ввиду близких и дружественных отношений между нашим Морским генеральным штабом и британским Адмиралтейством, русское правительство решило поделиться с союзниками секретом дешифровки германских радиосигналов. Капитаны 2-го ранга М. И. Смирнов и В. В. Романов были направлены в Лондон с полной копией книги и результатами усилий русских специалистов по её декодированию. Они передали их лично сэру Уинстону Черчиллю, который упоминает об этом эпизоде в своём «Мировом кризисе». По словам Смирнова, было заявлено, что обладание данными документами для Англии равнозначно увеличению вдвое её военно-морских сил.

⁴¹ Пленные моряки с «Магдебурга» (3 офицера, 3 дек-офицера (аналог звания кондуктора в Российском флоте) и 51 матрос) содержались в лагерях для военнопленных, расположенных в поселке Красная Речка (близ Хабаровска) и в самом Хабаровске. 31 января 1915 г. Р. Хабенихту удалось бежать, но 3 февраля он был задержан казацким разъездом уже на китайской территории. Летом 1915 г. побег совершили также унтер-офицеры Г. Денкер и Ж. Гофман, но и их быстро поймали. В 1917 г. Хабенихт бежал вновь и в начале 1918 г. смог вернуться в Германию.

В течение войны немецкий флот несколько раз менял словарный код, но сама система оставалась неизменной. Слова и фразы просто передвигались вверх или вниз по списку обычно на полсотни пунктов⁴². Так что русские и британские эксперты без труда отслеживали изменения и продолжали читать германские радиোগраммы. До большевистской революции немцы, очевидно, так и не знали, что русские могут дешифровать их закодированный радиообмен. Любопытно, что официальная британская история военно-морских операций умалчивает об этом интересном эпизоде.

Одним из уроков Русско-японской войны, усвоенных и применённых нашим флотом уже в Мировую, стало использование мин⁴³ как наступательного оружия. Сегодня этот вопрос ясен любому, кто знаком с военно-морской тематикой, и кажется очевидным. Однако в начале войны это было не так, в чем может убедиться любой, кто ознакомится с книгой командера Беллера «Ютландское сражение». Таким образом, русский флот был лучше осведомлён о боевых возможностях мин, чем любой другой европейский флот в то время.

В первые дни войны Россия очень удачно использовала мины для обороны, поставив большое заграждение на входе в Финский залив по линии Нарген-Поркалаудд. И очень скоро мины стали активно применяться как оружие нападения, несмотря на то, что наш флот тогда не имел быстроходных судов для их постановки. Чтобы восполнить этот недостаток, для таких задач приспособили миноносцы, а позднее и некоторые крейсера оборудовали минными рельсами и устройствами для сброса.

⁴² Сигнальная книга германского флота — *Signalbuch der Kaiserlichen Marine* — захваченная на «Магдебурге», в части словарного кода имела три колонки: пятизначный порядковый номер сигнала, его кодовое обозначение из трех букв и кодовые величины (слова и фразы). То есть вносимые изменения ограничивались переносом словосочетаний в третьей колонке вверх или вниз по списку. Величина и сторона сдвига назначались заранее и, как правило, являлись постоянными на определенный период времени. То есть, если заранее определено, что сдвиг осуществляется на 50 пунктов в сторону увеличения, то, получив при первичном кодировании исходного сообщения кодовую группу, например, с номером 211, ее заменяли на группу с номером 266, кактовую и вписывали в кодированную телеграмму. Аналогичным образом поступалось и со всеми остальными группами. См. иллюстрацию.

⁴³ Имеются в виду мины заграждения. Не путать с самоविжущимися или «минами Уайтхеда», как тогда называли торпеды.

Zeichen	Bedeutung	Zeichen	Bedeutung
11842 S G D	Verlangung - weg	51105 S E C	verboten haben die die, bei nichtigen
46 G D	ist verboten	06 S D	auszusetzen
43 S G	im selben Verfahren werden	07 S K	auszuheben
51668 S G P	zugelassen sein	08 S P	auszuheben
13 S G I	Zustell	09 S G	auszuheben (zu Handlung)
62 S G J	Wird haben (ist)	10 S G	Zustellungsbefehl
10 S G K	Wird haben (ist)	11 S E	Zustellung (ist)
16 S G L	Wird haben (ist)	12 S E	Zustellung (ist)
20 S G M	Wird haben (ist)	13 S E	Zustellung (ist)
57 S G N	Wird haben (ist)	14 S E	Zustellung (ist)
18 S G O	Wird haben (ist)	15 S E	Zustellung (ist)
67 S G P	Wird haben (ist)	16 S E	Zustellung (ist)
11862 S G Q	Wird haben (ist)	17 S E	Zustellung (ist)
68 S G R	Wird haben (ist)	18 S E	Zustellung (ist)
62 S G S	Wird haben (ist)	19 S E	Zustellung (ist)
62 S G T	Wird haben (ist)	20 S E	Zustellung (ist)
62 S G U	Wird haben (ist)	21 S E	Zustellung (ist)
62 S G V	Wird haben (ist)	22 S E	Zustellung (ist)
62 S G W	Wird haben (ist)	23 S E	Zustellung (ist)
62 S G X	Wird haben (ist)	24 S E	Zustellung (ist)
62 S G Y	Wird haben (ist)	25 S E	Zustellung (ist)
62 S G Z	Wird haben (ist)	26 S E	Zustellung (ist)
62 S H A	Wird haben (ist)	27 S E	Zustellung (ist)
62 S H B	Wird haben (ist)	28 S E	Zustellung (ist)
62 S H C	Wird haben (ist)	29 S E	Zustellung (ist)
62 S H D	Wird haben (ist)	30 S E	Zustellung (ist)
62 S H E	Wird haben (ist)	31 S E	Zustellung (ist)
62 S H F	Wird haben (ist)	32 S E	Zustellung (ist)
62 S H G	Wird haben (ist)	33 S E	Zustellung (ist)
62 S H H	Wird haben (ist)	34 S E	Zustellung (ist)
62 S H I	Wird haben (ist)	35 S E	Zustellung (ist)
62 S H J	Wird haben (ist)	36 S E	Zustellung (ist)
62 S H K	Wird haben (ist)	37 S E	Zustellung (ist)
62 S H L	Wird haben (ist)	38 S E	Zustellung (ist)
62 S H M	Wird haben (ist)	39 S E	Zustellung (ist)
62 S H N	Wird haben (ist)	40 S E	Zustellung (ist)
62 S H O	Wird haben (ist)	41 S E	Zustellung (ist)
62 S H P	Wird haben (ist)	42 S E	Zustellung (ist)
62 S H Q	Wird haben (ist)	43 S E	Zustellung (ist)
62 S H R	Wird haben (ist)	44 S E	Zustellung (ist)
62 S H S	Wird haben (ist)	45 S E	Zustellung (ist)
62 S H T	Wird haben (ist)	46 S E	Zustellung (ist)
62 S H U	Wird haben (ist)	47 S E	Zustellung (ist)
62 S H V	Wird haben (ist)	48 S E	Zustellung (ist)
62 S H W	Wird haben (ist)	49 S E	Zustellung (ist)
62 S H X	Wird haben (ist)	50 S E	Zustellung (ist)
62 S H Y	Wird haben (ist)	51 S E	Zustellung (ist)
62 S H Z	Wird haben (ist)	52 S E	Zustellung (ist)
62 S I A	Wird haben (ist)	53 S E	Zustellung (ist)
62 S I B	Wird haben (ist)	54 S E	Zustellung (ist)
62 S I C	Wird haben (ist)	55 S E	Zustellung (ist)
62 S I D	Wird haben (ist)	56 S E	Zustellung (ist)
62 S I E	Wird haben (ist)	57 S E	Zustellung (ist)
62 S I F	Wird haben (ist)	58 S E	Zustellung (ist)
62 S I G	Wird haben (ist)	59 S E	Zustellung (ist)
62 S I H	Wird haben (ist)	60 S E	Zustellung (ist)
62 S I I	Wird haben (ist)	61 S E	Zustellung (ist)
62 S I J	Wird haben (ist)	62 S E	Zustellung (ist)
62 S I K	Wird haben (ist)	63 S E	Zustellung (ist)
62 S I L	Wird haben (ist)	64 S E	Zustellung (ist)
62 S I M	Wird haben (ist)	65 S E	Zustellung (ist)
62 S I N	Wird haben (ist)	66 S E	Zustellung (ist)
62 S I O	Wird haben (ist)	67 S E	Zustellung (ist)
62 S I P	Wird haben (ist)	68 S E	Zustellung (ist)
62 S I Q	Wird haben (ist)	69 S E	Zustellung (ist)
62 S I R	Wird haben (ist)	70 S E	Zustellung (ist)
62 S I S	Wird haben (ist)	71 S E	Zustellung (ist)
62 S I T	Wird haben (ist)	72 S E	Zustellung (ist)
62 S I U	Wird haben (ist)	73 S E	Zustellung (ist)
62 S I V	Wird haben (ist)	74 S E	Zustellung (ist)
62 S I W	Wird haben (ist)	75 S E	Zustellung (ist)
62 S I X	Wird haben (ist)	76 S E	Zustellung (ist)
62 S I Y	Wird haben (ist)	77 S E	Zustellung (ist)
62 S I Z	Wird haben (ist)	78 S E	Zustellung (ist)
62 S J A	Wird haben (ist)	79 S E	Zustellung (ist)
62 S J B	Wird haben (ist)	80 S E	Zustellung (ist)
62 S J C	Wird haben (ist)	81 S E	Zustellung (ist)
62 S J D	Wird haben (ist)	82 S E	Zustellung (ist)
62 S J E	Wird haben (ist)	83 S E	Zustellung (ist)
62 S J F	Wird haben (ist)	84 S E	Zustellung (ist)
62 S J G	Wird haben (ist)	85 S E	Zustellung (ist)
62 S J H	Wird haben (ist)	86 S E	Zustellung (ist)
62 S J I	Wird haben (ist)	87 S E	Zustellung (ist)
62 S J J	Wird haben (ist)	88 S E	Zustellung (ist)
62 S J K	Wird haben (ist)	89 S E	Zustellung (ist)
62 S J L	Wird haben (ist)	90 S E	Zustellung (ist)
62 S J M	Wird haben (ist)	91 S E	Zustellung (ist)
62 S J N	Wird haben (ist)	92 S E	Zustellung (ist)
62 S J O	Wird haben (ist)	93 S E	Zustellung (ist)
62 S J P	Wird haben (ist)	94 S E	Zustellung (ist)
62 S J Q	Wird haben (ist)	95 S E	Zustellung (ist)
62 S J R	Wird haben (ist)	96 S E	Zustellung (ist)
62 S J S	Wird haben (ist)	97 S E	Zustellung (ist)
62 S J T	Wird haben (ist)	98 S E	Zustellung (ist)
62 S J U	Wird haben (ist)	99 S E	Zustellung (ist)
62 S J V	Wird haben (ist)	100 S E	Zustellung (ist)

Сигнальная книга «Мадебурга». Экземпляр, найденный в руках утонувшего немецкого офицера и переданный впоследствии англичанам.

Весь Балтийский флот и в особенности его командующий адмирал фон Эссен, а также командиры миноносцев и всё молодое офицерство были одержимы духом наступления и рвались в бой, стоя за центральным минным заграждением. Офицеры с других судов отчаянно завидовали кораблям, назначенным в эти первые наступательные походы с минами. Их чувства в полной мере разделяли и команды.

Эти операции миноносцев принесли первые плоды, когда германский броненосный крейсер «Фридрих Карл» подорвался на минной банке, поставленной полудивизионом особого назначения возле Мемеля.

Предполагалось, что «Россия» будет участвовать в установке активных заграждений, но произошла какая-то неувязка. Было принято решение использовать её в конце осени и зимой как флагмана командующего и не ставить минное оборудование. Это известие вызвало бурю возмущения среди офицеров, и часть лейтенантов, включая и меня самого, попросила о переводе на отряд заградителей, дабы выразить протест против превращения нашего корабля в плавучую гостиницу.

На «России» находился А. В. Колчак, в то время флаг-капитан по оперативной части штаба фон Эссена. Любимец молодых офицеров,

он всегда был не прочь поболтать с нами вечером и спускался в кают-компанию покурить или выпить чего-нибудь всякий раз, когда выдавалась свободная минутка. Те из нас, кто особенно переживал за будущее «России» как боевого корабля, пытались говорить с ним о пригодности крейсера к активным минным операциям в неприятельских водах западной Балтики. Мы легко могли принять две сотни мин и даже больше на верхнюю палубу. Дальность плавания у нас была более чем достаточная, и, наконец, наша скорость, несмотря на почтенный возраст корабля, отлично проявившего себя ещё в Русско-японскую войну, по-прежнему составляла восемнадцать узлов. А вооружения «России» хватило бы, чтобы справиться с наиболее лёгкими из германских крейсеров и удрать до подхода кораблей с тяжёлой артиллерией.

Вопрос быстроходности стал решающим в этой дискуссии. Подгурский,⁴⁴ наш новый командир, скептически относился к скоростным качествам «России» и без энтузиазма смотрел на идею использовать её для постановки мин. Колчак, сам по себе очень активный человек, сочувствовал нам и, обдумав предмет, организовал в своей каюте перекур, на который пригласил командира и троих из нас во главе со штурманом, лейтенантом Буниним⁴⁵. Походив вокруг да около, Колчак поднял вопрос о том, чтобы «России» сделать вылазку с грузом мин в западную Балтику и поставить заграждения около немецких портов или на путях следования дозорных крейсеров. Они были хорошо известны нашей разведке, благодаря отлично поставленной адмиралом Непениным работе.

К тому времени мы уже выпили по паре рюмок, и Подгурский, казалось, начал смотреть на это предприятие более оптимистично. В тот вечер дело было улажено и решено, что «Россия» удостоится чести зайти так далеко вглубь Балтики на запад, как ни один русский надводный корабль с начала войны. Был отдан приказ о прокладке палубных рельс и установке устройств для сброса мин. Команда за-

⁴⁴ Подгурский Николай Люцианович (1877—1918) — контр-адмирал (18.07.1917). Окончил Морской корпус в 1897 г. В 1914—1915 гг. — командир крейсера «Россия». Скончался в Ревеле от воспаления легких.

⁴⁵ Бунин Петр Николаевич (1886—1958) — старший лейтенант. Окончил Морской корпус в 1908 г. В 1909—1915 гг. служил на крейсере «Россия». После 1917 г. в РККФ, затем участвовал в Белом движении. Скончался в Югославии.

разилась нашим энтузиазмом и рвалась работать день и ночь, чтобы закончить оборудование корабля.

Для участия в операции выбрали «Россию» и крейсера «Олег» и «Богатырь», последний также с грузом мин. На «России» поднял свой флаг контр-адмирал Канин, командовавший минной обороной⁴⁶, а капитан 1-го ранга Колчак сопровождал нас, как инициатор и душа всей экспедиции.

30 декабря (12 января по новому стилю) отряд принял мины на рейде Утэ и в мёртвой зимней тишине вышел в мглистую Балтику. Поначалу было довольно холодно, но, по мере приближения к побережью Германии, погода становилась заметно теплее. Поддерживая ход в восемнадцать узлов, мы, не встретив ни одного судна, прошли остров Готланд. Вскоре после этого крейсера отделились от нас, имея задачу поставить заграждение к югу от банки Штольпе, а мы продолжали идти южным курсом и миновали остров Эланд. Там увидели в отдалении пароход и, чтобы остаться незамеченными, повернули ещё больше на юг.

Все огни были закрыты, а команда не курила на палубе, чтобы не выдавать корабль даже слабым огоньком папиросы.

Кроме офицеров экипажа и личного штаба адмирала Канина, на борту находились два специалиста по кодам из Морского генерального штаба. Они должны были расшифровывать германские радиосообщения, основываясь на последних открытиях, сделанными после захвата сигнальной книги «Магдебурга». Среди них был мой друг и прежний соплаватель барон Н. Н. фон Гойнинген-Гюне.

Борнхольм прошли в полной темноте. Маяк работал, а в домах на берегу горело множество огней. Команда, не имевшая данных о местоположении корабля, думала, что мы приближаемся к вражескому городу. Очень скоро мы начали принимать сигналы немецких кораблей, и дешифровщики приступили к работе. Оказалось, что у маяка Аркона на острове Рюген стоял на якоре небольшой германский крейсер, передававший сообщения рутинного характера. Немцы явно не подозревали, что мы находимся в их водах. Однако эти сигналы заставили Канина и командира усомниться в разумности дальнейшего движения на юг, чтобы ставить мины у маяка, где, как выяснилось, стоит непри-

⁴⁶ Должность начальника минной обороны Балтийского моря В. А. Канин занимал с февраля 1915 года. В описываемый период он был начальником отряда заградителей.

тельский корабль. Конечно, ввязываться в бой, имея две сотни мин на верхней палубе, было не лучшей перспективой. Мнения склонялись к тому, чтобы изменить план и выставить заграждение в другом месте.

Адмирал и Подгурский сидели в штурманской рубке на мостике и изучали карту. Телеграфисты постоянно приносили новые сообщения германских кораблей. Колчак ушёл вниз в свою каюту немного вздремнуть. Адмирал послал за ним, сообщив о сомнениях относительно целесообразности следования прежним курсом. Через несколько минут Колчак был на мостике. Я хорошо помню его резкий профиль в голубом свете рубки. Он внимательно выслушал аргументы в пользу изменения плана и сказал:

— Я не вижу причин что-то менять. Мы должны идти к намеченному месту.

Старшие офицеры не стали возражать, и «Россия» поставила мины в той самой точке у Арконы, которая была определена планом операции.

Постановка заграждения заняла у нас около часа при скорости примерно в восемь узлов. Сразу после наступления Нового года (по старому стилю) работа была закончена, и мы повернули назад в Гельсингфорс. Я стоял полуночную вахту и не мог принять участия в скромном праздновании, весёлый дух которого подкреплялся радостью от успешно выполненной миссии.

Примерно через час после того, как мы легли на обратный курс, впереди показался небольшой огонёк. Присмотревшись к нему внимательно, я понял, что он не становится ближе. Тогда я поинтересовался у штурмана, не лежат ли по нашему курсу маршруты каких-либо пассажирских пароходных линий между Швецией и Германией. Тот ответил, что таких маршрутов, известных нашей службе разведки, здесь нет. Из этого следовал вывод, что мы идём в кильватере какого-то немецкого корабля. Вероятно, это был крейсер, поскольку на миноносце огонёк двигался бы сильнее, а скорость в шестнадцать узлов грузовые суда того времени развивать не могли. Рассудив так, я передал донесение командиру, и он пришёл ко мне на мостик. Войдя из ярко освещённого помещения, он не сразу привык к темноте и, не различив сперва огонька, выговорил мне за видения. Однако я настаивал на своём мнении о том, что мы следуем за приличных размеров военным кораблём. Командир послал за адмиралом и Колчаком. По моему предложению мы увеличили ход без объявления боевой тревоги, чтобы не произво-

Празднование нового 1915 года на «России»

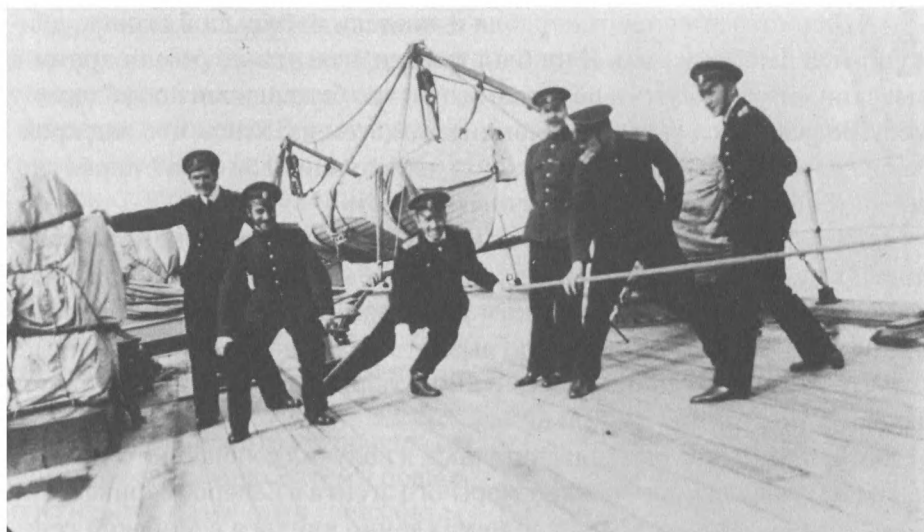
дить лишнего шума. Расчёты встали к орудиям, а курс изменили так, чтобы то судно оказалось между нами и Борнхольмом. Тогда в огнях маяка и посёлка можно было бы ясно разглядеть, кого мы догоняли.

К моему огромному удивлению оказалось, что все огни на корабле погашены, и силуэт его вполне отчётливо различим. Насколько я мог судить, это был бронепалубный крейсер типа «Газелле». Мы имели полное превосходство. Противник был ясно виден, мы же при этом оставались в тени и не зажигали огней.

Батареи получили приказ навести орудия на вражеский корабль, а дальномерный пост стал давать дистанции.

На мостике не было уверенности относительно того, что делать дальше. Нам казалось, что атакой германского крейсера мы раскроем факт пребывания русского корабля в западной Балтике. Это, в конечном итоге, приведёт к обнаружению поставленной нами минной банки, и все усилия окажутся тщетными. Шансы же на подобную экспедицию в будущем очень невелики. С другой стороны, было бы глупо дать крейсеру уйти. Он явно шёл в полной уверенности, что противника поблизости нет. Мы, без сомнения, могли вывести его из строя огнём с близкого расстояния, прежде чем он оказался бы в состоянии ответить.

— Смотрите, у них дирижабль на буксире!

На палубе «России»

Мы посмотрели поверх корабля и увидели небольшой огонёк, движущийся вместе с ним. Я не был уверен, что это не обман зрения, вызванный маленькими облачками, быстро бежавшими по звёздному небу. Во всяком случае, в тот момент нам всем казалось, что над крейсером парит какой-то легче воздуха летательный аппарат, вероятно, соединённый с ним буксировочным тросом.

Корабль тем временем достиг маяка Борнхольма и уже явно находился в территориальных водах. Момент был упущен. Атаковать его сейчас представлялось слишком рискованным, так как Борнхольм принадлежал Дании, и это могло вызвать международный инцидент.⁴⁷

Утром нас встретили «Олег» и «Богатырь», успешно поставившие заграждения у банки Штольпе.

Возвращаясь на рейд Гельсингфорса, я получил сообщение о том, что назначен на должность военно-морского агента в Североамериканские Соединённые Штаты и должен немедленно явиться в Морской генеральный штаб в Петербурге для получения инструкций. Эта новость пришла, как гром среди ясного неба. И хотя я всегда считал должность атташе чрезвычайно интересной для любого стремящегося к карьере морского офицера, мне меньше всего хотелось ехать в Америку во время войны. Я провёл на «России» несколько лет, и она успела стать моим домом, а среди её офицеров были мои лучшие друзья.

Как только мы встали на свою обычную бочку, я по льду (гавань уже замёрзла) отправился к командующему нашей бригадой крейсеров адмиралу Лескову,⁴⁸ чтобы попросить его ходатайствовать перед фон Эссенем оставить меня на «России». Лесков принял меня очень любезно, но настойчиво рекомендовал не отказываться от назначения.

— Это очень редкий шанс для офицера вашего срока службы — занять столь ответственный пост. В Америке вы получите бесценный опыт, и, если Морской генеральный штаб будет доволен результатами, это навсегда станет предметом гордости для вас. Не отвергайте такую возможность! На флоте полно вахтенных начальников, но лишь немногие из них годятся для отправки в посольство в Вашингтоне.

⁴⁷ «Россия» встретила германский крейсер «Ундине».

⁴⁸ Лесков Петр Николаевич (1864—1937) — контр-адмирал. Окончил Морской корпус в 1885 г. В 1914—1915 гг. командовал 2-й бригадой крейсеров Балтийского флота. Остался в СССР, служил в РККФ. Расстрелян.

Вернувшись на корабль, я сказал своему верному денщику Егорову собрать мои вещи и приготовить их к отправке на вокзал. Егоров чуть не плакал и умолял взять его с собой в Америку, что, к сожалению, было не в моей власти.

После прощального обеда, данного в мою честь нашей кают-компанией, я попрощался с друзьями. В ответ они подарили мне красивый портсигар, между прочим, единственную серебряную вещь, которая прошла со мной всю революцию. Затем я пошёл проститься с матросами своих батарей. Они выстроились возле орудий, и, обойдя всех, я сказал несколько слов тем, кого знал лучше других. Это было по-настоящему грустное расставание. Я успел полюбить своих людей и свою службу на «России».

Следующим утром я был в Морском генеральном штабе, где встретил капитана 2-го ранга Миштовта, назначенного новым военно-морским агентом в Вашингтон. Прежний агент, капитан 1-го ранга Васильев, серьезно заболел и прислал очень трагическую телеграмму: «Срочно пришлите замену, или будет слишком поздно». Меня назначили помощником Миштовта. Два дня я провёл в различных отделах Морского генерального штаба, получая всевозможные инструкции, касающиеся моих новых обязанностей, и знакомясь с шифрами.

Через несколько дней мы с Миштовтом уже были в Норвегии, где сели на пароход компании «Анкор» до Нью-Йорка. Перед отъездом из Петрограда я сказал начальнику Иностранного отдела штаба, что не хотел бы уезжать за границу дольше, чем на год, и желал бы получить замену, чтобы вернуться на действующий флот.

Так закончился первый период моей боевой службы.

Несколько месяцев спустя я узнал, что германский бронепалубный крейсер «Газелле» и ещё одно небольшое судно подорвались на минной банке, поставленной «Россией». «Газелле», однако, смог прийти в порт.

На крейсере «Россия», 1914 г.

ГЛАВА 5.

В русском посольстве в Вашингтоне

Хозяином в большом, пышном здании русского посольства в Вашингтоне был Юрий Бахметев, вельможа старой закалки, для друзей, которых было столь же много, как и врагов, просто Джек. Перед нашим отъездом в Америку император сказал моему шефу Миштовту на аудиенции в Царском Селе:

— Вы будете работать под началом не просто посла, а настоящего человека. Второго такого нет среди наших дипломатов.

Я уже встречался с ним за год до этого, когда «Россия» стояла в Ньюпорт-Ньюз, но не имел возможности познакомиться близко. Мичман на большом корабле — не слишком важная птица. Мои впечатления ограничивались воспоминаниями о форменных брюках, нелепо торчавших из-под чёрного пальто, и морщинистом татарском лице под двугольной шляпой с плюмажем.

Вдова нашего предшественника рассказала за завтраком у неё дома немало местных анекдотов о Бахметеве. Особенно мне запомнился один, касавшийся Уильяма Дженнингса Брайана, тогдашнего Государственного секретаря. Этот известный сторонник дешёвых денег⁴⁹ имел

⁴⁹ В 1896 г. Уильям Дженнингс Брайан баллотировался на пост президента США и во время избирательной кампании выступал против золотого стандарта и за широкое использование серебряных денег, что обеспечило ему популярность среди фермеров, мелкой и средней буржуазии. Однако он всё равно проиграл, так же, как и на последующих выборах 1900 и 1908 годов.

привычку, принимая иностранных дипломатов, вальяжно закидывать ноги на стол. Как рассказывали вашингтонские остряки, мистер Брайан пригласил Бахметева обсудить какие-то важные вопросы относительно войны и после сердечного приветствия уселся в кресло поудобнее, приняв любимую позу. Бахметев, сидевший на противоположной стороне стола, тут же последовал примеру хозяина и положил обе ноги в шикарных ботинках на стол Госсекретаря. Великий Общинник⁵⁰ слегка опешил от такого довольно неожиданного дипломатического хода и осторожно снял одну ногу с полированной поверхности стола. Бахметев поступил так же. Тогда Государственный секретарь убрал вторую и принял более официальную позу.

Высокий казак в белой черкеске и синем бешмете широко распахнул перед нами тяжёлую дверь здания русского посольства. Первое, что я увидел, войдя в обширный холл, был стол с более чем дюжиной фетровых шляп всех оттенков. Посол имел головной убор на каждое настроение и под каждое пальто — это была одна из его многочисленных причуд.

Бахметев принял нас с Миштовтом в маленькой гостиной, обставленной в красно-белых тонах. Он держался в высшей степени неприуждённо и любезно болтал со мной о своём прошлогоднем визите на «Россию», расспрашивая о командире и других знакомых офицерах.

— Вы должны будете нанести визит президенту Вильсону. Это старый строгий школьный учитель. Вам не выжать из него много. Невероятный педант с огромным самомнением. Но визит необходим, и я пойду с вами.

Несколько минут спустя меня представили мадам Бахметевой. Мисс Бил в девичестве происходила из старого аристократического рода коренных жителей Филадельфии. Она была исключительно мила со мной и пригласила приходить на обед в посольство в любой день, когда у меня не будет других планов.

⁵⁰ The Great Commoner (анг.) — Великий Общинник. Прозвище, полученное У. Дж. Брайаном, за постоянное декларирование своей веры в здравый смысл простых людей. В 1901 году Брайан основал еженедельник *The Commoner*.

— Просто позвоните метрдотелю и скажите накрыть ещё один прибор для вас. Я буду очень сердита, если вы не станете заглядывать часто.

Выглядела мадам Бахметева довольно необычно. Маленькая и полная, с крупным красным носом и в рыжем парике, она обожала драгоценные камни и одевала на официальные приёмы диадему с крупными бериллами. Однако она была одним из самых добрых и чутких людей, что мне доводилось знать, а также преданным патриотом России, несмотря на своё американское происхождение.

Через день или два, в большом голубом лимузине Бахметева, с одетым в форму казаком в качестве эскорта, мы отправились в Белый Дом.

Президент принял нас за своим рабочим столом. На нём был официальный фрак и серые в полоску брюки.

Бахметев представил моего шефа и затем меня. Президенту особо нечего было нам сказать. Он спросил, играю ли я в гольф, и порекомендовал Чеву Чейз Клуб, как тихое и хорошее место для игры. Вильсон показался мне каким-то неловким и лишённым светского блеска. Меня впечатлило то, насколько он не соответствовал моим представлениям о типичном американском политике. Вероятно, президенту было невероятно скучно от того, что приходится терять несколько минут своего времени на парочку русских в расшитой золотом форме, представленных языкастым поверенным императора.

Удивило меня и отсутствие у него интереса к нашему военному опыту. Я думал, что окажусь первым представленным ему человеком с опытом боевых действий в Мировой войне, и, полагая, что военно-морской департамент проинформировал президента об этом, ждал хотя бы нескольких вопросов. Но был разочарован. О войне никто не упомянул.

Первые недели работы в посольстве были очень скучными, но не слишком напряжёнными. Шеф пригласил меня пожить с ним в доме, занимаемом ранее его предшественником, капитаном 1-го ранга Васильевым, умершим через несколько дней после нашего прибытия в Нью-Йорк. Дворецким был русский эмигрант Денис. Сейчас он служит швейцаром в отеле «Мэйфлауэр» в Вашингтоне, и я часто вижу его улыбающееся лицо, когда вхожу в двери этой гостиницы. Готовила его

жена, пичкавшая нас тяжёлой русской пищей, которая, мягко говоря, никогда не была мне по вкусу.

— Моя работа поначалу состояла в основном в дешифровке и шифровании телеграмм, которые мы получали и отправляли в Морской генеральный штаб, составлении проектов некоторых из них и работе с большей частью англоязычной корреспонденции, стремительно увеличивавшейся в объёме. Американские бизнесмены начали осознавать, какие несметные прибыли сулит им производство боеприпасов и всевозможные военные поставки для воюющих сторон. Офис военно-морского агента в то время не имел ни секретаря, ни стенографиста. Вдова Васильева помогала мужу со всей этой рутинной и была знакома с шифрами, машинописью и бухгалтерией. Она очень помогла шефу в те несколько недель, что оставалась в Америке, пока не отплыла в Россию, чтобы доставить тело мужа для погребения в родной земле.

Моё пребывание в Вашингтоне было слишком кратким, чтобы завязать какие-то долгие дружеские связи в американской столице. Но нескольких людей, тем не менее, я успел хорошо узнать и проникнуться к ним уважением. В первую очередь следует назвать кэптана⁵¹ Оливера, возглавлявшего тогда военно-морскую разведку. Прямой и честный человек, настоящий джентльмен с отличным чувством юмора, он воплощал для меня лучший тип американского морского офицера. Я вспоминаю один инцидент, произошедший накануне моего отъезда из Соединённых Штатов, характерный для этого человека, ставшего позднее первым губернатором Виргинских островов. Его правление до сих пор считается там золотым веком американской администрации, которая в настоящее время не слишком популярна среди темнокожего населения этих территорий.

Я отправился в здание Клуба Армии и Флота⁵² засвидетельствовать своё почтение военно-морскому министру Дэниелсу и старшим

⁵¹ Чин капитана флота или кэптана (Captain U.S.N.) соответствовал русскому капитану 1-го ранга. Не путать с капитаном (Captain) в морской пехоте и сухопутных войсках, соответствовавшим флотскому лейтенанту.

⁵² Army and Navy Club Building — здание в Вашингтоне, в котором располагались офисы военно-морского министерства и одного из старейших частных клубов Америки — Клуба Армии и Флота.

офицерам ведомства в связи с моим возвращением на боевую службу в России. Дэниелс принял меня в очень весёлом расположении духа и с непосредственностью провинциального политика покровительственно похлопал по эполету. В России того времени это считалось серьёзным оскорблением.

— Зачем вы возвращаетесь в Россию, мой мальчик? Разве вам не нравится в Штатах?

— Как вам известно, господин министр, моя страна воюет, а я слишком молод, чтобы просидеть всю войну в посольстве. Я возвращаюсь, чтобы защищать свою родину.

— Что за вздор! Война закончится, прежде чем вы вернётесь домой.

К тому моменту я был уже порядком зол на Дэниелса и полностью разделял чувства знакомых американских моряков к нему.

— Боюсь, господин министр, вы не представляете, о чём говорите. Я глубоко убеждён, что прежде, чем эта война закончится, ваша страна будет втянута в неё.

Вслед за тем беседа довольно резко прервалась. Оливер знаком позвал меня в свой кабинет и, закрыв дверь, сказал:

— Я в восторге от того, как вы отшили этого старого дурака. Позжайте в Россию и передайте своим друзьям, что мы глубоко сочувствуем им в этой борьбе.

Раскол в политических симпатиях в вашингтонском обществе становился всё глубже, и вскоре определились две чёткие группы — прогерманская и просоюзническая.

У меня было впечатление, что Бахметев не относился к этому слишком всерьёз. По крайней мере, не так серьёзно, как его британский и французский коллеги. Помню, как однажды я принял приглашение на обед к одной влиятельнейшей в Нью-Джерси особе, известной своими симпатиями к Германии, и там столкнулся с секретарём немецкого посольства. Бахметев не проявил раздражения и довольно резко сказал тому услужливому посольскому чину, что сообщил ему об этом: «Я больше предпочитаю, чтобы мои молодые атташе водили дружбу с такими, как Х. из Нью-Джерси, чем со всевозможными выскочками, пытающимися сделать социальный капитал на мнимых просоюзнических симпатиях».

Мадам Бахметева, однако, была совершенно не склонна шутить на этот счёт. Любой из друзей, кто приглашал в свой дом немца или австрийца, немедленно становился её злейшим врагом.

Подводя итог своим впечатлениям о Вашингтоне, я вспоминаю красивые аллеи деревьев, величественные здания и неспешную, размеренную жизнь довоенного общества. В то время город напоминал уютный и тихий центр какой-нибудь из немецких земель. Он не отражал жизнь индустриальной Америки и, пожалуй, имел больше общего с Югом, чем в наши дни.

Моя работа в посольстве постепенно всё больше сводилась к функциям скорее агента по закупке боеприпасов и других видов снабжения, чем непосредственно военно-морского агента. Миштовт и я ежедневно получали из Петрограда длинные телеграфные сообщения с просьбой приобрести что-нибудь или дать ставки и сроки поставок на ту или иную позицию.

Наш предшественник Васильев был человеком очень широких взглядов и, очевидно, предвидел масштаб и длительность войны, равно как и роль Соединённых Штатов в снабжении воюющих сторон боеприпасами и прочими материалами. В первые недели конфликта он рекомендовал русскому правительству заключить на период войны опцион на поставку продукции пороховых заводов «Дюпонт» и такой же на орудия и снаряды производства «Бетлехейм Стил». Правительство его не поддержало, очевидно, всё ещё рассуждая категориями относительно быстрой войны и рассчитывая на то, что накопленных запасов, а также объёмов производства отечественной военной промышленности, будет достаточно.

Тем не менее, русские власти постепенно стали всё больше смотреть на Америку как на поставщика военной продукции, несмотря на трудности с оплатой поставок.

Армия в больших количествах направляла сюда инженеров и специалистов по боеприпасам, и, в конце концов, в Нью-Йорке был образован огромный Русский Заготовительный Комитет под председательством генерала и со штаб-квартирой во Флэтайрон-билдинг⁵³.

⁵³ Flatiron Building — 22-этажный треугольный небоскрёб в Нью-Йорке, в месте соединения Бродвея, Пятой авеню и 23-й улицы. В среде русских служащих и эмигрантов имел прозвище «Утюг».

Флот довольствовался усилением офиса военно-морского агента морскими и гражданскими инженерами, а также экспертами по авиации. Персонал, набранный на месте, в Нью-Йорке, помогал разбираться с бухгалтерией, перепиской и прочей офисной рутинной. Таким образом, вся заготовительная работа для флота в Америке оставалась в руках военно-морского агента, в то время как военный агент был освобождён от этих обязанностей в пользу Комитета.

Другими словами, Миштовт и я волей-неволей были вынуждены стать американскими бизнесменами и постичь азы закупки, контроля, отправки и, что самое худшее, отслеживания всех этих грузов где угодно между Нью-Йорком и Владивостоком или Архангельском.

Однако весной 1915 года мы ещё не понимали этой тенденции, и, когда посольство переехало в свою летнюю резиденцию в Ньюпорте, Миштовт и я отправились вместе с послом и сняли дом на Кэтрин-стрит в двух шагах от Ридинг Рум Клуб⁵⁴. Двое русских слуг, оставшихся ещё от Васильева, и вестовой-матрос, привезённый шефом из России, взяли на себя заботы о хозяйстве в нашем новом жилище и продолжили кормить нас борщами.

Жизнь в Ньюпорте совершенно не вязалась со стремительно увеличивавшимся объёмом работы, скапливавшимся на наших рабочих столах. Уверен, что нам с Миштовтом принадлежит уникальный рекорд тяжкого труда в условиях жизни среди летнего общества Ньюпорта. Временами складывалась просто нелепая ситуация. Очень часто, придя с вечеринки, нам приходилось снова переодеваться в рабочие костюмы и до раннего утра заниматься расшифровкой корреспонденции. Затем, где-нибудь около семи, под окнами раздавался клаксон кого-то из наших друзей, и он или она приглашали нас на партию в теннис перед завтраком.

Ньюпорт стал для меня открытием. Вся тамошняя жизнь совершенно не соответствовала сложившемуся у меня представлению об Америке, и я не переставал удивляться бесконечному праздному водовороту светских развлечений, заполнявшему весь день без остатка. Я не мог себе представить, что в Америке может существовать что-то подобное. Посольских атташе буквально заваливали приглашениями на обеды, чаепития, ужины и танцы, и в течение недели в офисе можно было

⁵⁴ Newport Reading Room — старейший мужской клуб в Ньюпорте.

застать лишь немногих отдельных сотрудников. Ньюпорт в каком-то смысле был маленьким городком, и отказаться от приглашения под предлогом другого приглашения не представлялось возможным. Отвергнутая хозяйка легко узнала бы, что ей соврали, и это поставило бы под угрозу популярность и репутацию посольства. Сколько раз, усталому и сонному, мне приходилось совершать светские визиты и с ужасом думать о долгих часах дешифровки и печатания на машинке, которые ждали меня по окончании вечеринки.

Как-то на одном из больших обедов у главной светской львицы Ньюпорта меня вместе с небольшой группой самых близких друзей хозяйки вечера попросили остаться после ухода остальных гостей. Мы удобно расселись на подушках и коврах у камина в небольшой гостиной, и дама обратилась ко мне:

— Мы все здесь друзья. Это мой самый близкий круг. Расскажите нам, что вы знаете о Распутине?

Сегодня это может прозвучать невероятно, но до того дня я ни разу не слышал это имя. Работа за границей и поглощённость службой на кораблях в России ограждали меня от слухов, циркулировавших в Петрограде. Более того, мой отец очень серьёзно относился к своему долгу верноподданного, и любые сплетни относительно царской семьи за столом в нашем доме были немыслимы.

Поскольку это имя ничего мне не говорило, я ответил:

— Мне очень жаль, мадам, но я понятия не имею, кто такой Распутин. Судя по имени, это, вероятно, какой-то сибирский крестьянин. Я никогда не жил в Сибири и мало знаю о тамошних делах и людях.

Вся компания уставилась на меня в крайнем изумлении. После нескольких секунд молчания хозяйка, миссис Х., сказала с некоторым раздражением:

— Вам, правда, нет нужды так страшно осторожничать. Как я сказала, мы среди друзей, и всё, что здесь будет сказано, не пойдёт никуда дальше.

Теперь настал мой черед удивиться.

— Миссис Х., вы действительно сильно ошибаетесь. Я ничего не знаю об этом человеке и первый раз слышу его имя!

Не в силах сдерживать своё раздражение, миссис Х. воскликнула:

*Сообщение в Washington Post
от 21 марта 1915 г. Инициалы
Д. Н. Федотова указаны с ошибкой.*

— Тогда вам лучше поговорить завтра с Джеком Бахметевым и попросить его рассказать, кто такой Распутин. Уверяю вас, вы узнаете кое-что интересное.

Вечеринка распалась, и я пошёл домой, недоумевая по поводу этого странного случая и испорченных нравов светских

львиц Ньюпорта, проявляющих столько интереса к сибирскому мужику.

Следующим утром, сразу после завтрака я отправился к послу и, рассказав ему о вчерашнем инциденте, спросил, кто такой Распутин. Никогда ещё я не видел, чтобы Бахметев так долго и от души смеялся, как в то утро. Наконец между приступами хохота он сумел сказать: «Чем меньше вы знаете о Распутине, тем лучше для вас!»

Позже один из секретарей посольства просветил меня относительно причин, по которым Ньюпорт интересуется сибирским крестьянином. Должен сказать, это потрясло меня больше всего, что когда-либо доводилось слышать. Я просто не мог соотнести услышанное со своими представлениями о царской семье и ведении государственных дел.

Это может звучать странно для того года, но, с другой стороны, я умудрился прожить несколько месяцев в Москве в 1921 году и ни разу не услышать имя Сталина.

Время от времени Ньюпорт наводняли представители различных миссий, которые в больших количествах стали прибывать в Америку. Так, нас посетила группа инженеров-железнодорожников, прибывших в Нью Йорк для закупки подвижного состава для русских железных дорог. В то время приезшему в Ньюпорте было непросто в любой момент найти, где комфортно остановиться, и, как минимум, в одном случае русскому визитёру, знаменитому биологу, пришлось провести ночь на лавке в общественном парке, чудом избежав ареста за бродяжничество, и явиться во временную канцелярию посольства с дневной щетиной на подбородке и несвежим воротничком, что сильно позабавило секретарей.

Кому-нибудь следует написать историю торговли военной продукцией в Соединённых Штатах во время войны, но не под углом антивоенной пропаганды или нападков на любимую сегодня жертву — американского капиталиста, а с точки зрения человеческой стороны вопроса, используя по-настоящему неисчерпаемый источник — байки о тех странных днях, когда разного рода союзными миссиями в Америке тратились миллиарды долларов. И, возможно, какой-нибудь подающий надежды историк вдохновится несколькими примерами, которые я приведу из того, что видел, находясь в Америке в 1915—1916 годах, и сделает это темой своей докторской диссертации.

Значительная часть из тех заказов, которые приходилось размещать офису русского военно-морского агента, имели дополнительные условия. Обычно контракты такого рода являлись результатом ходатайства какого-нибудь брокера в Петрограде, который нарисовал перед зачарованными глазами чиновников Морского министерства красочную и чрезвычайно оптимистичную картину объёма производства, качества материалов и быстроты доставки какой-нибудь американской фирмы, которую он представлял или хотел представлять.

Русская бюрократия, включая военно-морскую, была абсолютно несведуща относительно состояния дел в американской промышленности и её возможностей по производству военной продукции. И, как следствие, стала лёгкой добычей для разного рода авантюристов в полосатых брюках, хорошо пошитых фраках и с гравированными визитками, наводнивших приёмные различных управлений, которые имели нужду в поставках из-за границы. Некоторые из этих джентльменов представляли добросовестные организации и могли поставить рекламируемые ими товары. Другие же были просто брокерами, пытавшимися сначала получить заказ, а потом только озаботиться, где

Mrs. William F. Draper and Miss Margaret Draper were hosts at a brilliant dinner last night.

Their guests were the Spanish Ambassador and Mme. de Riano, the Italian Ambassador and Countess Cellere, the Swedish Minister and Mme. Eken-gren, Mr. and Mrs. Sumner Wells, Gen. Scriven, Mr. and Mrs. Thomas Gaff, Dr. and Mrs. Mitchell, Mr. John Barrett, Miss Draper, Miss Clover, Miss Phillis Moore, Miss Helena Elliott, Miss Scriven, Miss Katherine Scriven, Col. Raybeau, of the Argentine embassy; Lieut. Comdr. Jackson, Mr. Arthur Campbell, Baron d'Ungern and Lieut. Fedotoff, of the Russian embassy, and Mr. Flather.

Washington Post 23 мая 1915 г.

его разместить. Существовала ещё третья категория продавцов боеприпасов, которые представляли известных европейских брокеров, торговавших военными материалами и имевших некоторое отдалённое представление об американской промышленности. Эти находились между первой и второй группой по надёжности и оперативности.

Для иллюстрации приведу пару примеров из собственного опыта.

Однажды в начале осени 1915 года Миштовт получил телеграмму с просьбой разместить на одной фирме в Филадельфии большой многомиллионный заказ на производство взрывателей для снарядов. Шеф спросил меня, знаю ли я эту фирму, и резко отчитал, когда я признался, что понятия не имею не только о её репутации, но и самом существовании.

— Удивляюсь, — сказал он, — сколько времени должно пройти, прежде чем вы будете хоть что-то знать о производстве боеприпасов в Америке. Кажется, это крупная компания, расположенная буквально у нас под носом, и вы признаетесь, что никогда о ней не слышали. При этом всем прекрасно известно, что хороших производителей взрывателей в Соединённых Штатах по пальцам пересчитать!

Я был вне себя от этой выволочки и покинул кабинет Миштовта в крайнем возмущении.

Позже он пригласил одного из армейских артиллерийских приёмщиков, который считался специалистом по снарядам и взрывателям, и задал ему тот же вопрос. Сейчас я уже не помню точное содержание их разговора, но приёмщик в конечном итоге съездил в Филадельфию и доложил, что побывал в указанном офисе, и всё там было в порядке.

Когда Миштовт стал допытываться подробностей о заводе и его продукции, приёмщик, к нашему удивлению, не смог дать никакого вразумительного ответа. Когда он ушёл, у нас обоих осталось впечатление, что что-то тут не так. Тогда Миштовт сказал:

— Думаю, вам лучше поехать в Филадельфию и взглянуть на этих людей. Я ничего не понял из того, что говорит наш армейский друг.

Поскольку обида от замечаний Миштовта ещё не прошла, я возразил:

— Не понимаю, почему ехать должен именно я. В конце концов, мои знания о производстве боеприпасов в Америке ничтожны, а моя техническая подкованность уровня вахтенного начальника не идёт ни в какое сравнение с вашим экспертом, у которого степеней и дипломов по металлургии и химии, как у собаки блох.

Тем не менее, на следующий день я отправился в Филадельфию. По указанному в телеграмме адресу я обнаружил контору из одной большой комнаты с несколькими рабочими столами вдоль стен и огромной фотографией корабельного орудия в качестве украшения. Четверо сидевших за столами джентльменов, показавшихся мне очень похожими друг на друга в своих двубортных синих твидовых костюмах, горячо приветствовали меня.

— Мы были очень рады визиту вашего эксперта по боеприпасам, — сказал самый высокий из них, оказавшийся главой фирмы. — Такой приятный человек. И, хотя он не очень хорошо знает язык, мы чудесно провели с ним день. Не хотите выпить?

Я отказался от выпивки и поинтересовался, кто у них является техническим специалистом по взрывателям. Высокий джентльмен представил другого, пониже, которого я попросил рассказать о своём опыте в производстве этих элементов. Он согласился.

— Где вы получили эту специальность?

— В «Бетлехейм Стил», — ответил он и с заметной гордостью показал на фото орудия на стене.

— В каком отделе вы там работали?

— В оружейном, сэр, несколько лет.

Ответ сильно удивил меня. Среди них явно не было никого, кто действительно имел бы опыт в производстве взрывателей. И поскольку процесс этот является достаточно сложным, мне стало ясно, что что-то здесь сильно не так.

— Взрыватель, конечно, выстреливается из орудия вместе со своим снарядом, — сказал я, — но это вовсе не означает автоматически, что человек, делавший орудия, может с таким же успехом производить и взрыватели того типа, что используются на нашем флоте.

Высокий господин ответил, что это детали, которые можно обсудить позднее, и пригласил меня пообедать. К тому времени я уже был порядком зол, поняв, что эти люди рассчитывали торговать с русскими так же, как их предки, вероятно, вели дела с папуасами Гвинеи или какими-нибудь аборигенами Соломоновых островов. Поэтому я отклонил приглашение и сказал, что хотел бы увидеть план завода и услышать чьи-нибудь объяснения относительно организации производства. После долгих поисков по ящикам столов они извлекли на свет пыльный чертёж, взглянув на который, я понял, что это всего лишь

70 архитектурный проект, по которому ни в коей мере нельзя изучить последовательность процесса изготовления взрывателей.

— Очень хорошо, господа. Теперь давайте поедем и посмотрим на ваш завод.

Посыпались многочисленные возражения, перемежаемые повторяющимися приглашениями на обед. Наконец, увидев, что меня не переубедить, они снимали с вешалки шляпы и пригласили к большому автомобилю, припаркованному у тротуара напротив конторы.

После довольно долгой поездки по мрачным пустырям северной части Филадельфии мы подъехали к большому участку с забором, окружавшим внушительную грудку старых кирпичей и прочего мусора.

Высокий господин принял позу Барнума⁵⁵, показывающего своего лучшего слона.

— Вот место, где будет построен наш завод, как только мы подпишем контракт.

Контракт, кстати, предусматривал выплату двадцати пяти процентов от общей суммы в день подписания.

— Большое спасибо, господа. А теперь не будете ли вы так добры отвезти меня на станцию? Я бы очень хотел успеть на часовой поезд до Нью-Йорка.

Все четверо жутко заволновались, замахали руками и сказали, что не могут отпустить меня, не угостив обедом, что хотели бы поговорить со мной ещё и рассказать более подробно о своих планах, что такой резкий отъезд — это оскорбление и так далее, и так далее. Тогда я ответил, что, если они не могут подбросить меня на станцию, я вызову такси из ближайшей табачной лавки.

Заказ, конечно, не разместили. Мы отправили довольно язвительную телеграмму в Морской генеральный штаб об этой истории. Следует сказать, что заказ пришёл через известного датского оружейного брокера.

А вот ещё один пример, иллюстрирующий деятельность нештатных торговцев боеприпасами.

Однажды, когда мы с Миштовтом сидели в офисе, к нам вошёл некий тучный господин в жемчужно-серых брюках в полоску с аккуратно

⁵⁵ Финеас Тейлор Барнум (1810—1891) — американский шоумен и антрепренёр. Снискал широкую известность мистификациями и организовал цирк своего имени, гвоздём программы которого был шеститонный африканский слон Джамбо.

отглаженными стрелками и лондонского покроя фраке. Он представился мистером У. из Лондона и протянул нам письмо от одного из технических управлений Морского министерства.

Мы уже кое-что знали о заказе, который интересовал этого человека. Он касался нескольких миллионов фунтов бездымного пороха для тяжёлых корабельных и береговых орудий. По нашему мнению, только «Дюпонт» могли бы выполнить его надлежащим образом и в разумные сроки. Однако Морское министерство предлагало нам иметь дело с господином в жемчужно-серых брюках и уже заключило с ним предварительное соглашение. Не хватало только визы Миштовта.

Наш посетитель явно не ожидал никаких осложнений, когда влетел в контору и радушно поприветствовал нас в слегка снисходительной манере.

— Всего лишь маленькая формальность, кэптен Миштовт, нужна ваша виза на этой бумаге. Тогда контракт будет в порядке, и я стану ждать ваш чек на двадцать пять процентов от общей суммы.

Миштовт, однако, не собирался подходить к вопросу формально. Мы оба хорошо знали, что флот остро нуждается в этом порохе, и, если изготовитель не сможет поставить его в соответствии со спецификациями, наши корабли будут испытывать снарядный голод.

Поэтому шеф спросил мистера У., занимался ли тот когда-нибудь производством порохов раньше. За возмущённым ответом о том, что это не имеет отношения к контракту, последовал другой вопрос: «У кого вы собираетесь разместить этот заказ?»

Гость поначалу уклонился от ответа, и только настойчивость Миштовта заставила его назвать небольшую фирму, которая, как мы знали, была не в состоянии поставить порох нужного качества и в оговоренные сроки.

Тогда Миштовт сказал, что не готов завизировать контракт прямо сейчас и даст ответ в течение нескольких дней, после более тщательного изучения вопроса. Гость был крайне возмущён и сказал, что заявит протест в министерство против чинимых нами проволочек.

Как только он ушёл, Миштовт позвонил одному из банкиров, с которым мы вели дела, и попросил выяснить финансовое положение и общее состояние дел мистера У.

Следующим утром нам сообщили, что общий капитал мистера У. равнялся семистам долларам на вкладе в одном из нью-йоркских банков, и никакого бизнеса у него нет вообще. Через пятнадцать минут мы отправили телеграмму в министерство, в которой представили свои взгляды на то, что заказ не следует размещать через мистера У., и, вкратце изложив причины, предложили взамен контракт с «Дюпонт». Несколько часов спустя перед нами лежало длинное сообщение из Главного управления кораблестроения и снабжений, заключившего предварительное соглашение с У., в котором нас ругали за проволочки в исполнении данных ими указаний и требовали от Миштовта без задержек закончить оформление контракта.

Вслед за тем мы держали военный совет, результатом которого явилась совместно подписанная телеграмма напрямую морскому министру с просьбой об отставке по причине невозможности выполнить указания, которые мы оба считали противоречащими интересам флота. Не успели мы и глазом моргнуть, как из технического управления пришло сообщение с вопросом, почему мы до сих пор не разместили заказ у «Дюпонт».

С первого дня пребывания в Нью-Йорке нас с Миштовтом осаждали толпы торговцев боеприпасами, ввалившихся в наши номера в отеле «Плаза» буквально через десять минут после того, как мы сошли с борта «Тускании». Несколько щегольски одетых молодых людей, размахивавших визитными карточками и верительными письмами различных компаний, засыпали нас приглашениями на обед, в оперу, в «Ректорз»⁵⁶ и Бог знает ещё куда. Миштовт был разозлён и отвечал на все предложения максимально холодно. Там и тогда мы взяли себе за правило не принимать приглашений поехать или развлечься от людей, с которыми в Нью-Йорке нас связывают деловые отношения. И это правило сослужило нам хорошую службу в первые несколько месяцев работы в Америке.

Поскольку этот опыт сделал меня крайне осторожным, я был сильно удивлён, когда на вечере у главной светской львицы Ньюпорта моя соседка справа, в высшей степени привлекательная и красивая жен-

⁵⁶ Rector's — популярный в среде нью-йоркской богемы в 1910-е годы ресторан Джорджа Ректора.

щина, стала рассказывать мне за ужином о различных размещённых нами в Америке заказах. Я был просто ошеломлён полнотой деталей и точностью информации, которой она владела. Не расслышав её имя при представлении и ещё плохо зная высший свет Ньюпорта, я не мог представить, кто могла быть эта женщина и откуда она всё это знает. Ища ответа, я даже стал подозревать нашего делопроизводителя. К десерту я был уже убеждён, что моя очаровательная соседка работает на разведку, поскольку знала практически каждый крупный заказ, размещённый нашим офисом с того момента, как мы с Миштовтом прибыли в Соединённые Штаты.

Тут моё любопытство пересилило хорошие манеры, и я сказал даме, что не расслышал её имени, и прямо спросил, кто она.

«Я — ваша хозяйка, миссис Z.», — сказала она. Только тогда я понял, что она была женой одного из управляющих банка, который вёл большинство наших дел.

Бесконечная череда развлечений того лета в Ньюпорте оказалась полезна хотя бы в том, что избавила меня от любых светских амбиций, если таковые вообще были. Тогда, в тот первый период, я решил, что, как постоянный, такой образ жизни — самое скучное, что можно себе вообразить. Однако далеко не вся жизнь в Ньюпорте была скучной. Я узнал нескольких обаятельных и умных людей, дружба с которыми позволила понять лучшие качества американского характера. Внутреннее достоинство и тонкий ум этих жителей Новой Англии, Нью-Йорка и Пенсильвании превратили то лето в очень интересный для меня опыт. Некоторые из этих дружеских связей пережили войну и русскую революцию, и мне всегда доставляет большое удовольствие на моем нынешнем этапе жизни видеть моих старых друзей по-прежнему твёрдо стоящими на ногах и уверенно глядящими на будущее Америки и американских идеалов. К сожалению, однако, их было немного среди высшего света Ньюпорта.

ГЛАВА 6.

На миноносцах

Работа в посольстве была интересной и поглощала меня полностью. Старый посол и коллеги относились ко мне наилучшим образом, а новые американские друзья баловали своим вниманием и гостеприимством. Но я не мог забыть, что являюсь морским офицером, а не профессиональным дипломатом, и моё место на мостике корабля, а не в канцелярии. И потому принял решение порвать с роскошью Нью-Йорка и вернуться к более суровой флотской жизни.

Весной 1916 года я обратился в Морской генеральный штаб с просьбой освободить меня от обязанностей в посольстве и позволить вернуться на Балтийский флот. Одновременно мой друг, барон Георгий Таубе, написал мне с «Варяга» письмо с предложением ходатайствовать о моем переводе в Гвардейский Экипаж, знаменитую морскую часть императорской гвардии, комплектовавшую команды нескольких кораблей, включая «Варяг», а также батальоны, действовавшие на сухопутном фронте. Таубе сказал, что несколько моих друзей в гвардии выдвинули меня, и что меня сочли достойным кандидатом благодаря прошлой службе в Школе учеников строевых унтер-офицеров Балтийского флота, где в течение более чем двух лет я отвечал за подготовку морских гвардейцев. Предложение Таубе мне понравилось, так как по дисциплине Гвардейский Экипаж был сродни Школе, и незадолго пе-

ред войной в него поступили несколько моих лучших друзей. Однако окончательное решение я отложил до возвращения в Петроград.

Шеф, капитан 2-го ранга Миштовт, отнесся с сочувствием к моему желанию вернуться на боевую службу, и с его помощью я получил позволение отбыть в Россию.

Ко дню отъезда я осознал, что успел пустить в Америке корни, и уехать из Нью-Йорка означало для меня больше, чем просто сменить место жительства. Моим последним заданием был осмотр паровой яхты, которую русское правительство намеревалось купить для патрулирования Белого моря. Яхта стояла в Хэмптон-Роудс⁵⁷, и я отправился в Олд-Пойнт-Комфорт⁵⁸. Осмотр не занял много времени, так как корабль оказался явно слишком тихоходным, чтобы быть пригодным для какой-либо патрульной службы. Покончив с делами, я позвонил Джо Уиверсу в Ньюпорт-Ньюз, чтобы попрощаться. Уиверсы были первой американской семьей, с которой мне довелось близко познакомиться, когда весной 1914 года «Россия» заходила в Ньюпорт-Ньюз для ремонта машины. Я считал их своими самыми старыми друзьями в Новом Свете. Джо не было дома, и я поговорил с его женой, сообщив ей, что возвращаюсь в Россию и хотел сказать им пару прощальных слов. Мы немного пошутили, и миссис Уиверс велела передать самые лучшие пожелания гостившим у них два года назад офицерам «России». Шутя, она попросила меня постараться не попадать в неприятности, и я закончил разговор приглашением приехать в Россию после войны, чтобы показать им ночную жизнь Петербурга.

Стояла тёплая, полная ароматов ночь. Я спустился к воде и около часа просидел на песке, глядя на яркие огни стоящих на якоре судов и весело освещённые паромы, идущие в Норфолк. Настроение было задумчивым, и тихая ночь, запах моря и звонкие удары корабельных рынд оживили в памяти мои довоенные плавания в южных морях и счастливую, беззаботную жизнь тех дней. Внезапно я понял, что прощаюсь со своей молодостью, и что безмятежная атмосфера тех зим на Карибах уже никогда не вернётся.

⁵⁷ Hampton Roads — собирательное название портов и якорных стоянок в устье Чесапикского залива и впадающих в него рек.

⁵⁸ Old Point Comfort — крайняя точка полуострова Вирджиния на входе в Хэмптон-Роудс.

«Царица», небольшое судно Русско-американской линии⁵⁹, уже готова была поднять якорь. Шеф и несколько друзей пришли проводить меня в путь.

На борт поднялся глава Русского Заготовительного Комитета в Америке генерал Сапожников,⁶⁰ провожавший кого-то из пассажиров. Он заметил меня и подошёл пожать руку. Генерал исполнил обычный ритуал, сказав, что сожалеет о моём отъезде, так как я очень хорошо выполнял свою работу, и ещё ряд вещей, принятых в таких случаях. Я, однако, был не в настроении для пустых комплиментов и довольно грубо выразил удивление тем, что он высказывает мнение о моей работе в Америке, поскольку я не имел чести служить под его началом. Это охладило пыл генерала, и он остановил поток своих излияний.

Моя грубость была вызвана не только похмельем после вчерашнего обильного возлияния в клубе «Домино», где князь Павел Трубецкой с супругой устроили мне прощальную вечеринку. Я считал, что генерал Сапожников, отличный химик и способный артиллерийский офицер, тем не менее в большой степени способствовал падению авторитета России в Соединённых Штатах своей полной некомпетентностью, возмутительным кумовством и дружбой с самыми сомнительными персонажами в среде поставщиков военной продукции. В такой ситуации оставалось только грубить, вот я и грубил.

Несколько минут спустя на горизонте показалось улыбающееся лицо Макса Штрауса, абсолютного гения, возглавлявшего Русско-американскую пароходную линию. Это была выдающаяся личность. Друг и советчик сотен русских людей в Нью-Йорке, ловкий бизнесмен, в офисе которого сходилась и пересекалось множество нитей, и незаменимый человек для русского консульства. Многие сотрудники миссии искали его совета в делах. Он весело приветствовал меня:

⁵⁹ Русско-американская линия (Russian-American Line) — пассажирская пароходная линия, основанная Русским Восточно-Азиатским обществом (дочерним предприятием датской Восточно-Азиатской компании) в 1900 году.

⁶⁰ Сапожников Алексей Васильевич (1868—1935) — генерал-лейтенант. В 1915—1916 гг. руководил деятельностью Русского Заготовительного Комитета в США. Запоздание с поставкой заказанных в Америке предметов боевого снабжения и многочисленные жалобы привели к тому, что был смещен в должности и отозван в Россию. Остался в СССР. Репрессирован. Умер в заключении.

*Flat-Iron Building
Room 1411
New York City*

4 (17) февраля 1916

Глубокоуважаемый Всеволод Евгеньевич,

Позволяю себе обратиться к Вам по следующим вопросам:

1) Лейтенант Федотов уже давно просится обратно в Россию, желая принять участие в войне. До настоящего времени я не входил с ходатайством об его откомандировании, так как считал, что его необходимо задержать здесь до тех пор, пока дело тут окончательно не наладится. В настоящее время прошло более года, как он находится в командировке, - более продолжительное отсутствие из строя для молодого офицера чрезвычайно нежелательно. С другой стороны, работа здешнего Комитета и, в частности моя, в такой мере уже налажена, что замена Федотова другим офицером не отразится вредно на деле. Мне известно, что очень просится в Америку лейтенант Пиотровский. Я лично считаю его вполне подходящим для назначения моим помощником и, если у Вас нет особых возражений, очень просил бы Вас посодействовать откомандировать Федотова и заменить его Пиотровским. Свое мнение о работе Федотова я высказал в посылаемом с этой же вализой рапорте, в котором ходатайствую о награждении его орденом св. Анны 3 ст. Разумеется мне было бы неприятно, если бы откомандирование Федотова было бы поставлено ему в минус по службе.

О замене Федотова Пиотровским пока сообщаю Вам частным письмом, если этого недостаточно и необходимы официальные шаги с моей стороны, будьте добры дать мне знать. <...>

«Всего хорошего вам, лейтенант, и надеюсь увидеть вас адмиралом после войны!» Я в ответ поддразнил его на тему малого числа пассажиров, сказав, что доложу правительству в Петрограде о том, как он манкирует своими служебными обязанностями. Вместо ответа он показал на красный флаг на верхушке мачты. Смысл этого жеста был вполне понятен. «Царица» с грузом взрывчатки, снарядов, патронов и прочих средств ведения войны была не слишком привлекательна, как пассажирское судно, в те дни.

К тому времени, как пароход вышел в открытое море, я уже успел перезнакомиться со всеми пассажирами первого класса, с капитаном, его помощниками и даже телеграфистами. Последние были матросами, временно прикомандированными к «Царице» Балтийским флотом. Среди пассажиров оказалась одна очень приятная пара из Филадельфии. Муж был врачом и служил хирургом в одном из кавалерийских полков русской армии. Мы подружились ещё до того, как берега Лонг-Айленда скрылись из виду, и большую часть времени на борту провели в компании друг друга, обмениваясь книгами и болтая обо всём на свете.

Путешествие подходило к концу, и мы приближались к Мурманску⁶¹ на самом севере России. Я сидел в шезлонге, греясь под нежарким северным солнцем, и лениво листал страницы «Листьев травы». Внезапно одна из строк Уитмена яркой вспышкой вызвала в памяти разговор, состоявшийся за день до отплытия во время обеда с моим другом Томасом Эшли Спарксом. Потягивая бренди, он вдруг задумчиво взглянул на меня и сделал очень странное замечание: «Мой дорогой друг, что-то подсказывает мне, что к тому времени, когда закончится эта война, вы лишитесь работы и всего, что имеете в этом мире».

Сказанное настолько не вязалось с тогдашними обстоятельствами, что я не удержался и громко захохотал.

— Вы настоящая Кассандра. Однако исполнение этого пророчества не кажется мне слишком вероятным. Предположим, что вы правы в его первой части, и я потеряю место на флоте. Это не будет большой бедой, хотя я люблю море и предпочитаю флотскую карьеру любой другой. В том, что касается работы, в России не слишком сильная конкуренция. Я легко найду место на гражданской службе или в коммерции по этой

⁶¹ До 1917 года носил название Романов-на-Мурмане.

части. Что же касается всего, что у меня есть, или, правильнее будет сказать, у моей семьи, поскольку лично у меня почти ничего нет, то это звучит довольно невероятно. Они очень консервативны и тратят меньше своего дохода. Какой такой катаклизм, по-вашему, должен произойти, чтобы я лишился работы и денег?

— Этого я не знаю. Это просто чувство, которое возникает у меня при взгляде на вас.

— И что же, по-вашему, я должен в этой ситуации сделать?

— Ну, если это случится, вам лучше найти меня и попросить работу. Вы мне нравитесь, и, возможно, я смогу подыскать для вас место. Пообещайте мне сделать это.

Я пообещал и в шутку поднял тост за свой будущий крах и могилу на безымянном кладбище.

На том мы расстались.

— О чём задумались?

Доктор Г. уселся в кресло рядом со мной.

— Сколько миллионов славных американских денег вы везёте с собой из наших отсталых Соединенных Штатов? Ведь все эти контракты, конечно, принесли что-то и вам лично. Как сказал мне недавно один знакомый французский приемщик в Чикаго: «*Nous voulons être soignés*⁶²», и я полагаю, что вас тоже *soigné*, и ещё как!

— Если вы действительно думаете, что все русские — взяточники, зачем же рискуете для них жизнью в вашем кавалерийском полку?

— Я ничего не знаю об этом деле в целом, но знаю точно, что вы — круглый дурак, если едете домой с пустыми руками. Когда благодаря военным поставкам вокруг вертится столько шальных денег, кто-то обязательно набьёт ими карманы. Так почему бы и не вы? Кроме того, мне кажется, ваша страна становится немного небезопасной для представителей вашего класса. Разве вы сами не слышите этого рокота?

— Мистер Г., вы явно не понимаете, насколько рискуете, разговаривая вот так с русским морским офицером, особенно учитывая, что сами состоите на русской военной службе. Вы не подумали о старом дуэльном кодексе, который всё ещё в ходу в России, есть рокот или нет.

— Слушайте, вы ведь знаете, что я не хотел вас обидеть. Я считал, что вы прожили в Америке достаточно, чтобы кое-что узнать о нашем

⁶² Мы хотим, чтобы нас обхаживали (фр.)

чувстве юмора. Но серьезно, вы что же, настолько богаты, что можете себе позволить пренебрегать такими заманчивыми комиссионными?

Такая настойчивость показалась мне забавной, и я рассмеялся над представлениями доктора Г. о том, как надо хватать удачу за хвост. А затем терпеливо объяснил ему, что в нашей семье существовали определённые традиции, и что мы, русские, в целом относились к своей службе так же честно, если не более, как и большинство европейцев, и что даже русские премьер-министры и министры финансов уходили на пенсию, не сколотив никаких личных состояний. Доктор Г. учтиво слушал, но, мне показалось, я заметил слабый отблеск сомнения за стеклами его очков.

Упоминание «рокота» каким-то образом совместилось в моей голове с пророчеством в «Дельмонико». Я понял, что оно в действительности означало. В представлении моего друга, так же, как и доктора Г., корабль русской государственности шёл ко дну, и его команду, вероятно, ждала гибель. В первый раз я всерьёз задумался о такой возможности. Конечно, мы, молодежь, часто говорили о грядущей революции, некоторые из нас даже считали её неизбежной. Однако лишь немногие из тех, кто меня окружал, относились к этим разговорам серьёзно. Революция означала для них смену правящего монарха и, возможно, введение настоящей конституции по английскому образцу. Но полное разрушение государственного аппарата, конфискация собственности казались чем-то абсурдным и совершенно невозможным.

Пока я размышлял на эти немного мрачные темы, старший телеграфист выскочил из рубки и сунул мне на колени несколько исписанных карандашом листков.

— Похоже, в Северном море идет большое сражение. Мой немецкий слишком плох, чтобы понять смысл сообщения. Вы не поможете?

Извинившись перед Г., я пошел в радиорубку. Телеграфисты отлично поработали, учитывая их плохой немецкий. Мне не составило большого труда воссоздать всё сообщение. Сперва я был поражён его содержанием. Потери британских эскадр крейсеров выглядели ужасными по сравнению с немецким Флотом открытого моря⁶³. Я, как мог, восстановил ход сражения на карте, а британские сообщения вскоре

⁶³ Hochseeflotte (нем.) — основная составная часть германских императорских военно-морских сил (Kaiserliche Marine).

82 позволили полностью прояснить картину. Было уже очевидно: немцы одержали тактическую победу, но в стратегическом плане не смогли перехватить инициативу у англичан.

Неприятно, очень неприятно для Британии и её союзников, особенно если какие-то из немецких крейсеров смогли вырваться из Северного моря во время битвы и сейчас рыскали по океану; но, с другой стороны, это не имело серьезного влияния на ход войны. По крайней мере, положение не стало хуже, пока англичан устраивала их оборонительная позиция и сохранение флота адмирала Джеллико как боевой силы.

Телеграфисты живо интересовались этими сообщениями и забросали меня вопросами о том, что в действительности значил исход битвы, известной сейчас, как Ютландское сражение.

— Это самое большое морское сражение со времен Трафальгарской битвы, — сказал коренастый Пономарев. — Британцы его выиграли?

Я ответил ему, что стратегически победа была за ними. Однако сомнения Пономарева развеялись явно не полностью, и я провёл некоторое время в рубке, объясняя телеграфистам общий ход войны на море с 1914 года.

Так случилось, что наш радиоперехват стал первым достоверным описанием большого сражения, дошедшим до офицеров британских тральщиков у побережья Мурманска. Когда «Царица» встретила английскую флотилию, я ещё спал. Рано утром в мою каюту вошел лейтенант британского флота и сказал, что, по их сведениям, наши телеграфисты перехватили радио о гибели нескольких больших английских кораблей в битве у берегов Дании.

— Всё это вздор. Очередная уловка германской пропаганды. У вас есть полный перевод немецкого сообщения о бое?

Когда я набросал на листке бумаги общий план сражения, насколько я понял его из сообщений, и перечислил ему потери обоих флотов, британец сжал кулаки.

— Не может быть! Я не верю, это всё немецкая ложь! — и вышел из каюты, даже не пожав мне руку.

По прибытии в Петербург я отправился с докладом к морскому министру адмиралу Григоровичу. Его кабинет в величественном жёлто-белом здании Адмиралтейства представлял собой внушительный,

изрядных размеров зал. Адмирал сидел за большим рабочим столом в противоположном от входа углу. Стараясь не поскользнуться, я прошёл по идеально натёртому паркету, держа в руках фуражку, саблю и перчатки.

Крупная фигура седого адмирала, воссоздавшего флот после Русско-японской войны, поднялась и нависла над столом, пока я представлялся, как положено по уставу.

Григорович смотрел на меня пронизывающим взглядом из-под косматых бровей.

— Какого черта вы делаете здесь? Вы что, думали на флоте так не хватает вахтенных начальников, что надо было броситься сюда из Вашингтона, где вам была поручена важная работа?

Такой неожиданный прием ошарашил меня, и я почувствовал, что краснею.

— Ваше превосходительство, человек моего возраста не должен сидеть в посольстве во время войны. Я хочу вернуться на Балтийский флот и надеюсь, что вы не будете возражать против этого.

— Что касается меня, то можете идти к черту или куда хотите. Впрочем, Морской генеральный штаб, как я понял, имеет какие-то планы на вас, поскольку они получали отличные отзывы о вашей работе в посольстве.

После Григоровича я пошел засвидетельствовать почтение адмиралу Русину, начальнику Морского генерального штаба. Он принял меня очень любезно и сказал, что начальник Иностранного отдела рекомендовал меня на должность своего заместителя. Поскольку на эту должность обычно назначали более старших офицеров, Русин очень удивился, когда я отклонил столь лестное предложение и сказал, что предпочел бы служить на кораблях Балтийского флота. На прощание он сказал, что меня назначат военно-морским агентом, как только появится такая вакансия, после чего я снова повторил, что предпочитаю строевую службу работе в канцеляриях.

На следующий день я был уже в Гельсингфорсе, где на посыльном судне «Кречет» развевался флаг командующего Балтийским флотом адмирала Канина, занявшего этот пост после смерти фон Эссена. В его штабе состоял мой однокашник барон Тирбах. Он тепло принял меня

84 и спросил о планах. Я сказал, что хотел бы получить должность старшего офицера на каком-нибудь из больших миноносцев, желательно типа «Новик».

Тирбах объяснил, что моё старшинство не позволит мне быть назначенным в этом качестве на такой корабль, однако, имеются две открытые вакансии на больших угольных миноносцах. Командир одного из них уже знал о моём возвращении из Америки и просил штаб назначить меня к нему. Командиром второго, «Страшного», был Юрий Старк⁶⁴, представитель знаменитой шведско-финской морской фамилии, который только что списал своего старшего офицера за некомпетентность. Я расспросил о задачах дивизионов, в которых состояли эти два миноносца и их максимальной скорости, поскольку знал из своего предыдущего военного опыта, что скорость часто является решающим фактором при выборе кораблей для участия в операциях на Балтике. Затем попросил о назначении на «Страшный», так как его более высокие ходовые качества давали больше шансов на участие в интересных заданиях. Кроме того, в тот же дивизион входили два миноносца, укомплектованных Гвардейским Экипажем, и старшим офицером на одном из них был мой друг, барон Николай фон Гойнинген-Гюне. Мою просьбу удовлетворили, и штаб издал соответствующий приказ.

За год или чуть больше, что я отсутствовал на Балтийском флоте, произошло много изменений. В строй вошли четыре новых линкора⁶⁵, один из которых я посетил и тщательно осмотрел. Бригада этих кораблей значительно увеличила боевую мощь наших морских сил, а их скорость в двадцать три узла сделала возможным проведение наступательных операций далеко в Балтике. И, хотя Ставка Верховного

⁶⁴ Старк Георгий (Юрий) Карлович (1878—1950) — контр-адмирал. В Первую мировую войну командовал эскадренными миноносцами «Сильный», «Страшный», «Донской казак», дивизионами миноносцев, затем Минной дивизией Балтийского флота. В Гражданскую с августа 1918 года возглавлял Волжскую флотилию белых. Командовал бригадой, а затем дивизией морских стрелков, с которыми прошёл весь Сибирский Ледяной поход. С июня 1921 возглавлял Сибирскую военную флотилию в Приморье — последнее действующее объединение кораблей русского флота под Андреевским флагом. В октябре 1922 года увёл остатки флотилии с беженцами из Владивостока на Филиппины. Умер в Париже.

⁶⁵ Линкоры дредноутного типа «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут», «Полтава».

главнокомандующего по-прежнему настаивала на том, что флот должен ограничиваться чисто оборонительной работой, и не позволила бы никаких смелых операций с участием новых линкоров, оставалась надежда, что когда-нибудь это положение изменится, и наш флот более прочно утвердится на Балтике.

Новые лёгкие крейсера были ещё не готовы, но появилось несколько больших и быстрых миноносцев типа «Новик». Они имели мощное артиллерийское и минное вооружение и могли справиться с любым лёгким германским крейсером, зашедшим в наши воды, как «Магдебург» и «Аугсбург» в первые месяцы войны. В строй вошло несколько подводных лодок новейших проектов, помогавших активной работе британских субмарин, базировавшихся в наших портах. С начала войны произошли очень заметные улучшения материальной части флота, и то, что я слышал о новых дивизионах больших миноносцев, готовность которых ожидалась к весне 1917 года, больших подлодках и легком крейсере «Светлана», наводило на мысль о том, что наконец у нас появится по-настоящему современный флот на Балтике.

Масштаб деятельности флота в целом стал значительно шире. Рижский залив твёрдо удерживался силами лёгких кораблей при поддержке старого линкора «Слава», а Аландские шхеры были укреплены и также полностью находились в системе нашей морской обороны. Другими словами, флот выдвинулся из узкого базового района Нарген-Порккалауд довольно далеко в Балтику. В 1915 году немцы предприняли попытку установить контроль над Рижским заливом. Они смогли сконцентрировать значительно превосходящие силы, прорваться через минное заграждение и войти в залив. Русские корабли отошли к Куйвасто. Однако, понеся потери, противник оставил залив. Большая Ирбенская минная позиция была восстановлена, а на мысе Церель решили построить мощную батарею, которая бы доминировала над проливом.

В целом я считал, что наши позиции на Балтике стали сильнее, чем в яваре 1915 года, когда я покинул «Россию». Смерть адмирала фон Эссена была, конечно, невосполнимой утратой, так как Канин ни в коей мере не дотягивал до его уровня.

Береговой баркас доставил меня на рейд Куйвасто, где стоял на якоре «Страшный». За мной прислали маленькую шлюпку, и через

86 пятнадцать минут я вступил на палубу миноносца. Поскольку раньше я никогда не служил на кораблях такого типа, это был совершенно новый для меня опыт. Более гибкая, чем на больших судах, дисциплина, более тесная связь между командиром и офицерами, с одной стороны, и офицерами и командой, с другой, вынудили меня к определённому пересмотру своих привычек и поведения на борту.

«Страшный» был очень хорошо вооружённым для своих размеров миноносцем: три длинных четырёхдюймовых 60-калиберных орудия на корме, 40-мм автоматическая зенитная пушка системы Виккерса, ещё одно 37-мм зенитное орудие и два минных аппарата. Скорость составляла 27 узлов. Экипаж, кроме командира, состоял из ещё четырёх офицеров и около ста человек команды.

Когда я прибыл, капитан 1-го ранга Старк находился на берегу. Я сделал смотр команде, обошёл корабль и попытался поближе познакомиться с офицерами, из которых раньше знал только одного, своего одноклассника лейтенанта Шольца. Он был минным офицером дивизиона и служил на «Страшном». В целом я остался доволен кораблём, офицерами и командой, хотя заметил некоторые признаки дисциплинарной расхлябанности, которые отнёс на счет отсутствия рвения у своего предшественника, списанного с корабля пару недель назад⁶⁶.

Остальные корабли дивизиона также стояли в Куывасто, и около пяти часов все старшие офицеры миноносцев явились на борт «Страшного», чтобы поприветствовать меня в своем кругу эпитетами вроде «вернувшегося дипломата», «нашего американского кузена» и тому подобного. Особенно я был рад видеть барона Гюйне и Потолова.⁶⁷ Во

⁶⁶ 14 мая 1916 года Г. К. Старк сделал следующую запись в своём дневнике: «Мой старший офицер переведён в Морскую крепость на какой-то форт. Кажется, не только я, но и все облегчённо вздохнули. Ко мне назначили старшим офицером лейтенанта Дмитрия Николаевича Федотова, только приехавшего из Америки, отличный офицер» (Г. К. Старк. *Моя жизнь*. СПб, 1998. С. 123).

⁶⁷ Потолов Николай Владимирович (1887—1935) — капитан 2-го ранга. Окончил Морской корпус в 1907 г. С 02.01.1918 г. — в Морской роте Добровольческой армии, в феврале 1918 г. переквалифицировался в Баку, летом 1918 г. — на английской службе в Персии, затем на Каспийской флотилии. В 1920—1922 гг. — на Сибирской флотилии. В эмиграции жил в Китае, Эстонии, Франции.

ВРЕМЕННО КОМАНДИР
ЭСКАДР. МИНОСЦ.
"С Т Р А Н И И"
- 13 Октября 1916 г.
Действующий Флотъ
№ 890

Во Учетную Книжку при 1-м Балтийском Флотском Флотском.

Временная Флотская команда, при 1 Флотском № 890 (С. 10) № 890

№ 1 16549 Превзбравъ за собою послужной списокъ, препровожденный при списании за № 16549 въбитый въ немъ, съблудный восточности и пропуски:

1/10-го Сентября 1916 года мнѣ представлено преле на погоню заботъ бронзовой медали за выслугу 100 лѣтъ Отечественной войны 1812 года 1/26-го Марта 1918 года резолюціей Морского Министра на распоряженіи Начальника Морского Генеральнаго Штаба прикомандированъ Морскому Генеральному Штабу для занятія 1/3/2-го Января 1915 года резолюціей Морского Министра на распоряженіи Начальника Морского Генеральнаго Штаба назначенъ помощникомъ морского агента въ Особленныхъ Штабахъ Сѣверной Америки, 4/5-го Мая 1916 года телеграммой Начальника Морского Генеральнаго Штаба откомандированъ въ распоряженіе Морского Генеральнаго Штаба.

5/ 8-го Июня 1916 года предизвиганъ Начальник Морского Генеральнаго Штаба командированъ въ распоряженіе Командующаго Флотомъ Балтійскаго Морья 16/ Въ графѣ "бытность въ походахъ" помѣчено "не находилъ" - въ то время какъ я былъ въ походахъ въ 1914 году на крейсере "Россия" подъ командой Капитана 1-го ранга Псагурскаго и на эскадренномъ миноносце "Страшный" подъ командой Капитана 2-го ранга Старка 3-го участвовавъ въ 1916 году въ дѣлахъ противъ непріятеля.

7/ 15-го Октября 1916 года вступилъ во временное командованіе эскадреннымъ миноносцемъ "Страшный" на законныхъ основаніяхъ за отсутствіемъ Командира въ резервномъ отпускѣ.

Прощу съ внесеніемъ всѣхъ вышеперечисленныхъ извращеній въ послужной мой списокъ, дублировать коего при семъ препровождаю.

Действительный *Рогов*

РГАВМФ. Ф. 406. Оп.9. Д. 4381. Л. 27

время чаепития в кают-компани мои коллеги сказали, что хотели бы посвятить меня в одну неприятную ситуацию. Командир дивизиона, капитан 1-го ранга Паттон,⁶⁸ получил новое назначение. Его подчиненные считали, что он в ряде случаев разочаровал их и уронил престиж и репутацию дивизиона в глазах других офицеров. Ввиду этого они решили не устраивать для Паттона прощальную вечеринку и не делать памятного подарка от офицеров, как это было принято в таких случаях. Предполагалось, что командиры могут захотеть провести свою собственную вечеринку, и меня попросили передать Старку решение офицеров не участвовать в ней и не проводить её ни в одной из кают-компаний. Поскольку старший офицер является председателем кают-компаний корабля, командиры не могут организовать вечеринку на каком-либо из миноносцев без их согласия, а это согласие решено было не давать. Эта процедура не противоречила Морскому уставу

⁶⁸ Паттон (Патон) Николай Иванович (1868-?) — контр-адмирал. Окончил Морской корпус в 1889 г. С июня 1915 по июль 1916 г. командовал 6-м дивизионом эскадренных миноносцев Балтийского флота. Затем командир учебного судна «Николаев». В апреле 1917 г. принял 6-й дивизион обратно. В оригинале указан автором как П. Фамилия установлена по документам.

и традициям русского флота, в соответствии с которыми командир корабля считался всего лишь гостем кают-компаний даже на миноносцах, где он по необходимости был вынужден каждый день есть вместе с другими офицерами. Тем не менее, инциденты, подобные тому, что произошел в нашем дивизионе, случались крайне редко.

И хотя сам я понятия не имел о том, что произошло в дивизионе в период командования Паттона, отказать было нельзя, и мне пришлось сказать, что я доложу об этом Старку, как только он вернется на борт. Тогда остальные покинули корабль и отправились в вельботах к своим миноносцам.

Поздно вечером по возвращении Старка на «Страшный» я представился ему и сказал, что мне очень жаль начинать исполнение своих обязанностей на борту с передачи довольно неприятного сообщения от офицеров дивизиона. Затем рассказал о принятом решении и попросил не использовать нашу кают-компанию для любых вечеринок, которую командиры могут захотеть провести для Паттона. Старк пришёл в бешенство и спросил, в курсе ли я, что он списал своего старшего офицера всего две недели назад. На это я официальным тоном ответил, что данный предмет не имеет отношения к моим служебным обязанностям, а является лишь вопросом общественного этикета, не противоречащим, по моему мнению, Морскому уставу. Видя, что говорить больше не о чем, Старк ушёл. А я остался мрачно размышлять о том, что моя служба на «Страшном» начинается с дурных знаков.

Первые несколько недель отношения с командиром были несколько прохладными. Однако я старался исполнять свои обязанности так тщательно, как только умел, и постепенно взаимоотношения наладились, ибо Старк не отличался злопамятностью и был настоящим джентльменом.

Первый выход на дежурство у Ирбенской минной позиции и первый налет германских аэропланов на «Страшный» стали для меня новым и интересным опытом. В те дни авиация летала довольно низко, а бомбы были маленькими, наши же зенитные орудия не отличались эффективностью. Тем летом удалось сбить всего несколько немецких аппаратов, которые, за исключением одного случая, ни разу не попали по нашим миноносцам.

Моё первое боевое крещение произошло на рейде Куйвасто. Командир находился в отлучке, и я командовал кораблем. Утром были замечены немецкие аэропланы, и я приказал поднять якорь, а расчётам занять места у зениток. С якорем произошла заминка, и я, запрыгнув на бак, встал в петле другой якорной цепи, чтобы руководить процессом его выборки. В тот момент незамеченный нами немецкий аэроплан подошёл с другой стороны и сбросил бомбу. В корабль она не попала, но от взрыва один из матросов на баке по ошибке отдал якорь, и цепь побежала вокруг моей лодыжки, разорвав в клочья ботинок, носок и брючину. Боцман бросился к автоматическому стопору и остановил цепь. Моя стопа превратилась в кровавое месиво, и я был уверен, что потерял её. Когда матросы тащили меня на ют, боль стала настолько сильной, что я потерял сознание. Однако сразу пришёл в себя, как только наш фельдшер принялся за дело. Каким-то чудом оказалось, что цепь не повредила кости, так как бежала свободно, хотя и очень быстро. Была содрана значительная часть кожи и тканей, а также порваны некоторые мышцы и сухожилия. Хирург окунул мою стопу в сильный раствор йода, чтобы продезинфицировать, и я снова потерял сознание от невыносимой боли.

Наш миноносец получил приказ выйти в море, и мы выступили под командой старшего механика, который был гораздо опытнее, чем молодой мичман, только что прибывший из Морского корпуса. Не помню по какой причине, но Шольца не было в тот день на борту, а штурман покинул корабль, чтобы продолжить обучение в Штурманском офицерском классе. Поэтому я устроился поудобнее, насколько это было возможно в тех обстоятельствах, и стал прокладывать курс на карте, время от времени получая ориентиры с мостика. Мы благополучно добрались до места назначения, и я продолжил командовать кораблем до возвращения командира.

Когда командующий Морскими силами Рижского залива узнал о моей травме, то прислал небольшой миноносец забрать меня и одного раненого авиамеханика в морской госпиталь в Ревеле, где я провёл несколько не очень приятных недель. Рана заживала медленно, и, потеряв терпение, я в повязках вернулся на «Страшный». Каким-то образом этот инцидент сделал меня частью экипажа. Я перестал быть

чужаком. И офицеры, и команда были рады моему возвращению, и все признаки внутренних трений со Старком полностью исчезли.

Вскоре после прибытия в Рижский залив я встретил своего друга, капитана 2-го ранга Алексея Пилкина,⁶⁹ бывшего старшего офицера «России», командовавшего теперь миноносцем. Он рассказал забавный случай об одном молодом офицере с германского линкора «Пруссия».

Корабль Пилкина, как и другие миноносцы, находясь в дозоре, подвергался частым, но безуспешным атакам немецкой авиации. Однажды утром ему удалось сбить германский аэроплан. Он отправил шлюпку подобрать пилота, и та доставила на борт молодого морского офицера с железным крестом на кителе. Пилкин сразу узнал в нем одного из наших друзей с «Пруссии», с которыми мы ужинали в Киле в 1914 году, и напомнил пилоту о том случае. Тот тоже вспомнил его и поинтересовался, на каком судне он находится. Пилкин назвал имя корабля — «Москвитянин». Тогда немец спросил, было ли оно присвоено недавно построенному кораблю, поскольку он получил свой крест за то, что потопил корабль с тем же названием. Чтобы убедить его, что он находится на борту оригинального судна с таким именем, Пилкину пришлось показать свои судовые журналы. Пленный офицер был невероятно расстроен, в особенности когда Пилкин сказал ему, что немецкая авиация не потопила ни одного нашего миноносца.

— *Unerhoert!*⁷⁰ — воскликнул пилот и заметил, что, по немецким данным, три русских миноносца были потоплены авиабомбами.

Пока корабль находился в дозоре, пленник жил в каюте Пилкина, ел в кают-компании, и обращались с ним, как с гостем командира. Когда миноносец вернулся на базу, офицерам было очень жаль передавать его властям. Пилота приободрили, сказав, что в день его пленения в эфир была послана открытая радиограмма, сообщавшая немцам о том, что он выловлен в полном порядке, и что его семья должна быть в курсе этого.

⁶⁹ Пилкин Алексей Константинович (1881—1960) — капитан 2 ранга. Окончил Морской корпус в 1902 г. В 1910—1915 гг. служил на крейсере «Россия». В 1915—1917 гг. командовал эскадренными миноносцами «Москвитянин» и «Новик». На «Новике» в 1917 г. участвовал в Моонзундском сражении. Эмигрировал. Скончался во Франции.

⁷⁰ Невероятно! (нем.)

ТЕЛЕГРАММА

Форма № 2.

(шифрованная — ~~открытая~~ по ар. законам), отправленная
по Морскому Генеральному Штабу.

Кому Командант
Куда Тельсингдорф

Время отправления.
10-1-1917
22 1916 г.

По приказанию Министра прошу не оказывать
во временном командировании в
Петроград сроком на три недели
Лейтенанта Дмитрия Федотова. Первого
тока это командировка весьма
крупная для урядов в двенадцатидневной
Международной Конференции Союзников
в Петроград ибо Федотов
знает четыре иностранных языка

Л 410 Коминин

Вручи: _____ Исход. № _____

РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 86. Л. 22

Меня здорово позабавило это любопытное продолжение того весёлого вечера в Киле.

Одной из задач Морских сил Рижского залива была поддержка правого фланга 12-й армии, защищавшей подступы к Риге. Помощь флота сухопутным войскам в основном заключалась в артиллерийской поддержке линкора «Слава», пары канонерок и миноносцев. Последние меняли друг друга группами по четыре. В результате это был, вероятно, единственный участок длинного русского фронта, где наша армия имела преимущество в артиллерии над немцами. Обстреливая германские позиции, миноносцы швартовались носом и кормой к бочкам⁷¹. Огонь корректировался по телефону с наблюдательного поста, устроенного на дереве в лесу сразу за позициями нашей пехоты.

⁷¹ Через бочки к кораблю протягивались телефонные кабели.

Когда пришла очередь нашего дивизиона, меня назначили корректировщиком, и, взяв лошадь у отвечавшего за связь с флотом армейского офицера, я вместе с артиллерийским унтером отправился на пост. Неприятель обстреливал дорогу через лес шрапнелью, и мне с трудом удавалось держаться в седле пугавшейся при каждом разрыве и готовой понести лошади. С дерева, где был оборудован пост, открывался завораживающий вид на немецкие окопы. В подзорную трубу я видел вестовых, разъезжавших верхом по подъездным дорогам, и мог наблюдать, что делается у противника на запасных позициях. Запросив по полевому телефону, нужна ли артиллерийская поддержка, и получив отрицательный ответ, я оставил унтера дежурить, а сам спустился с дерева и отправился с визитом к офицерам ближайшего пехотного полка.

Офицерская столовая располагалась под низким деревянным навесом в роще примерно в полуверсте за линией траншей. Там я нашёл большую, сидевшую за чаем компанию. Когда меня представили всем по кругу, и я смог поболтать с некоторыми из них, то выяснилось, что практически все они — офицеры военного времени, только недавно произведённые в чин, среди которых было всего несколько резервистов, проходивших хоть какую-то подготовку перед войной. Кроме полковника и его штаба, во всем полку имелся лишь один кадровый довоенный офицер.

Как сказал один из прапорщиков: «Мы его бережём на случай, если к нам нагрянет какой-нибудь большой генерал, потому что он единственный, кто знает, как ходить парадным строем».

Нижние чины в своей массе были мобилизованы из петроградских рабочих и имели лишь весьма отдалённое сходство с тем типом регулярного солдата русской армии, который я привык видеть до войны. В офицерах чувствовалась некая трудноуловимая, но сразу поразившая меня очень странная и невоенная черта. Когда позже я попытался проанализировать свои впечатления, то пришёл к выводу, что доминирующей нотой среди них был абсолютный скепсис относительно активного ведения боевых действий.

— Пока мы не трогаем немцев на этом участке, они не трогают нас. Конечно, всегда будут немного постреливать из орудий, будут работать

снайперы и время от времени случаться одна-две вылазки — мы ведь, в конце концов, на войне. Но какой смысл проводить серьёзные наступательные операции? Сначала мы атакуем немцев. В случае успеха мы возьмём их траншеи. Затем они получают подкрепления и выбьют нас, особенно зимой, когда вас с вашими орудиями здесь не будет. И каков общий итог? Несколько сотен убитых у нас. Несколько сотен убитых у немцев. Приблизит ли это хоть на день конец войны? Вряд ли.

Конечно, они не выражались столь многословно, это моя реконструкция их отношения.

За пехотной дивизией стоял кавалерийский полк. Это были Финляндские драгуны, я также зашёл и к ним. Здесь царил совершенно другой дух. Офицеры, как и нижние чины, большей частью были кадровыми. Все выглядели подтянутыми, дисциплинированными и старались производить хорошее впечатление.

На следующий день я получил копию приказа, предписывавшего сухопутным войскам в данном секторе атаковать немецкие позиции, и задачу расчистить огнём миноносцев путь для наступления пехоты. Я начал с обстрела первой линии вражеских траншей, которая, очевидно, была слабо занята совсем небольшими силами. После их основательной обработки я перенёс огонь на вторую линию и сильно разрушил её залпами четырёхдюймовых орудий, а через полчаса переключился на запасные позиции и ходы сообщения. Противник в свою очередь стал отвечать и обстреливать наши окопы. Поскольку никакой активности в наших траншеях не наблюдалось, а из немецких не вёлся ни ружейный, ни пулемётный огонь, я был немного озадачен относительно того, что же делать дальше, и связался по телефону со штабом. Они попросили продолжать вести огонь по запасным немецким позициям, что я и делал в течение ещё часа.

Вечером мне вручили копию донесения о боевых действиях этого дня. И я пришёл ярость, прочитав, что пехота не смогла продвинуться из-за «недостаточной артиллерийской поддержки».

Эта история повторялась несколько раз в периоды моих дежурств на наблюдательном посту, в результате чего я стал крайне скептически относиться к получаемым указаниям. Я больше не рвался расходовать наши лучшие боеприпасы без какой-либо конкретной понятной мне

военной цели и стал давать залпы всё с большими и большими интервалами. Глядя на это представление, я не переставал удивляться, почему никто не положит ему конец. Подружившись с некоторыми кавалеристами и молодыми офицерами, прикрепленными для связи к нашему кораблю, я услышал разные объяснения такому довольно мирному способу ведения боев.

— Эти петроградские рабочие — все сплошь социалисты и пацифисты. Большинство из них работало на военных заводах и попало на фронт в наказание за участие в революционной деятельности. Они устали от войны и настроены враждебно к своим офицерам. С другой стороны, те студенты из разночинцев, что командуют ими, тоже не сильно воинственны. И вот результат! Это, наверное, худший полк во всей русской армии, и, кажется, нас, кавалерию, держат позади них для того, чтобы они просто не разошлись по домам!

Осенью мы несколько раз обсуждали с моим другом Игорем⁷², служившим на полудивизионе особого назначения, и Вадимом Макаровым⁷³ вопрос о том, где могла находиться база немецких подводных лодок в Рижском заливе. Мы чувствовали, что несколько германских субмарин, время от времени атаковавших наши корабли, базируются где-то в небольшой бухте или устье реки на занятой немцами части побережья. Макаров считал, что, вероятнее всего, база была у Роэна, мы же с Игорем склонялись к тому, что она где-то ближе к Ирбенскому проливу.

Несколько дней спустя мне представилась возможность проверить мою теорию. Каждую ночь моторный катер, вооруженный 47-милли-

⁷² Речь идет об Игоре Михайловиче Де Кампо Сципионе (1892—1919). Окончил Морской корпус в 1912 г. С 24.04.1915 г. — и.д. старшего офицера эсминца «Генерал Кондратенко»; 20.10.1915 г. — групповой штурманский офицер полудивизиона эсминцев особого назначения Балтийского флота. 13.04.1916—10.1917 г. — штурманский офицер эсминца «Изяслав». Участвовал в Белом движении на Востоке России. Погиб, командуя 1-й ротой Отдельного Морского учебного батальона.

⁷³ Макаров Вадим Степанович (1892—1964) — старший лейтенант (18.04.1919). Окончил Морской корпус в 1912 г. Сын погибшего в Русско-японскую войну вице-адмирала С. О. Макарова (1848—1904). Служил на крейсере «Адмирал Макаров» и эсминце «Орфей». Во время Гражданской войны участвовал в Белом движении на Востоке России. В эмиграции жил в США, занимался разработками систем вооружения для флота. Почетный гражданин Бостона.

метровой пушкой и зенитным пулемётом, выходил на патрулирование минных полей в Ирбенском проливе. Им по очереди командовали старшие офицеры дежуривших в проливе миноносцев. Такой порядок имел очень серьёзный недостаток в том, что офицеры не знали команду катера и не имели возможности изучить его моторы или уничтожить девиацию компаса.

Когда пришла моя очередь, я взял с собой со «Страшного» маленький компас, оба моих автоматических пистолета с приличным запасом патронов, а также карту с обозначенными на ней минными полями и прочими опасными местами Ирбенского пролива. Ночное патрулирование в плохую погоду было довольно неприятным занятием, поскольку осадка катера была почти такой же, как глубина постановки самого мелкого из минных заграждений, и существовал большой риск задеть килем одну из мин.

Пока не стемнело, я самым тщательным образом проверил компасы и, прежде чем катер отчалил от «Страшного», внимательно осмотрел вооружение и имевшийся боезапас. Винтовок или пистолетов на борту не было, кроме тех двух, что я взял с собой. Подумав секунду, я решил, что лучше не брать ничего дополнительно с корабля.

Я решил крейсировать всю ночь переменными курсами ближе к вражескому берегу, чтобы свести к минимуму эффект от погрешности компаса. Я думал, что малые суда неприятеля имеют какой-то свой обозначенный фарватер вдоль береговой линии, и, курсируя как можно дальше в том направлении, мы будем иметь больше шансов на встречу с ними.

Ночь была довольно тихой, и, выйдя на дежурство, я отчётливо услышал плеск бурунов у немецкого берега. Это дало мне ещё один ориентир в темноте. Я стал курсировать вдоль берега и вести тщательное наблюдение, прокладывая курс в обход затопленных препятствий вроде забетонированных корпусов парусных кораблей, наполненных камнями барж и тому подобного, дополнявшего в некоторых местах минное заграждение. Ночь тянулась бесконечно, и я с нетерпением ждал рассвета. Стояла довольно тёплая для этого времени года погода, от чего бороться со сном было ещё труднее. Чтобы не уснуть, я разговаривал с квартирмейстером и грыз яблоки.

Рассвет застал нас напротив Михайловского маяка. Теперь пришло время привести в действие план по проверке моей теории о базе германских подлодок в Ирбенах. Я решил войти в устье реки Гросс-Ирбен и посмотреть, есть ли там немецкие субмарины или, если уж на то пошло, какое-нибудь небольшое неприятельское судно, стоящее близко у берега. Меня не мучила совесть за то, что мы оставили свой район, так как дозорные катера в любом случае должны были рано утром возвращаться на дежурные миноносцы. На среднем ходу, чтобы производить как можно меньше шума, я вошёл в устье реки, расставив людей у орудий и осматривая горизонт в мощный бинокль.

Довольно скоро я заметил стоящее на якоре небольшое судно. Сначала я подумал, что это, вероятно, малый немецкий тральщик или плоскодонный заградитель. Я увеличил ход до полных двенадцати узлов, на которые был способен катер, и лёг на прямой курс к тральщику. Я решил атаковать его в надежде, что в такой ранний час у нас будут неплохие шансы подойти достаточно близко, прежде чем наблюдатели поднимут тревогу. Мы шли со стороны солнца и, кроме того, заходили из моря, то есть путём, который скорее использовался бы немецким судном, чем русским.

Через несколько минут следования этим курсом я заметил другие суда, стоящие в заливе дальше тральщика. Довольно скоро я понял, что это три германские субмарины.

Какая невероятная удача! Я не верил своим глазам, но вскоре квартирмейстер тоже заметил подлодки и в сильном волнении указал мне на них. Таким образом, не только подтвердилась моя гипотеза, и в Ирбенах действительно оказалась база подводных лодок, но, что гораздо важнее, появился реальный шанс потопить или вывести из строя по крайней мере одну из них. К сожалению, на катере не было глубинных бомб, и в бою он мог рассчитывать только на свою жалкую 47-миллиметровую пушку, которая, несомненно, имела меньшую дальность и мощность, чем вооружение немецких подлодок. Тем не менее, я считал, что психологическое преимущество на моей стороне. Немцы не будут знать, что я задумал, и станут ждать западни там, где её нет. Я решил, что они попытаются уйти и погрузиться вместо того, чтобы дать бой катеру на поверхности. И в случае прямого попадания

в любую незащищённую часть, которую могли пробить малокалиберные снаряды моей пушки, одну из них можно было уничтожить. Секунду, однако, я колебался, атаковать ли подводные лодки сразу или попытаться захватить тральщик, который, похоже, не был вооружён и выглядел лёгкой добычей. Второе казалось гораздо более верным делом, чем преследование подлодок, и успех в нём стал бы для катера большим достижением. Однако я тут же отбросил эту мысль, так как моим несомненным долгом было попытаться в первую очередь нанести максимальный урон субмаринам. Поэтому я сменил курс и, не открывая пока огня, чтобы не поднимать тревогу, направился прямо к подводным лодкам.

Наверное, это был самый захватывающий момент в моей жизни. Всё зависело от того, как долго ещё катер будет оставаться незамеченным для наблюдателей противника. Если бы мне удалось подобраться на расстояние, скажем, пяти-шести кабельтовых, бой можно было бы считать наполовину выигранным. Я понятия не имел о меткости своего артиллериста и не мог стрелять из пушки сам, так как должен был всё время наблюдать за общей картиной действий подлодок и тральщика и следить за появлением немецких гидропланов.

Азарт преследования полностью поглотил меня. Охота на эти три субмарины была по-настоящему большой игрой и захватила до такой степени, что я перестал замечать что-либо, кроме их стоящих на якоре немых, неподвижных корпусов. Весь экипаж катера напряжённо наблюдал за подлодками. Они и представить себе не могли, что наше ночное дежурство закончится таким образом. Близость неприятельского берега явно заставляла команду нервничать.

Внезапно мы заметили, как в боевых рубках появились люди, и все три субмарины, быстро снявшись с якоря, начали двигаться в сторону Рижского залива. В тот момент мы находились в десяти-двенадцати кабельтовых от них. Поскольку скрывать было уже нечего, я приказал комендору открыть огонь по крайнему в колонне судну и устремился на перехват.

По-видимому, глубины не позволяли подлодкам погрузиться прямо там, или, может быть, им был известен какой-то фарватер, но некоторое время они продолжали идти в надводном положении. К своему ужасу,

я обнаружил, что их скорость намного выше нашей, и дистанция между нами начинает расти. В этот самый момент комендор попал снарядом в рубку одной из субмарин. Команда подняла радостный крик. Однако лёгкий снаряд нашей пушки явно не причинил большого вреда, так как подлодка продолжила идти в том же направлении, не сбавляя хода. Тем временем, следуя своим курсом, мы встали в положение поперёк волны. Катер стал сильно качаться, что ещё больше снизило точность стрельбы, поскольку расстояние продолжало увеличиваться. Несмотря на это, я решил продолжать идти за подлодками, пока они не погрузятся или не исчезнут из вида в надводном положении, так как всё ещё рассчитывал на удачный выстрел. К тому времени мы подошли уже довольно близко к берегу, и я услышал, как пара пулемётов открыла по нам огонь с какой-то позиции в лесу. Пока мы находились слишком далеко для них, и всплесков пуль вокруг не было видно. Команда тоже услышала знакомый звук пулемёта и начала волноваться. В отдалении появились два немецких гидроплана и стали быстро двигаться в нашу сторону. Я указал на них нашему пулемётчику.

В этот момент я заметил, что наш ход стал резко снижаться, и велел узнать в машинном отделении, что случилось. В ответ мне сообщили, что один из моторов заглох, и мы идём на втором оставшемся. Однако я продолжал следовать тем же курсом, ведя огонь по подлодкам, которые быстро уходили из зоны досягаемости нашего орудия. Затем встал и второй мотор.

Механик поднялся в рубку и сказал:

— Обе машины вышли из строя. Мы так близко от неприятельского берега, что надо сдаваться, или через несколько минут гидропланы разнесут нас в щепки.

Собравшаяся вокруг команда ждала, что я стану делать дальше. Демонстративно достав из кобуры пистолет, я небрежно бросил им:

— Очень сожалею. В этом случае вы все утонете. Я не собираюсь сдавать катер и просто подожду его, а сам сяду в шлюпку. Поскольку места в ней для вас нет, вам придётся одеть жилеты и плыть следом.

На секунду воцарилась тишина, и я добавил:

— Даю вам десять минут, чтобы починить хотя бы один мотор. Любой ценой мы должны сообщить на дежурный корабль, что подводные лодки в заливе. Через десять минут я подожгу катер.

Механик посмотрел на меня, затем на остальную команду и скрылся в машинном отделении. Я достал часы и стал вслух отсчитывать минуты. Через четыре минуты один мотор заработал, и мы легли на обратный курс к дежурному судну. Немецкие субмарины тем временем погрузились под воду. Гидропланы кружили высоко над нами, но бомб не сбрасывали и не обстреливали из пулемётов. Через несколько минут со стороны Цереля показались три наших аппарата, и немцы повернули к себе.

Добравшись до дежурного корабля (кажется, это была «Куница» под командой лейтенанта Алексева), я закричал им: «Срочно отправьте радиogramму и сообщите миноносцам, что три германские подводные лодки вошли в Рижский залив, и что подробности я сообщу, как только прибуду на «Страшный».

Радиogramму немедленно отстучали, и я лёг на курс к нашим миноносцам.

Получив сообщение с «Куницы», дозорные миноносцы снялись с якоря и стали двигаться на большом ходу. В десять часов один из них, «Туркменец-Ставропольский», был атакован подводной лодкой, но благодаря высокой скорости судна мина прошла мимо.

Всё это произошло до того, как я добрался на «Страшный». Старк, офицеры и команда встретили меня, как давно потерянного брата. Когда катер не вернулся в обычное время, о нашей судьбе заволновались, и Старк передал сигнал гидропланам, чтобы они поискали нас. Затем пришло сообщение с «Куницы», а вслед за ним новость об атаке на «Туркменец».

Адмирал Кедров,⁷⁴ командующий Морскими силами Рижского залива, был очень доволен моими действиями в то утро. Я получил сообщение, в котором он поздравлял меня со своевременным обнаружением подводных лодок, позволившим предупредить дозорные миноносцы.

⁷⁴ Кедров был начальником Минной дивизии БФ (28.06.1916—1917)

100 Я также был отмечен в дневном приказе по дивизиону и, в конечном итоге, представлен к награде⁷⁵.

Этот случай стал предметом долгих обсуждений. Поскольку большинство офицеров Минной дивизии не знали о поломке моторов и не поняли, что я открыл огонь только после того, как подлодки заметили меня и снялись с якоря, появилось несколько искажённых версий событий. Одна из них приведена в книге Г. К. Графа «На «Новике», где бой у Гросс-Ирбена описан довольно неточно⁷⁶.

В обязанности миноносцев, базировавшихся в Рижском заливе, входило сопровождение транспортов и торговых судов из Риги в различные порты Финского залива. В Рижском заливе главной причиной для эскортов служили воздушные налёты. В Финском же и по пути в него основной угрозой русскому судоходству были подводные лодки. «Страшный» также принимал участие в конвоировании, но в целом такие задания проходили без особых эксцессов, и единственными происшествиями, несколько раз нарушавшими рутину нашей работы, были налёты немецких гидропланов, как обычно, не имевшие результата.

Тем не менее другой миноносец нашего дивизиона, «Казанец», был потоплен немецкой подлодкой у Грасгрунда. Он забрал с собой на дно инженер-механика и ещё одного офицера, а также большую часть команды. Другой потерей нашего дивизиона стал «Донской казак», подорвавшийся во время дежурства на германской мине. Он не затонул, но взрывом ему снесло кормовую часть и один из винтов. Погибло девять матросов, и одиннадцать были ранены. Спешно пришедшие ему на помощь миноносцы привели его на буксире в Куйвасто.

⁷⁵ Из записи в дневнике Г. К. Старка от 15 сентября 1916 года: «Федотов превысил данные ему инструкции. Но без риска на войне нельзя. <...> За смелую разведку я представил Федотова к ордену св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Представление моё прошло» (Г. К. Старк. *Моя жизнь*. СПб, 1998. С. 125).

⁷⁶ Г. К. Граф описывает этот эпизод следующим образом: «Немного позже пришло донесение, что на рассвете этого же дня наш дозорный катер обнаружил их у Гросс-Ирбена. Они стояли, ошвартовавшись друг к другу, в надводном состоянии, и, по-видимому, весь экипаж их спал. С расстояния 25 кабельтовых катер открыл огонь, и лодки, быстро разойдясь, погрузились. Катеру не удалось причинить им никакого вреда, так как расстояние было слишком велико, а у командира не хватило выдержки подойти незаметно поближе и уже только тогда начать стрелять» (Граф Г. К. *На «Новике»*. Балтийский флот в войну и революцию. СПб, 1997. С. 209).

Позже в том же году наш корабль вместе с другим миноносцем чудом избежал гибели. Мы получили приказ обследовать небольшую бухту Роэн, удерживаемую немцами на западном побережье залива, обстрелять портовые сооружения и внутреннюю часть гавани в надежде повредить германские подлодки, если они там прячутся.

Стоял яркий, солнечный день с прекрасной видимостью, когда два миноносца на скорости в восемнадцать узлов направились к Роэну. Я был за старшего на мостике шедшего первым «Страшного». Внезапно я заметил прямо по курсу плавающую мину. Станным образом, это сразу же совместилось в моей голове с тем фактом, что на днях один из дивизионов ставил заграждение в нескольких милях ближе к берегу от этого места. Я немедленно скомандовал машинам стоп и просигналил шедшему следом миноносцу, в чем причина. Тот подошёл борт к борту. Его командир, капитан 2-го ранга Гвардейского Экипажа Кнюпфер, очень способный и энергичный офицер, подумал, что моё предположение небезосновательно. По согласованию со Старком, оба миноносца выслали лёгкие моторные катера с тралами, чтобы установить, было ли впереди минное поле или просто отдельная плавающая мина, оборвавшая свой минреп⁷⁷.

Катера начали траление, а мы дали задний ход и, чтобы лишний раз не рисковать, отошли на милю или около того обратным курсом. Затем бросили якорь и стали наблюдать за работой наших лодок. Тем временем в нескольких кабельтовых от первой обнаружилась вторая мина. Немцы в Роэне, по-видимому, заинтересовались нашей активностью, так как вскоре появилась эскадрилья гидропланов и стала бросать на нас и катера бомбы — без особого, впрочем, успеха. Катера продолжили траление и установили точно, что впереди нас действительно минное поле, и мины — русского производства.

Ругая последними словами капитана 1-го ранга Н. и его штурмана, сделавших такую грубую ошибку в определении места постановки заграждения, мы пошли домой, дав несколько залпов по Роэну.

С приближением зимы «Страшный» вместе с двумя другими миноносцами нашей группы был отправлен на Сандвикский завод в Гельсин-

⁷⁷ Минреп — стальной, пеньковый или капроновый трос или цепь для крепления морской мины к якорю и удержания её на определённом расстоянии от поверхности воды.

102 гфорсе для капитального ремонта машин, постановки в док и общего переоборудования. Мы пересекли Финский залив, дав ход примерно в двадцать три узла, и на той же скорости пошли через шхеры Ханко к Гельсингфорсу.

Во время войны не было ни буёв, ни огней, обозначающих узкие проходы в шхерах, и только несколько белых точек, нарисованных краской на камнях, помогали прокладывать курс в этих извилистых проливах между мелких островов. А лежавший местами снег делал проводку ещё более сложной, чем обычно.

Мои знания об условиях плавания в этих шхерах были довольно устаревшими. Я не был в них с тех пор, как ходил гардемаринком на маленькой минной лодке. Однако Старк, великолепный моряк, знал эти воды, как свои пять пальцев. И мы шли вперёд, не снижая хода, мимо коварных острых скал, высоко заливая кильватерной волной гранитные глыбы поросших берёзами и соснами берегов. Я тщательно следил за курсом по отличной лоцманской карте, подготовленной нашим флотом, и пытался приспособить свои умственные процессы к быстрым поворотам и сменам курса, требовавшимся в этих извилистых проходах. Когда мы прошли примерно половину пути, я стал чувствовать себя немного более уверенно, но по-прежнему предпочёл бы делать это на двенадцати узлах, а не двадцати трёх, как это происходило сейчас. Старк продолжал вести корабль с ловкостью автогонщика. Язык белых точек на скалах был так же понятен ему, как его родной русский.

Мы прибыли в Гельсингфорс в назначенный срок, и в течение нескольких дней наш аккуратный миноносец превратился в руины. Старк был назначен начальником дивизиона новых больших жидкотопливных миноносцев и покинул корабль. Я остался за старшего и наблюдал за проведением ремонтных работ на борту. Машины были разобраны, и судно наводнили финские рабочие со своими зубилами и прочим инструментом.

Находясь в таком беспомощном состоянии, мы узнали ошеломляющие новости о том, что одиннадцать германских миноносцев совершили набег на Балтийский порт⁷⁸, и что часть из них подорвалась на минах Передовой позиции. Минная дивизия получила приказ немедленно

⁷⁸ Сейчас город Палдиски в Эстонии.

выйти в море. Мы были вне себя от того, что приходилось стоять разобранными в Гельсингфорсе, пока происходил такой боевой поход. Всё было кончено за несколько часов, и мы узнали, что противник потерял семь из одиннадцати принимавших в нем участие эсминцев, и все на минах. Нападение на Балтийский порт не имело смысла, так как там не было кораблей, и весь урон, нанесённый немцами, состоял из двух убитых солдат, двух женщин и четырёх детей, а также нескольких раненых. Личный состав германских судов вёл себя великолепно с точки зрения боевого духа, но рейд был плохо спланирован и показал нам, что немецкое командование имело очень слабые представления о наших минных заграждениях. Тогда это показалось нам очень странным, так как их подводные лодки постоянно действовали в этих водах и явно имели точные сведения о минных полях. Мы думали, что германские субмарины, по-видимому, используют один или два прохода, свободные от мин, и что миноносцы их пропустили. Выбор Балтийского порта, населённого в основном мирными рыбаками, также говорил не в пользу оперативного отдела штаба командования Германских сил Балтийского моря. Таким образом, семь немецких эсминцев, включая несколько новейших, были в одну ночь потеряны в экспедиции, не имевшей реальной цели.

По окончании ремонта «Страшный» отправился в Ревель, где и оставался всю зиму, пока из-за покрывшего Финский и Рижский заливы льда навигация для миноносцев была невозможна.

ГЛАВА 7.

Февральская революция, 1917

Начало марта 1917 года я встретил в Ревеле временно исполняющим обязанности командира эскадренного миноносца «Страшный», находившегося на зимней стоянке в городской гавани.

«Страшный» был скован льдом вместе с двумя другими кораблями нашего дивизиона и несколькими новыми миноносцами, только что сошедшими со стапелей.

В воздухе носились слухи о беспорядках в Петрограде. Нам было приказано отменить все увольнительные на берег для офицеров и команды, если дело касалось поездок в столицу. Общее ощущение было, что волнения будут быстро подавлены с помощью вооружённой силы. Пока что события в столице не затронули Ревель, по крайней мере, внешне.

Хорошо помню впечатление, которое произвели на меня слова командира нашего дивизиона, старого моряка: если начнётся революция, он не будет стрелять в народ по приказу господ Протопопова⁷⁹ и компании.

В период революции 1905 года подобное замечание было немислимо. Взгляды основной массы флотского офицерства претерпели существенные изменения с того времени и особенно в течение последних двух лет. Выступления представителей всех политических партий

⁷⁹ Протопопов А. Д. (1866—1918) — последний министр внутренних дел Российской Империи.

в Государственной Думе, в том числе и реакционера Пуришкевича, определённо повлияли на военное сословие. И вряд ли от него можно было ожидать безоговорочной моральной поддержки правительства теперь, когда даже члены царской фамилии, великие князья и княгини выражали недовольство политикой императора и пытались противостоять влиянию так называемых «тёмных сил» на судьбу России.

Матросы на вид были спокойны. Признаков какой-либо агитации или целенаправленных попыток возбудить их против правительства не наблюдалось. Большинство офицеров не относилось к событиям в Петрограде всерьёз — хлебный бунт, небольшие волнения. Общее отношение было спокойным, без эмоций и негодования.

Далее я приведу текст, который написал летом 1917 года в Лондоне на основе дневниковых записей, сделанных на клочках бумаги на борту «Страшного» в феврале того же года. Эти записки оставались в Англии у моего друга барона Георгия Таубе, пока в 1921 году я не забрал их с собой в Америку. Некоторые из записей, датированных 5 (18) марта⁸⁰, возможно, относятся к предыдущему дню.

Утро 28 февраля (13 марта) 1917 года.

Из Петрограда только что вернулся кочегар Бердников. Он был в увольнении и на сутки опоздал с возвращением на корабль. По его словам, он не мог добраться до вокзала из-за уличных столкновений в городе. Утверждает, что войска отказались стрелять в народ и перешли на сторону восставших. Поводом для восстания Бердников считает действия полиции, лишившей народ хлеба и заставившей рабочих голодать. На мои вопросы об отношении народа и солдат к офицерам отвечал очень уклончиво.

Поговорив с Бердниковым, я отпустил его обратно на бак⁸¹ и пошёл к капитану 1-го ранга Вилькену⁸² доложить об услышанном от кочегара.

Командир нашего дивизиона отсутствует в Ревеле. На днях он отбыл в Гельсингфорс к другой группе своих кораблей, находящихся там на зимней стоянке. Наши миноносцы сейчас остались без какого-либо

⁸⁰ Здесь и далее в дневнике первая дата дана по старому стилю, вторая - по новому.
Примечание автора

⁸¹ На баке располагался кубрик — жилое помещение для нижних чинов команды.

⁸² Капитан 1-го ранга Павел Викторович Вилькен (1879-1939) командовал 1-м дивизионом эскадренных миноносцев. «Страшный» входил в состав 6-го.

106 реального начальника. Один сломал руку, Азарьев⁸³ со «Стерегающего» в Петрограде, и Рюмин⁸⁴ с «Забайкальца» фактически единственный полноценный командир в нашей группе. Однако он не имеет ни морального авторитета, ни реальной власти над другими миноносцами. Таким образом, наш дивизион не существует как единое целое. Каждый корабль сам по себе.

Вилькен выслушал меня очень спокойно. Он уже знает, что события в Петрограде принимают более серьёзный оборот, чем казалось на первый взгляд.

Полдень того же дня

Старший морской начальник⁸⁵ поднял сигнал отменить все увольнения на берег. Люди по-прежнему спокойны. Только женатые матросы-сверхсрочники недовольны отменой увольнительных и просят сделать для них исключение.

Из Петрограда только что прибыл мичман Бубнов. Я рад его возвращению, так как, кроме меня, на борту был всего только один офицер, судовой инженер-механик Власов. В случае проблем с командой каждый офицер, пусть молодой и неопытный, будет полезен. Со слов мичмана, все беспорядки в Петрограде закончились, и главные улицы столицы заняты войсками, верными правительству. Рота лейб-гвардии Павловского полка, перешедшая на сторону восставших, взята под арест, а толпы рабочих рассеяны конной полицией.

Из штаба командующего Балтийским флотом получена телеграмма, предписывающая мне передать командование миноносцем следующему по старшинству офицеру и прибыть в Гельсингфорс на посыльное судно

⁸³ Азарьев Николай Николаевич (1878—1933) — капитан 2-го ранга. Окончил Морской корпус в 1898 г. В 1915—1917 гг. командир эсминца «Стерегающий». В 1920—1924 гг. служил в РККФ, затем эмигрировал в Шанхай. 28.06.1933 убит пиратами, захватившими следовавший в Шанхай китайских пароход «Шен Ань», на котором он был старшим помощником капитана.

⁸⁴ Рюмин Георгий Митрофанович (1878 —?) — капитан 2-го ранга. Окончил Морской корпус в 1897 г. В 1916—1917 гг. — командир эсминца «Забайкалец». Остался в СССР. В первой половине 1920-х гг. служил в РККФ.

⁸⁵ Командир соединения (части) ВМФ, назначенный по совместительству старшим морским начальником в местах базирования сил флота. Отвечает за общее руководство охраной и обороной, рейдовой службой, использованием причалов, увольнением личного состава кораблей на берег и т.п.

«Кречет» в виду моего назначения помощником начальника Оперативного отдела штаба флота. Однако события в Петрограде убедили меня в невозможности оставить корабль молодому и неопытному Бубнову. Я доложил капитану 1-го ранга Вилькену, что в сложившихся обстоятельствах не решаюсь выполнить приказ. С его одобрения я ответил в штаб, что не могу покинуть миноносец до назначения нового командира и прошу разрешения продолжить исполнение своих обязанностей.

Сейчас было бы гораздо проще перейти на спокойную должность при штабе, однако мне совестно покинуть корабль в такой критический момент. Команда успела узнать меня и испытывает определённое доверие. Месяцы, проведённые в Рижском заливе, не прошли даром.

Около часа я провёл в носовой палубе, разговаривая на различные темы с командой. О событиях в Петрограде я рассказал объективно, никак их не комментируя. Просто изложил факты так, как они были мне известны. Матросы не задали никаких вопросов, вели себя очень осмотрительно, и я не заметил какой-либо подозрительности или враждебности с их стороны.

На всякий случай я проверил оба своих пистолета и положил в верхний ящик стола несколько запасных обойм с россыпью патронов. Из погреба боеприпасов взял мощный фонарь на батарейках и поставил его рядом на стол, а затем завинтил глухую крышку иллюминатора. Всё это я проделал лишь для того, чтобы не дать случаю ни малейшего шанса. Я не допускал мысли о том, что команда может напасть на меня. Однако, как гласит поговорка — бережёного Бог бережёт. Лучше погибнуть в бою, чем быть замученным до смерти, как старший механик с «Памяти Азова» в 1906 году⁸⁶. Впрочем, поводов для столь мрачных мыслей нет, и проблем, скорее всего, не возникнет.

⁸⁶ Имеется в виду восстание на борту этого корабля. Несколько офицеров были убиты и ранены, и мятежники ненадолго завладели судном. Однако вскоре они были нейтрализованы частью команды во главе с кондукторами и унтер-офицерами, оставшимися верными правительству. *Примечание автора*

Примечание редактора: Старший судовой механик «Памяти Азова» подполковник Корпуса инженер-механиков С. П. Максимов был забит насмерть ударами тяжелого рапиля по голове ворвавшимися в его каюту матросами.

После церемонии поднятия флага Вилькен собрал у себя всех командиров. Он сообщил, что был издан указ о роспуске Государственной Думы, и что Дума отказалась подчиниться, выпустив воззвание к армии и флоту с призывом поддержать революционное движение. Похоже, что петроградский гарнизон встал на сторону Думы, и лишь незначительная часть войск всё ещё поддерживает правительство. Движение, видимо, возглавляют Родзянко⁸⁷ и Милюков⁸⁸, по крайней мере их имена упоминаются чаще других. В Гельсингфорсе спокойно, но из Кронштадта поступают очень странные радиogramмы. Дела там, кажется, очень плохи.

Все командиры уверены в способности адмирала Непенина справиться с ситуацией и решить вопрос о принятии флотом присяги на верность Думе без ненужных трений.

Говорили на совещании мало. Большинство офицеров были очень подавлены. Вилькен продолжает сохранять спокойствие. Он очень толковый офицер, и Минная дивизия в Ревеле в надёжных руках.

Обычная утренняя боевая учёба прошла спокойно. Тем не менее я отменил назначенные на полдень револьверные стрельбы.

Вечер того же дня

После обеда офицеры нашей группы собрались на «Забайкальце». Почти все были на нервах. Один механик был заметно пьян. События дня не обсуждались, каждый пребывал в своих мыслях. Однако у меня сложилось общее впечатление, что большинство поддерживает переверот. Они уверены, что царь теперь будет вынужден даровать народу конституцию, а с конституцией дела пойдут намного лучше, и мы сможем победить в войне.

После ужина я, чтобы убить время, попробовал читать Бодлера, но не смог сосредоточиться и отбросил книгу. Я задумался над своим отношением к революции: а в том, что это революция, а не просто бунт,

⁸⁷ Родзянко М. В. (1859—1924) — лидер партии Союз 17 октября (октябристов). Председатель Государственной Думы третьего и четвёртого созывов.

⁸⁸ Милюков П. Н. (1859—1943) — лидер Конституционно-демократической партии (кадетов).

у меня уже нет никаких сомнений. Дума встала на сторону восставшего народа и возглавила революционное движение. Люди таких разных политических взглядов, как Милюков, Гучков⁸⁹ и Родзянко, в одном строю выступили против правительства, располагавшего лишь несколькими сотнями полицейских против возмущённого населения.

Насколько я знаю настроения офицеров, армия вряд ли станет снимать части с фронта для усмирения петроградского гарнизона. Только гвардия может выступить. Остальные войска, скорее всего, примут сторону Думы.

Я слышал, что Непенин очень зол на правительство, и то же самое можно сказать о большинстве адмиралов и командиров кораблей. Они явно убеждены, что с этими министрами выиграть войну нельзя. Следовательно, надо искать какой-то выход из сложившегося тупика. Если дойдёт до открытого размежевания, и одни останутся с правительством, а другие встанут на сторону Думы, результатом будет национальная катастрофа и поражение в войне. И, поскольку в долгосрочной перспективе Дума имеет больше шансов взять верх, будет лучше, если смена правительства пройдёт без кровопролития и междоусобицы. Если совет командиров соберётся снова, необходимо прийти к общей консолидированной позиции для всех кораблей дивизии и принять соответствующее решение.

У нас по-прежнему нет точной информации о том, что происходит в Петрограде. «Ревельские известия» печатают статьи откровенно революционного содержания, и время от времени мы получаем телеграммы и радио из Кронштадта и Гельсингфорса.

Утро 2 (15) марта

Перед поднятием флага Вилькен собрал у себя командиров миноносцев. Все мы были напряжены и подавлены. Новости из Петрограда обсуждались шёпотом. Вилькен зачитал нам телеграмму Непенина о сформированном Думой Временном Правительстве и его признании

⁸⁹ Гучков А. И. (1862—1936) — лидер партии Союз 17 октября. Председатель Государственной Думы третьего созыва (1910—1911).

110 флотом в Гельсингфорсе.⁹⁰ Повисла глухая, тяжёлая тишина. Вилькен предложил обсудить ситуацию и принять решение о позиции частей Минной дивизии в Ревеле. Кто-то сказал, что генерал Рузский⁹¹ также занял сторону Думы.

Пока мы решали, какую линию поведения принять, по телефону пришло сообщение, что толпа рабочих с верфи под красными флагами движется в гавань. Эта информация ещё более усилила напряжение. Стало ясно, что решение необходимо принять немедленно. Однако никто не решался сделать первый шаг. Присяга на верность царю, традиции русского офицерства — всё это стоило очень дорого. Офицеры остро переживали этот трагический момент: было нелегко предать идеалы службы, отказаться от всего, что ты знал, от привычек, ставших второй натурой.

Наконец один из командиров высказался за немедленное признание Думы, ибо каждая минута промедления могла привести к ненужному кровопролитию. Слова его не вызвали возражений. Я добавил, что не позволю посторонним войти на мой корабль, так как в первую очередь сейчас необходимо поддерживать дисциплину в экипажах и всех воинских частях. По моему мнению, если ослабить дисциплину хотя бы на несколько дней, флот перестанет быть силой и превратится в скопление кораблей и людей, не представляющее никакой боевой ценности.

⁹⁰ Скорее всего речь идет о приказе командующего флотом, подписанном в 23 часа 30 минут 2 марта 1917 г. «Приказываю завтра утром объявить командам и рабочим, что состоялось соглашение Исполнительного комитета Государственной думы с Советом рабочих депутатов, в результате чего образовано и вступило в исполнение обязанностей новое правительство... [Далее перечисляется его состав] Подчеркнуть, что факт упомянутого соглашения знаменует полное объединение всех партий во имя интересов родины и войны до победы.

В то же время приказываю объявить на судах с подъемом флага завтра утром, после чего команду на берег не спускать, разъяснив эту меру необходимостью предотвратить всякое их соприкосновение со смутьянами, забывшими свой долг сохранения спокойствия в эти исторические дни. Посылку роты для охраны штаба крепости полагал бы бесполезной. Обходы с бригады посылать всю ночь и день. Содержание этой телеграммы, кроме моих частных распоряжений, срочно отпечатать и расклеить везде в городе. Объявить также, что в Ревель выезжают члены Государственной думы для успокоения населения и разъяснения событий» (Цит. по: Великая Октябрьская Социалистическая революция в Эстонии. Сборник документов и материалов. Таллин, 1958. С. 25).

⁹¹ Рузский Н. В. (1854—1918) — генерал-адъютант, командующий Северным фронтом, то есть сухопутными войсками, взаимодействовавшими с Балтийскими флотом.

Мои слова вызвали жаркую дискуссию. Каждый желал немедленно высказаться. Пылкий капитан 2-го ранга Шишко закричал, что положит торпеды со взведёнными взрывателями на палубу и взорвёт корабль, если только толпа попытается взять его штурмом. Остальные командиры высказались в том же духе. Капитан 1-го ранга Гельмерсен рассуждал более трезво, задав очень уместный в данной ситуации вопрос: позволит ли команда положить торпеды и подвести к ним провода. В первый раз кто-то озвучил вероятность неповиновения матросов, ибо до того момента не было никаких видимых признаков их возможной нелояльности к офицерам. И явившиеся вдруг всем видения «Потёмкина», «Очакова» и «Памяти Азова»⁹² зародили сомнения на этот счёт.

По телефону опять сообщили, что толпа с красными флагами уже совсем близко от гавани. Мы встали. Настал момент для принятия решения. Традиционная неприязнь к красному цвету была забыта, старые укоренившиеся привычки принесены в жертву во имя победы родины. Национальное чувство оказалось выше классовых и политических предрассудков. Потрясение было очень сильным. Я заметил, как один из офицеров, не таясь, всхлипывал, и многие украдкой вытирали слезы.

Вернувшись на свой миноносец, я по внутренней связи приказал экипажу собраться на верхней палубе и, сильно волнуясь, передал офицерам, что имею для них сообщение чрезвычайной важности.

Команда и офицеры быстро построились.

— Собраться на полуюте!⁹³ — скомандовал я и был тут же окружён плотной массой матросов, которые, затаив дыхание, ждали, что я скажу. Я никогда не любил длинных речей перед строем, предпочитая обсуждать важные вопросы лично с теми, кого они касались. Сейчас же мне предстояло сказать много важного, и я был совершенно к этому не готов. Начав свою речь, я ещё не знал толком, о чем говорить. Было чувство, что я попал на устный экзамен по предмету, о котором имею очень смутное представление. Но я быстро преодолел волнение и стал говорить твёрдо и спокойно. Содержание моей речи было примерно следующим:

⁹² В период революции 1905—1907 годов на этих кораблях произошли восстания экипажей. *Примечание автора.*

⁹³ Возвышенная часть кормовой оконечности корабля или дополнительная палуба над ютом, где перед строем зачитывались приказы, приговоры и манифесты.

«Я уже говорил вам о событиях в Петрограде. Восстание переросло в революцию. Государственная Дума с её председателем Родзянко возглавила движение. Старое правительство низложено. Командующий Балтийским флотом адмирал Непенин встал на сторону народа. Флот в Гельсингфорсе поддержал Думу и выступил против правительства, заведшего страну в крайне тяжёлое положение. Совещание командиров кораблей Минной дивизии в Ревеле, обсудив сложившуюся ситуацию, единогласно приняло решение поддержать революционное движение во благо родины и ради победы над Германией. Мы передаём себя в распоряжение Государственной Думы. Я лично присутствовал на этом совещании, поддержал принятое решение и теперь призываю вас последовать моему примеру. Я хочу, чтобы вы поклялись сражаться за Государственную Думу и правительство, которое она назначило».

Мои слова произвели ошеломляющий эффект на офицеров и команду. Они ведь не присутствовали на встрече командиров, и большая часть того, что там обсуждалось, была им неизвестна. Матросы не могли понять, как суровый и временами даже жестокий Непенин, бывший для них воплощением дисциплины на Императорском флоте, мог встать на сторону революции. Единогласное решение командиров тоже казалось им невероятным. Во время всех прошлых революционных выступлений Минная дивизия была наиболее надёжным соединением флота на Балтике и принимала участие в подавлении беспорядков в других частях. А дивизионы в Ревеле отличались особой дисциплиной и верностью. Простые натуры матросов не могли представить себе причин, заставивших командиров заговорить в этот раз о Государственной Думе и отказать в поддержке старому правительству, вместо того, чтобы, как обычно, напомнить им о присяге и верности престолу.

Но какие бы мысли не кружились в их головах, матросы молчали, никак не отреагировав на мои слова. Тогда я повернулся к тому, кто был ближе всех, и спросил:

— Николайчук, ты за Думу или за старое правительство?

— Как прикажете, Ваше благородие, — послушно ответил боцман и добавил: — Куда вы, туда и мы.

Такой результат произнесённой речи сильно удивил меня. Вместо общей радости и воодушевления команды, состоявшей большей частью из рабочих, я столкнулся с очень неопределённым настроением людей.

Я снова обратился к ним:

— Сейчас ещё более необходимо поддерживать жёсткую дисциплину. Если на флоте не будет порядка, германцы используют революцию в своих целях и победят нас. Наш долг показать врагу, что революция не поколебала дух флота, и мы, как и раньше, готовы до последнего вздоха сражаться за Отечество. Готовы ли вы поддерживать порядок на борту и безоговорочно исполнять мои приказы?

— Так точно! — радостно по-уставному отозвалась команда. Казалось, они почувствовали облегчение, услышав привычные слова «приказ» и «дисциплина».

Похожие сцены происходили и на остальных миноносцах.

В подтверждение своего обещания не пускать посторонних на борт, я дал понять команде, что мы должны быть готовы к любым неожиданностям, и приказал отделению матросов с винтовками собраться на полуюте. Также я велел кондукторам и боцману вооружиться револьверами и попросил офицеров не отлучаться с корабля даже ненадолго на другие миноносцы.

Как только все приготовления были закончены, огромная толпа рабочих с красными флагами вошла в нашу часть гавани со стороны торгового порта, где стояли на приколе большие корабли.

На всех миноносцах подняли трапы. Офицеры и матросы собрались на палубах. Приближавшая толпа была настроена агрессивно. Большею частью это были рабочие с верфи и несколько моряков, в основном с крейсера «Олег» и плавучей базы подводок «Пётр Великий». Они открыто демонстрировали свою враждебность по отношению к офицерам миноносцев, щедро осыпая нас лестными эпитетами вроде «царских жандармов», «сухомлиновских приспешников» и «кровопийц».

Долговязый кочегар с «Олега» в рабочей робе и меховой ушанке кричал моим людям: «Что вы смотрите на них! Спустите их под лёд!» Толпа остановилась на краю стенки и гудела, как потревоженный улей, не переходя, однако, от угроз к действиям. Матросы на миноносцах были явно напуганы. Я видел, как некоторые просто тряслись от страха.

Задние ряды на стенке давили на передние. Толпа быстро росла в размерах за счёт прибывавших с верфи рабочих и моряков военно-морской базы. Крики становились всё громче и злее. Положение стало критическим.

Всё это выглядело довольно абсурдно. Обе стороны поддерживали революционное правительство. Однако взаимное недоверие было

114 настолько велико, что они готовы были схватиться друг с другом при малейшей провокации.

Мой миноносец привлекал особое внимание, и на нас с офицерами сыпался весь возможный набор оскорблений и ругательств. Я стоял у трапа, крепко сжимая в кармане своей английской шинели тяжёлый автоматический маузер. От толпы меня отделяло всего каких-то пять метров. В тот момент я был уверен, что жить мне осталось лишь несколько минут, и, стараясь сохранять спокойствие, всматривался в лица, решая, кого следует застрелить первым, если они попытаются взять корабль штурмом. Меня охватила навязчивая идея: не допустить никого на борт, чего бы это ни стоило. Эта мысль овладела мной полностью и стала вопросом жизни и смерти.

Прямо передо мной стояло несколько разночинцев-латышей или эстонцев в фетровых шляпах и широких пальто. Они явно были за старших, и толпа ждала их указаний. На плохом русском они пытались обратиться к моим людям, чтобы те спустили трап и не слушались приказов врага народа. Однако дисциплина ещё сохранялась, и матросы не обращали внимания на агитаторов. Но в то же время я чувствовал, что команда сбита с толку, и всерьёз положиться на них нельзя.

Маленький коренастый мужчина в широкополой шляпе срывающимся от волнения голосом обратился ко мне: «Приказываю вам спустить трап и не препятствовать команде присоединиться к нашей демонстрации». Тут я окончательно вышел из себя и зло закричал этому эстонцу в ответ: «Я знаю только то, что вы можете быть немецким шпионом, и я не собираюсь исполнять никаких ваших приказов. Я сам знаю, что мне делать с моей командой. Мы на стороне народа и Государственной Думы, и я не потерплю никаких беспорядков или посторонних на борту корабля. Я здесь командир и не позволю никому распоряжаться».

Человек в широкополой шляпе зашептался о чём-то с соседями, указывая на меня. Затем сунул руку в карман своего пальто, где лежал хорошо различимый пистолет.

«Если я выстрелю сейчас, другие офицеры тоже откроют стрельбу. И, вероятно, нам удастся рассеять толпу. Но затем придёт другая, хорошо вооружённая, и перебьёт нас всех... бессмысленное кровопролитие. С другой стороны, если я позволю ему убить меня, толпа, почувствовав вкус крови, превратится в стаю волков и нападёт на офицеров.

Кровопролитие неизбежно в любом случае... лучше убить, чем быть убитым... надо выиграть время, и, возможно, появится другой выход... а сейчас надо стрелять!» Эти мысли вихрем пронеслись в моей голове, и я в мгновение ока принял решение. Сняв маузер с предохранителя, я рывком вытащил его из кармана. Маленький эстонец побледнел. Очевидно, он понял, что я собираюсь застрелить его. Он сунул свой пистолет поглубже и нырнул в толпу.

В этот момент появился Вилькен. Он взобрался на сугроб, чтобы обратиться к рабочим и матросам, и зачитал им телеграмму адмирала Непенина, разрешающую командам кораблей участие в революционных демонстрациях.⁹⁴ Настроение толпы тут же поменялось. Часть миноносцев пустила на борт рабочих, с других офицеры съехали на берег и смешались с толпой. Матросы добродушно кричали капитану 2-го ранга Рыжею, стоявшему на юте одного из кораблей: «Эй, длинноусый, пошли с нами!» Рыжей в свою очередь беззлобно отвечал: «Идите к чёрту и отстаньте от меня».

⁹⁴ Непонятно, о какой телеграмме идет речь. А. И. Непенин был категорически против участия моряков в политических событиях. Об этом свидетельствует его приказ от 3 марта 1917 г. «Объявляю командам и рабочим: В Ревеле частью команд и рабочих производятся манифестации на улицах. Такие же попытки, к счастью пока единичные, имели место в Гельсингфорсе. Вся команда и рабочие должны знать, что я откровенно со всем вверенным мне флотом примкнул к Временному правительству как единственной власти, поддерживающей порядок. Имею определенные указания комитета [Временный комитет Государственной Думы] не допускать пока манифестаций на улицах, особенно это важно в Гельсингфорсе, где население нерусское и где это могло бы послужить соблазном для населения.

Предписываю соблюдать полный порядок и без моего разрешения никаких манифестаций не производить» (Цит. по: Балтийские моряки в подгтовке и проведении Великой Октябрьской Социалистической революции. М.-Л., 1957. С. 29).

Судя по всему именно после этого приказа, в тот же день, начальник 1-й бригады крейсеров контр-адмирал В. К. Пилкин подал рапорт, в котором говорилось: «...имея единственной целью сохранить для войны личный состав и суда, следую вашим приказаниям, насколько это возможно, в зависимости [от] меняющихся обстоятельств. Категорические требования не пускать на берег команду неисполнимы и усложняют чрезвычайно задачу, вызывая риск проникновения толпы на суда. Положение более тяжелое, чем предполагаете. В исключительную минуту нужны исключительные средства, почему предвижу необходимость неволью нарушить ваши требования и, может быть, принять участие в торжественной манифестации единения флота с новым правительством и народом. Если в Гельсингфорсе спокойно, ваше присутствие здесь было бы драгоценно. В выказанном солидарны Вердеревский [и] Вилькен, о чем доношу» (Там же. С. 28).

Постепенно толпа переместилась к другим кораблям и покинула нашу часть гавани. Я смог наконец перевести дух, чувствуя, как будто снова вдруг вернулся к жизни после медленной, мучительной смерти.

Вилькен велел мне отпустить часть команды для участия в манифестациях в поддержку переворота и Государственной Думы.

Я скомандовал: «Желающим присоединиться к демонстрации переодеться для увольнения на берег». Лишь десять человек выразили такое желание. Через несколько минут, в шинелях и шапках, они построились на полуяте, где я лично проинспектировал внешний вид каждого, отправив троих обратно начистить пуговицы.

Поздно вечером того же дня

Сегодняшняя мирная демонстрация переросла в беспорядки. Открыты двери тюрем и полицейских участков. Тюремная стража вместе с начальником перебита. Комендант крепости Ревеля адмирал Герасимов ранен.⁹⁵

Оправданий этим убийствам нет. Толпа не встречала сопротивления, и Герасимов лично пришёл в тюрьму, чтобы освободить политических заключённых. Когда он обратился к толпе, один из рабочих бросился на него и нанёс удар штыком в голову. Матросы, стоявшие рядом с Герасимовым, едва успели спасти ему жизнь, оттащив нападавшего и отправив адмирала в автомобиле домой.

Герасимов был известен гуманным отношением к подчинённым. Получив телеграмму Непенина, он без колебаний принял сторону Государственной Думы.

⁹⁵ Эти события описал в своей телеграмме от 2 марта, переданной в 18.00, адресованной А. И. Непенину, начальник штаба морской крепости Императора Петра Великого капитан 1-го ранга В. А. Любинский: «С утра толпы рабочих с матросами с революционными песнями ходили по городу. К полудню настроение в толпе обострилось, пошли выпускать арестованных в тюрьмах. В толпе у тюрьмы «Маргарита» оказалось много вооруженных винтовками матросов. Тюрьма разгромлена и подожжена, поехавший туда ком[ендант] креп[ости] для уговора сбит с ног и ранен в лицо неопасно. Начальник тюрьмы убит, есть еще убитые из населения. Конная сотня рассеяла толпу, не применяя оружия. Из всех тюрем заключенные освобождены. Руководят бесчинствами матросы, стреляя зря. Сухопутные войска верны. [...] Просил содействия старшего на рейде посылкой обходов с офицерами с зелеными повязками на рукаве с буквами «В.П.» (Временное правительство) для воздействия на матросов» (Балтийские моряки в борьбе... С. 25).

Так пролилась первая кровь. И дай Бог, чтобы она была последней в эту революцию.⁹⁶

С палубы моего корабля хорошо видны огни нескольких пожарищ в городе. Время от времени доносятся звуки выстрелов. Однако понять, кто и зачем стреляет, невозможно. На борту всё спокойно. Матросы, ушедшие участвовать в демонстрации, вернулись рано. Выглядели они напуганными и сбитыми с толку.

— В городе беспорядки, Ваше благородие. Там просто страшно. Коменданта чуть не убили, — доложил по возвращении минёр Захаренко.

Поползло огромное количество слухов, один невероятнее другого, и все противоречащие друг другу. Одни говорили, будто войска с фронта вошли в Петроград и арестовали правительство, сформированное Думой. Другие, что немцы перешли в наступление и взяли Ригу. И даже про корабли, стоящие в одной с нами гавани, рассказывали настоящие небылицы: будто бы офицеры с «Олега» попытались взорвать корабль, но заговор был раскрыт, и все они оказались под арестом. А старшего офицера поставили стоять навытяжку с винтовкой на юте в отместку за его жестокости.

На миноносцах в целом спокойно. Матросы с большим интересом погрузились в хлынувший на них, как из прорванной плотины, поток новых слов и идей. Несколько часов я провёл в носовой палубе, объясняя им значение таких слов, как «конституция», «республика», «избирательная система» и «тайное голосование», и рассказывая о системах управления, распространённых в других странах. Матросы оказались очень благодарной аудиторией, слушали внимательно и были явно удовлетворены моими объяснениями. Временами они выражали удив-

⁹⁶ Бывший полицмейстер Ревеля ротмистр Лупанов так описывал эти события: «...1 и 2 сего марта при возникновении народных волнений толпою, в коей находились и воинские нижние чины, совершенно разгромлены Ревельское городское полицейское управление и арестантские помещения при нем, помещение полицейского резерва и канцелярии следующих городских полицейских частей: Завокзальной, Нарвской, Юрьевской, Перновской, Балтийскопортской, Городской и Портовой. В означенных местах уничтожены находившиеся книги, дела, мебель и вообще вся канцелярская утварь. Уничтожению подверглись не только канцелярии полицейских частей, но и собственное имущество многих приставов. Из чинов полиции убит один помощник пристава Юрьевской части губернский секретарь Гансон, который находился при разгроме «Маргарита» (Великая Октябрьская Социалистическая революция в Эстонии... С. 26).

118 ление моей способностью ответить на любые их вопросы о политике, предмете абсолютно для них новом.

— Ну, теперь нам стало понятнее. А то не знали, с какого конца к этому подступиться, — сказал мне наводчик Пузырёв.

Узнав, что я обсуждаю с командой события дня, на «Страшный» стали подходить матросы и с других миноносцев. Все они очень спокойны и вполне уверены, что теперь всё будет хорошо, мы разобьём наконец германцев, и впереди ждёт новая и лучшая жизнь. И лишь кондукторы слегка омрачали всеобщую радостную атмосферу жалобами на свою тяжкую долю и слишком долгие сроки производства в офицерский чин. Как сказал Крючков: «Мы слишком долго сидели на чёрном хлебе, пора бы уже отведать и курочки». Будет жаль, если и остальная команда начнёт рассуждать так же узко эгоистически. Начнутся серьёзные конфликты, в которые будут вовлечены все. Необходимо направить их мысли в другое русло.

Все эти долгие разговоры с командой, события в городе и всевозможные слухи, носящие в воздухе, совершенно выбили меня из колеи. Я чувствую себя беспомощным и понимаю, что в случае любой нештатной ситуации решение придётся принимать самому, без каких-либо даже общих указаний сверху. Вертикаль субординации и дисциплины разрушена, и я не уверен, сможем ли мы восстановить её снова.

Не могу понять, что происходит в Кронштадте. Адмирал Вирен, похоже, убит, так как было получено радио с приказом адмиралу Курошу принять на себя обязанности главного командира порта. Возможно ли, что прольются реки крови, и первые дни свободы будут омрачены бессмысленными убийствами, творимыми матросами?

Утро 3 (16) марта

После обычной утренней боевой учёбы я по просьбе команды продолжил вчерашнюю беседу на тему текущих событий, переросшую в настоящую лекцию. Матросы слушали с большим интересом.

Сегодня из Гельсингфорса вернулся командир нашего дивизиона капитан 1-го ранга Алеамбаров. С его слов, там всё тихо. Адмиралу Непенину удаётся держать ситуацию под контролем. Флот в полном порядке.

Командир собрал все экипажи дивизиона на одном из кораблей и обратился к ним с длинной речью. Алеамбаров принял командование

относительно недавно и не пользуется популярностью среди подчинённых. Речь его была настолько неловкой, что из рядов послышались замечания. Чтобы спасти ситуацию, мне пришлось сказать несколько слов, которые успокоили людей и не дали развиваться неприятному инциденту.

Вилькен снова собрал совещание командиров. Был получен Высочайший Манифест об отречении императора от престола в пользу великого князя Михаила.

Вилькен объяснил, что флот исполняет приказы Государственной Думы, и потому будет преждевременно приводить личный состав к присяге великому князю. Это лучше отложить до получения дальнейших инструкций из Петрограда. Для большинства из нас отречение царя стало полной неожиданностью. Мы думали, что результатом революции станет конституционная монархия. Куда же мы теперь движемся?

Из Петрограда вернулось несколько офицеров, находившихся там в отпусках. Они рассказали о жёстком отпоре, который дал революционным войскам Учебный Морской Экипаж. По их словам, одна из рот пошла в штыковую атаку и была полностью уничтожена пулемётным огнём. Ходят слухи, что в Морском училище⁹⁷ гардемарины убили нескольких революционеров и сдались только, когда прибыли броневики. Говорили, что Морской Гвардейский Экипаж во главе с великим князем Кириллом пришёл с красными флагами к Государственной Думе и встал на сторону революции. Невероятно, что великий князь мог поступить таким образом. Тоже мне, герцог Орлеанский⁹⁸. Сходство тем более полное, что тот также командовал морской гвардией.

Бедный император! Даже ближайшие родственники отреклись от него. Его личный конвой отправил депутацию к Родзянко. И не было у него верных швейцарцев защитить Царское Село. Как быстро пало самодержавие! Почти без сопротивления. Интеллигентской фронды,

⁹⁷ До 1916 года — Морской кадетский корпус.

⁹⁸ Луи Филипп Жозеф, герцог Орлеанский (1747—1793) — французский военный и политический деятель, представитель младшей линии Бурбонов и один из самых богатых людей Франции. Во время Великой французской революции примкнул к восставшим, отказался от титула и принял фамилию Эгалите (равенство). Голосовал в Конвенте за казнь своего родственника Людовика XVI.

120 недовольства офицеров и голодного бунта оказалось достаточно, чтобы опрокинуть великую монархию. Что будет создано на её руинах и кем?

Вечер того же дня

Сегодня мы получили газеты из Петрограда. Переворот, очевидно, закончен. Соппротивление полицейских сил сломлено. Гарнизон полностью на стороне восставших. Войска на фронте также радостно приветствуют революцию.

Так странно видеть имена старых генералов в одном ряду с либеральными адвокатами и лидерами социалистов. Какой-то перевёрнутый мир. Я отказываюсь что-либо понимать. Не ясно даже, в чьих руках сейчас реальная власть. Параллельно с правительством, созданным Государственной Думой, появился Совет рабочих и солдатских депутатов. Откуда он взялся? Ничего подобного не было со времён Хрусталева-Носаря⁹⁹.

Вчера вечером один из моих людей вернулся на борт в стельку пьяным и с раной от сабельного удара на голове. Долгое время не удавалось выяснить, где и как он был ранен. Я отвёл его на перевязку на плавучий госпиталь «Лава». Наш штатный хирург и Р. сидели за бутылкой вина. Р. настроен очень враждебно к революции и не стесняется в выражениях на этот счёт.

Рану перевязали. Наконец матрос рассказал, что повздорил с солдатами из полка пограничной стражи, которых моряки всегда недолюбливали, и кто-то из них ударил его шашкой.

В кинотеатре «Гранд Марина» проходят какие-то собрания¹⁰⁰. Говорят, в них участвуют в том числе и некоторые офицеры.

Вместо упразднённой полиции создана милиция, и корабли посылают в город патрули для поддержания законности и порядка. О собраниях в «Гранд Марине» рассказывают такое, что трудно поверить. Если всё, что говорят, правда, то группа людей, собирающаяся в кинотеатре, имеет целью полное разрушение дисциплины в армии и на флоте. Если

⁹⁹ Носарь (Хрусталева) Г.С. (1877—1919) — в период революции 1905 года — председатель Петербургского совета рабочих депутатов.

¹⁰⁰ 3 марта в «Гранд-Марине» состоялось собрание выборных рабочих, сознательных представителей армии и флота и граждан г. Ревеля, на котором обсуждались вопросы, связанные с текущим политическим положением, и был избран Совет депутатов рабочих, матросов и солдат, дальнейшие заседания которого проходили там же.

им это удастся, мы никогда не достигнем победы в войне, и будущее России будет туманным.

Очень трудно понять толком, кто и каких идей придерживается и за что стоит. Мы не знаем, какое направление приняло революционное движение в других частях России. В Ревеле явно взяли верх социалистические тенденции. Матросы имеют очень отдалённое представление о программах политических партий. Но интуитивно они все социалисты. Самыми важными для них являются земельный и рабочий вопросы, а также борьба рабочего класса против капитала. Как только начнётся открытая социалистическая пропаганда, все нижние чины флота примкнут к той или иной левой партии.

Некоторое время назад я изучал марксизм и лично знаком с некоторыми социал-демократами и эсерами. Но поскольку я провёл несколько лет за границей и сам не принадлежу ни к какой политической партии, то не имею ни малейшего представления, какую тактику выберут русские социалисты. Последуют ли они курсом, предложенным Шейдеманом¹⁰¹, Вандервельде¹⁰², Хендерсоном¹⁰³ и Томасом¹⁰⁴, или объявят войну старой системе, чтобы на её обломках построить новое «царство свободы»? Наивно полагать, что подобный эксперимент может пройти безболезненно, особенно во время войны с таким противником, как Германия.

Какими методами можно отвратить массы от их деструктивных порывов и направить революционные силы в русло созидательной работы для победы в войне?

Я обсуждал эти вопросы с некоторыми офицерами с других кораблей. Мы, однако, так и не пришли к какому-то общему мнению. Вердеревский, как я понял, работает в том же направлении, хотя я и не знаю деталей его планов.

Всё своё время я провожу на борту, в тесном контакте с командой, пытаюсь сохранить последние остатки власти и некоего подобия дис-

¹⁰¹ Филипп Шейдеманн (1865—1939) — немецкий социал-демократ, первый канцлер Веймарской республики.

¹⁰² Эмиль Вандервельде (1866—1938) — видный деятель Бельгийской рабочей партии, в 1925—1927 годах министр иностранных дел Бельгии.

¹⁰³ Артур Хендерсон (1863—1935) — лидер Лейбористской партии Великобритании.

¹⁰⁴ Норман Томас (1884—1968) — американский социалист, лидер Социалистической партии Америки.

122 циплины. С верфи и из города по-прежнему доносятся одиночные винтовочные выстрелы.

Не могу уснуть. Уже почти три часа ночи, а нервы в таком напряжении, что я не могу даже лечь в постель. В первый раз в жизни я пожалел, что не курю; табак, вероятно, помог бы. Больше всего выматывают разговоры с командой, надо быть всё время начеку, внимательно прислушиваться ко всем возражениям и иметь готовый ответ на самые неожиданные вопросы.

Утро 4 (17) марта

Утро принесло важные, волнующие новости. В очень ранний час на корабли была передана радиограмма с текстом манифеста великого князя Михаила. Нам предписывалось зачитать этот текст в экипажах.

На некоторых кораблях уже успели собрать людей на ютах, когда Служба связи флота сообщила по телефону, что манифест передали по ошибке, и его не следует читать командам.

Собрать людей, а затем распустить, не сказав им о манифесте, означало бы дать ещё один повод для их и без того быстро растущего недоверия к офицерам. Зачитать текст, а потом сказать, что Служба связи передала его по ошибке и что он неточен, тоже не обещало ничего хорошего. Слово «провокация» и так стало слишком часто звучать на кораблях; её видели во всём, в самой простой дневной рутине. В этих обстоятельствах командиры миноносцев нашего дивизиона приняли решение зачитать манифест без упоминания о последовавшем за ним сообщении Службы связи.

Отречение великого князя Михаила стало полной неожиданностью для офицеров флота в Ревеле. Большинство из нас восприняло эти новости очень плохо. Вместо знакомой и привычной формы правления появилось что-то совершенно новое — не монархия, но пока ещё и не республика.

Команды отреагировали на манифест по-разному. На одних кораблях кричали в поддержку Временного Правительства, на других — великого князя Михаила, на третьих сохраняли молчание.

На верхней палубе я встретил старшего машиниста Романенко, только что вернувшегося из отпуска в родной деревне. Я всегда считал его человеком большого ума и здравого смысла и решил поговорить с ним о событиях этой недели.

— Ну, Романенко, поздравляю тебя с новой, свободной Россией.

— Надеюсь, она не будет хуже старой, Ваше благородие, — коротко ответил он. И подумав немного, добавил:

— Кто знает... На всё воля Божья.

Матросы сегодня особенно активны. Они ходят с корабля на корабль и о чём-то шепчутся, замолкая сразу, как увидят офицера. Некоторые демонстративно не соблюдают субординацию и дисциплину. На моём корабле дела обстоят немного лучше, чем на других, но в целом обстановка изменилась к худшему.

Пришёл какой-то рабочий и попросил позволения повидать приятелей. Выглядел он подозрительно, но отказать ему было нельзя. Наверняка это агитатор. Но кто послал его и зачем?

Полдень 4 (17) марта

Колонна матросов с миноносцев соседнего дивизиона вышла на демонстрацию под красными флагами и призвала экипажи других кораблей присоединиться к ним в поддержку революции и требований демократической республики. Бросив работу, все матросы толпой повалили на шествие. Офицеры пытались сохранить какое-то подобие порядка и убедить команды оставить на борту хоть кого-то. Их усилия оказались тщетными и обернулись потоком оскорблений в ответ. Двое матросов с другого миноносца были особенно агрессивны.

Нижние чины больше не отдадут честь офицерам, тогда как ещё утром делали это со всем усердием.

Капитан 2-го ранга Р. остановил расхристанного и неопрятного матроса и спросил: «Почему ты не отдаёшь мне честь?» Тот грубо ответил ему: «Вышел приказ не отдавать честь офицерам, вот почему. И не тыкайте мне, теперь это запрещено». Р. был обескуражен таким ответом и смог только пробормотать: «Кто отдаёт такие приказы? Кто запретил?»

Матрос, держа руки в карманах, чтобы подчеркнуть свою независимость, торжествуя ответил: «Совет рабочих депутатов».

Вскоре процессия выдвинулась в город. Лишь несколько бело-синих Андреевских стягов одиноко выделялись здесь и там в море красных полотнищ, реявших над ней. Толпа шла, воодушевлённо распевая Марсельезу. Мотив этого бодрого марша Французской революции сейчас был больше похож на заупокойную, чем на песнь победы.

Я остался на борту, пытаюсь понять причину такой внезапной перемены в настроении людей. Выходит, Петроградский совет действует независимо от Временного Правительства и, возможно, даже открыто выступает против него. Вполне очевидно, что агитация против офицеров инициирована Советом, а не новым правительством, которое флот поддержал.

4 часа пополудни 4 (17) марта

Заметив у матроса листовку, я попросил взглянуть на неё. Листок оказался «Приказом № 1» Петроградского совета рабочих депутатов¹⁰⁵. Его содержание привело меня в ужас. Совет издавал приказы независимо от Временного Правительства и одним ударом полностью уничтожал всю дисциплину. Не представляю, как после такого мы сможем командовать кораблями. Последствия стали видны уже сегодня.

Матросы получили копии приказа ещё рано утром. Однако они не сказали о нём офицерам и провели тайное совещание между собой относительно его содержания. Другими словами, они больше не доверяют нам, и годы, проведённые в Рижском заливе в совместной борьбе против врага, не смогли создать спайки достаточно прочной, чтобы выдержать разрушительное влияние этого приказа. Любой абсолютно незнакомый им рабочий может склонить их к неподчинению офицерам. Какая ужасная пропасть разделяет нас! Как преодолеть её? У нас очень мало времени. Скоро наступит весна, и начнёт таять лёд. Немцы придут в Рижский залив, и мы не сможем противостоять им. Что делать? Где те лидеры, за кем мы могли бы последовать, кто был бы в состоянии

¹⁰⁵ В первые дни революции приказы и инструкции войскам издавали одновременно три органа. Поначалу вооружённое восстание объединилось вокруг Государственной Думы или, вернее, её нижней палаты. Однако очень скоро Петроградский совет, в который входили лидеры социалистических партий, позднее дополненные избранными от рабочих и гарнизона депутатами, перехватил у думских лидеров контроль над войсками. Для поддержания связи и управления революционными частями была создана Военная комиссия при Временном комитете Думы. В течение недели этот комитет потерял последние остатки влияния на солдат полков, находившихся в Петрограде. Временное Правительство, образованное после отречения царя, возглавил либерал князь Львов, а пост министра юстиции занял Керенский. Признание этого правительства частями столичного гарнизона было номинальным, и реальный контроль над войсками принадлежал Совету. Временное Правительство явилось результатом компромисса между лидерами Думы и Совета. Позднее главой кабинета стал Керенский вплоть до его свержения большевиками под предводительством Ленина. *Примечание автора*

вывести нас из этого тупика? Временное Правительство ничем не может помочь нам. Максимум, что они могут, это поддерживать самих себя в Петрограде. В отношении Ревеля их помощи или советов ждать не приходится. Придётся полагаться только на самих себя.

Если выберут комитеты, кто будет иметь реальную власть — они или офицеры?

В вопросе политической линии поведения приказ предписывает следовать указаниям Совета рабочих депутатов. Но по какому праву? Мы не выбирали этот Совет и пока не признавали за ним верховной власти в стране. Военские чины отменяются. Солдатам разрешается не отдавать честь офицерам. Кто дал Совету право делать такое? Такие изменения являются прерогативой верховной власти в империи, а не совета рабочих в Петрограде. Неизвестная организация, какой-то совет, узурпирует власть и сеет недоверие и вражду между офицерами и нижними чинами, разрушая всю военную организацию, построенную на единоначалии.

Вечер 4 (17) марта

Утренние события получили продолжение. Рабочие на улицах Ревеля разоружают офицеров. На некоторых кораблях офицеры сдали своё оружие уже избранным комитетам. Что происходит, что за извращение революционного чувства! Подумать только, команды разоружают офицеров, единогласно и полностью признавших новую власть!

Я решил не сдавать оружия, ибо считаю это не совместимым с честью офицера.

Незадолго до ужина пришёл боцман и доложил, что команда желает говорить со мной в носовой палубе. Сунув пистолет в карман брюк, я отправился на бак, где собрались матросы.

Первым заговорил машинный смотритель Занд. Он вслух зачитал приказ Петроградского совета и озвучил требование команды, чтобы я и остальные офицеры на корабле сдали своё оружие в соответствии с приказом.

Я едва мог говорить, задыхаясь от возмущения и ярости. Лишь немного погодя я взял себя в руки и заговорил громко, чтобы все меня слышали. Сказал я примерно следующее: «Ещё позавчера, когда я спросил вас, кого вы поддерживаете — революционное правительство или прежнюю власть, никто не дал мне ясного ответа. У меня были

основания верить, что вы сочувствуете старому режиму. А сегодня вы осмеливаетесь требовать, чтобы я сдал оружие, показывая тем самым, что не доверяете мне. Вы давно знаете меня, но это, кажется, не останавливает вас от бунта по призыву совершенно незнакомых вам людей. В первый же день революционного подъёма в Ревеле я, не колеблясь, выдал вам оружие и патроны. Я верил вам. А теперь вы хотите разоружить меня. Я не отдам свои пистолеты и саблю и запрещаю другим офицерам делать это. Если хотите получить наше оружие, вам придётся действовать силой. Добровольно я его не отдам».

Матросы были сбиты с толку этой речью и расступились, давая мне выйти из палубы. Вернувшись в свою каюту, я запер ящик с ключами от оружейной комнаты и стал ждать дальнейшего развития событий. Сейчас 11 часов вечера, и команда не предприняла пока никаких действий, чтобы разоружить меня.

Несколько матросов собрались на палубе прямо над моей каютой. Я написал письмо Миштовту в Америку и попытался подробно записать свои впечатления от последних событий, чтобы отвлечься от мрачных мыслей о возможном нападении.

Забыл упомянуть, что сегодня команда выбрала своим представителем в Ревельский совет помощника казначея, которого ещё несколько недель назад они обвиняли в воровстве. Поистине, загадочна ты, русская душа.

Утро 5 (18) марта

Ночь прошла относительно спокойно. Спал я, не раздеваясь, урывками. Около полуночи несколько матросов спустились по трапу к двери моей каюты. Я зажёл свой артиллерийский фонарь и направил его на вход, сам при этом оставаясь в тени.

— Господин лейтенант, отдайте, пожалуйста, ключи от патронного погреба, — сказал один из них.

— Зачем?

— Орудия должны быть готовы к бою на случай непредвиденной ситуации, такое время сейчас.

— Я не собираюсь отдавать ключи. Цилиндры тормозов пусты¹⁰⁶, и стрелять из орудий нельзя. Проваливайте и не появляйтесь снова.

¹⁰⁶ В цилиндрах тормозов противооткатных устройств орудий использовалась смесь воды с глицерином, которая сливалась на период ремонта и профилактики.

— Если вы не отдадите ключи, мы возьмём их силой, — ответил голос.

— Что это значит? Убирайтесь вон! — сказал я, вставая с койки.

Матросы ушли и больше не беспокоили меня. Вероятно, они действовали по собственной инициативе без санкции остальной команды и хотели просто пробраться в винный погреб.

Приходил офицер с «Двины». Рассказал о беспорядках, происшедших у них на борту ночью. На «Петре Великом» проходил большой митинг матросов, и несколько офицеров «Двины» обсуждали это событие в кают-компании. Кто-то из команды пришёл на тот митинг и сообщил, что офицеры планируют взорвать корабли и напасть на матросов. Разгорячённая толпа кинулась на «Двину», и дело чуть не дошло до кровопролития. Только благодаря такту старших офицеров удалось предотвратить беду.

Новые бунты могут вспыхнуть в любой момент. Органы управления армии и флота не имеют реальной власти. Все офицеры по-прежнему на своих местах, но их приказы исполняет лишь небольшая часть личного состава. Весь огромный механизм военной дисциплины встал.

В городе относительно спокойно. Порядок поддерживается милицией, созданной из представителей флота, армейских частей и рабочих. Возглавляет её какой-то полковник. Говорят, что это очень умный и деятельный человек. Вооружённые отряды матросов патрулируют главные улицы, пресекая любые незаконные действия.

Похоже, что единственный орган, обладающий реальной возможностью заставить выполнять свои распоряжения, это местный совет рабочих. Я мало знаю о деятельности этой организации, так как последнюю неделю не покидал корабль.

2 часа пополудни того же дня

Сегодня в Ревель прибыли два представителя Государственной Думы, чтобы сообщить о событиях в Петрограде и помочь с организацией управления на местах. Каждая часть направила для встречи депутатов на станции делегацию из нескольких человек во главе с офицером.

Около 10 утра мы получили приказ старшего морского начальника выбрать по три человека с офицером от каждого корабля. Делегаты должны были собраться на «Петре Великом» для обсуждения текущего состояния дел.

Команда выбрала меня, и в 10-30 я вместе с тремя матросами отправился на плавучую базу дивизии подводных лодок. Из встреченных нижних чинов кто-то отдавал честь, кто-то делал вид, что не замечает меня, а кто-то, наоборот, смотрел нагло и с вызовом.

Батарейная палуба «Петра Великого», где собирались делегаты, была похожа на потревоженный улей. Небольшие группы матросов громко обсуждали события последних дней. Между ними перемещалось несколько агитаторов. Большая часть делегатов-офицеров стояла в стороне, но некоторые принимали участие в дискуссиях.

Постепенно все переместились к лавкам и расселись, сгруппировавшись по кораблям и дивизионам.

Я забыл упомянуть, что сегодня утром агитаторы разнесли по кораблям резолюцию из четырнадцати пунктов, и делегаты пришли на собрание уже с определёнными наказаниями от своих команд.

На собрании присутствовал Евсеев, один из прибывших сегодня депутатов Думы от межфракционной Крестьянской группы. Он произнёс речь о революции и положении в Петрограде, однако, о роли Петроградского совета говорил очень расплывчато. Для матросов он был символом и воплощением революции, почти сверхчеловеком.

Речь его была встречена длительными овациями. Обращаясь к матросам, Евсеев подчёркивал, что сам принадлежит к тому же классу, что и они.

Мичман Коптелов¹⁰⁷ от имени старшего морского начальника объявил собрание открытым и предложил избрать президиум. С этим быстро управились, выбрав самого мичмана и двух матросов.

Далее адмирал Вердеревский произнёс несколько слов о важности той работы, что возложена на делегатов. Его слова были встречены с одобрением и вниманием.

После этого Коптелов в нескольких словах описал положение в Ревеле, указав на опасность быстро растущего антагонизма между офице-

¹⁰⁷ Коптелов Александр Андреевич (1889—1935) — лейтенант (28.07.1917). Произведен в мичманы из юнкеров флота (1914). Ревизор, штурманский офицер учебного судна «Петр Великий» (14.04.1916—29.04.1917); временно исполняющий должность старшего флаг-офицера штаба дивизии подводных лодок Балтийского моря (29.04—1.06.1917). В марте — августе 1917 г. занимал выборную должность председателя Ревельского местного флотского комитета. До 1923 г. служил в РККФ. Был репрессирован, дальнейшая судьба неизвестна.

В оригинале автор не указывает его фамилию, называя лишь «мичман К.». Фамилия установлена по документам.

рами и нижними чинами, и призвал к единству и объединению усилий во имя Отечества. Он хорошо говорил и произвёл сильное впечатление на слушателей.

Поднявшиеся затем несколько матросов стали грубо нападать на офицеров, припоминая в подробностях жестокое подавление бунта несколько лет назад и рассказывая все известные небылицы о сотнях моряков, затопленных в баржах после неудачного кронштадтского восстания 1907 года¹⁰⁸. Один матрос обрушился с оскорблениями на казначеев, обвиняя их в воровстве и взяточничестве, не приведя, однако, ни одного примера.

Общая атмосфера собрания стала очень напряжённой — нападки со стороны нижних чинов вызвали гневные возражения офицеров — ещё бы несколько минут, и вместо единения и солидарности произошёл бы полный разрыв.

Положение спас Коптелов, обратившийся к матросам с призывом не ворошить прежние обиды, а попытаться объединить усилия во имя общей победы над Германией.

Ответную речь произнёс помощник казначея В. Срывающимся от волнения голосом он сказал: «Если офицеры не будут стремиться к восстановлению старого режима, если они действительно готовы работать совместно с нами, мы забудем старые обиды и примем их как друзей. Пусть они будут нашими старшими товарищами, и плечом к плечу мы станем сражаться за Отечество, но уже не по принуждению, а по собственной доброй воле».

Эти слова произвели очень хорошее впечатление и разрядили нездоровую атмосферу — опасность конфликта здесь и сейчас миновала.

Собранию было предложено утвердить резолюцию. Обсуждали отдельно каждый пункт, опустив при этом общий вопрос о том, возможно ли в принципе принять подобное решение без ущерба боеспособности флота. По предложению Евсеева было решено направить приветствия Думе и Временному Правительству.

Пункты резолюции касались различных аспектов морской службы, и вопросы, требующие глубокого изучения, обсуждались наравне с малозначащими.

¹⁰⁸ Здесь, очевидно, ошибка. Восстания в Кронштадте происходили в октябре 1905 г. и в июле 1906 г. В 1907 году продолжалась агитация, но восстаний уже не было.

Увольнения на берег, приветствия, разрешение носить гражданскую одежду, курение на улице, выплаты авансов, вознаграждение за ремонтные работы, увеличение пособий семьям, снабжение и содержание команд — все эти вопросы были свалены в кучу без учёта общих принципов и основ организации флота.

Офицеры возражали очень слабо, боясь хоть словом задеть чувства нижних чинов. Те, в свою очередь, также проявили умеренность и сняли ряд требований. Так, в отношении денежного довольствия была выражена надежда, что, когда империя преодолет финансовые трудности, его нормы будут пересмотрены.

Я не ожидал, что офицерам удастся так легко договориться с матросами. За последние несколько дней обе стороны достигли такого уровня недоверия друг к другу, что столкновение могло произойти в любой момент.

Усилия Вердеревского и офицеров дивизии подводных лодок провести сегодняшнее объединённое собрание были полностью вознаграждены. Отбросив политику и сосредоточившись на чисто профессиональных морских задачах, мы ещё сможем что-то сделать для России и, возможно, сохраним флот от полного развала.

Программы политических партий даже не упоминались. Только общие фразы о свободе, демократии и пороках старого режима. Почти всё время было отдано практическим вопросам без лишней говорильни.

Резолюцию приняли большинством голосов, и Евсеев обещал довести её до сведения Временного Правительства.

Затем встала новая проблема: матросы не доверяли любым радиogramмам и другим сообщениям, передаваемым через штаб. Необходимо было срочно создать новое информационное бюро, которое пользовалось бы полным доверием людей. Коптелов предложил сформировать такой орган с участием флаг-офицера¹⁰⁹ дивизии подводных лодок. Состав быстро избрали, и старший морской начальник издал приказ считать подлинными лишь те сообщения, что проходят через бюро.

После этих выборов собрание кончилось, и делегаты разошлись по кораблям доложить о результатах в своих командах.

¹⁰⁹ Офицер, состоявший при флагмане, ведавший сигнальным делом и выполнявший адъютантские обязанности.

Из Гельсингфорса пришли очень тревожные вести — похоже, что положение там не лучшее. До сегодняшнего утра мы считали Ревель куда более спокойным местом, чем Петроград или Гельсингфорс, но последние сообщения говорят о серьёзных беспорядках на базе флота.

Финляндия наводнена германскими агентами, и симпатии местной буржуазии целиком на стороне врага, который поддерживает с ней тесные связи. Не удивлюсь, если окажется, что за этими беспорядками стоят «гунны»¹¹⁰. Непенин — волевой человек и сильный адмирал. Если есть хоть малейшая возможность уладить конфликт и успокоить людей, он это сделает.

Положение в Кронштадте также очень тяжёлое — многие офицеры были убиты восставшими матросами, и в частях воцарилась полная анархия. Ходят слухи, что кое-кто из офицеров действовал недостойно, как, например, Г., сорвавший с себя погоны и поведший роту матросов в Ораниенбаум, где они выступили самым отвратительным образом. Однако сведения, которые поступают к нам, очень расплывчаты, и официального подтверждения слухам нет.

Старший морской начальник издал приказ по всем частям морских сил, базирующихся на Ревель, который вводит в действие некоторые из пунктов принятой сегодня резолюции — отмену приветствия офицеров, запрет на обращение к матросам на «ты», новые правила выдачи увольнительных и другие, менее значимые пункты. Многие офицеры считают, что это незаконно, так как мы не получали указаний командующего на этот счёт, и Пилкин превысил свои полномочия, создав некий самостоятельный флот со своими собственными порядками, отличными от действующих в других частях. Я считаю, что критики не правы, а их аргументы — пустая софистика.

Мы живём в переломное время и, не получая никакой помощи от центральной власти, должны справляться с ситуацией своими силами.

¹¹⁰ По одной из версий, эпитет «гунны» в отношении немцев появился в англо-американской прессе во время Первой мировой войны после ряда жестоких акций, проведённых немецкими войсками на оккупированных территориях, и явился аллюзией на слова кайзера Вильгельма, произнесённые им за 15 лет до этого при отправке немецкого экспедиционного корпуса в Китай на подавление восстания боксёров. Тогда Вильгельм назвал восставших «гуннами» за их жестокость к европейцам и призвал не проявлять к ним жалости.

132 Время для координации придёт позже, когда утихнут волнения первых дней революции.

Гораздо проще, конечно, ничего не делать и переложить всю ответственность на вышестоящих командиров, но такое бездействие может обернуться катастрофой и полной анархией. Ожидание приведёт к тому, что матросы заявят о своих правах с оружием в руках. Лучше пойти сейчас на уступки в вопросах, не затрагивающих базовые принципы организации флота, стоя при этом твёрдо на защите последних, вплоть до угрозы ухода всех офицеров с кораблей, если матросы попробуют покушаться на фундаментальные для нас вещи.

Вечер того же дня

Я чувствую себя полностью вымотанным физически и морально, и с трудом могу связать даже пару предложений. Временами хочется бросить всё и уйти с корабля. Мы не в состоянии справиться с ситуацией и убедить матросов в необходимости продолжения войны и постепенной реорганизации флота на демократических началах. Образование и весь предыдущий опыт делают нас непригодными для подобных задач. Но всё равно ещё не время сдаваться. Мы должны выполнять свой долг и помогать Отечеству всеми доступными средствами.

Днём делегаты снова собрались на «Петре Великом», и председательствующий, мичман Коптелов, обратился к нам с речью о необходимости участия в работе местного Совета рабочих депутатов. Предложение было встречено одобрительно, и собрание постановило направить представителей в Совет немедленно. Это правильное решение. Невозможно игнорировать единственную де-факто существующую власть в Ревеле — мы должны сотрудничать с ней.

Затем делегаты построились на стенке возле «Петра Великого» и, подняв Андреевский флаг, стали ждать Коптелова, которого вызвал к себе старший морской начальник.

Вскоре тот появился на трапе и, с очень взволнованным видом, объявил: «Господа, наш всеми любимый и уважаемый командующий, адмирал Непенин, был застрелен в Гельсингфорсе. С ним вместе погибли ещё несколько офицеров. Причины волнений неизвестны. Командование флотом принял адмирал Максимов. Предлагаю почтить память командующего». Все присутствующие сняли на несколько секунд головные уборы.

Эти ужасные новости сильно потрясли меня и лишили надежд на будущее Балтийского флота. Может пролиться много крови и вырасти глубокое недоверие между офицерами и нижними чинами, так как первые будут бояться новых расправ, а вторые мести.

Мощная фигура Непенина объединяла нас, офицеров-балтийцев, в единый сильный организм. Максимов же не пользуется ни любовью, ни уважением. Упрямый и с огромными амбициями, он постоянно играет роль какой-то пародии на Нельсона. Он даже не умеет грамотно говорить по-русски. Ему не удастся преуспеть в качестве преемника Непенина. А как флотоводец он больше похож на Медину-Сидонию¹¹¹.

Матросы удивились новостям из Гельсингфорса, но не выказали особого сожаления по поводу гибели командующего. Похоже, среди нижних чинов велась сильная пропаганда против Непенина, так же как два года назад против Эссена, когда этого большого патриота и выдающегося адмирала травили за его немецкие корни.

Мы направились в «Гранд Марину», кинотеатр, где проходили заседания Совета рабочих депутатов.

Стоял тёплый и солнечный день. Улицы были полны народа — большинство заводов по-прежнему бастовало, и многие лавки ещё были закрыты. Праздная толпа с любопытством смотрела на необычное зрелище идущих вместе офицеров и матросов.

На Глиняной я встретил главного механика с «России» и, полагая, что он только что прибыл из Гельсингфорса, стал расспрашивать его о положении там. Однако он не мог ответить ни на один из моих вопросов, так как ехал из Петрограда и не знал о событиях в Финляндии. С его слов, офицерам в Петрограде, чтобы носить даже холодное оружие, необходимо получать специальное разрешение. Остальным же гражданам разрешается иметь огнестрельное без всяких ограничений. Великолепно! Не удивлюсь, если скоро издадут приказ офицерам, как раньше евреям, получать разрешение на проживание вне черты оседлости. Офицеры превратились в париев новой, свободной России. Только в чём их вина?

У входа в «Гранд Марину» часовые проверили наши документы, чтобы убедиться, что мы действительно являемся делегатами от

¹¹¹ Имеется в виду Алонсо Перес де Гусман, 7-й герцог Медина-Сидония, предводитель «Непобедимой армады» испанского флота, отправленной в 1588 году на завоевание Англии и наголову разбитой вследствие нерешительности командующего.

134 кораблей. Огромное здание вскоре наполнилось толпой рабочих, солдат и матросов. Офицеров было всего несколько человек, в основном медики и прапорщики из мобилизованных.

На сцене стоял длинный стол, покрытый зелёным сукном, за которым сидел председатель Исполнительного комитета Совета с несколькими незнакомыми мне людьми.

Заседание началось с избрания президиума в составе трёх человек по числу секций — рабочей, армейской и флотской. Делегаты также сидели по секциям: рабочие справа, армия в центре и флот в левой части. Были избраны: мичман Коптелов, председательствовавший на «Петре Великом», какой-то еврей-военврач и фабричный мастер с Балтийских верфей. Секретарём назначили помощника казначея.

Собрание решено было именовать Ревельским Советом рабочих, солдатских и матросских депутатов.

Председатель Исполнительного комитета сделал доклад об общем положении в Ревеле в последние несколько дней и сообщил, что из башни святой Маргариты¹¹² сбежало около тридцати человек, обвиняемых в шпионаже в пользу Германии. Он упомянул циркулировавшие слухи об огромных подземных темницах, где якобы содержались лидеры восстания на «Памяти Азова».

Собрание проходило спокойно, несмотря на непрофессионализм председательствующего. Лишь солдатская секция вела себя шумно и часто прерывала ораторов.

Пока шло заседание, пришли вести о серьёзных волнениях в 3-м артиллерийском полку в Петергофе.¹¹³ Для предотвращения беспорядков и возможных эксцессов туда немедленно направили делегацию.

Важную роль при Совете играет офицер Генерального штаба — он не является избранным депутатом, но представляет начальника Ревельского укрепрайона. Делегаты из числа офицеров флота являют собой очень разношёрстную группу. Среди них есть несколько капи-

¹¹² Правильное название — Толстая Маргарита. Одна из башен городской стены Ревеля, названная так за большие размеры. Использовалась в качестве тюрьмы для политических заключенных.

¹¹³ По-видимому, имеется в виду мыза Peterhof в нескольких верстах к юго-востоку от Ревеля. Эстонское название Peetri.

танов 1-го и 2-го ранга, но основная масса — лейтенанты и старшие лейтенанты. В их числе сын адмирала Эссена, представляющий свой дивизион, а также несколько других офицеров, командующих миноносцами и подводными лодками и делегированных своими командами.

Заседание кончилось в шесть вечера. Было решено проводить их ежедневно, а по вечерам информировать избирателей о проделанной Советом за день работе.

Общее впечатление об этом собрании оказалось гораздо лучше, чем я ожидал. Толпа вела себя достойно, не допуская беспорядков. Очень много говорильни, но после стольких лет молчания — это естественно. Все хотят обменяться мнениями и объяснить другим свои взгляды. Люди верят, что с революцией в России настал Золотой век, и убеждены, что воровство, убийство и другие преступления теперь полностью исчезнут. Тюремь будут закрыты, и все начнут относиться друг другу с любовью и уважением. Немного наивно с моей точки зрения.

Как сказал по этому поводу один матрос: «Любой, кто продолжит сейчас воровать, выступит против самих законов природы и должен быть расстрелян на месте, как недостойный жить». И этот же человек выступил за освобождение всех преступников.

Эти простые натуры верят, что человеческая природа может быть изменена за одну ночь, и теперь она наконец свободна от любых порочных устремлений. Я могу понять, когда простые матросы и солдаты верят в подобную чепуху, но как быть с интеллигенцией и полу-интеллигенцией, претендующей на руководство ими?

Они что, действительно верят, что *Aetas Aurea*¹¹⁴ настал в марте 1917? Ну, в таком случае мы имеем миллионы Маниловых и при этом ни единого Собакевича, не говоря уже о Чичиковых¹¹⁵.

Вечер 8 (21) марта

На собрания, разговоры с командой и лекции в здании элеватора уходит столько времени, что его не хватает на выполнения моих непосредственных обязанностей на корабле. Каждый вечер я валюсь

¹¹⁴ Золотой век (лат.)

¹¹⁵ Персонажи «Мёртвых душ» Гоголя. *Примечание автора*

136 с ног и уже несколько дней не писал в дневник. Сейчас попытаюсь вспомнить наиболее важные события этой недели.

Совет работает довольно неплохо. Вместо первого председателя, показавшего свою несостоятельность и неспособность справиться с нашим разросшимся до шестисот человек парламентом, избрали нового, также мастера с одной из верфей. Это приятный и деятельный человек, беспристрастный, насколько это возможно, в своих суждениях и часто даже поддерживающий умеренные элементы.

Вчера я поговорил с ним лично. Его идея состоит в том, чтобы превратить Совет в Палату представителей Эстляндии. Объединения состоятельных слоёв населения, такие, как Союз инженеров и Общество домовладельцев, также приглашены к участию в работе Совета.

Если такие умеренные взгляды победят, результат работы Совета может быть очень неплохим. Однако основная масса делегатов необразована и легко поддаётся влиянию радикальной пропаганды. Солдаты почти безнадежны — они не понимают самых элементарных вещей, не знают, как им голосовать, и в целом проявляют мало интереса к работе Совета. Но стоит кому-нибудь из выступающих произнести слово «земля», как они начинают толпой ломиться к сцене, крича и отталкивая друг друга. Кроме земли их интересуют ещё лишь отпуска домой. Невозможно за несколько недель сделать их хоть сколько-нибудь пригодными для обсуждения вопросов государственной важности. На самом деле вся армия на фронте так же невежественна, как и наша ревельская солдатня, и я не представляю, каким образом можно заставить её хотя бы на время забыть о земле и отпусках, чтобы сражаться с врагом.

Наши моряки в Совете занимают оборонческую позицию и всячески подчёркивают своё намерение сражаться с немцами до конца, то есть до полного разгрома германского империализма и свержения Гогенцоллернов. Если рабочие немедленно не возобновят работу, матросы пригрозили вернуть их к станкам силой оружия. Флот представляет наиболее активную часть Совета. Некоторые офицеры имеют влияние на людей и возглавляют секции. Наибольшим уважением пользуется Коптелов, а также дважды раненый георгиевский кавалер Д.; сын Эссена популярен среди делегатов от подводных лодок, также Н. от

дивизиона миноносцев, механик с «Рюрика» и несколько других. Есть пара человек, кто пытается играть на публику и несёт всякую чушь, ради успеха у неграмотной массы. Они не сильно преуспели, и моряки не ведутся на уловки этих демагогов.

Матросы с большой энергией взялись за наведение идеального порядка в городе и очень горды тем, что с начала революции в Ревеле почти не было криминальных инцидентов. Уличённым в воровстве нет пощады.

В этой связи приведу кратко один показательный случай. Во время облавы, санкционированной местным Советом, находившийся в обходе кочегар одного из миноносцев украл золотые часы. Преступление вскрылось, и его тут же взяли под арест.

Команда устроила суд и приговорила виновного к расстрелу. Они уже собирались привести приговор в исполнение, как о деле случайно узнал один из членов Исполкома, который убедил людей вынести вопрос на рассмотрение Совета.

Когда воришку под конвоем шести вооружённых матросов вывели на сцену, и председатель судебного комитета доложил залу о его проступке, толпа сильно заволновалась и стала вести себя агрессивно. Солдаты шумели больше других, крича:

- К стенке его!
- Пристрелить как собаку!
- Кончить его, и дело с концом!

Спустя несколько минут, председателю Совета удалось успокоить волну негодования предложением провести по всем правилам уголовный процесс. Он предложил желающим выступить в роли адвоката, а председателю судебного комитета быть обвинителем.

Рассудив, что пролитая кровь в нынешней ситуации может привести к очень неприятным последствиям, я вызвался защищать обвиняемого, чтобы попытаться спасти ему жизнь.

После речи обвинителя я сказал несколько общих слов о позиции, занимаемой русским уголовным правом в отношении смертной казни, указав, что применяться она может лишь в двух случаях: один потерял актуальность в связи с революцией, вторым же является попытка вырваться из чумного карантина.

Настаивая, что все лучшие люди России всегда выступали против применения смертной казни в особом порядке (при осадном и военном положениях и т.п.) вне непосредственной зоны боевых действий, я сказал, что Совет не в праве поддерживать смертный приговор, вынесенный судебным комитетом за кражу с отягчающими обстоятельствами. Свою речь я закончил призывом к залу не омрачать кровью первых дней русской свободы и предложил приговорить виновного к одному году работ.

Ходатайство приняли большинством голосов, и смертный приговор был отменён.

Стоит отметить ещё один инцидент, проливающий свет на то, какие идеи преобладают в Совете. Как только мы получили список офицеров, убитых в Гельсингфорсе, я поставил вопрос об обращении к советам рабочих Петрограда и Гельсингфорса с требованием срочно назначить специальную следственную комиссию для расследования этих убийств и привлечения виновных к ответственности. Я зачитал список, и, поскольку он содержал несколько хорошо известных и популярных среди моряков фамилий, как старший лейтенант И., лейтенант Л. и ряд других, моё предложение встретили одобрительно. Несколько человек, однако, выступили против, и мне очень жаль, что среди них было трое офицеров, включая одного моряка. Большинство выступавших говорило, что такая мера может вызвать волнения и будет неразумной в нынешней ситуации.

Председатель дал мне возможность ответить сразу на каждое из выступлений, и я без труда смог разбить их аргументацию, настаивая на необходимости восстановить справедливость.

Офицерам же я не стал отвечать совсем, сказав, что собрание, безусловно, поймёт мои чувства, если я уклонюсь от дискуссии с господами в офицерской форме, которых, по-видимому, не волнует судьба товарищей и причины их убийства.

Моё предложение было принято большинством голосов, и секретарь Совета получил соответствующие инструкции.

Как я уже говорил, единственными жертвами революции в Ревеле стали тюремная стража и командовавший ею офицер. Кроме тех, кто погиб непосредственно в городе, были ещё несколько офицеров 3-го

артиллерийского полка, которых сожгли заживо на мызе Петергоф, в нескольких верстах от Ревеля, их собственные солдаты. Их загнали в амбар, который затем подожгли. Делегация Совета прибыла слишком поздно, когда всё было уже кончено.

Худший элемент в Ревеле — это солдаты. Они невежественны, их офицеры в большинстве своём слишком молоды, и вдобавок ко всему их мало. В таких условиях очень трудно направлять бурлящую солдатскую массу в безопасное русло. Кроме того, всё, что их интересует — это отпуска; те же, кто достиг сорока лет и служит в рабочих батальонах, требуют демобилизации, говоря, что тысячи молодых людей, сидя в конторах и на заводах, получают высокое жалование, тогда как старшее поколение терпит лишения и получает за работу гроши. С этим средневозрастным контингентом невозможно уже ничего сделать. Я думаю, что лучше было бы их отпустить и заменить рабочие батальоны наёмной рабочей силой.

Отношение солдат к офицерам очень плохое. Они выразили недоверие практически всем своим начальникам довоенного производства. В некоторых частях остались только прапорщики военного времени. В условиях отсутствия твёрдой власти, способной заставить войска соблюдать хоть какую-то дисциплину и подчинение офицерам, наступает полный развал. Я потерял всякую надежду на будущее.

Рабочие вернулись на заводы, добившись введения восьмичасового рабочего дня. Любые возражения относительно того, что идёт война и в оборонной промышленности необходимо работать больше, на них не действуют. В ответ следуют заверения, что от сокращения рабочего дня выпуск продукции не пострадает и даже наоборот, вырастет на двадцать процентов. Меня такие обещания не убеждают. Это может оказаться правдой в некоторые дни, когда рабочие будут отчаянно пытаться добиться того, что им нужно, или в сравнении с периодами, когда работа останавливалась, как в дни революции.

Однако даже рабочие подчёркивают свой патриотизм и ведут себя лучше, чем солдаты. Они приняли очень умеренную резолюцию о демобилизации рабочих, отправленных на фронт в виде наказания, и отправили её на рассмотрение Петроградского совета.

В целом Ревельский совет не так плох, а вот настроение людей на кораблях и базах намного хуже. В Совете заседают люди в среднем луч-

ше образованные, основная же масса матросов гораздо более невежественна, чем их делегаты. Судовые комитеты вносят много беспорядка в корабельную жизнь, не говоря уже о всевозможных слухах, постоянно держащих людей в возбуждении и, по всей видимости, намеренно распространяемых какими-то организованными агитаторами. К сожалению, поделаться с этими комитетами ничего нельзя, ибо матросы считают их своими органами контроля за офицерами и отказываются выполнять не утверждённые ими приказы. Пока речь идёт только о хозяйственных функциях, выдаче увольнительных, дисциплинарных взысканиях и т.д. Однако я уверен — это только начало, и постепенно комитеты начнут вмешиваться во все сферы жизни на борту. Матросы уже начали анализировать ход прошлогодних операций флота, критически выделяя роль отдельных офицеров из состава командования. Командовать миноносцем этим летом будет очень непросто, особенно в бою. Придётся постоянно учитывать возможность неподчинения, оставаясь один на один с ежедневным риском быть выброшенным за борт. Не очень приятная перспектива!

От инструкций из Петрограда мало пользы. Их выпускают сразу три органа власти: 1) Военная комиссия Временного комитета Государственной Думы; 2) Временное Правительство; и 3) Петроградский совет.

Иногда они подписаны двумя или всеми тремя органами одновременно. Матросы доверяют только документам, заверенным Петроградским советом. Все остальные приказы воспринимаются ими скептически. Есть ощущение, что действия всех старших офицеров, как флотских, так и армейских, находятся под определяющим влиянием Совета. Очевидно, другого выбора у них просто нет. Только Совет реально контролирует солдат и матросов. Кто поддержит командующих, если они пойдут против мнения Совета? Лишь горстка офицеров, против которых и так ведётся постоянная агитация, и сверхсрочники, которые в этом отношении находятся в ещё худшем положении, чем офицеры. Вполне вероятно, что сам институт сверхсрочной службы будет упразднён. Это будет иметь очень пагубные последствия для флота, особенно для малых судов и подводных лодок.¹¹⁶ Под предлогом борьбы с воображаемой угрозой вездесущей «гидры контрреволюции» подрываются самые основы организации флота.

¹¹⁶ Звание кондуктора было упразднено в середине 1917 г.

До сих пор мы не имеем точной информации о событиях в Кронштадте. Нам известно только, что убиты почти все адмиралы и множество офицеров. Вестей из Гельсингфорса также очень мало.

В нашем дивизионе ведётся активная агитация против капитана 1-го ранга Х¹¹⁷, а также двух командиров кораблей и нескольких офицеров. Я стараюсь бороться с этой опасной активностью агитаторов, но надежды на успех мало. Кое-кому из офицеров придётся уйти со службы. На других кораблях дела обстоят не лучше. Чтобы избавиться от человека, используется любой повод: немецкая фамилия, строгость к нижним чинам, безрассудная храбрость, подвергающая жизнь команды неоправданному риску, и тому подобное.

Офицеров на флоте мало, и будет очень трудно заменить тех, кого команды объявят нежелательными. Кроме того, оставшиеся не смогут нормально выполнять свои обязанности, зная, что их карьера и служебная репутация зависят от прихоти двух или трёх подчинённых, испытывающих к ним личную неприязнь. Настало время для сведения старых счетов. Всё накопившееся за несколько лет грязное бельё вытряхивается наружу. Меня обвиняют в излишней строгости и в том, что я неоправданно рисковал жизнями людей. Часто я чувствую себя как укротитель среди зверей и до сих пор остаюсь на борту только потому, что в команде едва ли есть кто-то, кто по-настоящему ненавидит меня и у кого хватит ума развернуть серьёзную агитацию против командира. Пока мне удаётся справляться со всеми возникающими ситуациями, но как долго ещё я смогу терпеть напряжение такой жизни, отбирающее все нервы и время?

8 (21) марта

Вчера я забыл записать инцидент, произошедший с капитаном 1-го ранга Н. В последние дни Ревель наводнили бесчисленные деле-

¹¹⁷ На 1 марта 1917 г. такой чин в 6-м дивизионе эскадренных миноносцев, к которому относился «Страшный», имел только М. Н. Алеамбаров, не пользовавшийся авторитетом у нижних чинов. Старший офицер «Новика» Г. К. Граф в своей книге приводит следующее свидетельство: «Случаи, чтобы команда какого-нибудь корабля ненавидела своих офицеров за плохое обращение, были исключительно редки. За последние десять лет можно указать только на один такой случай, а именно - на «Андрее Первозванном», в бытность там старшим офицером капитана 2 ранга М. Н. Алеамбарова» (Граф Г. К. «На «Новике». СПб, 1997. С. 355).

142 гации с острова Нарген, из Гапсаля, с отдалённых береговых батарей и окрестных городков. Каждую такую делегацию встречает процессия с красными флагами. Звучат приветствия, оркестр играет «Марсельезу», и «дежурные ораторы», как мы их называем, произносят длинные речи.

После обмена приветствиями толпа направляется в Совет, где всё начинается сначала. Всё это сильно мешает работе Совета и отнимает уйму времени. Пару дней назад как раз прибыла такая делегация с острова Нарген. Возглавлял её какой-то патлатый матрос, любитель произносить речи. Он с большим пафосом поведал нам о страданиях, которые претерпел при старом режиме, затем бесконечно долго говорил о делах в Наргене и закончил призывами к единению, братской любви и совместной работе, как это принято в подобных случаях в соответствии с устоявшейся уже традицией приветственных речей, ставших очень утомительными.

Когда он закончил говорить, на трибуну поднялась делегация от дивизиона миноносцев во главе с лейтенантом Н. Он попросил слова и, указывая на патлатого из Наргена, сказал:

— Этот человек, только что призывавший вас здесь к братской любви и объединению, несколько минут назад подстрекал толпу к насилию и нанёс тяжёлое оскорбление нашему всеми любимому командиру, капитану 1-го ранга Н. Экипажи нашего дивизиона собирались принять участие в демонстрации во главе с Н. Этот человек указал толпе на нашего командира и закричал: «Вот офицер, который сдал меня жандармам на «Цесаревиче!» После этих слов какой-то негодяй бросился на Н. и сорвал с него погоны. Вы все знаете, какое это тяжкое оскорбление для офицера. Н. хотел застрелиться, и наши люди сейчас сторожат его, чтобы он ничего не сделал с собой. Мы же были делегированы от кораблей дивизиона потребовать восстановления справедливости.

Н. в Ревеле очень любили. Матросы подняли шум и чуть не линчевали патлатого, не дав ему сказать и слова в свою защиту. Совет немедленно вынес резолюцию с осуждением инцидента и отправил делегацию принести извинения Н. Патлатому наконец дали сказать. Он очень пространно извинялся, говоря, что не натравливал толпу на Н., что сам очень уважает его, и всё произошедшее — результат недоразу-

меня. Этот случай оставил у меня очень неприятный осадок. Погоны сорваны, а виновный не понёс никакого наказания. Сомневаюсь, что извинения Совета — достойная компенсация за такую обиду.

В Совете разгорелась борьба с Исполнительным комитетом, присвоившим себе законодательные полномочия. На последнем заседании председателя Исполкома сильно критиковали за это.

Наконец-то на горизонте появился представитель Временного Правительства. Сместив губернатора Эстляндии, правительство назначило городского голову Ревеля комиссаром губернии. Этот человек всего лишь номинальный глава, так как не имеет реальной власти для проведения в жизнь решений правительства. Вся власть находится в руках Совета, ревностно охраняющего свои полномочия. Все принимаемые на митингах резолюции о признании Временного Правительства — пустые формальности без конкретного содержания. Комендант Ревеля (адмирал Лесков), старший морской начальник и комиссар не могут совершенно ничего сделать без согласия Исполкома Совета, единственного имеющего власть в городе и губернии.

Что творится в остальной России, мне неизвестно, но здесь, в Ревеле, Временное Правительство — не больше чем миф.

Капитан 2-го ранга А. вернулся из Петрограда, где он находился с конца февраля. Там ему пришлось пережить ряд неприятных моментов, когда его несколько раз ставили к стенке и только по счастливой случайности не расстреляли.

Вести, полученные нами ранее о 2-м Балтийском флотском экипаже, оказались неверными. Его новобранцы пришли к Государственной Думе и выразили ей свою поддержку. На следующий день командир экипажа генерал-майор Гирс был вызван группой явившихся к нему на квартиру матросов и зверски убит на ступенях своего дома. Его обнажённый и обезображенный труп ещё долго лежал на улице. Эти животные несколько дней не позволяли семье похоронить генерала. Его сын — офицер на «Олеге». Бедняге будет непросто после такого продолжать службу на флоте, видя в каждом матросе возможного убийцу своего отца, ибо преступники так и остались не найденными, а Временное Правительство не может или не хочет провести расследование, чтобы установить их.

О Кронштадте рассказывают жуткие истории. Адмирала Вирена долго пытали, затем облили керосином и подожгли¹¹⁸. Адмирал Бутаков принял смерть очень храбро. Когда убийцы пришли за ним, он сказал им: «Я знаю, что вы пришли убить меня. Но я не изменю своим убеждениям и готов умереть за Веру, Царя и Отечество». Простившись с семьёй, он надел пару белоснежных перчаток и пошёл на Якорную площадь, где матросы расстреливали офицеров. Придя туда, он попросил помолиться перед смертью, снял фуражку и перекрестился.

Конвоировавшие его новобранцы прослезились и выстрелили адмиралу в спину, так как не решались смотреть ему в лицо. Десятки тел убитых офицеров были брошены в ров у собора. Говорят, что матросы теперь избегают ходить ночью мимо этого места, боясь привидений, а часовые на ближайших постах слышат стоны мёртвых и видят белые фигуры, карабкающиеся по склонам оврага. Так рождается новая легенда.

Множество офицеров содержится на кронштадтских гауптвахтах. Их кормят отбросами и ежедневно подвергают унижениям. Несколько человек сошли с ума. Представитель Временного Правительства ничем не может им помочь. У болтунов в Государственной Думе не хватает духу потребовать правосудия. Всё, что они могут, это вяло звать к матросам, чтобы те освободили узников. Матросы же в ответ смеются над безвольной центральной властью. Толпа всегда будет презирать слабое правительство. Временное Правительство — игрушка в руках Совета. Наш либеральный средний класс — это неудачники с лучшими намерениями и полной неспособностью их реализовать. В правительстве нет ни одной по-настоящему сильной личности. Они все слабаки. Чеховские персонажи — вот кто они.

Как, ради всего святого, мы собираемся продолжать войну в таких обстоятельствах, я не представляю. Выпуск военной продукции падает, войска разложились, твёрдой власти нет. И все отсылки к опыту Французской революции неуместны — у нас совершенно другая культура и национальный характер.

¹¹⁸ Это не так. Адмирал Вирен был заколот штыками на Якорной площади Кронштадта, а тело его сбросили в Доковый овраг.

Находить общий язык с комитетами очень трудно. Матросская секция Центрального комитета¹¹⁹ выпустила инструкции, которые практически на каждом корабле трактуются по-своему. Вчера один матрос опоздал из увольнения на берег. Он попросил меня не докладывать об этом комитету, но я отказал. Я не имею больше никакой дисциплинарной власти и могу лишь вынести инцидент на рассмотрение судового комитета. На утреннем собрании я поднял этот вопрос и потребовал, чтобы в назидание другим виновный был сурово наказан. Комитет постановил ограничиться устным порицанием. Моя власть тает с каждым днём, несмотря на избрание председателем Общего собрания дивизиона и главой офицерской группы. Командиры кораблей не решаются отдавать каких-либо приказов, даже касающихся ремонтных работ на борту. Вчера флаг-артиллерист дивизиона обратился ко мне с просьбой обеспечить помощь экипажей рабочим, устанавливающим зенитные орудия на миноносцах. Когда я заметил, что это не входит в число моих обязанностей, он ответил: «Вас избрали председателем Общего собрания дивизиона. Люди могут послушать вас». Однако, боюсь, не слишком-то они склонны меня слушать.

Двое командиров миноносцев будут, вероятно, смещены командами со своих должностей. Та же участь, без сомнения, постигнет и командира дивизиона. На кораблях будет нехватка офицеров.

На других судах творится то же самое. Экипажи крейсеров непрерывно митингуют. Боевая учёба практически не ведётся, и чистота на борту оставляет желать лучшего.

11 (24) марта

В городе прошли очень пышные мероприятия в память о жертвах революции. Поскольку никто из революционеров в Ревеле не погиб, похоронной процессии не было. Вместо этого провели торжественное шествие на кладбище, где погребены погибшие и казнённые в 1905 году.

Морская секция Совета избрала меня в комитет по подготовке церемонии. Вместе со мной туда вошли ещё рабочий и армейский прапорщик. Вместе мы должны были составить программу дня, по-

¹¹⁹ Видимо имеется в виду местный Флотский комитет города Ревеля, так как Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) был создан только в апреле 1917 г.

146 рядок шествия различных групп, планировавших принять участие в марше, и список выступающих. Мои коллеги по комитету были очень вежливы и внимательны; особенно рабочий, повторявший всё время, что необычайно рад работать вместе с одним из флотских офицеров, которых он всегда раньше считал своими злейшими врагами. Оба они не имели представления, с чего начать, и мне пришлось делать всю работу самому, включая надписи на лентах венков. Фактическое руководство движением парада я передал прапорщику, избавив себя от дальнейших забот. Тот был очень польщён и, похоже, возмнил себя самым важным человеком в городе и чуть ли не одной из жертв революции. К моему удивлению, шествие прошло очень удачно. Давки не было даже на самых узких улицах, и стотысячная толпа мужчин и женщин достигла кладбища без помех и инцидентов. По пути они пели множество революционных песен, не слишком при этом заботясь о словах и мелодиях. Военные оркестры выступили хуже некуда.

Во главе процессии шли члены Исполкома Совета с красными и чёрными нарукавными повязками. Вокруг было море флагов и транспарантов. В городских лавках почти не осталось материи, а флористы хорошо заработали на венках.

На кладбище полился нескончаемый поток речей, которым, казалось, не будет конца. Выступали большей частью представители Совета, не отличавшиеся ораторским мастерством. Хуже всех был один инженер-механик с «Рюрика», без конца повторявший лишь «братья, братья» под аккомпанемент безумной жестикуляции. Очень достойную речь произнёс комендант крепости Ревеля¹²⁰ контр-адмирал Лесков.

Мы стояли по колено в снегу и слушали выступающих. Над головами летал аэроплан с красными и черными вымпелами. Яркое весеннее солнце расцветило море красных транспарантов, с редкими вкраплениями бело-синего военно-морского флага, реющее над огромной чёрно-серой толпой. Национальный триколор полностью исчез в Ревеле. От него на знамёнах осталась лишь одна красная полоса. Однако старый Андреевский стяг ещё поднят над кораблями, сохраняя последнюю ниточку, связывающую нас с прошлым.

¹²⁰ Официальное название — Морская крепость Императора Петра Великого. Комплекс береговых оборонительных сооружений для защиты побережья и акватории Балтийского моря, принадлежавших Российской империи, существовавший в 1913—1918 годах.

После церемонии я отправился на один из крейсеров, чтобы увидеть офицера, только что вернувшегося из Петрограда. По его словам, «Приказ № 1» произвёл самое разрушительное действие на войска в столице. И никакие последующие распоряжения, уточнения и отмены уже не имели силы и были не способны восстановить дисциплину в армии.

Не понятно, кому принадлежит высшая военная власть. Сомневаюсь, что великий князь Николай Николаевич захочет остаться на своей должности. Временное Правительство, похоже, также не склонно доверять ему руководство операциями.

Морская секция Совета постановила направить меня в качестве делегата от морских сил Ревеля в Петроград для визита в Совет, Государственную Думу и Морское министерство в компании с большим романтиком революции корабельным писарем В., выступавшим на первом собрании комитета на «Петре Великом».

Нам поручено передать приветствия от личного состава флота в Ревеле и выяснить, что происходит в Петрограде. Самые важные вопросы — это консолидация власти в руках одного органа и отношение к продолжению войны. Мы знаем о существующем двоевластии и противостоянии Временного Правительства и Петроградского совета и понимаем, насколько роковыми могут быть последствия этого для исхода боевых действий. Большинство из нас, вне зависимости от партийной принадлежности, убеждено, что необходимо преодолеть двоевластие, однако, вопрос о том, кому будет принадлежать вся полнота властных полномочий — Совету или Временному Правительству — остаётся открытым. Этого мнения придерживаются не только матросы, но и большая часть офицеров в Ревеле. Вопрос достижения победы стоит превыше любых партийных разногласий. Многие старшие офицеры также разделяют эту точку зрения.

Вопрос о войне является самым срочным. Надо ли продолжать её или пора заключить мир? Офицеры за то, чтобы продолжать, и возмущены позицией, занимаемой Петроградским советом, а также бездействием Временного Правительства, не предпринимающим мер против подрыва дисциплины и основ организации вооружённых сил. Прояснение точек зрения по этому вопросу, а также доведение позиции морских сил в Ревеле до органов власти в столице обсуждалось на последнем

148 заседании Совета. Я имел беседу с адмиралом Вердеревским, а также председателем Совета и завтра отбываю в Петроград.

Попытка привести матросов к присяге правительству окончилась провалом. Это несомненно результат агитации Петроградского совета. Но, по правде говоря, сама идея присягать Временному Правительству отдаёт абсурдом. Невозможно, только что нарушив одну клятву, искренне приносить другую. Это одновременно предосудительно и глупо. Лично у меня нет ни малейшего желания присягать кому бы то ни было.

14 (27) марта

Петроград мне сильно не понравился. Всё, что происходит, напоминает известную музыкальную пародию «Вампука»¹²¹. Временное Правительство кричит: «Вперёд, вперёд!» — и продолжает топтаться на месте. «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»¹²². Здесь же в одном кабинете собрались эсер Керенский и октябрист Гучков. И чему же тут удивляться, что они тащат телегу русского государства в разные стороны? Один делает реверансы Совету и своей партии, другой же в душе совершенно не принимает того, что ему приходится делать.

В некоторых аспектах Петроград изменился меньше, чем я ожидал. Число зданий, повреждённых в дни революционных событий, не так велико. Невский, как обычно, полон празднующихся, в то время как чиновники не спеша идут на службу. В глаза сразу бросается расхристанный вид солдат, грязь на улицах и красные флаги на домах. И по-прежнему везде стоят очереди за хлебом и мясом.

Сразу по прибытии я отправился в Морской генеральный штаб. Житков, исполняющий теперь обязанности заместителя начальника Штаба, сразу же принял меня. Затем в кабинет пришёл и сам новый начальник МГШ Егорьев. Вскоре собралось ещё несколько офицеров, и все они устроили мне перекрёстный допрос. Было невозможно от-

¹²¹ Одноактная опера-пародия «Вампука, невеста африканская, образцовая во всех отношениях», вышедшая на сцену в 1909 году и высмеивавшая банальные и нелепые ходы в оперных постановках.

¹²² Слова из поэмы «Полтава» А. С. Пушкина.

ветить на каждый вопрос в отдельности, и я попросил разрешения сделать общий доклад о состоянии дел в Ревеле. Потом тот же доклад я повторял на встречах с Гучковым, в Исполкоме Совета и в Государственной Думе.

Мои выводы сводились к следующему: на флоте больше нет дисциплины, и очень мало шансов на то, что её можно восстановить. Боевая учёба почти не ведётся. Моральный дух, как и материальная часть, приходит в упадок. Некоторые офицеры были удалены командами с кораблей. Таким образом, эффективность флота сильно снизилась.

Единственная власть, которую признают в Ревеле — это местный Совет. Любое выступление против него заранее обречено на неудачу и обернётся массовым убийством офицеров и разрушением того относительного порядка, что удалось установить. Пассивно наблюдать за деятельностью Совета, не принимая в ней никакого участия, тоже неправильно, так как лишь очень небольшое число образованных людей в Ревеле занимает активную политическую позицию. Отдать всё на откуп небольшой кучке рабочих и профессиональных политиканов-социалистов было бы непростительной глупостью. Поэтому единственной верной линией поведения является сотрудничество с Советом. Это позволит сгладить последствия отмены единоначалия и поможет постепенно преодолеть пропасть между офицерами и матросами. Через сотрудничество обе стороны смогут лучше узнать друг друга и научатся уважать достоинства каждой из них. Существование комитетов — это уже данность, и любая попытка упразднить их приведёт к восстанию нижних чинов. Их деятельность должна быть упорядочена с помощью временных уложений.

Далее я объяснил, что соперничество властей и противостояние Петроградского совета с Временным Правительством будут иметь роковые последствия для исхода войны. Необходима реальная консолидация власти, а не фикция и притворство. Власть должна опираться на поддержку широких масс населения. Мы в Ревеле не осмеливаемся решать, кому она должна принадлежать. Однако, если Временное Правительство покажет себя неспособным решать проблемы управления, оно должно немедленно передать свои полномочия советам. Колебания и компромиссы окончательно подорвут военную мощь России.

Ревель придерживается мнения о необходимости продолжения войны с Германией до победного конца, и во имя этой победы все партийные разногласия должны быть отставлены в сторону. Нам не важно, кто встанет во главе — Временное Правительство и или Исполнительный комитет Петроградского совета. Всё, к чему мы стремимся — это победа в войне, а для этого нужна централизованная сильная власть.

Когда меня спросили, считаю ли я возможным восстановление дисциплины на флоте на прежнем уровне, я ответил, что в ближайшем будущем это невозможно, и у меня лично очень плохие предчувствия. Однако я не считаю подобный пессимизм достаточной причиной, чтобы сидеть сложа руки и ничего не делать. Каждый должен делать то, что может, и не ставить себе невыполнимых задач.

Матрос В., сопровождавший меня, попытался скрасить нарисованную мной картину и заверить присутствующих, что всё наладится само собой. Он большой оптимист и считает, что с революцией в России наступил Золотой век. Такие идеалисты очень вредны. Они вызывают симпатию и способствуют тому, что другие, как страусы, глубже прячут голову в песок.

Доклад был встречен с недоверием, и на меня потоком посыпались упрёки. Я был обвинён в сгущении красок и представлении дел хуже, чем оно есть на самом деле. Мне сказали, что революция не делается за две недели, всё постепенно выровняется, и так далее. Никто не привёл ни единого факта, чтобы опровергнуть мои слова. Я ясно видел, что мы не понимаем друг друга. Морской генеральный штаб выбрал путь бесконечных компромиссов и постепенных уступок в надежде отречься от них позднее, когда это станет возможно. Все они — очень достойные люди, но за редким исключением, безвольные, с темпераментом, не пригодным для столь трудных времён. Среди них нет лидеров, хотя Житков немного твёрже и энергичнее остальных. Успехи санкюлотов¹²³ во времена Великой французской революции заставляют их верить,

¹²³ Санкюлоты (фр. *sans-culottes*) — название революционно настроенных представителей «третьего сословия» в Париже во время Великой Французской революции, преимущественно буржуа. С началом революционных войн играли преобладающую роль в Национальной гвардии, свергнувшей монархию.

что то же самое может повториться и в России, и революционные войска смогут успешно вести войну с Германией.

Из МГШ меня направили к контр-адмиралу Кедрову, новому товарищу морского министра, который является техническим главой флота. Он принял нас в бывшем рабочем кабинете адмирала Григоровича. Адмирал пожал матросу руку. В Ревеле до такого ещё не дошли. На заседаниях Совета все здороваются за руку, но не на борту корабля и не на дежурстве.

Кедров внимательно выслушал меня, но, кажется, не очень поверил в мои пессимистичные прогнозы и очень скептически отреагировал на замечания о слабости Временного Правительства. Очевидно, он чувствует себя не слишком комфортно на своём нынешнем месте. Однако я не вижу, кто ещё мог бы достойно занять его пост. Сейчас он наиболее важная фигура во флотских кругах. Кроме того, у него прекрасные отношения с Гучковым, и они в состоянии работать сообща. У Кедрова я познакомился с лейтенантом Бобровским, средних лет, бывшим членом «Народной воли», долгие годы участвовавшим в революционном движении. Он очень приятный человек, идеалист и может постоять за свои убеждения. Мне он действительно очень понравился. Дальше я перемещался по Петрограду в его компании.

Во всех департаментах Морского министерства царил невообразимый бедлам. Гражданские служащие вместе с офицерами технических управлений проводят бесконечные собрания, заявляют о недоверии вышестоящим начальникам, требуют сокращения рабочего дня и в целом ведут себя хуже матросов. Конечно, весь этот шум поднимает небольшая группа личностей, демонстрирующих сейчас свои якобы либеральные и социалистические убеждения, в то время как при старом режиме они громче всех кричали о преданности трону. Приличные люди напуганы; они не привыкли использовать революционные методы, поэтому прячутся и боятся сказать слово, в то время как кучка авантюристов, тянущихся к деньгам и власти, правит бал в стенах Адмиралтейства. В Морском генеральном штабе ситуация немного лучше, но, с другой стороны, они пытаются поставить своих офицеров во все отделы министерства. Сотрудники департаментов зовут их «младотурками». Это тоже является дестабилизирующим фактором.

Нам сказали, что военный и морской министр примет нас в четыре. Мы прибыли на его квартиру в назначенное время и увидели в передней толпу адъютантов, просителей и генералов из главных департаментов военного министерства. Большинство из них были молодыми людьми незрелого вида. Шёл разговор на общие темы.

Какой-то средних лет прапорщик рассказывал о газете, которую ему поручено было издавать для солдат. Повторяя избитые и затасканные фразы о просвещении, образовании и сознательности, он не произнёс ни одной новой мысли и даже не пытался взглянуть правде в глаза и признать, что Россия находится в смертельной опасности и возможно на грани краха.

Глупая болтовня толпы адъютантов сильно разозлила меня; особенно разглагольствования корнета М., уверявшего, что его отец, депутат Государственной Думы, имеет такую популярность среди солдат, что целые полки пойдут за ним на защиту Временного Правительства. Все они открыто ругали советы и кричали, что их надо разогнать с помощью силы. Настроение моего матроса сильно испортилось, и я с трудом удержал его от вступления в спор с адъютантами.

Гучков принял нас довольно быстро. Я более-менее точно повторил ему то, что говорил в Морском генеральном штабе, сделав акцент на проблеме консолидации власти. Казалось, мои слова произвели на него впечатление. К концу беседы министр заметно разнервничался, и голос его стал дрожать. Он сказал, что я нарисовал слишком мрачную картину, что Временное Правительство признано по всей России, и что войска на фронте принесли ему присягу. Здесь, в Петрограде были полки, верные кабинету князя Львова и готовые поддержать его вооружённой силой. Ревель же не представляет всю Россию.

Я ответил, что формально Ревель тоже признал Временное Правительство, и что войска на фронте, очевидно, управляются местными комитетами и советами. Довольно резко я заметил, что сейчас не время закрывать глаза и не замечать угрожающей реальности, предаваясь розовым мечтам. Правительство абсолютно бессильно, а вооружённые силы стремительно разлагаются. Петроградский гарнизон — это показательный пример того, как в скором времени будет выглядеть вся армия.

Гучков удивился моим словам и громко воскликнул: «Ну и что же делать?» На этих словах аудиенция закончилась.

Матрос В. был очень разочарован итогами беседы с министром.

— Адмирал Кедров намного лучше, — сказал он.

Псевдо-спортивный наряд Гучкова только усиливал негативное впечатление, придавая ему что-то театральное.

От Гучкова мы направились к зданию Государственной Думы, в Исполнительный комитет Петроградского совета, занимавший его часть. Морской генеральный штаб дал нам автомобиль, украшенный красным флагом. Трясаясь по ухабам заснеженных улиц, мы подъехали к воротам Таврического дворца. Улица была заполнена рабочими и солдатами. К воротам пришлось пробиваться сквозь плотную толпу. Стоявшие смотрели на мои погоны с откровенной враждебностью, а часовые на воротах потребовали предъявить документы, подтверждающие, что у нас есть дело в Думе или Совете.

Холлы, коридоры и комнаты Таврического были заполнены пёстрой толпой неопрятных личностей. Туда-сюда сновали солдаты, рабочие, матросы, несколько офицеров и сестёр милосердия. В некоторых кабинетах действовали импровизированные канцелярии. Двери украшали таблички новообразованных учреждений. На полу толстым слоем лежали обрывки газет, окурки, шелуха от семечек и бурая грязь петроградских улиц. Всё это походило на брошенные мебелированные комнаты, в которых долгие годы не делали ремонт. От прежних чистоты и порядка ничего не осталось. Во всем проступала неискоренимая славянская неопрятность, сбросившая налёт наносной культуры.

Мы прошли в Военную комиссию Исполкома Петросовета. Нам сказали, что Н. Д. Соколов (известный в прошлом адвокат, участвовавший в нескольких громких политических процессах) даст нам все необходимые объяснения и выслушает, что мы имеем сказать от лица морских сил в Ревеле. А пока нас попросили подождать в холле. Маленькая комната была набита до отказа. Все стулья были заняты, и, сняв шинели, мы нашли себе место на столе.

Два молодых полковника лейб-гвардии Измайловского полка горячо обсуждали «Приказ № 1», защищая его авторов и пытаясь доказать, что он был необходим. Вопрос этот настолько важен, что я не удержал-

ся от того, чтобы не вмешаться в разговор. Я сказал им, что по моим впечатлениям, последствия этого приказа будут роковыми не только для петроградского гарнизона, но и для всей русской армии. Оба полковника немедленно набросились на меня, обвиняя в непонимании солдатской психологии, и заявили, что без этого приказа столичный гарнизон превратился бы в банду анархистов, которая не оставила бы камня на камне от Петрограда. Комитеты они считали самым замечательным институтом, создавшим мощную организацию, гораздо более крепкую, чем дисциплина в старой армии. Подобные идеи из уст гвардейских офицеров шокировали меня. Один из них был ранен в голову и носил чёрную повязку. Другой тоже выглядел боевым офицером. Обоим было не больше тридцати.

Полагая, что их произвели в полковники после революции, я спросил, носят ли они свои погоны по чину или по должности командиров батальонов. Оба обиженным тоном ответили, что стали полковниками ещё год назад. Это поразило меня ещё больше, так как означало, что настоящие боевые гвардейские офицеры могут верить в такой абсурд, как целесообразность отмены дисциплины и создания какого-то подобия милиции, не имеющей аналогов в мире.

К нашему спору внимательно прислушивался какой-то пожилой интеллигент.

— Вы ведь не социалист? — неожиданно спросил он.

Я ответил, что не понимаю, какое отношение его вопрос имеет к предмету дискуссии. Интеллигент спокойно продолжил:

— Судя по вашим взглядам, вы — не социалист. К какой партии вы принадлежите?

Такой неожиданный перекрёстный допрос застал меня врасплох. В Ревеле мы не занимались партийной политикой. Мы были объединены общим пониманием свободы, прав человека, а также признанием двух базовых вопросов — необходимости создания сильного правительства и продолжении войны до победного конца. После небольшой паузы я ответил своему собеседнику:

— Я не знаю, к сторонникам какой партии причислить себя. Я несколько лет прожил за границей и не принадлежу ни к одной из россий-

ских политических групп, хотя некоторые идеи Плеханова вызывают у меня интерес.

В этот момент нас позвали в комнату Исполкома на встречу с Соколовым. Поначалу его чёрная борода, очки в золотой оправе и грузная фигура произвели неприятное впечатление, впрочем, затем оно смягчилось. Соколов начал с того, что проверил наши мандаты, удостоверяющие, что мы — делегаты от морской секции Ревельского совета.

Повторив ему примерно то же, что и Гучкову, я сделал акцент на деструктивном влиянии «Приказа № 1» и сказал, что считаю его главной причиной убийств офицеров и развала вооружённых сил.

Соколов, явно задетый за живое, сухо ответил, что убийства случились бы и без этого приказа, и привёл те же аргументы, что и полковники в приёмной, добавив, что некоторые его пункты были отменены «Приказом № 2», и к тому же он касался только войск петроградского гарнизона.

На это я резко парировал, что безответственность и малограмотность авторов приказа уже обернулись бесчисленными несчастьями.

Относительно резни в Гельсингфорсе и Кронштадте Соколов сказал, что были приняты все возможные меры, чтобы успокоить матросов, что туда были отправлены делегаты убедить их освободить арестованных офицеров, и Исполнительный комитет надеется на скорое достижение успеха в этом направлении.

Выразив своё неудовлетворение принятыми мерами, я в упор спросил его, почему вместо политики унижительных просьб Совет просто не настоял на выполнении своих требований.

— Настроение масс сейчас не позволяет нам этого сделать, — ответил он.

В отношении вопроса о консолидации власти Соколов после небольшого экскурса в историю создания Временного Правительства, появившегося как компромисс между Государственной Думой и Петроградским советом, заявил, что Петросовет будет признавать правительство до тех пор, пока оно соблюдает условия этого компромисса, опубликованные в манифесте, выпущенном на формирование кабинета Львова. Моё замечание о том, что сам факт компромисса содержит в себе семена

156 гражданского противостояния и деградации центральной власти, осталось без ответа.

Мы долго говорили о войне. Соколов сказал, что несколько полковников Генерального штаба сделали для Исполнительного комитета доклад о положении на фронте, что комитет сознает серьёзность проблемы, но сперва намерен действовать убеждением и надеется, что немецкий пролетариат поднимется по призыву русских рабочих и свергнет власть Гогенцоллернов.

Все эти разговоры привели меня на грань отчаяния. Я спросил Соколова, не большевик ли он. Тот ответил, что не принадлежит ни к одной из ветвей Российской социал-демократической рабочей партии, но считает себя социал-демократом. Бобровский жёстко набросился на Соколова за позицию, занимаемую Петросоветом, назвав её очень опасной. К этому я добавил, что невозможно вести войну, отрицая все принципы военного искусства — уничтожая дисциплину, отказываясь атаковать противника и заменяя командиров людьми, популярными у солдат.

Совету, сказал я, необходимо определиться по вопросу войны. Если решат, что надо продолжать, то все действия следует производить в соответствии с правилами военной науки. Надо перестать вмешиваться в вопросы военного руководства и не разрушать остатки военной организации.

Соколов предложил мне изложить свои взгляды на вечернем заседании солдатской секции Совета. Распрощавшись с ним, мы отправились обедать. Позже я узнал, что Соколов был одним из соавторов «Приказа № 1», и мне стала понятна его нервная реакция на мои нападки в адрес создателей этого документа.

В. был очень недоволен мной и всё время повторял, что я преувеличиваю, вижу опасности там, где их нет, и тому подобное. Бобровский же поддержал и призвал отстаивать свои взгляды на заседании Совета настолько возможно твёрдо.

Вернувшись в Таврический и пройдя в зал заседаний, мы увидели, что делегаты солдатской секции уже заняли его левую часть. Центр пустовал, а правую занимали представители исполнительного комитета Союза офицеров.

Председательствовал эсдек Богданов. В президиуме также сидел флотский инженер-механик, член партии эсеров. Внешний вид солдатских депутатов мне сильно не понравился. На солдат они походили мало. Никто из них явно не был на фронте. Судя по лицам, это были типичные питерские рабочие. Некоторые без погон, и почти все одеты не по уставу. Эти делегаты сильно отличались от тех, что заседали в нашем Ревельском совете, состоявшем почти полностью из фронтовиков, многие из которых были георгиевскими кавалерами.

На мою просьбу дать слово председательствующий ответил, что я смогу выступить после главы Союза офицеров. Это было первое заседание, в котором офицеры принимали участие вместе с солдатами. Союз офицеров-республиканцев также прислал своих делегатов, которые заняли часть мест в центре.

Затем началась обычная нескончаемая говорильня. Подполковник Г., стуча себя кулаками в грудь, как плохой провинциальный актёр, произнёс от имени Союза офицеров¹²⁴ патетическую речь о необходимости скорейшего сотрудничества между солдатами и офицерами. Его крики и экзальтированная жестикуляция произвели на меня очень неприятное впечатление. Матросу В. пафос подполковника тоже не понравился.

Следующие ораторы продолжили в том же духе. Какой-то солдат, выступая, сказал, что взаимопонимание возможно только, если офицеры оставят идею восстановления монархии. В ответ подполковник Г. кинулся обнимать его. Несколько других офицеров последовали его примеру. Эта дешёвая мелодрама сильно потрясла меня. Интересно, что думали военные атташе союзников, сидевшие в дипломатической ложе.

После всех этих взаимных уверений в любви и гармонии председательствующий наконец дал слово мне. Я начал с приветствия от имени Ревельского совета и сразу перешёл к вопросу о консолидации власти:

— Нас сильно беспокоит вопрос двоевластия. В Ревеле этого нет — власть Временного Правительства там не действует. При этом сохраняется порядок, и дела идут значительно лучше, чем здесь, в Петрограде.

¹²⁴ Имеется в виду «Совет офицерских депутатов города Петрограда, его окрестностей, Балтийского флота и отдельного корпуса пограничной стражи», исполнительный комитет которого возглавлял подполковник Генерального штаба Гущин. «Союз офицеров армии и флота» был создан только в мае 1917 г.

158 Такое положение не может длиться вечно. Стране необходимо единое правительство на всей её территории. Либо советы должны безусловно подчиниться Временному Правительству и перестать говорить о его признании «постольку-поскольку», либо Временное Правительство должно передать свои полномочия Совету. Существующее положение вещей является по сути анархией и не может продолжаться дальше. Ответ же, данный мне в Исполкоме Совета, я не могу считать удовлетворительным.

Первая часть моей речи была встречена аплодисментами в левой части зала.

— Правильно! Долой Временное Правительство! — кричали мрачного вида рабочие в солдатской форме.

— Собрание неверно меня поняло. Я не говорил о свержении Временного Правительства. Моя речь была о создании единой централизованной власти.

Аплодисменты утихли и раздалось несколько недовольных выкриков: «Знаем мы эту власть — снова верёвки да тюрьмы!»

— Морские силы в Ревеле приняли решение драться с немцами до конца, до победы, до свержения Гогенцоллернов и изгнания врага с русской территории. Матросы и офицеры едины в этом своём решении. И мы обеспокоены поведением Петроградского совета. Ответьте нам прямо, здесь и сейчас: намерены вы продолжать войну или нет? Не будем терять времени!

Эта часть моей речи оказалась очень неприятна для Исполнительного комитета и вызвала шум и свист на левом фланге.

Следом за мной выступил матрос В.:

— Вот вы здесь обнимаетесь друг с другом, а большой любви между вами не видно. У нас в Ревеле дела обстоят намного лучше. Даже сидим в Совете мы все вместе, а не отдельно, как вы — солдаты на одной стороне, офицеры на другой. Мы работаем сообща, а не занимаемся говорильней и склоками. Мы все намерены драться с немцами и не сложим оружия до полной и окончательной победы.

После выступления В. несколько офицеров встали со своих мест и сели среди солдат.

В своём пространном ответе мне председательствующий практически повторил слова Соколова, не добавив к ним ничего существенного. Затем началось обсуждение Декларации прав солдата. Этот абсурдный документ обсуждался по пунктам. Никто не осмелился выступить против него целиком. Закончилось заседание глубоко за полночь.

В перерывах я разговаривал со знакомыми из числа офицерских депутатов. Все они критиковали меня, особенно за вопрос о единовластии, говоря, что время для него ещё не пришло, что Временное Правительство постепенно усилится, и так далее.

По окончании заседания Бобровский, В. и я отправились домой. Извозчиков не было, а трамваи перестали ходить, так что нам пришлось долго идти пешком по скользким улицам, обходя сугробы и лужи. Бобровский был недоволен тем, что я не потребовал ответа на свой вопрос более энергично. В. же, напротив, считал мои аргументы несерьёзными и полагал, что скоро всё наладится: разобьём немцев и создадим нормальное правительство.

На следующий день мы пошли в Военную комиссию Временного комитета Государственной Думы. Там нас встретил генерал Потапов¹²⁵ с одним из своих помощников. Разговор я начал с требования освободить арестованных в Кронштадте офицеров, а затем попытался выяснить, каковы всё-таки функции этого органа. Мне объяснили, что комитет является связующим звеном между Правительством и Советом. Мне же он показался просто глупым и ненужным сборищем людей.

Потом я отправился в Морской генеральный штаб, где принял участие в обсуждении ряда вопросов. Среди прочего я настаивал на разрешении офицерам носить гражданскую одежду, которое Егорьев дать отказался.

В Штабе у меня произошло несколько конфликтов из-за моих взглядов на вопрос централизации власти. Один офицер даже назвал меня большевиком. Общим впечатлением от этих дискуссий было преобладание туманного идеализма и нежелания признать реалии жизни.

¹²⁵ Потапов Алексей Степанович (1872 —?) — генерал-майор. Член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы с 01.03.1917, помощник председателя комиссии А. И. Гучкова. 04.03.1917—04.1917 — председатель комиссии.

Общий итог моего визита в Петроград был довольно предсказуемым, если не считать двух дней заседания Совета в большом обеденном зале Морского училища. Тысячи людей заполнили этот огромный, так хорошо знакомый мне зал. Кроме членов Совета (около двух тысяч человек) присутствовали бесчисленные делегаты из провинции. Над головами стояла плотная пелена табачного дыма, а пол устилали окурки и шелуха от семечек. Прямо от подножия статуи Петра I Чхеидзе обратился к собранию с призывом поддержать сейчас уже знаменитое воззвание к мировому пролетариату: «Мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего самодержавного порядка, подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие; откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров — и дружными объединёнными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы.

Трудящиеся всех стран! Братски протягивая вам руку через горы братских трупов, через реки невинной крови и слёз, через дымящиеся развалины городов и деревень, через погибшие сокровища культуры — мы призываем вас к восстановлению и укреплению международного единства»¹²⁶.

Чхеидзе говорил с большим пафосом, намеренно употребляя вульгарные выражения, вызывавшие смех и аплодисменты толпы.

Возражения «оборонцев» (так называли тех, кто выступал за продолжение войны до победы) выслушивались без внимания и часто просто освистывались. Толпа считала, что вслед за Россией революция произойдёт и в Германии, и дни кайзера Вильгельма сочтены. Мне все эти люди казались сумасшедшими, но В. поддержал инициативу: «Почему не обратиться к немецким рабочим с призывом к восстанию? Может, что-то из этого и выйдет».

В массах бытует мнение, что необходимости воевать больше нет, что немцы не станут атаковать свободную Россию, что революция в Германии неизбежна, и пришло время заняться внутренними про-

¹²⁶ Цит. по: Манифест Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов к народам всего мира. // Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. № 11. 1917. 15 марта.

блемами — земельным и рабочим вопросами. И нет другого способа сдвинуть их с этого, кроме как через великие лишения и реальные примеры, которые докажут им отсутствие здравого смысла у их лидеров.

Завтра я возвращаюсь в Ревель. Моральное состояние очень тяжёлое. Надежды на успех моих усилий практически нет. Но я должен и дальше нести свой крест и делать всё, что от меня зависит. Надежды на Петроград следует оставить. Советом руководят сумасшедшие, а в Правительстве сидят слабаки.

23 марта (5 апреля)

Снова в Петрограде. Но уже по совсем другим причинам. Не как полномочный представитель морских сил в Ревеле, а как изгнанник с собственного корабля!

Вернувшись в Ревель, я обнаружил значительные перемены к худшему. В Совете шли разговоры о том, чтобы ограничить его состав только представителями социалистических партий, а каждая ссылка на информацию, опубликованную в любых газетах, кроме «Правды» и «Рабочей газеты», встречалась криком: «Товарищи! Не читайте других газет, кроме наших, пролетарских!»

Появились солдаты и рабочие, открыто называющие себя большевиками и сеющие раздоры. Среди матросов их было не так много. Однако команды оказались сильно разагитированы и на каждом шагу видели измену и провокацию. Это вылилось в многочисленные аресты и списания офицеров с кораблей. Так, на «Олеге» по доносу одного из вестовых были арестованы пятеро офицеров и под конвоем отправлены в Петроград. В их числе оказались отличные специалисты. Я заметил быстро растущее недоверие и в отношении меня.

В первые дни по возвращении в Ревель мне пришлось сделать несколько выступлений о результатах моей поездки. Во время митинга на элеваторе в Торговом порту, на который собралось около трёх сотен матросов Минной дивизии, меня спросили, считаю ли я, что монархисты имеют право свободно выражать свои взгляды. Я ответил, что поскольку в России объявлена свобода слова, никто не может запретить им говорить, но, учитывая тот факт, что массы в настоящее время откровенно враждебны монархическим идеям, я не думаю, что такая пропаганда реально возможна. Матросы остались не удовлетворены

162 моим ответом и спросили, что лично я думаю по этому вопросу. На это я сказал, что все политические партии должны иметь возможность свободно обсуждать свои программы, и я считаю вредными любые попытки ограничить принцип свободы слова.

После этого мой старший телеграфист спросил, к какой партии принадлежу я сам. Этого вопроса я ждал со дня возвращения из Петрограда. К мысли о нем меня подвела дискуссия в Думе. Я ответил, что считаю невозможным для начальника заниматься скрытой политической деятельностью среди своих подчинённых и поэтому не могу ответить на этот вопрос до тех пор, пока остаюсь в должности командира «Страшного». Вскоре после этого митинг закончился. Я пошёл на свой корабль. По пути меня догнал председатель одного из судовых комитетов дивизии.

— Господин лейтенант, будьте осторожны с вашими людьми. Несколько человек на корабле постоянно агитируют против вас. Они говорят, вы были слишком строги с командой до революции.

Я заметил, что команда всё более отстраняется от меня, но совершенно не знал, что с этим поделать. Предложение о переводе в штаб флота я решил отклонить, так как не желал работать под началом Максимова, нового командующего. Я не испытывал к нему никакого уважения и считал ниже своего достоинства быть тесно связанным с этим человеком. Обдумав своё положение, я лёг спать, так и не придя к какому-либо определённом решению.

В судовом комитете дела тоже обстояли неважно. Его состав постоянно переизбирался. Некоторые из тех, кто был избран, затем отказывались в нем работать. Работы на корабле почти не велись. Старший комендор состоял в милиции, заменившей собой полицию в Ревеле. Я попросил его уделить немного внимания орудиям и проследить за работами на борту. Он ответил, что не имеет на это времени, так как целыми днями занят в милиции. А на моё замечание, что, может быть, стоит тогда оставить милицию, ответил твёрдым отказом.

Более четверти личного состава убыло домой в длительные отпуска, хотя почти все они уже имели месячный отпуск этой зимой до начала революции.

Судовой комитет на своём заседании составил программу боевой учёбы и занятий. Невзирая на мои протесты и угрозы, что, если дела и дальше будут идти так же, я оставлю командование и уйду с корабля, её урезали до минимума.

Офицеры стали объединяться в профсоюз. Думаю, что в данных обстоятельствах это правильный шаг. Быть может, через профессиональное объединение офицеров флота и удастся чего-то добиться. Военно-морской профсоюз — вот до чего мы дошли за три недели революции!¹²⁷

Морская секция Совета стала заседать отдельно для выработки уложений, регулирующих деятельность комитетов, порядок несения службы на борту, экономические вопросы и тому подобное. Отношение к офицерам в Совете ухудшилось, хотя лично меня принимали по-прежнему хорошо.

Я несколько раз беседовал о сложившейся ситуации с Коптеловым. Он надеялся, что служебная рутина постепенно наладится, хотя сам очень устал и был настроен довольно пессимистично относительно будущего флота. Денщики офицеров стали очень грубыми и неопрятными. В целом команда стала одеваться более расхлябанно, почти полностью игнорируя устав. Матросы съезжали на берег в любое время, когда им вздумается, всего лишь просто записавшись у дежурного квартирмейстера. Моё собственное положение выглядело совершенно абсурдным. Временное Правительство не отменяло уставов, но при этом я не имел власти восстановить дисциплину на борту. Убеждение больше не работало, и сделать я ничего не мог.

Начальник Минной дивизии предложил мне должность старшего офицера в штабе. Предложение было очень заманчивым, так как решало для меня проблему командования людьми. Мне не пришлось бы больше иметь дело с матросами, кроме нескольких писарей и сигнальщиков.

Однако вчера судьба распорядилась иначе. Утром ко мне пришёл рулевой Рибсон, состоявший в судовом комитете. Он сказал, что по-

¹²⁷ В мае 1917 г. по инициативе капитана 1-го ранга П. В. Вилькена был создан Профессиональный союз офицеров, врачей и чиновников флота и портов Балтийского моря (ПРОМОР). Эта организация пыталась отстаивать честь, достоинство, профессиональные интересы офицеров и помогать семьям погибших.

164 кидает его из-за постоянных обвинений в том, что принял сторону офицеров, доносит нам обо всем происходящем и тому подобное. Он умолял взять его с собой в штаб дивизии, и я согласился.

Вскоре после его ухода пришёл боцман и сказал, что команда желает говорить со мной. Матросы, собравшиеся в носовой палубе, вели себя очень шумно и почти не заметили моего приветствия.

Машинный смотритель Занд выступил вперёд и сказал, что команда слышала, как я пытался убедить Рибсона помочь мне взорвать корабль и перебить экипаж. Я вспомнил, что во время беседы с рулевым один из офицерских денщиков, Музыка, отирался возле двери моей каюты, пытаюсь подслушать, о чем идёт речь.

Я ответил, что разговор с Рибсоном шёл о совсем других вещах и касался его перевода в штаб дивизии, куда, как им было известно, я собирался перейти в ближайшее время.

— Кроме того, — добавил я, — дверь была открыта. Я не делал секрета из нашей встречи.

— Ну, это было бы последней каплей, секретные совещания за закрытыми дверьми, — язвительно сказал Занд.

Это вывело меня из себя, и я резко ответил, что не собираюсь служить на одном судне с лицами, являющимися, вероятно, бывшими агентами охраны, и ухожу отсюда немедленно.

Тут слово взял минёр Очерет и сказал, что команда благодарна мне за прошлую службу, но просит покинуть корабль, ибо считает, что я недоволен отсутствием дисциплины на борту и однажды могу решить отомстить им, взорвав патронный погреб или «направив миноносец в безнадёжную атаку на немцев, чтобы погубить нас всех».

— Мы знаем ваш характер. Вы не пожалеете себя, чтобы решить нашу судьбу.

Занд сказал, что Рибсон не мог просить о переводе в штаб дивизии, так как сам постоянно агитировал команду против меня. Эти слова были довольно неожиданными, ибо я всегда старался помочь Рибсону, дать ему шанс продвинуться и по возможности облегчить службу.

Вслед за этим я развернулся и вышел из палубы, не попрощавшись с командой. Вернувшись в каюту, я сел, чтобы написать рапорт начальнику дивизии с сообщением о том, что команда выразила мне недоуме-

рие, и просьбой в связи с этим освободить меня от исполнения обязанностей и вывести за штат. Вестовой же тем временем укладывал мои вещи. Закончив с рапортом, я прикрепил награды, одел ремень и отправился с прощальным визитом к вышестоящим начальникам. Все они были очень удивлены, услышав новости, так как я считался одним из самых популярных офицеров в дивизионе. Начальник дивизии просил остаться и перейти жить на плавучую базу, пока не будет готов приказ о моем новом назначении. Я поблагодарил его, но отказался, не желая терпеть новых унижений от нижних чинов и подрывать авторитет командира своим присутствием во главе его штаба.

Многие офицеры открыто завидовали мне.

— Ты счастливчик! Тебе не придётся стрелять себе в голову, когда наши команды решат сдаться немцам, — прощаясь, сказал один из них.

Мои собственные офицеры были трогательно внимательны и пришли проводить меня на станцию. Я сохранию самую лучшую память об этих людях. Их товарищеское отношение и преданность долгу были огромным подспорьем для меня в те трудные недели командования после революции.

На вокзале я встретил Х., командовавшего одним из наших миноносцев в Гельсингфорсе. Его тоже списала на берег команда, и мы решили

77

ВЫПИСКА

из журнала выемканий команды эскадрен. миноносца
"СТРАШНЫЙ" на матроса 2 статьи
Всеволода Евгениева Рыбсона

27 - Июля 1914 года.

ВЫСЫЛКИ.			Имя налогово замекале.
Годъ, месяць и число.	Чему подвергнутъ.	Причина.	
Не подвергался			
И. д. ротного командира <i>С. М. Мухоморов</i>			

РГАВМФ. Ф. 882. Оп. 1. Д. 15. Л. 37

887

Командир / с-м / Александр Завать.

ВЫСЦАНИЯ.

Годъ, месяць и число.	Чему подвергнутъ.	Причина.	Имя налогово замекале.
<i>М. М. Завать, с-м. За нарушение с-м. Мухоморов Мухоморов, с-м. Мухоморов, с-м. Мухоморов. 27.07.14</i>			
<i>С. М. Мухоморов</i>			

РГАВМФ. Ф. 882. Оп. 1. Д. 8. Л. 72

166 ехать в Петроград вместе. Поезд оказался забит матросами и солдатами. Носильщики с трудом нашли для нас верхнюю полку, куда мы забрались и не слезали до самой столицы. В наше купе набилось одиннадцать человек, так что даже пошевелиться не было возможности.

В Петроград мы прибыли с большим опозданием. По случаю торжественных похорон жертв революции ни носильщиков, ни извозчиков не оказалось. Мы оставили свой багаж на вокзале и, взяв только небольшие сумки, отправились домой пешком. На Вознесенском проспекте, у Александровского рынка дорогу нам преградила огромная толпа. Длинная процессия с транспарантами и военным оркестром во главе двигалась по Садовой. Мы сделали крюк, но у казарм Гвардейского Экипажа наткнулись на другую демонстрацию и полчаса ждали, пока она пройдёт мимо.

Шествие проходило в идеальном порядке. Толпа вела себя безукоризненно. Колонны двигались с одинаковыми интервалами и явно в соответствии с чётким, заранее разработанным планом. Сигналы об остановках или начале движения подавались с помощью маленьких белых флажков. Над головами шагающих, в окружении транспарантов с лозунгами, покачивались красные гробы.

Время от времени демонстранты запевали «Вы жертвою пали в борьбе роковой» или «Вечную память». Процессия состояла из групп вооружённых рабочих с красными повязками на рукавах, солдат, студентов и женщин.

Увиденное произвело на меня глубокое впечатление. Я не удержался, чтобы не сказать Х.: «Если Советам и дальше удастся сохранять такой порядок, возврата к прошлому не будет».

Нам пришлось пересекать Неву по льду, так как все мосты были заняты движущимися колоннами. Наконец я добрался до дома родителей. Моя семья была очень удивлена, снова увидев меня в Петрограде.

В тот день на улицах почти не было видно офицеров и состоятельных людей. Все они попрятались по домам и не рисковали высовываться наружу. Проходя мимо колонн вооружённых рабочих, я слышал в свой адрес недружественные замечания и крики, раздававшиеся из их рядов.

Итак, я больше не командую миноносцем. Всю свою сознательную жизнь я мечтал стоять на мостике военного корабля, и вот сейчас, до-

стигнув своей цели, я снова потерял её, теперь уже, возможно, навсегда, вместе со всем, к чему я так стремился. Сомневаюсь, что я снова могу оказаться на флоте в эту войну. Хотя *quien sabe*¹²⁸?

29 марта (11 апреля)

В Морском генеральном штабе сильно удивились и долго качали головами по поводу моего списания с миноносца. Многие злорадствовали: «Смотрите-ка, народный трибун изгнан матросами со своего корабля!» Старшие офицеры — по крайней мере некоторые из них — избегали даже говорить со мной, боясь, что их может скомпрометировать такая компания. Представьте, каково быть застигнутым в обществе офицера, обвинённого в попытке взорвать свой собственный корабль! Натурально, самый видный контрреволюционер! И напротив, в Морском генеральном штабе я узнал о телеграмме из штаба Минной дивизии, выражавшей сожаление по поводу действий команды «Страшного» и предлагавшей мне вернуться на дивизию. За это согревшее моё сердце сообщение я поблагодарил всех, кто его подписал, и ответил, что не считаю возможным вернуться на флот, пока судовой комитет «Страшного» не будет отдан под трибунал за преступную агитацию против меня.

Чем больше я думаю об этом, тем сильнее моя уверенность, что в эту войну мне уже не придётся снова выйти в море. В любом случае, мне не следует возвращаться на флот в качестве офицера — это было бы слишком унижительно. Я бы чувствовал себя блудным слугой, который, будучи выгнан однажды, может в любой момент быть изгнан снова по прихоти своих хозяев.

Сегодня я виделся с баронессой фон Фитингоф. Мы говорили о резне офицеров в Гельсингфорсе, этом кошмаре жестокости и трусости.

Баронесса была сестрой милосердия и пришла в покойницкую, куда свозили тела. Матросы сверяли имена со списком, чтобы убедиться, что все приговорённые уже убиты. Когда она вошла внутрь, какой-то мерзавец спросил её: «Не мужа ли ждёте? Ничего, долго ждать не придётся, скоро и его привезут».

¹²⁸ Кто знает (исп.)

Эти люди не давали оказывать помощь раненым, раздевали тела убитых и забирали у них все ценности. Когда привезли труп адмирала Непенина, его поставили стоя к стене и воткнули в рот папиросу. А у противоположной стены выстроили тела других офицеров, сложив их окоченевшие руки в форме приветствия.

— Вот вам штаб, адмирал, — смеялись эти животные. Убийцы грубо оскорбили вдову Непенина и не пустили её в покойницкую. Бедная женщина не выдержала шока, и её пришлось отправить в лечебницу.

Лейтенанта Л. перед смертью долго пытали. Ему по одному ломали пальцы и вгоняли в тело иголки. Он вёл себя мужественно и лишь просил, чтобы его поскорее убили. Многие мои друзья по Минной дивизии были убиты матросами с линкоров. Убийцы пришли ночью, вызвали офицеров на палубу и стали стрелять, когда те вышли из своих кают.

Потёмкин сумел выдержать настоящую осаду. Он задраил глухие крышки иллюминаторов в кают-компани своего миноносца, и матросы не решились сунуться к нему, испугавшись его пистолета. И таким чудесным образом он выжил в этой резне. Рыжей, находившийся в Ревеле в первые дни революции, был арестован сразу же по прибытии в Гельсингфорс и подвергся всем возможным видам унижений. Он покончил с собой, бросившись вниз с лестничного пролёта.

Поведение Максимова, нового командующего флотом, во время этих убийств было совершенно позорным и явило собой образец эгоизма и малодушия. Временное Правительство не сделало ничего для наказания убийц адмирала Непенина, который одним из первых признал его и призвал весь Балтийский флот сделать то же самое.

Кровь наших товарищей останется не только на руках матросов, убивших их, но и тех либеральных болтунов, что не сумели настоять на наказании ответственных за это подлое дело. Они спрятались в свои раковины, но придёт день, когда окажется, что офицеры не готовы ломать копыя в борьбе за такое трусливое правительство.

Разговор с баронессой фон Фитингоф произвёл на меня сильное впечатление. И хотя я кое-что знал о некоторых эпизодах резни в Гельсингфорсе, но такой полный и яркий рассказ об этих кровавых днях услышал сегодня впервые.

Здесь заканчивается мой дневник, за исключением той его части, что касается работы с американской миссией, о которой пойдёт рассказ в следующей главе. Моё отношение ко многим событиям, описанным на этих страницах, сейчас иное, но я привожу свои записи без изменений, в том виде, в котором я читал их небольшой группе слушателей у профессора Ону в Лондоне.

С американской миссией

Последние страницы моих записок за 1917 год рассказывают об Американской специальной дипломатической миссии, отправленной президентом Вильсоном приветствовать новорожденную русскую демократию. С момента написания тех строк мои взгляды существенно изменились, но я предпочитаю привести их здесь в оригинальном виде, чтобы передать впечатления тех дней, а не ретроспективный взгляд из 1938 года.

Петроград, 12 (25) июня 1917 года

Долго не писал в дневник. Одна из причин этого то, что жизнь в последнее время была небогата событиями, и я имел мало возможностей увидеть что-нибудь, чего нельзя было бы найти в газетах. Однако главная причина, возможно, заключалась в реакции, последовавшей за напряжёнными событиями ревельских дней, нервном истощении в сочетании с утратой иллюзий относительно будущего флота. Я стал безразличен ко всему, что происходило вокруг, жил день за днём, ходил иногда на политические митинги, читал газеты, изредка посещал театры и раза два-три выбирался на выходные за город.

Процесс разложения продолжается. Те, кто находится на вершине власти, кажется, не замечают этого или, может быть, притворяются, что ничего не видят.

Поначалу я не строил планов на будущее, но потом стал подумывать о том, чтобы уехать в Америку и найти работу за границей. В тот период я не видел смысла пытаться делать что-либо в России. Ведь всё, что делается при Временном Правительстве, обречено на гибель. Я чувствовал, что под давлением этой мысли просто не могу заниматься никакой конструктивной работой.

Несколько раз мне предлагали различные назначения на флоте. Однако я остался верен своему решению не принимать никаких предложений, пока не будет проведено судебное расследование моего отстранения от командования «Страшным». Как-то раз Морской генеральный штаб стал довольно сильно давить, и я написал подробную докладную записку с объяснением своей позиции, заявив, что не отказываюсь от службы и готов служить в рядах армии или флота. Но до тех пор, пока не будет назначен трибунал для расследования действий команды «Страшного» и обстоятельств моего отстранения от командования, я не желаю занимать офицерских должностей ни на кораблях, ни на берегу.

Керенский своей рукой написал на записке: «Умоляю вас остаться на службе». По мне, это выглядело довольно жалко.

Несколько дней назад меня вызвали в Морской генеральный штаб, и его начальник, капитан 1-го ранга Егорьев, спросил, как я смотрю на то, чтобы сопровождать Специальную дипломатическую миссию Соединённых Штатов, которая должна была вскоре прибыть в Петроград через Владивосток. Егорьев очень настаивал, чтобы я принял это назначение, особо упирая на то, что для такого дела у министерства в данный момент нет ни одного подходящего действующего офицера. Поначалу я был не склонен принимать это предложение, но затем, большей частью вследствие давления, оказанного на моего отца, согласился на определённых условиях. Среди прочего я настаивал на ношении гражданской одежды на службе, выделении мне автомобиля с надёжным шофёром и личного кабинета в штабе с секретарём-стенографистом. Все эти требования были удовлетворены. В день прибытия миссии я вместе с капитаном 1-го ранга Х. из МГШ отправился на Николаевский вокзал. Трясаясь в штабной машине по ухабистой, не ремонтировавшейся в тот год мостовой Невского, мы завели довольно

путаный спор о политической ситуации. Х. был откровенно возмущён моими взглядами. Он рассказал, что часто бывает на митингах большевиков у особняка Кшесинской и спорит с их ораторами. Он говорил, что регулярно наголову разбивает их в дебатах, и призывал меня следовать его примеру. Х. жёстко раскритиковал мою монографию о возмущениях на английском флоте в XVIII веке¹²⁹, которую видел в рукописи, и настаивал на недопустимости употребления самого термина «возмущение», подчёркивая важность слова «революция». Вся его аргументация представлялась мне довольно неискренним и поддельным продуктом очень незрелого ума. В любом случае, это был оппортунист, склонный выдавать желаемое за действительное.

На вокзале мы обнаружили неопрятный почётный караул одного из гвардейских полков. Присутствовали также несколько полковников Генерального штаба из окружения Керенского и чиновников министерства иностранных дел. Позже к ним присоединились Терещенко, новый глава МИДа, и Покровский, последним занимавший этот пост при царе. Американское посольство явилось в полном составе.

Здания вокзала были грязными и неухоженными. И вся эта откровенно небрежно организованная попытка торжественной встречи представителей заокеанской демократии оставляла неприятный осадок.

Поезд сильно опоздал. Наконец многочисленные члены миссии и их сопровождающие вышли из вагонов, защёлкали фотоаппараты, и начальник почётного караула скомандовал: «Смирно!» Военного оркестра с караулом не было. Наверное, он играл на каком-нибудь митинге и не желал отвлекаться. Гости прошли мимо караула, даже не заметив его. Вероятно, засаленное хаки солдат идеально сливалось с грязно-жёлтыми стенами вокзала.

Места в автомобилях распределили без всякой системы. Затем мы отправились в Зимний Дворец, где должна была разместиться миссия. За комнаты, питание, транспорт и церемониальную часть визита отвечало министерство иностранных дел, в лице графа П., назначенного

¹²⁹ В сентябре 1917 г. эта работа была опубликована в «Морском сборнике», официальном печатном органе военно-морского ведомства.

См.: D. White. Матросское движение в английском флоте в конце XVIII века. // Морской сборник. 1917. № 9. С. 59—78.

следить за организацией всех этих вопросов. И часто результат был неудовлетворительным. Не доставало транспорта, временами не хватало еды, а торжественная часть оставляла желать лучшего. Должен сказать, что вина не всегда полностью лежала на П. Обстоятельства и условия жизни в Петрограде сегодня абсолютно не подходят для блестящих приёмов. Кроме того, правительство не выполняло свою работу и очень небрежно относилось к запланированным мероприятиям.

Вместе со мной в машине оказались прикреплённый к миссии военно-морской врач доктор Кёрл, помощник адмирала Гленнона лейтенант Алва Бернард и бывший американский военно-морской агент в Петрограде кэптен Ньютон Маккалли.

По прибытии во дворец я был очень удивлён видом придворных лакеев и швейцаров в форме со срезанными гербовыми пуговицами. После ряда недоразумений и задержек миссию разместили в двух так называемых «половинах»¹³⁰ — больших зарезервированных для них покоях из множества комнат. Мне подумалось, что самые чуткие и хорошо воспитанные из наших гостей должны чувствовать себя в императорском дворце неудобно и не в своей тарелке. Ведь это было всё равно что, не спросив разрешения, вломиться в чужой дом.

Состав миссии многочисленный и довольно пёстрый. Очевидно, выбирая главу и семь составляющих её членов, президент Вильсон руководствовался какими-то абстрактными идеями, оторванными от реалий жизни.

Во главе делегации стоит Элиу Рут, один из столпов Республиканской партии, старый, консервативный и очень опытный адвокат с долгой и выдающейся политической карьерой за плечами. В своё время он даже считался достойным кандидатом на президентский пост. По политическим взглядам он бесконечно далёк от Вильсона. Для своего возраста он в хорошей форме и выглядит бодрым. Тем не менее, ему будет довольно трудно вынести тяжесть бесконечных встреч, долгих поездок по России, незнакомой еды и непривычного климата. Его

¹³⁰ Запасные Половины — специальные дворцовые помещения, предназначенные для приезжающих с визитом к государю высоких иностранных гостей, глав правительств, царствующих особ западноевропейских дворов, связанных родственными узами с императорской семьёй. Всего в Зимнем Дворце было семь Запасных Половин.

174 сопровождают представители армии и флота — генерал-майор Хью Скотт и контр-адмирал Джеймс Гленнон. Скотт — старый служака, хорошо разбирающийся в психологии первобытных племён, которых он подчинял и над которыми потом осуществлял управление. Он умный дипломат, много сделавший для урегулирования проблем Соединённых Штатов с Мексикой, однако очень стар и выглядит довольно дряхлым физически. Гленнон в прошлом очень умело командовал броненосцем «Вайоминг» и получил приз «Лучший корабль». В последнее время руководил военно-морскими верфями в Вашингтоне.

Представитель социалистов в миссии — Чарльз Эдвард Расселл — человек довольно умеренных взглядов. Он считает себя теоретиком социализма, хотя сам не слишком начитан в марксистской литературе и даже не читал полного издания «Капитала». Его окружают несколько длинноволосых личностей, забивающих ему голову всякой чушью. Я несколько раз беседовал с ним, большей частью за столом, и пришёл к выводу, что взгляды этого человека непоколебимы, а длинноволосая команда водит его за нос, так что он никогда не будет слушать никаких разумных аргументов.

Джеймс Дункан, представляющий Американскую федерацию труда, глупый и пошлый человек, полностью лишённый манер. Не понимаю, как такого типа вообще могли назначить в делегацию. Часть персонала миссии открыто игнорирует его.

Сайрус Маккормик, представитель промышленности, старый хитрый делец, интересующийся только сбытом своих уборочных машин¹³¹. Сомневаюсь, что его волнует что-нибудь, кроме деятельности собственной фирмы. Он также груб, и его манеры оставляют желать лучшего.

Доктор Джон Мотт из У.М.С.А.¹³², очень приятный, мягкий человек, похожий на пастора состоятельного прихода. По-настоящему хочет помочь России и производит хорошее впечатление своей искренностью.

¹³¹ Сайрус Маккормик занимал пост президента крупного концерна по производству сельскохозяйственных машин «International Harvester Company», имевшего свои заводы в России.

¹³² Young Men's Christian Association (Юношеская христианская ассоциация) — молодёжная волонтерская организация.

Чарльз Крэйн из Чикаго, известный русофил, содержащий на свои средства церковный хор в русском храме Нью-Йорка. Выглядит очень рассеянным, вечно погруженным в свои мысли и мечты человеком. Несмотря на это, он, кажется, единственный во всей миссии, кто имеет более-менее ясное представление, для чего всё это вообще нужно.

На этом заканчивается сохранившаяся у меня часть дневника.

Один из ключевых членов миссии, банкир Сэмюэль Бертран, каким-то образом избежал такой довольно жёсткой критики в моих записках двадцать один год назад. Не могу сейчас вспомнить точно, какое впечатление произвёл на меня тогда этот представитель финансовых кругов Соединённых Штатов. Мне мало довелось общаться с ним, и я лишь смутно вспоминаю, что он был сильно впечатлён тем, как мало русские знают о вкладе Америки в ведение войны. Он всё время подчёркивал необходимость донесения до русского общества декларации президента Вильсона и прочих материалов, с целью просветить его относительно той важной роли, которую играют Соединённые Штаты в разделении тягот борьбы против Центральных держав.

Читая сейчас эти строки дневника с характеристиками некоторых членов миссии, я должен признать, что судил их поверхностно и с неуместной жёсткостью. Не зная американских норм и обычаев, я неправильно воспринимал их поведение.

Кроме главных членов миссии, я близко сталкивался по работе только с сотрудниками военно-морского отдела. Низовой персонал был знаком мне плохо. Однако я хотел бы упомянуть об одном замечательном человеке, которого немного знал ещё до того, как встретил его в роли помощника секретаря миссии. Майор Стэнли Уошберн был гораздо больше на своём месте, чем многие другие члены делегации. Благодаря знанию русской жизни и в особенности русских военных, приобретённому им в бытность военным корреспондентом на русском фронте, Уошберн, без сомнения, представлял большую ценность как для сенатора Рута, так и других первых лиц миссии. Он очень нравился русским и, как я мог убедиться, был способен наладить контакт практически с любым из тех людей, с которыми приходилось иметь дело миссии, от высокомерных генералов до членов советов рабочих депутатов.

Я с самого начала недоумевал относительно реальных причин отправки в Россию такой большой и разношёрстной делегации. И хотя мне была известна склонность президента Вильсона к красивым жестам, множество бесед с представителями американской колонии на бесконечных чаепитиях и обедах до, во время и после визита миссии заставили меня поверить, что за всем этим стоит нечто большее, чем просто желание размашисто поприветствовать молодую демократию, и что были какие-то вполне конкретные и практические причины для путешествия сенатора Рута через океан.

На самом деле, имелись веские основания предполагать, что обсуждались планы отправки американских войск в Россию. Идея, очевидно, состояла в том, что появление демократических, патриотично настроенных и в то же время дисциплинированных солдат из Соединённых Штатов благотворно скажется на боевом духе русской армии. Их присутствие должно было побудить Временное Правительство к более энергичным действиям на фронте, а также послужить защитой в случае чрезвычайной ситуации, созданной так называемыми «анархистами»¹³³.

Как бы то ни было, приступив к исполнению своих обязанностей, я не думал о таких серьёзных и сложных вопросах. Адмирал Гленнон был сильно удивлён и даже отчасти возмущён, увидев, что я, русский военно-морской атташе при миссии, пришёл встречать его не в форме, а в гражданской одежде. Он просто не мог понять, как человек моего возраста может во время войны находиться не на действительной службе. Все мои попытки объяснить нежелание носить офицерскую форму на улицах Петрограда были тщетными. И даже тот факт, что я постарался компенсировать отсутствие расшитой золотом формы фракком, скроенным по последней лондонской моде и дополненным вполне приличным цилиндром, вероятно, единственным на петроградских улицах в те дни, не смог смягчить его оскорблённых чувств.

Проводив адмирала и других сотрудников военно-морского отдела миссии в их комнаты, я обошёл нескольких главных лиц делегации, чтобы посмотреть, сносно ли они разместились в своих апартаментах. Затем я пригласил доктора Кёрла и лейтенанта Бернарда на ужин во

¹³³ «Анархистами» американские дипломаты в России называли сторонников всех лево-радикальных партий и групп и, в первую очередь, большевиков.

всё ещё приличный «Контан», где мог уверенно рассчитывать на хорошее угощение для гостей.

Когда мы вошли в ресторан, форма моих гостей привлекла всеобщее внимание. Известный румынский скрипач, дирижировавший оркестром, сразу же всё понял и приветствовал нас подборкой американских джазовых мелодий.

За закусками и водкой, которая, вопреки мифу о всё ещё действовавшем в стране запрете¹³⁴, подавалась в стопках, гости рассказали мне кое-что о своём путешествии. Во Владивостоке с ними случилось забавное происшествие. Оказалось, что некоторое количество русских революционеров, нашедших убежище в Америке до падения царизма, прибыли в этот порт несколькими днями раньше делегации. И, в виде благодарности Соединённым Штатам за гостеприимство, эти господа начали настраивать солдатскую массу и пролетариат Владивостока против миссии, пытаясь помешать её проезду в Петроград. Однако Владивостокскому совету это было совершенно не нужно, и он не стал мешать планам американцев.

Мои новые друзья никак не могли взять в толк, что происходит в России. Думаю, что строки из официального доклада американского посла Государственному секретарю довольно точно передают, как они видели всю ситуацию: «Общее представление о новообретённой свободе среди русских такое, что каждый теперь волен делать то, что захочет, и свободен от любых ограничений, с которыми он сам не согласен».

Позднее, прочтя эту фразу в толстом «талмуде», изданном Государственным Департаментом, я подумал, что это очень точное описание настроений, царивших тогда в России, и удивился откровенности посла.

Оба, доктор Кёрл и лейтенант Бернارد, были сбиты с толку своими странными впечатлениями от поездки из Владивостока: отсутствием элементарной дисциплины среди солдат, количеством политических партий, борющихся за власть, симбиозом Временного Правительства и Совета, а также первым, беглым осмотром Петрограда. Всё это совер-

¹³⁴ С 19 июля 1914 г. в России была прекращена торговля спиртными напитками на время мобилизации, а в августе того же года запрет продлили на всё время войны. Крепкое спиртное продавали только в ресторанах.

178 шенно не соответствовало их ожиданиям. Они чрезвычайно интересовались тем, что происходит в России, и всеми силами желали помочь.

В светлых сумерках питерской белой ночи я проводил своих гостей обратно во дворец. В тот вечер даже знаменитый румынский скрипач не мог заставить их держаться на ногах в такой поздний час.

На следующий день началась обычная черед пустых официальных приёмов. Первый из них состоялся 14 июня в министерстве иностранных дел. В тот день американский посол буквально излучал торжественное настроение: он произнёс страстную речь о двадцати тысячах миль пути, проделанных миссией, чтобы поприветствовать нас от имени «ста миллионов свободных людей». По-видимому, он плохо понимал, что русские тогда не питали такой тяги к цифрам и вообще статистике, как американские бизнесмены. Он упорно называл миссию «комиссией» и подчеркнул, что она составлена из «патриотичных, бескорыстных американцев, представляющих все партии и весь спектр политических взглядов в Соединённых Штатах». Эти слова удивили меня и тех русских, кто слышал о Юджине Дебсе¹³⁵. Далее посол сделал совсем уже забавное заявление, что «в нашей стране нет классов», и на торжественных лицах присутствующих промелькнули едва заметные улыбки.

Терещенко, молодой министр иностранных дел, произнёс очень достойную речь на отличном английском, показавшуюся мне очень умеренной и далёкой от устремлений лидеров Совета в области внешней политики. Но президент Вильсон, по-видимому, придерживался иных взглядов. 27 июня Госсекретарь телеграфировал послу Фрэнсису мнение президента, что «членам миссии не стоит говорить об условиях мира или требованиях, на которых в этой связи будут настаивать Соединённые Штаты. Президент считает, что время для таких высказываний ещё не пришло, и надеется, что вы будете проводить ту же политику». Так был отброшен шанс предложить Германии приемлемые условия и тем самым спасти Россию от большевизма.

¹³⁵ Юджин Виктор Дебс (1855—1926) — деятель рабочего движения в США, один из основателей Социалистической партии Америки и профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира». Пять раз баллотировался в президенты. Активно выступал в поддержку Советской России.

На следующий день в Мариинском дворце, бывшей резиденции Госсовета, миссию принимало Временное Правительство в полном составе. Американские гости вырядились очень официально, кабинет же министров во главе с князем Львовым, наоборот, явился в своей повседневной одежде. Сам князь носил плохо сшитый костюм, а некоторые министры были одеты в сорочки с мягкими воротничками и выглядели так, будто спали в одежде. Так демократия приветствовала демократию вдвойне, без единой пары начищенных ботинок, за исключением Терещенко.

Роскошная атмосфера дворца была неподходящей обстановкой для этих двух столь непохожих групп людей. В тот вечер сенатор Рут произнёс замечательную речь, позволившую мне более чётко понять цели, преследуемые миссией. Особенно показательной была фраза: «Америка снова шлёт России сигнал, что собирается сражаться — и уже начала сражаться — за вашу свободу, как за свою собственную. И мы просим вас сражаться за нашу свободу так же, как вы сражались бы за себя».

Так открылась истинная цель миссии: поддержать пошатнувшийся русский фронт — не только свежими войсками, но и укреплением морального духа русских армий, особенно в больших городах. Отсюда присутствие Расселла и Дункана, чья задача была убедить русских социалистов и рабочих быть более воинственными и продолжать сражаться с Германией.

Пока Терещенко отвечал Руту, ко мне подошёл один из министров, кажется, это был Пешехонов¹³⁶, и довольно громко сказал:

— Молодой человек, скажите, пожалуйста, этим американцам, что мы устали от войны. Объясните им, что мы совершенно измотаны долгой и кровавой борьбой.

Придя в себя от изумления, я ответил:

— Гражданин министр, я не стану переводить ваши слова. Выражать взгляды правительства по вопросам внешней политики на таких мероприятиях, как это, является прерогативой премьер-министра и министра иностранных дел. Если вы хотите сказать что-то от себя лично, вам следует выбрать другое время и место.

Мысль о солидарной позиции правительства и лояльности главе кабинета была абсолютно чужда этому человеку. Это стало последним

¹³⁶ Министр продовольствия.

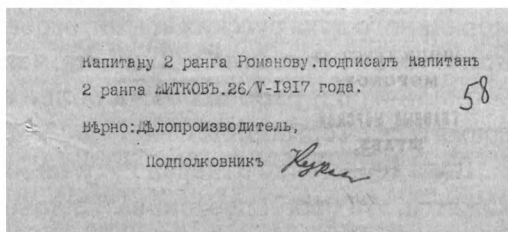
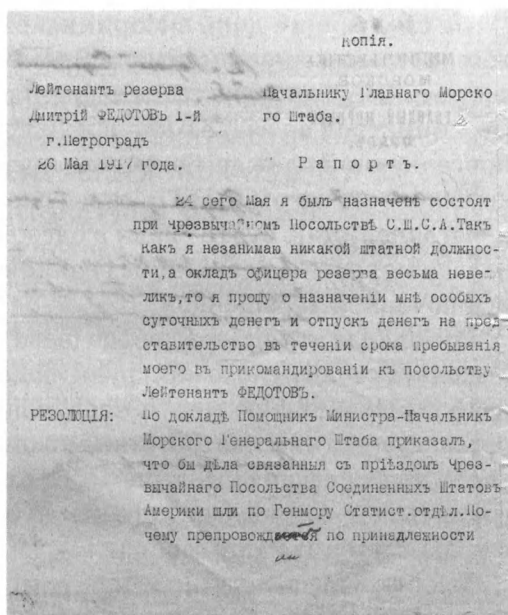
180 гротескным штрихом, увенчавшим картину моих впечатлений от того неформального приёма.

Очевидно, первый беглый взгляд на Петроград произвёл неприглядное впечатление на гостей, так как два дня спустя после приёма в Мариинском сенатор Рут телеграфировал Госсекретарю: «Положение здесь критическое. Общее настроение в Петербурге очень печальное. Состояние промышленности и финансов плохое» — и... рекомендовал выделить на пропаганду пять миллионов долларов.

После встречи с членами кабинета Львова Рут сообщал: «Пожалуйста, передайте президенту, что в вопросе отношения к свободе мы обнаружили здесь ясельную группу численностью в сто семьдесят миллионов человек, нуждающуюся в снабжении детсадовским материалом».

Как показали дальнейшие события, Ленин лучше всех понял, какой именно материал был нужен этой группе. Однако в тот момент миссия твёрдо придерживалась мысли, что «Временное Правительство кажется надёжным; никакой явной агитации против него в настоящее время не заметно». Что привело Рута к такой мысли — загадка, разгадать которую мне не под силу. Не думаю, чтобы более реалистично настроенные члены делегации разделяли это мнение.

По окончании всех этих приёмов я представил адмирала Гленнона и его сотрудников тогдашнему помощнику морского министра адмиралу

РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2127. Л. 57

Кедрову и занялся приготовлениями к поездке в Севастополь. Гленнон хотел встретиться с Колчаком и проинспектировать Черноморский флот. В те дни такое относительно недолгое путешествие в Крым требовало предварительной подготовки, как если бы вы собирались в какие-нибудь дикие отдалённые края.

В моё распоряжение был предоставлен личный железнодорожный вагон военного министра. Я тщательно осмотрел его, чтобы убедиться, что он не захвачен вездесущими насекомыми, и познакомился с двумя прикреплёнными к нему часовыми.

Затем отправился в «Донон» и заказал еды на дорогу в оба конца: жареных цыплят, холодного мяса всех видов, ветчины, сёмги, осетрины, икры, всевозможных закусок и много хлеба. Вслед за этим я нанёс визит содержателю дворцовых винных погребов. У него мне удалось добыть несколько бутылок очень старого бурбона (вероятно, единственное место, где его можно было достать), немного шотландского виски и ассортимент вин и ликёров. И завершил я свои дневные труды обменом пары бутылок виски на имевшуюся у моего английского знакомого газировку «Швепс».

Большинство других членов миссии разделяли и применяли к другим сторонам русской жизни мнение сенатора Рута о детском саде. Общее отношение было таким, что русские — это приятные, но ненадёжные и иногда очень непослушные дети. Считалось, что в любой сфере жизни Большой Брат — Дядя Сэм — может не только предлагать помощь, но и волен высказываться о наших недостатках в манере, которую любой нормальный американец посчитал бы оскорбительной, будь она обращена к нему.

Своё первое впечатление о миссии я получил из разговора с одним из старших атташе, который со всей серьёзностью прочёл мне лекцию о повальном распространении сифилиса в русской деревне и общем отсутствии морали среди русских людей всех классов. Я спросил этого критика нравов моей страны, откуда он взял такие сведения и кто проверял статистику. В ответ он пришёл в возмущение от моего вопиющего невежества относительно общеизвестных фактов и неспособности оценить необходимость немедленно что-то предпринять.

Распутин и его дела (реальные и вымышленные) были неиссякаемой темой для разговоров. Ими начиналось и заканчивалось почти любое обсуждение. Общее мнение сводилось к тому, что каждая русская женщина из высшего света Петрограда мечтала о том, чтобы ей оказал внимание этот дюжий сибирский мужик. Все попытки представить более правдивую картину (которая, надо признать, была довольно мрачной) встречались с плохо скрываемым скептицизмом.

В отношении русской армии и флота имелось твёрдое убеждение, что все старшие офицеры либо взяточники и бездари, либо распутники, способные лишь волочиться за балеринами. И было совершенно ясно, что тех из нас, с кем наши гости сталкивались лично и успели узнать получше, они воспринимали как чудаков и исключения, подтверждающие общее правило.

Более того, слыша каждый день рассказы о проблемах со снабжением, нехватке самого необходимого в Петрограде и почти полном отсутствии импортных товаров, они бывали сильно удивлены, когда что-нибудь из подававшихся закусок или напитков приходилось им не по вкусу. Некоторые из них не стеснялись выразить русским, понимавшим по-английски, пожелания «достать настоящей хорошей еды, к какой они привыкли у себя дома».

В целом некоторые члены миссии в своём отношении были похожи на тех миссионеров, что в начале XIX века отправлялись к диким туземным племенам где-нибудь в Тихом океане, чтобы принести им веру белой цивилизации, испытывая при этом большое удовлетворение от осознания того, что Господь сделал их из другой глины, нежели этих несчастных язычников, которых они собрались обращать.

Всё это сильно раздражало меня. Мне постоянно приходилось напоминать себе, что я — принимающая сторона, а мои собеседники — гости моей страны, и я должен сдерживать свой темперамент.

Сказанное выше, конечно, не относилось к постоянному персоналу американского посольства в Петрограде, и особенно военному и военно-морскому агентам. Они достаточно хорошо знали Россию и русских и не разделяли взглядов «миссионеров». Понимая, какое напряжение страна испытывала в последние три года войны, дипломаты не были

так наивны, чтобы объяснять революцию и её последствия лишь личной никчёмностью русских офицеров и чиновников.

Разубедить сотрудников военно-морского отдела миссии в том, что все русские — некомпетентные бездари, смогла экскурсия на Обуховский завод в нескольких верстах вверх по Неве от Петрограда. Эта поездка состоялась в одно наших из кратких пребываний в столице между долгими путешествиями на различные театры войны на море.

Ясным солнечным днём мы отправились вверх по реке. Лёгкая речная рыба голубой рябью играла на полированном красном дереве министерского катера. И даже вся медь на борту была начищена до блеска.

Моим американским друзьям очень понравилось ехать вот так по реке, ибо с неё открывался интересный вид на Петроград. И, когда мы добрались до Обуховского завода, все находились в отличном настроении.

Гленнон, крупный специалист по вооружениям, был заворожён процессом производства очень удачных 102-мм корабельных орудий. Оригинальная конструкция и сообщённые мной баллистические характеристики пушки произвели на него сильное впечатление. Его поразили огромные станки, растачивающие стволы для 12-дюймовых орудий, прекрасно оборудованные мастерские и литейные цеха, и он откровенно сказал мне:

— Я никак не ожидал увидеть что-нибудь подобное в России. Это в высшей степени замечательный завод, а квалификация инженеров и рабочих — высочайшая.

Он спросил, есть ли на заводе иностранные инженеры, и очень удивился, узнав, что ни одного нет.

Рабочие Обуховского завода в период нашего визита были настроены не совсем пораженчески и встретили миссию с заметным энтузиазмом. Большой группой они собрались в одном из цехов, чтобы поприветствовать американских гостей. Гленнон произнёс краткую речь, и, когда её перевели на русский, они бурно зааплодировали Америке и американцам. Такое настроение рабочих явилось для меня полной неожиданностью. Я не мог и представить, что на одном из крупнейших промышленных предприятий Петрограда рабочие настолько проникнуты сознанием необходимости активного продолжения войны.

Осмотр Обуховского завода открыл для членов военно-морского отдела миссии совершенно иной взгляд на русскую военную промышленность. Они увидели, что в России есть хорошие инженеры и высококвалифицированные рабочие, способные разрабатывать и производить самые сложные образцы морского вооружения и техники. Импровизированный приём, устроенный рабочими, чрезвычайно воодушевил их, и я боюсь, что впечатления от этого визита они распространили на всю русскую тяжёлую промышленность в целом.

Первая часть поездки в Крым прошла без особых происшествий, если не считать двух вещей. «Швепс» у нас закончился задолго до того, как мы прибыли в Севастополь. Стояла необычно тёплая для этого времени года погода, и отличный бурбон стал причиной повышенного потребления газировки. Вскоре я понял, что ошибся в своих расчётах, и попытался пополнить наши запасы минеральной воды закупками в станционных ресторанах. Но, к сожалению, кроме несчастной местной сельтерской, ничего из прохладительных напитков в наличии не было. Всё это было довольно досадно, в особенности для Гленнона, который не жаловал русскую минералку.

Второй инцидент произошёл на одной из крупных станций за Москвой. На платформе стояла необычно большая толпа солдат, желавших уехать куда-нибудь, не важно куда. И когда я вместе с одним из американских офицеров открыл дверь, здоровенный детина без погон рванулся в наш вагон, крикнув остальным двигать за ним и «вышвырнуть проклятых буржуев!» Увидев его, я сразу понял, чем это для нас может закончиться. Не успев захлопнуть дверь, я качнулся вперёд и ударил его в челюсть, сбросив с подножки. Он принял поражение и, бормоча проклятия, растворился в толпе.

Этот случай невероятно поднял мой авторитет среди попутчиков. Мои американские коллеги не ожидали, что русский офицер ещё способен драться, и были сильно удивлены таким поворотом событий. И они удивились бы ещё больше, если бы узнали, что это был первый раз в жизни, когда я ударил кого-то по лицу!

В то утро, когда мы подъезжали к Севастополю, я заметил, что все встречные поезда на станциях битком набиты хорошо одетыми людьми, которые были сильно возбуждены и взволнованы. В одном

из таких идущих на север поездов я увидел морского офицера и вышел поговорить с ним, чтобы узнать причину всеобщего исхода. Он рассказал, что матросы взбунтовались, Колчак арестован местным Советом, и команды разоружают офицеров.

Момент для визита американских военно-морских представителей на Черноморский флот был явно неподходящим. Я выругался про себя на «поллианн»¹³⁷ из Морского генерального штаба, оказавшихся неспособными хотя бы за пару дней предусмотреть такое развитие событий.

Однако поворачивать назад было уже слишком поздно. Я вкратце обрисовал положение Гленнону и предложил, раз уж мы забрались так далеко, доехать до Севастополя и посмотреть, что там происходит. Адмирал согласился, и мы сели завтракать, любуясь величественной панорамой моря и окрестностей города.

Кроме Гленнона, с нами в вагоне находился кэптен Ньютон Маккалли, бывший военно-морской агент в Петрограде, только что передавший свои обязанности новоназначенному командеру Уолтеру Кросли. Кросли также сопровождал Гленнона в этой поездке. Оба офицера были выдающимися людьми, дослужившимися позже до адмиралов и занимавшими самые высокие посты в американском флоте. Маккалли заслужил признание тысяч русских людей за свою доброту и готовность помогать до последнего в трагические дни эвакуации черноморских портов во время Гражданской войны. А потом он усыновил нескольких русских сирот, привёз их в Америку и дал на собственные средства образование.

С Уолтером Кросли я имел честь дружить с первого дня, как мы встретились в России. Он сразу поразил меня своими способностями, мужеством, здравым смыслом и чем-то ещё неуловимым, что отличает хорошего морского офицера в любой стране мира.

Алва Бернارد, помощник адмирала Гленнона, также произвёл на меня отличное впечатление благодаря своему такту и удивительному здравомыслию. За время поездки мы успели хорошо узнать друг друга, и я стал относиться к нему с большой симпатией.

¹³⁷ Поллианна — персонаж одноименного романа Элинора Портер, вышедшего в 1913 году. Девочка с беззаботным и жизнерадостным характером.

Мы закончили наш завтрак к моменту, когда поезд дотащился до перрона севастопольского вокзала. Выйдя наружу в поисках принимающего комитета, я заметил группу из трёх морских офицеров, матроса и рабочего, по-видимому, ждавших миссию. Я представился старшему по чину, и тот кратко ввёл меня в курс дела. Адмирал Колчак не был арестован, но лишился всякой власти, и правительство отзывало его обратно в Петроград. Офицер также сообщил, что комитет по встрече включает в себя представителей Совета и постарается сделать всё от него зависящее в сложившихся обстоятельствах, чтобы показать американским военно-морским представителям всё, что они захотят увидеть.

Картина была ясная. Черноморский флот, последняя цитадель дисциплины и порядка, захвачен большевиками. Пока его лучшие ораторы разъезжали по фронту, убеждая солдат продолжать войну¹³⁸, какие-то эмиссары из Кронштадта и Петрограда пролезли в местный Совет изнутри и разагитировали матросов.

Представив офицеров Гленнону и его сотрудникам, я оставил им самим представлять делегатов Совета. Как уполномоченный правительства при миссии, я не мог иметь никаких прямых отношений с делегатами органа, поднявшего открытый бунт против него. Затем я сказал адмиралу, что оставляю его на попечение комитета и адмирала Лукина, сменившего Колчака на посту командующего, сам же отправляюсь в штаб флота узнать, как обстоят дела и не опасно ли миссии оставаться в городе. Один из встречавших нас офицеров, капитан 2-го ранга Феншоу, прекрасно говорил по-английски и вполне мог позаботиться о миссии, став её Вергилием в этом современном аду восставшего Севастополя.

Прямо с вокзала я отправился на флагманский линкор «Георгий Победоносец», где отыскивал своего однокашника. Он поздравил меня с удивительным даром предвидения, позволившим привезти американцев в Севастополь в худший возможный момент. Перекинувшись ещё

¹³⁸ Имеется в виду так называемая «Черноморская делегация», созданная в апреле 1917 года по инициативе А. В. Колчака из состава офицеров и матросов Черноморского флота и отправленная на сухопутный фронт и разлагающийся Балтийский флот для поднятия боевого духа и агитации за продолжение войны.

парой шуток, мы прошли в его каюту, где он рассказал, что произошло. С начала июня в командах шла активная агитация против офицеров. Делегаты с Балтики упрекали своих черноморских товарищей: «Да у вас тут всё, как при старом режиме! Вы всё ещё под каблуком у Колчака и его офицеров. Смотрите, что мы сделали с ними на Балтике. У нас теперь настоящий народный флот, а вы все ещё пляшете под дворянскую дудку!» Было заявлено, что офицеры готовят контрреволюцию. Эти утверждения не имели под собой оснований, так как заседания офицерского союза проводились открыто, представители команд имели возможность присутствовать на них и быть в курсе обсуждений, не имевших политической окраски. Несмотря на это, пропаганда имела успех, команды перестали доверять офицерам. Постепенно они распространили свои подозрения и на командующего флотом, адмирала Колчака. На одном из митингов на дворе Черноморского экипажа, собравшем около пятнадцати тысяч человек, Колчака обвинили в том, что он крупный землевладелец и преследует только интересы помещичьего класса. Затем последовало ещё более серьёзное обвинение, что он намеренно ослабляет флот, выводя из его состава корабли. Действительно, старый линкор «Три святителя» был выведен из кампании, как не представляющий боевой ценности, а его экипажем пополнены команды транспортной флотилии в Одессе. Там образовалась нехватка личного состава вследствие отпусков, предоставляемых Советом по своему усмотрению. Миноносец «Жаркий» под командованием Георгия Веселаго (ныне очень успешного жителя Филадельфии) также получил приказ Колчака спустить флаг, ввиду полного разложения команды. Матросы выразили недоверие командиру, обвинив его в том, что он безрассудно рискует их жизнями, подвергая судно ненужной (по их мнению) опасности во время действий против неприятельских кораблей и укреплений.

Колчак пришёл на тот митинг и был в лицо назван «зажравшимся помещиком»¹³⁹. Он взял слово и сказал в ответ, что не имеет ни земли,

¹³⁹ Из показаний А. В. Колчака Чрезвычайной следственной комиссии в Иркутске в феврале 1920 года: «Там какие-то неизвестные мне посторонние люди подняли вопрос относительно прекращения войны, представляя его в том виде, в каком велась пропаганда у нас на фронте, — что эта война выгодна только известному классу. В конце же концов, перешли на тему относительно меня, при чём я был выставлен в виде прусского агрария» (Допрос Колчака. Ленинград, 1925. С. 77).

188 ни любого другого недвижимого имущества. А всё движимое состояло из содержимого нескольких чемоданов, которые его жена успела спасти при эвакуации Либавы в 1914 году. Всё остальное погибло, когда немцы заняли этот порт. Он сказал, что не имеет даже счёта в банке, и любой, кто сможет доказать наличие у него имений, собственности или капиталов, может взять их себе. Это произвело впечатление, и митинг разошёлся.

Однако в тот же вечер Колчака пригласили прийти на заседание новоизбранного Совета. Войдя в помещение, он услышал, что Совет обсуждает вопрос о разоружении всех офицеров. Оставшись незамеченным президиумом, он с отвращением покинул зал.

На следующий день с одного из линкоров передали по радио распоряжение Совета о разоружении офицеров и проведении обысков на их квартирах с целью поиска оружия. Команды немедленно стали выполнять этот приказ, не сообщив об этом командующему.

Колчак собрал команду своего флагмана и обратился к ней со страстной речью об абсурдности обвинения офицеров в контрреволюции. Приказ о разоружении он назвал личным оскорблением себе и заявил, что не желает более оставаться командующим, о чём немедленно телеграфирует правительству. Затем взял свою саблю, полученную за храбрость при обороне Порт-Артура, и театральным жестом выбросил за борт.

Тем временем к нему прибыла делегация Совета и представила резолюцию с требованием сдать командование. Колчак заявил, что уже сделал это. Квартиру его, однако, по приказу Совета обыскали.

Керенский, получив телеграмму Колчака, немедленно телеграфировал в ответ в резких выражениях требование Совету остановить произвол, вернуть офицерам оружие и прекратить дальнейшие нарушения дисциплины. Он также вызвал Колчака в Петроград с докладом правительству о произошедших событиях.

Так обстояли дела. Колчак окончательно потерял всякую власть над людьми, и остатки авторитета, которым он пользовался в начале революции, испарились. Ему, как и остальным офицерам, пришлось осознать, что надежды на более мирный и спокойный, чем на других флотах, ход революции на Чёрном море рассыпались в прах.

Кто-то может возразить, что Колчак действовал слишком сгоряча, что вместо того, чтобы делать картинные жесты, вроде бросания сабли за борт, ему надо было стоять на своих законных правах и отказаться сдавать командование. А может, даже собрать горстку преданных людей и попытаться восстановить порядок силой. Я уверен, что первое было невозможно, ибо он понимал, что его власть на флоте держится не на правительственном назначении, а на личном авторитете. И когда этот авторитет исчез, не осталось ничего, кроме пустых притязаний, защищать которые не имело смысла. Лучше было избавиться от утраченных своё наполнение символов власти, чем цепляться за претензии на законность, не имевшие тогда в России никакого значения. Иными словами, любой матрос в Севастополе знал, что может безнаказанно убить любого офицера, включая самого Колчака, в то время как офицер, который попытался бы настоять на соблюдении самой элементарной дисциплины, рисковал навлечь смерть на себя и своих близких. В таких обстоятельствах всякая попытка стоять до последнего была бы бессмысленным донкихотством и привела бы лишь к напрасному убийству десятков или даже сотен офицеров, росту анархии и насилия.

Мне стало ясно, что американской миссии нет никакого смысла оставаться в Севастополе, и я договорился, чтобы наш вагон прицепили к вечернему поезду на Петроград.

Гленнона и остальных американцев я нашёл, как и договаривались, в морском офицерском собрании в компании капитана 2-го ранга Феншоу и делегатов Севастопольского совета. Я попросил лейтенанта Бернарда пообедать со мной вместе за небольшим столом, отдельно от основной группы, и за едой рассказал ему обо всём, что мне удалось узнать. Я предложил ему сказать адмиралу, что рекомендую вернуться в Петроград ближайшим же поездом.

После обеда, оставив Бернарда говорить с адмиралом, я вышел в курительную комнату поискать кого-нибудь из однокашников, служивших на Черноморском флоте. Я не видел никого из них со дня выпуска, так как связи между двумя флотами почти не было, и офицеры почти не общались.

В фойе собрания я увидел расхристанного матроса. Он громко и вызывающе разговаривал с явным намерением оскорбить молодого

190 офицера. К тому времени я уже был порядком на взводе от увиденного и услышанного за день.

— Немедленно покиньте собрание! — сказал я матросу.

— И не подумая. Я здесь такой же хозяин, как и вы! — последовал ответ.

— Ну, я вам докажу, что ещё нет, — сказал я и, взяв его за шиворот, вышвырнул вон. На этом инцидент закончился. Матрос просто ушёл прочь. Однако некоторые из моих черноморских коллег считали, что я поступил опрометчиво, и опасались последствий.

Когда я вернулся в обеденный зал, адмирал Гленнон поведал, что чрезвычайно интересно провёл утро. Он был сильно впечатлён боевой учёбой оружейных расчётов на новом линкоре «Воля».

— Они всё делали с большой охотой. Позабыли свою революцию и действовали, как первоклассные артиллеристы.

Желая закончить приготовления к отъезду, я предложил адмиралу, чтобы Феншоу сопровождал его остаток дня, а я бы пока договорился обо всём с железнодорожным начальством и закупил еды на обратный путь.

Покончив с делами, я зашёл к своему другу барону фон Гойнинген-Гюне. Мы пошли прогуляться в парк, беседуя по дороге о событиях дня и планах на будущее. Время от времени нам на встречу попадались матросы с перевязанными верёвками охапками офицерских сабель и кортиков.

Барон сказал, что сыт по горло службой на флоте. Он собирался оставить свою должность в штабе и поступить рядовым в один из ударных пехотных батальонов. Настроение было довольно грустным. Мы не верили, что когда-нибудь ещё увидимся снова, и могли только надеяться, что нам повезёт умереть в бою, а не от жестоких пыток, как выпало на долю многих наших близких друзей в Кронштадте и Гельсингфорсе в марте.

Вернувшись к американцам, я узнал о произошедшем с ними удивительном событии. Адмирал Гленнон посетил большой митинг, на который собралось несколько тысяч матросов и солдат. Его попросили выступить, и он произнёс по-настоящему вдохновенную речь, сопровождая её эмоциональными жестами. Рассказав матросам о великой

американской демократии, о дисциплине на американском флоте, о традициях свободы вкупе с самоограничением, без которого эта демократия невозможна, он призвал их прекратить унижения офицеров, вернуть им оружие и восстановить элементарную дисциплину, без которой невозможно существование флота. Он также дал очень высокую оценку Колчаку и просил матросов признать его авторитет. Отлично переведённая речь адмирала произвела сильное впечатление на собравшихся. Вероятно, это был первый раз в истории военно-морского флота, когда речь иностранного офицера помогла успокоить восстание. Спустя несколько часов Гленнону передали, что после его выступления Совет отменил все свои вызывающие распоряжения, кроме приказа о смещении Колчака с поста командующего.

Адмирал Колчак вместе со своим начальником штаба, капитаном 1-го ранга Смирновым, решил ехать в Петроград тем же поездом, к которому прицепили и наш вагон. Узнав об этом, я сразу отправился к ним с визитом.

Колчак был сильно возбуждён и кипел возмущением по отношению и к Совету, и к правительству. Последнее, как он считал, поставило его в невозможное положение, игнорируя посылаемые им доклады и рекомендации и отказываясь принять какие-либо практические шаги для восстановления дисциплины на флоте. Колчак ясно понимал, что Керенский попытается сделать из него козла отпущения на том формальном основании, что он не смог сохранить порядок на флоте и самовольно оставил свой пост. Колчак и Смирнов очень заинтересовались визитом американской миссии и стали расспрашивать об их впечатлениях о Севастополе. Я предложил им обоим зайти к Гленнону, уверенный, что он будет рад этому визиту.

Во время разговора Колчак заметил, как какой-то неприятного вида матрос подкрался к купе, где мы сидели. Видимо, адмирал принял его за большевистского агента, посланного проследить за ним до Петрограда. После событий последних дней для него это было уже слишком. Он выхватил из кармана пистолет и бросился на матроса. Тот в страхе бежал, а мы со Смирновым с большим трудом успокоили Колчака, повторившего: «Они даже посылают шпионов следить за мной в поезде!»

Очевидно, сказывалось напряжение, в котором адмирал пребывал с мартовских дней. Он явно не держал себя в руках. Конечно, уравновешенность характера никогда не была сильной стороной натуры Колчака. Это знали все, кому довелось служить с ним. Но всё же налицо были огромные изменения, произошедшие с ним с того момента, как мы виделись последний раз в Рижском заливе.

Гленнон и все американские офицеры очень любезно приняли Колчака и его начальника штаба, когда те пришли к ним с визитом. Они выразили сожаление, что не успели посетить Севастополь, пока адмирал командовал флотом. Вскоре началось очень живое обсуждение действий Колчака в Босфоре и его планов по нападению на Константинополь с моря. Насколько я мог судить, Колчак произвёл очень хорошее впечатление на Гленнона и его сотрудников. Маккалли, конечно, уже был с ним знаком и прежде.

Во время этого разговора мне пришла в голову мысль, что Колчаку было бы хорошо съездить в Америку. План поначалу был очень расплывчатый, и я вскользь обсудил его с Кросли. Потом рассказал об этом Гленнону, и тот поддержал идею. Обсуждение продолжалось всю дорогу. Колчак вроде бы заинтересовался, но не мог подтвердить точно, не зная, чем закончится изучение правительством событий, приведших к его отставке.

Некоторые идеи, лежавшие в основе этих обсуждений, строились на туманных предположениях о том, что американский флот мог бы предпринять атаку на Дарданеллы, как лучший способ помочь союзникам выйти из тупика и поддержать Россию. Захват Босфора и Дарданелл открыл бы путь для военных поставок и, возможно, для переброски американских войск в Россию. И опыт Колчака в проведении минных операций, знание турецких укреплений и тактики, а также разработанный им план широкомасштабной десантной операции в Босфоре могли бы очень пригодиться американскому флоту. Из этих предпосылок родилась идея отправить русскую военно-морскую миссию с ответным визитом в Америку и назначить её главой адмирала Колчака.

Когда эти предложения были впервые представлены правительству (если мне не изменяет память, В. И. Лебедеву, политическому назначенцу, управлявшему Морским министерством), их встретили без

энтузиазма. Гленнону сказали, что с Колчака ещё не сняты обвинения в недостаточно активных действиях по восстановлению дисциплины и подавлению бунта в Севастополе. И никаких решений не может быть принято, пока не будет выяснен этот вопрос.

Адмирал Гленнон, этот честный ирландец, покраснел от возмущения и возразил, что судя по тому, что миссия увидела на месте и услышала от надёжных людей, если кого-то и следует винить за ситуацию в Севастополе, то точно не Колчака. И, заручившись поддержкой сенатора Рута, продолжил настаивать на своём плане.

Позднее, как я понял, глава миссии лично обсуждал этот вопрос напрямую с Керенским. Наконец объявили, что план одобрен. Правительство Соединённых Штатов примет русскую военно-морскую миссию, главой которой по неформальному предложению желало бы видеть адмирала Колчака.

Сам я лично не видел официальной переписки по этому поводу, и моё знание основывается на услышанном от американских офицеров, от Колчака и от офицеров Морского генерального штаба. Это даёт повод сомневаться, прав ли я, считая, что данный вопрос всегда был не более чем вежливым жестом со стороны американского правительства.

Впоследствии, когда план по захвату Дарданелл был заброшен (если он вообще когда-нибудь существовал), поездка русской военно-морской делегации свелась к простому визиту вежливости адмирала Колчака и нескольких офицеров, составлявших его штаб, в Соединённые Штаты, где их очень тепло и гостеприимно приняли от лица правительства.

Колчак, как мне кажется, и сам до конца не понимал, как всё это устроилось, и выехал из России в уверенности, что ему хотят предложить какую-то важную работу, связанную с участием американского флота в войне. Несколько недель спустя после нашей поездки в Севастополь я встретил его в Лондоне, когда он ехал в Америку. В моем присутствии он сказал группе русских флотских офицеров, что правительство Соединённых Штатов пригласило его в качестве эксперта по минному делу и другим военно-морским вопросам. Думаю, что эта путаница возникла отчасти из-за нервного напряжения, в котором он находился в момент появления этого плана. Кроме того, перед тем, как он отправился в Америку, никто не дал ему в Петрограде чётких

194 объяснений ситуации. Мне кажется, что эта история началась, как жест доброй воли одного достойного морского офицера, адмирала Гленнона, по отношению к другому моряку с международной репутацией, адмиралу Колчаку. А всё, что потом выросло на этом основании, никогда не получало официального одобрения американских властей. Колчак же истолковал неформальное обсуждение с американскими офицерами в России, как чёткий официальный план.

В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии в Иркутске в 1920 году, за несколько дней до казни, он сказал: «...я жил на частной квартире и почти никого не видел, пока ко мне не явился прикомандированный к миссии адмирала Гленнона русский офицер-лейтенант, который передал мне пожелание адмирала Гленнона видеть меня и переговорить со мною. Зная о целях миссии, я сказал, что пусть он назначит мне время, когда я могу приехать к нему... Гленнон сообщил мне, что цель его миссии — сделать визит нашему флоту, затем американское правительство интересуется некоторыми вопросами по минному делу и борьбе с подводными лодками и желало бы познакомиться с этим. Кроме того, совершенно секретно он сообщил мне, что в Америке существует предположение предпринять активные действия американского флота в Средиземном море против турок и Дарданелл. Зная, что я занимался аналогичными операциями, адмирал Гленнон сказал мне, что было бы желательно, чтобы я дал все сведения по вопросу о десантных операциях в Босфоре»¹⁴⁰.

На допросах Колчак старался не упоминать офицеров, до которых, как ему казалось, красные ещё могли дотянуться, и не назвал моё имя. В этом отношении он вёл себя совершенно противоположно жертвам последних советских процессов, которые, напротив, старались втянуть каждого, кого только возможно.

Что касается той беседы, которая происходила в моём присутствии и на которой я выполнял роль переводчика, то помню, что Колчак делал гораздо больший акцент на проблеме Дарданелл, чем того требовали замечания Гленнона.

Отправка русской военно-морской миссии в Соединённые Штаты вызвала самые фантастические слухи в среде морского офицерства,

¹⁴⁰ Цит. по: Допрос Колчака. Ленинград, 1925. С. 83.

и вообще в Петрограде, включая сведения из «авторитетных источников», что Колчак должен был принять командование над американским флотом. Результатом стал невероятный вал прошений от русских морских офицеров о службе под звёздно-полосатым флагом, заваливший офис военно-морского агента Соединённых Штатов в Петрограде. Миссис Кросли, жена тогдашнего агента, в своих интереснейших «Личных письмах из Петрограда» пишет, что эта удивительная новость даже появилась в столичных газетах, и американскому посольству пришлось официально опровергнуть, что Колчак будет командовать кораблями Дяди Сэма¹⁴¹. Тем не менее, эта цепь обстоятельств привела к тому, что во время Октябрьской революции адмирал оказался за границей, затем проследовал в Омск и, в конечном итоге, на свою Голгофу в Иркутск. И вот, мы имеем отличную тему исследования для тех, кто верит в детерминизм: какие экономические и социальные силы привели Колчака на пост Верховного Правителя Белой России? Мог ли это быть случайный разговор, который я имел с командером Кросли в поезде из Севастополя?

Историк, изучающий события в Сибири в годы Гражданской войны, должен учитывать, что последние дни, проведённые Колчаком в Севастополе перед отставкой с поста командующего Черноморским флотом, сильно повлияли на его взгляды и поведение. У меня нет сомнений, что впечатления тех дней оказали глубокое влияние на его образ мыслей и действий в Омске.

Наша следующая поездка — в Архангельск — прошла без особых происшествий. Долгое, медленное путешествие по железной дороге, забитой поездами с боеприпасами, не принесло сколько-нибудь интересных впечатлений, за исключением остановки в Вологде. Там у нас было время прогуляться по городу и познакомиться с кружевами ручной работы, которые шьют крестьянки этой губернии. Женатые мужчины (и, если мне не изменяет память, даже некоторые холостяки) в нашей группе не смогли устоять против этого. Целые мотки кружев были закуплены и погружены на подарки домой.

¹⁴¹ Crosley P. S. Intimate Letters from Petrograd. New York, 1920. P. 105—106.

Положение в Архангельске было таким же плачевным, как и в других портах, с той лишь разницей, что офицеры здесь не находились ежедневно под страхом немедленной расправы.

Мне было особенно интересно посетить посыльное судно «Горислава», в прошлом яхту «Жозефина», купленную мной в период работы в посольстве в Вашингтоне у Джозефа Виденера из Филадельфии по поручению русского правительства.

Командовал этим кораблём мой друг капитан 2-го ранга Лютер. Он был крайне пессимистично настроен относительно будущего Флотилии Северного Ледовитого океана, но, тем не менее, сохранял определённый авторитет на судне благодаря выдающимся личным качествам и отличному знанию морского дела.

Когда члены миссии поднялись на борт и стали осматривать «Гориславу», несколько матросов бездельничали на палубе, играя в какую-то игру. Никто из них не обратил ни малейшего внимания на подошедшего к ним Гленнона. Тогда Лютер повернулся в их сторону и сказал спокойно, но твёрдо:

— А ну, встать! Вы что, не видите, что американский адмирал на борту!

Матросы нехотя поднялись и встали смирно. Наши американские гости, вероятно, так и не поняли, что Лютер совершил почти подвиг, заставив их проявить немного уважения к адмиральским регалиям. На большинстве кораблей русского флота в то время матросы просто проигнорировали бы подобный приказ или даже заявили бы жалобу на командира, обвинив его в притеснении команды.

Последняя большая поездка была на Рижский залив, самый активный театр боевых действий на Балтике в то время, оттуда на главную базу флота в Гельсингфорс и в Ревель, огромную, так и не законченную морскую крепость и верфь.

По поросшим соснами песчаным дюнам Эстляндии наш вагон привёз нас на передовую базу Морских сил Рижского залива Рогекюль. Рельсы были проложены по волнорезу, и, проснувшись утром, мы увидели, как под окнами плещется серо-зелёная вода.

Это было странное чувство: снова видеть знакомые серые очертания миноносцев, посыльных судов и заградителей на базе моего прежне-

го дивизиона, знать, что больше не являешься частью этой кипучей жизни Рогекюля, и смотреть на неё лишь сторонним наблюдателем. Было странно ощущать себя изгнанником среди друзей и товарищей по оружию. Не имея желаний вернуться и разделить их судьбу, я, тем не менее, любил всё это всем сердцем и до сих пор не представлял себя отдельно от них. Это было как предчувствие настоящего изгнания не только с дивизиона, но и с флота, и из России.

Маленький «французский» миноносец¹⁴², который должен был отвезти миссию на Церель, стоял пришвартованным в десяти метрах от нашего вагона. Командующий не случайно назначил этот корабль, так как на мостике я заметил одного из лучших командиров, капитана 2-го ранга Чаплина, позже сыгравшего видную роль во время интервенции в Архангельске.

Мои опасения, что миноносец окажется грязным, а команда расхлябанной и дерзкой, оказались напрасными. Чаплин держал ситуацию под контролем. Матросы были опрятно одеты, с готовностью отдавали честь и бодро бежали по своим постам. Отдав швартовы, корабль выскользнул из маленькой бухты и, ловко маневрируя среди множества судов, вышел в открытое море.

Свежий ветер и бурное вспененное море доставили мне ещё больше удовольствия снова быть на борту, и я провёл несколько часов на мостике, болтая с Чаплиным. Он, похоже, не имел иллюзий относительно ближайшего будущего и считал, что последние остатки дисциплины исчезнут, как только закончится кампания, и корабли вернутся на зимние базы.

Несколько новых жидкотопливных миноносцев типа «Новик» стояли на якоре у Цереля, где мы высадились, чтобы осмотреть батареи 12-дюймовых орудий. Эти укрепления должны были защищать минные заграждения на входе в Рижский залив от попыток германского флота прорваться и оказать поддержку сухопутным войскам у Риги.

Стоял прекрасный солнечный день. Мы шли по узкой грунтовой дороге, петлявшей среди низких сосен к батарее, как вдруг услышали

¹⁴² Эскадренные миноносцы типа «Лейтенант Бураков», построенные в 1904—1906 гг. для Российского флота во Франции. Для доставки американской миссии на Церель был выделен миноносец «Лихой».

198 звук аэроплана и вскоре заметили над собой целую эскадрилью немецких аппаратов. Мы спрятались под деревья, чтобы не выделяться на светлом песке дороги. Аэропланы пролетели низко у нас над головами и исчезли, чтобы бомбить миноносцы.

Адмирал Гленнон посчитал, что немцы специально организовали налёт, чтобы поприветствовать американскую миссию. Он чрезвычайно нравился себе, стоя под маленькой сосной и наставляя нас: «Разойдись, парни, они тут ради нас!» Это был его первый немецкий авианалёт.

Капитан 1-го ранга Гвардейского Экипажа Кньюфер, благодаря энергии и выдающимся административным качествам которого батареи Цереля были построены в столь удивительно короткий срок, встретил нас на полпути и проводил осмотреть орудия и артиллерийские погреба. Личный состав под его началом в большой степени состоял из Гвардейского Экипажа, и он вполне успешно командовал им, ибо никаких признаков трений или вражды с матросами заметно не было. Все выглядели обученными и дисциплинированными.

По окончании осмотра Кньюфер построил своих людей и, произнеся краткую приветственную речь, скомандовал «ура!» в честь гостей, а потом дал сигнал качать Гленнона.

Всё было сделано вполне деликатно. И хотя поначалу такое приветствие слегка обескуражило адмирала, в конце концов, жадный до новых впечатлений, он получил большое удовольствие.

Жена Кньюфера, очаровательная блондинка балтийского типа, и маленькая прелестная дочка встретили нас в небольшом, скрытом в цветущих кустах домике коменданта и угостили обедом. В их доме царил настолько мирная атмосфера, что невозможно было поверить в немецкие аэропланы, ежедневно навещавшие это место с другой стороны пролива, и в то, что мы находились среди «гордости русской революции» — балтийских матросов. Иллюзия стабильности и безмятежной повседневной жизни была настолько полной, что мы вздрогнули от неожиданности, когда по пути обратно на миноносцы услышали залпы зенитных орудий и увидели вокруг разрывы немецких бомб.

Изящные серые корабли, лавировавшие по гладкой поверхности залива, белые облачка разрывов зениток и большие всполохи тяжёлых противозаэропланых орудий, пронзавшие ярко-голубое небо, высокие

фонтаны воды от взрывов авиабомб и маленькие серые точки самолётов, круживших вокруг, — всё казалось похожим на невероятную игру, устроенную большими детьми специально, чтобы развлечь американских гостей.

Потерь на миноносцах не было, и, когда немцы устали играть, все в полном составе вернулись на базу.

Гленнон находился в сильном восхищении от адмирала Развозова, командовавшего Морскими силами Рижского зала и позже возглавившего Балтийский флот. Я думаю, что симпатия была взаимной, так как Развозов выделил один из своих лучших современных миноносцев доставить миссию в Гельсингфорс по сложному, начинавшемуся от Ханко проходу между островами.

Командир «Самсона», капитан 2-го ранга Иванов по прозвищу «Руфус», знал эти проходы, как свои пять пальцев. Он здорово пощекотал нервы офицерам миссии, держа ход в тридцать узлов в узких и коварных проливах, где судоходный фарватер меняет курс самым непредсказуемым образом. Этот короткий переход в Гельсингфорс доставил мне невероятное удовольствие. Я знал, на что способен Иванов, и был очень рад видеть его корабль в таком отличном рабочем состоянии.

Гленнону никогда раньше не приходилось участвовать в такой сумасшедшей гонке по узким протокам среди островков скал без каких-либо навигационных знаков, кроме нескольких пятен белой краски на камнях. Все буи и знаки были удалены, чтобы затруднить ориентирование вражеским подлодкам.

Руки адмирала крепко вцепились в поручни мостика, а его голубые ирландские глаза блестели от удовольствия, когда «Самсон» крутился взад и вперёд между скал. Это был один из лучших моментов в моей жизни. Я прощался со своим старым флотом, несмотря на зерна разложения, всё ещё находившимся в рабочей форме и способным достойно противостоять врагу.

Переход оказался слишком недолгим. Как только мы вошли на внутренний рейд Гельсингфорса, я сразу заметил что-то неладное. Подводные лодки очень странным образом маневрировали между бригадой линкоров и штабным судном командующего флотом. Орудийные

200 башни некоторых кораблей были повернуты так, что стволы смотрели в разные стороны, а не в одну, как положено при стоянке на якоре.

Однако экипаж «Самсона» не обращал никакого внимания на странные события, происходившие на рейде, работал спокойно и слаженно, и корабль почти бесшумно встал на своё место в гавани. Гленнон был поражён тем, насколько аккуратно был произведён манёвр, и в особенности тишиной и отсутствием команд, поскольку не заметил, что все приказы отдавались по телефону или с помощью системы электрических звонков.

Попросив адмирала подождать несколько минут, я отправился на борт посыльного судна «Кречет». Адмирал Вердеревский, которого я не видел со времени событий в Ревеле, встретил меня очень резко:

— Какого черта вы притащили сюда этих американцев? Вы что, не видите, что у нас тут снова бунт? Бригада линкоров навела орудия на «Кречет», когда я собирался выйти в Ревель, и подлодкам пришлось занять боевые позиции, чтобы защитить нас. И что мне прикажете делать с вашими иностранцами?

Объяснив Вердеревскому, что ещё с Севастополя у миссии просто какой-то дар прибывать всюду в самый неподходящий момент, я предложил ему принять гостей на несколько минут, а затем я отвёл бы их обедать в офицерское собрание с Ивановым и кем-нибудь из офицеров штаба. Вердеревский согласился и сказал, что нам лучше убраться как можно быстрее в Ревель. Опасаясь за развитие событий, он не желал в случае чего иметь на руках американскую миссию.

Разговор адмирала с миссией был коротким и не очень удачным. Жаль, что американским офицерам так и не удалось в полной мере понять и оценить этого невероятно умного и способного человека. В собрание Гленнон пришёл в довольно мрачном настроении. Мы сели за столик у окна с видом на рейд и корабли. Я рассказам членам миссии о мартовских событиях в Гельсингфорсе и убийстве адмирала Непенина в двух шагах от окна, у которого мы сидели.

Уже несколько дней я отмечал, что наши гости, следуя общему настроению миссии, о котором я уже упоминал, считали, что русские морские офицеры оказались слишком слабы, чтобы решить проблему революции. Они не понимали сложности ситуации в марте и тех

изменений, что произошли в нашем отношении к бунтам в связи с революцией и отсутствием за командованием флота организованной государственной власти. Командование могло действовать только силой убеждения, не имея никаких реальных рычагов воздействия в случае, если матросы отказывались повиноваться приказам. Американцы по-прежнему рассуждали обо всем этом в терминах бунта, флотского мятежа, который должен быть подавлен офицерами.

И хотя в личном плане члены миссии оставались очень милы и любезны со мной, меня не покидало чувство, что все они, за исключением может быть лейтенанта Бернарда, считали нас, русских морских офицеров, кисейными барышнями и думали, что, действуя мы по-другому, дисциплину и авторитет командиров можно было восстановить.

Такое отношение сильно злило меня. Я знал, что дело было вовсе не в отсутствии мужества и решительности у Непенина, Колчака, Вердеревского или других высших офицеров — за исключением нелепого клоуна Максимова, рассматривавшего революцию, как трамплин для реализации личных амбиций. Из опыта, сравнений и наблюдений я знал, что эти адмиралы ничем не хуже старших офицеров других стран, а некоторые, как Непенин, Колчак и Вердеревский, были по-настоящему выдающимися людьми.

И, пока сохранялось подобное отношение, мне представлялось сложным говорить что-либо на эту тему, столь трудную для обсуждения между офицерами двух разных и, как предполагалось, дружественных флотов. Однако, когда Гленнон, поддев вилкой кусок копчёной сёмги, заметил: «И поделом ему, этому Непенину. Не надо было сдаваться без боя», — я не удержался и обрушился на него. Я сказал, что уверен, другие американские офицеры не разделяют его мнения об адмирале, который пал жертвой своего чувства долга, которым восхищался весь русский флот и который был одним из лучших известных мне людей. Затем я объявил, что в таких обстоятельствах не считаю возможным оставаться морским атташе при миссии ввиду полного отсутствия взаимопонимания между нами.

Гленнона чуть удар не хватил, когда я встал из-за стола и вышел в другую комнату. Через некоторое время ко мне подошёл командер

202 Кросли и сказал, что все офицеры сожалеют об этом инциденте и что Гленнон готов принести извинения, если я их приму.

Глядя на этот инцидент сейчас, по прошествии времени, я думаю, что адмирал Гленнон был не виноват. Слишком много подобных разговоров велось в британской и американской колониях Петрограда — что русские офицеры были безответными, не знали, как самоорганизоваться, и, будь на их месте англичане или американцы, всё пошло бы совсем по-другому. Гленнон просто был более откровенен, и это мне скорее даже нравилось в нём.

Эта стычка дала мне хороший повод вкратце рассказать американцам по пути в Ревель историю волнений на русском флоте с 1905 года и их подавлений. Я объяснил им, в каком сложном политическом положении оказались офицеры в марте 1917 года, когда, признав Временное Правительство и подтвердив ему свою лояльность, обнаружили, что оно даже не попыталось назначить следствие по резне в Гельсингфорсе и наказать убийц, хотя убийство Непенина и других офицеров произошло уже *после* признания новой революционной власти. Правительство очень желало иметь лояльность морского офицерства, но совершенно не желало или было не в состоянии поддержать офицеров в опасный момент или хотя бы наказать убийц. И в этом отношении офицеры-республиканцы были едины со своими коллегами откровенно монархических взглядов. Всё это не было связано с какой-то политикой по отношению к офицерам, а просто явилось результатом симбиоза Временного Правительства и Петроградского совета, приведшего к параличу первого в вопросах применения силы.

Проведя несколько часов в Ревеле, мы снова сели в наш вагон, который тем временем пригнали назад из Рогекюля, и отправились в Петроград.

Лёжа на своей полке, я не мог заснуть и под стук колёс пытался сложить впечатления об этих поездках на Балтийский флот. Существовала, конечно, точка зрения шутника и балагура капитана 2-го ранга Пилкина с «Новика» (говорили, что он был настолько ленив, что если садился по ошибке на свою газету, то вместо того, чтобы встать, читал, отрывая её по кусочку). Он говорил о ситуации так: «Революция принесла по крайней мере одну хорошую вещь: нам больше не надо носить погоны, как этим чёртовым армейцам». Но это была,

конечно, поза. Тревожные лица Вердеревского, Развозова и Лескова, явное отсутствие у них уверенности в том, что они смогут отразить неминуемое нападение немцев на острова в Рижском заливе, говорили совсем о другом. Несколько всё ещё боеспособных кораблей там и тут лишь контрастировали на фоне глубоко разложившегося остального флота. Революционная матросская масса была больше настроена воевать с собственными офицерами, чем с немцами.

И каков же итог? Ожидание надвигавшейся катастрофы для офицеров было сродни средневековой пытке с тяжёлой глыбой, постепенно опускавшейся на голову прикованного узника. Ещё несколько месяцев, и флот перестанет существовать, подобно французскому королевскому флоту в конце XVIII века. Возникнет ли другой, новый флот? Или сбудется предсказание Энгельса, и на смену регулярным армии и флоту придёт рабочая милиция?

Когда миссия отъезжала во Владивосток, чтобы вернуться в Соединённые Штаты, проводить её на вокзале собралась довольно большая толпа. Прощаясь с адмиралом Гленноном и другими членами миссии, я и представить себе не мог, что однажды переберусь жить на их родину. Всё, о чем я тогда думал, это то, что передо мной группа людей, возвращающихся в великую страну, где политическая обстановка стабильна в своих устоях, что они будут плавать на своих кораблях, служить в своих полках, работать в офисах, окружённые почётом и уважением. Нас же в России ждало крайне неопределённое будущее с очень небольшими шансами даже просто выжить, не говоря уже о какой-либо приятной и полезной карьере. Это было похоже на прощание гладиатора со зрителями, покидавшими цирк до конца кровавого зрелища.

10 июля из Вятки, по пути на восток, сенатор Рут доложил Госсекретарю: «Мы уверены, что внесли существенный вклад в дело укрепления позиций Временного Правительства и поднятия морального духа народа и армии. Положение стало определённее более стабильным и внушающим надежду, чем до нашего прибытия». Касаясь цели проводившегося с 18 июня по 1 июля наступления русской армии, глава миссии в своём официальном докладе сказал, что «задача состояла скорее в том, чтобы в целом восстановить боевую мощь русской армии... и эта цель была в значительной степени достигнута».

Так пишется история. Несколько недель спустя корниловский мятеж¹⁴³ положил конец всяким надеждам на то, что Временное Правительство сможет выстоять в этой буре. Боевая мощь русской армии была безнадежно утеряна в результате австро-германского контрнаступления, и не прошло и четырёх месяцев с момента отъезда миссии, как всё здание русской демократии рухнуло под ударами большевиков.

¹⁴³ Тщетная попытка военных остановить поднимающуюся волну пролетарской революции. Корнилов, тогдашний главнокомандующий русской армией, и Керенский, премьер-министр Временного Правительства, поначалу договорились о совместных действиях. Потом, вследствие взаимного недоверия и интриг окружения, соглашение распалось. Керенский объявил Корнилова изменником и отстранил от командования.

Примечание автора

ГЛАВА 9.

Частное дело

В июле я отправился в Англию, чтобы занять должность помощника военно-морского агента. Мне не слишком хотелось ехать туда. Однако я решил принять предложение нового помощника начальника Морского генерального штаба капитана 1-го ранга Беренса, так как знал, что в России флоту от меня пользы нет, а пренебрегать своим долгом перед родиной не мог.

Мой отъезд из Петрограда совпал с первым днём июльского выступления большевиков. И такая простая вещь, как доставка багажа на вокзал, превратилась в довольно сложное предприятие. Штаб прислал грузовик, и, чтобы быть уверенным, что все мои чемоданы и сумки доедут до места назначения, я поехал с ними сам. По дороге нас несколько раз останавливали солдаты Гвардии Гренадерского резервного полка, участвовавшие в мятеже. Они хотели реквизировать грузовик для своих нужд, но я уговорил их дать мне сначала доехать до вокзала, а потом уже забирать машину. С сидящими в кузове гренадерами, винтовки которых были украшены большими красными лентами, мы наконец добрались до Финляндского вокзала. Тут возникла другая проблема. На площади перед вокзалом собралась толпа каких-то антибольшевистски настроенных элементов. Когда они увидели грузовик с гренадерами, чьи симпатии к большевикам были всем известны, то набросились на меня, приняв за одного из последователей Ленина.

206 Кто-то предположил, что я — большевистский эмиссар, пытающийся сбежать за границу с какими-нибудь важными государственными документами, и было решено там же на месте досмотреть мой багаж. Гренадеров это совершенно не интересовало. Всё, что им было нужно, это как можно скорее получить грузовик. И я остался один на один с разъярённой толпой. Я понимал, что если позволю им открыть багаж, то всё моё имущество исчезнет в мгновение ока, и мне придётся ехать за границу без всего. Я стал заговаривать толпу, размахивая над головой документами и крича, что еду с важной миссией от лица Временного Правительства. Мой дипломатический паспорт произвёл определённый эффект на тех, кому он был виден, и в конце концов они решили, что достаточно открыть только одну сумку, которую выберет толпа, и убедиться, что я не прячу никаких секретных бумаг. Так я смог прорваться, потеряв всего несколько вещей.

Сдав свои пожитки в камеру хранения, я пошёл домой пешком, так как грузовик ушёл, а трамваи не ходили.

Вернувшись на квартиру родителей¹⁴⁴, я узнал, что мне звонили из Морского генерального штаба, прося срочно явиться в здание Адмиралтейства ввиду сложившейся там чрезвычайной ситуации.

Надев старый плащ и кепку, я сунул в карман пистолет с запасными обоймами и тут же вышел в Адмиралтейство. Первая попытка пересечь Неву — по Дворцовому мосту — оказалась неудачной. Мост был разведён, видимо, чтобы не дать мятежникам перейти на другой берег. Тогда я прошёл по набережной вниз к Николаевскому мосту и с облегчением обнаружил, что он открыт. Но на входе стояли группы солдат, останавливавшие каждого, кто пытался его пересечь. В это время на мост вошла колонна Гвардии Финляндского резервного полка с красными транспарантами. Заметив в её рядах нескольких гражданских, я тоже присоединился к ним. В тот момент невозможно было понять, шли ли эти солдаты защищать правительство или выступали против него. Я хотел лишь пересечь мост, и, как только колонна дошла до Исаакиевского собора, отделился и пошёл в Морской генеральный штаб, вход в который охранялся одним швейцаром.

¹⁴⁴ Квартира родителей Д. Н. Федотова находилась по адресу: Большой проспект Петроградской стороны, д. 1, кв. 5.

Беренс, Романов и несколько других офицеров сидели в одной из комнат перед большим камином и разбирали секретные бумаги. Ввиду опасности захвата штаба восставшими, они решили уничтожить все документы, содержащие секретную информацию, доверенную нам союзниками, чтобы эти бумаги не попали в руки немецких шпионов, которые могли проникнуть в помещения штаба. Забаррикадивав двери смежных комнат, они рассчитывали успеть в случае чего облить документы керосином и поджечь до того, как мятежники ворвутся внутрь.

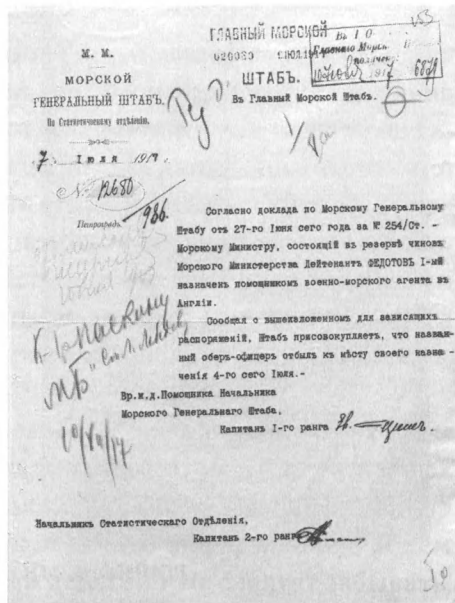
И мы остались сторожить секреты, переданные нам союзниками, время от времени высылая кого-нибудь на разведку. Около двух часов ночи наши разведчики донесли, что все посты, установленные мятежниками в окрестностях Адмиралтейства, сняты, и опасности нападения больше нет.

Большинство из нас разошлось по домам, оставив Беренса с несколькими офицерами на ночное дежурство у документов.

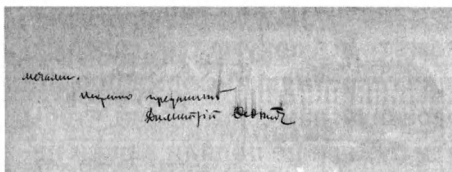
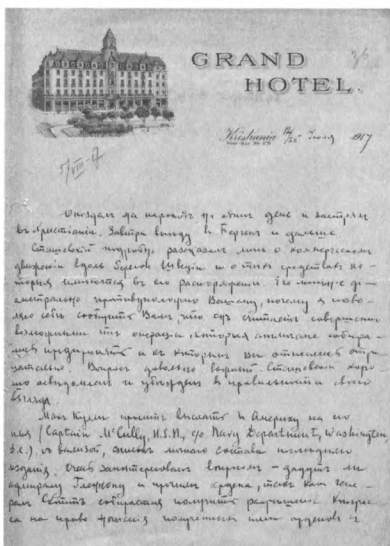
Приняв ванну, я взял небольшую сумку с письмами, которые Беренс попросил передать адмиралу Волкову, нашему военно-морскому агенту в Лондоне, и пешком отправился по пустынным улицам на вокзал, куда и добрался без происшествий.

Только въехав в Швецию, я узнал, что мятеж подавлен, и Временное Правительство по-прежнему на плаву.

В течение месяцев, проведённых в Лондоне, я был хорошо осведомлён об изменениях ситуации в России. Беренс подробно информировал по телеграфу военно-морских агентов о том, что происходило. И даже в дни последней агонии Временного Правительства его сообщения были удивительно чёткими и реалистичными.

РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2082. Л. 153

РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3378. Л. 36

05.08.1917

Опоздал на пароход на один день и застрял в Христиани. Завтра выеду в Берген и дальше.

Шташевский подробно рассказал мне о коммерческом движении вдоль берегов Швеции и о тех средствах, которые имеются в его распоряжении. Его мнение диаметрально противоположно Вашему, почему я позволяю себе сообщить Вам, что он считает совершенно возможными те операции, которые англичане собирались предпринять и к которым Вы отнеслись отрицательно. Вопрос довольно важный. Шташевский хорошо осведомлён и убеждён в правильности своего взгляда.

Мак Кулли просит выслать в Америку на его имя (Captain McCully, U.S.N., c/o Navy Department, Washington, D.C.) с вализой список личного состава последнего издания. Очень заинтересован вопросом — дадут ли адмиралу Гленнону и прочим ордена, так как генерал Скотт собирается получить разрешение Конгресса на право ношения полученных ими орденов с мечами.

Искренно преданный,
Димитрий Федотов

После захвата власти большевиками в ноябре 1917 года, русское посольство в Лондоне, как и большинство других дипломатических представительств России за границей, продолжило работу, не признав нового правительства. Его сотрудники по-прежнему имели дипломатический статус. Поскольку в английских портах находилось несколько русских военных кораблей, включая старый крейсер «Варяг» и два миноносца, военно-морскому агенту необходимо было срочно выработать какую-то стратегию взаимодействия с морскими учреждениями в России. Ведь война ещё не закончилась. И, хотя на русском фронте было объявлено перемирие, ещё сохранялась некоторая вероятность, что Россия продолжит воевать.

В этих обстоятельствах было чрезвычайно важно не только для военно-морских агентов, но и в целом для русских посольств в странах Антанты, а также для тех, кто отвечал за русские части на фронтах во Франции и Салониках, из первых рук получать информацию о новом правительстве и соотносить с нею свои действия. Не следует забывать, что в то время большинство русских официальных лиц за границей воспринимали захват власти большевиками, как временное явление в постоянно меняющейся ситуации на родине. Таким образом, надо было ещё понять для себя, как долго продержится это правительство.

Для меня лично вопрос состоял в другом. Положение военного и военно-морского агентов, миссий и специальных представителей русской армии и флота при британских вооружённых силах быстро становилось ненормальным. Они оказались как бы подвешенными в воздухе, а исполняемые ими обязанности стали не нужны. Конечно, мы по-прежнему получали сообщения из Морского генерального штаба, от сотрудников, оставшихся там ещё от Временного Правительства. Только теперь они исполняли свои обязанности под присмотром назначенных большевиками комиссаров. Но было ясно, что такая односторонняя связь не может продолжаться долго, пока военный и военно-морской агенты не признают смену правительства в России.

Мне претило сидеть просто так в Лондоне и получать довольно большое жалованье, не делая ничего полезного для своей страны или общей борьбы союзников. Передо мной стоял выбор: поступить на военную службу к кому-либо из союзников, вернуться в Россию или

210 искать себя на совершенно другом поприще, не связанном с государственной службой. Последнее означало бы уход из морской профессии, на которую я учился и которую любил.

Посоветовавшись с шефом, контр-адмиралом Волковым, а также с капитаном 1-го ранга Дмитриевым, военно-морским агентом во Франции, я решил отправиться в Петроград, чтобы увидеться с Беренсом, исполнявшим теперь обязанности начальника Морского генерального штаба. Я рассчитывал выяснить, каковы шансы большевиков удержаться у власти, основные направления политики нового правительства, его идеи и планы, особенно в отношении войны. Затем я собирался вернуться в Лондон и изложить свои впечатления от поездки русским военно-морским представителям за границей, чтобы они могли выработать линию поведения, основываясь на лучшем знании обстановки. Кроме того, я рассчитывал, что эта поездка поможет мне принять решение относительно моего собственного будущего.

В соответствии с этим в Петроград была отправлена телеграмма с указанием целей моего визита и просьбой предоставить гарантии пропуска в Россию, безопасного пребывания и получения выездной визы в момент, когда я сочту свою миссию выполненной.

Ответ, подписанный Беренсом и Федором Раскольниковым, комиссаром Морского генерального штаба, с приглашением и подтверждением всех запрошенных гарантий не заставил себя ждать.

На следующий день я выехал в Петроград через Берген-Христианию¹⁴⁵-Стокгольм. Среди пассажиров норвежского парохода, шедшего в Берген, оказался господин Чичерин, ставший затем народным комиссаром иностранных дел, и парочка других, менее известных большевиков, возвращавшихся в Россию из Англии. Ещё был немного знакомый мне по Петрограду подполковник Брекенридж из корпуса морской пехоты США, состоявший при американской миссии в Христиании. А также один крайне неприятный тип, французский консульский работник, служивший раньше в одном из городов на юге России.

Я старался держаться подальше от Чичерина, чтобы никто не подумал, будто я ищу его расположения, хотя он очень интересовал меня как личность. Вид он имел неважный, и его благородное лицо

¹⁴⁵ Нынешняя столица Норвегии Осло.

4 (17) сентября 1917 г.

Многоуважаемый Владимир Вадимович,

Я думаю, что вас неприятно поражает резкий тон моих последних писем — приношу за него свои искренние извинения.

Положение здесь очень серьёзное, и я прошу вас внушить это всем, кому это ведать надлежит, в особенности Беренсу и Нагенмору. Всё сводится к следующему:

1) Англичане считают, что от России нечего ожидать серьезной военной поддержки и что поэтому боевые припасы, в широком смысле этого слова, надо России давать в самом минимальном количестве — как раз столько, чтобы мы не могли говорить, что союзники не дают нам ничего, и что следовательно они не выполняют взятых на себя обязательств.

Возможность заключения Россией сепаратного мира обсуждается в «сферах», как возможный факт.

2) В самой Англии положение очень неважное — много забастовок, имеются сведения о частичных беспорядках в войсках. Армия настроена очень революционно, но всё же хочет прежде побить немцев, прежде чем заниматься внутренней политикой. В северной и средней Англии существует значительное брожение среди рабочих.

Для противодействия тред-юнионам и социалистам буржуазией основано общество «The Comrades of the Great War» для пропаганды среди демобилизованных и рабочих. Организация вроде нашего Союза Русского Народа, располагает значительными денежными средствами и работает энергично. Полагаю, что тред-юнионы прекрасно осведомлены о деятельности руководителей общества и в нужный момент сумеют парализовать её. Конечно, русская революция оказала большое влияние на настроение умов народных масс Англии и дала им большую уверенность в конечном успехе.

3) Ввиду появившихся сведений о серьёзном, на этот раз, намерении Германии заключить мир на приемлемых для союзников условиях, для России очень опасен созыв стратегической конференции, предположенный в Париже в октябре. Мне кажется, что при теперешнем развале русской армии и значительном упадке военной мощи России, эта стратегическая конференция даст союзникам удобный случай сговориться. Германскими предложениями в особенности склонны будут воспользоваться Франция и Италия, для которых заключение мира, так сказать за счёт России, более чем желательно. Правительства союзных нам стран понимают, что в конечном результате такой мир им не выгоден, но народы едва ли проникнутся этой мыслью и при бесспорном крайнем утомлении войной, существующем в союзных странах, воля народных масс продиктует решение правительствам, которые не решаются особенно отстаивать интересы России.

Если конференция всё же состоится и её нельзя будет под каким-либо предлогом отложить по крайней мере до января, то на нее необходимо послать человека, который действительно знал бы состояние армии и страны и имел бы крупное имя. Алексеев, или в крайнем случае Рузский. Посылка же генералов вроде Десино, Гермониуса и Миллера, недостаточно авторитетных, может очень гибельно отразиться на судьбе России. Это необходимо понять и сделать все усилия, чтобы был послан настоящий человек.

Пункты первый и второй конечно отразятся на решении конференции и окажут самое решительное влияние на результаты её, влияние же конференции на дальнейший ход войны не следует оценивать низко.

Это письмо прошу показать всем тем, кому найдете нужным, но не желал бы, чтобы оно получило очень широкую огласку.

*Искренно преданный,
Д. Федотов*

МОРОКОЙ АГЕНТЪ
ВЪ АНГЛІИ

Л. С. Свѣтлицкаго № 17

№ 410

25, GLEBEHOE GARDENS,
LONDON, S. W. 8.

Многоуважаемый

Владимиръ Вадимовичъ,

И думаю, что Вася несправно полагаетъ убійствъ тою
може послѣднихъ писемъ-примому за него свои искрен-
нія извиненія.

Положеніе здѣсь очень серьезное и я прошу Вася
внушить это всемъ кому это вѣдать надлежитъ, въ осо-
бенности Беренсу и Натсемуру. Все сводится къ слѣду-
ющему:

1/Англичане считаютъ, что отъ Россіи нечего ожидать
серьезной военной поддержки и, что поэтому боевые при-
пасы, въ широкомъ смыслѣ этого слова, надо Россіи да-
вать въ самомъ минимальномъ количествѣ-накъ разъ сто-
лько, чтобы мы не могли говорить, что союзники не даютъ
намъ ничего и что, слѣдовательно, они не исполняютъ обя-
зательствъ.

Возможность заключенія Россіей сепаратнаго мира об-
суждается въ "офертахъ", какъ возможный фактъ.

2/Въ самой Англійи положеніе очень неважно-много за-
бастовокъ, являются сдѣлкіи о частичныхъ безпорядкахъ
всюду. Армія настроена очень революціонно, но все

не хочетъ прежде любить къ намъ, прежде чѣмъ закрываться
внутришней политикой. Въ северной и средней Англійи су-
ществуетъ значительное броженіе среди рабочихъ.

Для противодѣйствія тредъ-юнионамъ и социалистамъ
буржуазіей основано общество "The Council of the Joint Child"
для пропаганды среди демократизованныхъ и рабочихъ. Органи-
зація вродѣ нашего Союза Русскаго Народа, располагаетъ
значительными денежными средствами и работаетъ энергично.
Полагаю, что тредъ-юнионы прекратили осязательную деятель-
ности руководителей общества и въ кружкѣ начинаютъ студи-
ровать марксизмъ. Естественно, русская революція оказала
большое вліяніе на настроеніе умовъ народнаго мѣста Ан-
глійи и дало имъ большую утѣренность въ конечномъ успѣхѣ.
3/Ввиду появившихся сдѣлкіи о серьезномъ, на этотъ разъ,
намереніи Германіи заключить миръ на предложеніи для со-
юзниковъ условія, для Россіи очень опасенъ созвать стра-
тегическую конференцію, предполагаемый въ Парижѣ въ Октя-
брѣ. Дѣль кажется, что при переправѣ развалѣ русской ар-
міи и значительномъ упадкѣ военной мощи Россіи, эта стра-
тегическая конференція дастъ союзникамъ удобный случай
оговориться. Германскими предложеніями въ особенности
склонны будутъ воспользоваться Франція и Италия, для ко-
торыхъ заключеніе мира такъ сказать за счетъ Россіи бо-
льшѣ, чѣмъ желательно. Правительства союзныхъ намъ странъ
понимаютъ, что въ конечномъ результатѣ такой миръ имъ не

-3-

выгоденъ, но народы едва ли пройдутся этой мыслью и при
безспорномъ крайнемъ утомленіи войной, существующемъ въ со-
юзныхъ странахъ, если народы не будутъ продуктувать рѣшеніе
правительствамъ, которыя не рѣшится особенно отстаивать ин-
тересы Россіи.

Если конференція все же состоится и ее надлежитъ подъ ка-
кимъ либо предлогомъ отложить по крайней мѣрѣ до Января, то
на нее необходимо послать чловека, который дѣйствительно
знаетъ бы состояніе арміи и страны и имѣлъ бы крушное имя.
Денкошевъ или въ крайнемъ случаѣ Рузскій. Помощка же генера-
ловъ вродѣ Дееина, Германауса и Шидлера, недостаточно автори-
тетныхъ можетъ очень гибельно отразиться на судьбѣ Россіи.
Это необходимо понять и сдѣлать все усилія, чтобы былъ по-
сланъ настоящій чловекъ.

Пункты первый и второй конечно от-
разятся на рѣшеніи конференціи и окажутъ самое рѣшитель-
ное вліяніе на результаты ея, вліяніе же конференціи на
дальнѣйшій ходъ войны не слѣдуетъ обѣивать низко.

Это письмо прошу показать всемъ тѣмъ, кому най-
дется нужнее, но не жалеть бы, чтобы оно получало очень ши-
рокую огласку.

Искренно преданной

В. Вадимовъ

28 сентября (9 октября) 1917 г.

Многоуважаемый Владимир Вадимович,

Последние рейды германских аэропланов «Гота» отчасти достигли своей цели — население относится к ним уже не так спокойно как раньше, а панически стремится укрыться в погребах и подземных железных дорогах. Почти ежедневные полуночные атаки с десятками жертв, сделали своё дело, и население Лондона почти полностью утратило свое спокойствие. В театрах прекращаются представления на время атаки, и зрители уходят в боковые коридоры, лучше укрытые от бомб.

Кроме бомб жителей очень пугает стрельба многочисленных противоаэропланнх орудий — не разрывающаяся шрапнель пробивает крыши, пули градом падают на улицы.

В общем воздушная защита Лондона значительно улучшена — стреляют барражным (заградительным) огнём, что имеет свои достоинства, но зато аэропланы, держащиеся вне барража, остаются невредимыми. Германских аэропланов при этих атаках сбивают очень мало.

Здесьняя русская колония несколько успокоилась и на Агенмора больше атак не производят. С личным составом очень много хлопот — в особенности с офицерами, присылаемыми на посыльные суда. С Зариным была целая драма и с Левицким тоже.

Есть одна вещь, относительно которой мне хочется побеседовать с вами, хотя она, собственно говоря, вне прямой агентской работы. До настоящего времени наш поверенный в делах Набоков не назначен послом и вместе с тем никого не присылают ему на смену. В печати периодически появляются сведения о назначении то того, то другого лица послом — эти слухи подрывают авторитет Набокова и очень вредят русскому делу в Англии. Набоков очень на месте, толковый и энергичный, умеет ладить с англичанами и вынес на своих плечах всю тяжесть посольской работы в Лондоне со времени смерти Бенкендорфа. В общем — очень удовлетворительно справлялся с работой при необычайно тяжёлых обстоятельствах. Присылка на его место другого лица, в особенности непривычного к дипломатической деятельности, очень повредит нам. Набокова едва ли сумеют заменить без ущерба интересам России. Если же его не сменяют, то нет никакого смысла не назначать его послом — это даст ему больше веса в глазах англичан, сделает его более авторитетным и даст средства на представительство.

Было бы очень полезно оказать давление в этом смысле на Министерство иностранных дел. Был бы очень обязан, если вы черкнёте мне несколько слов об отношении к Набокову в МИД и можно ли что-либо сделать для упрочения его положения в Лондоне.

В настоящее время в Англии целый ряд довольно влиятельных газет («Таймс», «Морнинг Пост» и др.) ведут большую кампанию в пользу русских офицеров и вместе с тем против Советов, о которых ни один буржуазный англичанин не может говорить без пены у рта. Н.А. посылает несколько вырезок из газет по этому вопросу.

С вализой очень трудно, иногда не отправляем вещи неделями и месяцами — нет надежных курьеров. Совершенно необходимо наладить морскую курьерскую службу между Петроградом и Лондоном.

*Искренно преданный,
Д. Федотов*

№ 5/0

28 Сентября/9 Окт. 1917г. 42

Исходящий № Владимиръ Вадимовичъ.

*Вопросы
к
19/8*

Последние рейды германскихъ аэроплановъ "Гота" отчасти достигли своей цели-население отнеслось къ нимъ уже не такъ спокойно, какъ раньше, а панически бегутъ укрыться въ погребахъ и подвальныхъ казематахъ дорогихъ. Ежедневно почти атаки при полнотемнотѣ, съ десятками жертвъ, сдѣлали свое дѣло и население Лондона почти полностью утратило свое спокойствіе. Въ театрахъ прекращаются представления на время атаки и зрители уходятъ въ боковые коридоры, лучше укрытые отъ бомбъ.

Противъ бомбъ жители очень пугаются стрельбы многочисленныхъ противоаэропланскихъ орудій-неразрываются вранья и бьются крестами, пули градомъ падаютъ на улицы.

Въ общемъ воздушная война Лондона значительно ухудшена-стрѣляють барражины/заградительном/ огнемъ, что имѣетъ свои достоинства, но зато вероломны держатся и въ барражахъ остаются нерадивые. Германскихъ аэроплановъ при этихъ атакахъ обиваютъ очень мало.

Здѣшня русская колонія нѣсколько успокоилась и на Адмирала больше атакъ не производятъ. Съ личнымъ составомъ очень много хлопотъ-въ особенности съ офицерами призываемыми на послышки суда. Съ Баррикады была цѣлая драма

и съ Левицкимъ тоже. 43

Есть одна вещь относительно которой мнѣ хочется побесѣдовать съ Вами, хотя она, собственно говоря, нѣтъ прямой агентской работы. До настоящаго времени нашъ повременный въ Дѣлахъ Набокова не назначаетъ посланца и имѣетъ съ тѣмъ никого не присылать ему на службу. Въ печати периодически появляются сѣвѣнія о назначеніи то того, то другого лица посланцемъ эти слухи подрываютъ авторитетъ Набокова и очень вредятъ русскому дѣлу въ Англій. Набоковъ очень на мѣстѣ, толковый и энергичный, умѣетъ ладить съ англичанами и вынестъ изъ своего плеча все тяжесть посольской работы въ Лондонѣ со времени смерти Бекендорфа. Въ общемъ очень удовлетворительно справляется съ работой, при необычайно тяжелыхъ обстоятельствахъ. Присылка на его мѣсто другого лица, въ особенности непривычнаго къ дипломатической дѣятельности, очень повредитъ намъ. Набокова едва ли случится замѣнить безъ ущерба интересамъ Россіи. Если же его не смѣняютъ, то нѣтъ никакого смысла не назначать его посланцемъ-это дастъ ему больше вѣса въ глазахъ англичанъ оцѣнитъ его болѣе авторитетно и дастъ средства на представительство.

Было бы очень полезно оказать давленіе въ этомъ смыслѣ на Министрство Иностраннхъ Дѣлъ. Быть бы очень обязать если Вы чертите нѣтъ нѣсколько словъ объ отклоненіи отъ Набокову въ М.И.Д. и можно лично либо сдѣлать для упроченія его положенія въ Лондонѣ.

Въ настоящее время въ Англій цѣлымъ ридомъ довольно вліятельная газета, "Таймсъ",

"Юренинг Постъ" и др./звудитъ большую кампанію въ пользу русскихъ офицеровъ и имѣетъ съ тѣмъ противъ Совѣтовъ, о которыхъ ни одиѣ буржуазный англичанинъ не можетъ говорить безъ пѣны у рта. Н.А. посылать нѣсколько вырѣзокъ изъ газетъ по этому вопросу.

Оъ важной очень трудно, иногда не отправляешь зади нефть-лики и нѣсцами-нѣтъ надежискъ курьеровъ. Совершенно необходимо наладить морскую курьерскую службу между Петроградомъ и Лондономъ.

Искренно преданный *В. Вадимовичъ*

над небрежно повязанным вокруг шеи цветастым шарфом выглядело преждевременно постаревшим. Он был похож на старую птицу. Спутники его не представляли интереса, и я не обратил на них внимания.

Решение не разговаривать с Чичериным вытекало из общей концепции моей поездки: я ехал по приглашению флота и с гарантиями советских властей. Однако я не признавал советского правительства и не собирался иметь с ним никаких дел за рамками того, что было необходимо для исполнения намеченного плана.

Во время путешествия я ближе всего общался с Брекенриджем, к которому относился с уважением и симпатией. Поначалу я пытался разговаривать и с французом, но очень скоро понял, что это довольно подлый тип, задира и враг не только большевистского режима, как он заявлял, а России вообще. Он задался целью испортить жизнь Чичерину и его спутникам и выбрал жертвой для своих нападок жену одного из них, доведя эту тихую маленькую женщину до слёз, к общему возмущению других пассажиров.

После короткой остановки в Христиании, где я обедал с русским военно-морским агентом старшим лейтенантом фон Веймарном и подробно обсудил с ним свой план, я добрался до Стокгольма. На вокзале меня встретил капитан 1-го ранга Сташевский, наш военно-морской агент в Швеции. Обсудив с ним поездку, я решил оставить у него свой дипломатический паспорт и часть багажа. Вместо паспорта Сташевский выписал мне справку о том, что я слеую в Петроград по приглашению Морского генерального штаба и его комиссара. Справка была без печати, так как мы оба решили, что глупо заверять царской печатью документ, который предполагалось использовать в Советской России.

Один из помощников Сташевского, молодой инженер-механик, оказался явным поклонником нового режима в России. И он был уверен, что советская власть мне тоже понравится, так как наконец у нас появилось правительство, которое знало, чего хочет, не боялось отдавать приказы и настаивать на их исполнении.

В то время господин Воровский уже представлял полуофициально Советы в Стокгольме. Однако я не стал встречаться с ним, следуя тому же принципу, по которому не говорил с Чичериным на пароходе. И хотя такой подход вызвал определённые трудности во время пребывания в России, он чётко обозначал мою позицию, и я предпочитал, чтобы

Опросный листъ
Passageri russiska förtroende, profinnings ämne för gränspunkt Torneo, Finland.

Kyselykaavake
Venäjän alamaisten matkustajille, jotka on laajennut ulkomaille Torneo raja-aseman kautta.

Frågeformulär
För resande som är Rykts underordnade och ämnat begifva sig ströfve genom Torneo gränspunkt.

3. 1. 1918

1. Namn, Öfversigt, Ålder och Sex. Höjd, 100-120 Sahmet och Näst. Får, Tänder, och Öförmåga och annat.	<i>Д. Н. Федотов Федотов</i> <i>Федотов</i>
2. Hvarjaktig ämbets- eller yrkesbeskrifning. Hvarjaktig utbildning. Läro- och yrkes- eller andra utbildningsanstalt.	<i>Сторож</i> <i>Сторож</i>
3. Namn, Nationalitet och Födelseort. Här: Nationalitet och Födelseort. Äldre: Nationalitet och Födelseort.	<i>Д. Н. Федотов</i> <i>Д. Н. Федотов</i>
4. Är någon af dem tillräckligt gammal? Hvad åren är af ålder. Andraförklarad med namn och ort.	<i>Недостаточно стар</i> <i>Недостаточно стар</i>
5. Öfversikt om ett besökande, resande, ströfve, eller öfver ett kompani. Förklarad af resanden, samt om de äro tillräckligt gamla för utfärdandet af pass. Läro- och yrkes- eller andra utbildningsanstalt.	<i>Недостаточно стар</i> <i>Недостаточно стар</i>
6. Är någon af dem sjuk, svag eller annat? Hvad sjukdom, svaghet, eller annat. Hvarjaktig sjuk, svaghet eller annat.	<i>Недостаточно стар</i> <i>Недостаточно стар</i>
7. Namn, nationalitet, profession. Hvad yrke eller annan. Hvad yrke eller annan.	<i>Недостаточно стар</i> <i>Недостаточно стар</i>
8. Namn. Nationalitet. Profession.	<i>Недостаточно стар</i> <i>Недостаточно стар</i>
Passageri Måttstiftelse Börande	

Означенный паспортъ

СЛУЖЕБН. ПО. *Д. Н. Федотов* ВЕДЕННОМУ

1918 г. № *5105*

Уполномоченный Пограничного пункта в г. Торнео

№ *3*

дата 1918 года

С. Торнео Финляндия, 1918 г.

Опросный лист Д. Н. Федотова
с пограничного пункта Торнео от 3
января 1918 г. РГАВМФ. Ф. 418.
Оп. 1. Д. 5105. Л. 107

всё было именно так. Справку, выданную Сташевским, Воровский также не визировал.

Морозным солнечным утром я добрался до русской границы в Хапаранде. В тот день там было всего несколько пассажиров, следовавших в Россию. Мы устало дотащились по утоптанному снегу до будки пограничников. Дежурного не оказалось. Внутри была только крестьянка, сказавшая, что её муж, заведующий постом, ушёл в Торнео за припасами и повидать комиссара.

— Сейчас некому вас принять, граждане. Подождите, пока мой муж вернётся.

Мы сгрудились вокруг большой печи и стали коротать время в разговорах с женщиной о том, что происходило на русской стороне границы.

— Сейчас комендантом один прапорщик из пехотной части, что стояла тут раньше. И есть комиссар из солдат, назначенный Советами. А ещё местный Совет. Они и следят теперь тут за всем.

Около одиннадцати появился солдат, привёзший на санках мешок с хлебом и другими припасами для себя и своей семьи. Он походя приветствовал нас и, обогрившись у печки, стал изучать наши документы. Дойдя до моих, он удивлённо спросил:

— А где печать?

— Какой смысл ставить на документ царскую печать? А других, как вы знаете, ещё нет.

— Печать — это всегда печать. Без печати документ — бумажка.

Тогда я достал телеграмму из Морского генерального штаба, подписанную Беренсом и Раскольниковым. Но это не произвело на солдата никакого впечатления.

— Я ничего не знаю ни об этой телеграмме, ни о тех, кто её подписал. Я только проверяю паспорта, и у вас, похоже, его нет. Я не могу пропустить вас.

После долгих уговоров и споров я сказал:

— Послушай, отец, ты слишком много на себя берёшь. Я еду по прямому приглашению Смольного¹⁴⁶. Ленин в курсе моей поездки. Поэтому лучше отведи меня к коменданту и дай поговорить с ним. Ты не имеешь права не пускать меня, и я не приму отказа. Давай, веди меня к коменданту. И поживее! Я и так торчу здесь уже всё утро только из-за того, что ты опоздал со своим пайком.

Попрепившись ещё немного, солдат взял винтовку и повёл меня к коменданту. Там вся сцена повторилась, но в несколько более интеллигентном тоне.

— Гражданин, ваши документы не в порядке. Я не могу пропустить вас в Петроград. Без печати справка не действительна.

Уже порядком выйдя из себя, я предложил им отправить телеграмму в Морской генеральный штаб за мой счёт и разрешить мне пока подождать на железнодорожном вокзале в Торнео. Затем пришёл комиссар и присоединился к разговору. Имя Расколькова было явно знакомо ему, и он спросил меня:

— Кто вы такой?

— Я помощник русского военно-морского агента в Лондоне.

— А что это? Что-нибудь вроде представителя Добровольного флота¹⁴⁷ или РОПиТа¹⁴⁸?

¹⁴⁶ Штаб-квартира лидеров большевиков. *Примечание автора*

¹⁴⁷ Добровольный флот — российское морское судоходное общество, основанное на добровольные пожертвования в 1878 году. Суда Добровольного флота активно использовались правительством для государственных нужд.

¹⁴⁸ Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) — крупнейшая российская пароходная компания, основанная в 1856 году на Чёрном море.

— Нет, я представляю весь русский военно-морской флот в Англии. Ленин пригласил меня в Россию сделать доклад в Морском генеральном штабе.

— Поскольку мы не знаем точно, кто вы, нам придётся отправить вас в Петроград под конвоем, как арестованного. Доставим вас в Смольный, а там пусть делают с вами, что хотят.

— Отлично, меня это устраивает. Сэкономлю на билете и еде.

Поначалу комиссар думал, что я блефую, но, увидев мою готовность ехать в Петроград даже арестованным, смягчился и сказал:

— Идите на вокзал и пообедайте там. Поезд на Петроград будет только днём. А я пока подготовлю конвой, который доставит вас в Смольный.

Этот инцидент хоть и вывел меня из себя, но был довольно забавным и дал мне представление о том, как на практике работает советская административная машина в отдалённых местах. Я уже не волновался, увидев, что гарантии Раскольникова — хорошая защита, и перспектива попасть в Смольный меня совершенно не пугала.

Пока я обедал на вокзале, пришёл фельдфебель из местной пехотной части и спросил, я ли тот, кого должны везти в Петроград под конвоем. Я подтвердил и пригласил его выпить со мной пива. Солдат принял приглашение и сел за мой столик. После пары бутылок и нескольких бутербродов он разговорился и поведал мне о положении в Торнео, а также о своих мыслях по поводу смены правительства.

— Этот тип Керенский был игрушкой в руках английских и французских империалистов. Всего лишь марионетка, махавшая руками и произносившая речи, когда какой-нибудь иностранный посол дёргал за ниточки. Ленин прекратит войну и даст нам, крестьянам, землю. Вот чего мы все ждём.

Затем он ушёл и вернулся через час с бланком правительственной брони на проезд.

— Мы подумали, что вам лучше ехать первым классом. Вот приказ, подписанный комендантом. И мы решили, что конвой не нужен. Вы вроде бы в порядке.

Поблагодарив его за бронь, я выразил сожаление, что мне придётся путешествовать одному, и мы не сможем продолжить нашу интереснейшую беседу о политическом положении. Мы пожали друг другу

руки, и я понёс свои вещи в вагон первого класса, где для меня было зарезервировано целое купе.

На русско-финской границе в Белоострове по-прежнему работали таможенники и пограничники. Они остались от старого режима, но все знаки отличия с фуражек и шинелей у них были сняты. Предъявив свои документы, я столкнулся с той же проблемой, что и накануне в Торнео.

— Как они вас пропустили? У вас же нет печати на документе. Мы не можем впустить вас в Россию.

Но теперь я уже знал, как действовать:

— Тогда арестуйте меня и отправьте под конвоем в Смольный. И посмотрим, что Ленин с вами сделает.

И помахал у них перед носом телеграммой Беренса-Раскольниковца.

Посоветовавшись между собой и задав несколько вопросов, они позволили мне ехать дальше в Петроград.

Приехав на Финляндский вокзал, я проскочил через боковой выход и взял извозчика с санями отвезти багаж на квартиру родителей.

Улицы не чистились неделями и находились в ужасном состоянии. Толстый слой грязного снега, покрывавший даже тротуары, сбивался в глубокие колеи и надолбы, езда по которым превращалась в пытку. Лошадь была тощей и слабой, поэтому я слез с саней и пошёл рядом, разговаривая с возницей.

Когда мы отъезжали от вокзала, я заметил, что площадь перед ним заполнена вооружёнными людьми, обмотанными крест-накрест пулемётными лентами по новой революционной моде. По улицам разъезжали конные патрули и время от времени проносились грузовики с группами солдат и пулемётами.

Извозчик объяснил, что эта суматоха связана с разгоном большевиками Учредительного Собрания. Другими словами, я прибыл в Петроград в день¹⁴⁹, когда Ленин показал всему миру, что он порвал с демократическими методами управления и решил остаться у власти, невзирая на волю народа, прямым всеобщим голосованием избравшего в Собрание большинство его противников.

Поскольку в тот момент я мало знал о планах большевиков и всё ещё находился под впечатлением их летних лозунгов о скорейшем созыве Учредительного Собрания, то был изумлён тем, как всё повернулось.

¹⁴⁹ Учредительное собрание было разогнано 6 января 1918 года.

220 Мне казалось очевидным, что любое правительство, которое попытается силой разогнать этот представительный орган, спровоцирует вооружённые выступления по всей стране и поставит своё существование под угрозу. И меня сильно удивило такое относительное спокойствие и кажущаяся апатия людей в Петрограде, ведь все вооружённые люди на улицах были на стороне правительства.

Добравшись до дома родителей, я обнаружил, что в квартире невероятно холодно. Домработница, по-прежнему остававшаяся у нас, объяснила, что в городе сильная нехватка топлива. Пришлось даже перестать пользоваться плитой на кухне и начать готовить пищу на маленькой печке из железных листов, позже ставшей известной по всему миру как «буржуйка». Она подала мне немного гречневой каши и сказала, что отец по-прежнему работает в Адмиралтействе и придёт только поздно вечером.¹⁵⁰

Телефон всё ещё работал, и мне удалось дозвониться до Беренса. Тот рассказал, что Романова¹⁵¹ только что выпустили из Петропавловской крепости, где он провёл некоторое время после захвата власти большевиками. Он предложил мне прежде, чем появиться в Адмиралтействе, прийти к нему домой и переговорить обо всем.

Оставив записку отцу, я пешком, поскольку трамваи не ходили, а извозчика не нашлось, отправился на квартиру к Беренсу, прихватив по дороге пару бутылок старой мадеры в подвале у одного знакомого.

Квартировавшие вместе Беренс и Романов тепло приветствовали меня и вкратце обрисовали контуры новой государственной политики, отдельно остановившись на том, что касалось флота. Я заметил, что их взгляды отличаются. Беренс был больше склонен принимать всё как данность, смириться с властью большевиков и попытаться сберечь личный состав и в особенности офицеров от репрессий нового режима, а корабли от захвата и уничтожения врагом. Романов же,

¹⁵⁰ По хранящимся в Бахметьевском архиве письмам Н. Т. Федотова, отца автора, за 1917-1918 гг. мать в это время находилась на лечении в Курске, и он жил в Петрограде один.

¹⁵¹ Романов Владимир Вадимович (1876—1962) — капитан 2-го ранга (1916). В период Первой Мировой войны служил в Морском генеральном штабе. В 1917 — начальник Шифровального отдела МГШ. Постоянный корреспондент Д. Н. Федотова в период его работы помощником военно-морского агента в Лондоне. С 22 ноября 1917 г. уволен от службы. Скончался в Париже.

наоборот, был крайне возмущён узурпацией власти Лениным и его последователями. Он открыто выражал своё негодование и надежду, что они долго не протянут.

В отношении военно-морских сил большевики ограничились назначением комиссаров в различные управления министерства и посылкой своих представителей на флоты. Больших изменений в командном составе не произошло, если не считать нескольких старших начальников.

Беренс имел возможность пару раз переговорить с Лениным и Троцким и вместе с контр-адмиралом Альтфатером обсудить с ними основные принципы реорганизации флота при советской власти.

— Что интересно, — сказал он, — в ответ на предложенные мной основы организации службы и дисциплины на кораблях и в береговых частях Ленин повернулся ко мне и сказал: «Всё это слишком мягко. Нам нужна настоящая дисциплина, так что пересмотрите свои предложения ещё раз. Мы начинаем строить. Период разрушения закончился!»

Тогда меня особенно позабавил один маленький эпизод, рассказанный Беренсом. Во время одной из бесед Ленин спросил его, был ли он адмиралом при старом режиме. Беренс ответил, что нет, и, смеясь, заметил, что, наверное, это не так уж важно теперь, когда у власти большевики. На это Ленин, пожав плечами, сказал:

— Нет, вы ошибаетесь. Очень жаль, что вы не были адмиралом в старом флоте.

Что касалось Раскольниковова, то Беренс считал его достойным человеком. Комиссар много читал и общался со специалистами, чтобы компенсировать недостаток знаний в морском деле, но ему не хватало опыта и хватки в административных вопросах. Он был больше интеллект, нежели управленец.

На следующий день меня представили Раскольникову, и у нас с ним состоялся долгий и путаный разговор о войне, русских военных кораблях за границей и позиции военно-морских агентов по вопросу сотрудничества с советским правительством. Раскольников понравился мне, произведя впечатление прямого и беспристрастного человека. Насколько я мог судить, вторая часть характеристики Беренса также оказалась верной: администратор он был неважный. Получив какое-то образование в Отдельных гардемаринских классах, он, однако, не имел реальных знаний, которые позволили бы формировать своё независимое суждение по любому важному вопросу военно-морской политики.

222 Он был идейным членом партии и, очевидно, стоял на хорошем счету у правительства, хотя и не входил в ближний круг советников Ленина. Большевикам в то время не хватало образованных людей, знакомых с военно-морской тематикой. Вероятно, этому факту Раскольников и был обязан своим назначением.

Из этого и последующих разговоров с Раскольниковым я пришёл к выводу, что руководство большевиков в тот момент разделилось на две группы: одна ожидала победы Германии и её сателлитов, другая, к которой принадлежал Чичерин, считала, что верх возьмут союзники.

Большевистских кадров в различных государственных учреждениях в то время было ещё немного. Большинство гражданских служащих в Петрограде бастовало против правительства. И даже в Морском министерстве, где, благодаря большому числу матросов в различных отделах, ситуация вроде бы должна была быть под контролем, существовали целые направления работы, неизвестные большевистским комиссарам, куда они ещё ни разу не заходили. К таким, например, относились разведывательное и контрразведывательное отделения.

Одним из наиболее запомнившихся мне эпизодов поездки в Петроград был разговор с контр-адмиралом Альтфатером, который тогда представлял флот в русской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске и имел влияние на Ленина и Троцкого.

Однажды, когда я сидел в кабинете у Беренса, он пришёл в Морской генеральный штаб и сделал доклад в присутствии меня, Беренса и Раскольникова о том, как идут переговоры.

Закончив говорить и дождавшись, когда Раскольников уйдёт, он повернулся ко мне и сказал:

— Подумайте, что вы делаете. Дух времени на стороне большевиков. Только они могут возродить разрушенную русскую государственность. И до конца своих дней вы будете сожалеть о том, что не смогли понять, куда движется история, и о своём решении выступить с союзниками против них.

Такая диатриба¹⁵² оказалась довольно неожиданной. Я заверил Альтфатера, что он обратил её не по адресу, поскольку я прибыл в Петроград не в качестве представителя союзников или антибольшевистских сил.

¹⁵² Диатриба (лат. *diatriba*) — устная речь, обращенная к толпе, с моральным обличительным пафосом.

Моя миссия была гораздо более скромной: выяснить, какую политику собираются проводить Советы в отношении флота и сообщить об этом русским военно-морским агентам, которых я представлял. А также попутно понять для себя, каких взглядов придерживается Ленин и его партия, и можно ли их считать направленными на построение Великой России.

Из этого диалога, а также из случайных оговорок, брошенных другими людьми — как большевиками, так и их противниками — я понял, что в Петрограде циркулируют слухи, сильно преувеличивающие важность моей миссии.

Продолжая свои нападки на меня, Альтфатер в заключение сказал: — Ленин и большевики победят всех своих врагов, внешних и внутренних. Попытки свергнуть их ни к чему не приведут, поскольку они единственные в России, кто знает, чего хочет, и готов идти до конца.

На это я ответил, что никогда не считал нужным пытаться играть только за команду победителей, особенно, если мне не нравились ни капитан, ни тренер.

По дороге домой из Адмиралтейства я встретил на Тучковом мосту своего однокашника, старшего лейтенанта Александра Соболева. В тот период он был большим энтузиастом революции и только что вернулся из поездки на восток с бронепоездом и отрядом матросов.

Соболев радостно приветствовал меня, так как, несмотря на разные вкусы и политические пристрастия, мы всегда хорошо относились друг к другу в Морском корпусе.

— Ты тот, кто мне нужен, Димитрий. У нас есть отряд матросов-балтийцев с бригадой бронепоездов, готовых выступить против атамана Дутова под Оренбургом. Среди унтер-офицеров несколько твоих учеников, и они все очень высоко отзываются о тебе. Говорят, ты знаешь, как воевать на суше. Они будут рады видеть тебя командиром. Мы сметём Дутова к чёртовой матери!

— Не знал, что ты такой кровожадный, Сашка. Я слышал, что у Дутова одни гимназисты и студенты, да горстка юнкеров. Ты действительно хочешь убивать этих юнцов? Почему? Зайдём ко мне, тут недалеко. Выпьем по стаканчику мадеры, и ты расскажешь мне что-нибудь ещё из своих жутких историй.

Соболев всегда был странным, не похожим на среднего русского морского офицера. Он обладал удивительной памятью, знал наизусть справочник боевых кораблей Джейна¹⁵³ и мог, не задумываясь, назвать дальность плавания какой-нибудь старой португальской канонерки. Он был ужасно амбициозен, и производство в старшие лейтенанты весной 1917 года «за отличия» вместе с рядом других офицеров, принадлежавших большей частью к политически приемлемому для нового режима классу, вскружило ему голову.

Потягивая мадеру в гостиной моего отца, Соболев продолжал уговаривать меня пойти с бронепоездами. В качестве последнего аргумента он воскликнул:

— Не забывай, что маршалы всегда рождаются на стороне революции!

Чтобы поддразнить его, я заметил:

— Ну, насколько я помню, большинство этих маршалов, если не считать Даву и Мармона, были довольно неприятными людьми. Не уверен, что я хочу быть похожим на них.

Тут Соболева прорвало. Он стал возмущённо обвинять меня в снобизме, ограниченности и недостатке воображения, в отсутствии настоящего интереса к морскому искусству и преданности профессии военного и так далее, и тому подобное.

Когда он успокоился, я в шутку поднял тост за его будущие победы над вооружёнными младенцами и за то, чтобы он превзошёл Ирода в доблести. Про себя же я сказал, что не имею амбиций в этом вопросе и предпочитаю оставаться в стороне от кровавой бани.

Судьба распорядилась так, что Соболев и сам не сделал большой карьеры в Гражданскую войну. Кажется, он дослужился лишь до начальника оперативного отдела какой-то второстепенной флотилии. После войны советское правительство назначило его военно-морским агентом в Стокгольм. Затем он порвал с Советами по причинам, которые я так до конца и не понял, и остался в эмиграции. Таким образом, двигаясь

¹⁵³ Jane's Fighting Ships (анг.) — ежегодное английское справочное издание по боевым кораблям мира, основанное энтузиастом флота, журналистом и издателем Джоном Фредериком Томасом Джейном в 1898 году.

в противоположных направлениях, мы в итоге пришли к одной и той же общей судьбе изгнанников.

Находясь в Петрограде, я зашёл с визитом к вдовствующей королеве Греции Ольге¹⁵⁴, чья дочь, великая княгиня Мария Георгиевна, попросила меня в Лондоне проведать мать.

Её величество жила в небольшом, расположенном на «островах» в дельте Невы домике кого-то из своих русских родственников. Я с трудом нашёл его, плутая по тёмным, заснеженным улицам.

На звонок в дверь вышла старая служанка и спросила, чего мне угодно. Я представился морским офицером и сказал, что привёз королеве послания от её родственников за границей. Поскольку одет я был в старый охотничий плащ, и ничто в моём облике не выдавало моряка, служанка поначалу засомневалась, пускать ли меня в дом. Тогда я протянул ей письмо к королеве от дочери, и она позволила мне войти.

Королева сразу же вышла в гостиную, протянула мне руку для поцелуя и велела сесть. Она рассказала, что живёт в этом доме всего с парой старых слуг в надежде, что потом ей разрешат выехать в Европу. Но сейчас она не хотела уезжать, так как беспокоилась за судьбу царской семьи и старалась поддерживать с ней связь.

Самым большим потрясением для неё стало поведение русских матросов. Её отец, великий князь Константин, был генерал-адмиралом русского флота при императоре Александре II. Человек либеральных взглядов, он многое сделал для гуманизации службы и реформы морского образования. Королева Ольга также сохраняла живой интерес к флоту. Русские корабли, заходившие в Пирей, всегда были объектом её заботы. Она навещала русских моряков в афинских госпиталях, дарила им подарки и крестила бесчисленных младенцев в морских семьях, так что количество её крёстных детей исчислялось сотнями. Она была почётным шефом сначала 2-го Балтийского флотского экипажа, а затем крейсера «Адмирал Макаров», команду которого осыпала своими милостями.

— Представляете, эти матросы с «Макарова» недавно пришли ко мне с обыском. А разве я не отдала им частичку своей души?

¹⁵⁴ Великая княжна Ольга Константиновна (1851—1926) — внучка императора Николая I, жена греческого короля Георга.

За свою собственную безопасность королева совершенно не беспокоилась.

— Я очень стара, мой дорогой. Кто причинит мне вред?

Затем она спросила о моем отце, которого знала по своему подшефному экипажу, и просила передать, что по-прежнему помнит его молодым офицером на борту «Крейсера».

Передав послания своим детям в Англию, королева поблагодарила меня за визит, и я поднялся, чтобы откланяться. Она позвонила в колокольчик, но никто не отозвался.

— Ах, они, наверное, ушли куда-нибудь за едой на завтра.

Королева взяла со стола свечу и вышла со мной в прихожую. Электричество в этой части города выключили, и в доме было совершенно темно, кроме света нескольких свечей.

В ответ на моё беспокойство о её безопасности — ведь она была абсолютно одна в этом отдалённом районе — она вскользь бросила:

— Вы ошибаетесь. Никому здесь нет до меня дела. После обыска они знают, что у меня нет драгоценностей.

Когда я одевал свой плащ, королева сделала движение помочь мне. И это стало последней каплей! Я упал на одно колено перед этой великой женщиной и поцеловал ей руку.

— Ваше величество, в Греции нет большевиков, и вы всё ещё королева. Мне совестно, что я позволил вам выйти провожать меня. Я поддался вашему дружескому отношению и доброте. Но я не могу видеть, как вы стоите здесь, пока я одеваюсь.

— Мой мальчик, кто-то должен закрыть за вами дверь. И поскольку я одна в этом доме, то должна проводить вас до выхода, — засмеялась королева. А затем, уже более серьёзно, перекрестила мою голову и поцеловала в лоб.

— Будьте осторожны и не рискуйте зря! Храни вас Господь.

Когда позже я встретил её в Париже и упомянул о той истории, она весело вспомнила:

— Матросы были не такие уж плохие. Им было стыдно от самих себя во время обыска. Они просто большие дети, а дети иногда бывают непослушными.

В Петрограде оставалось несколько преданных людей, пытавшихся помочь царю и его семье в Tobольске. Я встретился с некоторыми перед их отъездом в Сибирь. Лишь немногие из них носили громкие исторические фамилии, и едва ли хоть один принадлежал к влиятельной придворной группе, окружавшей трон перед революцией. Те больше предпочитали заботиться о своих интересах, чем о монархе, который был так благосклонен к ним, находясь у власти.

Каких только не выдвигалось невероятных планов по спасению царской семьи! Среди прочего, например, предлагалось, чтобы английский корабль вошёл в устье Оби и выслал вверх по течению катер, который бы забрал императора с семьёй в Tobольске или где-нибудь ниже. При этом предполагалось договориться с охраной, чтобы она не мешала побегу. Насколько мне известно, всё это были лишь мечты, так никогда и не воплотившиеся даже в приблизительный план. Чека быстро расправилась с большинством этих преданных людей, и из их усилий ничего не вышло.

В последние дни пребывания в Петрограде я встретил нескольких морских офицеров, только что вернувшихся с Дона. Они не испытывали особого оптимизма по поводу возможности организации там ядра антибольшевистского движения. Серьёзными аргументами против этой идеи были апатия молодых казаков, возвращавшихся с фронта, трения между казачеством и крестьянами юга России, а также открытая враждебность рабочих Донецкого бассейна. Но, с другой стороны, присутствовала уверенность, что где-то выступить необходимо, иначе все они пропадут по одиночке и без боя. И казачьи земли лучше, чем любая другая часть России подходили для того, чтобы стать колыбелью восстания против большевиков.

В Петрограде я не заметил никаких признаков зарождения серьёзного антибольшевистского движения. Интеллигенция много говорила, либералы и умеренные социалисты проводили возмущённые митинги, но всё увиденное и услышанное создавало уверенность в том, что ничего из этого не выйдет. Не было ни сильного лидера, ни решимости, если потребуется, выйти на улицы и драться. Каждый надеялся, что за него всё сделает кто-то другой. Среди гвардейских офицеров из балтийских губерний я заметил следы работы германской разведки,

228 связанные с попытками организации к западу от Пскова вооружённых антибольшевистских сил, которым помогал или по крайней мере не мешал немецкий Генеральный штаб. Эта инициатива показалась мне довольно неискренней. Она выглядела как инструмент германской пропаганды в среде высших классов России и, возможно, как средство давления на большевиков, на случай, если они вдруг станут не слишком охотно исполнять желания немецкого Генштаба в части условий мира. Настоящее активное движение я заметил только среди молодых офицеров, юнкеров и студентов, всё больше ориентировавшихся на Дон.

Оценить реальную силу этого движения было довольно сложно. По моим ощущениям, большинство офицеров устало от политики и хотело заняться своей собственной жизнью. Причинами антибольшевистского движения стали беспорядочная демобилизация армии, расправы над офицерами и отсутствие попыток Советской власти обеспечить их хоть каким-то содержанием. Но главным было общее чувство, что к офицерам относятся как к неким низшим, презренным существам или даже врагам, что всех их рано или поздно схватят, посадят в тюрьму или убьют. Подтверждением этому служил пример севастопольской резни и смерти генерала Духонина.

Как следует из мемуаров генералов Деникина, Врангеля и других лидеров Белого движения, русские капиталисты очень мало сделали для финансирования и организации борьбы. С другой стороны, та молодёжь, что несла на себе основную тяжесть войны с армиями Троцкого, была очень плохо обеспечена материальным снабжением и не сильно рвалась спасать капиталистов. Они дрались за возрождение России, как великой и единой страны, в которой могли бы жить и работать. Они не признавали Ленина и Троцкого законной властью, считая их лишь орудиями в руках германского Генерального штаба. Разгон Учредительного Собрания показал им, что большевики не имеют поддержки большинства народа и являются узурпаторами. Политические воззрения этой молодёжи были самыми разными: от монархистов до либеральных республиканцев и умеренных социалистов. Всех их объединяло желание сбросить нелегитимное правительство, пресмыкавшееся перед немцами и действовавшее против исторических чаяний и интересов страны.

Самым тщательным образом изучив ситуацию, я пришёл к выводу, что эти антибольшевистские группы слишком слабы и разобщены, чтобы чего-то добиться. Большевики же располагали организованной военной силой в лице латышских стрелков, матросов, частей немецких и австрийских пленных, а также вооружённых отрядов рабочих. И это убедило меня в том, что они смогут удержаться у власти.

Между тем пришло время возвращаться в Лондон и доложить обо всём военно-морским агентам. Я сообщил об этом Беренсу и Раскольникову. Они спросили, желаю ли я получить дипломатический паспорт, и я ответил, что в этом нет необходимости, коль скоро я и так могу отбыть в самое ближайшее время.

Затем вдруг возникло неожиданное препятствие. Мне позвонил Раскольников и попросил прийти к нему в Адмиралтейство. Когда я зашёл в его кабинет, он удручённо сказал: «Мне очень жаль, но мы не можем выдать вам заграничный паспорт».

Я, естественно, возмутился и напомнил ему, что он гарантировал мне безопасность пребывания и возможность вернуться в Лондон.

Раскольников ответил, что всё понимает, но в дело вмешался Чичерин, заявивший, что я опасный контрреволюционер, и мне нельзя разрешать покидать Россию. Он также сказал мне, что я могу не опасаться ареста и волен следовать куда угодно в пределах страны.

Поняв бесполезность дальнейших споров и видя, что Раскольникову и самому неловко от того, как всё повернулось, я сказал:

— Очень хорошо, тогда я на этой же неделе поеду в Москву и найду там работу на каком-нибудь промышленном предприятии. Не желаю больше иметь ничего общего с флотом.

Позже я узнал от Беренса, что моё дело обсуждалось на заседании Совета народных комиссаров. Чичерин там рассказал, что мы плыли на одном пароходе в Берген и что я ни разу даже не подошёл к нему, а провёл всё время в компании самых реакционных персонажей на борту. Последнее звучало довольно забавно, поскольку большей частью я общался с Брекенриджем, который вообще не занимал ни чью сторону в русском вопросе.

Не желая оставаться в России под неусыпным контролем большевиков, я решил ехать немедленно, невзирая на то, что Совет народных

230 комиссаров отказал мне в выдаче паспорта. В системе управления царил полный хаос, и я решил попробовать получить заграничный паспорт обычным путём — в Комиссариате по внутренним делам, в надежде, что Чичерин забудет известить их об отказе.

Оказалось, что прежде всего мне необходимо подтвердить своё увольнение с флота, затем получить медицинскую справку о том, что я нуждаюсь в лечении на одном из западноевропейских курортов, и, наконец, справку из домового комитета по месту жительства.

Мне удалось собрать все эти документы за рекордные два дня, после чего я смог подать прошение в комиссариат.

Всё прошло очень удачно, и я мог поздравить себя с тем, как легко мне удалось обвести власти вокруг пальца и получить паспорт на собственное имя в обход требований Чичерина.

Однако, отправляясь на Финляндский вокзал, чтобы сесть на поезд до Гельсингфорса, я по-прежнему опасался, что в последний момент возникнут какие-нибудь проблемы. Но проверка документов проводилась формально, и я без труда добрался до Финляндии. Затем необходимо было получить разрешение в Гельсингфорсе покинуть финскую территорию. Это тоже удалось устроить довольно легко, и вскоре всё было готово для выезда через Торнео. Однако как раз в этот момент путь оказался перекрыт восставшими под предводительством генерала фон Маннергейма финскими белогвардейцами.

В дни, проведённые в Гельсингфорсе, перед моими глазами прошло несколько картин гражданской войны в Финляндии. Я видел небольшие уличные бои и был свидетелем штурма многоквартирного дома на Эспланаде, главной улице финской столицы, отрядом паливших по окнам красногвардейцев. Позже я узнал, что эту импровизированную крепость удерживал всего один человек, аристократ шведско-финского происхождения и бывший офицер финской армии. Говорили, что он убил восемь или девять красногвардейцев, пустив последний патрон в себя.

Зная, что великий князь Георгий Михайлович находится в Гельсингфорсе, я решил нанести ему визит в «Нуя Сосиететсхузет», лучший отель города в то время.

Великий князь принял меня в присутствии генерала фон Эттера, который вскоре оставил нас одних. После того, как я передал сообщения

от его семьи из Лондона¹⁵⁵, он обсудил со мной свои планы на будущее. В ответ на предложение немедленно уехать со мной в Швецию ввиду серьезной угрозы его жизни он встал, прошёлся пару раз взад-вперёд по комнате и, остановившись напротив меня, сказал:

— Вы действительно думаете, что русский великий князь побежит из своей страны, как преступник?

Такой ответ слегка озадачил меня, но я возразил на это, что, поскольку в России нет легитимного правительства, а большевики, без сомнения, являются узурпаторами, нет ничего недостойного в том, чтобы покинуть страну, не спрашивая у них разрешения.

— Кроме того, — продолжал он, — я боюсь, что от моего отъезда за границу могут пострадать мои родственники в Петрограде и других местах.

Я заметил, что, по моему мнению, их судьба уже решена, и он бессилен им помочь.

— Может быть, и так, но я не хотел бы думать, что какое-то моё действие могло ухудшить их и без того опасное положение.

Затем я попрощался, пообещав передать пожелания его семье в Англии. А через несколько дней великого князя арестовали и увезли в тюрьму в Петроград.

Несмотря на поступавшие сведения о развитии восстания финских белогвардейцев, я решил попытаться покинуть страну через Таммерфорс. Однако поезда уже не ходили на север от этого промышленного центра Финляндии. Вместе со мной оттуда также пытались вырваться несколько сотрудников союзных миссий, а среди мелькавших в окнах вагонов лиц я узнал ряд богатых петроградских банкиров и биржевых спекулянтов.

Ситуация развивалась неблагоприятно для красных, несмотря на то, что им помогали русские большевики, а в штабах и инструкторами у них служило некоторое количество русских офицеров. Я отправился в Бьёрнеборг в надежде добыть место на пароходе, отправленном туда шведским правительством для эвакуации скандинавских беженцев из

¹⁵⁵ Великий князь Георгий Михайлович был женат на дочери королевы Греции Ольги. Его жена, великая княгиня Мария Георгиевна, с 1914 года с детьми жила в Лондоне и с мужем не виделась.

232 России и Финляндии. Мне удалось послать телеграмму Сташевскому и получить его ответ с заверением, что для меня будет зарезервировано место на этом судне.

Затем началось бесконечное ожидание в маленьком отеле в компании ещё нескольких русских, с которыми я там познакомился. Наша рутина была прервана прибытием командера Кросли с супругой.¹⁵⁶ Он получил назначение военно-морским агентом в Мадрид и пытался пробраться через линию фронта в Испанию. Они удивились, встретив меня на вокзале в Бьёрнеборге, и поселились в моей гостинице.

Единственным развлечением было наблюдать, как на улицах тренируются отряды красногвардейцев, и слушать жуткие рассказы наших новых финских знакомых в отеле о расстрелах красными пленными и подозреваемых в сочувствии белым. Власти, впрочем, не вмешивались в жизнь нашей группы в гостинице. Бывший начальник полиции Бьёрнеборга щедро раздавал своим собутыльникам за кружкой пива охранные грамоты на случай захвата города войсками Маннергейма. Но такая перспектива тогда выглядела ещё отдалённой, и мы с нетерпением ждали новостей о шведском пароходе.

Но внезапно ожидание кончилось. Мы узнали, что судно попало во льды и затонуло.

Обдумав всё ещё раз, я решил отправиться в Або, откуда по льду на санях добраться до Аландских островов. Там я рассчитывал сесть на один из небольших шведских пароходов, курсировавших между Стокгольмом и Эккерё. Со мной вместе поехала очень приятная русская пара супругов Байеров. Чета Кросли, опасаясь попасть в плен к немцам, высадки которых на Аланды ожидали в любой момент, решила пробираться через линию фронта, используя престиж американских дипломатических паспортов.

Поскольку у меня был гражданский паспорт, а война между Россией и Германией закончилась¹⁵⁷, я надеялся проскочить, даже если в Эккерё уже будут немцы.

¹⁵⁶ Кросли прибыли в Бьёрнеборг 1 марта 1918 г. См.: Crosley P. S. *Intimate letters from Petrograd*. New York, 1920. P. 282.

¹⁵⁷ Брестский мирный договор был подписан 3 марта 1918 г.

Я разделился с Кросли, которым позже с большим риском удалось пробраться через позиции красных и белых финнов, о чём прекрасно рассказано в «Личных письмах из Петрограда» миссис Кросли.

В Або руководство местного Совета заявило, что нам необходимо снова получить выездные визы. Молодой парень, отвечавший за их выдачу, был крайне недружелюбен с нами и отделил меня для особого изучения. Наконец он сказал:

— Я не могу позволить вам выехать. Откуда мне знать, что вы действительно нуждаетесь в лечении за границей? И на что вы собираетесь там жить? Не очень правдоподобная история.

Указание на то, что я говорю и пишу на нескольких европейских языках и потому вполне могу позаботиться о себе в Европе, не произвело на него никакого впечатления.

— Товарищи, мы не будем повторять роковых ошибок, которые делает Троцкий в Петрограде. Мы тут сами себе закон и выезд вам не разрешим.

Тогда я подошёл к проблеме с другой стороны:

— Хорошо. Допустим, я согласен: у вас есть причины сомневаться в том, что мне необходимо лечение в Сальсомаджоре?¹⁵⁸ как это указано в документах. Вас устроит справка от местного врача, подтверждающая это?

После недолгих пререканий молодой человек согласился, и я вместе с Байером (который очень помог мне во всей этой истории) отправился на поиски финского врача. Постоянные неудачи в попытках покинуть страну начали действовать мне на нервы, и, звоня в дверь одного из главных практикующих специалистов города, я был уже слегка на взводе. Пройдя в кабинет доктора, я откровенно изложил ему своё положение и добавил, что имею все основания опасаться расстрела в случае, если местный комиссар отправит меня обратно в Петроград. Доктор тут же выписал мне нужную справку и попросил одного из своих коллег также заверить её подписью, не взяв при этом ни копейки денег. До конца своих дней я буду с глубочайшей благодарностью вспоминать этого финского джентльмена и надеюсь, что когда-нибудь он прочтёт эти строки.

¹⁵⁸ Курорт с лечебными водами на севере Италии.

Представив справку, я наконец получил визу и был готов выехать на Аланды. Оставалось только найти попутчика, так как в сани помещалось два человека, и расходы на поездку можно было поделить пополам. Чета Байеров, естественно, ехала вместе. Было ещё несколько англичан и американцев, собиравшихся утром выехать тем же маршрутом, двух или трёх из которых я знал. Однако, хорошо всё обдумав, я решил, что, находясь в одних санях с гражданами этих стран, я стану более подозрителен для немцев, если те остановят нас по пути. Тогда я обратился к одному еврейскому коммерсанту из Копенгагена, который говорил, что до войны жил в Гамбурге. Он согласился взять сани на пару со мной и оказался в итоге очень приятным попутчиком.

Рано утром на следующий день мы выехали караваном из десяти или двенадцати саней. Мы ждали, что на выезде из города у нас снова будут проверять паспорта. Однако, к своему огромному удивлению, не увидели там никаких постов, и никто не спросил у нас документов. Таким образом, все мои усилия накануне вечером убедить комиссара разрешить мне выезд оказались совершенно ненужными. Я мог выехать без всякой визы!

Двигаясь между мелких островов Ботнического залива, мы вскоре стали встречать группы вооружённых финских фермеров с белыми повязками на рукавах. Они не пытались остановить нас, а быстро шли мимо строем, вооружённые винтовками, пистолетами и острыми кривыми ножами «пукко».

Первую ночь мы провели на маленьком острове в доме местного рыбака. Ему особенно нечего было предложить нам, и мы довольствовались несколькими солёными селёдками с сухарём на ужин и эрзац-кофе с ещё одним сухарём на завтрак. Однако ни это, ни то, что нам пришлось спать прямо на голом полу, не уронило наш дух. Граница была рядом, и мы рассчитывали, что уже завтра сможем сесть на пароход до Стокгольма.

На следующий день мы выехали очень рано. На подъезде к самому крупному из Аландских островов какие-то финны сообщили нам, что немцы высадились в Эккерё и берут под контроль весь остров. Мне ничего не оставалось, как продолжать двигаться дальше. И хотя мирный договор вывел Россию из войны, и в моем паспорте не было

никаких указаний на прежнюю службу во флоте, я имел все основания опасаться, что немцы сочтут меня подозрительным и отправят для дознания в какой-нибудь германский порт. Мне казалось тогда (возможно, я себе льстил), что моя фотография должна быть в каждом отделении морской разведки, поскольку я работал военно-морским агентом и в Вашингтоне, и в Лондоне. В их картотеках наверняка есть сведения обо мне, которые легко позволят установить, что я не гражданский, как указано в паспорте, а бывший офицер флота. Дальнейшие перспективы были не ясны. Но мне казалось, что, в лучшем случае, я отправлюсь в лагерь до конца войны, а в худшем меня могла ждать и более печальная участь за попытку пробраться через немецкие позиции в штатском. Тем не менее я решил рискнуть, поскольку возвращаться в Або не было совсем никакого смысла.

Около полудня мы встретили первый немецкий аванпост. Часовой крикнул:

— Кто едет?

Мой попутчик на отличном немецком ответил:

— Еврей из Гамбурга.

Солдаты рассмеялись и пропустили нас без досмотра. Тем же способом мы проскочили ещё несколько германских постов, пока не достигли крупной заставы. Там молодой офицер, судя по всему из разночинцев, возомнивший себя потомственным прусским военным, проявил любопытство.

Он грубо спросил моего еврейского друга:

— Это твой сын?

Когда я ответил отрицательно, он заорал на меня:

— Я не с тобой разговариваю! Будешь говорить, когда тебя спросят! Где ты прятался всю войну?

Тогда я вскипел и, отбросив всю предосторожность, сказал ему на немецком, что он, по всей видимости, эрзац-офицер, а я имел честь служить в гвардейской части и носить железный крест полкового знака¹⁵⁹, и ему следует быть повежливее с офицером и джентльменом.

¹⁵⁹ Имеется в виду нагрудный знак Морского Гвардейского Экипажа в виде железного Кульмского креста, учрежденный в честь участия Гвардейского Экипажа в сражении под Кульмом в 1813 г.

Такой напор обескуражил молодого человека, и он отпустил нас без дальнейших расспросов.

На закате мы подъехали к Эккерё и с грустью увидели на горизонте дым уходящего шведского парохода. Мы опоздали!

На рейде стояли германский линкор, пара торговых транспортов, мобилизованных для перевозки войск, и несколько малых судов. Немецкие солдаты деловито выгружали орудия, боеприпасы и снаряжение. Рядом стоял на якоре шведский военный корабль.

Ища прибежища, мы нашли комнату в доме финского фермера и уже готовились провести ещё одну ночь на полу, как вдруг явился немецкий фельдфебель с солдатами и устроил нам допрос на предмет национальности, рода занятий и маршрута следования.

Улучив удобный момент, я вырвал из своего паспорта страницу с английской визой, полученной в Петрограде, так, чтобы последней в нем оставалась норвежская виза. Я был абсолютно уверен, что немцы не позволят мне выехать, если узнают, что я направляюсь в Англию, и решил скорее рискнуть, чем задержаться здесь ещё.

Утром всех, кто был в нашем караване, вызвали во временный штаб военно-морской разведки, устроенный немцами в одном из домов Эккерё.

Отвечая на вопросы молодого немецкого офицера, я сказал, что еду в Норвегию, где имею бизнес и где живёт вся моя семья, что раньше я жил в балтийских губерниях, но оставаться там больше не мог из-за преследований красных. Для подтверждения своих слов я назвал имена нескольких балтийских аристократов, с которыми был знаком и которые носили знаменитые рыцарские фамилии, без сомнения, известные допрашивавшему меня офицеру. Однако мои показания не вызвали у него доверия, так как в конце концов мне было приказано отправляться с вещами на один из немецких транспортов, где для меня выделили каюту. В любом случае это было лучше, чем то, как обошлись с англичанами и американцами из нашего каравана. Их всех согнали в трюм того же корабля и обращались с ними гораздо более грубо, чем со мной и другими русскими. На свободе остался лишь один швейцарец и два или три шведа.

Мне совсем не нравился оборот, который стали принимать события, и я вышел прогуляться на палубу, чтобы разузнать обстановку. Шведский линкор стоял не так далеко, но на льду между ним и нашим кораблём была цепочка немецких часовых. Прикинув шансы пробраться незамеченным между ними, я решил, что это невозможно. Прокручивая всё это в голове, я заметил прохаживающегося на юте немецкого морского офицера с капитанскими нашивками. Его борода и черты лица показались мне знакомыми.

Пытаясь вспомнить, при каких обстоятельствах я мог встречать его до войны, я перебирал в памяти свои несколько заходов в Киль и встречи с различными германскими военными судами в Вест-Индии. И тут меня осенило: я видел этого человека в Вест-Индии, вероятно, на Барбадосе! Он, без сомнения, являлся офицером запаса, из чего было нетрудно предположить, что до войны командовал одним из немецких коммерческих судов, ведших торговлю в Вест-Индии. Но как ни старался, я не мог вспомнить, где конкретно мы могли встречаться. Однако сама собой напрашивалась вполне правдоподобная гипотеза: до войны русский консульский агент в Бриджтауне на Барбадосе представлял также и интересы Германии. Таков был ход моих мыслей. Я подошёл к нему и пожелал доброго вечера по-немецки. Он любезно ответил, и я представился. Затем я сказал, что встречал его до войны в Вест-Индии. На это он ответил, что действительно провёл в Вест-Индии некоторое количество лет, но не помнил, при каких обстоятельствах мы могли видеться. Тогда я назвал имя немецкого консула на Барбадосе, рассказал о его семье и о том, как прекрасно мы проводили время в их гостеприимном доме.

Уловка сработала. Офицер помнил консула и, очевидно, относился к нему с большой симпатией. Он сразу стал расспрашивать о его домочадцах и поинтересовался, не слышал ли я что-нибудь о них во время войны. Затем последовал очень приятный разговор, и в конце концов я был приглашён отобедать с капитаном, которым и оказался мой новый знакомый.

За обедом мы выпили по паре бутылок пива и немного плохого бренди, после чего я поднял вопрос о своём освобождении. Капитан ответил, что ничем не может мне помочь и поинтересовался, что я делал в Вест-Индии до войны.

У меня уже был готов ответ на этот вопрос, который я ждал с самого начала:

— Помните шхуну «Ирма» под датским флагом с портом приписки на острове Святого Фомы? Я несколько месяцев командовал ею.

Отчасти это было правдой. Офицеры «России» зафрахтовали «Ирму» в 1913 году во время пребывания на острове, и по судовым документам я значился её хозяином. Я решил, что немец вряд ли знает, что русские брали шхуну, но наверняка видел её где-нибудь.

Мой ответ удовлетворил его, и он сказал что-то о хороших ходовых качествах «Ирмы».

Следующим утром я снова встретил его на палубе и спросил, не пришла ли ему за ночь какая-нибудь мысль о том, как мне попасть на следующий пароход до Стокгольма. Улыбнувшись, он ответил:

— Да, способ есть. Напишите командиру шведского военного корабля, что вы, гражданин нейтральной страны, были задержаны на нейтральной территории одной из воюющих сторон, и попросите его заступничества, как старшего офицера нейтральной державы. Если он потребует вашей выдачи, я передам вас на его корабль.

Естественно, я, не медля ни минуты, написал это письмо, указав для подтверждения имена всех своих шведских друзей и бывших коллег в Вашингтоне и Лондоне. А также рассказал об этой возможности Байерам, которые сделали то же самое.

Ответ с требованием освободить нас не заставил себя долго ждать. И уже через час я жал руку немецкому капитану, благодаря его за гостеприимство. Вместе с Байерами, швейцарцем и шведами мы сели на маленький пароход, успевший вернуться из Стокгольма, и следующим утром прибыли в Швецию.

По возвращении в Лондон я обнаружил, что, пока меня не было, британское правительство заморозило счета военно-морского агента, и остро встала проблема содержания офицеров и команд русских военных судов в Англии¹⁶⁰. И, как следствие, я не смог возместить себе дорожные расходы, кроме небольшой суммы, взятой авансом. Таким об-

¹⁶⁰ К осени 1917 года в Англии находились на ремонте крейсер «Варяг», миноносцы «Властный» и «Грозовой», а также три посыльных судна («Млада», «Рассвет» и «Восток»), которые переоборудовались там из гражданских судов.

разом, эта поездка во всех смыслах оказалась моим частным делом¹⁶¹.

Я составил рапорт, копии которого разослал военно-морским агентам, и стал думать о собственном будущем. Как было указано в рапорте, я считал, что советская власть утвердилась прочно и строит сильную армию на новых основаниях. Я не желал связывать свою судьбу с советским правительством, ввиду неприятия Брестского мира и провозглашённой Лениным политики диктатуры партии, которую я уже тогда вполне правильно воспринимал, как диктатуру узкой её верхушки. Поэтому я решил остаться за границей на положении эмигранта. Что же касалось дальнейших перспектив, то у меня было несколько вариантов на выбор.

Первым делом я попросил освободить меня от обязанностей помощника военно-морского агента и через своего друга Григория Виленкина получил место в офисе пароходной компании. Очень скоро, однако, я понял, что психологически не могу сидеть на не-

7-1080 2207756 100 pds 110w 754 4 2 112

TELEGRAM.

DESTO: -R.A., Murmansk

No. 552.
Date 16.7.18.
Sent 1822.

XXXX

Cypher W.

PERSONAL & SECRET

Lient: White HWR is coming-out in SS CZAR with orders to report to you.

For your own information he is a Russian Naval Officer who has already risked his life for us at Helsingfors to which place he went just before German occupation.

He is a gallant fellow and prepared for any job you may give him.

You can trust him and I hope you will find him useful on your Staff.

D. N. I.

D. N. I. personal.

WAR REGISTRY
 RECEIVED
 16 JUL 1918

Телеграмма главы британской военно-морской разведки Холла адмиралу Кемпу. The National Archives, ADM 223/758, To R.A. Murmansk from D.N.I., № 552, 16.7.18.

¹⁶¹ Есть основания полагать, что это не совсем так. В британском национальном архиве была обнаружена телеграмма главы британской военно-морской разведки адмирала Реджинальда Холла командующему морскими силами англичан в Мурманске адмиралу Кемпу, свидетельствующая о том, что в этой поездке автор также выполнял некие поручения английской военно-морской разведки. Текст телеграммы: «16.07.1918. На пароходе «Царь» в ваше распоряжение следует лейтенант Добровольного резерва Уайт. Хочу сообщить вам, что этот русский морской офицер уже рисковал для нас жизнью в Гельсингфорсе, куда он ездил перед самой немецкой оккупацией. Это храбрый человек, которому можно поручить любую работу. Вы можете доверять ему, и надеюсь, что он окажется полезен для вашего штаба». Являлась ли этим поручением встреча с великим князем Георгием Михайловичем или что-то другое, неизвестно.

240 пыльной конторской работе в то время, как всё ещё продолжается война. Я решил предложить свои услуги британскому правительству и написал соответствующее письмо в Адмиралтейство. Не получив никакого ответа, кроме официального уведомления, что моё письмо получено, я запросил один из гвардейских полков, не нуждаются ли они в добровольцах. Ответ был утвердительным, и после встречи с адъютантом и командиром полка я отправился на призывной пункт и прошёл медицинскую комиссию для зачисления в гвардию. Могу с гордостью сказать, что прошёл её на «отлично», по классу А. Когда дошло до принятия присяги, я спросил, понимают ли они, что я хочу служить в конкретном полку. Ответ был отрицательным. Тогда я заявил, что хочу сперва урегулировать этот вопрос. Возникла довольно затруднительная ситуация, и мне пришлось бегать туда-сюда по кабинетам Уайтхолла¹⁶², но никто не мог обещать определённо, что я буду служить именно в этом гвардейском полку.

В один из дней я встретил на Пикадилли хорошо знакомого мне британского адмирала¹⁶³. Он спросил, почему я в гражданском, в то время, как каждый дееспособный мужчина был нужен на фронте. Я вкратце поведал ему о своём письме в Адмиралтейство и попытках записаться рядовым в гвардию. Он улыбнулся и сказал, чтобы я очень скоро ждал ответа из Адмиралтейства.

Адмирал был человеком слова, и через несколько дней я получил большой голубой конверт, в котором сообщалось, что Королевская комиссия произвела меня в лейтенанты Добровольного резерва флота Его величества¹⁶⁴. Я отправился к портному и заказал ему перешить нашивки на моей форме. Затем купил саблю и новую кокарду на фуражку и стал полностью готов к службе под флагом святого Георгия.

Служба в британском флоте останется за пределами повествования этой книги. Это отдельная глава моей жизни, стоящая особняком в эпопее Мировой и Гражданской войны. Когда-нибудь, возможно,

¹⁶² Уайтхолл (Whitehall) — нарицательное название британского правительства, происходящее от одноименной улицы в центре Лондона.

¹⁶³ Этим адмиралом был сэр Реджинальд Холл (Sir Reginald Hall), возглавлявший военно-морскую разведку NID (Naval Intelligence Division), в которой затем и служил автор.

¹⁶⁴ Согласно данным послужного списка Д. Н. Федотов-Уайт начал службу в английском флоте (Royal Navy Volunteer Reserve, R.N.V.R.) 22 июня 1918 года.

я напишу историю своих приключений под флагом британского Королевского флота.

История с моей поездкой в Петроград имела два продолжения, оба из которых произошли незадолго до того, как я покинул Лондон по делам английской службы.

Однажды утром, когда я сидел за своим рабочим столом, раздался звонок телефона, и голос супруги великого князя Георгия Михайловича произнёс:

— Королева Александра¹⁶⁵ приглашает вас завтра на чай в Мальборо-хаус. Король¹⁶⁶ также будет присутствовать там. Они хотят поговорить о вашей поездке в Россию и о царской семье.

Я ответил, что буду счастлив прийти.

Менее чем через два часа после этого разговора мне позвонили из Адмиралтейства и приказали следующим утром выехать поездом в Пензанс, где поступить в распоряжение старшего морского начальника.

Такой приказ стал полной неожиданностью, поскольку из намёков, брошенных в Адмиралтействе, я понял, что меня собирались направить в Вест-Индию командовать одним из охотников за подводными лодками¹⁶⁷. А пассажиры, направлявшиеся в Вест-Индию, отплывали обычно не из Пензанса. И тот факт, что звонок из Адмиралтейства последовал сразу после приглашения в Мальборо-хаус, ещё больше усилил моё удивление.

Однако я ничего не мог с этим поделать. Я позвонил великой княгине и сказал, что получил приказ следующим утром покинуть Лондон, и добавить к этому мне нечего. Не будет ли Её высочество так добра передать Их величествам, что я не смогу прибыть завтра в Мальборо-хаус.

Княгиня была сильно удивлена такой неожиданной отменой визита и обещала передать мои слова королевской семье.

Второй случай был связан с моей встречей с великим князем Георгием Михайловичем в Гельсингфорсе.

¹⁶⁵ Александра Датская (1844—1925) — датская принцесса, супруга английского короля Эдуарда VII и мать правившего в тот период короля Георга V. Была родной сестрой Дагмары Датской, матери последнего русского императора Николая II.

¹⁶⁶ Георг V (1865—1936) — король Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. На троне с 1910 года.

¹⁶⁷ Подкласс малого боевого корабля, предназначенного для поиска и уничтожения подводных лодок.

*В форме лейтенанта
Добровольного резерва
Королевского флота
(R.N.V.R.), 1918 г.*

По возвращении из Петрограда в Лондон я в первую очередь отправился к его жене и рассказал ей о своём разговоре с великим князем в «Нуя Социететсхузет» и о его отказе покинуть страну вместе со мной. Великая княгиня пригласила меня остаться на чай. До чая оставалось ещё около часа, и я пошёл прогуляться в Риджентс-парк с её детьми и юной баронессой де Штокль, дочью её шталмейстера. Гуляя по аллеям парка в тот туманный день, дети вынудили меня во всех подробностях рассказать им, как выглядел великий князь во время нашей последней встречи, что он говорил, какие приветы передавал им и так далее.

Вернувшись из парка и войдя в дом, я понял, что случилось что-то ужасное. Все домочадцы были сильно подавлены, и некоторые плакали. Оказалось, они только что получили телеграмму с известием о казни великого князя в Петрограде¹⁶⁸.

Как стало известно позже, этот достойный человек принял свою смерть с высоко поднятой головой и несломленным. Я ничем не мог помочь убитой горем семье и, попрощавшись, пошёл домой пешком сквозь мелкую зимнюю морось.

¹⁶⁸ Великий князь Георгий Михайлович был казнён в Петропавловской крепости вместе с группой других членов царской фамилии в январе 1919 года. Таким образом, этот эпизод никак не мог произойти сразу после возвращения автора из Петрограда, которое произошло весной 1918 г.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 10.

На Гражданскую войну, 1919

Мировая война для меня закончилась в феврале 1919 года. После нескольких недель, проведённых в 3-м общем госпитале в Клэпхем-коммон в Лондоне, я был выписан для продолжения лечения от двусторонней пневмонии и последствий подрыва на mine¹⁶⁹.

Мой друг, барон Георгий Таубе, служивший в Морском Гвардейском Экипаже и связанный с русским посольством, приютил меня в своей квартире в Челси. Он, как всегда, был в высшей степени гостеприимен, и с его помощью я стал снова приходить в себя. Постепенно ко мне возвращалось желание жить, почти полностью исчезнувшее за месяцы мотания по госпиталиям.

Тогда по ряду причин я решил оставить британскую службу. Во-первых, я не хотел возвращаться в Архангельск и продолжать участвовать в этой аванюре союзников, которую считал бессмысленной и обречённой на провал¹⁷⁰. Во-вторых, я был взбешён предложением Ллойд

¹⁶⁹ В сентябре 1918 года автор получил контузию в результате подрыва английского катера «M.L. № 3» на mine в устье Северной Двины.

¹⁷⁰ Послевоенные попытки союзников остановить большевиков выросли из планов по воссозданию Восточного фронта против Германии с помощью просоюзнически настроенных элементов в России. Результатом этого явилась кампания в Архангельске, интервенция в Сибири и другие попытки вооружённых выступлений союзников против Советской России. Белое движение в большинстве случаев было тесно связано с интервенцией, хотя и преследовало совершенно другие цели. Разные его части, состоявшие из представителей всех цветов политического спектра — от ярких монархистов до умеренных социалистов, объединяло общее стремление положить конец большевистскому правлению в России. Гражданская война, начавшись в конце 1917 года, длилась более четырёх лет. *Примечание автора*

246 Джорджа всем политическим силам России собраться на Принцевых островах для урегулирования разногласий. Реальные мотивы этого приглашения казались мне совершенно очевидными и выглядели вершиной лицемерия. И не менее неприятное впечатление производили предвыборные лозунги типа «Повесить кайзера!» и «Заставить немцев заплатить за всё!», ибо я видел в них предпосылки для новой войны при жизни нашего поколения. Под влиянием этих впечатлений я решил отправиться в Сибирь к адмиралу Колчаку, возглавившему там Белое правительство и принявшему на себя немного экзотический титул Верховного Правителя.

Принимая такое решение, я не то чтобы верил в возможность победы белых. С 1917 года я был самым пессимистичным образом настроен относительно любых перспектив вооружённой борьбы с большевиками и считал, что основная масса крестьянства не поддержит ни одно антибольшевистское движение, пока на своей шкуре не испытает всех прелестей правления коммунистов. Средний же класс в России был слишком мал, чтобы обеспечить победу белым армиям. Вожди белых и их правительство также вызывали сомнения в способности противостоять лидерам красных. Другими словами, я не испытывал оптимизма относительно перспектив белых, а был скорее склонен ставить на красных. В Сибирь же поехал потому, что, как любой русский патриот, не мог находиться в стороне от этого конфликта. Мне казалось, что, только окунувшись в пучину гражданского противостояния, я смогу сохранить за собой право называться русским и понять, что же произошло. Из всех белых территорий я выбрал Сибирь потому, что знал Колчака, как достойного человека и искреннего патриота, не испытывая при этом иллюзий относительно его способностей как политика. Кроме того, у Колчака служили несколько моих лучших друзей по Морскому корпусу и Балтийскому флоту, и я знал, что окажусь среди своих.

Вспоминая события тех дней сейчас, я думаю, что лондонские дожди и зимний туман, а также болезнь лёгких (я часто кашлял кровью) добавили чёрных красок в мой взгляд на перспективы борьбы с красными. Однако они всего лишь усилили тот образ мыслей, что сформировался у меня ещё в 1917 году и был позднее подтверждён поездкой

в Петроград в начале 1918 г. Я хорошо представлял себе масштаб лидерских качеств Ленина и Троцкого и считал их людьми большого ума, обладающими невероятной энергией, которой не наблюдалось среди известных мне вождей белых.

Решив ехать в Сибирь, я подал рапорт об увольнении со службы в Королевском флоте. Это оказалось несложно, поскольку я без прерыва провёл более сорока пяти дней в госпитале и имел приоритетное право на демобилизацию. Британские власти великодушно предложили мне проезд с содержанием в любую точку на выбор, где я желал бы покинуть службу. Из возможных вариантов я указал Владивосток. Заполнив бесчисленное количество бумаг и пройдя несколько собеседований, я наконец покончил со всеми формальностями и в конце февраля был готов покинуть Англию. Мои платёжные ведомости потерялись где-то между казначеем линкора «Глори» и Адмиралтейством, но мне разрешили взять в долг в счёт невыплаченного денежного довольствия и пособия по демобилизации. Таким образом, я выехал из Лондона, имея в кармане всего шестьдесят фунтов на непредвиденные расходы до Владивостока. То, что я был практически без гроша в кармане, совершенно меня не беспокоило. Я хорошо запасся одеждой, как форменной, так и гражданской, имел несколько пистолетов, отличный бинокль и несколько пар крепких полевых ботинок. А также взял с собой дюжину книг со стихами Фроста, Шелли, Уитмена, Донна и нескольких русских поэтов.

Однако горничная в квартире Таубе, очевидно, считала меня нищим, и мне стоило труда уговорить её принять пять фунтов чаевых на прощание. Она была уверена, что эти деньги нужны мне гораздо больше, чем ей. И только заверив, что я еду открывать золотые прииски в Сибири и потому не нуждаюсь в бумажных деньгах, я смог убедить её принять их. Прощальных вечеринок не было, и только верный друг Георгий пришёл проводить меня до станции. Мы вместе доехали на такси до вокзала Ватерлоо, где я сел на поезд, доставивший меня в Ливерпуль к отплытию парохода «Адриатик».

Путешествие в Нью-Йорк прошло без происшествий и не запомнилось ничем интересным. Я делил каюту с молодым канадским лётчи-

ком, а стол с какими-то австралийскими политиками, связанными во время войны с армией.

На борту находилась одна из «цветных» частей американской армии (думаю, это были «Буффало»¹⁷¹). Меня поразило тогда, что чернокожим офицерам не разрешалось обедать в одно время с другими пассажирами. Для них были отведены отдельные общие помещения, в то время как белые сержанты свободно вращались среди публики и иногда, как например с австралийцами, сидели за одним столом с офицерами. Я никогда не жил на американском Юге, и мне было трудно представить, что форма кадрового офицера американской армии не давала равных прав её носителям с разным цветом кожи. Я по-прежнему считаю, что это неправильно. Либо не надо давать этим людям офицерский чин, либо не должно быть различий между ними и белыми офицерами.

В Нью-Йорке «Адриатик» встречали весело и шумно, со множеством оркестров и делегаций. Мне нравилось видеть, как столь любимый мною город встретит своих возвращающихся с войны сыновей.

Через несколько дней я прибыл в Сан-Франциско, где собирался сесть на пароход «Эквадор», чтобы долго и медленно плыть на нем через Гонолулу в Иокогаму. Я провёл день, шатаюсь по магазинам, и пообедать в «Пуделе». Там моя форма имела большой успех у восторженных калифорнийцев, которые потащили меня с собой по ночным клубам на Барбари-коаст. Следующим утром я поднялся на борт «Эквадора» с жутким похмельем и всерьёз опасался того, как морская качка подействует на мой желудок. Но путешествие пошло мне на пользу. Прекрасная погода, тихий ход корабля, регулярный сон и питание восстановили моё здоровье лучше, чем месяцы в госпиталях и Лондоне. Большую часть времени я лежал в шезлонге на палубе, читая стихи и романы, взятые в судовой библиотеке, или болтая с соседями.

Попутчики оказались очень приятными людьми, и только настроение не позволило мне тогда сменить тихий, успокаивающий ритм нашей поездки на бурное веселье. Среди пассажиров была одна очаровательная дама из Шанхая, имевшая там свой модный салон, симпатичная русская девушка, ехавшая к мужу куда-то в Китай, и два или три американских бизнесмена, оказавшихся очень интересными собеседниками. Так бес-

¹⁷¹ Неформальное прозвище частей, сформированных из афроамериканцев.

печно проходили дни, пока корабль плыл в Японию. Заход в Гонолулу с его леями¹⁷², ныряющими мальчиками¹⁷³ и экскурсией на Вайкики-бич, серый песок и вульгарная толпа которого сильно разочаровали меня, внёс приятное разнообразие в наше путешествие.

Иокогама мне тоже не понравилась. Я знал этот порт по старым фотографиям, привезённым отцом ещё в 80-е, и ожидал увидеть национальный японский колорит, как на тех картинках. Но город оказался ни то, ни сё: не европейский, не американский и не совсем японский, а сочетал в себе всего понемногу вместе. Некоторые из европейских зданий на Яматэ¹⁷⁴ выглядели довольно неплохо. И мне очень понравился старый «Гранд-отель», пропитанный духом востока и приключений, с его широкими террасами и отличным ненавязчивым сервисом. Однако в целом город был не слишком привлекателен и выглядел какой-то восточной безделушкой в викторианской гостинной.

У меня была пара свободных дней до следующего стыковочного рейса во Владивосток из Цуруги, и я заглянул к Моисею Гинзбургу, старому другу и покровителю всего русского флота. Этот достойный еврейский джентльмен оказывал нашему флоту неоценимые услуги на Дальнем Востоке в самые критические моменты. Он был хорошо известен большинству офицеров, а для молодых являлся легендой со времён обороны Порт-Артура и похода на восток эскадры Рождественского.

Это был добрый и проникательный человек, настоящий патриот России, потративший позднее большую часть своего состояния на помощь неимущим русским морякам в изгнании и вдовам убитых матросами офицеров. Он имел красивый дом на Яматэ и контору в деловой части города.

¹⁷² Традиционное гавайское украшение в виде одеваемой на шею гирлянды из цветов, перьев и других материалов.

¹⁷³ Традиционное развлечение для туристов на Гавайях, когда местные дети ныряют за бросаемыми в воду монетами. Стало знаменитым благодаря одной из первых лент в истории кинематографа «Boys diving, Honolulu» (1901).

¹⁷⁴ Исторический пригород Иокогамы, где традиционно располагались резиденции европейских дипломатов. Имел английское название «The Bluff» (Утёс).

Гинзбург очень сердечно принял меня, расспросил о родителях и рассказал в свою очередь новости о моих дяде и тётё, останавливавшихся на какое-то время в Йокогаме, перед тем, как уехать жить в Харбин. Он пригласил меня на ужин со своей семьёй в «Гранд-отеле».

На следующий день я пришёл к нему в контору, и он сказал мне:

— Ну, что тебе этот Омск? Там и без тебя полно народу. В конце концов, воевать на суше — не дело флотского офицера. Оставайся-ка лучше здесь. Я возьму тебя в своё дело, и мы будем поставлять Колчаку всё необходимое для войны. Здесь от тебя будет гораздо больше пользы, чем в Омске, и ты постепенно сделаешь себе карьеру. Поскольку будущее России сейчас, скажем так, непредсказуемо, было бы хорошо, если бы хоть кто-то из вашей семьи снова имел твёрдую почву под ногами.

Это было довольно неожиданное предложение. Я от всего сердца поблагодарил Гинзбурга и сказал, что был бы рад работать с ним, но мне будет трудно посвятить себя личным интересам в то время, как мои друзья сражаются с красными у Колчака. Остаться в Йокогаме в качестве коммерсанта выглядело бы довольно предосудительно, и я уверен, что моя семья не ждёт от меня деловой карьеры в возрасте, когда я могу быть полезен на фронте. Однако в целом я считал, что Гинзбург прав, и сказал, что ему следует открыть дело по поставке военных материалов. В снабжении армии в Сибири наверняка царит полный хаос, и для властей было бы лучше иметь дело с человеком, чья личность и репутация хорошо известны, чем с совершенно неизвестными людьми. К этому я добавил, что вряд ли по своей службе буду иметь отношение к военным поставкам и не смогу влиять на омское правительство в этом вопросе.

Наступило время цветения сакуры, и, сев на электричку в Токио, я то и дело наблюдал по дороге яркие островки красок на фоне унылого индустриального пейзажа. Огромное море цветов у серых стен Императорского дворца дало мне возможность представить, какой была Япония в годы службы отца на Востоке, но не смогло примирить с тем, какой она стала сейчас.

Я был принят русским поверенным в делах Крупенским и военно-морским агентом контр-адмиралом Дудоровым, успевшим сменить

пост помощника морского министра на место в Токио перед самым захватом власти большевиками.

Крупенский был слегка удивлён моим пессимизмом относительно как обещанной союзниками помощи Колчаку, так и общего исхода борьбы с красными. Он прямо сказал мне:

— Зачем вообще вы с таким настроением едете в Сибирь? Что заставляет вас ввязываться в предприятие, которое вы считаете заведомо обречённым на провал?

Было не просто в двух словах объяснить послу моё видение революции и причины, побудившие отправиться за тысячи вёрст на войну в Сибири. Но я постарался донести до него главное: что вероятность успеха не является определяющим фактором при принятии решения о том, как действовать. Иногда важно и необходимо встать и встретиться лицом к лицу с опасностью, если того требуют ваши убеждения. Ну и, в конце концов, мнение об успехе или провале предприятия такого масштаба может оказаться ошибочным.

Но что бы я там ни сказал Крупенскому, боюсь, что у него сложилось странное впечатление обо мне, не лишённое, вероятно, сомнений в умственной адекватности.

В доме военно-морского агента я встретил своего однокашника, Александра Тюфяева, которого помнил как лихого, бесшабашного парня, рисковавшего даже там, где в этом не было необходимости. К тому времени он стал уже совершенно другим человеком.

Причина такой перемены стала понятна, когда он рассказал мне о том, что пережил в Севастополе во время массовых убийств офицеров зимой 1917-1918 годов, и о своих мытарствах по пути через всю Сибирь в Японию. Он оказался абсолютно сломлен и разбит кошмаром нескольких месяцев, предшествовавших бегству за границу. Потом я видел много таких людей в советских тюрьмах. Но тогда это был первый встреченный мной человек, до такой степени опустошённый ужасами революции.

Путешествие в Цуругу прошло скучно и ничем не запомнилось. Пароход Добровольного флота, на который я должен был сесть там, чтобы добраться во Владивосток, произвёл на меня самое плохое впечатление: грязь в пассажирских каютах, грубые и неопрятные стюарды, еда, подававшаяся наскоро, на небрежно накрытых столах. Я почувствовал, что

34

Венден
К. С. С. В. А. М. Ф.

Лейтенант	ФЕЛОТОВ	✓	Из Америки 5/IV-19
Прапорщик	БАХАНЬ	✓	" " " " " " " "
"	ВЕЮТИН	✓	" " " " " " " "

Выдаты в ближайшее время:

Капитан 2-го ранга	ГОЛИЦЫН	✓	Из Америки
--------------------	---------	---	------------

ПРИЕХИ ИЗ ВЛАДИВОСТОКА:

Капитан 2-го ранга	ПЕРЕНКИН	✓	Будет командиром Начальником отделения Военно-морского Гучино.
--------------------	----------	---	--

Лейтенант	ГВОЗД	✓	
-----------	-------	---	--

ВЫДАТЬ ИЗ ВЛАДИВОСТОКА:

Мичман	ВАЙНАГ	✓	10/IV-19
" воен. врем.	ДИАКОВ	✓	" "

Помощник Адмирала Владивостокского Общества
И. Ч. М. А. Г. В. Ф.

Сводка о движении офицеров. РГАВМФ. Ф. Р-2180. Оп. 1. Д. 1. Л. 37

снова окунулся в 1917 год, и был рад, когда путешествие закончилось, и корабль вошёл в гавань Владивостока.

Среди поднявшихся на борт пограничников оказался молодой человек с нашивками лейтенанта Добровольного резерва британского Королевского флота на рукаве. Он сразу выделил меня из толпы и помог очень быстро пройти все формальности. Затем отвёл в сторону и спросил, действительно ли я собираюсь демобилизоваться или, может, все-таки хотел бы остаться на службе.

Это предложение или, скорее, предположение из уст столь юного офицера звучало довольно неожиданно, и я спросил, что конкретное Королевский флот намерен предложить мне в Сибири. Мне было сказано, что здесь находится британская военно-морская миссия во главе с кэптенем Уолф-Мюрреем, в которой я мог бы занять должность одного из его помощников.

Поскольку я уже всё давно решил ещё до Владивостока, то ответил, что хотел бы демобилизоваться и как можно скорее, так как торопился примкнуть к морским силам, формируемым адмиралом Колчаком.

Британский старший морской начальник принял меня на борту крейсера «Кент». За несколько минут мне оформили увольнение со службы в Королевском флоте и выдали документы о демобилизации, подтверждающие почётную отставку с правом ношения в определённых случаях английской морской формы¹⁷⁵.

¹⁷⁵ Согласно данным английского послужного списка автора дата его демобилизации — 9 апреля 1919 года. Однако в анкете, заполненной им в период службы на Камской Речной боевой флотилии белых, он указывает: «Уволен в запас английского флота по прошению 12 апреля 1919 года с мундиром» (РГАВМФ. Ф. Р-2180. Оп. 1. Д. 61. Л. 5).

Офицеры «Кента» дружески поболтали со мной и предложили выпить. Затем мы попрощались, и я отправился доложить о себе в штаб русского флота. Разбитые мостовые, облупившаяся краска на стенах домов и общее ощущение изношенности и неопрятности улиц Владивостока ещё более усилили впечатление, оставленное у меня парходом Добровольного флота. Тротуары были заполнены толпами офицеров и солдат в иностранной форме. И только то и дело мелькавшие среди них подтянутые юноши в белых перчатках и форме Морского училища напоминали своим видом, что когда-то Владивосток был главной базой русского флота на Тихом океане.

После формального доклада контр-адмиралу Тимирёву у меня состоялся долгий разговор с Вуичем, начальником Оперативного отдела штаба командующего Морскими силами на Дальнем Востоке.

Тот в общих чертах рассказал об операциях, проводимых малочисленными силами флота во Владивостоке, и в том числе о неудачной попытке отряда офицеров и гардемарин высадиться в заливе Находка. Высадка была отбита партизанами из местных крестьян, нанёсших отряду тяжёлые потери.

Выслушав Вуича, я спросил его откровенно, что он думает о перспективах борьбы с красными. Он пожал плечами и просто ответил:

— Ну, вы ведь знаете Колчака, не так ли?

В тот же день я говорил с ещё одним пессимистом, графом Сологубом, полковником Генерального штаба, которого знал по Петрограду и Лондону. Он пригласил меня в свой номер в захудалой гостинице и подробно описал ход весеннего наступления белых в Сибири.

— Лебедев, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, — никудышный стратег. Он не в состоянии контролировать Гайду, этого политикана в форме, командующего Сибирской армией, и Ханжина, командующего Западной армией. В действиях армий нет никакого смысла. Наступая веером одновременно в разных направлениях, они истончают наши силы, которые и так невелики. С моей точки зрения, они ведут нас к краху. Есть и другая проблема, которую необходимо учитывать: до какой степени можно полагаться на мобилизованных? Захотят ли они сражаться или перебьют своих офицеров и перейдут к красным? Добровольческие части, стоявшие у истоков

254 борьбы, понесли тяжёлые потери, и ещё большой вопрос, будет ли сибирское крестьянство или те, кого мы мобилизуем в Европейской России, сражаться так же хорошо или вообще хоть как-то. Вывод с фронта чехословацких дивизий — ещё один тревожный фактор. В целом, я боюсь, армии Колчака движутся к катастрофе. И, что самое плохое, эта катастрофа случится из-за некомпетентности наших лидеров. Концентрированный удар на одном направлении мог бы принести замечательные результаты. Нынешняя же грубая попытка применить стратегию Мировой войны, использовавшуюся на русском фронте, к условиям войны гражданской закончится плохо. Противник, без сомнения, сконцентрирует где-нибудь в стратегически важном месте сильный маневренный кулак и ударит по тонким, ослабленным линиям наших армий. Затем последует стремительное отступление и безвозвратные утраты, поскольку ни людей, ни ресурсов для нового наступления в этом году уже не будет.

И Уиич, и Сологуб оба были умными, рассудительными людьми, и их пессимизм произвёл на меня глубокое впечатление, подтвердив мои собственные догадки.

Поскольку близилось время отъезда в Омск, я купил себе русские погоны и кокарду на фуражку. Квартирная хозяйка любезно пришила погоны на мою английскую форму, и я снова не только на бумаге, но и по внешнему виду превратился в русского офицера.

Ощущения, которые я увозил с собой в Омск, были очень тревожными. Американское военное командование во Владивостоке явно не слишком сочувствовало белым. И многие из моих друзей, с кем я разговаривал здесь, считали, что в случае чего, американцы будут скорее сражаться с нами, чем с красными, и винить за это следует не только их одних. С другой стороны, белые так и не смогли организовать никакой военной силы, способной удержать ситуацию в случае ухода союзных войск из Владивостока. Насколько я мог судить, кроме конного полка, юнкеров и гардемарин Морского училища, имелось всего несколько офицерских рот, на которые можно было положиться.

Русским офицерам не нравилось, что иностранцы во Владивостоке ведут себя так же, как где-нибудь в Китае, и смотрят на своих русских коллег свысока.

Но больше всего меня беспокоило то, что местное крестьянство было настроено откровенно враждебно к белым, несмотря на то, что в Сибири не существовало проблемы помещичьего землевладения.

Я покидал Владивосток с чувством облегчения. Жизнь там вызывала у меня почти физическое отвращение, и мне ни разу не пришлось в голову обратиться с прошением назначить меня командиром одного из кораблей Сибирской флотилии¹⁷⁶.

¹⁷⁶ Соединение русских военных кораблей на Дальнем Востоке.

ГЛАВА 11.

Путешествие в Омск

Попав на железнодорожный вокзал Владивостока, я сразу же ощутил, каково быть в русской военной форме в городе, оккупированном союзниками. Мне сказали, что спальный вагон «только для иностранцев» и в любом случае не для офицеров моего ранга, а багаж не должен превышать определённую довольно небольшую норму. Багажные ограничения удалось обойти с помощью британского транспортного чиновника, заметившего, что русские погоны у меня нашиты на английскую шинель, но получить место в спальном вагоне я так и не смог. Делать было нечего, и, проклиная союзнические порядки на железной дороге, я залез в старый вагон второго класса и приготовился к долгому путешествию в Омск.

С некоторой точки зрения поездка во втором классе оказалась очень полезной. Я очутился среди толпы людей самых разных занятий: учителей, кооператоров, военных, приказчиков, мелких служащих с небольшим вкраплением зажиточных крестьян. Поначалу их смущал странный набор знаков отличия на моей форме, но за чаем и бутербродами мне в конце концов удалось найти с ними общий язык. Долгое путешествие дало замечательную возможность поговорить о различных интересовавших меня сторонах жизни в Сибири с прекрасной выборкой представителей местного среднего класса.

Взгляды моих попутчиков оказались довольно неожиданными. Они не были враждебны к Колчаку и его правительству, но и большого эн-

тузиазма в отношении властей также не испытывали. В значительной мере Верховный Правитель не оправдал их ожиданий. Узнав об этом, я постарался разобраться в причинах.

А причин недовольства городского среднего класса и зажиточных крестьян было несколько. Коммерсанты сильно страдали от ограничений на перевозку частных грузов по Транссибу и довольно открыто намекали на взятки, которые приходится платить за доставку товаров. Но даже в этом случае им удавалось привезти не более десятой части от того, что требовалось. Более радикально настроенные учителя и кооператоры считали, что Колчак стремится к реставрации старого режима. Их раздражало, что офицеры снова стали носить погоны, бело-зелёный сибирский флаг упразднён, а сам адмирал окружён откровенными реакционерами. Крестьяне жаловались на трудности со снабжением промышленными товарами. А узнав меня получше, рассказали о бесчинствах атаманов вроде Красильникова и Анненкова, об их бесцеремонном обращении с крестьянством, о нежелании деревни поставлять новобранцев в армию и о быстром обесценивании денег, больно бьющем по тем, кто работает на земле.

Часть молодых офицеров военного времени была откровенно враждебна методам союзников, которыми те помогали Колчаку вести войну с большевиками. Очень плохо отзывались о чехах, рассказывая множество историй о проводимых ими реквизициях всего подряд без какой-либо на то военной необходимости, захвате лучшего подвижного состава и роскошном образе жизни, в то время как русским частям приходилось довольствоваться тем, что оставалось. Офицерское жалованье, выплачиваемое в обесцененной сибирской валюте, было ничтожным, и те, кто не имели других доходов или были обременены семьями, едва сводили концы с концами.

Общим мотивом всех этих разговоров являлось отсутствие веры в значимость поставленных белыми целей. В их понимании Колчак вёл борьбу с красными для того, чтобы восстановить фронт на западе и продолжить войну с немцами. И зная о развале германской армии после перемирия¹⁷⁷, они не видели в этом смысла. Кроме того, счита-

¹⁷⁷ Компьенское перемирие, заключённое 11 ноября 1918 года между Антантой и Германией.

258 лось, что союзные державы просто используют Белую армию в своих собственных корыстных интересах. Более образованные говорили об отсутствии чёткой политической программы и о том, что одних антибольшевистских лозунгов колчаковского правительства недостаточно для того, чтобы поднять людей на борьбу.

Как сказал мне один молодой пехотный подпоручик из бывших кооператоров:

— Мы хотим знать, за что сражаемся. Нам не нравится, что иностранцы держат нас здесь за скот. К чёрту их всех! Я ничего не имею против Колчака. Он достойный человек. Но его окружают политические мошенники и иностранные марионетки.

Союзные войска в поезде представлял молодой английский офицер со взводом морских пехотинцев. Заметив оксидированные пуговицы на моём кителе, он поинтересовался, не служил ли я тоже в королевской морской пехоте. Беседа с ним открыла для меня другой взгляд на происходившие в Сибири события — что думали о Колчаке и его шансах на победу офицеры союзных армий. И я был безмерно благодарен ему за помощь и защиту от действий семёновских головорезов.

Помощь британца оказалась как нельзя кстати при проезде через Забайкалье, территорию, где при поддержке японских войск правил как средневековый барон-грабитель атаман Семёнов.

Дело было так. В Харбине в наш поезд сел молодой хорунжий, который вскоре стал доставлять массу неудобств. Он много пил, не зная куда деть всё имевшееся у него спиртное, постоянно приставал к пассажирам и вёл себя, как абсолютный хозяин всего вокруг. Он ухитрился выбить отдельное купе и путешествовал с шиком, выставив на стол несколько бутылок чудовищного харбинского пойла с богатыми этикетками бенедиктина, шартрёза и коньяка.

Когда я, возвращаясь из вагона-ресторана, проходил мимо его купе, он высунулся наружу и пригласил зайти к нему выпить. Я вежливо отказался, но казак настаивал, говоря, что хочет выпить за победу Белой армии. Мне ничего не оставалось, как принять его приглашение и, сев на диван в купе, перепробовать весь набор этого эрзаца, произведённого в Харбине какими-нибудь китайцами.

Вскоре хорунжий перевёл разговор с положения на Уральском фронте на поведение матросов во время революции. Среди прочего он сказал, что на семёновской территории любого, кто имеет наколку с якорем или другой эмблемой, указывающей на принадлежность к флоту, ставят без разговоров к стенке. Я заметил, что многие офицеры имеют такие татуировки, и нельзя всех моряков огульно называть большевиками или убийцами. По моему опыту, матросы в массе своей были очень достойными людьми, и только революционное безумие 1917 года виновато в том, что они попали под влияние демагогов-агитаторов, вылившееся затем в акты чудовищного террора. Но в этом, я убеждён, они ничем не отличались от среднего русского рабочего или крестьянина. В конце концов, не их вина в том, что родившись в своих деревнях, они не получили достаточного образования. Это мы, господствующий класс, ответственны за их невежество и жестокость.

Забайкалец к тому времени уже здорово набрался и воспринял мои слова враждебно. Поднявшись, он спросил, не думаю ли я критиковать атамана Семёнова на его собственной территории. Не желая связываться с пьяным, я спокойно ответил, что ни разу не упомянул Семенова в разговоре и потому не понимаю, что он имеет в виду. Я лишь рассказал о матросах, которых знаю явно лучше его, так как десять лет прослужил на Императорском флоте.

Казак успокоился и налил мне ещё. Когда я уже собирался уйти, он вдруг крикнул: «Почему на вас иностранная форма?»

Я объяснил, что какое-то время служил в британском флоте и просто не имею русской формы.

Казак стал настаивать, что это неправильно, и что я не должен носить иностранную форму в России, так как добыть русскую во Владивостоке или Харбине не составляет труда. Стараясь не показывать своего раздражения, я терпеливо объяснил этому пьянице, что तोпились отбыть в Омск и не желал откладывать выезд ради пошива формы, и что не вижу причин выбрасывать отличный мундир только потому, что его фасон отличается от уставного, в то время как каждый в Белой армии ходит в том, что сумел достать, не сильно беспокоясь о таких вещах. Наконец, я указал, что его собственный китель имеет также неуставной вид.

Но хорунжий не желал оставлять эту тему, и тогда, выйдя из себя, я сказал ему, что раз он настолько щепетилен в вопросах соблюдения устава, то должен знать, что недопустимо делать подобные замечания офицеру старше его по чину и сроку службы, и что я более не желаю выслушивать от него эту чушь.

Я вышел из купе и забыл об инциденте. Но на следующей большой станции офицер, ехавший со мной, сказал, что видел, как тот хорунжий разговаривал с комендантом, и речь, по всей видимости, шла обо мне. Один из наших попутчиков слышал, как он говорил: «... шпион в английской форме с русскими погонами, выдающий себя за морского гвардейского офицера ...» Офицер посоветовал мне обратиться к командиру британского конвоя, сопровождавшего поезд, пока меня не арестовали и не отдали под трибунал семёновские подручные.

Поначалу я не придавал этому значения, но офицер предупредил, что если я не попрошу защиты у англичан, то местный комендант может зайти очень далеко, вплоть до расстрела по обвинению в шпионаже в пользу красных. Тогда я последовал его совету и рассказал обо всем начальнику конвоя. Англичанин предложил мне оставаться в его купе, пока мы будем следовать по территории Семёнова.

Через несколько минут пришёл комендант и вызвал британского офицера на разговор. Тот вышел на платформу и, вернувшись через несколько минут, рассказал, что меня хотели арестовать, но он заявил им, что я бывший офицер Королевского флота, и конвой не допустит этого, ибо мои документы не вызывают у них сомнений. Инцидент был исчерпан, а хорунжий сошёл с поезда на этой станции.

Для меня же это было лучшей иллюстрацией того, чем семёновское правление являлось для населения. Если офицер в форме мог быть арестован по одному слову пьяного хорунжего, то что говорить о гражданских, не имевших никакой защиты от посягательств военных.

Эта история принесла мне большую популярность среди пассажиров нашего вагона. Тот факт, что я чуть не пострадал от семёновцев, явился для окружающих лучшей рекомендацией. Мои попутчики стали намного откровеннее и поведали о том, что происходило в окрестностях Тайшета, где отряд атамана Красильникова боролся с партизанами из числа местных крестьян. По пути на восток некоторые видели там трупы, свисавшие с телеграфных столбов вдоль путей, как зловещее

предупреждение тем, кто попытается совершить диверсию на дороге. Также они рассказали, что в окрестностях станции составы часто пускают под откос или обстреливают из винтовок. Я передал эту информацию английскому офицеру, который тут же принял меры предосторожности на случай нападения партизан на поезд, расставив своих людей на позиции и мобилизовав всех русских и иностранных военных, имевших при себе оружие.

До станции, где располагался штаб Красильникова, мы добрались без особых происшествий. Но ещё на подъезде до нас стали доноситься звуки артиллерийской канонады и показались подводы с ранеными.

Сам Красильников, рыжебородый казак, в сопровождении невестрожно разряженного адъютанта стоял на платформе и принимал доклады от своих подчинённых о ходе сражения между его отрядом и партизанами в нескольких верстах к северу отсюда. Глаза атамана были красными, и выглядел он уже порядочно пьяным, несмотря на ранний час.

Один французский офицер в поезде горел желанием познакомиться с ним. Тряся руку Красильникова, который, очевидно, был для него воплощением настоящего казака, грозы Великой Армии Наполеона во время её отступления из Москвы, он спросил, не желает ли атаман выпить бренди, и побежал в своё купе за бутылкой. Красильников налил себе полстакана коньяка и залпом опрокинул его, чем привёл француза в совершеннейший восторг.

Его солдаты демонстрировали отличную строевую подготовку — салютовали, стояли навтыжку и вообще старались выглядеть как группа хорошо обученных юнкеров. Для них, совсем юных, Гражданская война была чем-то вроде игры в казаки-разбойники. Меня не впечатлило их бравое представление, однако некоторые иностранцы в поезде, на которых оно, видимо, и было рассчитано, попались на эту удочку. Как они потом говорили, в этой молодёжи им увиделось возрождение русской армии и восстановление воинской дисциплины.

Для меня же Красильников не выглядел настоящим военным вождём. В моем представлении прилюдное пьянство на виду у своих солдат и пассажиров поезда не сочеталось с дисциплиной, и всё это позёрство перед молодёжью было слишком показным, чтобы воспринимать его всерьёз. Но, по крайней мере, его люди были хорошо обуты и одеты.

По приезду в Омск я оставил свой багаж на вокзале и, взяв разбитые дрожки, поехал в Морское министерство, располагавшееся на Атаманской — главной улице города. Оно занимало небольшое белое здание, в котором в отсутствие министра М. И. Смирнова, бывшего начальника штаба Колчака на Чёрном море и моего сослуживца по 6-му дивизиону миноносцев, всем руководил его заместитель контр-адмирал Ковалевский.

Ковалевский принял меня тепло и представил начальнику управления по делам личного состава. Я попросил его организовать мне аудиенцию у Колчака, с которым мне непременно хотелось увидеться перед тем, как отбыть в Пермь, на Камскую Речную боевую флотилию, где я рассчитывал занять одну из командных должностей.

Тем временем пришёл начальник Морского отдела Генерального штаба, в прошлом также служивший в Гвардейском Экипаже, и пригласил меня к себе на беседу. Было очень приятно встретить несколько знакомых лиц в такой дали от Балтики.

Город был перенаселён до крайности. Беженцы жили в землянках, крытых ветками и соломой. Ввиду отсутствия мест в гостиницах Ковалевский предложил мне остановиться в офицерском общежитии, устроенном на втором этаже здания министерства.

Голые, не очень чистые комнаты с рядами кроватей, ужасной уборной и умывальником выглядели не слишком привлекательно. Но выбора не было и, бросив вещи на свободную койку, я записался у дежурного.

Оглядевшись, я увидел, что других моряков среди проживавших здесь офицеров нет. Население общежития составляли в основном прапорщики военного времени, либо служившие в канцеляриях министерства, либо приписанные к Отдельной бригаде морских стрелков.

Из разговоров с ними я выяснил, что все моряки, находившиеся в Омске зимой, несколько недель назад убыли в Пермь на формируемую там речную флотилию.

Следующим утром я узнал, что Верховный Правитель примет меня в одиннадцать.

Небольшое свежевывкрашенное здание на берегу мутного Иртыша было известно в Омске как «Дворец Верховного Правителя». Оно охранялось солдатами личного конвоя Колчака. Крепкие крестьянские фигуры часовых, одетые в английское хаки с окантованными белым

широкими бордовыми погонами, имели немного гротескный вид. Однако все были опрятны и подтянуты.

В довольно грязной и обшарпанной приёмной находилось несколько личных помощников Колчака, среди которых я узнал лейтенанта Сазонова, беседовавшего с двумя молодыми казачьими офицерами. Сазонов сердечно поприветствовал меня, но при этом попросил не забывать обращаться к адмиралу «Ваше высокопревосходительство». Это показалось мне абсурдным и противоречащим традициям русского флота, где даже самые молодые офицеры обращались к старшим по имени-отчеству, без чинов.

Через несколько минут я был приглашён в кабинет Колчака. Адмирал дружески приветствовал меня, встав из-за широкого, заваленного бумагами стола.

Следуя указаниям Сазонова, я встал навтыжку и доложил по уставу о своём прибытии в Омск. Колчак тепло пожал мою руку и предложил сесть. Он начал разговор с расспросов о моей службе на английском флоте, о впечатлениях об Англии и Франции после перемирия и ситуации на Архангельском фронте.

Я попытался донести до адмирала мысль, что вследствие прекращения боевых действий, начала мирных переговоров, общей усталости от войны и отношения рабочего класса в странах Антанты к Гражданской войне в России отношение к нему союзников неизбежно претерпит изменения.

В ответ на это Колчак довольно раздражённо возразил, что заверения британских и французских представителей не подтверждают мой пессимизм, и что, напротив, ему постоянно говорят, что он может рассчитывать на продолжение поддержки союзных стран и что вот-вот состоится признание его правительства. Я продолжил настаивать, что при планировании военной кампании следует рассчитывать только на местные ресурсы Сибири и не ждать серьёзной помощи извне.

Колчаку явно не понравилась моя настойчивость, и он сменил тему, спросив, в каком качестве я хотел бы работать. Я ответил, что не хочу заниматься политикой, а желал бы служить по своей прямой специальности морского офицера на Камской Речной боевой флотилии. Адмирал сказал, что я могу отправиться на базу флотилии в Пермь и передать её командующему, адмиралу Смирнову, его указание предоставить

264 мне любую должность по выбору. Затем он поднялся, показывая, что наша беседа окончена.

Верховный Правитель произвёл на меня странное впечатление. Он был менее напряжён, чем когда я видел его в поезде из Севастополя или в Англии по пути в Америку. Однако в его манерах появилась некоторая апатичность. Он выглядел постаревшим и непохожим на того активного, энергичного человека, каким я знал адмирала в прежние времена. Что-то новое и обречённое появилось в его фигуре. Колчак не был игрушкой в руках судьбы, скорее, просто усталым от постоянного поиска и борьбы в непривычных обстоятельствах человеком.

По пути назад в министерство мне встретилось несколько рот новобранцев, проводивших занятия на улицах и площадях. Они выглядели так же, как и до революции, с неплохой выучкой, в хорошей физической форме, сытые и опрятные. Вид этих деревенских парней немало удивил меня. Я совершенно не мог поверить в то, что можно снова мобилизовать русского крестьянина на войну, тем более братоубийственную, всего лишь через несколько месяцев после развала армии, сражавшейся на германском фронте, поставить его в строй и держать в тисках воинской дисциплины. В целом вид увиденных в Сибири войск заставил меня усомниться в пессимистичных оценках перспектив белых, какими они представлялись даже при адекватном военном руководстве, и пересмотреть своё мнение относительно неизбежного исхода борьбы.

Мой друг З. уже ждал меня в автомобиле, и мы отправились в штаб Верховного главнокомандующего. З. источал оптимизм: по его сведениям, Самару должны были взять в течение нескольких недель, Казань не позже чем через месяц, и не за горами уже было соединение с союзниками в Архангельске. Он вёз меня на встречу с офицером Генерального штаба, начальником Оперативного отдела¹⁷⁸ Ставки, как её называли в Омске по аналогии со Ставкой Верховного Главнокомандующего периода Мировой войны.

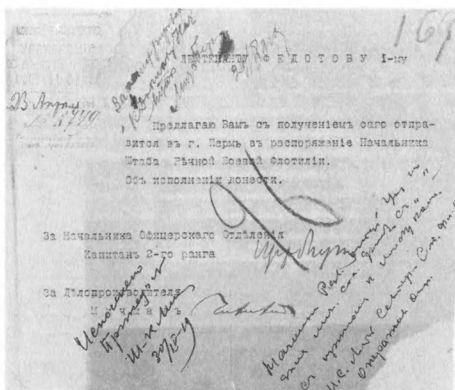
Этот молодой офицер забросал меня вопросами о ситуации на Архангельском фронте и попросил высказать мнение относительно

¹⁷⁸ Очевидно, имеется в виду Оперативный отдел Управления первого генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, ведавший оперативными вопросами на фронтах.

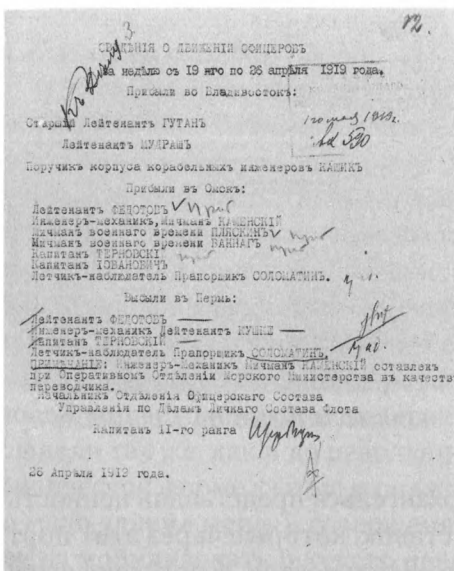
целесообразности наступления на Глазов и Котлас для соединения с силами, действовавшими в том районе. Поскольку я не знал местность и имел очень смутное представление о резервах Сибирской армии, я не считал уместным высказываться на этот счёт и ответил лишь, что на момент моего убытия части белых войск там не представляли собой серьёзной силы, если не считать британского, французского и американского контингентов. По моему мнению, Архангельск представлял ценность только с точки зрения военных поставок, которые через этот порт было осуществлять проще, чем через Владивосток, вследствие ограниченной пропускной способности Транссиба. Не знаю, повлиял ли этот разговор как-то на последовавшее затем наступление Северной группы Сибирской армии под командованием генерала Пепеляева на Глазов. Надеюсь, что нет, потому что с военной точки зрения оно не имело смысла и привело лишь к ещё большему рассредоточению наших и без того рассеянных по широкому фронту сил.

Омск, с его широкими пыльными проездами, застроенными в основном деревянными домиками с вкраплениями нескольких современных каменных зданий, оставался глубоко провинциальным городом, несмотря на свой новый статус столицы не только Сибири, но и всего Белого движения в России. Его улицы наводнили генералы и полковники, по главным проспектам под звуки военных маршей лихо вышагивали роты новобранцев, издавалось несколько газет. И тем не менее он по-прежнему выглядел лишь большой степной деревней, таким выскочкой среди столиц множества других осколков России тех дней.

По пути из Омска на Каму моё отношение к Белой армии претерпело существенные изменения. Из стороннего наблюдателя я превратился в непосредственного участника событий. Невидимые нити связали меня с Белым движением в те несколько дней, проведённые в столице Сибири.

РГАВМФ. Ф. Р-2180. Оп. 1. Д. 16. Л. 169

РГАВМФ. Ф. Р-2180. Оп. 1. Д. 1. Л. 12

В целом то, что я увидел, превзошло мои ожидания. Население в массе своей если и не испытывало сильного энтузиазма по отношению к власти, то было вполне ею удовлетворено. Дела на фронте шли хорошо, и, как уверяли в Омске, у наших армий появился шанс в течение нескольких недель выйти к Волге.

Поезд, в котором я ехал, был забит до отказа. Офицеры, возвращавшиеся на фронт, государственные служащие, солдаты, крестьяне, торговцы — все торопились куда-то попасть. Нехватки еды не ощущалось, и на крупных станциях можно было без проблем недорого и сытно поесть. Перроны и здания вокзалов выглядели чистыми и ухоженными. Казалось, что власть белых установилась в Западной Сибири прочно и надолго. Полиции почти не было заметно, проверка документов осуществлялась лишь формально. Атмосфера напряжения, всеобщей подозрительности и почти неприкрытой жестокости, которую я ощутил в Забайкалье, совершенно отсутствовала на территории между Омском и Пермью. Всё это больше походило на Россию до революции.

Обедая на вокзале в Екатеринбургe, я разговорился с сидевшим рядом зажиточным по виду крестьянином. Сбитый с толку знаками отличия на моей форме, он поинтересовался, офицер я или правительственный чиновник. Ответив на вопрос, я в свою очередь стал расспрашивать его о деревне. Он оказался родом из Красноуфимского уезда, где один мой бывший одноклассник владел крупным поместьем. Я спросил мужика, знает ли он его.

— Конечно, я хорошо знаком с господином Голубцовым. Он мой сосед. Прославился у нас в уезде во время революции. Организовал

Крестьянин, кажется, говорил искренне. И пусть он явно представлял зажиточную часть деревни, разница в отношении с крестьянами Красноярска или Тайшета была очевидной. Там мужики его типа относились к режиму если не открыто враждебно, то настороженно и не испытывали большой любви к белым.

Такую разницу я объяснил для себя тем, что крестьяне Красноуфимска в полной мере ощутили на себе все прелести большевистского правления с продразверсткой, мобилизацией и налогами. Им было с чем сравнивать. С другой стороны, они не знали атаманщины. Не делая глобальных выводов из одного разговора, я, тем не менее, отметил это для себя, как интересный феномен.

Пермь, где находился штаб Камской Речной боевой флотилии, выглядела какой-то заброшенной. В городе работало всего несколько лавок с очень скудным ассортиментом товаров. Торговля находилась в упадке, а улицы в запустении.

Позже я узнал, что Пермь отбили у красных всего несколько месяцев назад, и город не успел восстановиться. Близость фронта очевидно мешала активизации деловой жизни.

Штаб флотилии располагался в большом здании на берегу Камы. Наш крышей реял бело-синий Андреевский флаг, а вход охранял часовой в форме морских стрелков.

Начальник штаба капитан 2-го ранга Фомин, в прошлом старший флаг-офицер штаба Минной дивизии Балтийского флота, принял меня в своём кабинете и представил ещё нескольким офицерам. Среди них оказались и знакомые, так как почти все в прошлом служили на Балтике. Командующий флотилией адмирал Смирнов прислал приглашение отобедать с ним, сообщив, что имеет ко мне долгий разговор.

Фомин был очень энергичным руководителем, и вопросы обеспечения едой, обмундированием, боеприпасами и горючим находились в надёжных руках, равно как ремонт и вооружение канонерок, переделанных из мощных речных колёсных пароходов, таскавших баржи и плоты по Каме и Волге. Плавучей базой флотилии стал просторный пассажирский теплоход¹⁷⁹, способный вместить большое количество офицеров и персонала канцелярий штаба.

¹⁷⁹ Плавучая база штаба командующего Речной боевой флотилией «Волга», бывший теплоход «В. Аршаулов».

После краткого разговора на общие темы Фомин поинтересовался, в каком качестве я хотел бы служить на флотилии, и был явно недоволен, когда я ответил, что желал бы командовать одной из канонерок. Он заметил, что вакантных должностей командиров на флотилии в данный момент нет, но он подумает над этим вопросом и даст мне знать.

Тем временем к нам присоединился Вадим Макаров. Как я узнал позже, он был известен тем, что сконструировал тумбы для армейских трёхдюймовых полевых орудий, позволившие использовать их в качестве корабельных пушек на некоторых канонерках. Это сразу же дало большое преимущество ввиду огромного количества таких пушек в армии и практически неограниченного запаса снарядов к ним на складах. Конструкция Макарова оказалась очень удачной. Кажется, красные впоследствии использовали её на бронепоездах, захватив несколько образцов после нашего отступления из Перми.

Вадим пригласил меня на обед к командиру своего дивизиона, где я познакомился с их флаг-офицером, лейтенантом Мейрером. Он произвёл на меня впечатление человека неиссякаемой энергии и движущей силы. Молодой офицер 1917 года выпуска из Морского училища, он в 1918 г. организовал Речной боевой флот Народной армии Комуча, и многие старшие офицеры в тот год служили на ней под его началом. Мейрер относился к тому типу прирождённых лидеров, что во многом сформировали генералитет Красной армии, как, например, Тухачевский и Блюхер. Однако белые не сумели найти достойного применения его талантам и вместо того, чтобы дать ему полную свободу деятельности,

Г. А. Мейрер (слева) и В. С. Макаров.

270 постепенно низвели до уровня флаг-офицера одного из дивизионов созданной им самим в 1918 году флотилии. Позже он сделал успешную карьеру в Америке, став управляющим крупного авиационного завода. Сейчас он имеет чин лейтенант-командера¹⁸⁰ резерва флота США.

¹⁸⁰ Соответствует майору в сухопутных войсках и морской пехоте.

ГЛАВА 12.

Сражения на Каме

Даже самый поверхностный взгляд на личный состав флотилии позволял увидеть, что все офицеры здесь делятся на две группы. Одна состояла из тех, кто сражался в её рядах с момента создания в 1918 году, и включала нескольких молодых морских офицеров, некоторое количество армейских артиллеристов, отвечавших за полевые орудия, которые стояли на вооружении судов, и нескольких речных лоцманов и капитанов, зачисленных в резерв флотилии или морскую пехоту, называвшуюся в Сибири морскими стрелками. Ко второй группе относились морские офицеры, приехавшие в Сибирь с Колчаком или прибывшие позже из Америки, а также некоторые из тех, кто пробрался из Европейской России через позиции красных. Они, как правило, были более опытными и зрелыми, но в речных сражениях Гражданской войны ещё не участвовали. Эти офицеры занимали в основном технические и штабные должности. Среди них был мой друг Николай Гессе, старший лейтенант Морского Гвардейского Экипажа, ставший здесь помощником Главного артиллериста флотилии; Вадим Макаров, занимавший ту же должность в 1-м дивизионе; Игорь, офицер связи с Сибирской армией¹⁸¹; и флагманский инженер-механик Ганс Берг.

Между этими двумя группами существовал определённый антагонизм, и я тут же заметил наличие скрытой неприязни, хотя были

¹⁸¹ Видимо, имеется в виду И.М. де Кампо-Сципион.

272 примеры и личных дружеских связей, пересекавших эти воображаемые границы.

Главная проблема флотилии состояла в том, что лёд на реке уже начал сходить, а суда, за редким исключением, были ещё не готовы. Не хватало боеприпасов для дальнобойных корабельных пушек, и всю тяжесть грядущих боев предстояло нести канонеркам, вооружённым лишь относительно малой дальности полевыми орудиями на тумбах Макарова. И, поскольку имелись сведения, что у противника есть несколько судов, оснащённых четырёхдюймовыми гаубицами, значительно превосходившими по точности и дальности наши пушки, перспективы белой флотилии выглядели не очень радужно.

Состав нижних чинов был разнородным. Часть экипажей состояла из представителей городского среднего класса и добровольцев из крестьян, попавших на флотилию ещё в 1918 году и дополненных добровольцами, набранными в 1919 г. На некоторых судах только радиотелеграфисты были из старых морских кадров, призванных на службу Колчаком, остальные же — гимназисты, студенты, несколько гардемарин из Морского училища во Владивостоке и множество молодых офицеров военного времени. Армейские офицеры служили в основном пулемётчиками, иногда артиллеристами. Часть судов была укомплектована бывшими матросами-балтийцами, мобилизованными по приказу Омского правительства. Разумность решения призвать на службу «гордость и славу революции» поначалу вызывала у меня сомнения. И то, что я потом услышал о волнениях матросов на базе флотилии в Перми, казалось, должно было его только усилить.

Два корабля, канонерская лодка «Кент» и плавучая батарея «Суффолк», имели английские экипажи и ходили под флагом с крестом святого Георгия. В Перми находилась британская военно-морская миссия во главе с кэптенем Уолф-Мюрреем. Английские корабли, однако, не составляли отдельной эскадры, а были частью русской флотилии. Временами на «Кенте» поднимал свой флаг адмирал Смирнов. И это, я уверен, единственный в истории пример поднятия русского флага на британском военном судне.

По пути обратно в штаб флотилии я был буквально сбит с ног огромным деревенским мужиком в тяжёлом овчинном тулупе. Он бросился

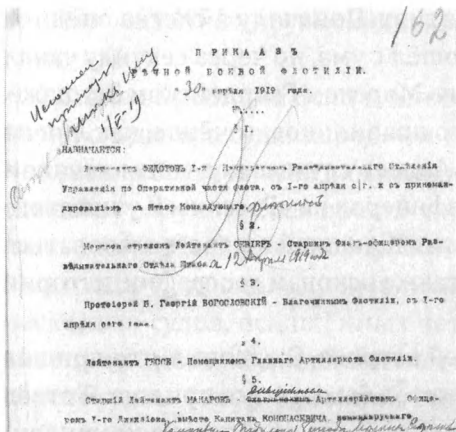
на меня и сжал, как медведь, в объятиях. Поначалу я слегка опешил, решив, что этот человек пьян или сошёл с ума, но через секунду узнал Авдеева, бывшего квартирмейстера в Морском Гвардейском Экипаже. Большая пышная борода сделала его правильное, точёное, как лик на старой иконе, лицо неузнаваемым. Авдеев служил под моим началом в учебной команде строевых унтер-офицеров на «России». Я учил этого крестьянина с верхней Камы управлять шлюпкой в море, пользоваться компасом и вязать морские узлы, а также основам географии, истории и Морского устава.

Авдеев был несказанно рад нашей встрече. Он заявил, что пришёл поступить на службу во флотилию и хотел бы остаться при мне. Я отвёл его в кадры и договорился о назначении фельдфебелем в комендантскую команду.

Эта встреча заметно подняла мне настроение, показав, что среди матросов-балтийцев ещё остались те, кто был рад видеть своих бывших офицеров и не слишком хорошо настроен по отношению к красным.

Вечером, во время ужина с адмиралом Смирновым я передал ему нашу беседу с Колчаком и откровенно описал свои впечатления от путешествия через Сибирь. Смирнов же рассказал мне, что рабочие Мотовилихинского завода, переделывавшие и вооружавшие суда флотилии, работают очень хорошо и даже в какой-то мере с энтузиазмом. И хотя они не были такими яркими анти-большевиками, как рабочие Ижевского и Воткинского заводов, сформировавшие против красных настоящую рабочую армию, сражавшуюся до своего поражения в 1918 году, их настроения были далеки от просоветских. Для меня это было настоящим откровением, так как, основываясь на своём архангельском опыте, я считал, что рабочий класс будет активно поддерживать политику большевиков. Очевидно, реальный опыт жизни при советской власти оказал на рабочих промышленных предприятий Прикамья отрезвляющее действие.

Перейдя к моим будущим служебным обязанностям, Смирнов сказал, что, по данным Фомина, на кораблях флотилии нет вакантных командных должностей, и предложил должность в штабе. Я сильно удивился, так как знал, что несколько судов находятся под командованием офицеров ниже меня по чину и не имеющих опыта боевых

Ф. Р-2180. Оп. 1. Д. 16. Л. 162

англичанам, которые имеют на своих судах лишь офицеров морской пехоты и, возможно, дадут мне командование над одним из кораблей. И поскольку они являются частью той же флотилии, то нет никакой разницы, восстановлюсь ли я на английском флоте или продолжу службу на русском.

Следующим утром Смирнов вызвал меня и сообщил, что принял решение сформировать походный штаб, отдельный от главного, и предложил возглавить его. Это позволило бы мне находиться в самом центре боевой работы флотилии, так как Фомин останется в Перми или на плавучей базе, а я должен буду сопровождать Смирнова на кораблях и быть его непосредственным помощником в бою. Кроме того, адмирал хотел, чтобы я взял на себя руководство Иностраннным и Разведывательным отделениями Управления по оперативной части Морского министерства, а также возглавил разведку флотилии.

В Сибири наиболее важные части разведывательной работы, как, например, получение донесений от Константина Набокова¹⁸² из Лондона, от агентуры в зонах действия белых армий, а также связи с антибольшевистскими организациями в Советской России, находились в ведении флота. Другими словами, предложенная мне должность предполагала руководство всей этой деятельностью в пределах, ограниченных компе-

действий на реках, в то время как я имел за плечами прошлогоднюю кампанию на Северной Двине в составе британского флота. К тому же адмирал Колчак лично сказал мне, что я могу выбрать любую позицию, какую пожелаю, и такое явное стремление отодвинуть меня от боевого руководства оказалось неожиданным.

Однако я взял себя в руки и ответил, что, если флотилия не нуждается во мне как командире, я могу предложить свои услуги

¹⁸² Российский поверенный в делах в Лондоне.

тенцией Омска, а также удалённостью от источников информации.

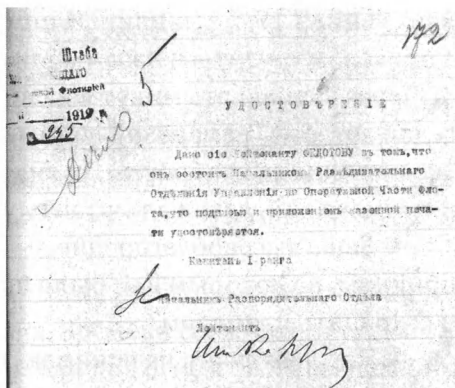
И хотя я по-прежнему предпочёл бы командование кораблём, новое предложение заинтересовало меня достаточно, чтобы его принять, и вскоре я полностью погрузился в свои новые обязанности.

Нет нужды описывать здесь весь ход кампании на Каме, но есть, однако, два эпизода, которые занимают особое место в моей памяти и дают яркое представление о масштабе и характере боевых действий.

Когда Сибирская армия, достигнув своим южным флангом рубежа реки Вятки, стала откатываться назад, активно преследуемая красными, перед флотилией была поставлена задача перебросить части её южной группы на левый берег Камы. Смирнов лично руководил операцией, подняв свой флаг на одном из кораблей.

Когда флотилия перевозила полки 15-й дивизии, начальник её штаба капитан Буров сообщил нам, что один из них должен остаться на правом берегу для удержания плацдарма. Так как ширина реки в этом месте составляла почти милю, и перспективы контрнаступления белых здесь представлялись довольно сомнительными, причины оставления полка были мне непонятны. Противник наступал силами армейского корпуса, и один слабый полк численностью всего около пятисот человек не мог оказать сколько-нибудь серьёзного сопротивления, особенно на таких неудобных позициях. Получалось, что полк, оставленный на правом берегу, был бы принесён в жертву безо всякой на то военной необходимости.

Адмирал Смирнов знал об этом, и, обсудив положение, мы оба пришли к выводу, что полк необходимо перебросить на левый берег. Смирнов по своему статусу имел права командующего армией. Другими словами, он имел право отменить приказ, подписанный Буровым от имени

Ф. Р-2180. Оп. 1. Д. 2. Л. 172

276 начальника 15-й дивизии. И он отправил меня к командиру полка с приказом грузиться на корабли флотилии.

Через пятнадцать минут я нашёл этого полковника. Это был старый седой ветеран Германской войны, имевший крест и золотое Георгиевское оружие за храбрость. Он сидел в крестьянской избе и, спокойно потягивая чай, давал адъютанту указания по организации обороны.

— Ваше высокоблагородие, — обратился я к нему, — вы понимаете причины, по которым вам было приказано остаться на правом берегу и сохранять плацдарм?

— Нет, лейтенант, не понимаю, но это не первый раз в моей военной карьере, когда я не могу понять, что двигало моими начальниками при отдаче тех или иных приказов. Я просто выполняю их, как могу.

— Вы рассчитываете выдержать наступление противника, который, по моим сведениям, имеет не меньше корпуса?

Полковник отставил свой стакан, закурил папиросу и посмотрел на меня с сарказмом.

— Молодой человек, даже Суворов, великий военный гений, не смог бы этого сделать. У меня, как вам известно, всего пять сотен людей. Противник вероятно сконцентрирует против меня около двадцати тысяч с артиллерией. Нет, я не вижу шансов удержать плацдарм.

— Что же вы намерены делать?

— Выполнять приказ и защищать в меру своих сил этот, так называемый, плацдарм, хоть я его тут и не вижу.

— И как долго вы рассчитываете продержаться?

— Как повезёт. Может, день или два.

— А потом?

Полковник выбросил папиросу и посмотрел мне прямо в глаза.

— Поскольку вы тоже носите форму, вопрос представляется излишним.

Тут настал мой черед удивить его.

— Я принёс вам приказ грузиться на корабли флотилии и переправляться на левый берег.

Повисла короткая пауза. Затем, закулив новую папиросу, полковник спросил:

— Могу я узнать, кто отдал такой приказ?

— Адмирал Смирнов, командующий флотилией. Он имеет права командующего армией и может отменять приказы вашего дивизионного начальства.

Суровое лицо полковника немного смягчилось. Однако он попросил предъявить документ, подтверждающий полномочия Смирнова. Я был готов к такому вопросу и показал ему печатную копию приказа Колчака на этот счёт.

Вражеские разьезды находились уже на расстоянии винтовочного выстрела от передовых позиций полка. Времени совсем не оставалось, выводить людей и грузить их на корабли под огнём было бы намного сложнее. Полковник тут же отдал распоряжения командирам батальонов и отправился лично проследить за сменой рот на позициях арьергардом из резерва. Я пошёл в траншеи вместе с ним.

Внешний вид солдат был ужасным, многие ходили буквально в лохмотьях. Сапоги имелись лишь у нескольких, большинство же носило лапти или мешковину, обёрнутую вокруг ног. Сшитые вместе мешки заменяли некоторым и форму. Офицеры тоже были в рваном и застиранном хаки. Однако я обратил внимание, что пулемёты и винтовки имели вид чистый и ухоженный, а личный состав вёл себя проворно и деловито. Они выглядели как опытные бойцы, которые, без сомнения, хорошо показали бы себя в деле.

Глядя на своих людей, идущих на погрузку, полковник произнёс:

— В начале зимы у нас было три тысячи человек. Но бои, переходы, морозы и тиф истощили наши ряды. Дезертиров у нас почти не было, но мы не получаем пополнений. Командование предпочитает направлять новобранцев в эти так называемые «ударные» части, а не в реально воюющие дивизии, вроде нашей.

И заметив моё удивление нехваткой кожаной обуви и лохмотьями солдат, добавил:

— Форма и сапоги, кажется, тоже идут в новые части, хотя они ещё ничем не подтвердили своё название. Мы не получали обмундирования с того дня, как был сформирован полк, и даже тогда нам дали очень немного.

Через полчаса погрузка была закончена, и арьергард прикрытия рысцой взбежал по сходням.

Пока мы перевозили этих людей на другой берег Камы, я мысленно сделал у себя в голове зарубку насчёт Бурова и тут же вспомнил, как однажды он застрелил на борту канонерки командира батареи четырёхдюймовых орудий за то, что тот отказался стрелять с открытой позиции. И я ничуть не удивился, узнав позднее, что Буров стал начальником штаба армии Дальневосточной Республики, буферного государства, созданного большевиками.

Через несколько дней адмирал Смирнов и я отправились в Сарапул на совещание командующих корпусами Сибирской армии. Оставив корабли флотилии в пятидесяти верстах ниже по течению, мы продолжили путь на невооружённом служебно-разъездном пароходе.

По прибытию на место стало ясно, что армия не просто отступает по всему фронту, но находится на грани разгрома, и что противник стремительно приближается к Сарапулу, грозя через несколько часов отрезать флотилию от пути отхода вверх по течению.

Это были очень тревожные новости, особенно учитывая, что вся предыдущая информация, поступавшая от армейских штабов, носила вполне оптимистичный характер и не допускала возможности сдачи города. Нельзя было терять ни минуты, и, оставив две канонерки охранять пролёты взорванного железнодорожного моста через Каму и прикрывать переброску войск на левый берег, мы немедленно на всех парах двинулись обратно вниз по течению на соединение с флотилией.

Стоял чудесный летний вечер, живописные берега Камы утопали в зелени. Мы с адмиралом сидели в застеклённой рубке за чаем и смотрели на проплывавший мимо пейзаж.

Внезапно на холме справа в двух верстах вглубь берега я заметил двойную вспышку. Опыт войны на реках подсказал мне, что по нам открыла огонь двухорудийная батарея, о чём я и сообщил Смирнову.

— Тебе¹⁸³ показалось. Они не могли так быстро достичь реки, даже если допустить, что армейские сведения о собственном положении были предельно оптимистичны.

И, прежде чем он успел это договорить, снаряд ударил в корму буксира, и раздался оглушительный взрыв.

¹⁸³ Судя по сохранившейся в архиве переписке, Смирнов обращался к Федотову на «ты» (РГАВМФ. Ф. Р-1722. Оп. 1. Д. 60).

Смирнов даже глазом не моргнул.

— Тебе сколько сахара, один или два? — спросил он непринуждённо.

В этот момент второй снаряд вывел из строя наше радио. В рубку со спасательными жилетами в руках ворвался вестовой и громко закричал:

— Мы погибли! Надо спасаться! Хватайте жилеты!

Смирнов бросил жилеты под стол и велел вестовому убираться к чёрту. К счастью, река в этом месте делала поворот, и деревья, по-видимому, скрыли нас из виду, потому что снаряды стали ложиться мимо цели.

Продолжать этот бравый спектакль с чаем не было никакого смысла, и я предложил адмиралу пройти в рулевую рубку, чтобы проследить за установкой на мостике двух наших пулемётов и взять под контроль управление буксиром на случай, если мы нарвёмся ещё на одну батарею.

К счастью, противник успел выставить только два орудия для обстрела реки. За излучиной их огонь перестал представлять опасность из-за большой дальности, и мы благополучно достигли своих кораблей.

Через несколько часов флотилия была готова, и подивизионно двумя кильватерными колоннами двинулась вверх по течению. Впереди шла британская канонерка «Кент», а адмирал Смирнов поднял свой флаг на следующем за ней корабле.

В ночной тишине плеск лопастей разносился на много миль во круг, предупреждая противника о нашем приближении, в то время как мы не имели ни малейшего представления, где они поставили свои батареи. Расчёты застыли у орудий, а офицеры и наблюдатели на мостиках напряжённо осматривали окрестности в поисках следов вражеской активности.

Низкая осадка наших канонерок, ошетилившихся стволами орудий, квадратные бронированные рубки и укороченные мачты придавали им в ранних рассветных сумерках важный и деловой вид. Широкие тёмные силуэты скользили по поверхности реки, как стая неуклюжих водоплавающих птиц, возвращающихся на свои гнёзда с ночной кормёжки в полях.

Когда рассвело, мы услышали шум мотора и заметили небольшой катер, идущий вниз по течению навстречу нам. Мы подали катеру сигнал остановиться и узнали от его пассажиров, что войска уже переправились на левый берег, а Сарапул занят красными. Также мы

280 узнали, что пролёты моста целы и по-прежнему находятся под охраной канонерок. Эти новости заметно приободрили нас. Если фарватер не заблокирован упавшим мостом, наши шансы на спасение ещё велики.

В нескольких милях от Сарапула по нам открыла огонь вражеская батарея. Но орудия первого дивизиона под командованием Макарова быстро заставили её замолчать, и флотилия прошла мимо позиции батареи без потерь.

Через несколько минут первый дивизион снова начал стрелять. Но поскольку ответного огня не было, мы на флагмане не могли понять, в кого они палят. Гессе, старший артиллерийский офицер флотилии, попросил меня передать сигнал прекратить стрельбу, что я и сделал. Позже выяснилось, что первый дивизион засёк ещё одну вражескую батарею, встающую на позицию, и открыл по ней огонь, пока противник был ещё не готов ответить. Эта батарея затем нанесла сильный ущерб кораблям в хвосте наших колонн.

Когда мы приблизились к мосту, было уже совсем светло. К тому времени я не спал уже больше пятидесяти часов и валился с ног от усталости. Сонливость тормозила мои реакции, и единственной мыслью было: «Когда же я наконец смогу прилечь?»

Мы прошли по судоходному фарватеру под мостом и вскоре увидели наши канонерки, просигналившие, что всё в порядке.

К моему огромному удивлению, вражеские батареи молчали, пока авангард флотилии проходил под пролётами моста. Второй дивизион успел пройти почти полностью, прежде чем они открыли огонь. Затем события стали развиваться стремительно. К уханью сразу нескольких полевых батарей добавился отрывистый треск множества пулемётов. На пожарной каланче, где был поднят красный флаг, мы заметили людей, подававших сигналы и корректировавших огонь. Затем засекали пулемётное гнездо прямо у ворот небольшого дома на холме, возвышавшемся над берегом.

К тому времени наши суда уже шли сквозь сплошную стену фонтанов воды, поднимаемых взрывами, и стреляли в ответ по батареям,

корректировщикам на каланче и пулемёту. Лиддитовые снаряды¹⁸⁴ «Кента» вскоре подожгли дом на горке, и пулемёт замолчал.

Внезапно мы заметили ещё одну батарею, занимавшую позицию на городской площади и готовившуюся стрелять по нам с близкого расстояния вдоль спускавшейся к реке улицы. Мы направили на неё огонь всей нашей артиллерии и рассеяли расчёты орудий, прежде чем они успели начать стрельбу. Не в силах выдержать обрушившийся град шрапнели и фугасов, они в панике бежали. Затем рухнула пожарная каланча вместе с красным флагом, чем вызвала крик ликования наших артиллеристов.

Тем временем вспомогательные суда имели возможность продолжать движение под прикрытием нашей колонны. Некоторые из них получили множественные попадания, но тем не менее все сумели выбраться из зоны обстрела и уйти вверх по течению. Канонеркам тоже досталось, но учитывая плотность огня и близость дистанции, удивительно мало снарядов красных поразило такие большие и медленно движущиеся цели. Уверен, что корабельная батарея с опытным расчётом могла бы показать минимум раз в десять лучший результат, чем красные артиллеристы.

Со своего поста наверху бронированной рубки мне было хорошо видно, что ураганный огонь противника почти не причиняет вреда нашим судам. Стоявший прямо подо мной Гессе ругался, требуя, чтобы я лучше указывал ему цели. Я же едва слышал его голос в грохоте залпов наших орудий, разрывов снарядов, треске пулемётов и стуке пуль о бронированные щиты и корпус корабля. Было что-то невероятно возбуждающее в этой какофонии взрывов, выстрелов и лязге свинца по наковальням стальных пластин. Моя сонливость улетучилась, и я с восторгом наблюдал за Гессе, наводившим свои орудия со спокойствием инструктора где-нибудь на рейде Ревеля в довоенное время.

¹⁸⁴ Фугасный снаряд, начинённый лиддитом или пикриновой кислотой, обладавшей более высокими ударно-разрушительными характеристиками, чем все другие, применявшиеся тогда порохи и взрывчатые составы. В России этот тип взрывчатки почти не использовался, поэтому такие снаряды во флотилии имелись только на английском «Кенте».

Лейтенант В. Г. Гессе среди офицеров крейсера «Варяг». Мурманск, 1917 г. Из собрания Архива-библиотеки Российского фонда культуры.

Гессе явно нравился самому себе. Раздув ноздри, он широко ухмылялся при каждом удачном попадании своего снаряда. Тот день, очевидно, был одним из лучших в его жизни. Никогда раньше мне не доводилось видеть человека, столь идеально настроенного на симфонию битвы, и я завидовал ему, будучи неспособным разделить эту эйфорию. Для меня стараться действовать как можно эффективнее было в лучшем случае вопросом профессиональным. Валькирии не летали в мою честь над Сарапулом, как они это делали для потомка древнего тевтонского рода Гессе¹⁸⁵.

Когда город был уже почти позади, один из наблюдателей обратил моё внимание на положение последнего корабля в группе — «Статного». В бинокль я увидел, что с этой канонеркой что-то не так. Она выпускала

¹⁸⁵ Осенью того же года Гессе покончит жизнь самоубийством в Омске. Напряжение Гражданской войны помutilo его рассудок, и он выстрелил в себя во время приступа депрессии. *Примечание автора*

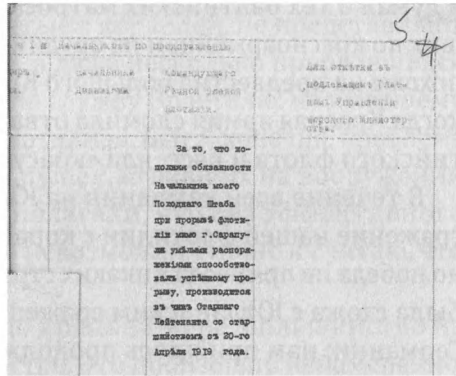
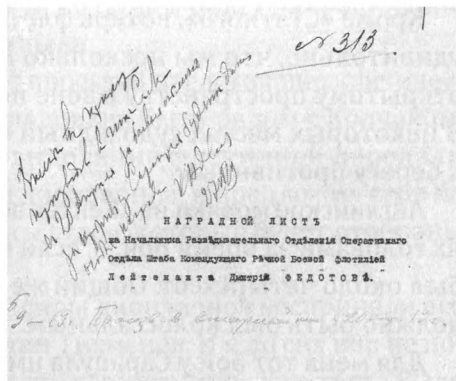
клубы пара, и, потеряв ход, бросила якорь, чтобы её не снесло течением. Противник перенёс на неё весь огонь, и положение корабля стало критическим. Смирнов тоже заметил, что происходит, и сразу же отдал приказ нашему флагману разворачиваться, а флагману первого дивизиона встать рядом со «Статным», остальным же кораблям прикрывать маневр огнём.

Противник, очевидно, принял наш разворот вниз по течению за намерение высадить десант с целью отбить Сарапул и захватить его батареи и почти полностью прекратил огонь.

А тем временем команда «Статного», стоя уже по щиколотку в воде, продолжала палить по врагу из всех орудий. Экипаж судна состоял из мобилизованных матросов-балтийцев. Они не уронили чести старого Императорского флота и не оставили своих постов, даже когда гибель корабля стала неизбежной.

Ввиду безнадёжного положения «Статного», котёл которого был выведен из строя попаданием снаряда, а корпус получил несколько пробоин, корабли первого дивизиона сняли с него людей, замки орудий, пулемёты, сигнальные книги со всей документацией и доложили, что готовы уходить. Тогда мы тоже повернули вверх по течению и вскоре оставили Сарапул позади.

Наш огонь вызвал очень большие разрушения на берегу реки. Было жаль, что бой случился в таком месте, где каждый снаряд неизбежно задевал какое-нибудь здание.

За прорыв у Сарапула Д. Н. Федотов был произведен в чин старшего лейтенанта. РГАВМФ. Ф. Р-1722. Оп. 5. Д. 327. Л. 1-5.

Кроме «Статного», потеря флотилия не имела. Это было тем более удивительно, что мы несколько миль двигались среди бела дня по открытому пространству в зоне поражения огня вражеских батарей. В некоторых местах судоходный фарватер подходил совсем близко к берегу противника.

Английские моряки на «Кенте» вели счёт снарядам, пролетевшим над их головами за время боя, и, если мне не изменяет память, результат был около четырёхсот. Общий же расход противником боеприпасов должно быть был колоссальным.

Для меня тот бой у Сарапула имел налёт некоторого абсурда, когда я думал о тех балтийских матросах со «Статного», отчаянно стрелявших по красноармейцам из орудий своего тонущего корабля. Это было похоже на предвестие большого Кронштадтского восстания 1921 года, когда Красная армия сломала отважное сопротивление экипажей Балтийского флота и рассеяла «красу и гордость революции».¹⁸⁶

В течение всей кампании на Каме произошло лишь одно крупное сражение нашей флотилии с кораблями красных. Мы одержали верх, но победа не принесла никаких стратегических преимуществ. Ситуация была схожа с Ютландским сражением, если смотреть с точки зрения Германии: нам пришлось продолжить отступление вслед за армией. В том бою особенно отличились Макаров и Гессе.

По мере того, как войска откатывались назад, функции флотилии всё больше сводились к обеспечению артиллерийской поддержки, минированию реки с целью помешать красному флоту содействовать сухопутным силам и переброске войск с правого берега на левый. С оставлением Перми существованию флотилии пришёл конец. Орудия и листы брони сняли с судов и погрузили на железнодорожные платформы. Все огромные усилия по строительству флота пошли прахом. Мы сохранили артиллерию и экипажи, но без кораблей их потенциальная боевая ценность была невелика.

За несколько дней до разборки судов среди офицеров стал обсуждаться план того, чтобы прорваться через вражеские позиции, атаковать

¹⁸⁶ Крылатое выражение Л. Д. Троцкого, произнесённое им перед толпой кронштадтских матросов в июле 1917 г.

красный флот и в случае успеха выйти по Каме в Волгу на соединение с войсками барона Врангеля у Царицына.

Мейер горячо поддерживал этот проект. В предстоящие критические месяцы Смирнову, очевидно, следовало быть рядом с Колчаком, поэтому я предложил, чтобы командование флотилией передали Фомину или одному из командиров дивизионов, и предложил себя на должность начальника штаба группы судов, которые будут отобраны для прорыва.

Но предложение отвергли. Командиры дивизионов восприняли его без энтузиазма. Согласился лишь один Тихменёв. И я до сих пор не понимаю, почему мы не использовали эту возможность. Уже тогда было понятно, что орудия и экипажи, снятые с кораблей, не представляют особой ценности для Белой Сибири, а даже несколько прорвавшихся канонерок могли сослужить хорошую службу Врангелю, не имевшему на реке сил, сравнимых с Камской флотилией. Была, конечно, проблема нехватки боеприпасов для 130-мм пушек, стоявших на вооружении наших лучших кораблей. Многие полагали, что без эффективного использования этих орудий прорыв невозможен. Лично я считаю, что попробовать стоило.

Свой путь корабли флотилии, по крайней мере, большинство из них, закончили на погребальном костре. Это произошло ненамеренно, вследствие несчастного случая. Был получен приказ слить огромные цистерны с мазутом недалеко от того места, где швартовались или стояли на якоре наши суда. Нефтяная плёнка, покрывшая поверхность реки, вспыхнула от случайной искры, и огонь уничтожил всё, что находилось в воде.

Смирнов был глубоко потрясён этим событием, так как всегда проводил грань между военной необходимостью и бессмысленным уничтожением национального достояния. Камскую флотилию он считал частью национального богатства страны и искренне жалел, глядя как по чьей-то роковой беспечности или злой воле пироманьяка гибнут столь ценные корабли.

Так закончилась история Камской Речной боевой флотилии. Мы погрузились в вагоны и медленно поползли по великолепным лесистым долинам, мимо живописных горных озёр и речек Урала в Сибирь.

Белая армия быстро откатывалась назад, сделав свою последнюю большую остановку в Челябинске, чтобы затем окончательно отступить на равнины Сибири. Все надежды на быструю и решительную победу над красными развеялись. Тем не менее, большинство из нас ещё не считало поражение окончательным и рассчитывало взять реванш позже, возможно, на линии реки Тобол.

ГЛАВА 13.

Речной рейд

После расформирования и последующего уничтожения Камской флотилии я отправился в Омск, где в течение нескольких недель занимал пост временно исполняющего обязанности начальника Управления по оперативной части Морского министерства. Там довольно быстро обнаружилось, что мои взгляды на использование личного состава, находившегося в ведении министерства, офицеров и матросов расходятся с видением министра, адмирала Смирнова, с которым я служил на Каме. И воспользовавшись тем, что в Омск к тому времени прибыло несколько офицеров старше и опытнее меня, я передал им дела в министерстве и перевёлся на флотилию канонерок, сформированную на Иртыше для защиты города от наступающих частей Блюхера.

Так осенью 1919 года я стал командиром вооружённого парохода «Катунь» Обь-Иртышской Речной боевой флотилии. На мачте моего корабля развевался брейд-вымпел моего друга, начальника 1-го дивизиона Вадима Макарова.

«Катунь» представляла собой неуклюжий символ интервенции союзников в Россию. Её носовое вооружение состояло из английских 18-фунтовых пушек, а главным калибром было 130-мм японское корабельное орудие. Из пулемётов у нас имелись тяжёлые французские «сент-этьены» и американские «кольты». Изначально канонерка была речным гидрографическим пароходом. На деревянные платформы, хитро закреплённые молодым судовым строителем в Омске, устано-

288 вили пушки. Тонкие листы брони защищали командирский мостик и орудия от ружейного и пулемётного огня. Капитан и гражданский экипаж парохода по-прежнему оставались на корабле, находясь в несколько двусмысленном положении — не военные, но и не совсем гражданские, ибо на них также распространялась воинская дисциплина. Штат артиллеристов, пулемётчиков, сигнальщиков и прочих флотских должностей был укомплектован бывшими чинами Камской флотилии.

Дела белых войск на Иртыше были далеки от успеха. Части Сибирской армии рассеивались как пыль перед дивизиями Галена-Блюхера¹⁸⁷, получившего позднее известность в Китае, а сейчас командующего советскими войсками на Дальнем Востоке¹⁸⁸.

«Катунь», вместе с ещё одной более слабой канонеркой «Зайсан», медленно двигалась вверх по Иртышу от Тобольска, прикрывая отход 15-й дивизии под командованием полковника Юрьева, одного из самых колоритных персонажей Сибирской армии. Дивизия настолько обросла обозами беженцев, что её движение больше походило на миграцию кочевого племени к новым пастбищам, чем на маневр части регулярной армии. Моральный дух упал до предела. За спиной войска имели длинный путь с Камы через Уральские горы, а ближайшей непосредственной целью было большое торговое село Усть-Ишим.

Мы с Вадимом любили Юрьева. Он часто заглядывал к нам на борт выпить рюмку-другую перед обедом. Юрьев был великолепным рассказчиком, чьи байки о первых месяцах Гражданской войны вызывали у нас восхищение. Его ненависть к красным не знала границ. Он считал их воплощением дьявола и не брал пленных, кроме тех, что представляли интерес для разведотдела штаба.

Бросив якорь у Усть-Ишима, мы послали Юрьеву приглашение прийти к нам отведать коктейль, приготовленный мной по новомодному рецепту из водки, какао и дюжины яичных желтков. Приглашение отнёс наш судовой писарь, шедший на почту отправить письма и телеграммы.

¹⁸⁷ Распространённый в те годы на Западе миф о том, что В. К. Блюхер являлся завербованным красными ротмистром австро-венгерской армии графом Фердинандом фон Галеном, попавшим в русский плен в 1915 году.

¹⁸⁸ Имеется в виду на момент написания текста в конце 30-х годов, когда В. К. Блюхер был командующим Особой Краснознамённой Дальневосточной армией (ОКДВА).

Юрьев не заставил себя долго ждать, и в тот момент, когда пропустив по коктейлю, мы начали подшучивать над тем, что когда-нибудь он попадётся красным, и с него заживо сдерут шкуру, нам принесли почту. Длинная телеграмма из Морского министерства в Омске выглядела важной, поэтому, извинившись перед полковником за необходимость отвлечься на дела во время коктейля, я вскрыл её и быстро пробежал глазами. Когда затем я сунул её в карман и потянулся за коктейлем, Юрьев и Вадим почувствовали, что произошло что-то неладное.

Вскоре Юрьев откланялся, отправившись выбирать позиции для своих частей на завтра. Когда он ушёл, я достал телеграмму и прочитал её Вадиму.

Сейчас я уже не помню текст дословно, но впечатление, которое он произвёл, до сих пор свежо, как будто всё происходило вчера. Отдельный Морской учебный батальон¹⁸⁹ Сибирской армии был полностью разбит красными. Уфимские стрелки бросили моряков в критический момент. Командир батальона, светловолосый гигант Тихменёв, убит в рукопашной, большинство остальных командиров также убито или ранено. «Морской батальон практически уничтожен», — были последние слова сообщения¹⁹⁰.

Все наши лучшие друзья, однокашники по Морскому корпусу в Петербурге мертвы! Одним махом уничтожены все самые близкие товарищи! И погибли они не на борту корабля, как положено морякам, а в глухой сибирской деревне, брошенные в трудную минуту уфимскими стрелками, сражаясь с десятикратно превосходившим их врагом.

Мы сидели рядом на диване в кают-компании и раз за разом перечитывали телеграмму в надежде, что поняли что-то не так. Но текст её не оставлял сомнений. Два стакана водки не смогли привести нас в чувство. Мы выпили ещё, но по-прежнему оставались трезвы. Тогда я предложил выйти наружу. Прохаживаясь по узкой кормовой палубе, мы были не в силах говорить о новостях. Наконец, после часа молчаливого топтания, Вадим пришёл в себя.

¹⁸⁹ Сформирован из экипажей кораблей и комендантской команды Главной базы Камской Речной Боевой флотилии в августе 1919 г.

¹⁹⁰ Речь идёт о бое, произошедшем в ночь с 10 на 11 сентября у села Дубровное (Тюменская область). В этом бою также погиб старший лейтенант И.М. де Кампо-Сципион, брат будущей жены Д. Н. Федотова-Уайта.

— Ты помнишь ту старую широкую баржу с дровами в тридцати верстах вниз отсюда? — спросил он как бы невзначай.

Мне это показалось странным, но я подтвердил существование баржи.

— Как насчёт того, чтобы сходить туда ночью и привести её сюда? Хороший был бы подарок Омску. Там сейчас очень туго с дровами. Да и армия воспряла бы духом, увидев, что мы можем делать набегу в тыл красных.

Я стал наконец понимать, что он задумал.

Мы подали командиру «Зайсана» сигнал явиться к нам на борт за инструкциями, а также отправили записку Юрьеву о том, что собираемся совершить рейд в тыл противника с целью выяснить расположение его обозов и артиллерии.

Подняв якорь ещё засветло, мы устремились вниз по течению на максимальном ходу, который только могли развить — двенадцать узлов. Солнце садилось за верхушки редких дубов на крутом левом берегу реки. Это был самый спокойный и мирный закат, который я только могу припомнить в том году. Могучий Иртыш был гладким и сверкал, как натёртое серебро.

Боевая тревога была объявлена сразу же, как мы покинули Усть-Ишим. Криволапов, мой личный телохранитель и пулемётчик, огромный силач из камских крестьян-кулаков, обладавший врождённым талантом попадать белке в глаз, занял позицию на мостике с пулемётом Льюиса и несколькими запасными дисками. Своими прищуренными серыми глазами он всматривался в подлесок в поисках засады. Войдя в излучину реки, где фарватер подходил близко к берегу, Криволапов и я внезапно заметили красноармейца. Сидя верхом на коне, он смотрел на нас с открытого участка берега, по-мужицки прикрыв ладонью глаза, и напоминал своим видом Илью Муромца. Остроконечный шлем, похожий по форме на шишаки древнерусских воинов, грузное крестьянское тело и большая костлявая лошадь создавали ему очень причудливый вид в лучах заходящего солнца. К нашему удивлению, он не попытался скрыться, а продолжал, как ни в чём не бывало, глазеть на нас.

— Сними-ка птичку, — сказал я, коснувшись Криволапова, державшего свой «льюис» на поручнях мостика. Сухой треск очереди отозвался гулким эхом среди скалистых берегов. Стая диких гусей резко поднялась на крыло перед носом корабля и растворилась в сгущавшихся сумерках.

Криволапов, как всегда, не промахнулся. Красноармеец вскинул руки и упал в воду. Его лошадь с испуганным ржанием бросилась в лес.

— Это уже слишком! — взорвался Вадим. — Это же хладнокровное убийство! Почему ты не приказал ему сдаться?

— Ты говоришь так, будто я убил невинную пташку, — сказал я с отвращением и отошёл на другую сторону мостика.

Через десять минут на дороге у берега мы заметили отряд красной кавалерии, идущий в колонне по двое.

Я приказал зарядить шрапнель. Носовые орудия ухнули залп, послав снаряды в оранжевое море заката. И когда красные, ища укрытия, кинулись врассыпную к ближайшему лесу, «сент-этьены» по бокам мостика добавили свою резкую ноту в этот концерт. Было уже слишком темно, чтобы разглядеть результаты нашей стрельбы.

— Ну, теперь жди, минут через пятнадцать полетят вокруг нас осы, — сказал Вадим, — стоит только встретить пехоту или артиллерию.

Однако движение вниз продолжилось без происшествий, и это порядком озадачило нас обоих. Если в этих татарских деревушках по берегам реки и были красные части, они никак не проявляли себя. К тому времени наши корабли двигались уже в полной темноте. И только опытный глаз лоцмана мог точно определить, где мы находимся, пока лопасти колёс парохода издавали плеск, казавшийся нам таким громким и предательским. Так мы шли в чернильно-чёрных водах Иртыша, различая лишь туманные очертания священных роц вокруг татарских селений и стройные силуэты колоколен в русских деревнях.

Барочки жгли на палубе небольшой костёр, который помог нам быстро отыскать их. Вадим приказал в рупор «Зайсану» взять баржу на буксир. «Катунь» вплотную подошла к её борту, и наши люди стали быстро крепить швартовые концы.¹⁹¹

Экипаж баржи пребывал в сильном испуге. Их капитан пришёл поговорить со мной.

— Вам не выбраться отсюда живыми. Вчера здесь прошла целая бригада красных, два батальона по правому берегу, остальные по левому. В ближайшей деревне в двух верстах вверх по течению стоит

¹⁹¹ По воспоминаниям В. С. Макарова барж было две, а вместе с «Катунью» и «Зайсаном» шел еще буксир «Отец» (Макаров В. С. Материалы для истории флота в период Гражданской войны 1917-1920гг. // Морские записки. 1954. №2. С.36).

292 пехота с артиллерией. Это войска Блюхера, и они поклялись взять Омск до того, как листва облетит с деревьев.

Я попытался возразить капитану, но отчасти и сам начал чувствовать беспокойство. Странное молчание противника угнетало меня.

Матросы энергично взялись за дело, ловко затягивая концы. Они работали молча и явно старались производить как можно меньше шума. На барже мне больше нечего было делать, и вернувшись на мостик «Катуни», я стал рассматривать в ночной бинокль противоположный берег. Выходила луна, и в её свете стал смутно различим широкий луг, скрытый от реки большими деревьями.

Криволапов тоже напряжённо смотрел в темноту своими рысьими глазами. И оба мы испытали настоящий шок, когда услышали звук, похожий на лязг тяжёлой железной сбруи, и как нам показалось, различили силуэты несколько конских упряжек, тянувших за собой повозки.

— Трубка ноль, картечь^{192!} — закричал я расчётам носовых орудий.

Старший артиллерист, старый седой служака, начинавший свою службу ещё на фрегатах Императорского флота, был уже на месте.

— Ты видишь их, Алексей Иванович?

Думая, что видит, он стал сам наводить орудия.

Шрапнель, поставленная на ранний разрыв, взрезала тишину ночи жутким воем, за которым последовал глухой удар взрыва. Теперь мы уже отчётливо видели лошадей и людей, бешено несущихся через луг. К грохоту 18-фунтовых орудий добавился дребезжащий хор «кольтов» и «сент-этьенов».

Луг опустел. Ничто больше не двигалось.¹⁹³

— Задробить стрельбу!

¹⁹² Команда, подававшаяся при стрельбе шрапнелью с установкой трубки взрывателя на картечь, для поражения живой силы противника на близком расстоянии.

¹⁹³ «Придя в Усть-Ишим мы решили сделать поход за двумя баржами, оставленными нами верст на девяносто в тылу. Вышли мы примерно часов в восемь вечера, по дороге заметили кавалерийскую часть большевиков, по которой открыли пулемётный огонь. Конница быстро рассеялась. Подойдя к баржам, мы увидели, что баржевики относятся весьма скептически к нашим намерениям, так как они говорили, что всюду вокруг большевики и что нам барж вывести не удастся. В то время как мы заводили концы, мы заметили, что на левом берегу шестерка лошадей тащит нечто сильно похожее на пушку. Мы открыли огонь одним орудием, и это «нечто» куда-то смоталось». (Макаров В. С. Указ. соч. С.36)

Тем временем буксировочные концы были затянуты, и, оставив на барже небольшую охрану, «Зайсан» потянул её вверх по течению, а «Катунь» помогала с помощью тросов, закреплённых вдоль борта. Караван двигался очень медленно. Слабые машины канонерок не давали больше трёх узлов хода против течения Иртыша.

Около часа мы шли без происшествий, и, оставив Вадима на мостике, я решил спуститься в свою каюту немного вздремнуть.

Не знаю точно, сколько я проспал — может быть, час или около того. Резко вздрогнув, я проснулся сам, никто меня не будил и не беспокоил. Поднявшись, я застегнул ремень с кобурой и повернулся к двери, собираясь было выйти на мостик, как вдруг большой иллюминатор моей каюты разлетелся вдребезги, и ночную тишину прорезал звук, похожий на визг сошедшей с ума швейной машинки. Бросившись на мостик, я споткнулся о скрюченное тело одного из номеров расчёта левого носового орудия, совсем юного еврейского мальчишки-гимназиста, поступившего к нам добровольцем в Омске.

— Чёрт тебя поberi, Мойша, — заорал я и ударил его под зад тяжёлым ботинком. — К орудию!

Он поднялся, и, прижимая левую руку к груди, отдал правой честь.

— У меня, Ваше высокоблагородие, прострелено лёгкое, — и побежал к своей пушке.

Я почувствовал себя неловко, но времени заниматься этим не было, и я поспешил дальше на мостик.

Вадим стоял у левого борта рулевой рубки и знаками подавал команды лоцману.

— We're in for it, and no mistake¹⁹⁴, — приветствовал он меня по-английски.

С ним трудно было не согласиться. Весь левый берег Иртыша ожил пулемётным и ружейным огнём. Не менее двух батальонов пехоты обрушились на нас всей своей мощью. Наши носовые орудия палили по деревне на холме, где, как густой рой светлячков, сверкали вспышки винтовочных выстрелов. «Сент-этьены» заклинило в самый неподходящий момент, и мы остались с одними «кольтами». Воздух наполнился свистом пуль, и я осторожно пополз через мостик к закрытым бронёй

¹⁹⁴ Кажется, мы влипли.

294 пулемётным гнёздам. Криволапов уже находился там и пытался заставить их снова работать. Мимо меня, как большой аллигатор, прополз на животе командир пулемётчиков, и я решил не лезть к ним, понимая, что эти двое смыслят в капризном нраве «сент-этьенов» больше, чем мне когда-либо суждено узнать.¹⁹⁵

Заняв позицию перед рулевой рубкой, по броне которой градом стучали пули, я смог окинуть взглядом всю картину боя. «Зайсан» стрелял по деревне из своих лёгких 47-мм орудий, освещая реку вспышками залпов. Судходный фарватер отклонился в сторону правого берега, постепенно отдаляя нас от противника. Всё шло как нельзя лучше, и я позволил себе перекинуться парой шуток с лоцманами, чьи лица стали бледно-зелёными в мерцании ночного бинокля.

Внезапно слепящий белый свет, похожий на вспышку магния в старых фотоаппаратах, озарил корму, ярко высветив орудие и мачту «Катуни». Пулемётный огонь с берега стал вдвое интенсивнее и, казалось, приобрёл какие-то злорадные, ликующие нотки.

Боцман крикнул на мостик:

— Пожар в пороховом погребе!

«Отличные будут похороны, — подумал я, — с погребальным костром для преданных слуг».

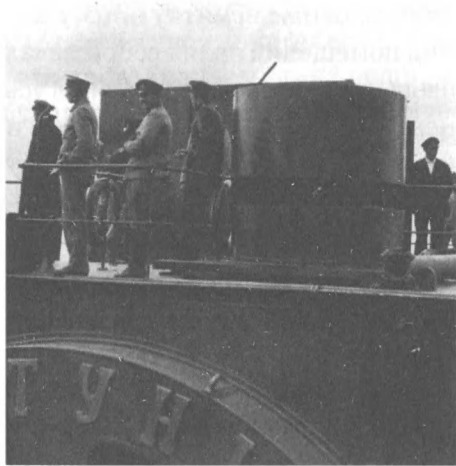
Вадим бросился на корму, а я попытался успокоить лоцманов и рулевых, чтобы в панике мы не сели на мель. Кое-кто решил, что всё кончено, и стал спасать свою шкуру, попытавшись влезть на борт баржи и укрыться среди дров. Я выстрелил из пистолета и заставил их вернуться на свои посты.

Мы были довольно близко от правого берега, и в тусклых рассветных сумерках я отчётливо видел, как взвод или около того стрелков ведёт по нам огонь из неглубокой траншеи. Криволапов ударил по ним из «льюиса», и они побежали, как огромные серые полевые мыши, ища спасения в кустах. В ярком белом свете всё ещё горевшего на корме пожара

¹⁹⁵ «Часов около четырех, дремля в кресле в кают-компани, я проснулся от сильного пулемётного огня. Вылетев вверх, убедился, что нас обстреливают с берегов не меньше двух пулемётов и двух рот. Мы отвечали из всех орудий и пулемётов, причем пушки кислали одна за другой и все знаменитые «сент-этьены» последовали их примеру». (Макаров В. С. Указ. соч. С. 36)

я заметил молодого гардемарина К.,¹⁹⁶ который стоял в полный рост на бронированной башне орудия и, охваченный эйфорией, стрелял по ним из своего пистолета.

Затем пожар в пороховом погребе утих, и нас снова поглотила утренняя мгла, разрываемая лишь вспышками орудийных залпов. На мостике опять появился Вадим в потрёпанной одежде. Его китель намок и испачкался, фуражка пропала, а лицо было покрыто сажей. Позже я узнал, что он спрыгнул в пороховой погреб и вместе с боцманом, тихим, невзрачным парнем, о котором я всегда был невысокого мнения, стал выбрасывать оттуда горящие заряды носовых орудий.

На мостике «Катуни»

Эта парочка определённо сорвала наше аутодафе.¹⁹⁷

Когда мы вышли из зоны поражения вражеского огня, я приказал прекратить стрельбу, так как продолжать палить в туман, не имея представления о местности и расположении сил противника, было пустой тратой боеприпасов.

На рассвете мы с Вадимом обошли корабль, чтобы оценить причинённый нам ущерб. В лазарете находилось трое раненых. Еврейский мальчишка Мойша стоял у своего орудия, пока не потерял сознание. Я опасался за его жизнь, но доктор сказал, что он поправится. Двое других имели лёгкие ранения мягких тканей и после нескольких дней отдыха смогли вернуться к службе.

¹⁹⁶ По-видимому, Кузьминский, командир кормового плутонга.

¹⁹⁷ «В это время, несколько ружейных пуль, попавших в ящики с 12-фунтовыми патронами произвели пожар на «Катуни». Из боевой рубки было видно пламя выше мостика. Наши носовые орудия прекратили огонь и было полное впечатление, что мы горим. Федотов кинулся собирать трюмно-пожарный дивизион, а я бросился прямо к ящикам и начал сбрасывать их в воду». (Макаров В. С. Указ. соч. С. 36)

Мы сели в кают-компанию, и мой вестовой-австриец Ганс принёс чай и варёные всмятку яйца. Навалилась усталость, и потянуло в сон. Вид помещения являл собой печальное зрелище. Деревянная обшивка была изрешечена пулями, а пол усыпан битой посудой. Вадим выглядел неважно. Он опалил себе волосы на голове и лишился бровей, а ожоги на руках следовало показать доктору.

Сидя за чаем, мы удивлялись, почему противник не использовал артиллерию, и благодарили своих ангелов-хранителей за то, что нам повезло рассеять батарею, встававшую на позицию, когда мы брали баржу на буксир.

Внезапно, без всякого предупреждения, стены каюты снова прошили пули, и мы со всех ног кинулись на мостик.

Обстрел прекратился, как только заговорили наши носовые орудия и 47-мм пушки «Зайсана». Мы продолжили путь вверх, тщательно прочесав подлесок на берегу из «сент-этьенов» и «кольтов». Точность огня противника была очень низкой. Они стреляли с близкой дистанции, имели возможность для тщательного прицеливания и фору в несколько минут до открытия нами ответного огня. Несмотря на это, красным так и не удалось подстрелить никого из нас, пока мы бежали к своим постам по открытым проходам у них на виду. Умудриться ни разу не попасть в человека, выскакивающего на мостик или сбегającego по трапу среди белого дня на уровне прицела твоей винтовки, это большое достижение.¹⁹⁸

Когда мы прибыли в Усть-Ишим, то увидели берег, заполненный солдатами, и стоявшего среди них Юрьева, который неистово махал фуражкой и кричал приветствия. Он тут же поднялся на борт и испортил наш благостный настрой, обратившись к команде со словами: «Отважные моряки, помогающие нам в борьбе за великую идею... образец беспримерной храбрости...» — и тому подобными фразами, затасканными генералами ещё в Германскую.

Вадим прервал ораторские потуги Юрьева предложением пропустить по коктейлю.

¹⁹⁸ «На этом деле мы потеряли 17 человек раненых, из них 3 тяжело. Потери, главным образом, распределялись между «Зайсаном» и «Отцом». У нас был один легко раненый, да ещё я был несколько обожжён». (Макаров В. С. Указ. соч. С. 36)

Тем временем пришёл с докладом командир «Зайсана» и внёс весёлую нотку в наш рассказ о событиях прошлой ночи. Гражданский капитан парохода жил на борту вместе со своей женой, и, когда прошлым вечером мы вышли из Усть-Ишима, эта достойная женщина решила по случаю хорошей погоды затеять стирку. Выстирав своё исподнее и пару мужниных рубах, она развесила всё это сушиться на верёвке, натянутой между мачтой и рулевой рубкой.

Когда начался обстрел, жена капитана сильно переживала по поводу своего белья.

— Я не хочу, чтобы его изрешетило пулями, — заявила она и кинулась на мостик. Получив лёгкое ранение, она всё же спасла свою стирку. Слушатели не проявили, однако, большого почтения к злоключениям отважной дамы, и, отпуская скабрзные шутки, стали весело поднимать за неё тосты.¹⁹⁹

Остаток дня я провёл за составлением подробной записки о наших действиях (интересно, где она сейчас?), разбором корреспонденции и отчётами, которые продолжали преследовать воюющего человека даже на Гражданской войне.

Вечером я пошёл проведать Вадима, собираясь предложить ему прогуляться по берегу. Вид его каюты не поддавался описанию. В ней царил полный хаос. На кровати и на полу были свалены в одну кучу одеяла, пижамы, плащи, книги, ботинки и пустые бутылки из-под водки. Вадим был пьян в стельку и, пока я в изумлении смотрел на эту картину, так не похожую на его обычное поведение, продолжал пить рюмку за рюмкой.

— Ты мерзавец, Уайт! Убил хладнокровно того красного. Я так и вижу, как он сидит на лошади и смотрит на нас с презрением, словно былинный богатырь. Хорошая работа, ничего не скажешь! Одно убийство за другим.

После неудачной попытки забрать у него бутылку я закрыл дверь каюты и отправился гулять по пляжу один.

¹⁹⁹ «Обошлось не без курьезов. Например, на буксирном корабле «Отец», который нас сопровождал, оказалось несколько женщин, в том числе жена капитана. Когда начался обстрел, последняя, вместо того, чтобы спуститься в трюм, куда ей было указано, бросилась снимать развешенное бельё, опасаясь, что оно будет прострелено. В результате её ранило в руку в трёх местах». (Макаров В. С. Указ. соч. С. 36)

ГЛАВА 14.

Победа над Блюхером

Верховное командование в Омске назначило генерал-лейтенанта Редько начальником действовавшей на Иртыше²⁰⁰ группы войск. Подчинённая ему группа была разделена на две части. Одна, под командованием полковника Юрьева, медленно отступала вверх по реке в направлении Тара-Омск. Другая, в нескольких сотнях вёрст от первой, отступала вниз от Тобольска.

Не имея особенно много работы по прикрытию отхода Юрьева, Вадим и я решили подняться на «Катуни» вверх до Тары и представиться генералу, штаб которого располагался в этом городе. Наш дивизион находился в «оперативном подчинении» Редько, что в переводе на простой язык означало подчинение в вопросах, касавшихся проведения боевых операций. Во всем остальном мы были независимы.

Когда мы уже собирались поднять якорь, телеграфист принёс шифровку из штаба генерала.

Вадим смотрел мне через плечо, пока я дешифровывал сообщение.

Дивизиону предписывалось исследовать «своими средствами» район к югу от Иртыша до точки, находившейся в ста двадцати верстах от реки, и «установить доподлинно, проникли ли туда разведывательные дозоры красных».

²⁰⁰ Отдельная Тобольская группа в составе 1-й армии под командованием генерал-майора М. Е. Редько.

— Старый петух перепутал направления на компасе, — прокомментировал Вадим, — все указанные им пункты находятся на суше, там нет даже самого малого притока.

— Видимо он имел в виду наш авиаотряд. Идея состоит в том, чтобы осмотреть тайгу с воздуха.

— Полная чушь! Наши старые аэропланы не выдержат такой долгой перелёт, и там нет ни одного подходящего места для аварийной посадки, только верхушки деревьев. Кроме того, что они там смогут увидеть в сплошной тайге? Я считаю, бессмысленно подвергать пилотов и аппараты такому риску.

— Тогда прикинемся наивными и ответим, что у наших канонерок нет колёс, и мы не можем двигаться по суше, а также добавим, что я выезжаю в Тару, чтобы обсудить этот вопрос с генералом лично.

И мы отправили радиограмму примерно следующего содержания:

«В штаб Тобольской группы войск.

В ответ на ваше сообщение за номером 342 сообщаем, что не имеем возможности выполнить полученное указание, так как дивизион не располагает конными разведчиками. Начальник дивизиона направляется в Тару для личного доклада».

В это время пришёл командир авиаотряда Марченко²⁰¹. Вадим показал ему сообщение Редько и наш ответ.

Марченко ухмыльнулся:

— Так ему, старому болвану. Что он знает о Гражданской войне и гидропланах?

Начальник нашей авиации был очень колоритным персонажем. Его внешний вид вызывал такое же удивление, как и его характер. Он носил синюю фланелевую рубашу, застёгнутую на все пуговицы и за-

²⁰¹ Марченко Всеволод Михайлович (1890—1937). Окончил Морской корпус в 1911 г. Служил на миноносцах Черноморского флота. С 1915 г. — морской летчик. Награждён Георгиевским оружием за храбрость. После революции оказался в Японии, а затем на Дальнем Востоке. С декабря 1918 г. командует гидроавиацией Морского министерства. После Гражданской войны в эмиграции в Европе. В 1923 г. поступил на службу в испанские ВВС, участвовал в боевых действиях в Марокко, затем работал инструктором в частной авиашколе и пилотом на гражданских авиалиниях. С началом Гражданской войны в Испании служил в бомбардировочной авиации франкистов. Погиб в ночном воздушном бою при бомбардировке аэродрома республиканцев.

*Летающая лодка М-9
Камской Речной боевой флотилии.*

тянутую ремнём, высокие сапоги и старую поношенную флотскую фуражку. Довершали картину заткнутый за пояс пистолет без кобуры и пара ручных гранат. Только очень пронизательный наблюдатель мог угадать в нём офицера Императорского флота. Обычный же человек скорее принял бы его за революционного матроса.

Нелюбовь Марченко к генералам была, пожалуй, даже сильнее его ненависти к большевикам. Я думаю, будь его воля, он бы с радостью расстрелял их всех.

Он сразу же загорелся идеей отправиться вместе с нами в Тару.

— Могу быть полезен при обсуждении технических деталей, когда вы будете говорить с этим идиотом в генеральском мундире.

По прибытию в Тару, маленький сибирский городок, главной отраслью производства которого было самогоноварение, мы отправились в дом местного воинского начальника, где разместился штаб Тобольской группы.

Редько встретил нас за своим рабочим столом. Это был маленький, коренастый человек пятидесяти-пятидесяти пяти лет²⁰². Его уставная, с широкими погонами полевая форма резко контрастировала с нашим, мягко говоря, неформальным внешним видом.

Он встретил нас доброжелательно:

— А, морские сиамские близнецы! Сначала я подумал, что это двойная фамилия, и только потом узнал, что вы два разных человека, подписывающие сообщения вместе.

Вадим представил Марченко, который насупился на генерала и не сказал ни слова.

Редько сразу перешёл к делу.

— Я хочу, чтобы вы немедленно отправили свои аэропланы на разведку района, указанного в моём сообщении. Приказ должен быть

²⁰² М. Е. Редько родился 14 марта 1872 г. и осенью 1919 г. ему было 47 лет.

выполнен до полудня завтрашнего дня, так как от вашего доклада будет зависеть наша дальнейшая диспозиция.

В ответ Вадим чётко описал нашу ситуацию: отсутствие мест для аварийной посадки, плохое состояние моторов, изношенное полотно крыльев и, наконец, невозможность что-либо разглядеть сверху в плотном подлеске тайги.

Редько слушал, нервно постукивая пальцами по столу.

Я добавил, что наставление по использованию гидропланов не предполагает совершения дальних перелётов над сушей.

— Всё это мне известно. Я сам инженер. Но тем не менее я настаиваю на выполнении моего приказа, — ответил генерал раздражённо.

Тут пришёл черед Марченко.

— Мы видим, что вы инженер, Ваше превосходительство. И полный дилетант. Знания военных инженеров о самолётах давно уже стали темой для анекдотов.

Генерал опешил и потерял самообладание. А затем совершил роковую ошибку. Вместо того, чтобы настоять на своём и твёрдо поставить вопрос об исполнении приказа, он пустился в долгий технический спор с Марченко о плюсах и минусах девятой модели гидропланов²⁰³, в котором наш суровый пилот обошёл его по всем статьям.

Тогда Вадим встал навытяжку и попросил извинить его за необходимость уделить внимание ряду других неотложных дел, и мы покинули

*В. М. Марченко (слева)
и контр-адмирал М. И. Смирнов.*

²⁰³ Легающая лодка М-9 конструкции Д. П. Григоровича.

302 штаб Тобольской группы, не дав генералу возможность повторить свой приказ. Когда стемнело, мы вернулись в расположение частей Юрьева²⁰⁴.

За ужином Вадим пребывал в задумчивом настроении и не проронил ни слова. Когда мы вышли на свой обычный вечерний моцион по пляжу, он сказал:

— Меня не волнует, какое впечатление мы произвели сегодня на Редько, но армия не должна подумать, что флот отлынивает от работы или струсил. Мы не можем производить авиаразведку в сотнях вёрст от реки, но мы можем попытаться бросить вызов Блюхеру и поменяться с ним ролями, если я правильно оценил его диспозицию.

Основываясь на данных авиаразведки и нашего последнего рейда в тыл противника, Вадим пришёл к выводу, что красные значительно рассеяли свои силы. Они не имели налаженной системы снабжения и обеспечивали себя за счёт населения деревень, разбросанных по Иртышу.

— Полагаю, у них не более батальона или двух в каждой деревне.

У Юрьева был хороший батальон егерей. Мы же располагали Отрядом особого назначения полковника Колесникова в сто двадцать человек, состоявшим в основном из офицеров и каким-то неопределённым образом прикреплённым к дивизиону.

— С двумя кораблями и аэропланами этого должно быть достаточно, чтобы нарушить планы Блюхера. Всё, что нам нужно, это нанести четыре удара в течение одного дня, пока красные не успели опомниться.

²⁰⁴ Из воспоминаний В. С. Макарова: «...[Я] получил предписание нашего полководца проводить разведку в местностях, расположенных на 300 вёрст от ближайшей воды. Сообразив, что дело, по-видимому, касается авиации, я вызвал Марченко, и он мне объяснил, что задание совершенно невыполнимо из-за ограниченного района действия аппаратов. Я решил отправиться к Редько доложить в чем дело, причём Марченко уговорил меня взять его с собой, сообщив, что он замечательно объясняется с генералами. Генерал встретил нас «в штыхы». Он всё время пытался уличить нас в нежелании сражаться и в трусости и всячески старался выводить на чистую воду. Мы не поддавались, и, наконец, на объяснения Марченко о технических и тактических свойствах аппаратов, громогласно заявил, что он сам инженер, на что Марченко ответил: — «Тем хуже, т.к. если бы вы были авиатором, то всё было бы много яснее». Фраза эта произвела впечатление разорвавшейся ракеты. Всё в штабе смолкло, однако, генерал скис и, заявив нам что-то вроде: — «Делайте, что хотите» — отпустил нас с миром». (Макаров В. С. Указ. соч. С. 39)

Уже несколько недель дивизия Юрьева не проводила наступательных операций, и разумно предположить, что противник расслабился и стал более беспечным на этот счёт. Если у нашей пехоты хватит сил провести одну за другой четыре атаки, высаживаясь с кораблей возле занятых красными деревень, то мы получим шанс разбить всю бригаду, преследующую дивизию.

Вадим вылетел на одном из аэропланов на встречу с Юрьевым, который отсутствовал в штабе, и вскоре вернулся вместе с ним на «Катунь». Наш друг был в восторге от плана и, отдав приказ егерям грузиться на корабли, заявил, что сам лично отправится с нами.

Погрузив отряд, мы, не торопясь, пошли вниз по течению, рассчитывая прибыть к первой цели около пяти утра и атаковать с восходом солнца.

Поднявшись в четыре часа и выйдя на палубу, я с удивлением обнаружил, что никто из офицеров Особого отряда ещё не проснулся, и что мой вахтенный начальник, офицер военного времени, с 1918 года служивший на различных речных флотилиях, тоже отсутствует.

Наблюдатель, которого я послал найти и разбудить его, вскоре вернулся и доложил, что вахтенный начальник болен и не может подняться. Я спросил об офицерах отряда.

— Они все больны, Ваше высокоблагородие, я не смог никого поднять.

Такая эпидемия стала для меня полной неожиданностью, так как я видел их в полном здравии всего несколько часов назад.

Я отправил к ним доктора, и тот, осмотрев больных, доложил после некоторого колебания:

— Они не больны, это наркотики. Похоже, они приняли большую дозу кокаина.

Слова доктора ещё больше поразили меня, так как до сих пор я не замечал наркоманов среди офицеров флотилии.

Положение было не из простых. Через час мы должны были начать высадку, а все офицеры отряда не в состоянии выполнять боевую задачу.

— Вот что, доктор, — сказал я, — дайте им самое сильное средство, какое знаете, и приведите их в чувство, невзирая на последствия. Беру

304 на себя всю ответственность за любые побочные действия. Мы должны разбудить этих мерзавцев.

Идти дальше не имело смысла, поэтому я приказал бросить якорь и дал сигнал остальным судам сделать то же.

Вадим пришёл в ярость, когда явился на палубу и услышал мой доклад. Наркотическая вечеринка грозила похоронить все его планы, так как через несколько часов противник узнает от своих агентов, что мы погрузили войска и ушли вниз по течению.

Поначалу он хотел примерно наказать любителей марафета.

— Мы соберём трибунал сразу после поднятия флага и расстреляем этих типов за трусость в боевой обстановке.

— Если мы расстреляем всех офицеров, кого ты будешь высаживать? Давай будем практичными. Скажи им, что если они выполнят свою задачу сегодня, то инцидент будет забыт, если же окажутся не в состоянии, то мы не пустим их обратно на борт, а повернём на них наши пулемёты.

Не знаю, что за адское средство наш дорогой доктор дал этим любителям белого порошка, но к пяти часам они пришли в себя и выползли пришибленные на палубу встречать рассвет. Поджав хвост, пришёл и вахтенный начальник. Я не стал его слушать, сказав только, что мы поговорим, когда всё закончится.

Когда «Катунь» наконец подняла якорь, было уже сильно позже пяти часов. В излучине реки нам встретилась пустая баржа с несколькими австрийскими пленными. От них мы узнали, что в ближайшей деревне стоит батальон красной пехоты, появившийся там лишь накануне вечером.

Найдя подходящее место, «Катунь» подошла к берегу и высадила отряд. Наш седой артиллерист установил панорамные прицелы на носовые орудия, и на берег протянули полевой телефон для наблюдательного поста.

Все были очень напряжены, пока наши люди, исчезнув в кустах, в течение двадцати минут не давали о себе знать. Потом затрещал телефон, и мы получили указания цели.

Старший артиллерист с нежностью и почти материнской заботой следил за наведением орудий. После проверки прицела раздался двой-

ной залп, и шрапнель засвистела над рощей, отделявшей нас от деревни.

Телефон снова ожил:

— Отличная работа! Дайте сто метров влево!

Орудия дали ещё один залп. «Прекратить огонь!» — вдруг пришла команда с наблюдательного пункта.

Это было довольно странно. Мы не могли понять, что случилось, почему пехота отказалась от дальнейшей артиллерийской поддержки. Я связался с наблюдателем и узнал, что нам крупно повезло. Когда отряд достиг выходящей к деревне опушки леса, прямо перед ними на дороге появилась колонна красных.

— Первый залп шрапнели разорвался прямо над их головами. Это было как гром с небес. Мы открыли по ним огонь из пулемётов, и они кинулись врассыпную, как стадо коров.

Я передал по телефону Колесникову, чтобы он не терял времени и немедленно возвращался на «Катунь» со всей добычей, какую успел собрать.

Когда сильно воодушевлённый отряд вернулся на борт, мы узнали, что комиссар батальона красных убит, а командира взяли в плен. Помимо нескольких пленных, нам досталось два пулемёта.

Толпа матросов окружила командира красных, который был тяжело ранен в ногу. Люто ненавидевший большевиков боцман подошёл к нему вплотную и, наградив всем возможным набором эпитетов из своего богатого флотского словаря, замахнулся, чтобы ударить его по лицу.

Носовые орудия «Катуни»

— Боцман, вернитесь к своим обязанностям! — крикнул я резко. — И пошлите за доктором, чтобы перевязал пленного.

Командир был высоким, крепко сложенным парнем, державшимся просто и с достоинством. У него оказалась раздроблена кость, и рана, очевидно, причиняла невероятную боль. Но он не проронил ни звука, пока доктор разрезал сапог и перевязывал ногу.

Наши люди пришли в сильное волнение, увидев, что на пленнике надеты женские шёлковые чулки.

— Наверное, снял с убитой им девчонки, сволочь!

— Да пристрелить его! Ещё бинты на него тратить!

Командир всё так же спокойно поблагодарил доктора за предложенную папиросу и наотрез отказался отвечать на вопросы о дислокации и количестве красных частей.

— На моем месте вы поступили бы так же.

Наконец войска были погружены, и пленных передали на борт пассажирского парохода, который вёз егерей.

Стояло славное утро. Листва на деревьях тронулась рыжим и красным. И широкий, величественный Иртыш лежал в окружении разноцветного леса.

За резким поворотом реки мы заметили небольшую деревушку, приютившуюся на вершине нависавшего над водой утёса. Криволапов, непрерывно всматривавшийся в берег рысьими глазами, вдруг возбуждённо зашептал:

— Видите там островерхие шлемы над забором? Красные строятся на деревенской улице.

Мы открыли огонь из всех пулемётов, целясь в забор и чуть повыше его. Треск наших «кольтов» и «сент-этьенов», отражённый от высокого утёса, вернулся к нам с удвоенной силой. Через пять минут шлемы исчезли, и мы прекратили стрельбу. Вадим высадился на берег вместе с отрядом, чтобы своими глазами посмотреть на результат.

Вернувшись, он выглядел заметно шокированным, его буквально тошнило от увиденного.

— Настоящая бойня. Их там целая груда лежит за забором. Раненые вперемежку с убитыми. Кажется, мы положили не меньше роты.

И снова дивизион тронулся в путь. Следующим было большое торговое село Усть-Ишим. Мы ожидали встретить там крупные силы красных.

Двигаясь по широкому изгибу реки к селу, мы слышали взрывы сзади и справа от нас. Первой мыслью было, что «Зайсан» открыл огонь из своих лёгких пушек по какой-то группе противника на правом берегу. Однако очень быстро мы поняли, что этот шум производят низкие разрывы шрапнели, летящей, очевидно, из Усть-Ишима.

Это значило, что у красных есть артиллерия, и они предупреждены о нашем приближении. Нас ждал очень серьёзный бой, а не прогулка на природе, как две предыдущие атаки. Наши слабые канонерки не имели броневой защиты котлов и машин, и любое попадание даже простым снарядом из полевого орудия могло вывести их из строя.

Вадим внимательно разглядывал в бинокль показавшуюся колокольню.

— Дистанция двадцать кабельтовых, влево от колокольни пятнадцать²⁰⁵! — скомандовал он старшему артиллеристу.

Мы дали три или четыре залпа из носовых орудий, и ватные облачка разрывов шрапнели прекратились.

— Что дальше? — спросил Вадим и приказал задробить стрельбу.

Корабли прибавили ходу, и вскоре нам открылась полная панорама Усть-Ишима. События следующих нескольких минут были отчасти обусловлены позициями, которые каждый из нас занимал на мостике «Катуни».

Вадим находился прямо впереди, возле мачты. Я стоял, прислонившись спиной к бронированной стенке рубки, чтобы видеть всю картину боя и одновременно следить за лоцманами. А Юрьев был внутри и смотрел через наблюдательные щели в броне.

Как только мы вышли из-за поворота реки, то сразу попали под сильнейший ружейный и пулемётный огонь. Артиллерия, однако, пока молчала. Церковь и кладбище на холме, господствовавшем над деревней, окружала линия свежевырытых траншей. Неглубокие окопы были нарыты также по всей деревне. На нас обрушился град вражеских пуль.

— Где же их орудия? — спросил Вадим.

²⁰⁵ Команда, означающая установку угломера панорамы орудия относительно выбранной точки наводки, в данном случае колокольни.

Я лишь пожал в ответ плечами.

Красные отвязали плавучий причал и увели его в приток. Поскольку у берега было слишком мелко, мы не осмелились подойти и произвести высадку, а сделать это со шлюпок не позволял плотный огонь противника. Не хотелось рисковать из-за опасности сесть на мель.

Мы двигались вдоль берега вниз по Иртышу, отстреливаясь из пулемётов, затем развернулись и пошли вверх.

Юрьев явно чувствовал себя на «Катуни» не в своей тарелке. Он был сильно впечатлён укреплениями и плотностью огня красных.

— Их слишком много. Нам не взять их теперь, когда они окопались. Надо уходить.

Однако мы с Вадимом не разделяли его мнение. Это было соревнование армии и флота, в котором мы играли за флот, и не собирались уступать первенства.

— Простите, полковник, но вам лучше поговорить с Вадимом. Он командует дивизионом, я всего лишь командир корабля.

Пули смертельным карильоном стучали по бронированным листам рубки. Юрьеву не хотелось бежать по длинному открытому проходу на мостике, и он оставил эту тему.

Вадим прокричал в рупор:

— Ты сможешь причалить эту чёртову «Катунь» против траншей у церкви? Тогда мы высадим пехоту в мёртвой зоне, и у них будет шанс броском взять позиции.

Идея мне понравилась. Конечно, в ней была изрядная доля риска, но, если нам удастся захватить эти траншеи, которые являются ключом к позициям красных, деревня окажется под угрозой, и они будут вынуждены увести артиллерию.

Я вызвал Криволапова и велел ему подавить пулемётами четыре огневых точки противника. Он прополз к спрятавшимся за броней расчётам и указал каждому его цель.

Затем положили право руля и дали полный ход. Плоскодонная «Катунь» яростно рванула к берегу и вылетела на песок почти до самых крыльев мостика. Всё это произошло за считанные секунды. Пулемёты по правому борту тут же открыли огонь, и весь корабль содрогнулся от мощного залпа 130-мм кормового орудия. Тяжёлые снаряды ударили по траншее, подняв огромные фонтаны песка и дыма.

Тем временем Колесников быстро высадил своих людей с левого борта, где корпус корабля закрывал их от пуль. Огонь противника не ослабевал, пули хлестали по гребню песчаной дюны, на время укрывшей отряд.

Люди были напуганы плотностью огня и явно не решались бежать пятьсот метров в атаку по открытому месту.

Нельзя было терять ни минуты. В любой момент артиллерия красных могла открыть огонь, и через несколько минут «Катунь» превратилась бы в груды искорёженного металла и обугленных тел.

Я спрыгнул с мостика на песок и подполз к Колесникову.

— Вы что, не знаете, как поднять своих людей, полковник? Или вам напомнить про вчерашнюю ночь?

Старый вояка побагровел от такого оскорбления. Он встал, сунул трость под мышку и в одиночку пошёл в сторону вражеских траншей.

А затем я стал свидетелем одного из самых впечатляющих зрелищ за всё время Гражданской войны. Отряд полковника выстроился, закинул винтовки за спину и, молча держа строй, медленно двинулся за ним. Стали падать убитые и раненые, но цепь, не дрогнув, продолжала идти вперёд. Позднее мы захватили бумаги штаба красной бригады, удерживавшей Усть-Ишим. Среди них оказался рапорт об отражении этой атаки: «С корабля были высажены какие-то иностранные части, вероятно, английские. Они волной шли на наши окопы в полной тишине и идеальном порядке так, что наши пулемёты не могли остановить их».

Красные были не в силах представить, что соотечественники могут атаковать молча и шагом. Тихий ужас от вида плотной цепочки людей, медленно идущих по песку под градом пуль, заставил красноармейцев бросить свои позиции. Наш главный калибр прямым попаданием уничтожил одно из пулемётных гнёзд, подняв в воздух обломки брёвен и куски тел расчёта. Тем временем егеря высадились в притоке и двумя цепями пошли в обход правого фланга, чтобы зайти к траншеям с тыла.

Подгоняемые нашими пулемётами, мешковатые, мышино-серые от пыли фигуры в хаки густой массой побежали по ходу сообщения, чтобы укрыться на деревенской улице.

Подошедший «Зайсан» сдёрнул «Катунь» с мели. Всего через несколько минут мы были снова на плаву, и я смог облегчённо вздохнуть. Вражеская артиллерия ни разу не выстрелила.

Мы двинулись дальше вниз по течению на перехват отступавших красных. И в этот момент Юрьеву пришла в голову неудачная мысль послать Редько радио с докладом о наших действиях.

«...противник разбит в результате трёх успешных атак... Усть-Ишим взят... красная бригада отступает... веду преследование в направлении на Вагай...».

В следующей деревне мы заметили какой-то обоз неприятеля, двигавшийся по дороге вдоль берега реки.

После залпов шрапнели тёмные на фоне кровавого заката силуэты телег, людей и лошадей стали бешено разбегаться в разные стороны.

Два снаряда по ошибке вместо шрапнельных оказались лиддитовыми и подожгли одну из изб. Ветер стал разносить огонь по соломенным крышам, и вскоре вся деревня уже была в огне. Крестьяне в отчаянии бегали вокруг своих домов с ведрами воды, вытаскивая пожитки и увозя скот.

Мы сразу же прекратили стрельбу. Юрьев вышел на мостик и вместе с нами смотрел на горящую деревню — привычную картину гражданской войны. Быстрота, с которой было уничтожено это беззащитное селение, шокировала нас.

— Чёртова война! — сказал Вадим. — Теперь по всему Иртышу крестьяне будут ненавидеть нас.

Радиотелеграфист прервал наши мысли сообщением от Редько:

«Кто дал вам право проводить такие операции? Немедленно возвращайтесь в Усть-Ишим и ждите дальнейших указаний».

Приказ был предельно ясным. Нам ничего не оставалось, как повернуть назад и дать противнику уйти.

Однако ни Вадим, ни я не желали подчиняться молча, не предав огласке своего отношения к этому замечательному приказу. Мы ответили Редько, послав копию сообщения главнокомандующему Восточным фронтом, начальнику Штаба фронта и морскому министру: «Выполняем ваш приказ о прекращении преследования противника и даём ему возможность беспрепятственно отступить и перегруппироваться».

Юрьев тоже подписал сообщение и тем навлёк на себя огромные неприятности. Он находился в прямом подчинении у Редько, в то время как мы лишь в «оперативном». Расплата не заставила себя долго

ждать, он был отстранён от командования за неподчинение и за то, что «дал противнику уйти».

Вернувшись в Усть-Ишим, мы выяснили, почему артиллерия красных так резко замолчала, когда мы приближались к селу. Их единственные два орудия стояли на рыночной площади перед церковью. И первый же залп шрапнели разорвался прямо над ними, рассеяв прислугу. Следующий залп не дал расчётам поменять позицию, так как лошади в испуге понесли, когда их подводили к пушкам. Егеря нашли их обе в полной исправности с панорамными прицелами.

Бросив якорь, мы с Вадимом отправились на традиционную вечернюю прогулку по берегу. Там нам встретился егерь из рабочих-воткинцев с наспех перевязанной, кровоточившей рукой. Тяжёлым кнутом он хлестал какого-то тощего, жалкого вида красноармейца.

Приблизившись к ним, мы услышали, как пленный кричал что есть силы:

— Животное! Ты не имеешь права меня бить! Я интеллигентный человек!

На это необычное требование воткинец, не переставая работать кнутом, твёрдо отвечал:

— А за это тебе надо всыпать отдельно! Все беды от вас, интеллигентов!

Нам стоило труда забрать у него пленного. Солдат был вежлив, но непреклонен:

— Этот гад не достоин жить! Зачем нужны эти интеллигенты? Паразиты и мошенники!

На этой гротескной ноте закончился день первого поражения Блюхера на Иртыше. Сейчас Блюхер стал выдающимся человеком. Научил китайцев воевать друг с другом, разбил Чжан Цзолиня на КВЖД и возглавил советские войска на Дальнем Востоке. Возможно, он кое-чему научился от нас в плане использования речных канонерок и не будет теперь застигнут врасплох на Амуре или Сунгари, как это случилось с ним на Иртыше²⁰⁶. Он решительный человек, и где-то внутри мы с Вадимом испытывали к нему уважение.

²⁰⁶ На момент выхода первого издания книги В. К. Блюхера уже не было в живых. Он умер 9 ноября 1938 года в Лефортовской тюрьме, не выдержав допросов.

ГЛАВА 15.

Дурные знаки

Октябрь 1919 года плавно переходил в ноябрь, а Омск, столица Белой Сибири и ставка адмирала Колчака, пребывал в напряжённом ожидании.

Каждый день на восток отправлялись бесконечные составы теплушек и пассажирских вагонов, нёсшие в себе обычные обломки гражданской войны: военных, беженцев, правительственных чиновников, ищущих новую, более надёжную столицу, иностранные миссии, разочаровавшиеся в Колчаке и готовые продать его большевикам, армейские госпитали с их жутким грузом изувеченных и мечущихся в лихорадке людей, имущество министров омского правительства, бегущих с тонущего корабля государства.

Замёрзший Иртыш оставил нашу флотилию без работы, и я был назначен командиром батальона в расквартированный в Омске Морской учебный полк, где стал свидетелем суеты и бегства из обречённого города. Мой батальон являлся частью ударной группы генерала Войцеховского, собранной для защиты Омска и существовавшей преимущественно на бумаге да в розовых мечтах Оперативного отдела штаба Верховного главнокомандующего.

Насколько я мог судить, планы по обороне города были настолько туманными и фантастическими, что в реальности никакого сопротивления не предполагалось. Весь этот спектакль предназначался лишь

для гражданского населения, чтобы создать у него впечатление конца долгого сибирского отступления.

Мой батальон был расквартирован в относительно новом здании, расположенном прямо напротив штаба Верховного главнокомандующего, который стремительно пустел от своего официального населения, бежавшего на восток, не зная точно куда, но точно зная, что ничего хорошего их там не ждёт. Короткими октябрьскими днями я готовил моряков к полевой службе, пытаюсь сколотить из них хоть какое-то подобие боевого подразделения. Ни офицеры, ни матросы, прослужив всё лето на судах речных флотилий, не имели ни малейшего представления о войне на суше и не получили пехотной подготовки до своего перевода в стрелки в середине октября. Большую часть свободного времени отнимали заботы о снабжении, беготня по городу в отчаянных попытках выбить у Минно-артиллерийского отделения Морского министерства хоть несколько пулемётов и обучение младших офицеров азам полевой и караульной службы. Мои подчинённые были совершенно несведущи в этой части военной науки и не горели желанием учиться. Их не прельщала карьера пехотинцев, флот всегда считался выше.

Деливший со мной комнату капитан Р. был выпускником известной немецкой технической школы и специалистом по кодам. Вечерами, как это принято в России, мы говорили обо всём на свете, и однажды речь зашла о судьбе, ясновидении и тому подобных вещах. Р. умудрялся сочетать широкие познания в естественных науках с верой в оракулов и прочих мастеров оккультных услуг.

— Здесь в Омске есть одна замечательная ясновидящая, мадам Войтова, жена полковника Генерального штаба, — сказал он, — довольно известная. Произвела сильное впечатление на некоторых моих знакомых.

Мой скепсис оказался сильнее вежливости, и я довольно прямо высказал сомнения относительно предсказаний вообще и способностей мадам Войтовой в частности. Р. был немного задет этим, но всё же сумел уговорить меня нанести ей на следующий день визит. В конце концов, в Омске не хватало развлечений, и, не в обиду Голливуду, хороший медиум может оказаться не менее забавным, чем плохой фильм.

На следующий день мы отправились к мадам Войтовой, прокладывая себе путь по непролазной грязи омских предместий. Р. и я оказались единственными посетителями в тот час. Мой спутник, хорошо знакомый хозяйке, был сразу приглашен во внутренние покои, где мадам Войтова принимала клиентов. Он пробыл там почти час и вышел сильно озадаченным, нервно крутя ус. Мадам Войтова проводила его в приёмную и жестом показала, что готова принять меня. Когда я подошёл к двери, она вдруг заколебалась, повернулась к Р. и что-то тихо ему сказала, так, чтобы её не было слышно. Я вернулся на свой стул, а ясновидящая увела Р. обратно в свой кабинет, где они пробыли вдвоём ещё несколько минут.

Всё это выглядело довольно странно, но ещё больше я удивился, когда Р. вышел и сказал, что мадам Войтова просит её извинить, но она устала и не сможет провести ещё один сеанс.

По дороге домой я стал подначивать Р.:

— Вы в сговоре с этой дамой. Она расспросила вас, чтобы потом сказать мне что-нибудь правдоподобное. Она обвела вас вокруг пальца, поняв, что вы легкая добыча. Готов поспорить, через день-другой она пригласит нас прийти снова, чтобы продемонстрировать свою осведомлённость.

Это было уже слишком. Р. взорвался.

— Вы болван! Я жалею, что взял вас с собой. Она удивительная женщина, так что оставьте свои шуточки. Кроме того, она — благородная дама, и я не потерплю оскорбительных замечаний ни от вас, ни от кого-либо ещё.

Он был в хорошей форме и всю дорогу домой продолжал клясть меня на чем свет стоит.

В виде предложения мира я достал последнюю из подаренных главой британской военно-морской миссии бутылок шотландского виски. Р. любил этот напиток и к тому времени уже испытывал неловкость за свою вспышку. После второго стакана он взялся за трубку и стал блаженно рассказывать историю о том, как однажды перед войной посетил Лондон. Я вернул разговор к Войтовой и умолял сказать мне правду, всю, какая ни есть. Наконец смягчившийся и расслабившийся от выпивки Р. рассказал всё, как было.

— Я был очень зол на вас, и к тому же мадам Войтова может неправильно понять, если узнает, что я проговорился, но извольте: пару недель назад к ней пришёл один молодой офицер и попросил узнать его будущее. Как только он вошёл в комнату, она почувствовала сильнейший антагонизм, исходивший от него, и предчувствие несчастья. Она провела его в кабинет, где после короткого сеанса убедилась, что жить ему осталось всего несколько дней, а смерть будет жуткой и мучительной. Он долго настаивал, и наконец она рассказала ему о том, что увидела. Молодой человек принял всё очень спокойно, как будто это его не касалось. Единственное, что он хотел знать — умрёт ли он сразу, или его ждёт что-то худшее. Она ответила уклончиво, и офицер тем же вечером отбыл на фронт. А несколько дней спустя он был ранен в стычке с партизанами и попал в плен. Красные замучили его до смерти, пытаясь выведать расположение наших частей. Занявший позднее эту деревню полк обнаружил его изувеченное тело.

— Когда она увидела вас, — продолжал Р., — то уловила те же колебания. Она только что узнала от мужа о смерти того молодого человека и была сильно огорчена. Почувствовав, что вас ждёт так же много несчастий впереди, она не захотела подходить к кристаллу. А затем, очень странно показав на свой правый висок, сказала: «Смерть прошла у него здесь несколько недель назад».

Эти слова заставили меня подняться. Я действительно недавно чуть не погиб. Дело было под Тобольском. Мы с Вадимом стояли на мостике «Катуни», попавшей под плотный огонь с берега. Одна из пуль прошла между нами, ударила в броню рубки и, отрикошетив, застряла на излёте у Вадима во лбу. Он спокойно выковырял её, сунул в карман и продолжил потягивать трубку. Та пуля прошла в миллиметре от моего правого виска.

И в тот же миг мне вспомнилось ещё одно странное совпадение. Когда мы шли от мадам Войтовой, я заметил старика, игравшего «O Sole Mio» на разбитой шарманке. Его облезлая обезьянка с круглым хвостом прыгала и крутилась под музыку на потеху окружившей их детворе. Тогда я подумал лишь, как неуместно звучит эта томная мелодия под холодным свинцовым небом Сибири. Но сейчас мне вспомнилось, как три года назад в Гринвич-Виллидж, у выхода из дома одной бре-

316 тонской прорицательницы, к которой меня уговорил зайти Фрэнсис, какой-то толстый, весёлый неаполитанец играл тот же самый мотив. Старая бретонка сказала мне тогда, что я отправлюсь в Сибирь, что в России будет революция и что в течение нескольких лет мне будет грозить смертельная опасность. Тогда я не воспринял её предсказания всерьёз, ибо Сибирь была последним местом на земле, куда я собирался поехать, а слово «революция» звучало настолько часто, когда речь заходила о моей стране, что я стал воспринимать его как точку зрения, а не прогноз.

«Жутковато всё это», — подумал я про себя, гася свет.

Две недели спустя через город потянулись арьергарды колчаковской армии. Части сохраняли подобие порядка. Солдаты были одеты в короткие овчинные полушубки и валенки. Но лишь немногие полки дотягивали по численности до роты или эскадрона. Мы же так и не получили приказа на отход, равно как и на занятие участка обороны.

Кузьмич, наш батальонный адъютант, вместе с несколькими конными вестовыми находился при штабе генерала Войцеховского. Опыт Гражданской войны научил меня не доверять дальновидности и организаторским способностям командующих. Поэтому я предпочел лучше держать на связи Кузьмича, который всегда безошибочно оценивал ситуацию, чем отдаться на милость начальника штаба, который мог вспомнить, а мог и забыть вовремя известить меня о том, что пора уходить из Омска. В дни бегства штабы часто бывали слишком заняты, чтобы разослать всем частям приказы относительно порядка их действий.

Утром 13 ноября Кузьмич через вестового передал мне новость о том, что генерал Войцеховский покинул штаб в неизвестном направлении, а начальник штаба спешно пакует бумаги. Я подумал, что будет лучше отправить наш обоз и подводы с боеприпасами в деревню в десяти верстах к востоку от Омска. Командир полка согласился, и к полудню нагруженные повозки выдвинулись из города под охраной взвода стрелков. Вечером Кузьмич сообщил, что начальник штаба тоже исчез, не сказав куда и не оставив никаких указаний частям нашей группы. Я оседлал лошадь и отправился к полковнику, командовавшему егер-

ским батальоном на противоположном берегу реки Омь. Это была единственная надёжная часть в городе.

Мы обсудили ситуацию и договорились действовать сообща ради безопасности наших подразделений, а также попытаться связаться со штабом Восточного фронта для получения указаний о дальнейших действиях. Разработав детальную схему расположения патрулей и застав на берегу Иртыша и дороге, ведущей из Омска на север, мы решили протянуть полевой телефон, чтобы не зависеть от городской сети. Командир полка одобрил диспозицию, а сам тем временем попытался установить связь со штабом фронта. Отдав распоряжения относительно постов и караулов, я отправился спать с мыслями о перспективах уличных боев в городе. Трудно было сказать с уверенностью, на чьей стороне станут драться запасные полки, расквартированные в Омске. Я склонялся к тому, что, как только станет горячо и мы перестанем контролировать их, они сразу перейдут к красным.

Рано утром Кузьмич бесцеремонно разбудил меня, энергичными рывками почти вытряхнув из постели.

— Начальник оперативного отдела тоже сбежал. В штабе обороны не осталось никого, кроме писарей и вестовых. Никаких указаний о диспозиции нашего батальона или других частей так и не сделано.

Я спал в одежде и обуви, и уже через минуту, нацепив ремень с пистолетом и кривой казачьей шашкой, которую носил вместо положенной по уставу морской сабли — довольно неудобного оружия для рукопашной — вбежал в комнату командира полка. Тот уже проснулся и сидел за рабочим столом. Он сказал, что ему удалось установить связь со штабом фронта. Нашему полку и егерям было приказано не ввязываться в уличные бои, а поддерживать закон и порядок в городе до приближения авангардов противника. Затем отойти в Татарское, где ждать дальнейших указаний. Мой батальон получил задачу по охране порядка, патрулированию улиц и предотвращению мародёрства, которое всегда начинается во время эвакуаций.

Остальные батальоны полка были построены на площади перед казармами и после краткого обращения командира выдвинулись в путь, сопровождаемые двухколёсными повозками пулемётной роты.

Проводив их, я установил телефонную связь с заставами на Иртыше и командиром егерей, которые тоже готовились покинуть город. Кроме того, были приняты меры по обеспечению нашего собственного отхода путем выставления постов и патрулей вдоль улиц, ведущих в сторону Татарского.

Около полудня на противоположном берегу Иртыша появились конные разведчики красных, открывшие беспорядочную стрельбу по моим заставам. Сняв ответным огнем нескольких из них, заставы отступили под прикрытие нашей собственной конницы, составлявшей арьергард батальона и имевшей приказ держать противника в поле зрения, но в бой не вступать.

Грязь на разбитой дороге замёрзла, и тяжёлые кованые ботинки моряков бодро хрустели в морозном воздухе, когда одетая в хаки колонна пересекала равнину, отделявшую Омск от Татарского. Шёл небольшой снег, и белые пятна тут и там разбавляли жёлто-бурую монотонность степи.

Я ехал во главе колонны на жалкой кляче, выделенной мне полком взамен моей захромавшей накануне лошади. Молчаливый и угрюмый Кузьмич ехал рядом, погружённый в свои мысли. Всегда ловкий и прямой в седле, он ссутулился и пребывал в таком же подавленном состоянии, как и я. Вероятность встречи в открытом поле с конницей красных не давала нам покоя. Я был абсолютно уверен, что не позднее завтрашнего утра противник отправит полк или два отрезать нас от арьергарда, и тогда морякам придётся в плотном строю отбивать атаки кавалерии и одновременно пытаться идти вперед достаточно быстро, чтобы не быть перехваченными пехотой. Слабое прикрытие наших конных разъездов рассеялось бы за несколько минут. В его задачи входило лишь наблюдение за противником на равнине.

Погружённые в свои мысли, мы не смотрели вперед, и я чуть не выпал из седла, когда внезапно моя лошадь резко шарахнулась в сторону. Причиной тому был труп человека, лежавший поперёк дороги — гражданский, в городской одежде, с обезображенным выстрелом в упор лицом. За годы войны, и особенно за последние два года Гражданской, мы привыкли к трупам, но вид этого одинокого, брошенного на дороге

тела странным образом шокировал меня. Огромная дворняга рядом рычала, недовольная тем, что её оторвали от жуткой трапезы.

— Дурной знак, — сказал Кузьмич, когда моя лошадь поравнялась с ним. — Похоже на финал поэмы Блока «Двенадцать», только несчастный буржуй уже мёртв, и революция пожирает его труп.

Мы задержались на минуту, замороженные символизмом сцены собаки и тела.

Слова Кузьмича заставили меня задуматься. Перед нами лежал мирный житель в гражданской одежде, совершенно не подходящей для долгого перехода в суровых условиях Сибири, с руками человека интеллигентных занятий, павший жертвой хаоса Гражданской войны. Обе стороны были одинаково чужды ему, и, убеждённый, что ничего нельзя решить силой оружия, он не верил в прямое действие. И вот где оказался. Война дотянулась до него своими когтями и выбросила изувеченное тело на обочину.

Когда мы двинулись дальше, я подумал о мадам Войтовой и впервые за долгие годы войны ощутил чувство нависшей надо мной опасности. Мне подумалось, что моя судьба будет не сильно отличаться от той, что постигла этого незнакомца. Вопрос о том, что происходит с телом после смерти, обычно не сильно заботил меня, но мысль об останках, ставших добычей бродячих собак, вызвала сильный дискомфорт.

Мои люди были непривычны к длительным маршам, и по прибытии на ночлег в деревню у многих оказались сильно стёрты ноги в тяжёлых английских ботинках. После обычной рутины по расквартированию батальона, расстановке постов, разговора со старостой и отправке донесения в штаб полка, я направился в отведённую мне избу местного купца и собрался уже поужинать тушёной говядиной с картошкой, как всегда отменно приготовленной моим вестовым-австрийцем.

Сняв шинель, я обнаружил, что у меня с кителя пропал знак Гвардейского Экипажа — железный крест с монограммой последнего императора. Знак крепился специальным винтом с обратной стороны, и было невозможно понять, как он мог открутиться и особенно проскользнуть под туго затянутым ремнём, который я носил поверх шинели.

Эта неприятность огорчила меня ещё больше, чем труп на дороге. Старый, наполовину выцветший крест был единственной ниточкой,

320 связывавшей меня с прошлым. Это был символ великого города, построенного императором-корабелом Петром; великих дней битвы при Кульме, когда морская гвардия помогла разбить Вандама и загнать Корсиканца в угол; величественных кораблей Императорского флота и всего великого прошлого Российской Империи, так контрастировавшего с её жалким настоящим, когда одна из последних белых армий бежала под натиском наступавших красных.

За ужином я рассказал Кузьмичу о пропаже, и, когда он назвал меня суеверным, сказал ему, что теперь мне уже никогда не носить гвардейской формы и никогда не быть настоящим офицером настоящего полка, которым можно было бы гордиться. Мы превратились в сброд, притворяющийся солдатами.

Кузьмич посчитал, что это вид трупа нагнал на меня хандру, и попытался развеселить, как мог: мол, наши армии соберутся с силами, мы разобьём красных и ещё будем в Москве. Я не стал спорить и пошёл обходить посты.

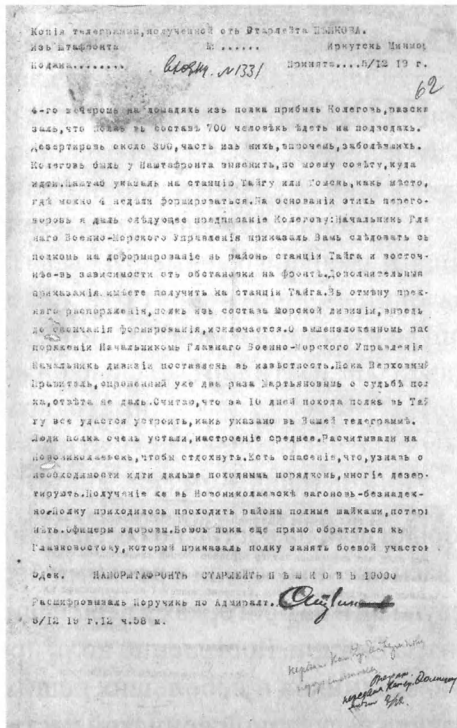
ГЛАВА 16.

Ледяной поход

День за днём моряки шли на восток по бескрайним просторам Сибири. Сначала через заснеженные степи с редкими берёзовыми рощами и татарскими деревушками на пригорках у небольших озёр, затем через великую тайгу центра Сибири. Постепенно полк превратился в длинное скопище саней, всадников и небольших пеших групп, в котором ничто уже не выдавало регулярной воинской части. Санные упряжки мы брали у местных крестьян и меняли их каждый день, коней для верховых покупали или обменивали по бартеру. Поход проходил без особых событий, если не считать небольших стычек с партизанами, но в основном это было унылое и монотонное движение пешком, верхом или на санях с раннего утра и до позднего вечера, конное патрулирование и караулы по ночам, разведка и расквартирование на постой днём. Пару раз мы сбивались с пути во время жутких снежных буранов в степи, когда весь мир вокруг превращался в одну сплошную массу бешено летящего снега, закрывавшего дневной свет и сокращавшего видимость до нескольких метров.

Холодным декабрьским днём полк двигался по узкой таёжной дороге, прокладывая путь между стоявших по бокам колоннад гигантских елей.

Белые заячьи ушанки, киргизские малахаи и серые армейские папахи вместе с короткими овчинными полушубками, длинными дохами из конских и козлиных шкур, английскими шинелями и подбитыми

Телеграмма начальника ГУЛИСО (Управления по делам личного состава Морского министерства) старшего лейтенанта Пешкова из Штаба фронта морскому министру в Иркутск от 5 декабря 1919 года о движении Морского полка.

«4-го вечером на лошадях из полка прибыл Колегов, рассказал, что полк в составе 700 человек едет на подводах. Дезертиров около 300, часть из них, впрочем, заболевших. Колегов был у Наштафронта выяснить, по моему совету, куда идти. Наштаб указал на станцию Тайгу или Томск, как место, где можно 4 недели формироваться. На основании этих переговоров я дал следующее предписание Колегову: Начальник Главного Военно-Морского Управления приказал Вам следовать с полком на доформирование в район станции Тайга и восточнее – в зависимости от обстановки на фронте. Дополнительные приказания имеете получить на станции Тайга. В отмену прежнего распоряжения, полк из состава Морской дивизии, впредь до окончания формирования, исключается. О вышеизложенном распоряжении Начальником Главного Военно-Морского Управления Начальник дивизии поставлен в известность. Пока Верховный Правитель, спрошенный уже два раза Мартьяновым о судьбе полка, ответа не дал. Считаю, что за 10 дней похода полка в Тайгу всё удастся устроить, как указано в Вашей телеграмме. Люди полка очень устали, настроение среднее. Рассчитывали на Новониколаевск, чтобы отдохнуть. Есть опасение, что, узнав о необходимости идти дальше походным порядком, многие дезертируют. Получение же в Новониколаевске вагонов – безнадёжно. Полку приходилось проходить районы полные шайками, потерь нет. Офицеры здоровы. Боюсь пока ещё прямо обратиться к Главквостоку, который приказал полку занять боевой участок».

(РГАВМФ. Ф. Р-1722. Оп. 1. Д. 24. Л. 62)

мехом брезентовыми фуражками выглядели очень живописно, но почти полностью стёрли тот щеголеватый, с иголочки вид, которым наша часть так гордилась ещё несколько недель назад.

Пулемёты везли с заправленными лентами на специальных платформах в больших санях, которые тянула пара лошадей под охраной групп конных и пеших стрелков. Люди двигались молча. Немногие, у кого оставался табак, курили. Тайга не располагала к разговорам.

Ещё засветло мой батальон прибыл в большую деревню, где нас уже ждали квартирьеры, распределявшие роты на постой по избам. Мы сразу же выставили боевое охранение и патрули на единственной улице, а на выездах из деревни организовали сильные заставы с пулемётами.

На улице никого не осталось, кроме часовых. Промёрзшие за день люди отогревались в ожидании ужина у больших русских печей. Крестьяне же, в свою очередь, чувствовали себя безопаснее, сидя по домам.

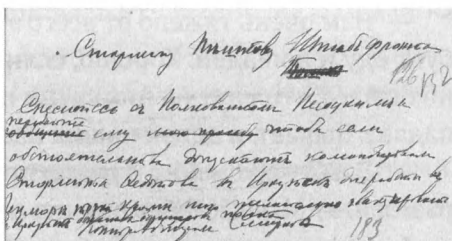
Штаб батальона разместился в большой пятистенной избе местного богатея Игнатия Скорова. Хозяин, проворный старик с военной выправкой и седой окладистой бородой, принял своих незваных гостей прохладно, но с почтением.

— Вы кто ж такие будете? Нынче разный народ туда-сюда ходит: партизаны, красные, белые, чехи. А в Красноярске, сказывают, появились какие-то новые — серые. Мы тут в тайге совсем запутались, что к чему.

— Мы — белые, отступаем с самого Урала, идём на Байкал.

— Вот смотрю я на вас на всех: колчаковцев, анненковцев, партизан Щетинкина — не похожи вы на солдат. Ведёте себя как разбойники.

И, помолчав немного, продолжил:

Телеграмма контр-адмирала Смирнова в Штаб фронта старшему лейтенанту Пешкову.

«Снесите с полковником Песоцким и передайте ему, чтобы, если обстоятельства допускают, командировал старлейта Федотова в Иркутск для работы в Генморе. Кроме того, желательно эвакуировать в Иркутск бывших офицеров полка».

(РГАВМФ. Ф. Р-2180. Оп. 1. Д. 48. Л. 132).

— Нам очень тяжело от всего этого. Каждый из вас приходит и требует еду и лошадей. Хорошо, если сани отпустят на следующий день, но бывает, что едут на них сотни вёрст. И каждый раз имущество пропадает. Бывает, и девок наших насильничают.

— Вам тут, конечно, трудно приходится, но и нам не легче, — возразил я. — Мы идём без отдыха от Омска. И за это время чего только не было — арьергардные бои с красными, нападения на посты по ночам, стычки с партизанами. А в этом чёртовом холоде солдат не может даже винтовку зарядить, не содрав кожу с пальцев, как только снимет рукавицы.

— Зачем же вы тогда идёте всей толпой? Расходитесь по домам. Какой смысл продолжать строить из себя солдат, со всеми этими караулами и заставами, как будто вы настоящая армия?

— Ну, отец, в наше время не так-то просто всем разойтись и остаться в одиночку. У нас на хвосте сидят красные, а за каждой ёлкой караулят партизаны. В отряде у нас больше шансов. Без парочки пулемётов сейчас далеко не уйдёшь. Тебя разденут догола, не успеешь отойти от деревни.

— Это верно. Об этом я не подумал. Сообща-то оно надёжнее.

Массивная входная дверь распахнулась, и наш разговор был прерван ввалившимися в избу часовыми, которые тяжело топали замёрзшими ногами.

— Застава на восточной стороне деревни задержала тройку, ехавшую с подвязанными колокольцами. В санях трое. Говорят, знакомые Сорова, приехали к нему в гости. Ещё говорят, в деревне гулянка сегодня должна быть. Привести их, Ваше высокоблагородие?

— Давай, веди.

Часовые привели трёх человек. Один был на голову выше остальных. Тёмные кудри, густые чёрные брови и короткие усы над белозубой улыбкой, одет хорошо, почти по-городскому. На ногах высокие хромовые сапоги, чёрный овчинный полушубок, по-военному подпоясанный ремнём и лихо заломленная набекрень серая папаха. Он спокойно поприветствовал хозяев, не обращая внимания на офицеров.

— Откуда вы?

— Из Вихирево.

— Хозяин, ты знаешь этих людей?

— Конечно, это вихиревские хлопцы. А это Фёдор Малых, жених моей дочери.

Часовые вышли. Гости сняли свои полушубки и сели за стол вместе с нами.

Постепенно изба заполнилась парнями и молодыми девушками. Мужчины расселись вокруг стола, а женщины — в самом дальнем от нас углу, откуда доносились перешёптывания, смешки и треск скорлупок маленьких кедровых орешков. Чувствовалось, однако, какое-то напряжение, и веселье не начиналось.

Жёлтый неровный свет двух свечей, принесённых моим вестовым из его тайных запасов, выхватывал из темноты лица сидевших за столом крестьян и офицеров. Женский угол был почти полностью скрыт в темноте. Молодая сноха хозяина, тяжело дыша, суежилась у печи с квашнями. Вокруг бегали ребятишки. Время от времени дверь на вторую половину дома приоткрывалась, и лица девчат причудливо озарялись красным светом горевших просмолённых лучин, использовавшихся в Сибири вместо дефицитных свечей и керосина.

Чтобы преодолеть повисшую неловкость и недоверие, я повернулся к нашему офицеру связи, лейтенанту Ежову²⁰⁷, и попросил его: «Паша, спой что-нибудь повеселее».

Ежов расстегнул ворот гимнастёрки, отбросил со лба непослушный локон и запел мягким, хорошо поставленным голосом. Однако причудливая ария из «Садко» Римского-Корсакова звучала неуместно и невесело в этой грубой избе с низким закопчённым потолком, среди людей в тяжёлой одежде, придавленных темнотой и холодом долгой сибирской ночи.

Вскоре и сам певец почувствовал свою ошибку и, не закончив песню, перешёл на старинные стансы о покорителе Сибири Ермаке.

²⁰⁷ Ежов Павел Павлович (1890—1950) — старший лейтенант, начинал службу на Балтийском флоте. В октябре 1917 г. убыл на Дальний Восток, был в заграничном плавании, затем служил на судах Сибирской флотилии. С осени 1919 г. в Морском учебном батальоне, преобразованном затем в полк. После сдачи полка красным сумел перебраться в Китай, затем в США. Член общества (Каюг-компания) бывших русских морских офицеров в Сан-Франциско.

Мужчины подхватили мотив бурной реки. Гудели низкие басы и «во мраке молнии летали»²⁰⁸.

Крестьяне с явным удовольствием слушали эту старую песню. Баллада, пришедшая с берегов могучего Иртыша в их таёжные дебри, стала своего рода мостом, перекинутым между нами и этими лесными жителями.

Малых смотрел на Ежова в упор, подперев рукой курчавую голову.

— Что толку в этом старье? — спросил он, когда Ежов закончил. — Давай что-нибудь современное, «Сибирский шарабан», например. Знаешь слова?

*Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский.*

Это был явный вызов. Сперва я хотел заткнуть этого наглеца, но потом передумал и просто расстегнул кобуру пистолета, чтобы в случае чего иметь возможность быстро выхватить оружие.

В дело вмешался хозяин:

— Почему же, старые песни очень красивые. Когда я служил в фанаторийских гренадерах²⁰⁹, мы пели гораздо лучше. А в том, что ты говоришь, Фёдор, нет ни смысла, ни мелодии — это городские куплеты.

И чистым, слегка надтреснутым голосом он запел старинную «А в лугах». Вся изба слушала, затаив дыхание. Даже девчата перестали грызть орешки. Эта песня о вещах столь отдалённых, казалось, полностью овладела их чувствами. Сцены жизни далёких деревень Европейской России с их широкими лугами и берёзовыми рощами вызвали глубокий отклик в душах всех нас.

— Красиво, — сказал Ежов, — настоящая русская песня, не куплеты какие-нибудь.

— Хорошего солдата без песни не бывает, — заметил Скоров. — Когда я служил действительную при императоре Александре, всё

²⁰⁸ Строка из песни на стихи декабриста К. Рылеева «Смерть Ермака» (1822).

²⁰⁹ 11-й гренадерский Фанаторийский генералиссимуса князя Суворова полк.

было настоящим, и песни, и армия. Не то, что сейчас, не в обиду вам будет сказано.

На столе появилась четверть самогона и тяжёлые, зелёного стекла стопки.

— А что вы думаете о советской власти? — повернулся ко мне хозяин, накрыв стопку ломтем чёрного хлеба с солью. — Что это за власть такая? Нам тут в тайге непонятно. Одни говорят, это власть рабочих и крестьян, другие, что это коммуна какая-то. Одни их зовут большевиками, другие коммунистами. И как будет с налогами, что говорят на этот счёт?

— Как по мне, так это не *наша* власть, не русская, — ответил я. — Они стоят не за страну, а за Интернационал. И это очень суровая власть, с ней шутки плохи.

— Да, мы тоже думаем, что власть эта жестокая, возможно, жёстче, чем были белые. Тревожно нам. Придут люди из Москвы, и что будет со всеми нами? Неизвестно. Что это за Интернационал такой? Вместо царя? Вроде Колчака, только красный?

— Ну что вы такое говорите, папаша, — перебил его Малых. — Интернационал — он за весь мир. Власть рабочих на всем свете. Все люди будут, как братья, жить одной нацией. Не будет помещиков и капиталистов. Каждый станет сам себе начальник. Одним словом — пролетарское царство.

— А как же Бог?

— Я вам много раз говорил уже, что Бога нет! И церкви нам не нужны. Довольно с нас этих попов-паразитов, пора избавиться от них.

— Как же это? Нет Бога? Нам, крестьянам, без Бога нельзя. Это ты пожил в городе и стал такой умный, что отошёл от Бога. А нам, деревенским, так нельзя.

Мы выпили ещё по стопке, и Ежов стал рассказывать о советской власти, о комитетах бедноты, продразвёрстке, чека.

Крестьяне напряжённо слушали. Лишь один Малых с безразличным видом крутил сигарку. Потом, впрочем, он тоже заинтересовался и стал задавать вопросы.

— А что, мобилизуют они народ в Красную армию? И правда, что забирают весь хлеб в деревнях?

К разговору присоединились те из моих стрелков, кто сам был из крестьян. Простым, мужицким языком они объяснили, что их не устраивало в красных. Спокойно, без эмоций, но обстоятельно и во всех подробностях они рассказали о комиссарах, продотрядах и чрезвычайке.

— Если бы я поверил хоть в половину того, что вы говорите, я бы прямо сейчас пошёл с вами, — воскликнул Малых.

— Не пройдёт и года, как ты всё это увидишь своими глазами, — ответил ему Ежов.

Спев ещё несколько песен, гости стали расходиться.

Следующим утром наш длинный санный обоз покинул деревню. Крестьяне стояли вдоль улицы, молча провожая нас взглядом.

Я поблагодарил хозяина за гостеприимство и на прощание отсыпал ему немного табаку.

— Прощайте и счастливой дороги вам, капитан²¹⁰. Идите спокойно. Фёдор передал весточку партизанам, чтобы не трогали вас. Если вчера вы говорили правду, мы ещё увидим вас здесь снова. Как бы то ни было, мы должны сами узнать, что за люди эти большевики.

Мы пожалели руки. Я влез на своего тощего серко и рысью поскакал к голове колонны. Через несколько минут батальон снова обступили суровые ряды елей. Кузьмич, поравнявшись со мной, сказал:

— Сдаётся мне, что наш кудрявый друг — предводитель местных партизан. Не придёт ли нам снова увидеть его, уже через прицел пулемёта?

Два дня спустя мы обходили Красноярск с севера. Мороз был крепче обычного. Даже наши закалённые многомесячным походом по Сибири люди с трудом выдерживали дневной переход. Многие страдали от обморожений, и мы ничем не могли им помочь, так как наш последний фельдшер дезертировал в Красноярск, прихватив с собой бóльшую часть медикаментов. У одного офицера были так сильно обморожены ноги, что он не мог идти, и нам пришлось положить его в сани.

Из тех лошадей, что мы взяли с собой в Омске, только две дожили до этого дня. Люди оказались выносливее, но все мечтали об отдыхе в Красноярске. Мы рассчитывали добыть полушубки и валенки на

²¹⁰ Д.Н. Федотов имел к тому времени чин старшего лейтенанта флота, погоны которого соответствовали пехотному капитану — один просвет без звёздочек, и отличались только цветом.

армейских складах и дать стрелкам несколько дней отдыха, чтобы они могли поспать в тепле и забыть на время о тайге, засадах, партизанах и ночных маршах при минус шестидесяти. Но все наши надежды рухнули.

Выйдя из тайги южнее Транссиба, мы подошли к большому селу, расположенному в десяти верстах к западу от Красноярска, где нас встретил командир полка. Он сообщил о восстании в городе и приказал не входить туда, а двигаться севернее в деревню на Енисее. Подполковник объяснил, что мятеж подняли не большевики, а эсеры, но для нас в этом не было никакой разницы. Стало ясно, что, кто бы его ни поднял, отбивать город обратно белые не собираются, и любая попытка штурма обернётся такими потерями, что армия перестанет существовать как боевая сила.

Возвращаясь к голове батальонной колонны, я думал о том, что это не отступление, а паническое бегство. Но куда? Очевидно, за Байкал. Чтобы добраться до озера, войскам предстояло пройти через район Тайшета, кишевшего партизанами, и станции Зима, где, по нашим данным, находились крупные отряды красных, численностью до двух дивизий. Тому, что останется от армии после встречи с ними, не дойти до Забайкалья.

Люди ясно понимали всю тяжесть положения. Настроение было мрачным и подавленным. Но дезертировало при этом лишь несколько человек, среди которых, как ни странно, оказался и командир 9-й роты, бывший старший офицер «Катуни». Все колеблющиеся элементы уже покинули к тому времени батальон, и те, кто остался, не побежали бы ни при каких обстоятельствах. Большую часть составляли добровольцы из крестьян и небольшой процент городской интеллигенции — студенты и гимназисты. Была, конечно, вероятность, что пехотный батальон и конный отряд славгородской милиции, объединившие с нами силы несколько недель назад, могут уйти, так как они всё ещё находились не так далеко от своих деревень. Наши же люди большей частью были родом с Волги и Камы, от которых теперь их отделяли тысячи вёрст пути.

Большие села, через которые проходил наш путь к северу от Красноярска, казались настоящими городами по сравнению с теми жалкими таёжными деревушками, к которым мы привыкли в последнее время.

330 Крестьяне здесь явно жили зажиточнее. Лошади были крепкими и откормленными, и, сменив сани в полдень, мы могли ехать рысцой до позднего вечера. Если бы не ветер и холод, поездка на таких резвых упряжках по красивым холмистым равнинам могла бы быть удовольствием.

Но всё портил мороз. Никогда ещё нам не было так холодно. Пытаясь бежать или просто двигаться быстрее, чтобы согреться, мы не могли дышать. Даже ездовые из местных крестьян признавали, что «сегодня прохладнее, чем обычно».

Люди обматывали себя каждой тряпкой, какую удавалось найти. Сидевшие в санях укрывались английскими одеялами, которые нам выдали в Омске.

Мы остановились на ночь в большом селе, покинутом партизанами знаменитого Лубкова прямо перед приходом наших квартирьеров. Мне отвели дом местного священника, в котором всего пару часов назад размещался штаб партизан.

Поскольку мой батальон назначили ответственным за расквартирование на постой на следующий день, я придал квартирьерам в качестве конвоя 11-ю роту с двумя тяжёлыми пулемётами. Боцман Зудин попросился идти с ними, так как его родная деревня стояла на Енисее, и мы планировали провести следующую ночь там. Он очень торопился попасть туда как можно раньше, чтобы провести побольше времени с родителями и друзьями.

Перед сном я обошёл посты. Близость отрядов Лубкова требовала двойной бдительности, и любая небрежность в организации охранения могла стоить очень дорого. Вернувшись в дом, я попытался завязать разговор со священником и его женой, но они очень неохотно шли на контакт. Я понимал почему — они знали, что завтра утром мы уйдём, и в деревню снова придут люди Лубкова.

Я, как обычно, лёг спать, не раздеваясь и даже не снимая ремень с кобурой. Проснувшись в три часа ночи, я снова отправился проверить посты и заодно проводить квартирьеров и конвой. Сильный ветер поднимал с земли позёмку и горстями бросал в лицо поток мелких сухих снежинок. Мороз немного отпустил, и в воздухе чувствовалось скорое приближение оттепели.

Конный разъезд, возглавлявший обоз квартирьеров, уже выступил с площади перед церковью, где было назначено место сбора. За ним рысцей шли упряжки с пулемётными платформами и сани с унылыми и сонными стрелками 11-й роты.

Проводив обоз верхом до окраины села, я повернул назад, предварительно ещё раз переговорив с командиром роты лейтенантом Зориным. Он собирался ехать вместе с разъездом и обещал следить за тем, чтобы стрелки не спали в санях. Я предупредил его о лощине в пяти верстах от деревни, которая, по описаниям, была удобна для засады.

Когда я вернулся с обхода и собирался уже лечь спать, бой набата на деревенской колокольне снова поднял меня. Это был сигнал общей тревоги. Я бросился в кухню к вестовым, чтобы отправить их по ротам с приказом всем собраться на площади у церкви.

Набат не стихал всю дорогу, пока я шёл на площадь. Ветер доносил отдалённый стук пулемётов и сухие, похожие на удары плётки, винтовочные выстрелы. Дело было ясное: квартирьеры нарвались на засаду, но пулемёты — а судя по звуку, это были наши «кольты» — говорили о том, что их не застали врасплох спящими.

Роты уже строились у церкви. Пулемётчики с почти материнской заботой склонились над своими чёрными деловитыми «кольтами». Объяснять людям, что произошло, не требовалось. Они были достаточно опытны и сами понимали, что надо выручать квартирьеров. Многие сонно зевали и дрожали на ветру.

Времени совсем не оставалось, надо было срочно идти на выручку. Галопом подлетел адъютант и доложил:

— Подполковник приказал выступать немедленно. Полк двинется следом за нами.

Я дал команду зарядить оружие. Авангард быстрой рысью выдвинулся вперёд, и сразу за ним потянулись тёмные колонны рот. Лица стрелков выглядели бледно-жёлтыми в утреннем полумраке. Они напряжённо прислушивались к треску пулемётов вдалеке, готовые в любой момент вступить в бой.

Адъютант полка пришёл пожелать мне удачи старой охотничьей присказкой: «Ни пуха, ни пера!»

Выйдя из деревни, мы оказались посреди широкого поля, простиравшегося до подножий высоких, поросших ельником холмов. Издалека продолжали доноситься звуки перестрелки — то залпами, похожими на треск разрываемой материи, то одиночными выстрелами.

Поваливший снег ещё больше ухудшил видимость в едва забрезживших рассветных сумерках.

Роты быстро шли в колоннах по четыре, закинув винтовки за спину. Пролетело несколько пуль. Однако из-за глубокого снега по обочинам я не мог рассыпать людей в цепь, так как это сильно замедлило бы наше движение.

Через несколько минут послышался стук копыт, и на дороге показалась фигура всадника на крупной лошади. Стрелки шедшего впереди охранения остановились и вскинули оружие. Я тоже находился в голове колонны и достал пистолет.

— Стой! Кто идёт?

Ответа не последовало, но лошадь остановилась, и два человека взяли её под уздцы. Всадник вывалился из седла, и мы подхватили его на руки. Это был боцман Зудин, ушедший вместе с квартирными.

— У меня донесение от лейтенанта Зорина. Пробрался через позиции красных. На обоз напали партизаны, но мы держимся.

Бедняга получил две пули в грудь. Его раны сильно разозлили стрелков, так как Зудина уважали в батальоне за огромную физическую силу, спокойствие и хладнокровие в бою.

Оставив с ним двух человек, мы что есть сил бросились вперёд. Стрельба тем временем стихла. Вскоре охранение скрылось в ложине и почти сразу же появилось обратно в сопровождении Зорина.

— Поздравляю с победой, — сказал он. — Мы здорово врезали краснопузым и взяли весь их обоз, включая четыре десятка отличных дох. Поначалу думал, нам конец. Их было намного больше, думаю, не меньше трёхсот, и они выбрали отличную позицию. Боцман сумел пробиться к вам с донесением?

Зорин достал из кармана захваченный им красный флаг. «1-й Енисейский Коммунистический Партизанский Отряд», гласила надпись на полотнище, подтверждая мою мысль о том, что партизаны испытывали непреодолимую тягу к слову «первый» в своих названиях.

Засада была хорошо спланирована. Противник пропустил обоз мимо своих позиций и открыл огонь, только когда голова колонны упёрлась в засеку из поваленных деревьев. Стрельба велась с обеих сторон дороги.

К счастью, наши пулемётчики ответили мгновенно, дав стрелкам конвоя возможность выпрыгнуть из саней и рассыпаться вдоль дороги. Зорин быстро оценил обстановку и решил сразу же атаковать, так как понимал, что перезаряжать винтовки на морозе будет очень сложно. Да и патронов было слишком мало для длительного боя. Штыки и гранаты были его единственным шансом, и он сумел им воспользоваться.

Офицеры батальона потом долго ещё пересказывали друг другу историю о том, как Ежов побежал в атаку, стреляя на ходу из карабина. Приблизившись вплотную к вражеской цепи, он вскинул оружие, чтобы в упор выстрелить в партизана, целившегося в него из какой-то берданки. Прицелился, нажал на спуск — и ничего, патроны кончились. Он попытался перезарядить, но замёрзшие пальцы не слушались. Тогда, крепко выругавшись, он отбросил карабин, выхватил пистолет и бросился вперёд. Но красные уже побежали, а того человека, что целился в него, уже застрелил кто-то другой. И какое-то время самой популярной шуткой среди офицеров было, что Ежова теперь отдадут под трибунал за то, что он «бросил казённое имущество перед лицом противника».

11-я рота проявила себя великолепно. Партизаны не ожидали атаки и, видя своё численное превосходство, думали, что колонна сдастся без боя. Не выдержав натиска, они бежали в подлесок. На склоне остались лежать несколько тел и множество дох, брошенных ими, чтобы бежать быстрее. Мы также захватили их обоз, стоявший сразу за засекой, в котором среди трофеев оказался даже граммофон с набором пластинок.

Наши потери были небольшими: один легкораненый и боцман, умерший от потери крови.

Отправив донесение полковнику, я повёл батальон к следующему селу. Площадь перед церковью оказалась битком забита санями и лошадьми и выглядела как какой-то конский рынок. Саней было не меньше трёх сотен. Как мы потом узнали, красные согнали крестьян

334 со всего уезда, обещая им часть добычи, которую рассчитывали захватить у нас.

Крестьяне весело шутили:

— Красные собрали нас, а в санях теперь поедут белые. Эти лубковцы — болтуны. Так им и надо!

Узнав, что на площади были мужики из родной деревни Зудина, я стал расспрашивать, нет ли среди них его отца. Он пришёл ко мне в дом сельского старосты, и я поведал ему об обстоятельствах смерти сына.

Старик перекрестился, сказав: «Вечная память!», но не проронил ни слезинки.

— Для нас он был отрезанный ломоть. Мы долго его не видели. Хороший парень, но с тех пор, как ушёл на флот, домой не возвращался. Говорили, что матросы сейчас в чести в России, и мы думали, что Фёдор станет комиссаром в Красной армии, а он вот погиб, воюя за белых.

Зудина похоронили тем же вечером, положив в могилу его саблю и четыре креста, полученных им в Мировую.

Молодой деревенский священник быстро отслужил панихиду, а хор батальона хриплыми голосами и невпопад пропел за упокой. Затем последняя дань павшему — три винтовочных залпа — и всё закончилось. Расходясь по квартирам, стрелки говорили, что Зудина хотя бы похоронили у церкви в родном селе, а не в безымянной яме где-нибудь в тайге или в степи. И каждый, без сомнения, думал о том, где будет его собственный конец.

Старший Зудин низко поклонился мне и сказал: «Спасибо за честь, что вы оказали нашему сыну». Его жена горько рыдала и не хотела уходить с могилы.

1-й батальон принял у нас посты и охранение, и мы отправились спать.

ГЛАВА 17.

Начало развала

Командир нашего полка подполковник Генерального штаба Песоцкий, бывший начальник оперативного отдела личного штаба адмирала Колчака, стал вести себя очень странно после мятежа примкнувшего к нам за несколько недель до этого пехотного батальона. Это событие произошло в начале января 1920 года, через несколько дней после боя с партизанами Лубкова, когда мы закончили обход Красноярска и снова вышли на линию Транссиба.

Узнав о мятеже, Песоцкий выстроил полк и обратился к личному составу с примерно следующей речью: «В настоящий момент очень трудно понять, кто прав, а кто нет в этом гражданском противостоянии. Возможно, правы повстанцы в Красноярске, возможно — партизаны Щетинкина, а может быть, и адмирал Колчак. В этих условиях я не могу никого удерживать, и все, кто хочет пойти в Красноярск или вернуться домой, вольны поступить так, как хотят. Мне нужны только те, кто пожелает остаться в полку добровольно».

Что бы он ни имел в виду, но речь подполковника произвела очень удручающее впечатление на людей, которые уже заметили бегство в Красноярск одного из командиров рот. Сразу после построения ко мне пришли некоторые из боцманов и старших унтер-офицеров, а также несколько человек из бывшей команды «Катуни», чтобы поговорить лично. Выбранный ими представитель сказал, что они подозревают

336 некоторых офицеров в намерении бросить своих людей и уйти в Красноярск. Все пришедшие были добровольцами, которым, попади они в плен, не приходилось ждать пощады от красных.

Пулемётчик Криволапов подвёл итог:

— Дайте нам слово, что вы и другие офицеры вашего батальона не бросите нас ни при каких обстоятельствах и останетесь с нами до последнего.

Я заверил, что их подозрения беспочвенны, что они не так поняли командира полка, который всего лишь хотел избавиться от колеблющихся элементов, и, конечно, ни я, ни другие офицеры батальона не имели намерения их бросить.

Люди ушли обнадёженные и пообещали сделать всё от них зависящее, чтобы донести ситуацию до всей массы стрелков в том виде, как я её представил.

Тем временем некоторые добровольцы из числа студентов, бывших гимназистов и прочей городской молодёжи, стали собирать свои вещи и покидать деревню, направляясь в сторону Красноярска. Один из них сказал мне:

— Вы-то ничего, но подполковнику мы больше не верим. Мы боимся, что он заведёт нас всех в ловушку. Лучше уж мы воспользуемся амнистией, объявленной красными, и, пользуясь хаосом, который творится в Красноярске, попробуем выбраться и уехать домой.

Добровольцы из крестьян, однако, не последовали их примеру. В течение следующих дней похода Песоцкий начал формировать офицерскую роту, кадры в которую набирал из командного состава взбунтовавшегося батальона, беженцев, устремившихся из Красноярска на восток, и одиночек, отставших от своих частей. Я был категорически против подобных действий, так как чувствовал, что мои люди неизбежно воспримут их как признак недоверия со стороны командира полка и его желания создать нечто вроде преторианской гвардии для защиты себя от своих собственных солдат. За пару недель до этого Песоцкий организовал специальную часть во главе с бывшим жандармом подпоручиком Федуленко, в которую собрал людей, прежде связанных с контрразведкой Морского ведомства и рассеянных сейчас по разным подразделениям полка. Эта типично большевистская идея

создания системы внутреннего шпионажа была сама по себе плохой, а в сочетании с формированием офицерской роты из абсолютно чуждых элементов не предвещала ничего хорошего в таком полку как наш, состоявшем в основном из добровольцев, сражавшихся с красными на протяжении двух лет.

Этими соображениями я поделился с командирами других батальонов, а также с полковым адъютантом. На следующий день мне было приказано передать в офицерскую роту десять из имевшихся у меня пулемётов и выделить для перевода в неё пятнадцать человек офицеров. Поскольку в четырёх стрелковых и одной пулемётной роте я имел всего двадцать пять офицеров, приказ этот мне чрезвычайно не понравился. Его дух явно противоречил договорённостям, достигнутым с Песоцким ещё при формировании полка в Омске. Тогда мы договорились, что я сам набираю батальон и сам же достаю без всякой помощи со стороны штаба полка оружие, снаряжение и боеприпасы. Взамен подполковник обещал никогда не требовать от меня перевода людей в другие части полка, равно как и передачи туда пулемётов и снаряжения, которое мне удастся добыть. Это было, конечно, странное соглашение, но в Гражданскую войну ещё более странные сюжеты были в порядке вещей.

Обсудив приказ с полковым адъютантом, я сообщил ему, что готов передать десять пулемётов из числа тех, что мы получили в Новониколаевске, но офицеров не отдам, так как каждый человек у меня на счету.

На следующий день был созван военный совет из командиров батальонов и офицеров штаба полка. Открывая его, Песоцкий потребовал, чтобы я ответил прямо, собираюсь ли выполнять его приказ. Я сказал, что пулемёты уже переданы, а людей дать не могу, так как они нужны мне самому, и их перевод снизит эффективность батальона. А поскольку это единственное подразделение в полку, способное дать бой чему-то большему, чем шайка партизан, я считаю невозможным исполнение приказа, умышленно подрывающего нашу боеспособность.

Дальнейшая дискуссия была немыслимой с точки зрения регулярной военной организации, но вполне обычной в те дни развала Белой армии.

Песоцкий повернулся к другим присутствующим и спросил, что они думают об этой ситуации. Насколько я помню, никто не высказал никаких предложений.

Тогда он снова повернулся ко мне и сказал:

— Знаете, как поступают с такими частями, как ваш батальон?

К тому времени я уже вышел из себя:

— Конечно, Ваше высокоблагородие. Такие доблестные части обычно награждают Георгиевскими флагами и трубами с темляком²¹¹.

Это были высшие знаки отличия, которых удостоивались части в русской армии до революции.

Песоцкий побагровел и заорал:

— В Германскую такие батальоны, как ваш, отправляли в безнадежные атаки, чтобы выкосить всех до единого человека.

Его рука потянулась к кобуре.

Я тоже медленно сдвинул свою и, взявшись за пистолет, ответил:

— Может быть, такое и было возможно в Германскую, но тогда командиры полков не убеждали своих людей дезертировать. На Гражданской же любой батальон воспринял бы такой приказ, как сигнал повернуть штыки против того, кто его подписал.

Несколько напряжённых секунд мы смотрели друг на друга, готовые выстрелить при малейшей провокации. Затем Колегов, заместитель командира и близкий друг Песоцкого, сказал:

— Ну, если этот вопрос так принципиален для вас, то приказ можно изменить. Я не знал о нехватке офицеров и думал, что ваши боцманы и унтера не уступают армейским прапорщикам.

Остальные офицеры в полку не знали, что произошло на военном совете, однако почувствовали напряжение между мной и подполковником, которое истолковывали по-разному. Некоторые из офицеров военного времени, родом из сибирских губерний, решили, что всё дело в моем желании занять место командира полка, и пришли ко мне ночью сообщить, что если я решу объявить подполковника предателем и поместить его под арест, то могу рассчитывать на поддержку почти всех офицеров других батальонов. Вероятно, в тех обстоятельствах

²¹¹ Георгиевская труба — серебряная труба с темляком из ленты орденских цветов и кистями.

так и следовало поступить. Но во мне ещё оставалось слишком много от кадрового морского офицера, чтобы арестовать своего командира. Я просто сказал визитёрам, что они ошиблись, что с подполковником всё в порядке, я ни в коем случае не планирую никаких действий против него и настоятельно советую им также воздержаться от этого, ибо в противном случае мне придётся вывести своих людей, чтобы пресечь неповиновение.

Через пару дней после совещания Песоцкий изменил порядок движения. Он взял на себя командование авангардом, состоявшим из офицерской роты численностью около ста двадцати штыков, конного отряда разведчиков в полсотни сабель и штабной команды примерно в шестьдесят человек. Следом шёл мой батальон, а два других вместе с конным отрядом славгородской милиции находились в арьергарде и обеспечивали охранение от атак с тыла.

Полк растянулся на двадцать вёрст по дороге, шедшей вдоль путей Транссибирской магистрали, и приближался к станции Ук. Батальон остановился на ночлег в небольшой деревушке рядом со станцией, где меня разместили в доме местной учительницы. Моя хозяйка была довольно радикальных взглядов, и я провёл около часа в политических спорах с ней. Разговор был прерван визитом одного добровольца из числа конных разведчиков, молодого человека из хорошей семьи, невероятно рассеянного и несобранного, который полчаса рассказывал мне, что все офицеры и нижние чины полка очень уважают меня и рассчитывают, что я приму на себя командование частью. Я прервал его речь, выразив надежду, что он не имеет в виду ничего плохого по отношению к подполковнику Песоцкому. Доброволец ушёл в свой отряд, оставив меня гадать об истинной причине его прихода.

За ужином мой адъютант рассказал, что румынский офицер, командовавший от имени союзников отрядом, охранявшим этот участок Транссиба — очень достойный человек, вполне дружественный к белым. Я решил нанести ему визит и попытаться узнать, как обстоят дела с эшелонами и конвоем адмирала Колчака, которые должны были находиться в Нижнеудинске, всего в нескольких десятках вёрст от нас, а также выяснить, удалось ли остаткам Белой армии прорваться у Красноярска, ибо мы не имели никаких точных данных об их судьбе.

Румынский капитан и его русская жена приняли меня очень любезно в своей переоборудованной теплушке. Я узнал, что Колчак и его конвой по-прежнему в Нижнеудинске, но обстановка там напряжённая, так как в окрестностях находились крупные силы партизан. Армией командовал Каппель, и её авангарды находились всего в пятидесяти верстах к западу от станции. Капитан не знал, какое количество войск смогло пройти Красноярск. И хотя части находились в плачевном состоянии, по его мнению, у Каппеля оставалось не меньше двадцати тысяч человек. Эти новости приободрили меня, так как я не ожидал, что столь многим удастся спастись в Красноярской катастрофе.

По моей просьбе капитан связался по прямому проводу с Нижнеудинском и попросил соединить меня со штабом Колчака. После долгих переговоров румын сообщил, что чешский комендант отказал в разрешении поговорить с кем-нибудь из сотрудников адмирала. Я поблагодарил капитана и попросил, если это будет возможно, передать в штаб Верховного Правителя о прибытии моего батальона и о том, что адмирал в случае надобности может рассчитывать на нас.

Вернувшись на свою квартиру, я вызвал двух молодых офицеров и велел им, переодевшись в гражданское, ехать как можно дальше на санях вдоль железнодорожных путей в сторону Нижнеудинска, а затем при необходимости идти пешком. По прибытии в город связаться с адъютантом Колчака лейтенантом Трубчаниновым или офицером его личного штаба капитаном 2-го ранга Бутурлиным, объяснить им положение Морского полка и попросить передать адмиралу, что я прошу его дожидаться нас и затем двигаться либо в Монголию, либо на соединение с Каппелем, что мои люди будут сражаться за него при любых обстоятельствах, и что я рассчитываю без труда нейтрализовать чешский батальон, занимающий Нижнеудинск.

Молодые люди с готовностью взялись выполнить эту миссию и сразу же пошли готовиться к экспедиции, пообещав выехать на рассвете.

На следующий день мы выступили в колонне по четыре, а санный обоз двигался следом (в деревнях вдоль дороги было невозможно достать нужное количество лошадей, чтобы посадить весь полк в сани). Я ехал верхом во главе колонны. Приблизившись к деревне, которую, по имеющимся сведениям, ночью занимал штаб полка, мы заметили

нескольких наших квартирьеров во главе с мичманом, верхом и на саях несущихся во весь опор навстречу нам и кричащих что-то изо всех сил. Я пришпорил лошадь и поскакал им навстречу. Они кричали: «Офицерская рота взбунтовалась! Командир полка арестован вместе со штабом! Мятежники подняли красный флаг, и конный отряд присоединился к ним!»

На эти невероятные новости личный состав батальона отреагировал самым неожиданным образом. Люди решили, что это самая смешная шутка.

— Офицеры взбунтовались! Подняли красный флаг! Ха-ха! И мы, матросы, должны будем спасти командира полка от офицеров! Красные ни за что не поверят, если когда-нибудь услышат эту историю!

Их гогот достиг гомерических размеров. Я приказал отставить смех, затем поместил несколько пулемётов в авангард колонны, выслал вперёд два конных разъезда и стал двигаться к деревне, отправив одну роту с четырьмя пулемётами занять высоту, которая, по словам квартирьеров, господствовала над деревенской площадью. Также я послал сообщение арьергарду, чтобы славгородская милиция обошла деревню и перекрыла восточный выход из неё.

Когда мы снова были на марше, из деревни галопом вылетел один из конных разведчиков и очень удивился, когда я навёл на него пистолет, приказал спешиться и отдал под арест. Его явно послали агитатором, не подозревая, что я уже в курсе событий, так как квартирьерам удалось выскользнуть, не привлекая к себе внимания. Он громко кричал о своей невиновности, но я велел ему заткнуться, если не хочет, чтобы его пристрелили на месте.

Заняв господствующую над селом позицию, я развернул на ней две стрелковые и одну пулемётную роту, оставив ещё одну в резерве. Затем отправил своего лучшего офицера, храброго и блестящего человека, лейтенанта Захарченко с двумя добровольцами под белым флагом доставить командиру мятежников ультиматум с требованием в течение тридцати минут освободить подполковника, его штаб и всех, кто пожелает следовать за ним. В противном случае последует штурм, и все его люди будут казнены без суда и следствия.

До окончания назначенного срока небольшая колонна всадников и саней вышла из деревни и направилась в нашу сторону. Я разглядел в бинокль, что во главе её едет командир полка со своим адъютантом и штабом.

Выстроив резервную роту вдоль дороги, я встал на правом фланге и, когда при приближении подполковника стрелки взяли на караул, доложил, как будто ничего особенно не случилось:

— Ваше высокоблагородие, третий батальон числом в двадцать шесть офицеров и четыреста двадцать нижних чинов занял исходную позицию для атаки деревни с мятежниками и ждёт ваших приказаний.

Песоцкий в ответ просто пожал мне руку, спешился и знаком показал, что хочет поговорить наедине. Он вкратце изложил события этого утра, сказав, что офицерская рота даже направила несколько пулемётов на занятую штабом полка избу (позже я узнал, что это были те самые пулемёты, которые мой батальон передал им по приказу подполковника), а их представитель заявил, что они устали от войны, не покинут деревню и отправят парламентёров к командиру местных красных партизан с предложением начать переговоры.

Объяснив нашу диспозицию, я предложил немедленно атаковать и после взятия деревни назначить военно-полевой суд из числа офицеров моего батальона. Всех зачинщиков приговорить к расстрелу на месте, остальных разоружить и выгнать из села, а их имущество поделить между чинами полка.

Песоцкий слушал мой план, покручивая правый ус рукой в перчатке.

— Я думаю, что атаковать офицерскую роту и казнить зачинщиков было бы крайне нецелесообразно. Новость о расстреле матросами офицеров вызовет шок в Белой армии, и мы получим каинову репутацию. Эти офицеры — усталые, разочаровавшиеся люди. Пусть остаются, красные все равно их прикончат. Пожалуйста, отведите батальон на пять вёрст к западу и выставьте сильное охранение на случай нападения партизан. Вечером обсудим положение на военном совете.

Я запротестовал, сказав ему, что, если мы оставим мятежников безнаказанными, это подорвёт моральный дух полка. Если мы позволим людям думать, что офицеры могут поднять бунт, и им ничего за это не будет, чувство дисциплины исчезнет. Единственная возможность

командира восстановить свой авторитет — это показать с предельной ясностью, что любой мятеж будет безжалостно подавлен.

Песоцкий покачал головой и лишь повторил свой приказ отступить.

Когда я дал команду ротам снова построиться в колонну и двигаться к западу от деревни, которую мы прошли пару часов назад, появились явные признаки недовольства.

— Что мы, боимся этих бунтовщиков-офицеров, что ли? Эти любимчики подполковника теперь всегда будут смеяться над нами. Мы должны были хотя бы погонны с них сорвать.

Вечером командир полка созвал военный совет. Мы собрались в маленькой комнатке занятой им ветхой избы.

— Господа, — начал Песоцкий, — в первую очередь я хочу ознакомить вас с самыми последними новостями. Я только что узнал от румынского штаба, что адмирал Колчак и его сопровождающие перешли под защиту союзников и следуют в Иркутск под охраной чехов. Адмирал передал высшую военную власть генералу Семёнову.

Эта новость ошеломила всех нас.

— Далее, я хочу сообщить, что ввиду недостатка доверия ко мне со стороны полка я принял решение оставить командование и вместе с подполковником Колеговым воспользоваться предложенным гостеприимством румын. Поэтому предлагаю вам три возможных варианта действий: первый — полк может сложить оружие и перейти под защиту румынских войск; второй — распустить солдат, а офицерам перейти в румынские эшелоны; третий — продолжать действовать как военная часть под командой офицера, пользующегося доверием личного состава.

По правилам первым из присутствующих на военном совете высказывает своё мнение самый младший по чину. И таким человеком оказался я.

Отречение адмирала Колчака, а я сразу же воспринял это именно так, явилось жестоким ударом для меня лично и, несомненно, для всех присутствовавших там морских офицеров. Каким бы ни было наше мнение о нем, как о политике, и что бы мы ни думали о его полководческих талантах, он был для нас воплощением всего самого лучшего

344 в Белом движении, его шева́лье де Бая́рдом²¹², человеком высоких идеалов, большого личного мужества и вождём, которому мы присягнули на верность. Семёнова я считал довольно мутным авантюристом, чей сомнительный патриотизм произрастал из жажды власти любой ценой, отсутствия морали и тяги к деньгам. Для меня было немыслимо признать его лидером Белого движения, и я знал, что большинство офицеров и значительная часть стрелков думали так же. Однако я не считал, что мы должны капитулировать, не сделав даже попытки помочь Колчаку выбраться из того трудного положения, в котором он, очевидно, находится. А сама идея сдать оружие румынам, которые, с моей точки зрения, являлись не более, чем незваными гостями на русской земле, была мне противна. В то же время я считал Песоцкого самым способным пехотным командиром среди нас на данный момент и к тому же лучше всех знающим местные сибирские условия, в которых мы, морские офицеры, не разбирались совершенно.

Исходя из этих соображений, я обратился к совету с довольно порывистой речью:

— Пока адмирал Колчак жив, наш безусловный долг — оставаться в строю и совместно с другими частями Белой армии, приближающимися к нам со стороны Красноярска, попытаться помочь ему. Сама мысль о разоружении и сдаче румынам абсолютно неприемлема для меня. Необходимо сохранить полк и двигаться дальше на восток в надежде, что позднее ход событий переменится, и мы сможем нанести новый удар. Что касается вашего намерения оставить командование, то я не могу воспринимать его иначе, как попытку дезертировать, а в моем представлении дезертир — это всегда дезертир, вне зависимости от того, рядовой он или командир полка. Я, со своей стороны, приму все меры, чтобы воспрепятствовать этому. Что касается ваших слов об отсутствии доверия, то сейчас не 1917 год, и в регулярном армейском или флотском подразделении такой вопрос стоять просто не может. Пока командир исполняет свои обязанности, офицеры и солдаты обязаны ему подчиняться, каким бы ни было их личное мнение. Это азы воинской дисциплины, и я не думаю, что надо дольше задерживаться

²¹² Пьер Терра́йль де Бая́рд (1473—1524) — французский рыцарь и полководец времён Итальянских войн, прозванный «рыцарем без страха и упрёка».

на этом пункте. Поэтому я предлагаю вам остаться исполнять свои обязанности, а полку продолжить поход с оружием, как части Белой армии или того, что от неё осталось.

Все присутствовавшие офицеры поддержали мою позицию.

Тогда Песоцкий повернулся ко мне и спросил:

— А кто гарантирует, что все мои приказы на марше и в бою будут исполняться? Два бунта, один за другим — сначала пехотный батальон, а сегодня офицерская рота — не очень-то благоприятный знак относительно дальнейшего поведения личного состава.

Поскольку все присутствующие молчали, предложить решение, очевидно, должен был я.

— Во-первых, я хочу подчеркнуть, что ни одно из боевых подразделений непосредственно Морского полка ни разу не уклонилось от выполнения своих обязанностей и не взбунтовалось. Предателями оказались только примкнувшие к нам части: пехотный батальон и эта, сформированная вами из бродяг и отбросов. Во-вторых, я готов гарантировать, что любой ваш боевой приказ будет выполнен неукоснительно.

— Отлично, — ответил Песоцкий, — на таких условиях я готов продолжать командовать, и в течение часа вы получите приказ о выступлении. Мы двинемся вверх по реке Чуна, через Чунскую тайгу, а затем по руслу Ангары от Братского острога.

Этот план мне совсем не понравился. Я достаточно знал местную географию, чтобы понять, что этот маршрут ведёт через одно из наименее населённых мест Центральной Сибири, и что через Чунскую тайгу нет дороги к Братскому острогу, этой древней деревянной крепости, построенной казаками-покорителями Сибири как форпост против воинственных бурят. Поэтому я внёс другое предложение: оставаться, где мы есть, пока не подойдут остатки белых войск, и двигаться затем в их авангарде под командой генерала Каппеля.

Подполковник посмотрел на меня с сарказмом и сказал:

— Не вы ли несколько минут назад гарантировали мне неукоснительное исполнение моих походных и боевых приказов?

Мне ничего не оставалось, кроме как пожать плечами.

— Хорошо, мы пойдём в Чуну, хоть я и не вижу в этом никакого смысла.

И даже сейчас я до конца не могу понять, зачем Песоцкий решил идти на север через одно из самых труднодоступных мест в Сибири, где было явно тяжело прокормить полк, вместо того, чтобы дожидаться Капеля. Позднее, когда мы вошли в тайгу, Колегов говорил мне, что Песоцкий опасался проблем с добычей перевозочных средств, еды и крова при движении вместе с армией, так как деревни вдоль железной дороги не в состоянии прокормить и разместить такое количество людей. Я не берусь судить, был ли это его истинный мотив, или он уже тогда планировал перейти к красным. Однажды он сказал мне:

— Образованные офицеры Генерального штаба не должны подолгу таскаться пешком или верхом. Обычно они путешествуют в отдельных комфортабельных купе, где могут жить как люди, а не как звери в лесу.

А в тот момент было очевидно, что в Белой армии шансы у офицеров Генерального штаба путешествовать в отдельном купе очень невелики.

ГЛАВА 18.

Тайга

Несколько дней спустя после мятежа офицерской роты мой батальон встал лагерем на ночь на высоком, поросшем соснами холме.

Длинные красные мачты деревьев, подсвеченные огнями костров из смолистых брёвен, рядами стояли вокруг лагеря, как колонны какого-то древнего храма. Глубокий, нетронутый январский снег громко хрустел под ногами стрелков, пробиравшихся по насту недавней оттепели. На костры поставили чайники, а из брёвен и молодых деревьев соорудили укрытия. В сухом морозном воздухе раздавался стеклянный звон топоров. Санный обоз с больными и ранеными всё ещё карабкался на холм по узкой скользкой тропе, раскатанной железными полозьями. Ездовые громко кричали на своих усталых лошадях и звали пешее охранение на помощь затащить сани вверх по крутому склону.

Как во всяком лагере, вокруг кипела обычная рутинная суeta. Стрелки шутили про скользкую тропу к источнику и деловито готовили свой скудный ужин. Лошади опустили морды в торбы. И было трудно представить, что это всего лишь первая остановка в такой безумной авантюре, какую не проделывала ни одна русская военная часть со времён, когда в погоне за редкими мехами бесстрашные казаки прошли через Сибирь и превратили московское царство в империю.

Предыдущую ночь мы провели в маленькой деревне на Чуне, небольшом хуторе из десяти-двенадцати изб, населённом семьями высоких

348 светловолосых охотников. Согласно нашей десятивёрстке, между ней и Братским острогом на Ангаре лежало шестьдесят вёрст девственной тайги, включая несколько рек и два перевала. Впрочем, потом оказалось, что данные карты о расстояниях были слишком оптимистичными. Мы имели запас всего на четыре дня для людей и лошадей, и тот очень ограниченный — без мяса и сахара. Только хлеб, немного вяленой рыбы и перспектива съесть часть коней. Деревни по Чуне были такими бедными, и у крестьян было так мало еды, что ничего другого нельзя было взять, не обрекши их на голодную смерть.

Батальон выступил в семь утра и прошагал целый день всего с одной остановкой на обед из чая и хлеба. Снег на тропе был утоптан конницей, прошедшей здесь накануне со штабом полка. Близилась полночь, а наш арьергард все ещё не дошёл до лагеря. В итоге за целый день непрерывного марша мы прошли всего около двенадцати вёрст.

Адъютант батальона Кузьмич был ранен в ладонь. В сибирском холоде рана не заживала и постепенно вытягивала из него все силы. Его обычный оптимизм стал изменять ему, и предметом беспокойства в данный момент стали кони.

— Им не перейти тайги. У нас мало сена и совсем нет овса, а идти через пни и подлесок очень трудно. Девятая рота забила двух лошадей, повредивших ноги при переходе через этот чёртов пал²¹³.

— Да не волнуйся, Кузьмич. Я думаю, люди просто проголодались и решили сделать себе суп из конины. Что с конным дозором, который остался в деревне ждать остальные батальоны? Они догнали нас?

— Нет ещё. Не понимаю, что могло случиться.

Мой смыслёный и усердный вестовой Семён уже приготовил ужин — миску горячего супа из конины, взятого им в девятой роте, два ломтя хлеба и чайник кипятку. Я присел на своё казачье седло и набросился на еду.

Поев, я забрался на моего сильно отощавшего серко, вынесшего все тяготы зимнего перехода от Новониколаевска до Чуны. Спускаясь с утёса, чтобы проверить посты и дозоры, я встретил офицера, оставленного нами в деревне для связи с другими батальонами.

²¹³ Полоса земли с поваленным лесом, корни которого были повреждены подземным пожаром. *Примечание автора*

— Беда, Ваше высокоблагородие. Примерно через час после вашего ухода я отправил одного из своих людей встретить батальоны на марше. Он не вернулся. Тогда я отправил ещё двоих, приказав быть осторожными, чтобы не попасться партизанам. Прождав три часа, я поехал сам. Проехал версты четыре до той глубокой лощины в лесу, ну, вы её помните, и нашёл там трупы лошадей и груды поломанных саней на дороге. А когда подошёл ближе, увидел и тела наших из первого батальона. Они попали в засаду партизан. Их впустили в лощину и закидали гранатами, а потом перестреляли всех из укрытия.

Новость потрясла меня. Это значило, что два других батальона нашего полка уничтожены. Мой батальон и конный конвой штаба — все, что осталось от Морского полка.

— Не говори пока никому. Людям ни к чему знать об этом. Им и так тяжело.

Среди офицеров тех батальонов были мои лучшие друзья. Ракинт, командовавший первым, принял у меня «Страшный» в 1917 году; Стадницкий-Колендо, его адъютант, был моим старым соплавателем; Соколов, адъютант четвёртого — мой хороший знакомый по Гвардейскому Экипажу.

Казалось, огни костров потускнели, а звон топоров стал тише. Даже два года Гражданской войны не смогли заставить меня привыкнуть к таким вещам.

Следующим утром я встал на рассвете. У нас не было ни палаток, ни спальных мешков. Я спал в саях, завернувшись в два английских армейских одеяла, любезно подаренных мне мадам Родзянко в Омске. Солома в ногах и толстый шарф, намотанный поверх ушанки, довершали мой спальный наряд. Я настолько заоченел, что не смог подняться и просто вывалился на снег. Потом кое-как встал на ноги. Несколько минут активных упражнений, и кровь побежала по жилам. Я наконец смог подойти к костру, чтобы выпить чаю. Лагерь проснулся и занялся обычными утренними делами. Лошадей отвели на водопой, затем покормили и запрягли. Больных и раненых надёжно закрепили в саях, накрыв одеялами и сеном.

Вчерашний опыт научил нас кое-чему относительно движения через тайгу. После завтрака я дал Кузьмичу шестьдесят человек с пи-

350 лами и топорами и отправил расчищать тропу. Остальной же батальон разделил на три эшелона с интервалом выхода в полчаса, чтобы роты не натыкались друг на друга на узкой извилистой тропе каждый раз, когда голова колонны тормозилась из-за густого подлеска или поваленных деревьев.

Оставив несколько конных прикрывать тыл, я поскакал вперёд к отряду Кузьмича. Стрелки работали по очереди, так как с инструментами было туго. Люди выкладывались полностью, однако всё же успевали иногда перекинуться шутками. Крепкий, выросший в прикамских лесах крестьянин Криволапов, прошедший со мной всю кампанию на Иртыше, дразнил тощего юношу, неуклюже державшего топор.

— Это что тебе, гребень или щётка для волос? Держи его крепче!

Юный стрелок, совсем ещё гимназист, не оправившийся от недавнего тифа, не обижался на подначки, и Криволапов продолжал учить его обращаться с топором. Чтобы показать пример, я присоединился к работе. Криволапов протянул мне двуручную пилу, и мы взялись за ствол огромной сосны, заграждавшей тропу. Я ещё не научился держать в руках инструмент и был рад возможности поработать физически, чтобы отвлечься от мрачных мыслей о событиях прошлой ночи.

Мы довольно быстро продвигались вперёд, пока не упёрлись в большой пал, покрытый завалами вековых деревьев, лежавших в разные стороны. Криволапов взял несколько человек и пошёл вперёд выбрать короткий путь. В своём знании леса он превосходил даже местных охотников. Раньше он работал таксатором²¹⁴ на севере и в любом лесу чувствовал себя как дома. Вернувшись, он сообщил, что нам придётся прорубаться около полутора вёрст, поскольку обходить пал не имело смысла. Я послал за людьми сменить работавших стрелков. Нам потребовалось четыре часа, чтобы прорубить тропу сквозь этот лабиринт завалов.

Когда мы прошли через пал и стали подниматься на поросший редкими соснами перевал, я сказал Криволапову взять лошадь Кузьмича и ехать со мной выбирать место для ночёвки.

— Мороз крепчает, Ваше высокоблагородие, — сказал он, — слышите, как деревья трещат?

²¹⁴ Лесной техник, занимающийся устройством и оценкой лесов.

Пройдя перевал, мы наткнулись на расчищенную тропу со множеством расставленных вдоль неё примитивных ловушек на зверя. Я искал хоть какие-то следы животных, но тайга была абсолютно мёртвой. Ни птицы, ни единого зверя.

Примерно через два часа мы выехали на небольшую поляну с вырытой под отвесной скалой землянкой.

— Зимовье охотников из Чуны. — сказал Криволапов. — Старик в деревне сказал, они никогда не ставят капканов дальше этого места. И ещё он сказал, что не стоит и пытаться перейти тайгу с нашим обозом.

— Что ещё этот старый чёрт сказал тебе? Что наши кости достанутся воронам, или что-нибудь такое же весёлое?

— Они считают, что мы всё равно не пройдём и либо вернёмся в Чуну, либо погибнем от холода и голода. Даже красные партизаны из местных никогда не пытались пройти через Чунскую тайгу зимой, — добавил он, немного подумав.

— Ну, по крайней мере, мы сможем разместить в землянке больных.

В паре метров от укрытия мы нашли небольшой родник и расчистили к нему подход. Затем развели огромный, как делают в Сибири, костёр из двух сухих стволов, лежащих под острым углом и наложенных на них стопкой поленьев и хвороста высотой около метра. Когда огонь разошёлся, мы сняли с себя тулупы и валенки и предались блаженству отогреться и просушить обувь и портянки.

— Вот бы добыть горного козла, Ваше высокоблагородие. Кониная мне уже не лезет. Татарам, может, и нравится их махан²¹⁵, но для христиан это не еда.

Когда пришёл батальон, я дал команду поместить больных в землянку. У нас было около тридцати человек с тифом. Мы не решались оставить их, опасаясь мести партизан, и везли с собой. Как ни странно, несмотря на все трудности похода, голод и холод, почти никто из них не умер.

Следующим утром я проснулся затемно и увидел Криволапова, готовящего рагу из конины на костре, который мы вместе разожгли накануне.

²¹⁵ Суп из конины. *Примечание автора*

— В десятой роте умерло двое, — сказал он. — И ещё один местный из Чуны, который пошёл с нами со своей лошадейю везти больных. Морозная была ночка.

Вскоре пришёл командир десятой роты и подтвердил новости. Я сказал ему выделить людей похоронить умерших и сколотить кресты.

Когда батальон был готов выступить, мы с Кузьмичом подошли к могилам, и я прочёл заупокойную молитву. Дюжина стрелков, сняв шапки, хрипылыми голосами пропела «Вечную память». На могилы положили несколько тяжёлых валунов, чтобы звери не растащили тела, и, перекрестившись, мы пошли догонять остальных.

«Не такой уж плохой конец, — думал я про себя, — умереть от остановки сердца на холоде. Смерть приходит во сне, и ты ничего не чувствуешь».

Кузьмич, похоже, угадал мои мысли.

— Этим волжским мужикам тяжело здесь, вдали от дома. Их родные никогда не узнают, где они нашли свой конец. Только вьюга будет петь им заупокойную, пока волк или медведь не доберётся до их костей.

В тот день мы наткнулись на несколько палов, но ни один из них не был таким тяжёлым, как вчерашний. Однако оказалось, что следующий перевал гораздо круче первого и весь порос густым молодым ельником, через который нам пришлось прорубать дорогу для саней. Но особенно трудным был спуск. Первые упряжки спустились без проблем, но как только полозья раскатали снег, стало по-настоящему весело. Тяжело гружёные сани наезжали на лошадей, те резко бросались вниз по склону и беспомощно застревали в ельнике или налетали на идущий впереди воз, заставляя и его нестись с бешеной скоростью. Несколько саней перевернулось и сломалось, упряжь была порвана, а седоки вывалились в снег. Нам пришлось спускать обоз с большими интервалами и приставить к каждому возу по шесть человек, чтобы сани не наезжали на лошадей.

У подножия перевала нас ждало ещё одно препятствие. Несмотря на сильный мороз, быстрая горная река не замёрзла. Нам пришлось сооружать мост, так как переход вброд в такую погоду стоил бы нам многих лошадей, и, возможно, людей. С одними топорами и пилами наши камские лесорубы творили чудеса. За пару часов, имея всего

несколько кусков верёвки без единого гвоздя, они сделали двадцатиметровый мост, заполнив пустоты между молодыми стволами снегом. Обоз переправился успешно, всего с одним или двумя инцидентами. На противоположном берегу развели огромные костры, чтобы могли просушиться те, кто намок, сооружая мост или перевозя сани.

Позже в тот день я заметил на некоторых деревьях зарубки. Они привели меня к сосне с большим затёсом на стволе. Подойдя ближе, я обнаружил послание от командира полка, написанное несмываемым карандашом.

«Крестьяне в Чуне ошиблись насчёт расстояния. Наша карта также неверна. Разведчики дошли до конца тайги и говорят, что отсюда ещё сорок вёрст. Примите к сведению. Ускоряю темп».

Уже темнело, и голова колонны могла нагнать меня не раньше десяти. Это значило, что хвост нашего растянувшегося обоза подошёл бы только в час ночи или позже. Двигаться быстрее было просто невозможно. Люди и лошади не выдержали бы такого напряжения. С другой стороны, еды и фуража у нас оставалось всего на день. Даже при хорошем раскладе нам было не сделать больше двадцати вёрст на следующий день. И это означало, что ещё двадцать вёрст придётся идти на голодный желудок и, что ещё хуже, без корма для лошадей. Я сильно сомневался, что они смогут пройти такой путь с тяжело гружёными санями.

Была ещё и другая проблема. Деревня на выходе из тайги могла быть занята партизанами, если у командира полка не хватит сил овладеть ею. В этом случае нам придётся идти без еды ещё не менее двенадцати часов.

Я поехал назад, чтобы переговорить со своим другом, лейтенантом Захарченко, мнению которого больше всего доверял.

— Что думаешь об этом? — спросил я его, изложив содержание записки подполковника и добавив, что сразу по прочтении я уничтожил её.

— Думаю, нам надо постараться пройти завтра как можно больше. А потом следующим утром выслать нескольких человек на лучших конях выяснить, где находится командир полка, и добыть еды и фуража в деревнях на выходе из тайги. Обоз придётся оставить, раненых

354 и больных, возможно, тоже. И в случае, если наши не смогли занять деревню, быстро идти к ним на помощь.

Это было лучшее, что мы могли сделать в данных обстоятельствах. Я поскакал обратно к голове колонны, где с удивлением обнаружил, что стрелки девятой роты, сформированной из команды «Катуни», которой я командовал на Иртыше, соорудили мне очень приличное укрытие из молодых ёлок. Но несмотря на это, той ночью мне никак не удавалось заснуть. Веки были воспалены от кострового дыма, уши, несмотря на меховую шапку с ушами, сильно обморожены, а в голове ворочались мысли о проблемах предстоящих двух дней.

Утро снова принесло плохие новости. Умерло трое наших людей и один крестьянин из Чуны. Снова торопливые похороны, и в тайге появилось ещё несколько белых обтёсанных крестов.

Мороз так усилился, что долго ехать верхом стало невозможно. Я оставил коня Семёну и вместе с Криволаповым и Кузьмичом пошёл вперёд пешком. Тропа вела через овраги, поросшие гигантскими кедрами и елями. Лежал глубокий снег, и бледный рассвет едва проникал сквозь густой зелёный навес над нашими головами так, что мы шли почти в полной темноте. Это был настоящий русский сказочный лес, где можно неожиданно встретить Кощея, Бабу-Ягу или какого-нибудь другого героя сказок.

Тропа какое-то время шла вдоль маленького замёрзшего ручья, и нам попадались следы горных козлов, лисиц и зайцев. Вскоре мы достигли холма, с которого открывался вид вокруг на несколько вёрст тайги. Величественный вид внушал благоговение. Перед нами, на сколько хватало глаз, расстилался океан зелени. Вершины деревьев сливались в сплошную однородную поверхность, по которой ветер гнал волны, колыхая огромные ели и сосны. Несколько мгновений мы стояли заворожённые и, напрягая глаза, искали струйку дыма в том направлении, где должен был стоять лагерь командир полка со своими людьми.

Уже смеркалось, когда мы обнаружили новые зарубки и второе сообщение от подполковника: «Деревня на выходе из тайги занята сильным отрядом партизан. Без вас нам её не взять».

Наши худшие опасения подтвердились. Отряд командира по-прежнему находился в тайге и был не в состоянии выбить красных из деревни.

Мы стали искать подходящее место для лагеря и нашли источник. Однако вокруг почти не было хвороста и сухих деревьев. Мороз крепчал с каждым часом, а развести костры было не из чего. Стало так холодно, что любое активное действие причиняло боль. По счастью, в тот день мы не встретили ни одного пала, потому что истощённым людям было бы очень тяжело прорубать себе дорогу на таком холоде. Становилось трудно даже дышать, когда люди пытались согреться бегом. Нам повезло, что самый трудный участок тайги мы прошли, когда ещё имелись силы и температура была терпимой.

Костры пришлось разводить из сырых дров, используя каждую сухую веточку, какую только удавалось найти. Они сильно дымили и совсем не грели. Люди устали и пали духом. Четыре долгих дня перехода через тайгу, мрачная тишина бескрайнего леса и усиливающийся мороз вымотали их до предела. Не слышалось обычных дружеских шуток, все были угрюмы и подавлены.

После ужина Захарченко, Кузьмич и я снова держали совет. Было решено следующим утром отправить вперёд всех офицеров и тех унтеров, на кого хватит лошадей, с двумя «льюисами» помочь подполковнику выбить красных из деревни. Остальной батальон выступит позже, оставив обоз и взяв с собой лишь больных, минимум боеприпасов и четыре «кольта».

В ту ночь я в первый раз совсем не смог уснуть и всё время просто-ял у небольшого костра, который топил корой и сосновыми ветками, прокоптившись в итоге так, будто висел под потолком в коптильне. Валенки намокли, и просушить их не было никакой возможности. Я замёрз так сильно, что не помогал даже горячий чай.

Утреннюю переключку провели очень рано, ещё затемно. Большая часть людей так и не смогла заснуть и провела ночь, дрожа у жалких костерков. У многих были сильно обморожены ноги, и они не могли ходить. Они на четвереньках ползли к саням, и мы ничем не могли им помочь. За ночь умерло двенадцать человек, включая нашего лучшего пулемётчика, прошедшего всю Гражданскую с июня 1918 года.

Кузьмич тихо обошёл лагерь и сказал офицерам седлать коней. Затем выбрал ещё несколько унтер-офицеров для участия в налёте на деревню.

Рассвет окрасил золотом высокие стволы сосен и зажёг на снежном насте мириады маленьких ярких бриллиантов, а от костров к верхушкам деревьев поднимались струйки светло-серого дыма.

В то утро нам не пришлось готовить завтрак, потому что есть было уже нечего. Люди грызли замёрзшие сухари и грели на углях чайники с водой.

Конный отряд выступил через полчаса и, проходя мимо меня, каждый отдавал честь, поднимая одетую в рукавицу руку к причудливому головному убору из меха, добытому им на пути из Омска. Вскоре тайга поглотила людей и лошадей.

Старшие унтер-офицеры подошли ко мне за распоряжениями. Мы обошли все сани обоза и выбрали пригодные для перевозки больных и раненых. Затем роты построились. Люди смотрели на меня воспалёнными слезящимися глазами, дрожа в лучах яркого, отражённого от снега солнца. Мне казалось, что они совершенно пали духом.

— Поротно, десятая впереди, марш!

Батальон имел совершенно невоенный вид: драные полушубки, лохмотья башлыков на головах, чёрные от копоти костров лица. Поравнявшись со мной, головная рота закричала «ура!», пронёсшееся по рядам устало бредущей колонны, как вой голодных волков. Этот жуткий крик измождённых, полузамёрзших людей невозможно забыть. Он ледяными когтями сжал моё сердце и заставил мурашки бежать по спине.

Проходя мимо, стрелки поворачивали ко мне лица, и я снова поверил в них и в их боевой дух. Ужасные дни и ночи, проведённые в тайге, не сломили моих людей. Они по-прежнему оставались бойцами.

Несколько часов мы упорно тащились вперёд. Дорога стала намного легче, чем в предыдущие дни. Палы больше не встречались, и растительность была не такой густой. Сани без труда проходили везде, и лишь изредка приходилось срубить одно или два молодых деревца. В целом мы шли быстрее, чем в любой из предыдущих дней. Я благодарил судьбу за такую удачу. Попадись нам такой же огромный пал,

как тот, что мы встретили во второй день перехода, батальон не смог бы пробиться через него.

Остановки на обед не было. Необходимо было пройти как можно дальше, пока светло. Кроме того, мы не могли больше забивать лошадей на мясо. Они все были нужны, чтобы тащить тяжелогружённые сани.

Уже начало смеркаться, когда с головы нашей растянувшейся колонны донеслось неистовое «ура!», и через несколько секунд передо мной появились Кузьмич с Криволаповым.

— Хорошо, что мы выехали вперёд утром, — сказал Кузьмич. — Мы встретили подполковника с отрядом на выходе из тайги. Они не решались атаковать красных без пулемётов. Наши «льюисы» решили все дело.

Кузьмич привёл с собой сани с сеном и овсом для наших лошадей. Следом подвезли несколько больших караваев хлеба для каждой роты. Людям и лошадям раздали еду, и после короткой передышки мы двинулись в деревню.

Когда мы пришли на небольшой хутор в полуверсте от опушки леса, было уже совсем темно. Больных и раненых поместили в две специально отведённые избы, мы же битком набились в оставшиеся. Отряд подполковника назначили в охранение.

Спать на земляном полу в избе казалось невероятным счастьем. Почувствовать себя в тепле, сытым, вымыть лицо и руки — всё это было неопишуемой роскошью. На какой-то момент забылись все тревоги о будущем, и мысли о возможной контратаке красных отошли в сторону. Мы думали, что самое тяжёлое уже позади, и оставшийся путь до Иркутска будет весёлой прогулкой вдоль быстрой Ангары, берега которой усеяны богатыми деревнями, не разорёнными Гражданской войной. Вдоволь еды для нас и фуража для лошадей, которых мы сможем снова откормить до лоснящихся боков — и затем Иркутск.

Тёмный, тихий ужас тайги остался позади. Возможно, впереди нас ждала ещё большая опасность, но в тот момент нам было все равно. Мы проспали до позднего утра глубоким, без сновидений сном измощённых людей, добравшихся, наконец, до безопасного пристанища.

ГЛАВА 19.

Конец Морского полка

К моменту, когда мы вышли из тайги, силы полка были сильно истощены. Два батальона погибли полностью, а в моём много людей умерло от холода, и несколько человек обморозились. Лошади отошдали, а стрелки устали и пали духом. Переход тайги по своим моральным и физическим последствиям оказался равен проигранному сражению. Братский острог занимали части 2-й Братской партизанской дивизии. И путь на дорогу вдоль Ангары лежал мимо их позиций.

Проснувшись после тяжёлого сна в то первое утро в деревне, занятой накануне нашим авангардом, я с удивлением узнал, что Песоцкий вступил в переговоры с командованием партизан в остроге. Последние согласились пропустить нас при условии, что мы будем двигаться небольшими группами, как гарантия, что мы внезапно не нападём на них.

Это был, без сомнения, психологически переломный момент. До этого непреодолимая черта отделяла нас от красных. Теперь же мы находились с ними в постоянном контакте. Пока мы малыми группами шли мимо острога, командиры красных считали, сколько у нас людей, пулемётов и боеприпасов. Во время марша по Ангаре их небольшие дозоры всё время двигались впереди в поле зрения нашего охранения, и ещё один отряд шёл по пятам. С этого момента мы по сути превратились в пленных, ещё вооружённых, но двигавшихся под конвоем красных. В тот день я понял, что бывший жандарм, поручик Федуленко, отвечавший в полку за контрразведку, поступил

очень предусмотрительно, покинув нас со своими людьми в ночь, когда состоялся тот роковой военный совет.

Пока мы шли мимо Братского острога, Песоцкий находился в заложниках у красных и вернулся к нам только через два часа после прохода. В какой-то момент я подумал, что они хотят задержать подполковника насовсем, и стал совещаться с Колеговым, не повернуть ли нам обратно на выручку. Но Колегов заверил меня, что причин для беспокойства нет, и командир скоро догонит нас. Так и произошло. Ни мне, ни другим офицерам полка, с которыми я поддерживаю ныне связь, не известно, что он там обсуждал с партизанами. Не исключено, что именно тогда он заложил основу своей будущей линии поведения и послал какие-то сообщения в иркутский штаб красных.

Двигаясь по Ангаре, мы удивлялись тому, насколько богатыми были деревни по её берегам и островам. Гражданская война никак не затронула их. Во время остановок на обед или на ночь крестьяне собирались вокруг, чтобы поглазеть на нас. «Что за белые такие? Похожие они на нас, али нет?», — ахали высокие симпатичные девчата, разглядывая наших людей, как диковинных зверей в зоопарке.

Во время марша командир полка со своим штабом и конным отрядом славгородской милиции двигался быстрее моего батальона, и временами мы отставали от него более чем на сорок вёрст. Мы принимали обычные меры предосторожности на случай внезапного нападения партизан. Однако они не трогали нас, а просто шли вплотную по пятам. На ночь мы старались вставать большими группами в просторных избах местных крестьян, чтобы представлять собой силу и иметь возможность обороняться пулёмётным огнём. Каждую ночь я аккуратно проверял посты и расстановку пулёмётов.

Когда мы подошли к развилке пути — одна дорога вела на север, вторая в Балаганск — я получил приказ Песоцкого выслать делегацию в составе одного офицера и одного представителя от нижних чинов для участия в переговорах со Зверевым²¹⁶, командующим красными пар-

²¹⁶ Зверев Даниил Евдокимович (1894 - 1941). Из крестьян Самарской губернии, с 1912 г. на военной службе. В ПМВ за храбрость произведён в чин поручика и награжден четырьмя Георгиевскими крестами. Член РСДРП(б) с 1917г. С 1918 г. в Красной армии. Попал в плен и с эшелонам пленных прибыл в Иркутскую губернию. Был принят на службу в Белую армию, после чего поднял мятеж и перешел со своей ротой к партизанам. После Гражданской войны на политической работе в РККА, затем в народном хозяйстве. В годы Большого Террора арестован, умер в лагере на Колыме.

360 тизанами в Иркутске. Это явилось для меня полной неожиданностью, но, поскольку я не знал, в какой ситуации находился подполковник, я тут же отправил лейтенанта Захарченко, которому полностью доверял, как способному, рассудительному и честному офицеру, вместе с одним из унтер-офицеров.

Одновременно я решил двигаться как можно быстрее, чтобы нагнать подполковника и его отряд. Рано утром адъютант принёс мне страницу относительно свежей иркутской газеты, которую он подобрал на дороге. Новости оказались неутешительными. Колчак арестован, а Иркутск прочно занят красными партизанами и бывшими белыми частями, восставшими против правительства адмирала. Эти войска поддерживали некое временное правительство, образованное коалицией социалистов и радикальных групп. Но по обрывкам информации в газете мне показалось, что реальная власть в Иркутске принадлежит большевистскому ревкому.

Захарченко с унтер-офицером встретили нас на подходе к деревне, где подполковник встречался с красными. Они в общих чертах обрисовали ход переговоров. Зверев, командир партизан, предложил свободный проезд для всех, кто пожелает покинуть страну, разрешение офицерам сохранить знаки различия и личное оружие, выплату всему личному составу пособия по демобилизации в размере пятисот рублей на человека, выдачу каждому нового комплекта обмундирования и обуви и, самое важное, гарантию полной амнистии всем без исключения офицерам и нижним чинам. В конце концов он даже согласился оставить нам некоторое количество винтовок и патронов для защиты от банд разбойников. Взамен он хотел только наши пулемёты, бóльшую часть винтовок, боеприпасы и обещание не вступать в бой с его частями.

Условия, конечно, были превосходными. Я сразу понял, что как только наши люди узнают о предложенной им Зверевым полной амнистии, они больше не захотят воевать. Все они к тому времени были сильно истощены долгими переходами на жестоком морозе и подавлены новостями из Иркутска. А идея ухода в Забайкалье на соединение с Семёновым их не привлекала. Так думали не все в полку, но, по крайней мере, значительная часть офицеров. Захарченко сказал, что соглашение подписал не только Зверев, но и представители ревкома. Подполковнику и всем присутствовавшим с ним офицерам понравилось это предложение, и они выступали за то, чтобы полк принял его.

Лично я сильно сомневался, что Зверев и иркутский ревком будут честно выполнять условия соглашения. Я не знал, что в тот момент они сильно опасались штурма Иркутска остатками белых войск и готовы были предложить что угодно, лишь бы минимизировать угрозу своим частям от таких отрядов, как наш.

Чтобы принять какое-то адекватное решение, я созвал командиров рот, рассказал им о переговорах и предложенных условиях и приказал неофициально опросить своих людей, будут ли они сражаться, если я не приму условий красных и решу действовать независимо от командира полка, чтобы обойти Байкал с севера.

Из пяти рот батальона только одна, самая малочисленная (двенадцатая) заявила безоговорочно, что, если я прикажу им сражаться, они выполнят мой приказ. Остальные либо ответили отрицательно, либо дали уклончивые ответы, например, что готовы воевать с партизанами, но не с регулярной Красной армией.

Тем временем несколько боцманов и старших из крестьян-добровольцев пришли ко мне с предложением: они собирались организовать партизанский отряд и уйти в тайгу на север, чтобы продержаться там до возвращения белых. Они просили меня принять командование над их отрядом, но намекнули, что не хотят брать других офицеров. Я долго спорил с ними, упирая на то, что не могу бросить офицеров и основную часть людей, что партизанить в нынешних обстоятельствах бессмысленно ввиду очевидной неспособности остатков Белой армии вернуть утраченные позиции в течение, по меньшей мере, ближайшей пары лет, что своей деятельностью они разорят и настроят против себя местных крестьян и будут в итоге уничтожены красными при их активной поддержке. В заключение я сказал им, что батальон должен действовать, как единое целое, и, если они смогут вдохновить своим энтузиазмом достаточно большое количество людей, я готов продолжить командовать ими и попробовать вывести их Забайкалье при условии, что все офицеры останутся на своих постах. Я дал им час обсудить это с людьми и сообщить мне о своём решении, чтобы, отправляясь к командиру полка, я знал, какую занять позицию.

Время истекло, но никто ко мне не явился. Тогда я пошёл к Пе-соцкому. Он по пунктам обсудил со мной всё соглашение и высказал

362 мысль, что поскольку правительства Колчака больше не существует, а сам он арестован или, возможно, уже даже мёртв, то мы свободны от всех обязательств продолжать борьбу; что крупные части красных двигаются на перехват нам, как со стороны Балаганска, так и из деревень вдоль линии железной дороги, и наконец, что моральный дух стрелков и значительной части офицеров сломлен. Он также добавил, что уверен в намерении Зверева и иркутского ревкома сдержать своё слово, поскольку они обнародовали условия соглашения и уже не смогут нарушить его, не потеряв лицо перед населением и собственными людьми.

В ответ я сказал Песоцкому, что не верю в способность или желание красных полностью исполнить договор и что постараюсь как можно быстрее уехать за границу. Но поскольку у людей больше нет желания воевать, и предложить мне нечего, я не возражаю против соглашения, хотя и не жду от него ничего хорошего. Без всякой задней мысли я напомнил ему, что всегда считал его план ухода на север от железной дороги непрактичным; но сейчас было не время для взаимных упреков, и надо было думать о людях.

На следующий день мы сдали представителям Зверева наши пулемёты, винтовки и бóльшую часть боеприпасов и двинулись дальше на Балаганск, сохраняя подобие военного порядка. Настроение у всех было крайне подавленным, но случаев неповиновения не было, и нижние чины вели себя очень достойно по отношению к офицерам.

Воспоминания о том марше на Балаганск и далее в Иркутск настолько горьки для меня до сих пор, что я не могу заставить себя описать их в подробностях. Достаточно сказать, что через два дня после подписания договора нас догнали части 2-й партизанской Братской дивизии, и начальник их штаба в моем присутствии заявил Песоцкому, что его люди не могут допустить, чтобы хорошо одетая белая часть, с оружием и обозом, ломящимся от личного имущества, продолжила движение на Иркутск.

На следующий день Песоцкий приказал всем офицерам сдать ему личное оружие. Затем вместе с остававшимися у нас винтовками он передал его в штаб партизан, начальник которого был бывшим офицером царской армии.

Как только разнеслась весть, что офицеры безоружны, в деревню, где мы стояли, вошли партизаны и начали грабить нас, отбирая форму, личные вещи, деньги и ценности. Позже я узнал, что золотые часы, подаренные мне членами специальной миссии Рута в 1917 году на память о проведённых вместе неделях, оказались у их командира дивизии.

Что касается меня лично, то всё происходило следующим образом.

Я сидел в избе вместе со своим адъютантом, лейтенантом Ежовым и ещё одним офицером. Сняв погоны с кителей и шинелей, чтобы их не сорвали красные, и зашив в шапки и нижнее белье несколько банкнот и документы, мы обсуждали вопрос о том, не лучше ли нам оставить полк и пойти своим путём. Мой адъютант, считал что, пока полк представляет собой единое целое, исчезновение старших офицеров, несомненно, приведёт к репрессиям со стороны красных к остальным, и что нам следует держаться вместе, пока полк не рассеется совсем. С этим я был согласен.

Как только мы закончили разговор, распахнулась дверь и в комнату ворвалась дюжина партизан с пистолетами в руках.

— Руки вверх!

Шесть или семь человек разбойничьего вида направили на нас дула револьверов и пистолетов. Глядя на них, я подумал, что это, вероятно, то самое оружие, которое Песоцкий попросил нас сдать этим утром. Выражение же «Руки вверх!» было совсем недавно позаимствовано русскими у американцев и впервые попало в Россию во время революции 1905 года через дешёвые романы о Нике Картере²¹⁷. Вслед за этим я подумал о своих американских друзьях — узнают ли они когда-нибудь, что со мной стало? Я был абсолютно уверен, что мне пришёл конец, но не испытывал по этому поводу никакой острой тоски или сожаления. Я скорее чувствовал себя как зритель какого-то странного и неприятного зрелища или ночного кошмара.

Партизаны вытолкали нас в другую комнату, занятую хозяевами, и, выстроив у стены, приступили к методичному грабежу нашего имущества. Начали с вещмешков, а затем перешли к часам, кольцам, кителям, ремням, кожаным жилеткам и вообще всему, что им понравилось.

²¹⁷ Ник Картер (Nick Carter) — популярный персонаж массовой культуры в США, сыщик из дешёвых романов и фильмов разных авторов.

Когда они закончили, у меня остались гимнастёрка, бриджи, валенки и рваный овчинный полушубок, состояние которого было таким, что грабители им побрезговали. В меховой шапке, которую также не взяли, было несколько банкнот, и позже я смог вернуть себе томик стихов Шелли на папиросной бумаге, который купил в Нью-Йорке и носил всё это время с собой.

К моему удивлению, закончив грабёж, красные просто ушли, взяв с собой добычу. На прощание один из них бросил:

— Ваше счастье, что никто из ваших людей не стрелял. Если бы хоть у кого-то остался пистолет, и он выстрелил бы в нас, мы расстреляли бы вас всех.

Не уверен, был ли я рад тому, что остался в живых. Чувство глубокого унижения от утраты всего, что составляет ценность жизни, и от потери самой своей личности захлестнуло и парализовало меня.

Несколько минут спустя после ухода грабителей вошёл Захарченко. На нем была рваная солдатская шинель, а сам он зло и желчно ругался:

— Вот как эти мерзавцы выполняют свои договоры! Никогда не прощу себе, что подписал это чёртово соглашение. Надо было пробиваться в Забайкалье к Семёнову. Эти шакалы не посмели бы напасть, будь у нас хоть один патрон.

Я постарался успокоить его, сказав, что он ни в чем не виноват, и что, если кто и ответственен за соглашение с красными, то это Песоцкий и, возможно, я. Хотя, по большому счету, это был тот случай, когда обстоятельства сильнее людей.

Спустя примерно час нам приказали построиться на улице. Офицеров отделили от солдат и согнали в несколько изб, охраняемых часовыми.

Следующим утром я получил короткую записку от Песоцкого, в которой он сообщал, что вместе с Колеговым уезжает в штаб 5-й армии красных и передаёт командование Морским полком мне. Я не сдержался и громко захохотал над этим фигляром, к удивлению своего адъютанта и Ежова, которые подумали, что у меня началась истерика.

— Господа, да будет вам известно, что я теперь командир полка. Подполковник Песоцкий сумел-таки наконец покинуть нас, чёрт его подери. Теперь мы потащимся за своей судьбой пешком, а он поедет в одном из своих любимых персональных купе, как положено образованному офицеру Генерального штаба.

Больше я никогда не встречал Песоцкого. Он успешно добрался до штаба 5-й армии, встретил там каких-то друзей из числа бывших сослуживцев и получил под командование бригаду. Судьба, однако, была к нему неблагосклонна. Несколько месяцев спустя в Забайкалье его часть была атакована белыми, и он погиб в ночной схватке. Один из офицеров Морского полка, живущий ныне в Америке лейтенант Афросимов,²¹⁸ заболел тифом и был оставлен нами в санитарном поезде в Новониколаевске. Позднее он смог пробраться в Забайкалье и участвовал в том бою. Он рассказал мне, что, увидев себя отрезанным от своих и окружённым белыми, Песоцкий закричал: «Не убивайте меня, я подполковник Генерального штаба

*С. Н. Колегов.
Фото из следственного дела,
1931 г.*

Песоцкий, бывший командир Морского полка в армии Колчака!» Он был безжалостно заколот штыками и умер, моля о пощаде.

Колегов не разделил его судьбы. Вскоре после перехода на сторону красных он заболел тифом. Осенью 1920 года после освобождения из концентрационного лагеря я встретил его в военном госпитале в Красноярске. Он был очень слаб и не мог много говорить. Дальнейшая его судьба мне неизвестна²¹⁹.

К моему огромному удивлению, офицеры и стрелки определённым образом признали меня командиром. Мы были всего лишь толпой

²¹⁸ Афросимов Борис Сергеевич (1900—1974), штабс-капитан по адмиралтейству. Учился в Морском корпусе. Осенью 1917 года убыл для прохождения практики на Дальний Восток. С 1919 г. на Камской РБФ, затем на Обь-Иртышской флотилии, затем в Морском полку. После оставления в санитарном поезде попал в плен к красным. Бежал, и в составе Польской дивизии, а затем 13-го Воткинского конного дивизиона дошёл до Читы. Служил на Сибирской флотилии, с которой в 1922 году эвакуировался на Филиппины, а затем эмигрировал в США.

²¹⁹ Колегов Степан Николаевич (1890—1931), подполковник Генерального штаба. После выздоровления преподавал на военных курсах и в военных академиях РККА. В 1931 г. расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности. Реабилитирован.

366 оборванцев, но они продолжали приходиться ко мне со своими проблемами, и даже красные считали меня старшим среди пленных.

Нас под конвоем вели к станции Зима на Транссибе. По пути один офицер по фамилии Полидоров попросил у меня разрешения покинуть полк, будучи уверенным, что сможет спастись, добравшись до штабов регулярных красных частей и уйдя затем на восток. Я дал ему своё благословение, и он ускользнул, не замеченный охраной. Позднее ему удалось добраться в Шанхай, и я был невероятно рад узнать, что этот храбрый и решительный человек достиг своей цели²²⁰.

На второй день марша к линии железной дороги наш конвой узнал, что партизаны у станции Зима были разбиты остатками белых войск. Новости стали известны в момент, когда мы проходили через один небольшой хутор. Конвоиры были сильно огорчены и какое-то время не знали, что делать. Совещавшиеся в избе командиры вызвали меня и велели ждать снаружи. Голодный и промёрзший до мозга костей, я стоял, прислонившись к дощатому забору, а напротив, оперевшись на свои винтовки, стояла группа партизан. Мне было всё равно, убьют меня или нет. Слишком много пришлось испытать унижений за последние недели, и слишком мало оставалось того, ради чего хочется жить.

Несколько моих товарищей-офицеров сначала стояли со мной. Но когда партизаны выстроились напротив, они один за другим отошли в сторону и стали наблюдать с расстояния. Даже Кузьмич покинул меня и стоял пришибленный, с виноватым видом. Они, похоже, все надеялись, что дело обойдётся только одной жертвой, и, как последний командир полка, это, конечно, должен был быть я. Отираться возле меня им казалось неразумным. Все, кто были близки ко мне и называли себя моими друзьями и преданными сторонниками, бежали, как крысы с тонущего корабля.

Перед моими глазами пронеслась длинная череда бессвязных, меняющихся картин революции, Гражданской войны, походов и отступ-

²²⁰ Полидоров Александр Иванович (1891 —?), лейтенант. В службе с 1911 года. В 1912 г. окончил Морской корпус и был зачислен в 1-й Балтийский флотский экипаж. Участвовал в Первой Мировой войне. В 1919 г. прибыл из Франции во Владивосток и был назначен в Амурскую речную флотилию. С 30 октября 1919 г. в Морском полку. После ухода из полка сумел добраться на Дальний Восток, где с июня 1920 г. числился в списках Сибирской флотилии. Эмигрировал в Китай.

лений. Прорицательница, труп на дороге, потеря нагрудного знака... «А ведь в итоге та дама оказалась права. Вот он, конец пути».

Партизаны устроили штаб в избе примерно в ста метрах от меня. И я, скорее нутром, нежели рассудком чувствовал, что за серыми некрашеными брёвнами её стен решается моя судьба. В те дни человеческая жизнь в Сибири стоила очень мало, и по сложившейся уже традиции рассчитывать на пощаду мне не приходилось. Я мог только надеяться, что меня пристрелят сразу, без тех изощрённых пыток и издевательств, которым, как мы знали, партизаны в тайге часто подвергали захваченных офицеров.

Время шло, а я всё так же стоял, прислонившись к забору. А мрачные мужики с винтовками разглядывали меня, как какое-то диковинное животное. Их лица совсем не были злыми, и они мало чем отличались от обычных северорусских крестьян.

Наконец, после ожидания, показавшегося мне вечностью, дверь избы распахнулась, и наружу вышли трое увешанных красными лентами начальников. У одного в руках был листок бумаги.

«Всё, как положено. Даже приговор написали», — подумал я.

Троица, не торопясь, подошла ко мне. Мужики напротив встали навытяжку.

Затем мне зачитали бумагу.

«Военный трибунал Партизанской Братской дивизии, рассмотрев дело обвиняемого старшего лейтенанта Федотова, командира колчаковского Морского полка, единогласно постановил признать его виновным в предательстве интересов народа и контрреволюционной деятельности и приговорить к высшей мере социальной защиты».

Партизан прекратил читать и внимательно посмотрел на меня. Я уставился на него в ответ. В том, что он прочитал, не было ничего неожиданного.

Однако, к моему удивлению, он продолжил читать приговор.

«Учитывая смягчающие обстоятельства, в особенности то, что, командуя батальоном в Морском полку, обвиняемый всегда старался предотвращать грабёж местного населения в деревнях, где останавливался его батальон, и платил деньгами или вещами за реквизируемое

368 продовольствие и фураж, трибунал единогласно постановил: сохранить обвиняемому жизнь и предложить ему вступить в ряды партизан».

Поначалу я не мог поверить, что он действительно сказал это и что моё расставание с этим миром откладывается на неопределённый срок. Мне, однако, удалось привести мысли в порядок настолько, чтобы, запинаясь, выдать из себя несколько слов благодарности моим судьям и отказаться от вступления в их ряды под предлогом плохого состояния здоровья, требовавшего скорейшего помещения меня в ближайший госпиталь.

Так что, в конце концов, благородная дама в Омске оказалась не права. Но я не виню её за ошибку. В своём предсказании она подобралась очень близко к реальности. И даже прорицателю не под силу постичь, что находится в голове у сибирского крестьянина.

Нам приказали поворачивать назад и двигаться к Балаганску. Невозможно описать те страдания, что нам пришлось испытать во время этого перехода. По счастью, погода была относительно мягкой. Мы постоянно голодали, а конвой не особо беспокоился о нашем пропитании. Крестьяне же очень неохотно давали еду пленным белым.

Вскоре красные поняли, что нет необходимости тщательно сторожить нас, так как мы и сами стремились как можно скорее попасть в Иркутск, в надежде, что Зверев и ревком сделают что-нибудь для выполнения хотя бы части соглашения. Так что начальник конвоя просто говорил нам утром, в какой деревне мы должны остановиться на ночлег вечером, оставлял позади нас караул на санях подбирать отставших, а сам верхом с остальным отрядом отправлялся в указанный населённый пункт. Мы же брели группами без особого присмотра. Помню, как я подумал о том, что, вероятно, таким же образом крестьянское ополчение обращалось с пленными наполеоновскими солдатами в 1812 году.

Моей главной заботой во время этого марша было, во-первых, постараться избежать трений между конвоем и местным населением, с одной стороны, и личным составом полка, с другой. И во-вторых, добыть еду, чтобы у нас были силы для долгих переходов.

Поскольку трения обычно возникали вечером, после размещения на ночлег, дневное время на марше можно было посвятить добыванию еды.

Вскоре мы поняли, что для того, чтобы достать что-нибудь съестное, надо делать вылазки на отдалённые хутора и выселки, расположенные в стороне от основной дороги, по которой мы шли. Постепенно наша группа, в которую, кроме меня, входил мой адъютант, мой личный вестовой и один из командиров рот, выработала успешную тактику добывания еды у настороженных крестьян, избегая при этом проблем с конвоем.

Мы шли не торопясь, высматривая какую-нибудь отдалённую деревеньку. Затем сворачивали на узкий санный след, ведущий к ней, и ждали, пока по нему не поедет какой-нибудь местный мужик, возвращающийся из леса или от соседей. Когда мужик появлялся, мы шли какое-то время вместе с ним и, как бы невзначай, спрашивали, слышал ли он последние новости о деньгах.

— А что с ними, товарищи?

— Красное правительство снова ввело в обращение керенки. У тебя они остались, или все сдал, когда Колчак менял их на сибирские деньги?

— А что с сибирскими деньгами?

— Большевики их больше не принимают. Теперь они ни на что не годятся, разве что стены в избе обклеивать.

В глазах мужика появлялось любопытство, и он начинал забрасывать нас вопросами. Эти маленькие хутора были отрезаны от всего мира и не получали газет.

Тут мы обычно говорили, что нам надо идти, и спрашивали, чей дом в деревне был самым чистым и удобным, так как мы собирались остановиться немного передохнуть.

К тому времени интерес крестьянина был в должной мере подогрев, и, горя желанием узнать побольше о том, что творится во внешнем мире, он говорил:

— Чистый, удобный дом? А чем не мой? Чай, не хуже других. Заходите, перекусим чего-нибудь.

Надо ли говорить, что, не давая ему шанса передумать, мы сразу же принимали приглашение.

Когда, войдя в избу, наш хозяин начинал объяснять жене, зачем он нас привёл, на её лице легко читалось: «Опять моего простофилю надули. Лишь бы эти бродяги не стащили чего-нибудь».

Однако тут уже можно было не волноваться. Чтобы не уронить своего мужского достоинства, хозяин настаивал на том, чтобы мы прошли в его избу. А остальное уже делало природное гостеприимство русского крестьянина, распространявшееся порой даже на абсолютных незнакомцев.

Угощение было скудным: несколько варёных картофелин, один-два куска чёрствого хлеба да солёные огурцы. Но мы радовались даже этому, так как обычно ничего не ели с предыдущего дня.

Хозяин засыпал нас вопросами: «Куда вы идёте? Откуда пришли? Кто вы? Что слышно об этих большевиках?»

Мы старались отвечать осторожно и нейтрально: мы демобилизованные солдаты, идём в Иркутск, чтобы добраться домой. Пока не решили, задержимся там или попробуем найти работу где-нибудь на Транссибе. О красных знаем мало, но слышали, что на железной дороге они меняют мануфактуру на продукты.

Вопрос мануфактуры обычно вызывал живейший интерес хозяйки. Она начинала подробно выспрашивать, сколько аршин дают в одни руки, почём меняют, какие товары, и так далее. Мы старались отвечать как можно подробнее, используя крупницы информации, полученные от конвойных и из обрывков газет, попадавших на дороге.

Затем хозяин начинал жаловаться на чехарду с деньгами:

— Сначала Колчак сказал менять керенки. Мы подумали, они всё равно ничего не стоят. Некоторые мужики стены ими обклеивали для смеха. Теперь большевики говорят менять сибирские деньги. Когда уже этому конец будет? Только царские, похоже, всегда чего-то стоят — но до каких пор?

Волны Гражданской войны не задели эти маленькие деревушки, и к ним доходили лишь крупницы новостей о вооружённой борьбе. Большинство крестьян очень смутно представляло себе, в чем вообще дело. Сибирь не знала помещичьего землевладения, и, благодаря отсутствию в сельской местности имений, не было причин для внутреннего противостояния в деревне. Казаки здесь не жили, а относительная удалённость от линии железной дороги спасала крестьян от карательных экспедиций различных атаманов. Таким образом, почти

не прекращавшаяся с 1917 года во многих деревнях вдоль Транссибирской магистрали вооружённая борьба совершенно не затронула их.

Однажды мы ночевали в еврейском селении. Эти евреи поселились здесь ещё в царствование Николая I и занимались сельским хозяйством. Деревня была богатой, а люди крепкими, и на первый взгляд ничем не отличались от обычных сибирских крестьян-«старожилов».

Сперва я даже не понял, что мы находимся среди евреев, настолько их деревня была похожа на все остальные в округе. И только когда хозяин попросил не брать их посуду и умолял готовить еду, которая у нас была, отдельно от их, я догадался, что они ортодоксальные иудеи. Мне стало очень интересно, так как я никогда раньше не встречал евреев, занимающихся сельским хозяйством, и я разговорился с главой семейства.

Наш хозяин оказался очень интеллигентным человеком, обходительным и осторожным. Он буквально источал доброту и человечность и ждал, что с окончанием Гражданской войны жизнь наладится, и в округе воцарится мир и благоденствие.

— Будет очень много работы для образованных людей, таких, как вы и ваши друзья. Сколько всего нужно будет восстановить и исправить, сколько школ будут нуждаться в учителях. Вы найдёте себе место в новой России. Я понимаю, насколько вам тяжело сейчас. Старайтесь не думать об этом. Думайте о будущем.

После этих фермеров с достаточно высоким культурным уровнем, мы несколько ночей провели в зимовьях полукочевых бурят. Буряты были крещёными в нескольких поколениях, но после революции изгнали попов, разграбили церкви и вернулись к своим шаманским верованиям. Перед входом в жилища они вешали на кол черепа лошадей и других животных. Буряты, как правило, были более враждебны к нам, чем русские крестьяне. Тем не менее, в одном из стойбищ двое старейшин предложили мне остаться у них учителем. Они очень хотели дать своим детям образование и были уверены, что смогут на какое-то время спрятать меня от красных, а затем добыть какие-нибудь документы, чтобы я мог спокойно жить среди них. В какой-то момент я даже колебался, готовый принять их предложение. Но затем подумал, что

372 конвой быстро хватится меня, а зимой в бурятских селениях будет невозможно спрятаться.

Первые трения с местным населением возникли у нас как раз среди бурят. Наши оголодавшие люди стали требовать еды, угрожая в противном случае взять её без спроса. Буряты пожаловались конвою, и партизаны кинулись хватать виновных. Те, в свою очередь, поняв, что дело плохо, побежали в мою избу. Они влетели ко мне в комнату, а следом с примкнутыми к винтовкам штыками вбежали их преследователи.

Потребовалось не меньше получаса и очень много слов, как в 1917 году, чтобы отговорить их от намерения пристрелить виновных на месте. Больше всего на них подействовали слова: «Вы ведь и сами знаете, что такое голод и на что готов голодный человек ради корки хлеба. Эти люди уже получили свой урок. Оставьте их».

Наконец, после долгих ругательств и угроз, конвой успокоился и покинул избу.

Но самая большая беда случилась в Балаганске. Там располагался штаб 2-й партизанской Братской дивизии. И сразу по прибытии туда нам стало ясно, что красные не представляют, что делать с нами. Позже мы узнали, что они опасались захвата Иркутска белыми, и, естественно, не хотели вести нас дальше в том направлении. Нас загнали в здание местного кинотеатра и предоставили устраиваться там самим, как сможем. Всё было бы не так плохо, если бы не постоянные набеги тех из партизан, кто пропустил первоначальный грабёж полка и чувствовал себя обделённым. Они толпами заявлялись после отбоя и расхаживали между нами, подбирая приглянувшиеся им шапки, валенки, рубахи или штаны и оставляя взамен свои грязные обноски.

Некоторые из сочувствующих нам жителей Балаганска приносили иногда еду и останавливались пошептать с нами. И вскоре стало понятно, что наша судьба висит на волоске, и есть все основания ожидать самого худшего.

Утром я обсудил положение с Захарченко и решил действовать. Я пошёл к старшему караула и сказал, что хочу говорить с начальником дивизии. Немного погодя меня отвели к нему на квартиру.

То, что я там увидел, живо напомнило мне бессмертные страницы «Капитанской дочки» Пушкина с описанием пугачёвского штаба.

У командира красных было мужественное точёное лицо, большая копна темных волнистых волос и щегольские, по-военному укороченные усы. Он сидел на стуле, уперев руки в колени, как человек, больше привыкший к тяжёлым скамьям сибирских изб, чем хрупкой европейской мебели, совершенно не подходившей его мощной фигуре. Его штаб представлял из себя разношёрстную толпу, в которой, в том числе, были и два офицера, состоявшие при штабе нашего полка в период, когда мы ещё шли вдоль линии железной дороги. Они, по всей видимости, состояли тут кем-то вроде секретарей и деловито печатали письма на захваченных у нас машинках.

— И чего же вы хотите? — спросил начальник дивизии, глядя на меня с нескрываемым любопытством. — Вы ведь командир Морского полка, не так ли?

В тот момент я заметил цепочку, свисавшую из кармана его кителя, и испытал большое искушение спросить начдива, нравятся ли ему мои часы? Однако, взяв себя в руки, ответил:

— Я не настоящий командир. Как вам известно, настоящий командир полка вместе со своим заместителем уехал в штаб 5-й армии. Как я понимаю, он отправился туда, чтобы заручиться поддержкой командования армии в части точного исполнения договора, заключённого нашим полком с товарищем Зверевым и иркутским ревкомом и грубо нарушенного вашими людьми.

— О чем это вы? Зверев мне не начальник. Я не подчиняюсь ни ему, ни иркутскому комитету. По-вашему, я должен сказать своим людям, чтобы они позволили вам идти на Иркутск с оружием и разодетыми, как на праздник, в то время как сами они ходят в лохмотьях? Я знаю только одно: вы сдались и должны быть благодарны, что вам вообще сохранили жизнь после всего того, что вы, белые, натворили в последние годы.

— Договор есть договор, товарищ начальник. Не думаю, что командование Красной армии будет радо узнать, что широко растиражированное в прессе официальное соглашение было нарушено, а Зверев и ревком приобрели репутацию бесчестных людей, обманувших действовавшую по доброй воле группу солдат. Кроме того, этот полк состоит по большей части из рабочих и крестьян. Я могу понять ваше отношение

374 к офицерам как к классовым врагам, но зачем же настраивать против себя честных тружеников, первый раз столкнувшихся с советской властью? По вашим делам будут судить обо всей Красной армии.

Командир красных смотрел на меня озадаченно, теребя цепочку от моих часов. Кажется, это до сих пор не приходило ему в голову. Я решил воспользоваться его замешательством и продолжил:

— Я рекомендую вам, не откладывая, снестись со Зверевым и ревкомом или со штабом 5-й армии и начать обращаться с нами как с людьми. Прикажите своим солдатам прекратить отнимать у нас последние лохмотья и велите дать поесть. Даже если вы считаете нас пленными, коими мы не являемся, это не значит, что с нами можно обращаться как с последними преступниками.

— Я подумаю над этим. Ступайте отсюда, — заключил начдив.

Днём нам принесли еды, и визиты мародёров прекратились. Следующим утром мы выступили в направлении Иркутска, который к тому времени казался нам уже землёй обетованной. Мы мечтали о свободе, которую обретём там, о смене белья, бане, нормальной еде и отдыхе.

Однако ещё на подступах к городу нас ждало новое разочарование. Сначала мы остановились в одном из предместий, и часть конвоя отправилась в ревком за указаниями. Через два часа нас повели к губернской тюрьме и выстроили перед её воротами.

Тогда я в последний раз увидел личный состав Морского полка в некоем подобии военного порядка. Я стоял перед остатками своей части, выстроенными в две оборванные линии с офицерами на правом фланге. К тому моменту мы выглядели уже совершенно как сборище огородных пугал, и в нашем облике не осталось ничего военного.

Затем ворота тюрьмы распахнулись, и конвой завёл нас в небольшое здание во дворе, в прежние времена использовавшееся как пересылка. Нас плотно набили внутрь и захлопнули тяжёлую дверь.

Вскоре мы стали задыхаться, так как окна были плотно закрыты, а искусственной вентиляции не было. Свободно дышать могли только те, кто сидел на верхнем ярусе высоких нар вдоль стен. Остальные же очень скоро стали страдать от удушья. И я был глубоко тронут, когда люди пронесли меня над головами и освободили место на нарах, чтобы я мог подышать свежим воздухом. Там же, на нарах, оказался

и Захарченко, и, посоветовавшись с ним, я решил пойти на риск, чтобы прекратить эту пытку.

Я коротко обратился к людям, сказав, что через несколько часов мы все можем задохнуться. Нас не кормили с самого утра, и даже питьевой воды не хватало. Если все согласны, то я заявлю протест начальнику тюрьмы и потребую перевода нас в другие здания, а также воды, еды и скорейшего решения ревкомом нашего вопроса. Я предупредил всех, что это может привести к репрессиям, и хотел, чтобы все чётко осознавали риск, на который мы идём.

— Давай! Действуй! Всё лучше, чем медленная смерть! — раздались в ответ крики солдат.

Я протолкнулся к двери и начал колотить в неё, что есть силы, а те, кто стоял рядом, охотно помогали мне в этом.

— Какого черта там происходит? Прекратить шум, или буду стрелять! — хрипло заорал часовой через щель в двери.

— Позови начальника тюрьмы! Скажи, мы хотим видеть его немедленно! Или мы тут все окна перебьём!

— Начальника! Давай начальника! — кричали солдаты изо всех сил.

На шум явился старший караула, которому я повторил наши требования под многоголосый хор криков: «Давай начальника!»

Старший караула ушёл, а через четверть часа или около того дверь открылась и вошёл начальник тюрьмы в сопровождении человека в гражданском (как мы позже узнали, члена коллегии зловещей чека) и дюжины вооружённых красноармейцев.

Вошедших встретили криками: «Дайте хлеба! Мы хотим есть! Тут нечем дышать! Вы хуже царских жандармов!»

Начальник тюрьмы — маленький, худой человек средних лет со смуглым, умным лицом — жестом призвал всех к тишине.

— Что случилось? Почему шум?

— Товарищ начальник, — сказал я, — позвольте указать вам на несколько моментов. Наш полк заключил определённое соглашение с товарищем Зверевым и иркутским ревкомом. Помимо прочего, соглашение гарантировало полную амнистию всему личному составу, выплату единовременного пособия всем чинам полка, новое обмундирование и обувь и даже разрешение на выезд за границу для тех,

376 кто пожелает эмигрировать. Вместо этого нас бросили в тюрьму, не дают еды и набили сюда так, что мы задыхаемся от удушья. Зачем вы это делаете, товарищ начальник? Люмпен-пролетарии не являются вашими классовыми врагами. Если вы жаждете мести, отыгрывайтесь на нас, офицерах, но, ради Бога, выполните условия договора в отношении этих рабочих и крестьян.

Начальник тюрьмы улыбнулся:

— Люмпен-пролетарии! Откуда вы узнали это слово? Нет, мы не воюем с рабочими и крестьянами, и советская власть исполняет договоры, даже если они заключены с её злейшими врагами. Я не могу освободить вас — этот вопрос находится в ведении ревкома, но я переведу вас в другие здания, хотя, как вам без сомнения известно, у нас всё переполнено. Хлеб раздадут сразу же после перевода.

Через полчаса нас перевели в более просторное здание, где можно было нормально дышать, принесли ведра с водой и выдали по фунту хлеба на каждого.

На следующий день начальник и представитель чека явились снова и сказали нашим людям избрать представителей для переговоров с ревкомом.

— Не хотим мы никого выбирать! Говорите с нашим командиром. Мы ему верим, — закричали стрелки, к большому удивлению тюремщика и чекиста.

Могу сказать, что это был лучший момент моей жизни. Меня, заключённого, голодного и оборванного, эти люди по-прежнему признавали своим лидером. Я был настолько взволнован, что чуть не расплакался.

— Хорошо, — сказал начальник, — ваш командир будет говорить с ревкомом сегодня вечером, хотя для вас было бы лучше действовать через выборных представителей.

Вечером меня вызвал представитель чека. Он был без вооружённого конвоя, с одной только девушкой-секретарём. Тюремная охрана передала меня ему, и мы пешком отправились в штаб Иркутского революционного комитета.

По дороге чекист и девушка весело болтали со мной, шутили и даже напели знаменитую песенку:

*Эх, яблочко,
Куда ты котишься?
Попадёшь в чека,
Не воротисься!*

Иркутская чрезвычайная комиссия в тот момент только появилась на свет. Мой попутчик был интеллигентным человеком, вероятно, адвокатом из радикальных социалистов, а его спутница — обычной девицей из городских обывателей. Революция была для неё забавой, а чека лишь ещё одним интересным приключением. Оба они вели себя со мной очень достойно, обращались вежливо, предложили закурить и выразили надежду, что ревком прикажет освободить нас. Этим новичкам из провинции было далеко до настоящих чекистских кадров, воспитанных безжалостной школой Феликса Дзержинского, которых лидеры партии в Москве называли «карающим мечом революции».

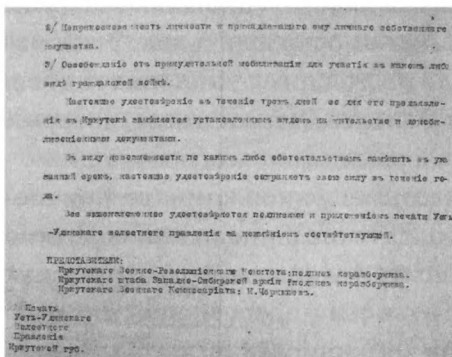
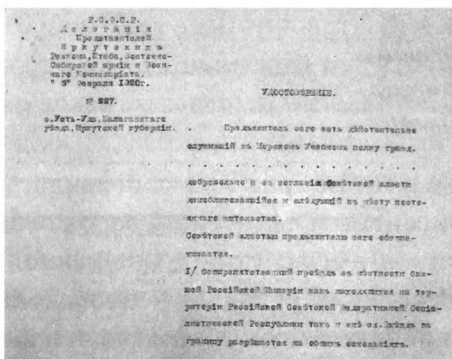
Комитет заседал в большой, тускло освещённой комнате. Его члены были одеты в кожаные куртки, солдатские шинели или короткие овчинные полушубки. Большинство из них выглядели скорее как рабочие, чем как интеллигенты.

Когда чекист представил меня как командира Морского полка, на лицах членов ревкома появилось удивление. Очевидно, своим внешним видом я был совершенно не похож на начальника этого знаменитого подразделения Белой армии.

Щеки, лоб и подбородок были в язвах от обморожений, нос покраснел и раздулся, а уши изуродованы холодом. Месячная борода, всклокоченные волосы, грязная гимнастёрка, заправленная в изношенные бриджи, и изодранный полушубок делали меня больше похожим на профессионального попрошайку, чем офицера.

Комитет молча смотрел на меня с минуту, после чего один из присутствующих спросил, в чём суть моих претензий. Я вкратце изложил обстоятельства подписания договора, перечислил основные пункты и попросил ревком исполнить свои обязательства, немедленно освободив нас.

— И вы что же, хотите, чтобы мы вернули вам и остальным офицерам оружие? — с сарказмом спросил один из членов комитета.

*Удостоверение демобилизованного
военнослужащего Морского учебного
полка (HOOVER INSTITUTION ARCHIVES,
Boris Kriukov papers, Box 2, Folder: Naval
Ministry, 1919).*

освободят. Всему личному составу выдадут документы о том, что они демобилизованы в соответствии с договором, выплатят каждому по пятьсот рублей и поставят на учёт на бирже труда. В отношении обмундирования и обуви было сказано: «У нас не хватает его для собственных людей и частей Красной армии, которые скоро должны достичь города».

Это было больше, чем я ожидал после всех испытаний последних недель. Я невероятно обрадовался, узнав что люди получают амнистию и документы, которые позволят им вернуться к мирной жизни. И с головой, полной планов по собственному спасению, я весёлой походкой отправился обратно в тюрьму.

Я осторожно ответил, что мы не станем настаивать на деталях, если будут выполнены главные положения договора: полная амнистия, документы, разрешающие свободное передвижение по Иркутску и остальной контролируемой советской властью территории, выплата денежного довольствия и выдача нового обмундирования и обуви. И закончив страстным призывом к справедливости и порядочности комитета, я спросил:

— Что население Иркутска подумает о вас, граждане, когда узнает, что наш полк в тюрьме? Они читали текст договора, который вы сами опубликовали в газетах. Как вы им объясните такой обман?

Мне сказали выйти и подождать снаружи, пока будет обсуждаться судьба полка. Через десять минут меня позвали обратно и сообщили, что завтра нас

Когда я рассказал нашим людям о результатах переговоров, они были вне себя от радости.

На следующий день — февраль уже подходил к концу — нас освободили, и, не имея на что жить, кроме нескольких зашитых в шапке банкнот, я стал искать какую-нибудь временную работу. В конце концов втроём вместе с одним из командиров рот и моим вестовым нам удалось устроиться в иркутскую магнитно-метеорологическую обсерваторию. Вместе с должностью ночного сторожа мой вестовой получил небольшую каморку у ворот, куда мы заселились все втроём и стали вести совместное хозяйство, по очереди занимаясь домашними делами.

Тем временем я узнал, что в Иркутске всё ещё оставался французский консул, а во дворе железнодорожного депо стоял японский военный эшелон. При первой же возможности я отправился к консулу и был принят им и его женой. Поскольку я вполне сносно говорил по-французски, а английским владел хорошо (жена консула говорила по-английски), мне, несмотря на мои лохмотья и отсутствие каких-либо документов, подтверждающих связь с английским флотом, удалось убедить его, что я являюсь бывшим офицером флота Его величества, и получить почти обещание достать мне пропуск в японский эшелон, чтобы выбраться из Иркутска.

Возвращаясь из консульства, я встретил одного из офицеров нашего полка, лейтенанта Забелина, который в 1918 году какое-то время состоял в береговой службе французского флота в одной из колоний в Африке. Я рассказал ему о разговоре с консулом. Забелин тут же извлёк своё французское свидетельство о демобилизации и стал умолять меня взять его на следующий день с собой в консульство, чтобы помочь объясниться, так как сам он почти не говорил по-французски. Он был одним из тех русских людей, которые, несмотря на нашу национальную способность к языкам, могут годами жить в другой стране и знать лишь несколько иностранных слов, коверкая их при этом до неузнаваемости.

Следующим утром мы вместе отправились к французскому консулу. Поначалу всё шло хорошо, и я уже предвкушал скорый побег из Иркутска. Однако, как только жена консула повернулась к Забелину и обратилась к нему по-французски, выразив удовольствие от встречи

380 с бывшим офицером флота её страны, начались проблемы. Несмотря на все свои отчаянные попытки, Забелин не смог ей ответить и попросил меня перевести. Это вызвало у консула подозрения уже в отношении нас обоих. Он вертел французский документ Забелина и так, и этак, сличал фотографию с его лицом и повторял: «Comment se fait-il que Monsieur ne parle pas le francais²²¹?» У этого представителя Республики не укладывалось в голове, что русский дворянин, состоявший на французской службе, который должен был ещё с младенчества впитать язык Вольтера, не мог связать на нем и двух слов.

В конце концов он сказал, что должен запросить по телеграфу инструкции в союзной военной миссии во Владивостоке, и что нам следует зайти к нему ещё раз через несколько дней. Так разрушились мои надежды на спасение.

²²¹ Как может быть, что господин не говорит по-французски? (фр.)

ГЛАВА 20.

В подвалах Ирчека

Через два дня в город вошли части регулярной Красной Армии и начали облаву на бывших белых офицеров. После предварительного дознания меня отделили от остальных и отправили под арест в чека для более тщательного расследования. К тому времени в чека уже заправляли специалисты, присланные из Москвы, и непрофессионалы из временного иркутского органа были либо удалены, либо переведены на низшие позиции.

«Подвал» Ирчека (Иркутской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем) был набит до отказа. Нас было двадцать человек в маленькой камере. Толпа арестантов оказалась довольно разношёрстной. В первые дни заключённые мало доверяли друг другу. Все с подозрением смотрели на сокамерников, опасаясь подсадных уток чекистов. И только спустя некоторое время стало появляться взаимное доверие и образовались группы друзей.

Один из арестантов в шутку определил две основные социальные страты среди сокамерников, как «буржуев» и «пролетариев». К первым относились те, кто получал продуктовые передачи от родных на свободе, вторые же были вынуждены существовать на скудном пайке чрезвычайки без какой-либо помощи извне. К «буржуазии» принадлежали лишь несколько счастливицков в числе одного тучного

382 еврея-парикмахера, бывшего судьи полковника Дубенко и журналиста по фамилии Кручинин.

Рубен Варшавер, парикмахер, каждый день получал от своей семьи множество свёртков со всевозможной едой, которую он часто делил с другими арестантами. За это его очень любили и приводили в пример другим «буржуйам», которые не были столь щедры со своими дарами.

— Еврей, а добрый! Не то, что этот Дубенко, и крошки не даст своему брату-офицеру.

Ефимов, бывший начальник тюрьмы в Поволжье, худой, похожий на мертвеца человек с большими голодными глазами и заострившимся носом, просто не мог спокойно смотреть на съестное. Когда начальник караула приносил передачу Варшавера, он, не отрываясь, смотрел на парикмахера, внимательно следя за каждым его движением, пока тот развязывал свой узелок и открывал судки с едой. Затем, получив угощение, он тщательно пережёвывал каждый кусочек и возвращался в свой угол.

Остальные «буржуи» ели передачи, ни с кем не делясь. Дубенко поглощал свою в самом тёмном углу камеры, похожий на собаку, грызущую добытую в тяжёлой схватке кость.

Мы же, «пролетариат», каждый день торжественно клялись себе разделить свою хлебную пайку на три части, чтобы её хватило до вечера, съедая по чуть-чуть с утренним чаем, обедом и ужином. Но все наши добрые намерения шли прахом при виде свежесдобитого сероватого хлеба, выдававшегося утром. К полудню не оставалось уже ни крошки, и на ужин приходилось есть одну жидкую и мутную баланду, совершенно несъедобную без хлеба.

Молодой казак-забайкалец Федька, обвиняемый в шпионаже и в чём-то ещё столь же опасном для советской власти в Сибири, то и дело удивлялся: «Как же так получается? Каждый раз клянусь себе сохранить хлеб до ужина, и никогда не остаётся ни крошки!»

Флегматичный пермский крестьянин Аверкиев, служивший добровольцем у чехов, презрительно прочистив горло, отвечал: «А чего ты хотел, дурень? Разве человеку под силу растянуть фунт хлеба на целый день?»

Мы не получали ни книг, ни газет. Кое-какие новости доходили до нас через конвоиров, большинство из которых были бывшими белыми солдатами, перешедшими в Красную армию. Они относились к нам вполне дружелюбно и с готовностью рассказывали о событиях в городе и о том, что писали в газетах. На допросы в чека вызывали не часто. Время текло с черепашьей скоростью, и дни тягучей, изматывающей чередой медленно сменяли друг друга, похожие своим однообразием, как две капли воды.

Однажды вечером наша рутина была прервана появлением нового арестанта. В камеру ввели высокого и гибкого мужчину в чёрной кожанке, новых сапогах и с красной звездой на фуражке.

Сначала мы подумали, что новоприбывший — комиссар или чекист, обвинённый в каком-нибудь преступлении. Однако мой сосед, прапорщик Бочаров («татарин», как я дразнил его за службу в уфимских стрелках, которых набирали из татар), вскоре узнал нового сокамерника.

— Это полковник Генерального штаба Тюрин. Был заметной фигурой в Омске. Одно время даже претендовал на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего. Но где он взял красную звезду?

Тюрин нашёл место у стены и сел на пол, обхватив колени руками. Позже тем вечером он разговорился с военным судьёй, по одежде узнав в нём офицера:

— Не понимаю, что всё это значит. Я занимаю важный пост в Народно-революционной армии Калашникова²²², которую сейчас перебрасывают в Забайкалье. Я шёл в штаб, когда меня вдруг арестовали и бросили сюда. Чекисты не разрешили мне даже позвонить Калашникову. Я уверен, всё это какое-то недоразумение.

Полковник говорил тоном занятого человека, которого оторвали от важного дела какой-то мелкой волокитой.

Сидевшие рядом с Тюриным слушали его молча, а судья сочувственно произнёс:

²²² Народно-революционная Армия Калашникова ещё в конце января 1920 г. была сведена в Восточно-Сибирскую Советскую Армию, которую вместо Н. С. Калашникова возглавил Д. Е. Зверев. В феврале из частей этой армии сформировали Забайкальскую группу войск, которая под командованием Калашникова 17 февраля выступила в Забайкалье.

— Я тоже не понимаю, за что меня держат здесь. Это какая-то ошибка властей.

Бочаров восторженно зашептал мне:

— Ну и нервы у этого Тюрина! Подписал не меньше сотни смертных приговоров, а сидит тут и говорит о каком-то недоразумении! Ну, скоро он узнает, что это за «ошибка», когда чека за него возьмётся.

Уже темнело, и мы стали устраиваться спать на полу, подкладывая под головы шапки и пиджаки и накрываясь остальной одеждой, как одеялом. Внезапно Тюрин поднялся и стал большими шагами ходить по камере, переступая через спящих.

Несколько человек проснулись и стали осыпать полковника потоком отборных ругательств. Но Тюрин не обратил на это ни малейшего внимания. И только после того, как добрая половина камеры присоединилась к ним, он наконец вернулся на своё место.

Вскоре я уснул и спал до утренней побудки. Проснувшись, я увидел, что Тюрин сидит в той же позе, что и накануне вечером. По-видимому, он так и не сомкнул глаз.

После утреннего чая охрана вызвала добровольцев колоть во дворе дрова. Тюрин тоже вызвался идти и провёл всё утро на работе. Мы с Варшавером обсуждали, как будем жить в Америке, куда оба собирались уехать сразу же после освобождения из тюрьмы. Рубен обещал научить меня стричь и оплатить дорогу до Нью-Йорка, где он планировал обосноваться и открыть парикмахерскую. Взамен он просил научить его английскому, и я прямо там же дал ему первый урок.

В обед Тюрин не проронил ни слова и отказался от еды, заметив лишь, что не может питаться отбросами. Рубен предложил ему кусочек фаршированной рыбы — сочной, приготовленной по-еврейски щуки. Полковник поблагодарил, но отказался.

День прошёл, как обычно. Двух человек — молодого казака Федьку и служившего у чехов крестьянина — вызвали на допрос. Незадолго до ужина они вернулись, и, не ответив на вопрос Бочарова о том, как все прошло, молча повалились на своё тряпье на полу.

Вечером вызвали трёх человек мыть полы в комнатах для допросов на третьем этаже. По негласной договорённости такую работу обычно делали арестанты из простых солдат или крестьян. Офицеры

и интеллигенция, как правило, в этом не участвовали. Однако в этот раз добровольцем вызвался Тюрин, который ушёл наверх с двумя другими заключёнными.

Стемнело, но бригада уборщиков не возвращалась. Мы стали укладываться спать. Наконец пришли двое, но Тюрина с ними не было.

Поначалу никто не обратил на его отсутствие никакого внимания. Однако вскоре бывший военный судья заметил это и насторожился:

— А не сбежал ли он случайно?

— Как он мог сбежать? — ответил Бочаров. — У дверей часовые, и с ним были двое конвоиров.

— Если он всё-таки сбежал, нас могут обвинить в этом..., — начал судья.

— Он сбежал не из этой камеры, — огрызнулся Бочаров.

— Это, конечно, так. Но опять же, есть определённая коллективная ответственность на нас всех. Чекисты скажут, мы не заявили о его отсутствии. Что тогда? — пришёл на помощь судье бывший начальник тюрьмы.

Парикмахер умоляюще возразил:

— Но как же мы можем отвечать за охрану других заключённых? Это дело конвоя.

Но Дубенко и Ефимова это не убедило.

— Всё равно, не лучше ли нам сообщить коменданту чека, что полковник исчез?

Издатель, бывший член знаменитой «Народной воли», возмущённо вскипел. Сидя на служившей ему постелью рваной шинели, он с гневом обрушился на судью:

— Да чёрта с два! Это уже слишком! Вы что, хотите опустить нас до уровня каких-то уголовников?

Бочаров подполз к Дубенко и прошептал:

— Только попробуйте донести! Мы задушим вас и скажем, что вы повесились.

Бывший начальник тюрьмы хотел поддержать судью, но, видя столь явное настроение остальных сокамерников, счёл за лучшее промолчать.

Мы снова разлеглись на полу, но никто не сомкнул глаз. Все ждали развития событий.

Около полуночи в коридоре слышались тяжёлые шаги коменданта. Огромный, одетый в синее гигант с пистолетом на боку и большой красной звездой на нагрудном кармане гимнастёрки, как разъярённый бык, ворвался в нашу камеру.

— Встать на перекличку! — заревел он.

Мы медленно встали на ноги и начали, не спеша, строиться.

— Шевелись, белогвардейская сволочь!

Начальник караула, водя указательным пальцем по списку, стал проводить перекличку. Наконец он дошёл до последней фамилии:

— Тюрин!

В ответ тишина.

— Где Тюрин?

Снова тишина.

— Где Тюрин, я тебя спрашиваю? — заорал комендант, поворачиваясь к Бочарову.

— Я не знаю. Его повели наверх на работу, и больше он в камеру не возвращался.

— Может быть, он пошёл ночевать в другую камеру? — робко подал голос парикмахер.

— Заткнись, жирная свинья! Я не с тобой разговариваю. Вы все ответите за это, все пойдёте под расстрел! Это же побег. Ну, я вам покажу!

Мы еле сдерживали свою радость. Теперь стало точно известно, что Тюрину удалось сбежать. У него было несколько часов форы, пока чекисты хватились его, что давало хорошие шансы на успех.

Комендант выхватил револьвер из кобуры и стал дико размахивать им перед нами.

— Быстро говорите, куда он пошёл!

Он схватил Бочарова и парикмахера за шиворот и потащил в свой кабинет наверху.

Погасили свет, но мы, естественно, не могли уснуть и продолжали шёпотом переговариваться.

— Как, чёрт возьми, ему удалось сбежать? — воскликнул Федька. — Как будто в воздухе растворился. Может, он как-то по крышам ушёл?

— Решительный человек, — сказал издатель, — хорошо всё продумал, спланировал — раз! И нет его!

Примерно через три часа те двое вернулись. Парикмахер дрожал, как осиновый лист. Бочаров же прошептал мне с кривой усмешкой:

— Ну что, нагнал страху этот чёртов комендант! В какой-то момент я подумал, что нам обоим конец.

Следующим утром один конвоир из бывших белых рассказал нам, как Тюрину удалось сбежать.

— Этот полковник — умный малый и здорово всё провернул. Его отвели в коридор наверху с ведром воды и сказали мыть пол. Он заметил, что оба конвоира вошли с другими арестантами в кабинет следователя. Тогда он спрятал своё ведро за дверью и спустился по главной лестнице. Весь в чёрной коже и с красной звездой на фуражке, он был похож на чекиста. Охрана внизу лестницы и подумать не могла, что он — заключённый. Вы же все в лохмотьях или в офицерской форме. Часовой на выходе не спросил у него пропуск, подумав, что это следователь чека или какой-то комиссар. Полковник вышел наружу и исчез. Комендант и начальник караула пойдут под трибунал. Часовых, скорее всего, расстреляют.

Вскоре нас перевели в Иркутский централ и разбросали по разным камерам. Я больше никогда не видел никого из тех своих сокамерников. Позже, однако, я узнал, что казака Федьку и пермского крестьянина расстреляли, а издатель умер в тюремном лазарете от сыпного тифа, косившего заключённых.

Тюрина так и не поймали, и, как я слышал, ему удалось добраться до Читы и присоединиться к Семёнову. Что стало с ним потом, я не знаю.

За недели, проведённые в чека, меня допрашивали всего четыре раза. Сами допросы проводил следователь того же типа, что и сотрудник, который вёл меня из тюрьмы на встречу с иркутским ревкомом, вероятно, тоже бывший адвокат. По политическим взглядам он, как я понял, принадлежал не к большевикам, а скорее, к меньшевикам или каким-то другим умеренным социалистам. Он не был кадровым сотрудником, а был, очевидно, взят из местного состава временной чека, образованной ревкомом до прихода в город частей регулярной Красной армии. У меня сложилось впечатление, что он и другие работавшие с ним дознаватели не слишком ладили с кадровыми чекистами.

Комендант, грубый и буйный тип, не единожды в моём присутствии отпускал резкие замечания в адрес следователей, напоминая им, что сотрудники на местах часто отбиваются от рук, и что в одном из сибирских городов весь состав временной чека был расстрелян.

На допросах следователь не пытался запугать меня. Яркий свет в лицо, вызовы по ночам и молчаливые фигуры других чекистов на заднем плане, конечно, создавали напряжённую атмосферу, но тон допроса был спокойный и ответы записывались точно, без каких-либо попыток исказить мои показания.

Временами этот упорядоченный процесс прерывался комендантом, которого раздражал такой квази-судебный подход следователя.

Однажды он вытащил револьвер, приставил его к моему виску и заорал:

— Говори правду, трус белогвардейский! Я всё про тебя знаю! Ты прошлым летом участвовал в карательной экспедиции на Иртыше. Тебя всё равно расстреляют, но, если ты не признаешься, я пристрелю тебя прямо здесь!

Но к тому времени я уже твёрдо знал, что комендант блефует, и у чека нет материалов о моей деятельности в Сибири и Архангельске. На тот момент я был единственным человеком из состава Морского полка у них в руках, кроме одного стрелка, поступившего в полк в Омске и дезертировавшего в Новониколаевске. Он состоял кем-то вроде порученца при коменданте и был вызван свидетельствовать против меня. По счастью, в полку он пробыл недолго и служил в первом батальоне, так что всё, что ему было известно обо мне, это что я командовал третьим. Но это в чека и так знали. Чтобы показать рвение, он выдумывал всякие истории об офицерах, не заботившихся о своих людях, занимавших все лучшие дома на постое, беспробудно пьянствовавших и присваивавших казённые деньги. Всё это, конечно, не имело непосредственного отношения к моему допросу, но я опроверг его заявления и постарался дискредитировать этого человека. Я обратил внимание следователя на тот факт, что он прошёл с нашим полком от Омска до Новониколаевска, тогда как все, кто сочувствовал советской власти, дезертировали ещё до выхода из столицы. Думаю, следователь убедился в том, что этот бывший стрелок — обычный приспособленец,

заботившийся только о том, чтобы спасти собственную шкуру. Во всяком случае, свидетельствовать против меня его больше не вызывали. В каком-то смысле он оказался даже полезен, поскольку его показания, хоть и были направлены против меня, чётко свидетельствовали о том, что я состоял в Морском полку ещё в Омске, и тем самым подтвердили мои собственные заявления.

Зная обо всем этом, я не слишком испугался угроз коменданта и, выдавив болезненную улыбку, сказал как можно спокойнее:

— Товарищ комендант, пожалуйста, уберите ваш револьвер от моего виска. Он может случайно выстрелить. Мне не нравится, когда меня касаются дулом. И запугивать подследственных незаконно.

Следователь с явным неодобрением смотрел на коменданта, но не вмешивался.

Обругав меня последними словами из своего богатого крестьянского словаря, комендант убрал револьвер в кобуру и вышел.

В другой раз он неожиданно прервал допрос, спросив:

— Вы когда-нибудь были членом партии большевиков?

Такой вопрос сильно озадачил меня.

— Нет, как вам такое в голову пришло?

— Вчера ко мне пришла девушка, иркутская коммунистка, ходатайствовать за вас. Сказала, что хорошо с вами знакома, и требовала вас освободить. Много шума тут наделала. Догадываетесь, о ком я говорю?

Чтобы не впутывать никого, я сказал, что понятия не имею, кто это, хотя подозревал, что моей заступницей была девушка одного сибирского офицера, с которой я познакомился через её возлюбленного, пока был на свободе в Иркутске. Мы много спорили о марксизме и Гегеле и дружески обсуждали роман Эптона Синклера «Джунгли». Я тогда рассказал ей о своих впечатлениях от чикагских и нью-йоркских трущоб.

Я был уверен, что имею неплохие шансы выжить при условии, что чека не сможет установить мою связь с колчаковской разведкой, контрразведкой или пропагандой, а также доказать принадлежность к контрреволюционным офицерским организациям, участие в карательных экспедициях или добровольное вступление в Белую армию. Поэтому я придерживался краткой версии о том, что был мобилизован во Владивостоке, где оказался в качестве помощника капитана амери-

390 канского грузового судна. Я также указал, что занимал второстепенную должность в одном из управлений Морского министерства в Омске, после чего командовал третьим батальоном в Морском полку, который никогда не принимал участия ни в одной карательной операции и вообще являлся учебной, а не боевой частью. Я был абсолютно уверен в своей позиции, так как перед уходом из Омска лично проконтролировал уничтожение документов, по оплошности оставленных при эвакуации сотрудниками морского министерства. Я почти точно знал, что у чека нет на руках всех министерских приказов, и они не смогут установить тот факт, что в течение нескольких месяцев я занимал должность начальника Иностранного отделения и позже исполнял обязанности начальника Управления по оперативной части флота — аналога Морского генерального штаба в Омске²²³.

Насколько мне известно, в те дни к заключённым из офицеров и интеллигенции в чека не применялось физическое насилие, за исключением попыток запугивания вроде той, что я описал выше. По странной иронии это не относилось к солдатам, казакам, рабочим и крестьянам. Я знал несколько случаев, когда подручные коменданта жестоко избивали таких заключённых с целью выбить из них признания. Таким образом, статус образованного человека по-прежнему ценился высоко и воспринимался «привилегией благородного сословия», как и в прежние времена, когда российские суды назначали телесные наказания только представителям определённых классов, в то время как дворянство и духовенство, имевшие тогда доступ к образованию, были освобождены от этого.

Долгие часы допросов, как правило, были для меня большим стрессом. Я часами, а иногда и целый день потом лежал на полу в камере, пытаюсь прийти в себя. Многие не выдерживали и сознавались просто от нервного напряжения, чувствуя что признание, даже если оно мо-

²²³ Автор заблуждается. Фонды РГАВМФ содержат массу документов, подтверждающих его службу начальником Разведывательного отделения Управления по оперативной части флота, включая приказ о назначении, а также подписанные им лично штатные расписания, анкеты, сводки, донесения, проекты и переговоры по прямому проводу. Тот факт, что это не было установлено на следствии в Иркутской чрезвычайной комиссии, следует отнести на счёт хаоса первых месяцев советской власти в Сибири и везения автора.

жет привести к смерти, легче, чем постоянная, часами, борьба за то, чтобы придерживаться последовательной картины своего прошлого и не противоречить самому себе на разных допросах.

Когда допросы кончились, я был почти уверен, что меня скоро освободят, поскольку чека так и не смогла предъявить мне ничего, кроме того, что я был бывшим белым офицером. И я знал, что в тот период Гражданской войны это не считалось у красных смертельным преступлением.

В этих обстоятельствах я был полон надежд снова обрести свободу и попытаться эмигрировать. Возможно, я принимал желаемое за действительное, но постепенно росшее во мне убеждение, что я перехитрил чека и что мне не грозит ничего серьезнее недолгого пребывания в тюрьме, было для меня в каком-то смысле опорой и позволило вернуть почти полное спокойствие и безмятежность. Я читал и перечитывал томик стихов Шелли и начал учить наизусть «Прометея». Это оказалась очень сложная задача, и за весь срок своего заключения я так и не смог выучить поэму. Новость о переводе в иркутский централ явилась поэтому полной для меня неожиданностью. Я ожидал, что меня освободят прямо из подвала Ирчека, если только не случится чего-нибудь непредвиденного, вроде налёта белых на Иркутск. В этом случае мои шансы остаться в живых равнялись бы нулю. Чека не стала бы рисковать и казнила бы всех находящихся у неё в руках политических заключённых.

ГЛАВА 21.

Маленькая китайская армия

В середине марта меня перевели в Иркутскую каторжную тюрьму. Её большие, внушительные корпуса были переполнены даже по советским меркам. Свыше тысячи восьмисот голодных и невероятно грязных узников жили здесь в ежедневном ожидании решения своей участи. Напротив моей фамилии в тюремных списках появилась следующая запись: «Бессрочное заключение в концлагерь; осуждён за контрреволюционную деятельность». Мне сказали расписаться в соседней графе. Так я впервые узнал свой приговор, поскольку следователи чека, измотав меня допросами в течение нескольких недель, не удосужились сообщить своё решение. Мне казалось невероятным, что можно осудить человека на пожизненное заключение без доказательств совершения им какого-либо конкретного преступления. Ведь я верил, что даже большевики не решатся вынести такой приговор без более серьёзных оснований, чем просто принадлежность к «классовым врагам» или смутные подозрения в контрреволюционной деятельности. Эти иллюзии уже давно развеяны, но в тот момент они помогли мне встретить столь ошеломительную новость с относительным спокойствием. Начиная с 1917 года, правительства сменяли друг друга с такой скоростью, что это озадачило бы даже латиноамериканца, привыкшего к таким вещам с малолетства. Спокойные и флегматичные сибиряки были полностью сбиты с толку такой быстрой сменой власти и начали

гадать о том, как долго продержатся и Советы. Волны политических заключённых сменяли в тюрьмах одна другую. И едва застенки успели опустеть от радикальных противников царского режима, как тут же заполнились буржуазными реакционерами, отправленными туда бывшими обитателями. Этот цикл приливов и отливов повторял себя дважды и создал убеждение, что, пока тебя не поставили к стенке на рассвете или в любой другой час, предпочитаемый правящей группой для таких забав, у тебя остаются неплохие шансы через несколько месяцев снова оказаться на свободе.

Поэтому в тяжёлые решетчатые ворота иркутской тюрьмы я вошёл не сломленным духом узником, которому предстоит отбывать пожизненное заключение, а скорее усталым странником, достигшим островка покоя. Здесь меня ждали мирные, безмятежные дни и много свободного времени, чтобы подумать о гражданской войне, засадах, нападениях партизан и бесконечных маршах сквозь девственную сибирскую тайгу. Та глава, по счастью, была закрыта, и стало возможным забыть все ужасы, сотворённые во имя политического идеализма в глухих деревнях Сибири, и освободиться наконец от невыносимой тяжести ответственности за батальон из нескольких сотен человек в абсолютно разорённой стране. Чтобы вернуть меня в подобающе серьёзное настроение и прекратить перешучивание с военным лётчиком, только что подписавшим такой же, как у меня, приговор, надзирателю пришлось сделать замечание, что здесь тюрьма, а не танцы. Мы решили, что не стоит оскорблять чувства охраны, и приняли удручённый вид, приличествующий тому, кто должен вот-вот навсегда попрощаться со свободой.

Нас поместили в камеру, которая в вегетарианские царские времена была рассчитана на одиннадцать человек. При новых советских порядках в ней находилось сорок два заключённых, набитых туда так, что этому позавидовал бы самый опытный упаковщик сардин.

Мои новые сокамерники представляли собой очень разношёрстное сборище. Лётчик и я были единственными европейцами среди политических. На грязных каменных плитах пола в правой части камеры сидела дюжина китайцев в голубых стёганных шёлковых халатах. Левую сторону занимала группа молодых жёстких парней, слушавших горячий

394 спор о сравнительных достоинствах режимов Керенского и большевиков. Как я потом узнал, это были профессиональные карманники и грабители. Вдоль стены напротив входа спокойно сидело несколько тихих арестантов, как потом выяснилось — убийц. Мы с лётчиком, оба профессиональные военные, инстинктивно направились к этой стене и присоединились к убийцам, принявшим нас вполне дружелюбно. По тюремным обычаям никто не задавал нам вопросов, кроме как о том, сколько мы побыли в следственной тюрьме чека.

В камере отсутствовала мебель, кроме железных, прикреплённых к стенам рам от нар, которые при необходимости можно было регулировать по высоте. Это всё, что осталось целым от спальных мест. Ни сетки, ни матрасы, ни постельные принадлежности не сохранились. Ещё одним украшением камеры была прославленная Достоевским в его «Записках из мёртвого дома» параша. Её присутствие угадывалось по жуткому запаху, ещё долго преследовавшему меня потом как память об иркутской тюрьме. Дрова были в дефиците, и администрация не сильно утруждала себя поиском какого-либо топлива. Полметра камня и слой штукатурки не спасали от лютых сибирских морозов, а наши драные полушубки и стёганные халаты китайцев совершенно не защищали от пробиравших до костей холода и сырости.

В шесть вечера обслуга из арестантов принесла ужин — ведро жидкой каши, чан кипятка для чая и пайки хлеба, оставшиеся от утренней раздачи. Нам выдали большие деревянные ложки, которые мы после еды по-мужицки спрятали за голенища сапог. У каждого была глиняная миска или пустая консервная банка, и ей он зачерпывал месиво из ведра. За едой продолжились споры о Керенском.

— Вот это мужик был, — заявил один молодой воришка, — свободу нам дал. А какая жизнь при нём была — ни полиции, ни ищеек! Жаль, не долго продолжалось — только и успели поквитаться с легавыми. Большевики хуже. Полиции больше, чем при царе. Чуть что — волокут на съезжую, за ерундовый налёт — к стенке. Я всегда за Александра Фёдоровича — не чета этим вашим Ленину с Троцким. Эй! А ну, не лезь в ведро! Нет совести банку себе найти, не суйся в ведро с ложкой!

Замечание было адресовано одному из убийц, который длинно и крепко выругался, но подчинился.

Следующим утром старшего камеры, одного из воров, обвинённого в вооружённом налёте, увели на расстрел. Днём арестанты на общем собрании стали выбирать нового старосту. В русских тюрьмах существует традиция выбирать старшего среди сокамерников для общения с администрацией, распределения еды, соблюдения очерёдности по выполнению хозяйственных работ, и так далее. К моему удивлению, один из убийц выдвинул на эту должность меня, а старший среди китайцев поддержал его. Я набрал на пару голосов больше, чем кандидат воров, и был по всем правилам избран старостой камеры. Таким образом, выборы прошли по обычной для России схеме, когда у того, кто меньше известен, больше шансов на успех, так как он имеет меньше всего врагов среди избирателей. (По тому же принципу несколько лет назад меня выбрали председателем комитета, назначенного объединить два важных общества русских рабочих в Нью-Йорке). Воры выдвинули кандидатом поклонника режима Керенского, но проиграли по количеству голосов блоку убийц и китайцев.

Вечером Чанг, предводитель китайцев, пригласил меня на чашку чая. Мы сели на корточки вокруг деревянного ящика, служившего обеденным столом, и выпили множество маленьких чашечек несладкого чая. Чанг говорил на ломаном английском и показал, что хочет вести разговор на этом языке, чтобы не поняли другие сокамерники.

Походив вокруг да около и задав несколько наводящих вопросов, чтобы выяснить, кто я и насколько мне можно доверять, он перешёл к сути вопроса и рассказал, что воры доставляют много проблем китайцам. Китайцы оказались самой состоятельной частью населения камеры, поскольку имели в городе друзей, которые снабжали их хлебом и чаем, а иногда были настолько щедры, что клали в передачи сахар и сладости. По сравнению с остальными арестантами они жили в роскоши. Воры, хотя и сами довольно неплохо питались, всё же были недовольны тем, как их поддерживали оставшиеся на свободе подельники, и почти каждую ночь воровали из мешков у китайцев. Наиболее крепкие из земляков Чанга пытались сопротивляться, но тщетно. Уголовники применяли ловкие приёмы групповой драки, превосходили их числом и были более решительными. Все схватки заканчивались полным поражением китайцев.

— Вы теперь старший в этой камере, сэ, — сказал Чанг в заключение, — и мы обращаемся к вам за защитой в соответствии с русскими тюремными обычаями, запрещающими воровство у сокамерников.

Я знал об этом пункте неписанного тюремного закона, но сначала не представлял, как можно убедить уголовников отказаться от своих привычек и заставить их соблюдать арестантский кодекс. Было очевидно, что никакие уговоры не помогут, и сделать это можно только с помощью какой-то формы принуждения. Как это обычно и бывает, правды можно было добиться только силой. Обдумав всё хорошенько, я пришёл к выводу, что решить эту проблему можно только сформировав группу людей, которые будут материально заинтересованы защитить китайцев от уголовников и восстановить погрязшие законы тюремной этики. Путь к звёздам, очевидно, лежал через грязь, которую кто-то должен был расчистить практичными методами.

Среди убийц наибольшим авторитетом пользовался Ефрем, огромный светловолосый сибиряк из долины Ангары, ожидавший приговора за убийство неверной жены. Когда-то он служил квартирмейстером в старом русском флоте и на этой почве относился с симпатией ко мне и лёгчику, которого кормил бесконечными байками о своей службе на подлодках во время войны. Я решил обсудить с ним свою идею и отозвал его в угол под предлогом показа старой газеты со статьёй о советском уголовном праве. Уединившись, насколько это было возможно, я рассказал ему о своём разговоре с китайцем и спросил, устроит ли его друзей дополнительный фунт хлеба с чаем и парой кусочков сахара в день. Ефрем, не колеблясь ни секунды, заявил, что дополнительный паёк никогда не помешает, особенно сейчас, когда парни не получали никаких передач из внешнего мира («с воли», как говорили мужики).

— Сейчас любой согласится на многое за фунт хлеба в день. Отлично придумано! Скучно в последнее время, а тут развлечение, да и харчами разживёмся. Я переговорю с мужиками. Уверен, смогу подтянуть их на это.

На следующий день мы снова говорили с Ефремом и почти пришли к соглашению, которое удовлетворило бы все заинтересованные стороны, кроме карманников. Я начал формирование маленькой наёмной

армии. Проблема китайцев решалась в китайской же манере, а я выступал в роли кондотьера, ландскнехта, капитана — назовите как угодно!

Чанг одобрил план и торжественно обещал от имени всех своих земляков снабжать Ефрема, его друзей и нас с лётчиком фунтом хлеба в день и фунтом сахара и двумя унциями чая в месяц до конца срока действия соглашения. Договор заключался на три месяца с пересмотром за две недели до окончания этого срока. Обе стороны были полностью удовлетворены условиями. И только инициатор всего плана испытывал опасения. Я совсем не был уверен, что Ефрему удастся пробудить в своих товарищах достаточно воинственный дух, и душегубы не ограничатся лишь получением пайка, устранившись от выполнения условий контракта. Вся конструкция строилась на очень зыбком основании — честности и самоуважении банды убийц.

Однако теперь, когда коммерческая часть сделки была оформлена, мне следовало уделить внимание организации и тактике. Украдкой переговорив несколько раз с Ефремом и лётчиком, я решил разделить наши силы на две группы и поставить каждого из них во главе отряда. Обе группы должны были держаться ночью как можно ближе друг к другу: одна в углу напротив китайцев, вторая — вдоль стены между китайцами и первой группой. Ефрем и лётчик изложили детали операции своим отрядам. Проведя подготовительную работу, я забрал хлеб, чай и сахар у Чанга и спрятал в свой мешок, не став раздавать людям. Так было безопаснее по двум причинам: во-первых, чтобы не вызвать подозрений у уголовников, а во-вторых, чтобы поднять боевую мощь войск. Говорят, голодный солдат много не навоюет, но я тем самым хотел намекнуть им, что «кто не сражается, тот не ест».

После ужина я объявил, что хочу провести общее собрание камеры. И, когда все были готовы, произнёс краткую речь, поблагодарив всех за оказанную мне честь быть избранным старостой. Я сообщил, что собираюсь всерьёз отнестись к своим обязанностям и проследить за тем, чтобы арестантский кодекс, выработанный поколениями узников, соблюдался. Сенсационная часть моего обращения напрямую касалась вопроса краж у сокамерников.

— Это позор для нашей камеры и несправедливость по отношению к товарищам. В русских арестантских традициях не принято обобществлять еду и личные вещи заключённого. Каковы бы ни были

398 наши политические убеждения, тюрьма не является коммуной. Частная собственность здесь признается и уважается. И с этого момента с теми, кто будет красть, церемониться не будут, как того требуют тюремные традиции.

Для уголовников это было как гром среди ясного неба. Они поняли, что между мной, Ефремом и Чангом что-то происходит, но не подозревали, что я решил бросить им вызов и имел, чем его подкрепить.

Послышались насмешки и свист.

— Разуй глаза, ты, шестёрка китайская! Ты будешь нам указывать, что правильно, а что нет? К чёрту буржуев! Да что он знает о тюрьме? Попробуй, останови нас! Найдётся и тебе местечко на кладбищенском холме за тюрьмой!

Кротость явно не была в числе их недостатков. И, несмотря на декларируемую любовь к Керенскому, сдаваться без боя они не собирались. Когда выключили свет, все стали устраиваться на полу на ночь, подкладывая под себя шинели и рваные полушубки, чтобы защититься от жёсткого холода каменных плит. Я присоединился к группе лётчика в углу напротив китайцев и притворился, что заснул.

Какое-то время было тихо, и меня стало тянуть в сон. Примерно через пару часов сон арестантов был прерван отчаянным криком одного из китайцев. Вор пытался обчистить его мешок. Все в мгновение ока проснулись, и веселье началось.

Китайцы скопом навалились на обидчика. Огни в камере были погашены, но в лунном свете, проникавшем сквозь зарешеченное окно, я в общих чертах видел, что происходит. Положение воришки было незавидным. Жёлтое братство скрутило ему руки и ноги и стало бить ботинками, кулаками и всем, что попадалось под руку. Остальная банда кинулась на помощь товарищу и, без особого уважения к правилам маркиза Куинсберри²²⁴, быстро оттеснила толпу китайцев в их угол.

Затем пришёл наш черёд. Ефрем и его группа рывком бросились вперёд и ударили вора во фланг. Но уголовники были стойкие ребята и дали им достойный отпор. Крепко сцепившиеся в узел люди почти бесшумно катались взад и вперёд по полу. Молчаливая борьба сопровож-

²²⁴ Правила бокса, изданные в 1867 году Джоном Шолто Дугласом, маркизом Куинсберри (1844—1900).

далась лишь кряхтением, тяжёлым дыханием и сдавленными криками получивших повреждения бойцов. Всё это было похоже на драку крыс в подвале — жестокую, бесчеловечную схватку животных за кость.

Для рефлексии, однако, не было времени, так как исход боя висел на волоске. Я подал знак лётчику и присоединился к схватке, бросившись на воров с тыла. Что было потом, помню смутно. Первым ударом я сбил одного из них с ног, но тот, падая, утянул меня с собой, и, крепко сцепившись, мы покатались по полу. Когда я уже был на грани удушения, в камере внезапно зажгётся свет. Охрана услышала шум борьбы и стала стрелять поверх голов. Заключённые разбежались по углам, оставив на месте схватки три лежащих тела. Все они были из числа уголовников. Их унесли в тюремный лазарет.

На следующий день помощник начальника тюрьмы провёл формальное расследование. Как обычно бывает в таких случаях, никто ничего не сказал о причинах беспорядков. Все повторяли одно и то же: я крепко спал, как вдруг кто-то напал на меня, но было темно, и я не видел, кто. Статус старосты камеры принёс мне больше неприятностей, чем остальным, но моё алиби было железным. Как новичок, я едва знал имена сокамерников и был не в курсе их личных счетов. Я попытался восстановить порядок, но кто-то сбил меня с ног. Всех на три дня посадили на хлеб и воду, а меня вызвали к начальнику тюрьмы, где объявили выговор и посадили на три дня в карцер.

По возвращении в свою камеру я застал там уже совершенно другую картину. Трое уголовников, попавших в лазарет, так и не вернулись, двоих выпустили, оставшиеся же были запуганы и не помышляли о реванше.

Чанг встретил меня очень любезно и выразил сожаление о том, что мне пришлось претерпеть неудобства строгих условий содержания. Он стал угощать меня чаем, белым хлебом, засахаренными фруктами и другими яствами, которых я не пробовал уже много месяцев. Ефрем доложил, что на фронте всё тихо, а китайцы выполняют свою часть соглашения.

Через две недели меня перевели в другую камеру, и я, к большому сожалению, вынужден был расстаться с китайской роскошью и моей верной армией. С собой я унёс большое уважение к характеру Ефрема и его друзей-убийц и очень добрые воспоминания о чаепитиях с Чангом.

ГЛАВА 22.

Красноярская дилемма

Перевод из «уголовной» в «интеллигентскую» камеру стал для меня большим подарком. В первые дни я чувствовал себя особенно счастливым от того, что нахожусь в культурном обществе, могу разговаривать с образованными людьми и даже встретил старых друзей среди сокамерников.

Однако в эту камеру я попал не сразу из той, где организовал армию наёмников для защиты китайцев, а через ещё одну, где содержались солдаты, рабочие и крестьяне, обвинённые либо в добровольном вступлении в Белую армию, либо в участии в антибольшевистской деятельности. Это были очень достойные люди, глубоко ценившие то небольшое, что я мог сделать для них, чтобы скрасить тоскливое заключение. Я предложил вести ежедневно два часовых занятия — по географии и арифметике. Каждое из них посещало около двадцати учеников. Через три недели меня перевели в «интеллигентскую» камеру. И хотя после недель, проведённых с уголовниками, мне было приятно находиться среди этих простых и открытых людей, физически жизнь в той камере оказалась очень тяжела. Если мне не изменяет память, в помещении, рассчитанном на одиннадцать человек, находилось сорок девять заключённых. Первые дни мне пришлось спать в непосредственной близости от зловонной параши. Это было одно из самых неприятных ощущений в моей жизни.

В день, когда было объявлено о моем переводе в «интеллигентскую» камеру, ученики подарили мне на прощание смену чистого белья, две пары носков, иглоку, нитки и два фунта хлеба. Эти люди сами были беднее бедного и совершенно ничего не ждали от меня в будущем. Я всегда буду помнить их доброту к абсолютно незнакомому человеку, который всего лишь попытался сделать их пребывание в тюрьме более сносным. Я покидал эту камеру с гораздо более высоким мнением о человеческой натуре, чем имел до того, как оказался за массивными воротами иркутской тюрьмы.

В «интеллигентской» камере я встретил несколько хорошо знакомых мне людей. Там были морские офицеры, служившие на Камской флотилии, полковник Генерального штаба и даже один старый генерал, который в прежние времена служил в личном конвое Его императорского величества в Царском Селе.

Жизнь в этой камере не отличалась разнообразием. Единственными событиями, нарушавшими тоскливую рутину, были бесконечные вызовы заключённых на допросы в чека. Некоторые из моих сокамерников находились в поезде адмирала Колчака в момент его ареста и потому рассматривались чекистами, как особо важные политически.

Вспоминая их настроение в те дни, я понимаю, насколько сломлены они были частыми и длительными допросами, полной неопределённостью своей судьбы, голодным заключением, и, возможно, более всего, жестоким отчаянием от полного краха Белого движения в Сибири.

Даже самые стойкие из них корили себя за участие в Гражданской войне, считали советскую власть легитимной и были готовы без всякой задней мысли верно служить ей, если только их освободят и позволят участвовать в возрождении страны. И такое настроение не следует относить лишь на счёт страха быть казнёнными чека. Большинство этих людей были храбрыми кадровыми офицерами, доказавшими своё мужество в боях. Многие были не единожды ранены в Мировую и Гражданскую. Но теперь сила духа оставила их, и они оказались полностью сломлены. Они то и дело повторяли мысль, озвученную мне ещё адмиралом Альфатером в 1918 году: «Народ с большевиками. Они сумели сохранить единство России. Нам не следовало идти против воли народа. Шансов на победу не было, и нас в итоге стёрли в порошок».

И поскольку там был представлен срез наиболее образованной части белого офицерства в Сибири, думаю, что могу с полным основанием утверждать: бывшие враги не представляли для советской власти никакой угрозы и легко могли стать полезными членами советского общества. Они полностью приняли своё поражение и винили за всё только самих себя.

Разительное исключение в этом отношении представлял мой друг и сослуживец по Гвардейскому Экипажу старший лейтенант Трубчанинов, помощник Колчака. Он был арестован вместе с адмиралом, когда генерал Жанен запятнал доброе имя французской армии предательской выдачей Верховного Правителя революционным элементам в Иркутске. Его дух остался не сломлен. Он то и дело повторял: «Я никогда не подчинюсь этим мерзавцам. Найду способ сбежать в Америку, и буду жить там свободным человеком, а не рабом большевиков».

Его выдающееся мужество и самообладание произвели на меня тогда огромное впечатление, и я был невероятно рад позднее узнать о его захватывающем побеге во Владивосток и последующем приезде в США. Сейчас он успешный инженер-химик. И если есть на свете человек, который сделал свою судьбу сам, то это Трубчанинов²²⁵.

Старый генерал Попов представлял собой жалкую фигуру. Он был глубоко религиозным человеком, и в тюрьме стал мистиком. Вся революция, начиная с событий марта 1917 года, представлялась ему апокалиптическим пришествием Зверя. Он пребывал в жестоком отчаянии и верил, что волна безбожного коммунизма поглотит весь мир, и в нашем поколении христианство исчезнет с лица земли.

Жена Попова, тихая, простая душа, навещала его так часто, как это позволяли тюремные правила и приносила передачи с едой, на которую обменивала свои последние драгоценности.

²²⁵ Трубчанинов (Трубченинов) Дмитрий Сергеевич (1890—1981). Окончил Морской корпус в 1912 г. Проходил службу на Черноморском, а затем на Балтийском флоте. В 1917 г. командирован в Англию для принятия корабельных тралов-параванов. Оттуда в начале 1918 г. отбыл в США и был принят на службу в американский флот техническим помощником по выработке мин заграждения. В начале 1919 г. отправился в Сибирь. Служил адъютантом адмирала Колчака и с ним был выдан чехами в Иркутске революционным властям. После тюрьмы выбрался из Красноярского концлагеря во Владивосток и оттуда, через Японию, в США. В 1924 г. окончил Горный институт штата Колорадо, после чего работал в частных компаниях.

Смерть его была такой же трагической, как и жизнь в тюрьме. Примерно через две недели после моего перевода в «интеллигентскую» камеру Попов, вместе с несколькими другими заключёнными, которых чека считала наиболее важными, был этапирован в Омск для участия в показательном процессе (предшественнике знаменитых политических процессов последних лет) вместе с некоторыми министрами колчаковского правительства и другими заметными персонами²²⁶. Перед отъездом Попова из тюрьмы его жена принесла ему в дорогу большой кусок окорока. Позже, в красноярском концлагере, я узнал о том, как этот окорок стал причиной его гибели. О конце Попова мне рассказал капитан З., ехавший в том же поезде:

— Мы выехали из Иркутска в специальном тюремном вагоне с за решеченными окнами, под конвоем венгерских солдат из Интернациональной бригады. Один из этих венгров заметил окорок и отобрал его у Попова. Генерал очень разозлился, и, не имея другой еды, стал угрожать, что пожалуется начальству в Красноярске. Солдат грубо выругался и ответил: «Хорошо, посмотрим, как ты будешь жаловаться!» Следующей ночью, когда поезд по какой-то причине остановился между станциями, конвоиры вызвали Попова к коменданту состава. А через несколько минут мы услышали винтовочный выстрел. Почти сразу же после этого солдат, укравший окорок, вернулся в вагон и объявил, что Попов был убит часовым при попытке к бегству. «Не выйдет у него теперь пожаловаться за окорок».

Через несколько недель после того, как Попов, Ракитин²²⁷ и другие считавшиеся наиболее важными арестанты были увезены в Омск, мы узнали, что большое число оставшихся в Иркутской тюрьме заключённых вскоре переведут в Красноярске. Начались споры о том, что было бы лучше — уехать в Красноярске или остаться в Иркутске. Большинство, если мне не изменяет память, считало, что безопаснее

²²⁶ Речь идёт о процессе Чрезвычайного революционного трибунала «по делу самозванного и мятежного правительства Колчака и его вдохновителей», проходившем в Омске с 20 по 30 мая 1920 г.

²²⁷ Ракитин Всеволод Владимирович (1883—1920) — полковник, начальник разведки Ставки адмирала Колчака. С августа 1919 г. служил в походном штабе Верховного Правителя. 15 мая 1920 г. приговорён к расстрелу в Омске.

404 оставаться в Иркутске, и что в Красноярск очевидно отправят тех, кого чека рассчитывала использовать в показательных процессах или планировала расстрелять. С другой стороны, режим в иркутской тюрьме был совсем неплох по меркам тогдашней Советской России. Начальник был достойный пожилой человек, сам из бывших политзаключённых; младший персонал состоял большей частью из людей, занимавшихся тем же самым и при старом режиме. С политическими они обращались вежливо, без запугиваний и попыток усложнить им жизнь больше, чем того требовали тюремные правила.

Грязь в камерах была, конечно, неопишная. Полы не мылись ни разу за всё время, что я провёл в Иркутске. В баню и постираться нас водили раз в месяц. Воды в камеры давали так мало, что на утренний и вечерний туалет её просто не хватало. Если очень повезёт, можно было только почистить зубы. Как следствие, мы все невероятно завшивели, и среди заключённых начала свирепствовать эпидемия. Но мы знали, что в других местах Сибири условия не лучше, и опасались, что вместо гуманного начальника и терпимых надзирателей попадём в руки интернациональной банды красногвардейцев под властью какого-нибудь мелкого деспота.

Когда нам велели построиться на перекличку и стали называть имена Трубчанинова и других помощников Колчака в списке тех, кто должен был отправиться в Красноярск, казалось, что наша теория подтвердилась. Сокамерники считали Трубчанинова и других сотрудников личного штаба адмирала наиболее «важными» для чека. Услышав своё имя, я постарался переместиться в строю как можно ближе к Трубчанинову, чтобы на этапе оказаться в одном с ним вагоне. Оставшиеся радовались за себя и сочувствовали тем, кто уезжал в Красноярск.

Нас поделили на команды и под сильным конвоем повели пешком на вокзал. Там уже ждали тюремные вагоны, в которые распределяли заключённых в порядке построения маршевых колонн. Мне повезло попасть в один вагон с Трубчаниновым и ещё одним адъютантом Колчака. Тогда я и представить не мог, какая это была удача. Во время всего более чем трёхдневного путешествия в Красноярск нам давали только по одной селёдке в день, а хлеба дали один фунт на всю поездку. И поэтому настоящим подарком оказалось то, что прямо перед

тем, как покинуть тюрьму, одному из адъютантов передали богатую продуктовую передачу от родных. Он великодушно разделил её со мной и Трубчаниновым. После месяцев сидения на скудном тюремном пайке съесть кусочек ветчины или домашнего пирога с мясом было для меня настоящим Лукулловым пиром. Вагон был ненамного хуже камеры, и я испытывал даже определённое удовлетворение. Любая новизна и разнообразие казались лучше невыносимой тоски тюремной жизни. Поскольку я по-прежнему продолжал держаться своей оптимистичной мысли о том, что мне не грозит ничего серьёзного, то не слишком переживал по поводу Красноярска и был полон надежд на скорое освобождение.

В одном вагоне с нами ехала группа странного вида людей, которых я сперва никак не мог идентифицировать. Позже я догадался, что это были бывшие агенты контрразведки и филеры политической полиции белых. Все они пребывали в подавленном настроении и не испытывали оптимизма относительно того, что ждало их в Красноярске.

Самой интересной личностью среди них был маленький смуглый человек, хорошо, по-городскому, одетый, по моде, принятой тогда у мелких дельцов и лавочников. Наши нары стояли напротив друг друга, и вскоре мы познакомились поближе. Он отрицал всякую связь с белыми и настаивал на своём статусе делового человека.

— Я собирался сесть в Иркутске на поезд до Мысовой, где у меня есть деловые интересы. Мы сидели в вагоне и ждали отправления поезда, как вдруг вошла группа чекистов и стала снова проверять документы, хотя их уже проверяли один раз перед посадкой. Меня выволокли наружу и неизвестно на каком основании держат с тех пор в тюрьме.

Это был очень живой, энергичный человек, и в первую же ночь он поведал мне свой план побега, предложив присоединиться к нему. Я отказался, сославшись на слабое физическое состояние от длительного недоедания, ввиду которого не смог бы осилить даже недолгого перехода через тайгу. Тогда он попросил меня сохранить наш разговор в строгом секрете, но не оставил своего плана и попыток сколотить группу для побега. Насколько я мог судить, ему удалось уговорить шесть или семь человек, и он уже собирался привести план в действие,

406 напав на часового, когда тот открыл бы вечером дверь, чтобы подать ведро воды.

Но в итоге ему пришлось отказаться от этого. Один из тех, с кем он обсуждал свой план, испугался, что побег нескольких человек поставит под угрозу жизнь остальных заключённых, которых разъярённая охрана может просто перестрелять. Он пригрозил дельцу, что если тот не даст ему обещание оставить свой план, он сообщит об этом всем остальным и организует за ним наблюдение, или вообще донесёт обо всём начальнику конвоя.

На одной из станций по пути в Красноярск я заметил группу плененных британских офицеров, прогуливавшихся по платформе, небрежно охраняемой лишь несколькими часовыми. Когда один из англичан приблизился к нашему вагону, я по-английски попросил его встать спиной к моему окну и внимательно слушать, что я скажу ему. Он сделал, как я просил, и я шёпотом назвал своё имя: «Бывший лейтенант Добровольного резерва Королевского Флота. Если вам удастся выбраться в ближайшие несколько месяцев, пожалуйста, сообщите в Адмиралтейство, что меня держат в Красноярске. Пусть они вытащат меня отсюда. Я не хочу говорить красным, что служил на британском флоте. Это может усложнить дело и отсрочить моё освобождение. Но в ближайшие пять-шесть месяцев я буду рад любой помощи извне, чтобы выбраться отсюда. Возможно, Адмиралтейство заинтересуется, ведь я бывший офицер Королевского флота».

Англичанин попросил произнести моё полное имя, дату упоминания в официальном наградном бюллетене²²⁸ и пообещал сделать всё, как я просил.

Тем временем представитель чека, отвечавший за эшелон, подошёл к нам и услышал, как я говорю по-английски. Он тут же спросил:

— Вы что, тоже англичанин?

Секунду поколебавшись, я ответил:

²²⁸ Лейтенант Добровольного резерва Королевского флота (R.N.V.R.) Daniel Fedotoff White был упомянут в специальном наградном приложении к London Gazette дважды: в выпуске от 12 декабря 1918 года, как отмеченный в приказе, и в выпуске от 17 марта 1919, как награждённый Крестом «За выдающиеся заслуги» (Distinguished Service Cross D.S.C.). Запись об упоминании в этом бюллетене заносилась в послужной список военнослужащего британской армии или флота.

— Нет, товарищ комиссар, просто знаю немного английский и спросил британского офицера, нет ли у него лишней пачки папирос.

Думаю, что я поступил правильно, скрыв свою связь с Англией. Утвердительный ответ привёл бы снова к открытию моего дела и мог обернуться обвинением в шпионаже с последующим расстрелом. Не буду отрицать, что на долю секунды испытал большое искушение рискнуть в надежде поменять грязный тюремный вагон на довольно комфортную жизнь британских военнопленных. Последующие события подтвердили, что я был прав, не поддавшись этому порыву. Меня освободили намного раньше, чем англичан, которых я встретил на том сибирском полустанке. И в то время, когда я уже находился на свободе и готовил почву для побега за границу, они все ещё сидели в одном из лагерей для военнопленных под Москвой.

Эти чистые, хорошо одетые люди, с трубками во рту прогуливающиеся по залитой солнцем платформе и полностью игнорирующие часовых и комиссаров, были для меня видением из другого мира. Я испытывал страстное желание присоединиться к ним, но заставил себя отвернуться и возобновить разговор с Трубочаниновым о подробностях постыдной выдачи Колчака генералом Жаненом.

A.B. William John Ford, O.N. 186182 (I.F.R. Dev.) [1909].
 Ldg. Sqn. Ernest Harris, O.N. 329228 (Dev.).
 Sto. P.O. William Charles Henry Lovett, O.N. 41070 (Ch.).
 Ldg. Sig. Michael McCarthy, O.N. 37760 (Dev.).
 Sto. P.O. John Frederick Noonan, O.N. 288382 (Ch.).
 Sto. P.O. William Parker, O.N. 88108850 (Dev.).
 C.P.O. Joseph Parsons, O.N. 150233 (Fo.).
 P.O. Arthur James Paul, D.S.M., O.N. 211077 (Dev.).
 C.E.R.A., 2nd Cl., John Percival Perry, O.N. 270481 (Dev.).
 Sig. Sydney Charles Phillips, R.N.V.R., O.N. [London] 24882.
 C.P.O. Charles Peter Plampton, O.N. 166225 (Ch.).
 Salmaker Arthur Edmund Polley, O.N. 181861 (Fo.).
 Ast. C.E.R.A., 2nd Cl., Evan William France, O.N. 268587 (Dev.).
 P.O. Ernest William Pullen, O.N. 31898 (Fo.).
 A.R. Charles Henry George Randall, O.N. S.S.6905 (Fo.).
 E.R.A., 2nd Cl., Francis Raymond, O.N. 272225 (Fo.).
 Ast. O.E.R.A., 2nd Cl., William John Bickle Richards, O.N. 269118 (Dev.).
 Shipst. 1st Cl., Ernest Stables, O.N. M6603 (Dev.).
 Ch. Sto. Allan Thomas Thurston, O.N. 284846 (Ch.).
 P.O. William Frederick Charles West, O.N.

engine room. Lieutenant Craven, therefore, left the "Otranto," but on finding this damage was not so serious as had been reported, he again went alongside, though he had previously experienced great difficulty in getting away. His action resulted in the saving of over 600 lives which would otherwise have certainly been lost. His performance was a remarkable one and in personal courage, coolness and seamanship ranks in the very highest order.

To receive the Distinguished Service Cross.

Lieut. Raymond Benson Stewart, R.N. H.M.S. "Otranto." For gallantry when H.M.S. "Otranto" was wrecked on the 6th October, 1918.

Capt. Richard Burton, R.M.L.L.

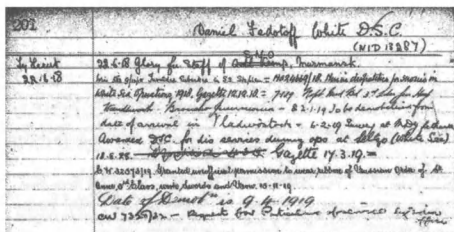
In recognition of his services as Adjt. of the Allied Naval Brigade in North Russia between the 14th August and 28th November, 1918, when he carried out very difficult work in a most successful manner.

Lieut. Daniel Fedotod White, R.N.V.R.

On the 18th August, 1918, at Seltso, with a few marines landed and captured an enemy battery. When acting in command of one of H.M. river gunboats at Borocovlo, on the 29th August, 1918, in an action with enemy gunboats kept his gunboat under fire while repairing his guns in order to cover the retreat of our troops, showing a fine example of coolness and devotion to duty. He has throughout the operations in North-East Russia done exceptionally good work as Intelligence Officer.

Страница из London Gazette с представлением к награждению лейтенанта Добровольного резерва Королевского флота Федотова-Уайта Крестом «За выдающиеся заслуги».

«18 августа 1918 года высадился с несколькими морскими пехотинцами у деревни Сельцо и захватил вражескую батарею. 20 августа 1918 г., командуя одним из речных вооруженных судов флота Его величества у Бороцовско, во время боя с вражескими канонерками, производя ремонт орудий, оставался со своим кораблем под огнем противника, чтобы прикрыть отход наших транспортов, показав пример хладнокровия и преданности долгу. В операциях на севере России проявил себя как исключительно способный офицер разведки».

*Послужной список лейтенанта
Добровольного резерва Королевского
флота Федотова-Уайта (The National
Archives, ADM 337/127/401, page 201)*

По прибытии в Красноярск мы увидели разгружавшийся эшелон балтийских матросов. Они должны были составить экипажи вооружённых судов Енисейской флотилии. В первый раз с того момента, как покинул Петроград в 1918 году, я увидел офицера Императорского флота на службе у красных. Это был робкий, худой мальчишка в чёрной офицерской шинели без погон и с кокардой, обёрнутой красной материей. Он делал вид, что пытается руководить разгрузкой состава, но матросы не обращали на него никакого внимания и делали всё, что хотели.

Когда мы в свою очередь выгрузились из поезда и, вдыхая приятный весенний воздух, шли по пыльной дороге в концентрационный лагерь на окраине города, нас обогнало несколько грузовиков с матросами. Сидевшие в кузовах сильные моряки в полосатых тельняшках и накинутых по революционной моде на плечи бушлатах весело распевали какие-то частушки о белогвардейцах. Я попытался разглядеть среди них знакомые лица, но грузовики неслись слишком быстро и поднимали закрывавшие всё клубы пыли. Несмотря на их насмешки, я был рад видеть этих матросов. Они напомнили мне о море, о старом крейсере «Россия», о «Страшном», о счастливых днях в Вест-Индии, Тулоне и Бресте, о другой жизни, когда офицеры и матросы вместе плавали под Андреевским флагом. Я не чувствовал никакой враждебности к этим смеявшимся надо мной большим и простым людям, хотя мне и было жаль их офицера.

Лагерь представлял собой большой комплекс, построенный в Мировую войну для военнопленных. Нас поместили в одну из двух гауптвахт, имевшую два коридора камер с выходом в маленький двор, отделённый тяжёлой железной решёткой от помещений охраны и канцелярии лагеря. Почти всех новоприбывших поместили в один коридор, а второй полностью набили агентами белой контрразведки и государственной охраны. Выходившие во двор центральные камеры занимала группа

бывших генералов. Всего в этом корпусе находилось около двухсот заключённых. Егорова, того активного типа, что готовил побег в поезде, и нескольких его товарищей с нами не было. Их прямо со станции увезли в красноярскую тюрьму.

В первый же день были проведены выборы старосты среди заключённых, и я с удивлением узнал, что избран на этот высокий пост.

В известном смысле я был рад этому, поскольку статус старосты давал немного больше возможностей для связи с внешним миром через бывших узников, работавших теперь в лагерной канцелярии. Они пользовались определённой свободой и были неплохо осведомлены о том, что происходило, и даже о намерениях чекистов в отношении заключённых, поскольку, работая в конторе, могли слышать их разговоры.

Контакт с внешним миром в Красноярске был гораздо теснее, чем в Иркутске. Как-то раз меня пришёл навестить один армейский офицер, прибившийся к Морскому полку в декабре около Красноярска, когда мы шли на восток. Он рассказал, что имеет связь с белыми партизанами в сотне вёрст к югу от города и может переправить меня к ним, если мне удастся бежать. Он дал мне адрес в городе, где можно было спрятаться, пока не настанет подходящий момент уйти в лес.

Это было очень заманчивое предложение, но я по-прежнему держался за свою теорию, что ничего трагичного со мной не случится и скоро меня должны освободить, поскольку у чека ничего на меня нет.

В здании гауптвахты мы жили ещё более скученно, чем в иркутской тюрьме. В камере не хватало места даже на то, чтобы улечься всем на полу, и некоторым приходилось спать, сидя вдоль стен. Еда тоже была хуже, чем в Иркутске, а норма выдачи хлеба меньше.

Моим первым делом на должности старосты была организация равного и справедливого распределения выдаваемого нам голодного пайка. Я выработал систему, по которой буханки хлеба делились на равные части, насколько это было возможно без точных весов, и затем один из камерных старост в моем присутствии помечал их номерами. Далее каждый из остальных старост называл номер и получал соответствующую часть дележа. Кашу и баланду я наливал в общие котлы камер

410 сам, а старосты по очереди контролировали процесс. Остававшийся излишек отдавался по очереди каждой камере в определённый день.

В целом заключённые были довольны системой и признавали, что я не пытался подыграть своей камере или забрать что-то из еды себе лично. Один или два, однако, придерживались другой точки зрения.

Так, один заключённый особенно донимал меня жалобами на задачу еды и обвинениями в том, что я даю своей камере больше, чем остальным. При этом он не приводил никаких конкретных примеров нарушений. Нервы мои к тому времени были порядком расшатаны, и я с трудом мог держать себя в руках, сталкиваясь ежедневно с такими беспочвенными обвинениями. Однажды, когда я пришёл отдать излишки баланды старшему камеры моего обвинителя, этот человек закричал:

— Да он половину своим отдал, я уверен. Посмотрите, как там мало сегодня!

Я вышел из себя и стукнул его по голове котелком, в котором было немного каши. Он покорно стерпел это и лишь простонал, что я чуть не оставил его без глаз горячим месивом. Его сокамерники не протестовали, довольные, видимо, что их товарищ получил своё. Им даже было не жалко остатков предназначавшейся им каши.

Другой моей заботой стала попытка добиться определённых стандартов чистоты и заставить людей ежедневно подметать полы в коридорах и камерах. Большинство заключённых, за исключением генералов, охотно сотрудничали со мной в этом начинании. Генералы же были намного старше всех нас, и голодная диета довела их до состояния полного бессилия. Большую часть времени они молча сидели, почти не двигаясь со своих мест. Их камеры были грязными и неубранными.

По утрам я обычно заходил к ним со словами: «Ваши превосходительства, не будете ли вы столь любезны подмести пол в вашей камере и вычистить тут всё как можно тщательнее. Лучше вам сделать это добровольно, не дожидаясь дисциплинарного взыскания от администрации лагеря за ненадлежащее поддержание чистоты. Пожалуйста, помогите мне в исполнении моих обязанностей».

Тогда какой-нибудь старый солдат, бывший командир дивизии или бригады, поднимался и, вяло махая веником, начинал безрезультатно мести пол.

В первые несколько недель в Красноярске я завязал дружбу с одним бывшим белым офицером, свободно жившим в городе и работавшим в канцелярии лагеря. Вревский был молодым человеком из хорошей семьи и служил в гвардии. У нас обнаружился ряд общих друзей, и мы довольно близко сошлись друг с другом.

Этот молодой человек был очень хорошо информирован о лагерных делах и знал кое-кого из старших охранников, набранных большей частью из бывших солдат 1-й Сибирской армии белых и полка морских стрелков, которые участвовали в декабрьском восстании в Красноярске²²⁹.

Через него я познакомился с парой таких человек и вскоре выяснил, что один из них служил добровольцем в полку морских стрелков. Он слышал обо мне и был рад помочь, чем мог.

Этот человек, Андреев, каждый раз, заступая на дежурство, вызывал меня из камеры, чтобы поболтать несколько минут под предлогом проверки списка заключённых. С его слов, большинство людей были недовольны службой в Красной армии и участвовали в красноярском восстании по подстрекательству своего командира полка, офицера Генерального штаба и латыша по национальности. Тот, очевидно, был связан с Вацетисом²³⁰, тоже латышом, командовавшим советскими войсками, и, возможно, с другими соотечественниками в высшем командовании Красной армии. Свою роль сыграл и элемент разочарования в Белом движении, равно как и желание спасти свою шкуру, когда пропала вера в конечную победу белых.

Из книги: Справочник по Красноярску с указанием данных по его истории, революционному движению и советско-партийному строительству на 1923 г. Красноярск, 1922.

²²⁹ Речь идёт об одном из полков Дивизии морских стрелков. Но никаких подробностей этого эпизода в документах до настоящего времени не выявлено.

²³⁰ Иоаким Вацетис (1873—1938) занимал пост главнокомандующего вооружёнными силами РСФСР до июля 1919 года. Затем был арестован по подозрению в участии в контрреволюционном заговоре и провёл в заключении восемь месяцев. Таким образом, в декабре 1919 г. он никак не мог быть на связи с командиром полка морских стрелков.

— Но от этого мы не стали красными, — сказал он мне однажды. — Мы не можем не носить красные звезды на фуражках, но это всё постольку-поскольку. Мы всё ещё считаем белых своими товарищами и очень жалеем вас, сидящих за решёткой.

Старшим в коридоре контрразведки и государственной охраны был бывший жандармский подполковник, которого я немного знал по его недолгой работе помощником начальника военно-морской контрразведки. С заключёнными в том коридоре я контактировал только через него, и он, похоже, пользовался большим авторитетом у своих бывших коллег.

Однажды после раздачи еды я рассказал ему, как встретил его бывшего шефа, начальника контрразведки Морского министерства, в приёмной Иркутской чека, куда тот пришёл сдаваться. Комментируя эту встречу, я сказал о своём удивлении тем фактом, что человек с таким прошлым и такой долгой службой в жандармах при старом режиме не имел, по-видимому, достаточной силы воли попытаться сбежать или хотя бы жить, скрываясь. Сдавшись, он лишил себя всех шансов остаться в живых.

— Немедленно бегите отсюда, пока вас не заметили, — сказал я тогда Кафарову²³¹.

— Я не могу больше жить по поддельному паспорту. Необходимость постоянно скрываться настолько вымотала мне нервы, что я просто больше не могу так. Возможно, они сохранят мне жизнь в обмен на явку с повинной.

— Вас расстреляют, — резко возразил я. — Немедленно бегите!

— Нет, — ответил Кафаров, — я приму свою судьбу, какой бы она ни была.

Бывший помощник Кафарова молча выслушал меня, и, когда я закончил, сказал:

— Для нас, тех, кто раньше охранял закон, особенно трудно бежать от правосудия. Это вопрос психологии.

²³¹ Кафаров Вячеслав Викторович, подполковник кавалерии. В апреле 1919 г. переведён в Морское ведомство. В июне 1919 г. переведён в состав Камской Речной боевой флотилии. До 24.08.1919 г. — начальник Центрального отделения Военно-морской и речной контрразведки при штабе флотилии. Затем — начальник Контрразведывательного отделения Управления по оперативной части флота.

Через несколько недель после прибытия в Красноярск я узнал от Вревского, что чека приняла решение в течение следующих нескольких дней расстрелять всех заключённых агентов контрразведки. Вревский сказал, что слышал совершенно чёткие замечания на этот счёт, сделанные одним из дознавателей, и что единственная надежда этих людей — побег. Он предложил мне поговорить с Андреевым и выяснить, готов ли тот сотрудничать.

Несколько минут спустя мне удалось привлечь внимание Андреева, который принимал дежурство у сменщика.

— Я только что узнал, — сказал я ему, — что чека на следующей неделе собирается расстрелять всех этих бедолаг из коридора контрразведки.

— Чёрт, это плохо!

— Ты готов помочь?

— Как?

— Допустим, что они попытаются бежать в твоё следующее дежурство. Что ты будешь делать?

— Но меня самого расстреляют, вы ведь знаете.

— Допустим, они инсценируют борьбу и скрутят тебя и твоих людей, ранив для правдоподобности одного или двух.

Андреев обещал обдумать всё и дать ответ позже.

Вечером он подошёл к решётке, подозвал меня и сказал, что передал наш разговор двум-трём своим людям из числа бывших белых добровольцев. Они решили рискнуть и попытаться помочь бывшим соратникам бежать. Но в первую очередь заключённые должны будут убить двух большевиков из его взвода, иначе они донесут на Андреева и его друзей. Двое добровольцев были готовы уйти вместе с беглецами в тайгу к партизанам.

Незадолго до отбоя я пошёл к старосте коридора контрразведки и рассказал ему о том, что узнал от Вревского, а также о возможной помощи людей из охраны, если он и его товарищи решат бежать. Он подробно выспросил меня о расположении белых партизан и о том, насколько хорошо я знаю Андреева и Вревского. Я ответил, что, конечно, я не начальник лагеря, и всё, что мне известно, это просто слухи, не проверенные из надёжных источников, но, с моей точки зрения, звучащие вполне правдоподобно. Рано или поздно всех агентов контрразведки всё равно расстреляют, это лишь вопрос времени. Что

414 касается Андреева, то он кажется хорошим парнем, искренним и готовым помочь, но я не был знаком с ним раньше и не знаю, будет ли он помогать в действительности. Несмотря на это, я настоятельно советовал ему убедить своих людей попытаться. Ведь даже если их убьют в схватке с охраной или во время бегства через тайгу, лучше умереть сражаясь, чем быть застреленным в подвале чека или каком-нибудь рве в окрестностях лагеря.

На следующий день после раздачи хлеба жандарм рассказал, что ночью и рано утром он обсудил новости со старшими камер и несколькими заключёнными из числа бывших жандармских офицеров.

— Они решили попытаться. Но с одним условием: вы примете командование и поведёте нас к партизанам.

— Я польщён, — ответил я ему, — но не вижу, зачем мне принимать ваше предложение. В отличие от вас, у меня совершенно другая ситуация. Меня должны вот-вот выпустить, а ваша песенка спета, если только вы не попытаетесь бежать. Кроме того, большинство из вас получало передачи от друзей и родственников в городе, я же сидел на тюремном пайке и, как результат, не пригоден к физическим нагрузкам.

— Мои люди понимают это, но они говорят, что вы единственный, кому они доверяют. У вас есть опыт партизанских действий в тайге, и вы сможете вывести нас к белым партизанам, о которых говорили.

— Мне жаль разочаровывать вас, но я точно знаю, что и версты не смогу пройти, а бегать совсем не в состоянии. С тем же успехом я могу просто совершить самоубийство.

Жандарм вернулся в свою камеру. Позже в тот день, когда я вызвал его получать баланду, он сказал мне:

— Мы обсудили всё ещё раз. Люди однозначно отказываются бежать, если вы отказываетесь возглавить их. Они думают, что коль скоро вы ожидаете освобождения, им нет никаких оснований верить слухам о казни. Они знают, что вы занимали важный пост в Омске, и уж если у вас есть надежда, у них ещё больше оснований для неё.

Это откровенно взбесило меня:

— Вас всех расстреляют потому, что у вас, как и у Кафарова, нет мозгов. Сначала вы сами говорите чекистам, что работали на контрразведку, затем отказываетесь верить, что вас расстреляют, несмотря на все заявления большевиков о том, что амнистия не распространяется

на контрразведку, разведку и пропаганду. Не хотите бежать — ваше дело. Я не могу возглавить вас по причинам, о которых уже сказал вчера.

— Люди сказали, что, если вы не сможете идти, они понесут вас. Им нужна ваша голова, а не ноги. Им важен ваш опыт и знание тайги.

На это я довольно грубо рассмеялся:

— Я достаточно повоевал в Гражданскую, чтобы знать цену таким обещаниям. У них, конечно, добрые намерения, но партизаны из них никакие. При первых же выстрелах они бросят меня и побегут.

На следующий день я узнал, что мой совет был проигнорирован, и контрразведка решила отказаться от побега. С чисто эгоистической точки зрения для меня лично это было облегчением, поскольку я понимал, что в случае их успеха чека вероятнее всего отыгралась бы на других заключённых, и в особенности на таких, как я, старостах камер.

Вспоминая об этом сейчас, я с удивлением думаю о том, как мало этот вопрос стал заботить меня после принятия окончательного решения. Я считал, что выполнил свой долг старосты и офицера, предупредив их и разработав план спасения. И, если они не захотели последовать этому плану, я больше ничего не мог для них сделать.

При следующей встрече с Вревским я попросил его передать Андрееву, что побега не будет, и поблагодарить за обещанную помощь. Вревский в свою очередь сообщил мне, что прошлой ночью был расстрелян Егоров.

— Грядёт большая чистка. На следующей неделе из Омска прибывает специальная комиссия для инспектирования тюрем и лагерей. Ещё одна для той же цели поехала два дня назад в Иркутск.

Позже я узнал, что результатом деятельности этой комиссии в Иркутске стал расстрел нескольких человек, так как, по мнению её членов, местная чека действовала недостаточно радикально.

По странному стечению обстоятельств, меня освободили прямо накануне казни людей из контрразведки. Насколько мне стало известно, их всех расстреляли.

Трубчанинова перевели из здания гауптвахты в лагерь и дали какую-то работу в гараже. Это позволило ему впоследствии бежать. Большинство других морских офицеров, содержавшихся со мной в Иркутске и Красноярске, были освобождены позже и стали работать в различных советских учреждениях.

Насколько мне известно, из всех служивших под моим началом офицеров Морского полка был расстрелян только Захарченко. Мне так и не удалось выяснить обстоятельства его смерти. Я приложил много усилий, но все безрезультатно. Его брат, живущий в Америке, также не смог ничего узнать. Однако я убеждён, что он погиб в застенках чека, так как знаю, что его арестовали через месяц после моего перевода в иркутскую тюрьму. Я слышал, что он настаивал на своём освобождении по условиям договора со Зверевым. Возможно, эти требования и стали причиной его смерти. Он был не робкого десятка, и чека могла решить, что человек такой силы воли и способностей будет представлять угрозу для советской власти. Захарченко был выдающимся человеком, который в нормальное время поднялся бы до вершин своей профессии и сделал бы большую карьеру во флоте, но пал жертвой разрушительной силы революции, как и миллионы других, менее способных людей²³².

Друзья в Красноярске рассказали мне, что контрразведчики стойко встретили свою смерть. Лишь один или два из них дрогнули и стали молить о пощаде. Остальные же спокойно и храбро смотрели смерти в лицо.

²³² После освобождения личного состава Морского полка 2 марта 1920 года из Иркутской губернской тюрьмы Д. Л. Захарченко служил на пароходе «Лейтенант Малыгин» Ангаро-Байкальского пароходства. 9 апреля того же года был арестован при добровольной явке белых офицеров на перерегистрацию. Приговорён Особым отделом ВЧК 5-й армии к заключению в концлагерь до конца Гражданской войны. С 19.06.1920 находился в Челябинском лагере принудительных работ. 24.09.1920 переведён в Мисский лагерь. В конце октября 1920 г. освобождён из лагеря и направлен в трудовую армию для использования по специальности. Дальнейшая судьба неизвестна.

ГЛАВА 23.

Нелегкая свобода

Золотым солнечным днём позднего лета 1920 года я вышел из ворот унылого и пыльного Красноярского концлагеря. Свобода пришла неожиданно, как вытянутый в лотерее счастливый билет.

Из лагеря в город тянулась извилистая песчаная дорога. Пятна зелёной травы, несколько чахлых полевых цветов и чистый, сухой, освежающий ветер с востока. Ничего необычного, но для меня это была красота, которую не описать словами. Месяцы, проведённые в тюремной грязи и зловонии среди немых сокамерников, породили во мне неудержимую тягу к чистоте, открытым пространствам, траве, цветам и запаху земли.

Я настолько ослаб на голодном тюремном пайке, что даже короткая прогулка в город оказалась мне не по силам.

И, несмотря на подсознательное желание убраться как можно быстрее и дальше от места своего заточения, ноги не несли меня. Я почувствовал слабость и головокружение и вынужден был сесть отдохнуть.

Я понятия не имел, что делать дальше. Захлестнувшее меня настоящее настолько отличалось от только что оставленного позади прошлого, что в мыслях не оставалось места для будущего. Я всё ещё переживал драматичные моменты освобождения и прощания с сокамерниками. У меня было чувство, что я побывал на самом дне жизни, и со мной уже не может случиться ничего хуже перенесённого за последние месяцы.

418 И эта мысль придавала невероятной уверенности и силы. Я вышел из ворот ада несломленным. Так чего беспокоиться о будущем?

Минуты, что я сидел на обочине, были одними из самых волнующих в моей жизни. Каждое маленькое событие добавляло остроты наслаждению моментом.

Всё казалось мне необычным и важным: крохотная красно-коричневая бабочка, порхающая вокруг, сибирский мужик, едущий мимо на скрипучей телеге, деревенский воробей, севший у самых моих ног, чтобы полакомиться тем, что просыпалось на дорогу. Всё стремилось доказать, что я свободен и волен идти, куда мне вздумается. Я мог пойти за цветастой бабочкой, мог поздороваться и поболтать с мужиком, а мог скормить воробьям остатки лежавшей в кармане тюремной пайки хлеба. Ничего необычного. Вероятно, каждый день тысячи вышедших на свободу заключённых по всему миру чувствуют то же самое. Но для меня это было волнующе, как первая любовь.

Постепенно, то и дело присаживаясь отдохнуть, я добрался до дома г-жи К., одной из немногих своих знакомых в Красноярске, которая поддерживала со мной связь через охрану лагеря. Она, как и я, была обломком отступавшей волны колчаковской армии, оставшимся на берегах Енисея.

Г-жа К. тепло встретила меня, выдала чистое постельное белье и приличную одежду, чтобы я мог выкинуть свои завшивленные тюремные обноски. Затем я с наслаждением помылся куском настоящего мыла, что было неслыханной редкостью в Сибири в те дни, переоделся и предался настоящему Лукуллову пиру из жареного цыплёнка, хлеба и горячего чая.

Чувствуя себя, как молодой жеребёнок, умявший лишнюю порцию овса, я вышел в город. Я был без копейки в кармане и не мог позволить себе бесконечно долго пользоваться гостеприимством г-жи К. Надо было найти работу. Но в небольшом сибирском городке умения и навыки бывшего офицера Морского Гвардейского Экипажа не так легко обменивались на продовольственные карточки. Перебрав возможные варианты, я решил попытать счастья в одной из гидрографических партий, работавших в устье Енисея. Их базы располагались в Красноярске,

и я был уверен, что встречу среди тамошнего персонала одного-двух бывших морских офицеров.

Мой расчёт оказался верным. В конторе Енисейской гидрографической экспедиции²³³ я встретил пару старых приятелей, которые радостно приветствовали меня и угостили чаем с печеньем. Они искренне хотели помочь, но их штаты были укомплектованы, и брать дополнительный персонал до начала весенней навигации они не могли. Однако обещали узнать, нет ли какой работы на енисейских пароходах, и вышли переговорить на этот счёт с дирекцией речного флота. Я же удобно расположился у открытого окна с большим стаканом горячего чая в руке.

Неудача первой попытки найти работу совершенно меня не огорчила. Я чувствовал себя счастливым и умиротворённым, потягивая некрепкий чай и глядя на случайных прохожих на улице: двух-трёх красноармейцев в изношенном хаки и мятых будёновках с красными звёздами, старуху-крестьянку с ведром картошки да пару деревенских телег.

Внезапно в эту серую картину ворвалась яркая группа людей в чёрном и синем. Их было шестеро. Гроза русской буржуазии, авангард и гордость революции — балтийские матросы.

На них были невероятных размеров брюки клёш, как метлы, поднимавшие пыль с тротуара. Траурно-чёрные, распахнутые на голой груди бушлаты украшали алые ленты, а широкие синие воротники рубаш совершенно не вязались с видом этого заброшенного сибирского городка в тысячах вёрст от побережья. Лёгкий ветерок весело развевал ленты их бескозырок.

Они явно чувствовали себя тут хозяевами и, не торопясь, направлялись к зданию Енисейской экспедиции.

Поначалу я не связал их появление с фактом своего присутствия в конторе. Затем, решив, что осторожность в моем положении — лучшая тактика, я отсел от окна, чтобы не привлекать внимание весёлых морячков.

²³³ Енисейская гидрографическая экспедиция Отдельного Обь-Енисейского гидрографического отряда под руководством К. К. Неупкоева.

Когда они вошли в приёмную, я услышал отдалённо знакомый грубый голос.

— Где этот бывший старший лейтенант, только что освободившийся из лагеря? Мы слышали, что он зашёл сюда около часа назад.

Тяжёлый комок сжался у меня внизу живота, и я почувствовал, будто чёрная туча внезапно закрыла солнце. Очевидно, эти балтийцы выследили меня и пришли сдать в чека. Я знал, что некоторые из тех, с кем я плавал раньше, могли многое рассказать о моем прошлом в дополнение к той скудной информации, что было известна советским властям в Красноярске.

Мне пришла мысль выпрыгнуть в окно, но я не стал этого делать. Я был слишком слаб, чтобы убежать от этих бугаёв, и не имел оружия. Оставалось только ждать, что будет дальше.

Следующие десять минут показались мне вечностью. Несколько часов на свободе совершенно вскружили мне голову, и возвращение в тюрьму означало бы новую смерть после воскрешения.

Дверь распахнулась, и матросы толпой ввалились в комнату. Старший из них спросил громким шёпотом:

— Это вы, Димитрий Николаевич?

И после утвердительного ответа с моей стороны продолжил:

— Мы все ваши бывшие ученики из школы строевых унтер-офицеров на «России». Сейчас служим на Енисейской речной флотилии красных. Некоторое время назад мы узнали от приятеля нашего боцмана, который был с вами в Морском полку, что вы в лагере, и стали следить за вами. Мы не стали навещать вас там, чтобы не навлечь неприятностей. Но теперь, когда вы на свободе, пришли узнать, можем ли чем-нибудь помочь вам.

По одному они подошли и пожали мне руку: высокий, широкоплечий Мороз из Гвардейского Экипажа; коренастый, плотно сбитый водолаз Медведев, бывший первый загребной моего катера; стройный смуглолицый красавец Пименов; и бородатый светловолосый гигант латыш Мендельман. Затем шли юркий и вертлявый, как обезьяна, Стырхунов и молчаливый старообрядец с верховьев Камы Авдеев.

Все они выглядели очень серьёзными и явно чувствовали себя не в своей тарелке. Мы не виделись с начала революции, и они немного растерялись, не понимая, как ко мне обращаться.

В комнате было всего два стула, и я предложил сесть на пол, как мы сидели на покрытой линолеумом палубе «России» во время занятий.

Мороз извлёк откуда-то из глубин своего огромного бушлата бутылку самогона. Мендельман добавил к ней пару копчёных селёдок, а остальные достали из карманов жестянки.

Авдеев разлил спиртное и разделил на всех закуску. Затем поднялся и произнёс небольшую неловкую речь примерно следующего содержания: «Мы служим сейчас в Красном флоте. Вы были нашим начальником на старом флоте. Возможно, когда-нибудь мы снова будем служить под вашим началом. Мы рады, что вы теперь на свободе, и желаем вам всего самого лучшего. Ваше здоровье! Живите долго и счастливо».

Мы выпили по полной и закусили копчёной рыбой.

Затем Мороз обратился ко мне уже менее официально:

— Вам будет небезопасно оставаться здесь или вообще в Сибири. Слишком многие вас знают. Пойдут слухи, что вас освободили, и кто знает, чем это может закончиться.

Мендельман достал бумажный свёрток и развернул его. В нем оказался полный комплект матросской формы.

Стырхунов протянул мне пачку банкнот и официальное письмо, заверенное печатью Енисейской речной флотилии красных с серпом и молотом.

— Москва объявила мобилизацию офицеров торгового флота, — продолжил Мороз. — Мы думаем, что вам следует пойти с этим письмом в штаб красных частей и попросить проездные документы до Москвы, как помощнику капитана торгового флота.

Я пробежал письмо взглядом.

«В административный отдел штаба 5-й армии.

Настоящим свидетельствуется, что предъявитель сего является специалистом по судовождению и может исполнять должность помощника капитана торгового судна. Во исполнение указания Москвы о присылке всех подобных специалистов для работы в торговом флоте

422 предлагается отправить предьявителя сего для явки с докладом в руководящие органы морского транспорта».

Имени не было, только «предьявитель». Это было очень умно и могло здорово мне пригодиться.

— Дмитрий Николаевич, господин старший лейтенант, завтра вам надо пойти к нашему другу в административном отделе штаба. Его зовут З. Мы уже договорились с ним о вас, и он сделает всё, что нужно.

Авдеев снова взял бутылку.

— А теперь, прежде чем расстаться, мы хотим от всей души пожелать вам успехов и удачи. Может, когда-нибудь свидимся.

Я был тронут до глубины души. Такое эмоциональное потрясение оказалось для меня чересчур. После месяцев жестоких унижений в тюрьме было поистине невероятно узнать, что есть люди, по-прежнему считающие тебя человеком, а не скотиной, с которой можно обращаться, как угодно.

Я взял себя в руки и выдал несколько бессвязных слов благодарности о том, что никогда не забуду их доброту и преданность, и что для меня они олицетворяют дух старого флота, ещё сохранившийся под красным флагом.

Бутылка опустела. Матросы поднялись и стали медленно покидать комнату. На прощание они жали мне руку и говорили по старой традиции: «Счастливо оставаться, Дмитрий Николаевич».

Так начался и закончился мой первый день на свободе в стране Советов.

ГЛАВА 24.

Становлюсь марксистом

Целых два дня у меня ушло на то, чтобы уладить все формальности в штабе 5-й армии и получить нужные разрешения и проездные документы для поездки в Москву. Как во сне, я перемещался от одного стола к другому. Это было так необычно: чувствовать себя свободным, свободно входить и выходить из кабинетов, проходить мимо часовых, не обращая на них никакого внимания, гулять по залитым солнцем грязным улицам осеннего Красноярска и заходить к нескольким друзьям, скрытно обитавшим в заброшенных лавках и пытавшимся добыть разрешение на отъезд в европейскую часть России.

Большинство магазинов закрылось, и в городе почти не было заметно следов какой-либо коммерческой деятельности. Остались лишь один-два ресторана да небольшая торговля на рынке. К своему огромному удивлению, я наткнулся на книжную лавку с богатым выбором последних советских изданий. Я не читал новых книг уже несколько месяцев, и даже томик Шелли у меня отобрали при этапировании из Иркутска в Красноярск.

Я простоял у окна почти час, читая названия книг и чувствуя, что просто обязан купить хотя бы одну. Денег было очень мало. Возможно, мне не хватило бы даже на еду до Москвы, но я не мог побороть искушение и быстро придумал оправдание.

«В конце концов, — убеждал я себя, — я собираюсь начать жизнь в совершенно новой и незнакомой стране, непохожей на всё, что я когда-либо видел. Может быть, это и Россия, но абсолютно другая, с новой религией, новым образом мысли и новым отношением к миру. Чтобы выжить в этом мире, я должен знать каноны этой новой религии и её новый социалистический символ веры. Самый быстрый и верный способ приспособиться к новым условиям — это купить и изучить труд какого-нибудь известного русского коммуниста, излагающий его точку зрения».

Я быстро нашёл нужную книгу — «Азбуку коммунизма» Бухарина. Я знал, что её автор — выдающийся человек среди большевиков и личный друг Ленина. Он считался ведущим философом и теоретиком в партии. Решение было принято. Я зашёл в лавку и спросил книгу Бухарина.

Этот томик явно оказался счастливым, ибо в тот же день я получил свои документы. Изучив их, я не обнаружил упоминания о том, что являюсь бывшим военнопленным. Там просто значилось «находился в распоряжении административного отдела штаба 5-й армии», а в его распоряжении могли быть кто угодно: офицеры, солдаты, комиссары или служащие. Это были очень хорошие документы, и я мысленно поблагодарил Бухарина за такой сильный талисман.

Проездные документы давали мне право путешествия в «штабном» вагоне. На такую привилегию я и рассчитывать не мог. Поезд уходил следующим утром, и я пошёл попрощаться с друзьями.

Я слышал о большом дефиците мест в поездах и, чтобы не рисковать, отправился на вокзал с рассветом. Я был сыт по горло Сибирью и горел желанием добраться до Москвы или Петрограда, где не привлекал бы внимания и мог бы спрятаться и накопить силы для финального броска через границу. Мои мотивы были схожи с теми, что движут обычными преступниками, стремящимися в большие мегаполисы. И, конечно же, я нетерпением ждал встречи с родителями, которые были тогда ещё живы.

Я с удивлением обнаружил, что вход в штабной вагон охраняется часовым, который проверил мои документы и, убедившись, что мне положено место, пропустил внутрь. Времена вольницы Керенского

явно закончились, и привилегированные путешественники могли ехать с относительным комфортом, не боясь, что их захлестнёт толпа простых пассажиров. Это было довольно неожиданно, и, усевшись у одного из окон, я стал наблюдать, как разношёрстная толпа красноармейцев, крестьян и городских штурмует другие вагоны. И вскоре теплушки, из которых состоял остальной поезд, оказались набиты до отказа.

Изучив своих попутчиков, я пришёл к мнению, что, за редким исключением, все они мне абсолютно не нравятся. В большинстве своём это были ещё совсем зелёные юнцы в добротных, светло-серого сукна, довоенных офицерских шинелях или в длинных солдатских, носимых до войны юнкерами кавалерийских училищ. Один из них щеголял в тельняшке и белой рубашке с широким синим матросским воротником, хотя по виду напоминал не моряка, а скорее прогульщика-гимназиста, прикидывающегося матросом. Юнцы кричали грубыми, громкими голосами, возбуждённо перемещались и никак не могли сесть и успокоиться. Их речь обильно перемежалась матом, и присутствие в вагоне нескольких женщин, к которым они обращались просто по именам, никоим образом не ограничивало поток нецензурщины. Но было среди пассажиров и несколько человек совершенно другого типа. Высокий, невозмутимый военный лет сорока был явно сделан из другого теста. Он тихо сидел с маленькой трубкой во рту и читал газету. Его поношенная серо-бурая шинель выглядела чистой и ухоженной, а сапоги начищены до зеркального блеска. И даже тяжёлый чемодан военного, казалось, принадлежал совершенно к другому миру, чем грязные вещмешки и перетянутые верёвкой коробки, составлявшие багаж буйной молодёжи. Двое средних лет мужчин, одетых по-городскому просто, но аккуратно, как было принято у заводских рабочих до революции, хотя и принадлежали к той же группе, что и юнцы, заметно отличались от них по поведению. Они выглядели квалифицированными рабочими или мастерами, которых вихрь революции оторвал от их фабрик, но не сильно изменил внутренне. Оставаясь по-прежнему элитой рабочего класса, они выделялись из шумной и крикливой толпы своих попутчиков. Женщины все были молоды, но некрасивы. Броско, но безвкусно одетые, почти все они щеголяли в ботинках на высокой шнуровке, модных тогда среди привилегированных слоёв советского

426 общества. Одна из них, евреечка лет двадцати двух-двадцати трёх, выглядела культурнее остальных.

Постепенно я догадался, что мои попутчики были членами различных сибирских чека, переведёнными в европейскую часть России. Как они позже сами рассказали мне, их мобилизовали на крымский фронт против войск барона Врангеля. Юнец в морской форме был бывшим помощником коменданта чека и принял на себя обязанности коменданта состава.

Как только поезд тронулся со станции, и мы начали медленное путешествие в Москву, наш самозванный комендант обошёл весь штабной вагон и проверил документы у пассажиров, не принадлежавших к группе чекистов. Я понимал, что выгляжу для него загадкой. На мне был старый чёрный флотский бушлат с суконными пуговицами, бескозырка без ленточки и широкие чёрные брюки клёш. Моё худое бледное лицо не вязалось с морским нарядом, и ещё меньше с ним вязалась книга, которую я читал.

Мои документы не слишком впечатлили его, и он продолжил смотреть на меня с подозрением. Через какое-то время он сел рядом со мной и спросил:

— Что вы читаете, товарищ?

— Вам, вероятно, знакома эта книга. Отличное изложение идей марксизма товарищем Бухариным.

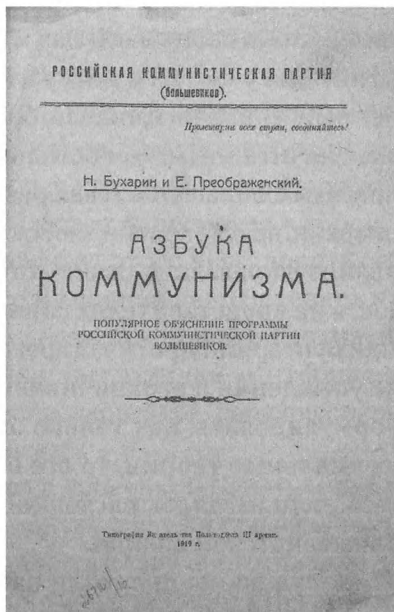
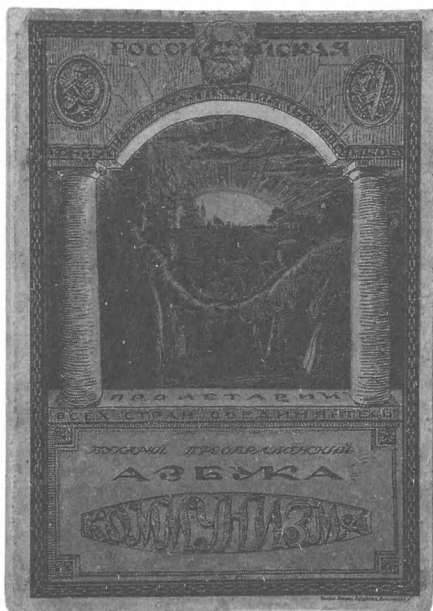
Чекист взял книгу, полистал её, попытался читать, но быстро оставил это занятие. Затем он обратился к своим друзьям:

— Здесь у товарища последняя книга Бухарина. Кто-нибудь из вас читал её?

Те хором ответили, что нет, и столпились вокруг меня.

— Не почитаете нам вслух? Так мы убьём время, — предложил еврейский юноша в офицерской шинели. — У нас нет книг. Почитайте, товарищ!

Такая популярность была мне совершенно ни к чему. Стать центром всеобщего внимания, когда пытаешься быть, наоборот, как можно менее заметным — не слишком большая удача. Однако отказываться было неразумно, и, понадеявшись на то, что у меня в голове ещё осталось

что-то с тех времён, когда мы изучали теорию марксизма и спорили о ней с одноклассниками в гимназии, я сделал встречное предложение:

— Давайте лучше обсудим различные тезисы из книги товарища Бухарина. Я буду читать страницу или около того, а вы затем будете задавать вопросы. Я же постараюсь ответить на них в меру своих сил. А после мы все вместе обсудим прочитанное. И чтобы во всём был порядок, предлагаю избрать председателя. Голосую за кандидатуру товарища военного.

Предложение было принято единогласно. Военный, оказавшийся комиссаром одной из дивизий 5-й армии, был по всем правилам избран, и мы приступили к чтению и обсуждению бухаринского опуса. Тогда коммунисты не сомневались, что Бухарин представляет официальную точку зрения партии, и потому всё, что он говорит, должно восприниматься, как истина в последней инстанции. Всё, что им было нужно, это объяснение его терминологии и смыслов.

Двигаясь строчка за строчкой, страница за страницей по тексту, я вскоре обнаружил, что никто из этих юнцов не имеет ни малейшего

428 понятия о том, что такое марксизм, а двое рабочих вполне определённо склонялись в своих взглядах к анархо-синдикализму. Женщины мало принимали участия в дискуссии, и я не мог понять, что они думают. Военный, товарищ Аникеев, был необщителен, и, хотя явно выглядел более начитанным, чем остальные, не произвёл впечатления знатока марксизма. Большевицкая революция для них означала уничтожение монархии, аристократии, бюрократии и офицерства; для евреев — уравнивание в правах, а для кое-кого возможность отомстить и выместить злость на представителях ранее привилегированных классов. Все они были бунтарями против старого порядка вещей, но этим их политические убеждения и ограничивались, по крайней мере те, что они могли сформулировать. Как только они начинали обсуждать политические и социальные теории, то все оказывались индивидуалистами и высказывали взгляды, расходившиеся друг с другом и с официальной большевицкой догмой.

К полудню мы прервали наш семинар и решили перекусить. Мои припасы состояли из большого каравая чёрного хлеба, пары фунтов сала и нескольких огурцов. Попутчики же оказались обеспечены гораздо лучше. У них была жареная курица, ветчина, белый хлеб, масло, колбаса и сладости к чаю.

Комиссар Аникеев знаком пригласил меня к себе и угостил двумя пирожками с мясом и бутербродом с ветчиной, которые я принял, не раздумывая. Это был тихий, привыкший к порядку, флегматичный человек. Под мягкими спокойными манерами в нём угадывалась большая сила воли и привычка командовать людьми. Мне показалось, что он обладает исключительными качествами руководителя.

Не говоря ничего конкретного, Аникеев дал понять, что заинтересовался мной и моими познаниями в теории марксизма. Он рассказывал и о других вещах и признался в страстной любви к собакам и охоте на птиц. Поскольку в прошлом я тоже любил пострелять, мы нашли общую тему в разговорах об охоте и отлично перекусили за обсуждением повадок вальдшнепов, бекасов и рябчиков. Комиссар предпочитал охоту на бекасов и в подробностях рассказал о своих ружьях, паре легавых и болотах возле родной деревни в Центральной России.

Вскоре после того, как мы закончили есть, поезд остановился на станции, и все высыпали наружу размять ноги и осмотреться. Смотреть оказалось особо не на что, кроме пары крестьянских баб, торговавших хлебом и солёными огурцами, да нескольких мужиков, безнадежно пытавшихся влезть в переполненный состав. Крестьяне с завистью смотрели на охраняемый штабной вагон, в который им не было хода. Они по-прежнему оставались низами общества, и, несмотря на произошедшую смену правящего класса, не стали от этого чувствовать себя равными со всеми в Республике. Вместо миллиона дворян теперь над ними стояло такое же количество большевиков и новой бюрократии.

Когда поезд тронулся со станции, чекисты затянули «Интернационал», и мы дружно, обнажив головы, встали возле окон, воодушевленно распевая: «Кто был ничем, тот станет всем».

Гуляя по платформе, я разговорился с евреечкой Соней. Она рассказала, что была медсестрой и в Гражданскую служила в различных красных госпиталях, а в Мировую работала на плавучем госпитале для выздоравливающих. В 1917 году он какое-то время стоял в Петрограде. С её слов, она училась на Бестужевских женских курсах в столице и во время летних каникул помогала медсестрой в лазарете.

Зимой 1917 года я знал одну воспитанницу тех же курсов, которая также работала медсестрой на той барже. Звали её Маруся Викрухина из Оханска на Каме. Мы несколько раз ходили вместе в театр, и летом 1917-го, работая редактором в «Морском сборнике», я частенько заглядывал к ней в тот госпиталь. Мы шли гулять в Летний сад или даже на Острова — любимое место прогулок петроградцев. Там, под сенью величественных деревьев и среди уродливых щербатых скульптур, мы подолгу говорили обо всём на свете, от политики до поэзии Блока и Ахматовой.

Маруся была яркой монархисткой, презиравшей революцию и всё, что с ней связано. Она росла в небогатой семье в маленьком скучном провинциальном городке и была влюблена в блеск и показную пышность империи. Она ненавидела толпы в серых шинелях, захватившие улицы Петрограда после мартовских дней и заплёвывавшие мостовые шелухой от семечек. Она смеялась над трибунами революции вроде Керенского, Авксентьева или Церетели и осыпала презрительными

430 оскорблениями Ленина и других лидеров большевиков. Маруся была готова принять участие в любой отчаянной попытке освободить императорскую семью, находившуюся ещё в Царском Селе, и переправить их за границу.

Воспоминания захлестнули меня, и я спросил Соню, не знала ли она случайно Марусю.

— Конечно, я знала её. Такая мечтательница! Знаете, она была безумно влюблена в одного австрийского пленного, которого за год до того лечила в госпитале. А этот её монархический бред!

Соня не знала, что стало с Марусей после 1918 года, так как сама ушла медсестрой в Красную армию и с тех пор скиталась по всей России с одного фронта на другой.

Наша общая дружба с Марусей сделала Соню более откровенной со мной, и она поведала немного о своей жизни с начала Гражданской войны. Она была убеждённой сторонницей красных и не сомневалась, что белые убьют её, попадись она к ним в плен. С другой стороны, она никак не могла привыкнуть к бесконечному кровопролитию, казням и огрубению личных взаимоотношений. Стараясь быть «хорошим парнем» в значении тех жестоких дней и дружить с грубыми и невежественными юнцами в нашем вагоне, она явно тяготилась этим и тянулась к более упорядоченной жизни, гуманным и достойным отношениям между людьми.

Изучение бухаринской книги возобновилось только следующим утром. Я открыл собрание чтением очередной страницы «Азбуки коммунизма», после чего началась ещё более оживлённая дискуссия, чем накануне. Ряд тезисов Бухарина был не просто незнаком моим слушателям, но и вступал в явное противоречие с некоторыми из их твёрдых убеждений. И постепенно я стал не просто толкователем, но и защитником бухаринских идей от части своей аудитории, которой пришлось указать на отклонение от ортодоксальной коммунистической догмы. Аникеев не принимал участия в обсуждении, но позже в тот день, когда мы прогуливались взад-вперёд по перрону станции, заметил:

— Разве не странно, что мы боремся за теории, которые явно не вполне понимаем? Мы все знаем, *против чего* сражаемся, но когда

встаёт вопрос, какова наша собственная точка зрения, всё оказывается совсем не так просто, как казалось. Вы ведь не член партии, не так ли?

Я ответил отрицательно, и Аникеев сказал:

— Что касается меня, то я вступил в партию большевиков после начала Гражданской войны. В Мировую я был прапорщиком военного времени и всегда ненавидел тот прогнивший режим, что сначала проиграл войну с Японией, а затем стал проигрывать войну с Германией. А эта история с Распутиным не поддавалась уже никакому описанию. Но я рад, что Гражданская война почти закончилась. Теперь страна сможет наконец заняться восстановлением экономики и внутренней жизни вместо того, чтобы растрчивать силы в междоусобной борьбе.

Наш поезд, который мы скорее с грустью, чем от раздражения, называли «экспрессом», не торопясь, пересекал обширные равнины Сибири. В общей сложности путешествие из Красноярска в Москву заняло шестнадцать дней. Таким образом, у нас было предостаточно времени, чтобы изучить весь бухаринский труд. Когда мы перевалили через Урал, моя репутация знатока марксизма уже не подвергалась сомнению. Молодые чекисты считали меня кем-то вроде профессора-самоучки в социалистическом учении, который может дать ответ на любой заковыристый теоретический вопрос. Кроме того, у них было некоторое опасение, что я могу оказаться каким-нибудь важным большевиком, маскирующимся под беспартийного путешественника.

Когда мы въехали в европейскую часть России, я заметил, что к нашему поезду прицепили ещё один штабной вагон. На одной из станций я пошёл разузнать, кто в нём едет, и наткнулся на хорошо одетого, щеголеватого вида военного в русской форме, но явно иностранца. Я заговорил с ним и заметил в его речи сильный немецкий акцент. Тогда я по-немецки спросил его, не германский ли он офицер, на что военный ответил утвердительно.

На следующий день он сам подошёл ко мне и, пройдясь немного вдоль платформы, спросил, куда я еду и каковы мои планы. Я сказал ему то, что можно было сказать, и, в свою очередь, поинтересовался, что он делает в России.

К огромному удивлению, мой новый знакомый оказался офицером германского Генерального штаба, занимавшим высокую должность

432 в штабе знаменитого Мусульманского корпуса²³⁴, сформированного в Туркестане для вторжения в Индию. Он сказал, что большинство офицеров в нём были турки и татары с небольшим вкраплением боснийских мусульман и афганцев, а штабные должности занимали офицеры германского и австрийского генеральных штабов. Также он пояснил, что корпус организован таким образом, чтобы в случае похода на Индию быть легко развёрнутым в армию. Каждый его кадровый солдат становился бы унтер-офицером, а дивизии разворачивались бы в армейские корпуса с помощью индийских мусульман, которые должны были хлынуть под его знамёна.

Всё это звучало довольно невероятно. Я очень сомневался, что мусульмане Раджпутаны²³⁵ будут приветствовать вторжение красных под предводительством германских и австрийских военных.

Офицер похвалил мой немецкий и спросил, не родом ли я из Прибалтики. Когда я сказал что нет, он продолжил:

— Меня не волнует, кто вы на самом деле и каковы ваши планы. Но должен сказать, что, как только увидел вас, сразу подумал, что вы бывший кадровый офицер. Мне кажется, что таким людям, как вы, очень небезопасно путешествовать по Советской России. Вас могут узнать, и последствия будут самыми печальными. Кстати, вы говорите по-английски?

Такой поворот беседы показался мне забавным, но поскольку немец не имел причин причинять мне вред, и, по всей видимости, был джентльменом, я ответил утвердительно. Тогда он заговорил на английском, очевидно, чтобы проверить, насколько хорошо я знаю язык.

Наш разговор был прерван отпращиванием поезда, но на следующий день немец пришёл в наш вагон и пригласил меня позавтракать с ним в его купе. Он путешествовал с большим комфортом, имел двух денщиков для obsługi и большой запас хорошей еды и алкоголя.

²³⁴ По всей вероятности, речь идёт лишь о нереализованном проекте формирования корпуса для похода в Индию, автором которого был Л. Д. Троцкий, изложивший эту идею в своих секретных записках в ЦК РКП(б) от 5 августа и 20 сентября 1919 г. (по другим данным идея похода принадлежала М. В. Фрунзе).

²³⁵ Историческая область на северо-западе Индии, населённая преимущественно мусульманами.

Мы ели отлично приготовленную яичницу с ветчиной, которую я не пробовал уже год, когда мой хозяин вдруг озадачил меня неожиданным вопросом:

— Вы офицер и благородный человек. Прекрасно владеете немецким и английским. Почему бы вам не вступить в наш Мусульманский корпус? Здесь ваша жизнь полна опасностей, и вы никогда не знаете, с чем столкнётесь. Если вы присоединитесь к нам, все ваши проблемы будут решены. Мы выдадим вас за немецкого офицера, родившегося в России, выправим все необходимые документы и дадим должность в оперативном отделе штаба. Нам нужны такие люди, как вы. Кроме того, что может быть более заманчивым для русского военного, чем перспектива похода на Индию и завоевания этого самого ценного бриллианта в британской короне? Только подумайте — оторвать Индию от Англии, освободить бесчисленные миллионы её жителей от ига британских лавочников! Разве эта мечта не стоит жизни?

Заметив, что я не слишком разделяю его энтузиазм, немец продолжил:

— То, что это произойдёт под эгидой красных, не имеет никакого значения. Главное — разбить Британскую Империю. Поход на Индию станет очень болезненным ударом для англичан. Ваша страна не всегда будет красной, и однажды настоящая, возрождённая Россия скажет спасибо тем, кто присоединил Индию к её владениям.

Именно в тот день я осознал, что не создан для военных авантур. Все эти заманчивые перспективы интересной работы в штабе Мусульманского корпуса, возможность полностью скрыть свою личность и покинуть Россию с иностранным паспортом не произвели на меня никакого впечатления. Я подумал о своей службе в британском флоте, о друзьях в Англии и о том, что ел хлеб короля. И всё это предложение показалось мне нелепой шуткой, неприемлемой даже как средство побега из России. Поэтому я очень вежливо поблагодарил германского офицера и сказал, что в первую очередь хочу повидать своих родителей, с которыми не виделся несколько лет, а затем найти какое-нибудь мирное занятие в гражданской жизни, предпочтительно в сфере транспорта, которая всегда привлекала меня. На следующей станции мы расстались хорошими друзьями. Позднее он снова приглашал меня

434 в германский вагон перекусить и выпить, и мы говорили о Версальском мирном договоре, германской республике и будущем России.

По пути мы узнали, что поляки вторглись в Советскую Украину, и встретили следы антипольской пропаганды даже на отдалённых хуторах вдоль Транссиба. Часть её была сделана очень грамотно, хотя и с трудом вязалась с марксистскими теориями. Так или иначе, расчёт строился на возбуждение у крестьянства патриотических чувств против захватчиков. Я помню плакат, изображающий знаменитый Софийский собор Киева с яркой надписью о том, что поляки осквернили древние святыни матери городов русских!

Эффект от пропаганды также был заметен. На некоторых станциях я видел группы крестьян, провожавших своих сыновей добровольцами на войну с Польшей. Старики благословляли красноармейцев иконами, и общая атмосфера этих проводов была явственно националистической с привкусом народной войны против старых, исконных врагов России.

Глядя на одну из таких сцен, Аникеев воскликнул:

— Похоже, не придётся мне в этом году пострелять бекасов. Буду, видимо, стрелять поляков. Поедемте со мной, зададим этим панам.

К концу нашего путешествия я успел услышать истории почти всех своих попутчиков, кроме Аникеева. Я слушал хвастовство молодых чекистов о том, сколько человек они своими руками расстреляли в подвалах чека, и бесконечные рассказы, иллюстрирующие то, что они называли «большевистским характером», который на деле сводился лишь к полному пренебрежению человеческой жизнью. Постепенно мне становилось всё труднее слушать это прославление жестокости, и я старался больше общаться с нравившимся мне Аникеевым и двумя рабочими, оказавшимися мелкими работниками красноярской чека.

Когда поезд прибыл в Москву, и мы стали прощаться, Аникеев сказал:

— Если не хотите ехать со мной воевать с поляками, приезжайте ко мне стрелять бекасов следующей осенью!

Рабочие тепло поблагодарили меня за чтение, и один из них предложил:

— Мы бы тоже хотели кое-что для вас сделать. Поедемте с нами на Лубянку. Мы устроим вас там на ночлег. Это будет удобно, пока вы найдёте комнату в городе.

И снова мне пришлось разочаровать их и отклонить заманчивое предложение провести ночь в здании штаб-квартиры зловещей чека хотя бы и гостем. Поблагодарив моих новых друзей за гостеприимство, я сказал, что у меня есть знакомые в Москве, и проблем с ночлегом не возникнет.

Мы по русскому обычаю обменялись по кругу рукопожатиями. Я попрощался с Соней и попросил её написать мне до востребования на московский Главпочтамт, если ей станет что-то известно о Марусе. Затем мы разошлись, и я больше никогда не встречал никого из них снова.

Я шагал по узким московским улочкам, а в моих ушах всё ещё звучал рефреном «Интернационал», странным образом смешиваясь со словами бывшего капитана из Морского полка, дезертировавшего в Красноярск, и встреченного мной после освобождения из лагеря: «Я теперь преподаю в партийной школе. Мои ученики — простые, неграмотные ребята — крестьяне, воевавшие в партизанах, или рабочие, бросившие станки, чтобы пойти в Красную армию. Но есть одна вещь, которую они знают точно: царство социализма наступило и останется здесь навсегда!»

ГЛАВА 25.

Родной порт

Стояло прекрасное летнее утро. На широкой, спокойной, синевато-стальной Неве не было ни судёнышка. На фоне безоблачного ярко-голубого неба мягким сиянием мерцал огромный купол Исаакиевского собора. Передо мной лежал Петербург, почти такой же, как во времена своей имперской славы. Или так мне показалось, пока я шёл от Дворцового моста на Галерную улицу мимо величественного жёлто-белого здания Адмиралтейства.

Это был мой первый приезд в Петербург после роковых дней 1917 года. Прошло меньше двух лет, но какими долгими они были, если мерить событиями, а не часами на шпиле Адмиралтейства! Волны гигантских толп с красными флагами, плакатами и транспарантами. Треск пулемётов в ноябре при штурме Зимнего дворца. Мощное уханье орудий «Авроры», салютующих похоронам русской свободы. Бегство Керенского из Петрограда. Неудачная попытка Белой армии Юденича отбить у Ленина столицу империи. Ежедневная тоскливая рутинка из голода, страха, красного террора и смерти. Но это по-прежнему был тот же великий город, что я любил. Набережная была пуста, по реке не ходили пароходы, но старые величественные здания стояли на своих местах. Медный всадник — этот русский Гран Кавалло²³⁶ — всё так же

²³⁶ Знаменитая незавершённая скульптура коня Леонардо да Винчи, существовавшая лишь в глиняной копии.

сидел верхом на своей неистойой лошади. Здание гимназии, где прошло всё моё детство, сверкнуло мне отражением солнца из старых окон.

Я приехал утром московским поездом и всё ещё находился под впечатлением от волнующей встречи с родителями в их маленькой квартирке в отдалённой части города, где они жили с начала революции. Ещё восемь месяцев назад они отслужили по мне панихиду в церкви, так как власти сообщили им о моей гибели при отступлении Морского полка на реке Чуна в Центральной Сибири. Увидев меня в дверях, мать упала в обморок. Я не был её любимым сыном, но всё же сын есть сын, даже если он скитается вдали от родного очага. Она выглядела худой и осунувшейся. Эти два года легли на неё тяжким бременем. Было приятно снова оказаться дома, в месте, которое можно назвать своим, в родном безопасном углу. Утро прошло в ответах на бесконечные вопросы: чем я занимался, сколько раз меня ранили, тяжело ли было в тюрьме, как мне удалось вырваться живым из лап беспощадной чека, и так далее.

После обеда я отправился вставать на учёт в городскую комендантуру. Без их отметки домовый комитет не позволил бы мне остаться у родителей даже на день. Шагая по чистой гранитной набережной реки, я осознал, насколько сам был грязен и потрёпан. Мои широкие неглаженные матросские брюки свисали лохмотьями на нечищенные, перемотанные верёвкой латанные ботинки. А лоснящийся, изношенный чёрный бушлат с протёртыми локтями и старая бескозырка без ленточки довершали и без того непрезентабельный вид. Волосы я не стриг уже много месяцев и был похож на чучело. Мотаясь по теплушкам неспешных сибирских эшелонов и грязным, полуразрушенным городам востока России, я не выделялся из общей картины и был лишь ещё одним оборванцем из тысяч вокруг. Но здесь, на Адмиралтейской набережной, всё было по-другому. Статные белые колонны захаровского²³⁷ шедевра, суровая, одетая в гранит река и купол величественного собора Монферрана²³⁸ резко контрастировали с моими обносками. Я остро почувствовал всю глубину своей деградации, всю

²³⁷ Захаров Андреян Дмитриевич (1761—1811) — русский архитектор, создатель комплекса зданий Адмиралтейства в Санкт-Петербурге.

²³⁸ Исаакиевский собор архитектора Огюста Монферрана.

438 грязь и смрад двух лет Гражданской войны. Даже документы, и те были у меня поддельными.

Чувство юмора пришло мне на помощь, и я подумал о том, что сказал бы великий князь Кирилл Владимирович²³⁹ о морском офицере, шествующем мимо Адмиралтейства в таком, довольно безвкусном с точки зрения Гвардейского Экипажа, импровизированном наряде! «Вычеркнуть этого бродягу из списков Экипажа! Ни один джентльмен не рискнёт даже на спор появиться среди бела дня в таких лохмотьях!»

Моё самокопание было неожиданно прервано, когда я едва не налетел на хорошо одетую молодую женщину, восторженно воскликнувшую:

— Димитрий, вы ли это? Вчера я слышала, что вы объявились в Москве, но не ожидала встретить вас здесь, на Адмиралтейской. Куда вы идёте, так задумавшись?

Это была Динь-Динь, жена одного из моих самых близких друзей, весёлая, кокетливая, неугомонная, с художественными амбициями, выразившимися в бесконечных посредственных картинках, и довольно очаровательная. Я, подавляя неловкость от своего вида, тепло пожал её руку и сказал, что иду вставать на учёт в комендатуру.

— Будьте осторожны, Димитрий! Я слышала, что там полно матросов. Среди них могут оказаться ваши знакомые!

Я заверил её, что всегда осторожен, особенно при общении с советскими властями, а в комендатуру иду не по собственному желанию, а по необходимости.

— Когда закончите, приходите ко мне на чай, — сказала она. — Вы должны обязательно рассказать мне о своей одиссее. Умираю от нетерпения услышать её.

И, весело взмахнув подолом голубой саржевой юбки, она ушла, лёгкая, ветреная, и, как всегда, дружелюбная. Динь-Динь хорошо вписывалась в атмосферу набережной. Она не была ни потрёпанной, ни даже элегантно-потрёпанной. Одета хорошо и изящно, она выглядела почти так же, как в 1917 году, когда мы виделись в маленьком саду возле её дома в Гельсингфорсе. Годы не изменили её, и она смогла уберечь себя от вихрей революции.

²³⁹ Великий князь Кирилл Владимирович (1876—1938) — двоюродный брат Николая II, с 1915 года — командир Морского Гвардейского экипажа.

Комендатура располагалась в бывших казармах Гвардейского Экипажа. Поднимаясь по знакомой, ведущей в столовую лестнице, я всё острее и острее чувствовал произошедшие перемены. Исчез швейцар в расшитой ливрее. На каменных ступенях больше не было ковра. А огромное зеркало в лестничном пролёте оказалось разбито. Идеально чистые прежде помещения были теперь загажены всем, чем только можно. Невзрачная очередь людей в истрёпанных обносках морской формы терпеливо ждала своей очереди подать документы. Регистрация проводилась в кабинете, который прежде занимал помощник командира Экипажа, а очередь ожидающих начиналась в бывшей комнате адъютанта. Быстро окинув взглядом присутствующих, я убедился, что среди них не было знакомых мне бывших морских офицеров. Это уменьшало риск быть узнанным и втянутым в неудобный разговор. И только я успел облегчённо вздохнуть, как был ошарашен зычным: «Здравия желаю, Ваше благородие!»

Грузный человек в голубой матросской рубаше, застёгнутой у горла крупной серебряной булавкой, протянул мне свою бычью руку. Я узнал бывшего загребного моего четырнадцати-вёсельного катера на «России», водолаза Матвееенко. Момент был довольно неловким. Я пожал его руку, стараясь выглядеть как можно более непринуждённым и утешаясь мыслью, что раз он стоит впереди меня в очереди, то не сможет увидеть моих документов и выразить удивление стоящей в них чужой фамилией.

Мой старый сослуживец был явно рад встрече. Он тут же, по крестьянской привычке, стал вспоминать «старые добрые времена» и наши плавания на «России» по Вест-Индии и Средиземному морю.

— А где сейчас барон Георгий? Какой благородный был человек! А что стало с бароном Владиславом? Этот был силен, никто на «России» не ходил так ловко по сходням!

Советская комендатура была не лучшим местом для ответов на подобные вопросы. Георгий с 1917 года находился в эмиграции. А Владислав совершил невероятный побег на баркасе своего корабля во время ревущего зимнего шторма и воевал против Советов в составе морских сил Эстонии, примкнув затем к Юденичу. Избегая прямых ответов на неудобные вопросы, я деликатно ответил Матвееенко, что

440 сыт по горло флотом, с 1917 года работал на транспорте и навсегда оставил морскую службу.

— Тут вы правы, Ваше благородие. От прежнего флота мало что осталось. На кораблях грязно, как в хлеву. Эти сопляки, строящие из себя офицеров на Красном флоте, ни на что не годятся.

К моему ужасу, наш разговор стал привлекать всеобщее внимание. Упрямо называя меня «ваше благородие», Матвеенко вызвал определённое волнение среди присутствующих, поскольку подобные формы обращения вышли из употребления с приходом к власти большевиков. Но огромные кулаки старого моряка служили весомым аргументом против каких-либо открытых возражений на такие старомодные приветствия. И хотя многие бросали на него косые, насмешливые взгляды, никто не решился открыто обвинить Матвеенко в пережитках старого режима и назвать, как было принято тогда, «царским лакеем».

Очередь понемногу двигалась, и, когда пришёл черед Матвеенко, он попрощался со мной по обычаю старого флота:

— Счастливо оставаться, Ваше благородие!

И, подумав, добавил:

— Было приятно повидаться и вспомнить старые времена. Я вчера уволился с флота и собираюсь осесть на берегу. Удачи вам, Ваше благородие.

Пока он подавал свои бумаги на регистрацию, я смог наконец взглянуть чиновника, что сидел за столом. Это был ещё довольно молодой, опрятный и хорошо выглядящий человек, одетый в голубую матросскую форменную рубашку с приколотой на ней большой эмалированной красной звездой. Его бескозырку украшала георгиевская лента,²⁴⁰ и, судя по красной звезде, он был членом партии. Его лицо не показалось мне знакомым, и я не думал, что мы когда-либо встречались раньше. Наверное, какой-нибудь матрос с «Варяга» или «Олега», которых я совсем не знал, подумалось мне в тот момент. Но в этот раз моя обычно безупречная память на лица подвела меня. Когда я подал свои бумаги, комиссар бросил на меня долгий испытующий взгляд,

²⁴⁰ Вместо чёрных лент матросы Гвардейского Экипажа носили на бескозырках георгиевские.

затем поднялся, щёлкнул каблуками, как на параде, и поприветствовал, как в старые времена:

— Здравия желаю, Димитрий Николаевич.

А затем добавил уже менее формально:

— Я был вашим учеником в школе строевых унтер-офицеров на «России» в 1912 году. Моя фамилия Егоров.

На это мне уже ничего не оставалось, как пожать комиссару руку и выразить удовольствие от встречи со старым сослуживцем и учеником после стольких лет. А моя голова тем временем заработала, как турбинный двигатель, пытаясь найти выход из этого нового затруднения. Я никак не мог вспомнить, в каких отношениях был с Егоровым — выносил ли я ему взыскания и мог ли считать другом или врагом. Но память была абсолютно пуста. По спине у меня пробежал холодок, а ноги стали ватными. Но колебаться было нельзя. Я уже не мог развернуться и уйти от стола, не предъявив никаких документов. Напиравшая сзади толпа делала невозможным какие-либо объяснения с Егоровым.

Поэтому я просто протянул ему бумаги.

Между этим моментом и тем, когда он вернул мне их обратно, я пережил смерть не меньше тысячи раз. Это было похуже штыковой атаки.

Егоров взглянул на мои документы и, улыбнувшись тонкой, холодной улыбкой, поставил на них печать комендатуры. Затем переписал данные в книгу, расписался и вернул мне обратно. Всё это он проделал, не проронив ни слова и ничем не выразив своего удивления относительно не единожды повторявшегося в бумагах имени, с таким видом, будто делал совершенно обычную и рутинную операцию.

Протянув мне документы, он снова поднялся и встал по стойке смирно.

— Всего хорошего, Даниил Федорович, — обратился он ко мне по имени, которое внёс в книгу. Мы пожали друг другу руки и расстались без лишних слов.

Ничего не чувствуя, словно в трансе, я отошёл от стола комиссара. Ноги сами несли меня, куда нужно. Пройдя с огромной скоростью через всю гамму эмоций от удивления до смертельного страха, от которого

442 становится плохо физически, и внезапного облегчения, я почувствовал невероятную слабость и головокружение.

Но прежде, чем позволить покинуть казармы Гвардейского Экипажа, судьба приготовила мне ещё одну встречу. Когда я шёл через переднюю обеденного зала, какой-то рыжебородый гигант в гвардейской шинели схватил меня за руку и стал с восторгом трясти её. Это оказался ещё один бывший ученик унтер-офицерской школы, весёлый и добродушный эстонец Энгельман. Мы были хорошими друзьями во времена службы в Императорском флоте, и мне было приятно снова увидеть его простое, честное лицо в густых огненно-рыжих бакенбардах.

Энгельман рассказал мне о своих мытарствах с начала революции. Он сидел в тюрьме, пока шла война с Эстонией, и вышел всего несколько недель назад.

— Я собираюсь домой, на свой хутор в Эстонии, Ваше благородие. Россия сейчас не лучшее место для жизни.

Я спросил его о ране, полученной им в бою с немцами в Польше в 1916 году.

— Рана? Пустяки, Ваше благородие. Я давно забыл о ней. Меня больше беспокоит чека. Я смогу почувствовать себя человеком, только когда окажусь по ту сторону границы.

В этом я полностью разделял его чувства и мог только пожелать ему счастливой дороги домой, после чего мы расстались.

Примерно через полчаса я уже сидел в крохотной гостиной Динь-Динь с чашкой чая и несколькими кусочками чёрного хлеба.

— Вам повезло, Димитрий, что матросы так к вам относятся. Представьте П. или В. на вашем месте. Да их бы разорвали на части.

Я попытался убедить её, что сейчас матросы старого флота уже не имеют такой злости и больше не жаждут крови офицеров; что крестьянский элемент среди них крайне недоволен советскими попытками развязать классовую войну в деревне. Вероятно, это и было причиной такого их энтузиазма относительно «старых добрых времён».

Но Динь-Динь оставалась непреклонной.

— Вы там странствовали по свету, а мы всё время были здесь. Мы лучше знаем. Они страшные люди, эти ваши матросы.

В хмуром полусумраке северного лета я шёл домой, на квартиру родителей, по широким проспектам Васильевского острова. Пройдя мимо длинных бесформенных зданий Кадетского корпуса и лютеранской церкви, я дошёл до заброшенного Тучкова моста. И когда возле кустов городского питомника на низком противоположном берегу показались жёлтые стены дворца Бирона, я снова ощутил прежнюю магию и очарование великого города, построенного царём Петром. Царём, который сделал возможным появление большевизма, оторвав образованный класс России от его народных корней. Я забыл, кто я есть, забыл годы Гражданской войны, стычки с партизанами в Сибири, продуваемые ледяными ветрами равнины Азиатской России и бескрайнюю ангарскую тайгу.

И пошёл дальше лёгкой походкой, не думая о рваных ботинках и изодранном бушлате, уже не как беглец от советской власти, а просто как моряк, вернувшийся в родной порт.

ГЛАВА 26.

Метель в Москве

Зимой 1920—1921 года я жил в маленькой жёлтой пристройке, уютно спрятавшейся во дворе роскошного городского особняка одного родовитого и когда-то удачливого аристократа. Её длинные и тусклые невымытые окна выходили на одну из узких извилистых арбатских улочек. Гордостью нашего скромного жилища была застеклённая веранда с окнами в засаженный липами двор.

Летом все обитатели пристройки пили чай на этой веранде или в углу двора, под сенью раскидистых акаций. Зимой же местом посиделок служила кухня.

Петруся, старая повариха прежних хозяев, за небольшую плату готовила для всех еду. Однако женское население дома продолжало крутиться возле плиты, путаясь у неё под ногами и прося сделать их персональный обед побыстрее.

Должность председателя домового комитета и одновременно управдома занимал бывший буфетчик Павлиныч, горбун и карлик. В свободное время он подрабатывал на жизнь починкой обуви. Он жил в небольшой клетушке рядом с кухней и помогал Петрусе по хозяйству. В его обязанности входило заготавливать и рубить дрова, а также следить за большим коммунальным самоваром. В качестве председателя домкома Павлиныч контактировал с милицией, как стала называться при Советах городская полиция. Он носил на регистрацию в местное

отделение наши трудовые книжки и считал себя облечённым некоторой властью над жильцами пристройки, чем немало гордился.

Дом был населён очень плотно. В каждой комнате жило по семье. Только комиссар Шварцберг занимал сразу две, да многочисленное семейство Хребтовых имело большее помещение.

Московская чека внимательно присматривала за домом. Почти все его обитатели были «бывшими людьми» и на этом основании подозревались в контрреволюционных настроениях, тяге к спекуляции и уклонении от своего гражданского долга, граничащем с саботажем. Единственным исключением в этом стаде паршивых овец был Шварцберг, член партии и комиссар Казанской железной дороги. По крайней мере, нам он казался восходящей звездой на советском небосклоне. Но даже Шварцберг был не без греха в глазах советской власти. Он имел жену происхождением из старого аристократического рода, выпускницу Смольного института благородных девиц. Ходили даже слухи, что её отец был генералом в царской армии.

Аресты были обычным делом среди обитателей пристройки. Мы все к ним привыкли, и они стали почти что рутиной. Жёны арестованных носили продуктовые передачи в тюрьму и терпеливо сидели в очередях на приём к различным советским большим шишкам, которые, как считалось, могли повлиять на судьбу узника. В те дни жена политзаключённого ещё могла добиться такой аудиенции. Через месяц-другой арестованные соседи появлялись обратно и, как ни в чем ни бывало, возвращались к своим служебным обязанностям в различных учреждениях. Глядя на них, нельзя было поверить, что они только что вышли из тюрьмы.

О политике в доме не говорили, так как даже у стен есть уши. Одни мечтали о приходе освободителей, своих или иностранных. Другие подумывали об эмиграции, не предпринимая, однако, к этому никаких конкретных шагов. А тем временем, большинство из нас работало не покладая рук в советских учреждениях.

Зима 1920—1921 года выдалась очень снежной, и Москву невероятно замело. Наш переулок превратился в большой снежный сугроб с протоптанными здесь и там узкими тропинками.

Власти издавали распоряжения, предписывающие населению Москвы немедленно очистить улицы от снега. Ответственными назначались председатели домкомов, а общий контроль за исполнением приказов возлагался на специальный комитет из трёх человек под председательством товарища Савельева.

Население читало расклеенные на заборах декреты и не делало ничего. Слишком много их было на тех заборах! Если воспринимать их все серьёзно, в городе невозможно стало бы жить. Некоторые сознательные граждане прочищали деревянными лопатами случайные проходы. Но большинство советских служащих, возвращаясь по вечерам домой, даже не пытались заниматься расчисткой улиц. Для этого будет время в воскресенье, думали они. Снег не пожар, полежит себе спокойно на улицах до выходного. Хуже от этого не станет.

Но в этот раз пассивность москвичей оказалась для них роковой. Новый «снежный диктатор», товарищ Савельев, пришёл на московские улицы сразу из Красной армии. Суровый, полный энергии и инициативы человек, типичный профессиональный военный, хотя и был до революции галантерейщиком, он подошёл к своим обязанностям очень серьёзно. В отделения милиции были разосланы указания следить за выполнением работ, а председатели домкомов предупреждены об ответственности за неисполнение своих обязанностей. Савельев издал приказ об аресте и содержании под стражей всех уклоняющихся от уборки снега.

Милиция забегала, как тараканы на коммунальной кухне, а председатели домкомов напряглись и стали брать всех на заметку.

Товарищ Савельев решил лично проверить, как выполняется декрет о расчистке улиц.

Оголодавший рысак нёсся из последних сил, выбрасывая из-под копыт тяжёлые комья снега. Рыжебородый возница кричал, как в прежние времена: «Поди, поди!», и лёгкие сани быстро прыгали по сугробам.

Товарищ Савельев сидел прямой, как шпала, и прятал нос в астраханский воротник. Свежий морозный воздух, вероятно, вызвал в его памяти воспоминания о прошлых зимах на Каме и в Сибири, где он был вместе с Блюхером. Возможно, он вспоминал о той чёрной полосе неудач, когда попал в плен к белым и спасся, бежав из запертой избы.

Свернув в наш переулок, сани тут же влетели в глубокую колею, и Савельев вернулся с небес на землю.

— Чёртовы буржуи, даже не начали убирать снег! Ну, я им покажу, что значит революция и революционная дисциплина!

Может быть, он думал и не в точности так, но то, что произошло с нами следующим утром, подтвердило, что мысли его шли примерно в этом направлении.

— Даниил Николаевич²⁴¹! Откройте! К вам пришёл милиционер по срочному делу! — раздался писклявый голос карлика Павлыныча. Я брился и прежде, чем открыть, должен был смыть пену.

Прямо у двери стоял милиционер: рыжие усы щёткой, бледные водянистые глаза, фуражка и кобура револьвера. Позади грузной фигуры стража советского порядка прятался карлик.

— Вы гражданин Уайт?

— Я.

— Вы отказывались участвовать в кампании по уборке снега?

— Я не отказывался, просто у меня нет времени. Я выполняю ответственную работу и целыми днями нахожусь в своём учреждении, а по вечерам должен присутствовать на заседаниях комитета. Надеюсь, что смогу заняться снегом в воскресенье.

— Пройдёмте со мной в отделение.

Дом стал похож на потревоженный улей. За исключением моего ближайшего соседа, военного техника, который накануне немного чистил снег, всему мужскому населению было приказано следовать в отделение милиции.

Прощания были не без юмора. Весёлая и беззаботная Динь-Динь щебетала вокруг своего мужа, пока тот прилаживал вещмешок:

— Пожалуйста, Сандик, не простудись там. И не промочи ноги. Я жестоко отомщу этому никчёмному коротышке. Будет знать, как доносить на нас в милицию. А я, дура, всегда была такой милой с ним. Даже читала ему из Блока о маленьком карлике. Подлец, вот он кто!

Морской офицер Сергей Хребтов, занимавший важный пост в Наркомате по морским делам, кипел от возмущения:

²⁴¹ В предыдущей главе автор указывал своё вымышленное имя как Даниил Фёдорович.

— Чёртова милиция! У меня в одиннадцать встреча с командующим по неотложным вопросам. А тут этот идиотский «снежный комитет» валяет дурака и создаёт проблемы. Сандик, позвони в наркомат и скажи, чтобы немедленно связались с этими «снежными диктаторами». Какой смысл во всем этом балагане? Научи дурака Богу молиться, он весь лоб себе расшибёт.

Похожий на денди, высокий и худой Далевский уже застёгивал свою сумку:

— Никогда не знаешь, что может случиться. Я всегда держу тюремный скарб наготове. Кто знает, сколько тебя продержат.

Он уже трижды сидел в тюрьме при советской власти и говорил со знанием опытного человека.

Милиционер попытался арестовать и комиссара Шварцберга, но из этого ничего не вышло.

— Я буду стрелять, — закричал Шварцберг, прыгнул с машину и исчез, оставив изумлённого милиционера стоять с открытым ртом.

Конвои арестованных были для Москвы привычным зрелищем, по крайней мере, в ту зиму. Поэтому никто не обратил ни малейшего внимания на нашу шедшую в сопровождении милиции группу.

Настроение было довольно весёлым, ведь нас вели всего лишь в отделение, а не в чека. И худшее, что могло случиться, это несколько дней ареста. Поскольку все мы были друзьями, нас это не пугало. Жёны в совершенстве знали свои обязанности — на дворе был уже не семнадцатый год, когда люди понятия не имели, что делать, если арестовывали их родных.

Было морозно, и снег хрустел под ногами. Дым из печных труб высокими струйками поднимался в бледное ясное небо. Где-то за Москвой-рекой колокольный звон созывал прихожан на заутреню.

Конвоиры были неплохие ребята: не подгоняли нас и не грубили.

Хребтов философствовал:

— Я согласен, что снег надо убирать с улиц. Тут нет сомнений. Но мне непонятно, почему я должен это делать? Сейчас не семнадцатый год. У них было полно времени, чтобы создать городские службы и хотя бы в столице организовать отдел по уборке улиц. Почему они требуют от частных лиц работать дворниками? Во-первых, я совершенно не

чувствую себя частным лицом, а во-вторых, у меня есть другая работа. Сидишь в наркомате целый день, а то и ночь, если уж на то пошло. Потом заседания комитета — надо прочесть и подготовить бумаги. Ну, допустим, я не прав и создать городскую службу по очистке улиц невозможно, всё равно вопрос должен решаться в рамках частной инициативы и коллективных усилий жителей каждой улицы. А вместо этого старый как мир метод: взять за шкирку и держать крепче!

Далевский уныло слушал эту длинную диатрибу, явно не одобряя лишнего пустословия.

— Уборка снега — забота управдомов. Иначе зачем они вообще нужны, если даже не могут расчистить улицы? Они думают, что если называют себя «красными управдомами», то могут ничего не делать.

Я пребывал в довольно весёлом расположении духа. Всё это напомнило мне о долгих маршах по сибирским дорогам в Гражданскую войну. Было приятно вот так, не спеша, прогуливаться, вместо того, чтобы сидеть в душной комнате наркомата. Однако моим благостным мыслям пришёл конец, когда мы вошли во двор большого кирпичного здания московской милиции.

— Так, граждане, подождите пока здесь, а я доложу начальнику. Это не займёт много времени. Скорее всего, он вас оштрафует, и пойдёте домой, — сказал старший из конвоиров.

Нас завели внутрь здания и посадили в камеру предварительного заключения. Все лавки вдоль стен были заняты, и нам пришлось сесть на каменный пол. Далевский устроился лучше всех, сидя на своей плотно набитой сумке.

Постепенно мы все нашли себе место и стали изучать сокамерников.

Публика здесь собралась самая разная. Большинство это были мелкие торговцы или, по советской терминологии - «спекулянты». Нескольких человек явно арестовали за то же, за что и нас. Мы поинтересовались у них, как обстоят дела и есть ли шанс скоро выбраться отсюда. То, что они рассказали нам, не внушало оптимизма.

— Этот «снежный диктатор» — настоящий зверь. Говорит: «Я покажу вам, как саботировать кампанию по расчистке улиц! При царе вы готовы были языками их вылизывать, а как пришла советская власть, решили, что всем можно ничего не делать!»

От этих новостей мы немного пали духом. Дело было плохо. Возможно, неделя или больше ареста.

Через полчаса в камеру влетел брат Хребтова, бывший полковник императорской лейб-гвардии, ныне красный комбриг и кавалер ордена Красного знамени. Весь в чёрной коже и с красной звездой на фуражке, он был похож на чекиста.

— Привет всем! Чего приуныли? Ну, я им покажу! Пойду сейчас прямо к этому «снежному диктатору», а если надо, и к кому повыше. А пока вот, жуйте бутерброды, мать для вас сделала. А я к «снежному королю».

Визит комбрига заметно приободрил нас. Это был хороший знак. И даже другие арестанты немного повеселели. Если кто-то может свободно войти и выйти отсюда, значит дело обстоит не так серьёзно. И мы дружно принялись за бутерброды.

Наш друг вернулся через несколько минут. Он выглядел вполне довольным собой.

— Ну, какие новости?

— Всё в порядке. Вас сейчас выпустят.

— А подробнее?

— Ну, я пошёл прямо к главному. Часовой сначала не пускал меня, сказал, что я должен записаться на приём. Я сказал: «К черту твою запись, болван!» — и пошёл прямо к двери. Там сидел какой-то рыжеватый длинноволосый тип в очках. Он удивился: «Что вам нужно, товарищ?» «Позвольте представиться — товарищ Хребтов, командир N-й стрелковой бригады», — сказал я и поправил орденский бант так, чтобы он видел, с кем имеет дело. Тот сразу стал приветливым: «Приятно познакомиться, товарищ; чем могу помочь?» Тогда я высказал ему всё, что думаю о нём и его кампании по уборке снега: «Вы тут, смотрю, совсем погрязли в бумагах и всякой ерунде. При этом не забываете друг другу выписывать карточки на кремлёвский спецпаёк, мануфактуру и прочее, пока мы проливаем кровь на защите социалистического отечества!» Затем рассказал ему о своих ранах и штурме чонгарского моста. Длинноволосый молчал и ошарашенно смотрел на меня. Тогда я сказал ему ещё кое-что: «Вас назначили убирать снег — вот и убирайте его! Вместо того, чтобы чистить улицы, как положено, вы взяли и арестовали».

ставали моего брата и ещё нескольких советских служащих в нашем доме. Вы что думаете, в стране нет другой работы, кроме этой вашей уборки снега? Сегодня утром назначено совещание у Троцкого, а вы задержали больше половины из тех, кто должен там присутствовать. Главком армии, командующий морскими силами Республики, Наркомат по морским делам — все стоят на ушах. Вы вставляете палки в колёса важнейшей части государственного механизма. Взгляните в окно, уже третья машина с матросами заезжает во двор. Весь флот ищет моего брата». Тот посмотрел в окно, увидел машину и слегка перепугался: «Товарищ комбриг, пожалуйста, не волнуйтесь. Мы не на передовой. Я сейчас же займусь этим вопросом и постараюсь отпустить вашего брата, если это возможно». И тут же зазвонил телефон: «Алло! Кто говорит? Здравствуйте, товарищ Склянский... да... да... их немедленно освободят... да, да, так точно...» И затем снова мне: «Какой у вас номер дома?» «Малый Козловский переулочек²⁴²... на выход с вещами».

Нас вывели в просторный холл и выстроили, как солдат. Почти тут же появился товарищ Савельев. Он свирепо оглядел нас из-под очков и пробурлил взглядом острых зелёных глаз.

— Вас, граждане, освободят. Я дам вам месяц ареста условно и выпишу штраф в пятьдесят тысяч рублей каждому. Впредь выполняйте декреты, или так легко это вам с рук больше не сойдёт.

Милиционер стал называть наши фамилии, после чего, пройдя мимо товарища Савельева, мы должны были оплатить штраф у секретаря.

Когда назвали моё имя, и я отозвался «Здесь!», товарищ Савельев застыл, как на параде, и напряжённым голосом произнёс:

- Мне кажется, товарищ Уайт, мы с вами встречались.
- Простите, товарищ Савельев, не припомню.
- Думаю, я видел вас в Омске в 1919 году.
- Вы, вероятно, путаете меня с кем-то. Уверю вас, мы никогда не встречались.

²⁴² Нестыковка в фактах повествования. Малый Козловский переулок находится в Басманном районе Москвы, а не на Арбате, где по утверждению автора, находилась их улица. Также в списках кавалеров ордена Красного знамени отсутствует комбриг Хребтов. Очевидно, фамилии и обстоятельства в данной главе сознательно изменены автором.

— Товарищ комиссар, вам звонят из Кремля, — доложил дежурный. Савельев посмотрел на меня ещё раз и поспешил в кабинет.

К тому времени весь список был оглашён, и мы направились к выходу. По пути нам попалось несколько загонов, как для скота на деревенских ярмарках, битком набитых хорошо одетыми людьми, вероятно, бывшими домовладельцами из Замоскворечья, ставшими теперь председателями домкомов. Это были купцы старой школы, с густыми бакенбардами на щеках. Они крайне завидовали нашей удаче.

— Вы посмотрите, как быстро их выпустили! А мы тут уже вторую неделю, и неизвестно, когда это кончится. Прямо шутка какая-то, попасть в холодную из-за снега.

Выйдя во двор, мы увидели там группу моряков. Они радостно встретили наших друзей из Наркомата по морским делам.

— Садитесь, товарищ Хребтов! Залезайте, товарищи!

Они завели мотор, а толпа зевак глазела на талисман в виде красного чёртика на радиаторе.

— Это вместо эмблемы, — объяснил шофёр зрителям, которые всё равно ничего не поняли.

— Ох уж эти матросы, вечно со своими шуточками, — причитала одна старуха. — Ну разве это дело, прилепить красного чёрта на машину? Я вас спрашиваю, есть хоть на ком из вас крест, бесстыдники?

— Конечно, мать, есть у нас кресты, мы же православные! А чёрт — это так, для шутки. Пусть помёрзнет, проклятый.

Ворота распахнулись, и машина на большой скорости вылетела на улицу, неистово сигналила и разгоняла испуганных пешеходов. Через несколько минут мы были уже дома.

Карлик Павлиныч с покаянным видом открыл нам дверь. Он не ожидал увидеть нас так скоро.

— Ну, мы покажем тебе, чёртов доносчик! — пригрозили мы ему. — Узнаешь, как стучать в милицию. Мы тебе устроим красивую жизнь!

Поначалу карлик пытался держаться и даже бормотал что-то о том, что прежние времена кончились, но в конце концов, поджав хвост, бежал в свою каморку. Позже он получил своё и от комиссара Шварцберга.

Хребтов пригласил всех на чай, и мы расселись вокруг их большого семейного стола. По такому случаю жена генерала достала вишнёвое

варенье, а дочка Маша стала жарить на примусе колбасу с луком. Вскоре комната наполнилась ароматами приправ и готовившейся еды.

Генерал, отец Хребтова, открыл бутылку самогона, чтобы отпраздновать наше освобождение.

Я поднял тост в честь наших гостеприимных хозяев, а комбриг в это время уже в третий раз пересказывал свой разговор с комиссаром, плавно перейдя затем на битву за Августовский лес в Мировую войну.

— Да, друзья мои, в нашем гвардейском полку был специальный сорт смирновской водки. Выпив одну рюмку, от второй было уже не отказаться. Пили её из специальных серебряных чарок, на которых старославянской вязью было выгравировано: «Пей, но дело разумей» и прочие такие поговорки.

Насчёт водки старый генерал не согласился:

— Ну нет, на Кавказе, в прежнем Самурском полку²⁴³ мы больше предпочитали настойку на листьях чёрной смородины или просто водку с бальзамом.

Его прервал стук в дверь.

— Войдите!

В комнату вошёл наш сосед комиссар.

— Рад видеть вас дома, гражданин. А я хотел по-соседски позвонить в милицию насчёт вас.

Комиссару налили водки, и разговор перешёл на другую тему.

Комбриг, чувствуя себя полноправным гражданином Советской Республики, поднял тост за Шварцберга и завёл разговор о Сибири и службе комиссара в дивизии Ларина. Генерал молчал и лишь время от времени одобрительно кряхтел, когда речь заходила об авангардных боях, фланговых манёврах или рейдах.

А я думал о товарище Савельеве. Пора было готовиться к побегу за границу. Не сегодня, так завтра кто-нибудь узнает во мне бывшего начальника Иностранного отделения Морского министерства Колчака.

В дверь снова постучали. Карлик пришёл мириться.

²⁴³ 83-й пехотный Самурский полк, сформированный в 1845 году. В 1918 году был воссоздан в Добровольческой армии.

454 — Господа, то есть граждане, не сердчайте на меня. Не виноват я в том, что вас арестовали. Меня вечно делают виноватым, а ведь за всем не уследишь. А что касается снега, так я его сам буду на буднях чистить. И в знак прощения он получил полный стакан водки.

ГЛАВА 27.

Отдать швартовы, 1921

Холодным утром ранней осенью 1921 года я шёл вдоль серо-стальных вод Невы по набережной Васильевского острова к старому Николаевскому мосту, перекинутому через реку во времена императора, имя которого он носил, и украшенному решётками с чугунными морскими коньками.

Это должен был быть мой последний день в Петербурге — уже Петрограде, но ещё не Ленинграде — и, возможно, мой последний день в России.

Мальчишкой я любил часами гулять по этой набережной, вдыхая пряный запах кокосов, привезённых каким-нибудь британским судном, сильный солёный дух селёдки, выгружаемой со ржавой норвежской посуды, или неизвестный экзотический аромат, исходящий из трюма пришедшего с Дальнего Востока немецкого парохода. Эта набережная воплощала для меня полную приключений жизнь моряка, маня другими, далёкими и солнечными странами.

Теперь река была пуста. Лишь одно потрёпанное штормами старое корыто выгружало какой-то непонятный и неинтересный груз.

Старые стапеля Адмиралтейства, так завораживавшие меня в детстве, стояли пустыми. Возле их кирпичных стен приютилась маленькая изящная церковь Спаса на Водах, и мне вспомнился тот роковой день,

456 когда русские корабли вышли из Невы навстречу гибели в Цусимском сражении с флотом Микадо²⁴⁴.

Стояло самое подходящее утро для прощания с любимым городом. Солнце и весёлый ветер были бы совсем некстати.

Путь до Финляндского вокзала лежал неблизкий. Сначала надо было пройти по так знакомой мне 1-й линии Васильевского острова, мимо учреждённого императрицей Анной Кадетского корпуса, затем по Большому проспекту и наконец — через лабиринт узких проездов и улочек, ведущих к вокзалу. У меня было достаточно времени подумать о будущем, если допустить, что у меня вообще будет будущее, и удастся избежать встречи с чека при переходе границы.

Несколько дней назад мне удалось выйти на группу контрабандистов, занимавшихся переброской людей через границу с Финляндией. В те дни появилось множество таких сообществ, ввиду огромного числа желающих нелегально перебраться за границу, поскольку легальные пути были закрыты. Существовало несколько тайных маршрутов через разные русские границы, и ситуация очень походила на ту, что была в Америке перед войной Севера и Юга.

Связавшись с одной из таких групп, я договорился с ними о дате и поезде, на котором должен был покинуть Петроград, а также заплатил вперёд довольно приличную сумму в финских марках. Мне сообщили пароль и приметы проводника, который будет ждать меня на одной из маленьких станций финляндского направления. В целях безопасности, и чтобы не подвести никого из своих знакомых, я держал все планы в секрете и ни с кем не прощался. Я знаю, что некоторые мои друзья были потом очень злы на меня за это и приняли такую секретность за недоверие к ним. Но это было не так, я полностью им доверял и просто хотел, чтобы в случае ареста они могли честно сказать следователю чека, что ничего не знали о моих планах. У меня перед глазами был печальный пример генерала Шрайберса, болтливость которого обернулась арестом около девяти десятков человек после его побега в Финляндию.

Придя на вокзал за час до отправления поезда, я думал, что у меня будет достаточно времени купить билет и занять место. Но был горь-

²⁴⁴ Устаревший титул для обозначения императора Японии.

ко разочарован, увидев бесконечную очередь крестьян и молочниц с пустыми вёдрами, возвращавшихся с петроградских рынков. Очередь двигалась так медленно, а кассир делал всё так долго, что скоро я понял, что не успею подойти к окошку до отправления поезда. А на платформу пускали только по предъявлении билета.

Таким образом, первое препятствие случилось там, где его совсем не ожидалось. Контрабандисты очень чётко настаивали на том, что я должен прибыть именно этим поездом, иначе весь план побега будет нарушен, и мне придётся возвращаться обратно, чтобы, как минимум, ещё неделю ждать новой встречи с проводником.

Я был в отчаянии от того, что мои планы могут пойти прахом из-за какого-то кассира, как вдруг вспомнил, что в кармане у меня всё ещё лежат документы работника правительственного учреждения, связанного с транспортом. Я решил попытаться добыть билет у вокзального начальства. Разыскав местного комиссара, я объяснил ему, что по оплошности забыл записаться в Москве проездными документами от Петрограда до Х., где собирался навестить родственников. И добавил, что он, конечно, не откажется выдать билет находящемуся в отпуске коллеге-транспортнику, занимающему ответственную должность в столице.

К моему огромному облегчению, московский документ произвёл волшебное действие, и комиссар тут же выписал мне билет туда-обратно. Таким образом, по иронии судьбы свою последнюю поездку на поезде в Советской России я совершил за счёт государства.

Короткий пригородный состав был набит до отказа. Пассажиры не только заняли все сидячие места, но и стояли в проходах и тамбурах. Толпа была плотной и не слишком хорошо пахла. Однако я обрадовался такому большому скоплению народа, поскольку это по необходимости сделало бы контроль более поверхностным и без лишних вопросов.

Поезд тронулся и пополз через лабиринт вокзальных путей, ускоряясь по мере выхода на открытое пространство. Я стал изучать своих соседей, большинство из которых были хотя бы шапочно, но знакомы друг с другом. И как только поезд покинул вокзал, они начали оживлённо общаться на финском и русском. В моей части вагона (бывшем третьем классе, сейчас называемом «жестким») ехали почти одни только финские крестьяне. На скамейке сидели двое железнодорожных

458 рабочих и обсуждали новые пайковые нормы, а также возможность достать в бюро реквизиций новые галоши. Один из них увидел, как я показывал кондуктору свой проездной документ, и спросил: «Товарищ, вы тоже железнодорожник?»

Не желая быть втянутым в разговор, на случай если они вдруг выйдут на той же станции, я ответил коротко: «Нет».

Прошли чекисты, торопливо проверяя документы и не задавая вопросов. Для них это была скучная рутина, которую они делали полумеханически, не ожидая встретить ничего интересного. Однако, когда они ушли, я испытал большое облегчение, так как по слухам, некоторые из этих патрулей бывали очень вьедливыми.

Время тянулось медленно. Устав от бесконечного повторения про себя описания и особых примет человека, который должен был меня встретить, я начал считать стук вагонных колёс.

«Не торопясь, следуйте за ним пару сотен метров от станции, пока не выйдете в поля. Когда будет безопасно, он остановится и подождёт вас. Тогда подойдите и назовите пароль. Дальше он скажет, что делать».

Сойдя с поезда вместе с толпой крестьян и молочниц, я заметил нескольких чекистов. Несмотря на большое количество народа вокруг, мне казалось, что их взгляды были направлены только на меня, пока я вместе с остальными поднимался вверх по холму от станции.

Почти сразу же я заметил проводника и сильно приободрился. Теперь, по крайней мере, я был уверен, что не пропустил отправную станцию нашей русской «подземной железной дороги»²⁴⁵.

Поднимаясь вверх по холму с толпой гремевших пустыми вёдрами молочниц, я думал о том, что будет в Москве, когда мои политические комиссары и вышестоящие начальники поймут, что я отдал швартовы.

Я полагал, что пройдёт довольно много времени, прежде чем мои коллеги и их политические руководители догадаются обо всём. Своё отсутствие на службе я оформил больничным на два месяца по за-

²⁴⁵ Имеется в виду знаменитая американская The Underground Railroad (Подземная железная дорога) — нелегальная система переброски рабов из южных штатов на Север и в Канаду, действовавшая до начала Гражданской войны в США. Эти маршруты не были связаны с железной дорогой, и название носило символический характер, ввиду использования контрабандистами «железнодорожной» терминологии — кондукторы (проводники групп), станции (места отдыха в пути), и т.д. Этот термин автор использует и в отношении переброски людей через советскую границу.

ключению консилиума врачей, диагностировавших у меня признаки паранойи и прописавших отдых со сменой обстановки. Кроме того, я начал переговоры о переводе в другое ведомство, так чтобы в хаосе советской системы управления одно учреждение ещё долго думало, что я работаю в другом, и не поднимало тревогу. Ну и, в конце концов, кто стал бы беспокоиться об исчезновении параноика? Я похвалил себя за большие успехи в изучении симптомов этой болезни и общих сведений о психиатрии, которым занялся за несколько недель до того, как предстать перед консилиумом. Врачи без тени сомнения признали меня психически нездоровым. Я посчитал это отличным прикрытием для своего исчезновения.

За пару недель до отъезда в Петроград я переехал на другую квартиру. С этой стороны мне тоже ничего не угрожало, так как домком знал, что я уехал в отпуск. И в случае успеха моего плана другие обитатели пристройки были бы с большой вероятностью избавлены от распросов чека. Никто из коллег по работе не знал о готовившемся побеге, за исключением моего друга Корицына-Жуковского, молодого поляка, который одновременно со мной бежал через польскую границу²⁴⁶. Всё, что им было известно, это что я взял больничный на два месяца

²⁴⁶ Из воспоминаний Б. Н. Корицына-Жуковского: «Я попал в плен к красным под Красноярском (в 1919 г.). В Красноярск несколько позже были перевезены офицеры Морского полка. Старший лейтенант Д. Федотов был одним из них. Узнав об этом, я постарался получить пропуск в тюрьму, где они были заключены, чтобы повидаться с Федотовым и привезти им еду, которую мне удалось достать. В тюрьме я видел всех моряков, но Муринова (нашего выпуска) между ними не было.

Я в это время состоял в Красном Флоте, куда был включён автоматически весь Дивизион Бронекатеров, с которым я попал в плен. Всё это совпало с приездом из Москвы специальной Морской Комиссии, во главе которой стоял старший лейтенант, имени которого сейчас не помню. Я его уговорил написать письмо в чека и, ссылаясь на приказ из Москвы, требовать освобождения офицеров Морского полка вообще и Федотова в частности. Трюк удался, т.к. Федотова через два или три дня освободили. Он повидался со мной, и мы уговорились встретиться в Москве, куда я поехал тоже, благодаря Морской Комиссии вместе с ними. Приехав в Москву, я немедленно снёсся с Федотовым, и, благодаря его содействию был переведён в Главное управление морским транспортом, где и он уже работал. Мы жили в одной квартире. Вместе мы обработали побег, но наша первая попытка не удалась. Федотов выехал в Петербург, когда я получил известие, что переход границы устроен. Я немедленно поехал в Петербург, чтобы сообщить Федотову, но он уже устроил там побег через Финляндию, а я в Польшу, в одно и то же время...» (Морского училища выпуск 1920 г. Бюллетень 1968 года. С. 33—34).

460 и собирался перевестись в другое ведомство, так что никто из них и не ждал моего возвращения на работу в их учреждение. Это выводило моих коллег и непосредственных начальников из-под подозрения в соучастии и избавляло от риска быть арестованными чека.

По пути из Москвы к границе я старался не оставлять следов. В Петрограде я несколько дней находил себе такое жилье, чтобы не регистрироваться в домкоме, и ночевал не у друзей, а в совершенно случайных местах, где чека никогда не стала бы меня искать.

Все эти расчёты хорошо работали до тех пор, пока Корицын, оказавшись в безопасности в Польше, не решил посмеяться и отправить издевательскую открытку главному комиссару учреждения, в котором мы оба работали. Тот, естественно, стал разбираться, и мой побег из России тоже вскрылся. Однако принятые меры предосторожности помогли, и никто из знавших меня в Москве людей не пострадал.

Пока я думал обо всем этом, начало моросить, и я стал нервничать из-за того, что толпа шла так медленно. Ведь граница была так близко — всего в дюжине вёрст! Я готов был пробежать это расстояние бегом без остановки!

Дорога вошла в берёзовую рощу, и проводник остановился подождать меня. Я подошёл, сказал громко: «Добрый день!», и прошептал пароль. Он назвал ответ, который мне сообщили в Петрограде, и дальше мы пошли уже рядом. Это был карельский крестьянин, одетый, как у них принято, в заправленные в сапоги брюки и с маленькой крепко пахнущей трубкой во рту. По виду он никак не выделялся из толпы шедших впереди финнов.

Чтобы быть незаметнее для пограничников, проводник велел двигаться по обочине и быть готовым по его условному знаку броситься в кусты. Он назвал мне место, где мы должны были встретиться в случае, если нас разделит погоня. Он также сказал, что через границу мы пойдём не сегодня, а завтра. Это сильно расстроило меня, так как я рассчитывал быть в Финляндии уже к полуночи.

Вскоре мы свернули с главной дороги на петлявшую среди елей колею. Морось перешла в дождь, и я быстро промок до нитки.

Проводник то и дело посматривал на большие серебряные часы, которые он носил на толстой цепочке в кармане своего жилета. Подойдя к небольшому деревянному мосту через ручей, он внезапно

жестом показал мне спрятаться под настил. Через несколько минут мы услышали над головой стук копыт двух лошадей, и я понял, что это патруль пограничников делает объезд.

Какое-то время мы ещё посидели под мостом, пока не утих дождь, и затем продолжили путь.

Уже начало темнеть, когда вдали показалась деревня проводника.

— Сиди здесь, под этой ольхой. Отдохни пока, а я приведу людей, которые поведут тебя через границу.

До этого никто не говорил мне, что проводник останется здесь, а финальную часть пути на ту сторону я совершу с другими людьми. Но задавать вопросы и спорить было бессмысленно. Я залез под ветки и вытянулся на мокрой земле, подложив под голову вещмешок. Внезапно навалилась усталость. Долгий путь пешком сначала в Петрограде, а потом со станции здесь, вместе с напряжением, надеждами и волнением, полностью вымотали меня, и я тут же уснул.

Я, видимо, не утратил привычки просыпаться от малейшего шума, приобретённой в сибирском походе, и вскочил, услышав звук шагов. Ко мне приближалась группа людей. Снова шёл дождь, и я был весь мокрый, так как спал в луже.

Проводник окликнул меня полушёпотом, и, выйдя из своего укрытия в кустах, я увидел двух высоких и худых молодых финнов в городской одежде и с маузерами в руках.

Проводник сказал им что-то непонятное по-фински, и они пожали друг другу руки. Затем один из них достал большой автоматический браунинг и протянул его мне вместе с запасной обоймой.

Почувствовав в руке тяжесть пистолета, я вдруг внутренне преобразился. Ко мне вернулась уверенность в себе и в успехе предприятия. Оружие снова «сделало из меня человека», подарив веру в свои силы, утерянную за дни сидения в чека и тюрьме.

Один из финнов спросил, знаю ли я, как обращаться с браунингом. В ответ на это я громко рассмеялся, и в таком весёлом настроении был представлен ещё одному нашему попутчику, бывшему офицеру армии Юденича, которая не смогла в 1919 году захватить Петроград и была впоследствии распущена. Как я позже узнал, он работал курьером одной из европейских разведок. Это был невысокий коренастый мужчина

462 крепкого сложения, очень спокойный и выдержанный. Он вёл себя так, словно переход границы для него — обычная рутина, и про себя, вероятно, посмеивался над моим волнением.

Проводник покинул нас, и с пистолетами в руках мы гуськом тронулись в путь, держа дистанцию в десяток метров друг от друга. Мы быстро шли по узкой тропе, по-видимому, хорошо знакомой моим попутчикам, ибо, несмотря на темноту, они ни разу не замешкались на многочисленных поворотах и пересечениях с другими путями.

Часа через три наша группа вышла на небольшую поляну, где стоял грубо сколоченный сарай. Мы забрались внутрь, и мой попутчик-офицер, свободно говоривший по-фински, сказал, что здесь мы останемся до утра и продолжим путь, когда рассветёт.

Финны достали бутылку дешёвого бренди, буханку чёрного хлеба и немного колбасы. Чувствуя что продрог и проголодался, я выпил пару глотков и сделал себе большой бутерброд, после чего лёг спать.

Проснувшись затемно, пока попутчики ещё спали, я вышел наружу и сделал несколько упражнений, чтобы размять конечности и согреться. От мокрой одежды и обуви шло ощущение холодной и липкой сырости. Затем я сел на пенёк и погрузился в свои мысли.

Сидя в тишине утреннего леса, я вспоминал разговоры о будущем России, что вёл в Москве и Петрограде с людьми, которым мог доверять. Почти все они считали, что Новая экономическая политика — знаменитый ленинский НЭП — означала постепенный возврат к капитализму и скорую замену диктатуры большевиков коалиционным правительством с участием всех социалистических партий. Они передавали слова своих близких к Кремлю высокопоставленных знакомых и надеялись, что жизнь в России станет легче для интеллигенции и остатков имущих классов, сумевших приспособиться к новым обстоятельствам.

— Только дурак побежит сейчас за границу. Зачем голодать на чужбине, когда здесь, дома, появился шанс заняться интересной и нужной работой по возрождению страны. Худшее позади. Теперь весь этот военный коммунизм будет отброшен и забыт. Начнётся настоящее восстановление экономической жизни России, основанное на простом здравом смысле.

Это было единогласное мнение практически всех, с кем я общался. Некоторые шли даже дальше:

— Огромное количество концессий отдадут иностранным капиталистам. И такие люди, как ты, знающие несколько языков, имеющие опыт ведения дел в Америке и друзей за границей, будут востребованы на самые высокие позиции в любой иностранной компании. Всем этим фирмам будут нужны надёжные русские специалисты в качестве советников и управляющих. Для тебя это обещает блестящее будущее и массу возможностей уехать за границу позднее, если захочешь, но уже не нищим, а с приличной суммой в кармане.

Работая в своём учреждении, я также видел, что власти вполне определённо предпринимают шаги для преодоления невероятного хаоса, порождённого Гражданской войной и военным коммунизмом. И все разговоры с комиссарами убеждали меня в том, что большинство из них верило: НЭП — это надолго, возможно, на жизнь целого поколения.

В то же время, не имея почти никаких источников, кроме внимательного, беспристрастного изучения ленинских высказываний о НЭПе, я пришёл к выводу, что смена политики была всего лишь тактическим шагом с целью выиграть время — своего рода передышкой, которая позволила бы русскому крестьянству, главной дойной корове государства, нагулять жирок и накормить городское население, чтобы то забыло о голоде и унижениях первых лет большевистского правления. А разговоры со старыми большевиками-идеалистами (идеалистами, несмотря на своё материалистическое мировоззрение) также убедили меня в том, что НЭП долго не протянет — настолько враждебно они относились к этому новому курсу.

— Какая польза будущему социализму в России от того, что мы заменили настоящих капиталистов — спекулянтами с чёрного рынка, промышленников — подпольными цеховиками, купцов — мешочниками, а помещиков — кулаками? Эрзац-капитализм, возможно, даже хуже настоящего, так как гораздо больше разлагает массы.

Так если и не говорили, то думали.

Помимо вопроса об общем курсе советской политики, следовало учитывать и то, что моя личная ситуация отличалась от ситуаций тех, с кем я обсуждал эти проблемы. Большинство из них сражалось в Граж-

464 данскую войну на стороне красных или хотя бы работало в каких-то правительственных учреждениях. Возможно, на них и смотрели с подозрением, как на бывших классовых врагов, старых интеллигентов, офицеров и так далее, но заслуги в Гражданскую были их абсолютным активом, тем якорем, что позволял держаться в беспокойном море советской жизни.

Мой же случай был совершенно другим. Я не только воевал в рядах Белой армии и интервентов, но и занимал довольно важный пост при Колчаке в Сибири. Добавьте к этому ещё побег из России в 1918 году. По любому из этих оснований меня могли без лишних разговоров поставить к стенке, стоило только московской или петроградской чека повнимательнее посмотреть в свои досье и свести воедино все свидетельства против меня. И они бы это непременно сделали, как только разобрались бы с проблемой крестьянских восстаний, вызванных политикой военного коммунизма.

Я честно исполнял обязанности в своём учреждении и считался, видимо, «незаменимым работником». Меня любили коллеги, профсоюз, и я был на хорошем счету у комиссаров, как полезный винтик их ведомственного механизма. Я и сам знал, что делаю что-то нужное для восстановления одной из малых сторон экономической жизни России. Работа мне очень нравилась: это было то, чем я всегда хотел заниматься, и я был рад работать по одиннадцать-двенадцать часов в день. Я гордился тем, что мне удалось кое-что сделать для преодоления последствий хаоса Гражданской войны. Несколько раз комиссары намекали мне, что я могу претендовать на самые высокие должности в своём ведомстве, особенно если вступлю в партию.

Но тут возникала проблема. Я очень глубоко изучал марксизм и знал гораздо больше среднего коммуниста и, возможно, даже любого из наших комиссаров о главных трудах Маркса, Энгельса и Ленина. Но чем больше я изучал ленинизм, тем больше это мировоззрение казалось мне неприемлемым. Я видел, что слова о «внутрипартийной демократии» являются пустым звуком, а в реальности партия управляется узкой группой старых революционеров. Возможно, в тот момент я был и не прав, полагая, что внутри партии нет места для свободного выражения мнений и выработки стратегий, но в долгосрочной перспективе это

оказалось именно так. Спор Троцкого и Зофа²⁴⁷ относительно схемы организации различных транспортных систем страны чётко показал мне, что все, кто не входит в верховную группу избранных, являются для них лишь чернорабочими, несмотря на все свои заслуги во время Гражданской войны. В моем понимании стать членом партии — означало соглашаться со всем, что тебе скажут, и гордиться этим. Мне приходилось быть соглашателем и вне партии, но я хотя бы не обязан был изображать гордость.

Перспектива превратиться в образцового муравья и демонстрировать радость от этого совершенно меня не привлекала. Возможно, это чувство даже больше, чем реальная угроза жизни, подтолкнуло меня бросить любимую работу и попытаться сбежать за границу. Я знал достаточно о послевоенной ситуации на Западе, чтобы не строить себе розовых иллюзий. Я предполагал, что несколько лет в Америке мне придётся заниматься физической работой, прежде чем появится шанс начать какую-то карьеру в бизнесе или науке, которая бы позволила бы вести более-менее достойную и содержательную жизнь. И не было никаких гарантий того, что мне удастся вырваться из огромной массы бедствующих эмигрантов, наводнивших Новый Свет, и я не окончу свои дни нищим, забытым и одиноким в чужой стране. Но я считал, что возможность свободно мыслить и выражать своё мнение без страха быть арестованным чека, читать любые книги, вступать в любые политические объединения, или, говоря проще, быть хозяином самому себе стоила того, чтобы рискнуть.

Мне вспомнился недавний разговор с одним бывшим однокашником. В юности мы были унтер-офицерами в одной роте в Морском корпусе. Тогда он был убеждённым монархистом, рьяно деклариовавшим свою преданность трону и царской фамилии. Когда я встретил его в последний раз за несколько недель до отъезда из Москвы, мой друг служил у красных в пограничной охране. Мы проговорили довольно

²⁴⁷ Зоф Вячеслав Иванович (1889—1937) — советский военный и государственный деятель, член РСДРП с 1913 года. В июле 1917 года организовал бегство В. И. Ленина из Петрограда в Разлив, после чего выступал связным между ним и ЦК партии. С февраля 1920 года — комиссар Главного управления и начальник Главного политического управления водного транспорта. С ноября 1920 г. — помощник Командующего Морскими силами Республики по технической части. Расстрелян в 1937 г.

466 долго, рассказывая друг другу о своих приключениях и обмениваясь мнениями об условиях жизни в Советской России. И чем дольше он слушал меня, тем больше начинал злиться.

— А ты, Димитрий, всё такой же, как был в Морском корпусе. Ты и тогда был недоволен режимом и критиковал всех и вся. И теперь тебе снова не нравится правительство и его политика. Ты просто бунтарь по натуре и не способен примириться ни с одним политическим строем.

В ответ я указал ему на то, что моя позиция более последовательна, чем его, но он не желал слушать и ушёл в возмущении.

Может, я действительно бунтарь? Или все-таки есть резон в моём убеждении, что человек имеет право быть чем-то большим, чем слепым, бесправным орудием в руках государства?

Взошло солнце, и мои попутчики зашевелились. Мы наспех позавтракали хлебом с колбасой и запили водой из ручья.

Поначалу финны повели нас прямо через подлесок, следуя каким-то им одним известным приметам. Офицер объяснил мне, что линия охраны границы совсем рядом, и двигаться вдоль дорог или троп опасно, так как можно нарваться на патруль. Подлесок постепенно становился всё реже и наконец совсем исчез. Мы быстро шли через заросли вереска между редких сосен. Порядок движения изменился: теперь мы двигались друг за другом с интервалом около сотни метров. Мы пересекли колею от телеги, перепрыгнув её так, чтобы не оставить слишком явных следов. А затем внезапно наткнулись на группу женщин и детей, собиравших ягоды в небольшом болотце у подножия холма. При виде четырёх выскочивших на них вооружённых мужчин они испугались и стали кричать. Мы не обратили на них внимания и продолжили идти так быстро, как только могли. Вскоре мы снова нырнули в подлесок и исчезли из их вида.

Офицер прошептал мне:

— Те, кто живут в приграничных деревнях, хорошо знают, что не стоит сообщать пограничникам о нас. Они в курсе, что может случиться, если слишком много болтать о таких вещах.

Он также сообщил, что до реки Сестры, по которой проходила граница с Финляндией, не больше, чем полверсты.

Мы шли к реке по узкой тропе среди ольховых зарослей, как вдруг увидели прямо перед собой на дороге большую лису. Охота на приграничных территориях была запрещена, и звери здесь не боялись человека. Мы остановились, глядя на неё, и один из финнов поднял пистолет. Мне стоило большого труда убедить его не делать этого. Звук выстрела так близко от границы могли услышать патрули.

Мастер Рейнард²⁴⁸ тем временем ретировался в кусты, махнув нам из подлеска красно-бурым хвостом. Это было последнее живое существо, виденное мною в России.

Подходя к реке, я был в полной уверенности, что её берег сильно охраняется, и представлял себе заставы с пулемётами, колючую проволоку и перспективу перебираться на ту сторону вплавь, под огнём красноармейцев.

К моему огромному удивлению, на берегу не оказалось и следа пограничной стражи, и мы пересекли Сестру по поваленному бревну, даже не замочив ноги! Река просматривалась на полверсты вверх и вниз по течению, и нигде не было видно никаких признаков присутствия охраны. Никто не сделал по нам ни единого выстрела. И это было одной из самых неожиданных вещей в моей жизни. Я весь собрался для последнего броска через границу, приготовившись идти ва-банк, а в итоге мы, как дети, пробежали, балансируя, по скользкому бревну и теперь спокойно сидели под деревом на противоположной стороне!

Какое-то время я не мог поверить, что Советская Россия осталась за рекой. Мне хотелось ущипнуть себя и убедиться, что я не сплю.

Немного передохнув, мы отправились на глухую ферму, где нас встретили друзья провожатых. Там нас хорошо накормили и дали просушиться. Затем я попрощался с попутчиком и рассчитался с двумя финнами.

Через пару часов хозяин фермы отвёз меня в Терийоки. Там я подошёл к полицейскому на перекрёстке и спросил, где находится карантинный лагерь. Я знал, что всех, кто пересёк границу, на две недели помещают туда.

Полицейский удивлённо взглянул на меня.

— Вы откуда?

²⁴⁸ Персонаж сказки Джейн Филдинг «Мастер Рейнард. История одного лиса».

— Из Петрограда.

— И вы не встретили пограничников, когда шли через границу?

Я ответил отрицательно, и он отвёл меня в комендатуру лагеря.

Мои скитания закончились. Я был жив, здоров, без копейки в кармане и в лохмотьях и стоял теперь перед совершенно новой задачей — как выжить в чужом и не слишком дружелюбном западном мире.

Г. С. Серебренников и Г. Н. Таубе.
Памяти Дмитрия
*Николаевича Федотова-Уайта*¹

21 Ноября 1952 г. состоялась вторая годовщина со дня смерти Дмитрия Николаевича Федотова-Уайт. Своевременно, как американская, так и русская зарубежная печать посвятили его памяти некрологи и статьи, но в зарубежной морской печати кончина его до сих пор не была отмечена.

Обыкновенно, некрологи ограничиваются общим очерком жизни покойного, но жизнь и деятельность Дмитрия Николаевича была настолько исключительно интересная и многосторонняя, что в коротком очерке её описать нельзя. Со времени смерти Д. Н., многие его друзья, соплаватели и сослуживцы обращались ко мне, как редактору «Морских Записок» и близкому другу, выражая пожелания о помещении на страницах журнала воспоминаний, посвящённых его памяти. Несколько друзей Д. Н. даже собирались взять на себя составление подобной статьи, но условия жизни в эмиграции, недостаток времени и отсутствие литературных талантов послужили причиной к тому, что до сих пор, в этом направлении ничего сделано не было.

Как друзья Д. Н., с которым жизнь нас неоднократно связывала, Г. С. Серебренников и я, мы постараемся исправить этот пробел, дав

¹ Печатается с незначительной правкой по: Морские записки. 1953. Vol. XI. № 1—2. С. 45—55.

470 читателям «Морских Записок» описание службы и деятельности Д. Н. и обрисовав характер этого незаурядного человека.

Весной 1907 г., в числе молодёжи, принятой в младший специальный класс Морского корпуса по конкурсному экзамену, среди мундиров поступивших сухопутных кадет и курточек гимназистов и реалистов, выделялся светлый блондин в студенческой тужурке. Это был Дмитрий Николаевич Федотов. За год до этого, Д. Н. не был пропущен на медицинском осмотре. Чтобы достичь строгих физических требований, предъявляемых желающим поступить в Морской корпус, Д. Н. в течение целого года не пил кофе, чая, не бегал, не играл в теннис и, в результате, на следующий год прошёл медицинский осмотр. Окончив гимназию Историко-филологического института, Д. Н. тотчас же записался слушателем в С.П.Б. Университет, одновременно держа конкурсные экзамены в Морской корпус.

В летнем плавании на «Рынде» Д. Н. быстро освоился с новой обстановкой и приобрёл любовь, уважение и популярность своих товарищей, дружба со многими из которых продолжалась в течение всей его жизни.

Благодаря его блестящим способностям, науки давались ему легко, и он всегда шёл во главе своего выпуска. В первый же год пребывания в Корпусе, совместно с двумя одноклассниками, он перевёл с немецкого и издал сенсационный в те годы фантастический роман «Банзай», автором коего был император Вильгельм II. В Корпусе же Д. Н. начал изучать японский язык и брал уроки у японца, приходившего для этого в Корпус. Директор Корпуса отнёсся неодобрительно к этому начинанию, и уроки пришлось прекратить.

Весной 1910 г. Д. Н. кончил Корпус старшим унтер-офицером в начале своего выпуска и был произведён в корабельные гардемарины. После плавания на «Славе», 6 (19) декабря Д. Н. был произведён в мичманы и назначен в 1-й Балтийский флотский экипаж в Санкт-Петербурге. Тяжёлая служба молодого офицера по обучению новобранцев не мешала Д. Н. ни продолжать свои научные занятия, ни его светской жизни и увлечению балетом.

В 1911 г. Д. Н. был назначен на «Палладу», на которой проплавал лето в Балтийском море. В начале июня Д. Н. был назначен офицером для связи при прибывшей в Кронштадт американской эскадре адми-

рала Баджера, состоявшей из пяти новейших линейных кораблей того времени. Знание английского языка и административные способности Д. Н. были оценены штабом американской эскадры.

В конце 1911 г. Д. Н., вместе с другим офицером, был прикомандирован к Международной Гидрографической конференции в Санкт-Петербурге и, в качестве секретаря, Д. Н. в течение деятельности конференции вёл протоколы заседания на французском языке. (Книга этих протоколов имеется в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне). На этой конференции Д. Н. встретился со многими представителями европейских и американских флотов, она положила начало деятельности Д. Н. в международном масштабе.

Дружественные отношения, завязавшиеся на этой конференции, продолжались всю жизнь. Особенно ярко эта дружба проявилась в отношениях с испанским адмиралом Баррера, тогда в чине капитана 2-го ранга. Деятельность конференции продолжалась несколько месяцев.

Весной 1912 г. Д. Н. был назначен сменным начальником в учебную команду строевых унтер-офицеров, возглавляемую лейтенантом бароном Н. Н. Гойнинген-Гюне, и получил в заведование смену учеников Гвардейского Экипажа. Плавание на «Диане» и затем заграничное плавание на «России» дало Д. Н. возможность увеличить круг своих друзей более старшими офицерами, оценившими способности Д. Н., а также сделать много знакомств среди офицеров других наций, т. к. благодаря знанию иностранных языков на Д. Н. возлагались обязанности связи с иностранцами.

Вернувшись в 1914 году из второго заграничного плавания, Д. Н. остаётся на «России» в составе Кадетского отряда и готовится к поступлению в Морскую академию. Но начинается Первая Мировая война, и вскоре Д. Н. командировается в США помощником морского агента в Вашингтон, должность, безусловно, ответственная и почётная для молодого офицера с 3,5 годами службы.

Д. Н. блестяще справился с возложенными на него задачами и проявил свои административные способности. При весьма ограниченном личном составе морского агентства на Д. Н. был возложен целый ряд ответственных поручений — проверка закупочных контрактов морского ведомства, исчислявшихся миллионами долларов, осмотр

472 и фрахтование пароходов для перевозки военных грузов и т.п. Замечательная трудоспособность и быстрота, с которой Д. Н. справлялся со своей работой, позволила ему принять полное участие в светской и дипломатической жизни Вашингтона и Ньюпорта и ещё больше увеличить круг своих иностранных друзей.

Но береговая должность во время войны не удовлетворяла Д. Н., и он, в конце концов, в 1916 г. добивается перевода на Балтику, в действующий флот, в Минную дивизию, старшим офицером на эскадренный миноносец «Страшный» под командой капитана 2-го ранга Ю. К. Старка. На «Страшном» Д. Н. принимает участие в многочисленных боевых операциях и награждается боевыми орденами до Владимира 4-й степени с мечами включительно.

Осенью 1916 г. Д. Н. был прикомандирован к Гвардейскому Экипажу, но, за недостатком офицеров, временно оставался на «Страшном».

В конце 1916 г. Д. Н. был командирован на Междусоюзническую конференцию в Петрограде и назначен младшим представителем от флота. На Д. Н. было возложено составление списка необходимых для флота материалов, которые могли быть получены от союзников. Работа была тяжёлая, и Д. Н. положил немало усилий, чтобы с ней справиться.

«Великая бескровная...» застала Д. Н. в Ревеле временным командующим «Страшным». В первые дни революции он сумел силой убеждения и своим влиянием удержать команду от участия в демонстрациях. Выбранный впоследствии представителем от морских сил Ревеля в Петроград, Д. Н. своим заступничеством помог целому ряду своих соплавателей и сослуживцев, находившихся в опасном для жизни положении.

Весной 1917 г. Д. Н. был прикомандирован к Американской Специальной Дипломатической Миссии, возглавляемой сенатором Элиу Рут и прибывшей для выяснения положения в России. Д. Н. находился при морском отделе миссии и сопровождал её во всех поездках по России.

В июне того же года Д. Н. был назначен помощником морского агента в Лондон. Сложная политическая обстановка способствовала Д. Н. завести дружественные отношения с рядом иностранных дипломатов, несмотря на большое количество разнообразной работы.

Осенью 1917 г. Д. Н. был назначен представителем от флота на Междусоюзническую конференцию по снабжению в Париж.

После большевистского переворота и предложения советского представителя в Лондоне Финкельштейн-Литвинова обслуживать и, таким образом, признать советское правительство, Д. Н., после совещания с морскими агентами в Лондоне и Париже, выехал в Россию для выяснения обстановки. Прибыв с большими трудностями в Петроград и увидев полную безнадёжность положения, Д. Н., подвергаясь постоянной опасности как от большевиков, так и от захвата немцами, возвратился в Лондон, где поданный им рапорт с описанием поездки был разослан всем морским агентам.

Не видя больше никакой надежды на улучшение создавшегося положения, Д. Н. вышел в отставку и на короткое время принял участие в делах английской паровой фирмы. Не довольствуясь во время войны службой в коммерческом предприятии, Д. Н. пытался поступить хотя бы рядовым в один из полков английской гвардии. Несмотря на кооперацию адъютанта полка и выдержанный физический осмотр, затруднения с призывной комиссией заставили Д. Н. изменить своё решение.

Вскоре после этого Д. Н. получил предложение от адмирала Реджинальда Холла, начальника английской морской разведки, поступить на службу в британский флот с чином лейтенанта резерва Королевского флота, на что Д. Н. согласился и сделался *Даниель Дмитри Федотов Уайт*.

Lieut. D. F. White, R.N.V.R. — был немедленно же отправлен в Мурманск, где на короткое время был назначен на линкор «Глори», а затем послан на английские канонерские лодки, оперировавшие против большевиков на Северной Двине. Д. Н. принял участие в нескольких операциях и сражениях и был награждён орденом D. S. C. Заболев в конце 1918 г. тифом, Д. Н. был эвакуирован в Англию, где провёл в военном госпитале несколько недель и вскоре после этого покинул английскую службу.

Одной из причин оставления английской службы было желание принять участие в Гражданской войне в рядах Белого движения — для этого он проследовал в Сибирь, к адмиралу Колчаку. Прибыв в Омск,

474 Д. Н. был назначен начальником штаба² Камской Речной флотилии и проделал на ней весь боевой поход вплоть до её уничтожения в Перми при отходе армии Колчака. Пробыв короткое время начальником Оперативного отделения Морского министерства, Д. Н. назначается флаг-капитаном начальника Обь-Иртышской флотилии и одновременно командиром вооружённого парохода «Катунь» на р. Иртыш и на нем участвует во всей боевой деятельности флотилии вплоть до наступления зимы, когда назначается командиром батальона морских стрелков. Со своим батальоном, а в конце кампании командиром полка, Д. Н. проделал во время разгрома армии адмирала Колчака боевой поход — отступление кругом Байкала в суровые сибирские морозы, через тайгу, при ежедневных и еженощных боях с красными частями и засадами партизан. В районе Иркутска часть, которой командовал Д. Н., была окружена партизанами, во много превышавших его силами. В то же время, узнав о падении правительства адмирала Колчака, Д. Н. удалось достигнуть на очень выгодных условиях соглашения с партизанами, по которому они беспрепятственно пропускали морских стрелков в Иркутск. Впоследствии это соглашение не было выполнено, и только чудо и хладнокровие спасло Д. Н. и его офицеров от расстрела. В Иркутске Д. Н. сразу же попал в тюрьму, а затем в чека, всё время сохраняя доверие своих подчинённых.

Выпущенному из тюрьмы через несколько месяцев Д. Н. удалось обратиться в Москву, где он вскоре занял место технического руководителя в морском транспорте, а затем члена Совета Верховного Технического Транспорта. В это же время Д. Н. женился на сестре своего друга, погибшего в Сибири, Екатерине Михайловне де Кампо Сципион.

В 1921 г. Д. Н. удалось бежать из Советского Союза. После короткого пребывания в Финляндии он прибыл в Англию, откуда в качестве корреспондента от журнала *Fairplay* отправился в Америку, на Вашингтонскую мирную конференцию.

В декабре 1921 г. Д. Н. получил место в пароходной компании «Кунард Уайт Стар», а в феврале 1922 г. в Нью-Йорк прибыла его супруга.

² Д. Н. Федотов был назначен начальником Походного штаба командующего флотилией. Начштаба флотилии был капитан 2-го ранга Фомин.

В «Кунард лайн» Д. Н. был назначен агентом по продаже билетов 3-го класса. Через пару лет управляющий отделением признался, что он нарочно назначил Д. Н. продавать билеты в нижнем Ист-сайте, населённом преимущественно евреями — выходцами из России, чтобы посмотреть, как управится морской офицер и Russian nobleman³ с этим делом.

Успех работы Д. Н. был полный. Он не только заслужил любовь и уважение пароходных агентов, с которыми он вёл дела, но также показал понимание и умение обращаться с людьми разных национальностей. Так, даже ирландцы, при всей их ненависти к Англии, приглашали его на свои торжества. Однажды, будучи почётным гостем, Д. Н. пришёл на обед при английских орденах. Тем не менее, вскоре после этого его пригласили принять участие в ежегодном параде в день Св. Патрика, отдав ему место на почётных трибунах. Очень быстро Д. Н. начал продвигаться по службе, занимая всё более и более ответственные места. Деятельность Д. Н. была чрезвычайно разнообразной, и ему приходилось заниматься не только своим прямым делом, но постоянно давать советы, как, например, встречать приезжающих знатных гостей, и т.п.

В период наплыва волны русской эмиграции в 1922—23 гг. кто только не обращался к Д. Н. за советом, рекомендацией и просьбой о помощи! Тут были и отдельные лица, и общественные организации, и оказание помощи бывшему русскому консулу, и русским бойскаутам, и легализация русских, и помощь Daughters of American Revolution⁴ при составлении ими руководства для эмигрантов.

В 1923 г., 11 марта, Д. Н. принял участие в создании Общества бывших русских морских офицеров в Америке и выработал первый устав общества, утверждённый 7 декабря 1923 г. Независимость и смелость в отстаивании своих убеждений чуть не привели Д. Н. к столкновению с помощником президента «Кунарда» мистером Д. В. Куком, но в дальнейшем последний должно оценил Д. Н., и через два года Д. Н. был

³ Русский дворянин (анг.)

⁴ Дочери Американской Революции — женская общественная организация, основанная в 1890 году, членами которой могли быть только прямые потомки участников войны за независимость США.

476 приглашён тем же Д. Куком быть его помощником и сопутствовать в продолжительной командировке в Европе.

Знание иностранных языков — французского, немецкого и итальянского делало Д. Н. особенно ценным для Кука, так как на всех заседаниях он мог обходиться без переводчиков. Но что больше всего покорило мистера Кука, это приглашение остановиться в королевском дворце в Мадриде. Оказалось, что приятель Д. Н. со времён Международной Гидрографической конференции в Петербурге, адмирал Баррера, достигнув уже чина адмирала Свиты короля, получив от Д. Н. письмо о его предполагаемом приезде, пригласил его остановиться у него в квартире в королевском дворце. Когда Д. Н. ему ответил, что он не один, а связан группой сослуживцев, то адмирал Баррера пригласил всю группу быть его гостями. По каким-то причинам поездка в Испанию была отменена, к большому огорчению Д. В. Кука.

Организация РООВА⁵ также обязана Д. Н. своим существованием. В обществе «Наука» в критический момент Д. Н. сумел объединить две враждующие группы и помог им принять решение, приведшее к созданию этой организации. Д. Н. также некоторое время состоял редактором их журнала «Наука и Жизнь».

Д. Н. никогда не упускал случая восстановить истину и не дать опорочить своих друзей. Так, в «Новом Русском Слове» (1931) было напечатано, что капитан 2-го ранга Григорий Пиотровский продался советам, шпионя для них в Чехословакии. Д. Н. тотчас же вошёл в переписку с генеральным консулом этой страны в Нью-Йорке доктором Ярославом Новаком. Последний запросил своё правительство, и выяснилось, что изменником был другой Пиотровский — армейский капитан.

В последнем томе своей книги «World Crisis — The Aftermath» Уинстон Черчилль неодобрительно высказался о боевых качествах русских в Первую мировую войну и допустил несколько ошибок. Д. Н. обстоятельным и пространственным письмом от 6 мая 1929 года обратил внимание Черчилля на допущенные им неточности.

Переписка Д. Н. с мисс Кэрола Оман, дочерью английского историка Чарльза Омана, по поводу её книги «Nelson» является другим примером восстановления исторической истины и защиты доброго имени адми-

⁵ Русское объединённое общество взаимопомощи в Америке.

рала Ушакова. По-видимому, мисс Оман приняла к сведению и оценила критику своей книги, так как, в свою очередь, она поделилась с Д. Н. своими открытиями о Нельсоне.

Продолжая повышаться по службе, Д. Н. достиг положения Assistant General Passenger Manager⁶, а затем в 1934 г. был назначен управляющим отделения «Кунарда» в Филадельфии. Многолетняя напряжённая работа Д. Н. не могла не отозваться на его здоровье, и в 1933 г. с ним случился его первый сердечный приступ.

О его работоспособности можно судить по тому, что при переводе Д. Н. из нью-йоркской конторы в Филадельфию его обязанности были распределены между тремя или четырьмя служащими. Перевод в Филадельфию не помешал Д. Н. продолжать начатые им в Нью-Йорке научные исследования и литературные труды. Кроме того, он прочёл неисчислимое количество лекций по русским вопросам, как в самой Филадельфии, так и в разных колледжах Пенсильвании. К совершавшимся событиям Д. Н. подходил как историк, подчёркивая значения индивидуальности и свободы человеческой мысли и преимущества свободного демократического строя. Библиотека Конгресса неоднократно направляла к Д. Н. лиц, желавших разрешить некоторые спорные вопросы.

В январе 1939 г. Д. Н. удалось совершить вместе со своей супругой и одним из авторов этой статьи путешествие по островам Вест-Индии, повторяя маршрут плавания крейсера «Россия» в 1912—1914 гг. Повсюду встречая своих, по тому плаванию, знакомых, случалось, что те, не узнавая его, осведомлялись о судьбе лейтенанта Федотова, настолько личность Д. Н. производила приятное и неизгладимое впечатление. Даже во время путешествия Д. Н. не терял ни одной минуты, делая корректуру выпускаемых им воспоминаний — книги «Survival».

Началась Вторая Мировая война. Последствия сердечного приступа в 1933 г. всё ещё давали себя знать, боли были почти повседневным явлением. Тем не менее, Д. Н. силой воли превозмог тяжёлый свой недуг и выдержал почти пять лет исключительно напряжённой работы. В эти годы телефон в конторе и дома действовал 24 часа, служба продолжалась 14—15 часов в сутки. Помимо своих прямых обязанно-

⁶ Заместитель генерального директора по пассажирским перевозкам.

478 стей управляющего филаделфийской конторой «Кунарда», Д. Н. был сделан Президентом филаделфийского отдела Комитета британского министерства транспорта в Америке. Важность филаделфийского коммерческого порта для отправки военных грузов была чрезвычайна. Его сослуживцы были поражены, как быстро Д. Н. учёл обстановку и привёл филаделфийский порт в готовность военного времени. Когда командированные английским правительством офицеры приехали налаживать порт, всё было уже готово.

Сознавая необходимость для команд приходящих пароходов иметь место для отдыха и развлечения, Д.Н. организовал по собственной инициативе British Navy Club. Никто не знал, как трудно было вначале Д. Н. добывать средства на устройство этой организации, идея о необходимости которой — клуба для матросов — зародилась у Д. Н. ещё во время обучения им унтер-офицеров в России. Когда Антони Иден разослал циркулярное распоряжение открыть клубы для матросов, то британский консул в Филадельфии с гордостью послал донесение, что в Филадельфии British Merchant Navy Club⁷ функционирует уже шесть месяцев.

Д. Н. сделал много для Англии. Это была идея необходимости дружной работы и взаимопомощи. Работа Д. Н. была оценена, и, препровождая орден Order of British Empire⁸ офицерского креста, английский посол писал: — «I should like to take this opportunity of telling you how highly your outstanding and valuable services are appreciated»⁹.

Другое начинание, впервые проведённое в жизнь, и тоже в Филадельфии, была организация добровольной охраны порта — U. S. Coast Guard Security Force, которая была создана инициативой Д. Н. в сотрудничестве с Дональдом Дженксом и осталась существовать, как необходимое и важное государственное учреждение. Впоследствии, другие портовые города ввели подобные же организации. U. S. Coast Guard-ом Д. Н. был награждён специальной наградой: «U. S. Coast Guard Shield of Honor».

⁷ Клуб моряков британского торгового флота (анг.)

⁸ Орден Британской Империи — рыцарский орден, учреждённый британским королём Георгом V в 1917 году.

⁹ Я хотел бы воспользоваться случаем и передать вам, сколь высоко ценятся ваши выдающиеся и неоценимые услуги (анг.).

Успехи Д. Н. по организации разных War Reliefs¹⁰ (английский, финский, норвежский, русский) в Филадельфии были настолько выдающимися, что мистер Уильям Батт рекомендовал назначение Д. Н. в состав кабинета товарища министра торговли Уильяма Клэйтона. Д. Н. ездил два раза для переговоров с этим министром в Вашингтон и обменивался с ним телефонными разговорами. Д. Н. дали две недели, чтобы передать заместителю его обязанности в Филадельфии. Этого срока было, конечно, недостаточно, и Д. Н. отказался от предложения. Многие друзья Д. Н. находили, что он напрасно воздержался от возможности быть на поле деятельности в государственном масштабе.

Разнообразная деятельность Д. Н. не помешала ему заниматься духовным развитием своей собственной личности. Между 1932 и 1944 годами, несмотря на большие перерывы в занятиях, он провёл университетские студенческие работы по политическим наукам в Колумбийском и Пенсильванском университетах, в 1944 г., по защите тезиса, получил степень доктора философии и был избран впоследствии старшим членом коллегии Русского института Колумбийского университета. Д. Н. также был приглашён сначала лектором, а затем доцентом по кафедре истории в Пенсильванский университет.

Таким образом, перед Д. Н. открывались двери блестящей научной деятельности, о которой он с молодости мечтал, но, к его большому огорчению, он был принуждён из-за своей болезни от всех предложений отказаться.

В июне 1944 г. — вторичный сердечный припадок уложил Д. Н. в госпиталь на долгое время. Ни о какой дальнейшей активной деятельности не могло быть и речи...

Д. Н. начал заниматься литературной деятельностью очень рано. Первая его статья была напечатана в «Морском Сборнике» в 1916 г. Из написанных им в Америке книг, следует отметить: «Survival», вышедшую в 1939 г., и «Growth of the Red Army», 1944 г., его работа по военной социологии, принятая для защиты диссертации, и многие другие статьи, как в русских, так и в американских и английских журналах. Недостаток места на этих страницах, к сожалению, не даёт возможности перечислить все литературные труды Д. Н.

¹⁰ Общества помощи в войне (анг.)

*Д. Н. Федотов-Уайт
в последние годы жизни.*

Всё предыдущее было лишь канвой для обрисовки личности Д. Н. Он имел в себе все задатки большого человека. По образованию он был моряк и военный. Всюду, во всех отраслях жизни, с которыми он сталкивался: администрацией, коммерцией, общественной, политикой, дипломатической деятельностью, наукой, историей и социологией — всё ему всегда блестяще удавалось, главным образом, вследствие личных качеств этого далеко не заурядного и блестящего человека. С детства Д. Н. проявил отличные способности к наукам. Во всех школах, в которых он учился, он всегда был в числе первых учеников. Его способности как лингвиста были выдающимися. Память его была поразитель-

на. Он вспоминал без малейшего затруднения самые отдалённые по времени события, свидетелем которых ему случалось быть. В боевой обстановке он совершенно ясно помнил все распоряжения, как свои, так и своих начальников и учитывал способности своих подчинённых. Быстрота и ясность мышления давали Д. Н. возможность моментально решать вопросы в боевой обстановке, в административной и частной жизни. Любознательность и любовь к жизни и людям у него были потрясающие.

Кого только он не встречал, и чем он только не интересовался. В жизни его были — и Общество бывших русских морских офицеров, и помощь русским беженцам и эмигрантам, увлечение верховой ездой, организация РООВА, стремление к водному спорту, желание возвращаться в общество, хорошо одеваться, и прочее, и прочее.

В то же время серьёзная научная деятельность, непрерывная работа над своим духовным развитием. Он всюду и всегда хотел сде-

лать всё в совершенстве. Но это не было тщеславие — это было естественное желание не зарывать в землю талантов полученных от «господина своего, как раб нерадивый». Выше всего этого, Д. Н. был человек исключительной доброты и лояльности. Не многие из нас знают, кому и как он помогал, очень часто без чьих бы то ни было просьб.

Флот российский Д. Н. любил, был большим русским патриотом и человеком чести и порядочности, и это высоко ценили, как русские, так и другие национальности. Материальные и денежные блага интересовали Д. Н. чрезвычайно мало. Чрезвычайно щепетильный в своих личных денежных делах, он никогда не пользовался представлявшимися возможностями сделать состояние. В доме Д. Н. и Екатерины Михайловны всегда было приятно бывать, широкое русское гостеприимство открывало двери всем.

Последние годы своей жизни Д. Н. тяжело болел и, несмотря на болезнь, продолжал свои литературные труды, произведя колоссальную работу. За эти труды мы можем быть благодарны его верной и любящей спутнице, Екатерине Михайловне, которая своими неустанными заботами о здоровье Д. Н. и помощью в научных трудах облегчила и продлила его жизнь.

Тело Д. Н. покоится на историческом кладбище Walley Forge Pa. на холмах долины, в которой армия Вашингтона закаляла свой дух, готовясь к борьбе за свою независимость. George Washington Memorial Chapel Walley Forge является национальной святыней, к которой стекаются толпы народа из всех штатов. Дорога и светла память о Д. Н. среди его друзей, однокашников по корпусу, сослуживцев и соплавателей по Российскому Императорскому флоту и среди многих и многих людей разных сословий, состояний и национальностей, с которыми он в жизни своей встречался.

Да будет американская земля пухом, Тебе, Американскому и Русскому патриоту!

Переписка с Дж. Оруэллом

2 декабря 1946 г.

Дорогой мистер Оруэлл,

Я только что прочел вашу очень интересную книгу «Диккенс, Дали и другие». Позвольте рассказать, какое удовольствие мне доставило знакомство с этой работой.

Есть только один пункт, по которому мое мнение расходится с вашим: трактовка советского фильма «Чапаев». Думаю, что такие моменты, как героические схватки, скачущие галопом кони, спасение в последнюю секунду и т.д., присутствующие в нём, действительно соответствуют «реальности» Гражданской войны, а не просто следуют голливудским шаблонам. Как человек, лично участвовавший в той войне, я очень впечатлён повторяющейся приключенческой сюжетной линией картины. Все эти спасения, погони и т.д. действительно происходили тысячи и тысячи раз. Без таких эпизодов фильм был бы неправдоподобным.

Вы приходите к выводу, что белые в картине демонизированы. Не думаю, что могу в этом согласиться с вами. Я всю Гражданскую войну провёл на стороне белых и убеждён, что фильм достаточно справедлив к ним. Я посмотрел его несколько раз, и то же самое сделали некоторые из моих друзей, также сражавшиеся в Белой армии. Мы принадлежали к разным политическим группам (я был социал-демократом плехановского типа, другие эсерами, третьи либералами

и монархистами). Все мы оказались едины во мнении, что картина справедлива к белым настолько, насколько это вообще возможно. Красные одеты нарядно, действительно так, но белые выглядят так, как это и было на самом деле. Гражданские войны — крайне неприятные штуки, и, делая фильм на такую тему, не требуется больших усилий, чтобы произвести отталкивающее впечатление на людей, ни разу не принимавших в них участия.

«Психическая» атака изображена достаточно точно, хотя офицеры в ней слишком разряжены. Думаю, что я был свидетелем эпизода, который лёг в основу этой сцены фильма. Тогда всё закончилось победой белых. В остальном же всё выглядело очень похоже на то, как это изображено в фильме. Старый офицер, думаю, показан не хуже, чем был типичный старший командир Белой армии. Я описал ту атаку в своей книге «Пережитое» несколько лет назад.

Гражданская война в России отличалась от большинства других войн такого рода разношерстным характером стороны белых. В Сибири было две пехотных дивизии, сформированных из промышленных рабочих, добровольно примкнувших к белым. Одна из них, 15-я, принимала участие в операции, в рамках которой произошла та психическая атака. Они относились к красным гораздо более жестоко, чем другие части. На этой почве мы постоянно вступали с ними в споры.

Другими словами, я думаю, что голливудский персонаж явился неотъемлемой частью создания достоверной исторической атмосферы, и его структурное сходство с американской продукцией только случайно.

*Искренне ваш,
Д. Федотов-Уайт*

Дорогой мистер Уайт,

Большое спасибо за ваше письмо от 2 декабря. Было очень интересно узнать мнение человека, принимавшего непосредственное участие в событиях, на которых основана картина, или по крайней мере в очень похожих событиях. Вспоминая фильм, который я смотрел несколько лет назад, я думаю, что вы правы, утверждая, что он изображает белых справедливо, насколько это возможно ожидать. Но мое эссе было не столько о том, что он предвзят по отношению к белым, сколько о том, что его общая атмосфера не слишком отличается от обычного приключенческого фильма, и это сделает возможным создание картин для детей с совершенно иной политической направленностью, чем обычно принято. Я по-прежнему уверен, что самая выдающаяся вещь в картине, отличающая его от обычного коммерческого фильма — это изображение белого офицера, того, что в пенсе. Этот персонаж настолько изменился по ходу истории, и настолько убедительно, что этот эпизод кажется гораздо более тонким, чем весь остальной фильм, и я не мог удержаться от мысли, что это, вероятно, была импровизация актера.

*Искренне ваш,
Джордж Оруэлл*

October 2, 1946

Dear Mr. Orwell,

I have just finished reading your very interesting book "Dickens, Eli & Others". Let me tell you how much I have enjoyed it.

There is only one point on which I seem to differ with your interpretation of the Soviet film "Chapayev". While such elements as heroic fighting, glancing horses, escape at the last moment etc. are present in it, I think that these elements do really correspond with the 'reality' of Civil War, rather than merely follow the Hollywood pattern. As one who took part in that war, I am very much impressed by the repetitious adventure pattern of it. These scenes, pursuits etc. ~~had~~ had really happened thousands and thousands of times. Without such episodes the film would be straying from truth.

You come to the conclusion that the Whites are demons in the Soviet film. I do not believe that I am able to agree with you in this. I fought during the entire Civil War on the White side and am convinced that the film is quite fair to the Whites. I went to see it several times and so did several of my friends, who also fought on the White side. We belonged to different political groups: I was a Flekhanov Social "associates, some of my friends were Socialist "revolutionaries (other were Liberals and some were Bolsheviks). The conclusion was about the same for all of us: the film is as fair as could be hoped for. The Red side is dressed up, true enough, but the White side is just as it was. Civil War are nasty things and one does not need to make

a great effort to create

a realistic impression on people who did not participate in one when making a film of a Civil War episode.

The "psychological" attack is quite well presented, albeit the officers are too dressed up. I believe that I have seen the episode which was used for the film. It ended in a White victory. Other things were very much as shown in the film. The old officer, I think was not worse than the average older White commander. I described the attack in my "Survival" a few years ago.

The Russian Civil War was different from most other Civil Wars. By the society character of the Whites. In Siberia there were two industry divisions formed from industrial workers who had volunteered to fight on the White side. One of them, the 15th, was taking part in the campaign of which was the psychological attack. They treated the Red with a greater cruelty than the other troops. We used to argue with them a great deal about it.

In other words I feel that the Hollywood character was a necessary part of creating a true historical atmosphere and only incidentally resulting in a virtual solidarity with the American product.

Yours faithfully,

D. Medtsov

476 CLAYMANWAY SQUARE, WASHINGTON, D.C.

20th December 1946

Dear Mr. White,

Many thanks for your letter of the 2nd. I was much interested to hear from someone who had actually taken part in the events on which the film was based, or at any rate in very similar events. Looking back to my memories of the film, which I have not seen for some years, I think you are right in saying that it treated the Whites as fairly as could be expected. But the point I was making in the essay was not so much that the film was biased against the Whites as that its general atmosphere was not so very unlike that of an ordinary adventure film, and that therefore it would be possible to construct films which would be acceptable to children but which would have a quite different political orientation from what is usual. I still think that the one outstanding thing about the film, making it different from an ordinary commercial film, was the performance of the White officer, the one with pine-eyes. His man's character changed so much during the course of the story, and yet in so convincing a way, that this episode seemed very much subtler than the rest of the film, and I could not help thinking that it was probably a piece of gaging on the part of the actor.

Yours truly,
George Orwell

Послесловие

Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт — фигура мало известная в российской историографии. Несмотря на довольно заметную роль во многих ключевых событиях революции и Гражданской войны, высокие посты на дипломатической и военной службе и даже участие в публичной политике после февраля 1917 года, упоминаний о нём в научной литературе крайне мало. Между тем, Д. Н. Федотов-Уайт оставил большое творческое наследие из научных статей, монографий и книг, как на русском, так и английском языках. Его мемуары о войне и революции, написанные сначала в форме отдельных эссе и очерков, и объединённые затем в большую книгу воспоминаний — бесценный источник по истории тех лет.

В Бахметевском архиве¹ библиотеки Колумбийского университета США хранится личный фонд автора, содержащий его переписку, рукописи и фотографии. Этот фонд мало изучен и хранит в себе в том числе и рукописи неопубликованных произведений — статей, рецензий и романов. В эмиграции Д. Н. Федотов-Уайт активно преподавал и занимался научными изысканиями. В одном из писем к философу Н. О. Лосскому он описал свою деятельность в Америке так: «Здесь

¹ Полное название — Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета. Коллекция документов и материалов русской эмиграции, основу которой заложил посол России в США Б. А. Бахметев (не путать с однофамильцем и предшественником на этой должности Юрием Бахметевым, описанным в 5 главе книги).

я занимался тремя науками: историей, теоретической социологией и теоретической же культурной антропологией. Я получил степень доктора философии от Колумбийского Университета, где учился под руководством знаменитого МакИвера и Робинсона. Моя последняя изданная книга по военной социологии — науке, в которой я являюсь одним из пионеров. У меня есть почти готовая книга по советской теории первобытного общества. Известен же я здесь главным образом как литературный критик, так как я сотрудничаю в «Saturday Review of Literature» и в книжном разделе «Bulletin».

Мои последние книги на английском языке: «Survival» и «The Growth of the Red Army». На русском сравнительно недавно небольшая монография о культурном типе русского морского офицера начала XIX века. Таким образом, я не имею узкой специальности и занимаюсь одновременно несколькими отраслями общественной науки».

Одна из причин того, что достаточно большое наследие Федотова-Уайта мало известно в России безусловно в том, что значительная его часть написана на английском. Прекрасно владея четырьмя иностранными языками, Д. Н. в отличие от многих соотечественников быстро адаптировался в эмиграции и сумел стать востребованным как учёный и исследователь.

Отечественные архивы также содержат большой массив сведений об авторе. В первую очередь, это фонды Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ). Ряд документов был также выявлен в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИАСПБ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА).

В своих воспоминаниях Д. Н. старается быть откровенным, однако, по необходимости вынужден опустить некоторые эпизоды своей жизни, дабы не создавать проблем тем, кто остался в Советской России. Книга писалась в конце 30-х годов, в разгар Большого Террора, о котором, судя по его письмам, он был хорошо осведомлён. Упоминание в такой книге могло стоить кому-то жизни, поэтому фамилии некоторых соплавателей и сослуживцев в разные периоды скрыты. Часть из них восстановлена в данном издании по документам. В этой связи особенно интересна судьба его родственников в СССР, о которых он почти не пишет.

Брат, Владимир Николаевич Федотов, также морской офицер, выпускник Морского корпуса 1912 г., упоминаемый один раз в третьей главе книги, после октября 1917 года остался в России. Согласно одному из писем отца, он пытался уехать во Францию, но, видимо, unsuccessfully и продолжил службу уже в РККФ. По данным послужного списка во время Гражданской войны воевал в составе флотилии Онежского озера, а с 1920 года на кораблях обороны Ладожского озера. После войны служил на различных должностях во флоте и преподавал в военных учебных заведениях. В 30-е годы не избежал репрессий. В своей автобиографии он пишет: «Перерыв в службе был с 16 января 1931 года по март 1932 г. Увольнение из рядов РККА, арест, осуждение коллегией ОГПУ по ст. 58, пункт не помню, на 10 лет концлагеря. Досрочно освобождён с назначением в РККА. <...> Отбывал на (неразб.) о-ве и в г. Кеми. В Мурманске командовал моторно-парусным ботом УСЛАГа. Чьим распоряжением снято наказание не знаю» (РГАВМФ. Ф. 663. Оп. 8. Д. 135. Л. 13—14).

В той же автобиографии он подробно рассказывает о брате, его службе в английском флоте и у белых, добавляя лишь: «Связи непосредственной не поддерживаю. Сведения имею от родственников жены брата, которые ведут с ней переписку». В другой автобиографии есть строки: «В переписке с находящимися за границей не состоял, в том числе и с братом, который высылал деньги моим родителям. Переписку с заграницей имел мой покойный отец, переписывавшийся с женой брата» (РГАВМФ. Ф. 663. Оп. 8. Д. 135. Л. 8).

Отец, Николай Тихонович Федотов (26.11.1859—27.09.1933), происходил из крестьян Олонецкой губернии, получил образование в Техническом училище Морского ведомства, которое окончил в 1879 г. Дослужился до чина действительного статского советника, дававшего право на потомственное дворянство. После октябрьского переворота продолжал работать в Главном морском штабе в должности начальника отдела Управления морской авиации и воздухоплавания, а с 1922 по 1924 год в Главном Морском Архиве, после чего оставляет службу по болезни. После побега Д. Н. даёт о себе знать родителям только через два года, и отец до своей смерти в 1933 году ведёт с ним переписку, получая от него помощь через Госбанк и Торгсин. В целом можно ска-

зять, что побег Д. Н. за границу не имел роковых последствий для его родных в Советской России.

Другой сознательно опущенной автором частью его биографии стала служба в британском флоте и участие в высадке англичан в 1918 году в Мурманске и Архангельске. На первый взгляд это кажется нелогичным, тем более, что автор никак не объясняет причины, по которым он исключил целый период Гражданской войны из своего повествования. Послужной список и представление к награде говорят о том, что эти месяцы его жизни были насыщены событиями и боевыми эпизодами.

Как видно из приведенных в книге документов, Федотов-Уайт служил в военно-морской разведке, возглавляемой тогда адмиралом Реджинальдом Холлом. Адмирал Холл известен тем, что курировал действовавшую против Советской России агентурную сеть под кодовым названием «ОК». Эта сеть была создана в 1916—1917 годах офицером Морского генерального штаба старшим лейтенантом Рагнаром Окерлундом² для сбора информации о действиях противника на Балтийском театре военных действий. После октябрьского переворота Окерлунд, не признав советскую власть и желая сохранить созданную им структуру для продолжения борьбы с немцами, передал ее союзникам-англичанам, после чего она и получила название по первым буквам фамилии своего создателя. Все сообщения от причастных к ней лиц кодировались специальным шифром ОК. Среди хранящихся в Британском национальном архиве секретных телеграмм с этим шифром, сообщений Д. Н. Федотова не найдено, но, учитывая, что в сеть были вовлечены многие русские военно-морские агенты в Европе, включая Н. А. Волкова, помощником которого Федотов работал в Лондоне, и то, что курировалась она главой английской военно-морской разведки (NID), вероятность его причастности к ОК довольно высока. И, возмож-

² Рагнар Рафаэль Окерлунд (1883—1919) — офицер Российского Императорского флота, этнический швед, уроженец Финляндии. На службе с 1907 года. В 1910—1914 служил на кораблях Сибирской флотилии на Дальнем Востоке. С началом ПМВ переведен на Балтийский флот. Как владеющий несколькими иностранными языками был направлен для работы в Особое делопроизводство (разведку) Морского генерального штаба. После революции находился в Англии. Летом 1918 г. вернулся в Россию и в октябре того же года арестован ЧК по обвинению в шпионаже. В апреле 1919 г. приговорен к расстрелу.

490 но, в силу этого Д. Н. имел обязательства по неразглашению деталей своей службы в Королевском флоте.

Открытым остаётся вопрос и о происхождении псевдонима Уайт. Никаких указаний на этот счёт в бумагах автора пока найти не удалось, но можно с уверенностью сказать, что он никак не связан с участием Д. Н. Федотова в Белом движении или противопоставлением себя брату, служившему у красных, поскольку ещё в 1916—1917 годах Д. Н. опубликовал в «Морском сборнике» ряд научных статей под именем D. White. Кстати, эти работы были высоко оценены в научной и профессиональной среде. Об опубликованной в № 4 за 1917 год статье «Французский флот времён Великой Революции» командир Отряда канонерских лодок Чёрного моря капитан 1-го ранга А. С. Зарин писал в июне того же года начальнику Главного морского штаба: «Статью D. White, распространение которой в командах в высшей степени полезно, желательно предварительно переработать для её более лёгкого усвоения малоподготовленными читателями» (РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 195. Л. 46).

Больше всего вопросов в повествовании вызывает период жизни автора в Советской России между освобождением из красноярского концлагеря и побегом за границу. Эта часть воспоминаний наиболее беллетризована и почти не содержит зацепок, по которым можно было бы найти подтверждающие документы. Причины понятны и указаны автором в эпиграфе к книге. Внимательно следя за происходившим в России в 30-е годы, Д. Н. очень ответственно отнёсся к тому, чтобы его труд не смог никому навредить. И в этом ещё раз проявилось его по-настоящему благородное отношение к людям.

Всю свою жизнь, в любых ситуациях он оставался гуманистом и джентльменом: и в самом начале своей службы на флоте, когда участвовал в военных судах и проводил дознания о провинностях матросов (ряд таких документов хранится в фондах РГАВМФ), и в самом её конце, когда в нечеловеческих условиях командовал батальоном морских стрелков в Сибири. В одном из писем к Н. О. Лосскому он с гордостью пишет, что за все два года Гражданской войны ни разу не расстрелял ни одного пленного и не подавал руки тем офицерам, кто добровольно

вызывался участвовать в расстрелах (ВАР, box 1). И такое отношение не раз возвращалось ему сторицей в самые критические моменты.

Описание Д. Н. Федотовым некоторых известных событий, современником которых он был (например, гибели немецкого крейсера «Магдебург» в 1914 г, массовых убийств офицеров Балтийского флота в марте 1917 г. и других), иногда отличается от их трактовок в известных в настоящее время исторических источниках и историографии. В ряде случаев в примечаниях приводятся уточнения и дополнения. В целом же читателя, желающего узнать более подробно о тех или иных исторических эпизодах, затрагиваемых Д. Н. Федотовым в своих мемуарах, отсылаем к многочисленной и доступной в наше время литературе, посвящённой истории России первой четверти XX века в целом и её морской истории в частности.

Александр Дементьев

Выражаем благодарность за предоставленные фотографии Дому русского зарубежья им. А. Солженицина и лично директору В. А. Москвину и заместителю директора по вопросам культурно-исторического наследия И. В. Домнину. Также благодарим за помощь в работе кандидата исторических наук, начальника отдела информационного обеспечения и выставочной деятельности РГАВМФ А. Ю. Емелина (г. Санкт-Петербург). Особую благодарность выражаем куратору Бахметевского архива Колумбийского университета Татьяне Чеботарёвой (США).

Содержание

<i>ГЛАВА 1.</i> Первая морская трагедия	9
<i>ГЛАВА 2.</i> Киль накануне войны	19
<i>ГЛАВА 3.</i> Мобилизация, 1914.....	31
<i>ГЛАВА 4.</i> Постановка мин	39
<i>ГЛАВА 5.</i> В русском посольстве в Вашингтоне	58
<i>ГЛАВА 6.</i> На миноносцах.....	74
<i>ГЛАВА 7.</i> Февральская революция, 1917	104
<i>ГЛАВА 8.</i> С американской миссией.....	170
<i>ГЛАВА 9.</i> Частное дело.....	205
<i>ГЛАВА 10.</i> На Гражданскую войну, 1919.....	245
<i>ГЛАВА 11.</i> Путешествие в Омск.....	256
<i>ГЛАВА 12.</i> Сражения на Каме.....	271
<i>ГЛАВА 13.</i> Речной рейд.....	287
<i>ГЛАВА 14.</i> Победа над Блюхером.....	298
<i>ГЛАВА 15.</i> Дурные знаки	312
<i>ГЛАВА 16.</i> Ледяной поход	321
<i>ГЛАВА 17.</i> Начало развала.....	335

ГЛАВА 18. Тайга	347
ГЛАВА 19. Конец Морского полка	358
ГЛАВА 20. В подвалах Ирчека.....	381
ГЛАВА 21. Маленькая китайская армия.....	392
ГЛАВА 22. Красноярская дилемма.....	400
ГЛАВА 23. Нелегкая свобода	417
ГЛАВА 24. Становлюсь марксистом.....	423
ГЛАВА 25. Родной порт.....	436
ГЛАВА 26. Метель в Москве.....	444
ГЛАВА 27. Отдать швартовы, 1921	455
Г. С. Серебренников и Г. Н. Таубе.	
Памяти Дмитрия Николаевича Федотова-Уайта	469
Переписка с Дж. Оруэллом.....	482
Послесловие	486

Д.Н. Федотов-Уайт

Ф34 Пережитое. Война и революция в России.

Перевод с англ. А. Дементьев.

М., Издание книжного магазина «Циолковский», 2018 г. — 496 с.

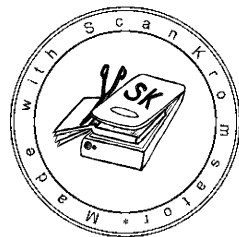
ISBN 978-5-9500361-6-3

Мемуары Дмитрия Николаевича Федотова-Уайта (1889 – 1950) – морского офицера, в эмиграции историка и публициста, повествуют о его скитаниях в годы Первой мировой и Гражданской войн. Бесценные свидетельства очевидца и участника ключевых событий переломного периода русской истории представлены в форме захватывающей «одиссеи» автора в бурном море революционных потрясений первой четверти XX в.

Книга снабжена научными комментариями и архивными материалами. На русском языке публикуется впервые.

УДК 94(47+57)<1917/1920>(093.3)

ББК 63.3(2)61ю14

© Пер. с англ. А. Дементьев, 2018

© ООО «Книгократия», 2018

Тираж 700 экз. Заказ 10430.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт

ПЕРЕЖИТОЕ

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Перевод: Александр Дементьев

Главный редактор: Максим Сурков

Редактор: Наталья Холмогорова

Научный редактор: Никита Кузнецов

Обложка: Алиса Цыганкова

Верстка: Василий Востриков

Книжный магазин «Циолковский»

Философия, история, социология, богословие, научпоп,
художественная литература, искусство, букинистика

Адрес: г. Москва, м. Новокузнецкая,
Пятницкий пер. д. 8, стр. 1, 4 этаж.

www.primuzee.ru

(495)951-19-02

Было не просто в двух словах объяснить послу моё видение революции и причины, побудившие отправиться за тысячи вёрст на войну в Сибири. Но я постарался донести до него главное: что вероятность успеха не является определяющим фактором при принятии решения о том, как действовать. Иногда важно и необходимо встать и встретиться лицом к лицу с опасностью, если того требуют ваши убеждения. Ну и, в конце концов, мнение об успехе или провале предприятия такого масштаба может оказаться ошибочным.

Издание книжного
магазина “Циолковский”
www.primuzee.ru

Пережитое

Война и революция в России

Дмитрий Николаевич
Федотов-Уайт

XVI